МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2024 **№ 91**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

16+

ISSN 1998-8613
e-ISSN 2311-2387

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Кирюшин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекбай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

EDITORIAL COUNCIL OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul,** PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul);
Krasilnikov Sergey A., Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University;
Luzyanin Sergey G., Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences;
Merlin Aude, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain);
Funk Dmitry A., Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.,** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич,** канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории – ответственный секретарь;
Молодин Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедры российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Саидов Илхомжон Мухиддинович,** д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд)**; Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета;
Шерстова Людмила Ивановна, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета;
Шиловский Михаил Викторович, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

EDITORIAL BOARD OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Zinoviev Vasiliy P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Fedosov Egor A., Executive Editor, PhD (History), lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Rumyantsev Peter P., PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University**;**
Ryndina Olga M., Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University;
Troizkiy Eugeniy F., Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS**; Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan);
Shilovsky Mikhail V., Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

© Томский государственный университет, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Ашихина Д.С. Проблемы системы оценивания состояния окружающей среды при осуществлении экологического планирования в СССР в 1970–1980-х гг. 5
Дунбинская Т.И., Шевляков А.С. Забота о семьях военнослужащих Российской империи в XVIII – начале XX в. (на материалах Томской губернии) 11
Крот М.Н. «Местная власть не соответствует действительным потребностям времени…»: имперская администрация Северо-Западного края России в условиях роста социальной напряженности начала XX в. 24
Мостовенко М.С. Проблема сохранения водных ресурсов ХМАО-Югры в 1960–1970-е гг.: от использования к охране 35
Раков Т.Н. Воспитание идеального коммуниста: дискурс о партийных собраниях в 1960-е гг. 43
Рязанов С.М. Нижние чины уездной полиции в российской провинции (вторая половина XIX – начало XX в.) 52
Филонов И.Д. Рекламная политика газет «Восточное обозрение» и «Сибирский вестник» 66
Харусь О.А. Либеральная профессура и студенчество Томска в начале XX в.: нюансы взаимоотношений в условиях политизации российского общества 73
Шевелев Д.Н., Конев К.А. Сибирь как социокультурное пространство в публицистике Г.Н. Потанина 1917–1919 гг. 80
Шевцов В.В., Крупенкин Е.Н. Протекторат как форма политики Российской империи в Средней Азии 90

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Luo Yanchao, Xu Jun. The new Indo-Pacific order: relations between China, India, and the United States the 21st century 97
Петрунина Ж.В., Шушарина Г.А. Космическая программа Китая и ее реализация в странах Латинской Америки 103
Xiang Yiyuan. Overseas Chinese as assets of public diplomacy in Southeast Asia 110
Терещук А.А. Конвенция Элиота в контексте международной политики 1830-х гг. 120

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Казаров С.С. Додонские прорицатели: особенности терминологии и историографический аспект 128
Коваленко А.Н., Подопригора В.В., Шилова И.А., Юдин А.А. Сибирские епархиальные собрания Русской Православной Церкви: новые материалы к библиографии синодальных кириллических изданий 135
Матханова Н.П., Старухин Н.А. З.Я. Бояршинова в письмах новосибирских историков 143
Пискунов М.О. Коммеморативные пространства сибирских научных городов и историческая память (об) ученых 151
Рыгалова М.В., Брюханова Е.А., Иванова Н.П. Информационный потенциал и репрезентативность обзоров губерний и областей для изучения динамики развития городов Сибири на рубеже XIX–XX вв. 161

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Ashikhina D.S. Problems of the system for assessing of the environmental state when implementing ecological planning in the USSR in the 1970–1980s 5
Dunbinskaya T.I., Shevlyakov A.S. Care of the families of the Russian empire military services in the 18th – early 20th centuries (on the materials of the Tomsk province) 11
Krot M.N. "The local government does not correspond to the actual needs of the time...": the imperial administration of the North-Western Territory of Russia amid growing social tension at the beginning of the 20th century 24
Mostovenko M.S. The problem of preserving water resources of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra in the 1960s–1970s: from use to protection 35
Rakov T.N. The Education of Ideal Communist: Discourse about Party Meetings in 1960's 43
Ryazanov S.M. The Lower Ranks of the District Police in the Russian Province (second half of the 19th – early 20th centuries) 52
Filonov I.D. The advertising policy of the newspapers "Eastern Outlook" and "Siberian Bulletin" 66
Kharus O.A. Liberal professorship and the student body of Tomsk in the early XX century: Nuances of relations in the conditions of politicization of Russian society 73
Shevelev D.N., Konev K.A. Siberia as a socio-cultural space in G.N. Potanin's journalism of 1917–1919 80
Shevtsov V.V., Krupenkin E.N. The protectorate as a form of policy of the Russian Empire in Central Asia 90

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Luo Yanchao, Xu Jun. The new Indo-Pacific order: relations between China, India, and the United States the 21st century 97
Petrunina Zh.V., Shusharina G.A. Development of China's space program and its implementation in the Latin American countries 103
Xiang Yiyuan. Overseas Chinese as assets of public diplomacy in Southeast Asia 110
Tereshchuk A.A. Eliot Convention in the Context of International Relations in the 1830s 120

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Kazarov S.S. Dodona`s priesthood: features of terminology and historiographical aspect 128
Kovalenko A.N., Podoprigora V.V., Shilova I.A., Yudin A.A. Siberian Diocesan Book Collections of the Russian Orthodox Church: New Materials for the Bibliography of Synodal Cyrillic Editions 135
Matkhanova N.P., Starukhin N.A. Z.Ya. Boyarshinova in the letters of Novosibirsk historians 143
Piskunov M.O. Commemorative spaces of Siberian science cities and historical memory of scientists 151
Rygalova M.V., Bryukhanova E.A., Ivanova N.P. Information potential and representativeness of reviews of provinces and regions for studying the dynamics of development of Siberian cities at the turn of the 19th–20th centuries 161

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Шерстова Л.И. Религиозный синкретизм алтайских обрядов почитания лечебных источников (на примере Бугузунского аржана) 171

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Фандо Р.А. Из истории поездок советских ученых для чтения лекций во Францию в 1920-е гг. 178
Хаблова Е.С. Празднование Декады франко-советского научного сотрудничества 1934 г. в контексте установления и развития научных отношений между Францией и СССР в период «розового десятилетия» 185
Шалимов С.В. «Французские ученые были тронуты вниманием…»: из истории советско-французского сотрудничества в области молекулярной биологии и биохимии во второй половине 1970-х гг. 192

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Зиновьева В.И., Берсенев М.В. Лойко О.Т. Факторы эксклюзии в малых группах (на примере Большого университета г. Томска) 200

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Sherstova L.I. Religious syncretism of Altai medicinal springs veneration rites (with the example of Buguzun Arzhan) 171

PROBLEMS OF THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Fando R.A. From the history of Soviet scientists trips to give lectures to France in the 1920s 178
Khablova E.S. The Celebration of the Decade of Franco-Soviet Scientific Cooperation in 1934 in the Context of the Establishment and Development of Scientific Relations between France and the USSR during the “Pink Decade” 185
Shalimov S.V. “French scientists were impressed…”: Soviet-French scientific links in the field of molecular biology and biochemistry in the second half of the 1970s 192

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Zinovieva V.I., Bersenev M.V., Loyko O.T. Factors of Exclusion in Small Groups within the Framework of the Big University of Tomsk 200

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья
УДК 502.56:93
doi: 10.17223/19988613/91/1

Проблемы системы оценивания состояния окружающей среды при осуществлении экологического планирования в СССР в 1970–1980-х гг.

Дарья Сергеевна Ашихина

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия, dashihina@inbox.ru

Аннотация. Рассматривается ситуация, когда в результате внедрения в СССР экологического планирования предприятия испытывали сложности при одновременном выполнении плана и по объему производимой продукции, и по соблюдению норм охраны окружающей среды. Для составления более объективного плана природоохранных мероприятий и определения состояния окружающей среды использовались устаревшие нормы ПДК. В СССР предлагали разработать единую методику оценки стоимости природных ресурсов, которая, однако, так и не была создана.
Ключевые слова: экологическое планирование, природные ресурсы, ПДК, методика оценки стоимости природных ресурсов, СССР, 1970–1980-е гг.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда научно-технологического развития Югры в рамках научного проекта № 2023-572-08.

Для цитирования: Ашихина Д.С. Проблемы системы оценивания состояния окружающей среды при осуществлении экологического планирования в СССР в 1970–1980-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 5–10. doi: 10.17223/19988613/91/1

Original article

Problems of the system for assessing of the environmental state when implementing ecological planning in the USSR in the 1970–1980s

Darya S. Ashikhina

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation, dashihina@inbox.ru

Abstract. The article is about characterizing of problems that the government faced when assessing the state of the environment when implementing environmental planning in the USSR in the 1970-1980s. The research is based on archival documents such as documents from the Russian State Archive of Economics and documents of the State archive of Ugra. The study is based on the monographs of Soviet and foreign researchers, as well as on the scientific articles by scientists, economists, representatives of Soviet ministries, departments and enterprises.

Ecological planning has been carried out in the USSR since 1975. It relied on statistical information received from enterprises. The USSR authorities understood that it was necessary to take care of the environment. But this was impossible because of the norms on maximum permissible concentrations of harmful substances that were in force in the USSR. There were three reasons for this. Firstly, the norms for maximum permissible concentrations of harmful substances allowed only to record the damage caused to nature. Secondly, ministries and agencies did not want to monitor compliance of enterprises with environmental legislation. For this reason, environmental performance plans were often not implemented. Thirdly, a system of fines for non-compliance with environmental legislation by enterprises was in development. As an example of the aggravation of these contradictions, one can cite the discussion that unfolded in 1975 - 1976. The discussion was attended by the Ministry of Non-Ferrous Metallurgy, the State Forestry Agency of the USSR and the State Planning Committee of the USSR. They discussed whether the fine was rightfully imposed on the Norilsk Mining and Metallurgical Combine. To assess the economic effect of environmental planning, scientists worked to create a methodology for assessing natural resources. The creation of this methodology would increase the motivation of enterprises to use natural resources more rationally. In addition, the use of the technique would lead to a reduction in capital and material intensity of production. However, a universal methodology for assessing the value of natural resources in the USSR was never developed.

© Д.С. Ашихина, 2024

Thus, the Soviet environmental planning system had a number of imperfections. However, this demonstrated the state's awareness of environmental problems and its willingness to reduce the negative anthropogenic impact on nature.
Keywords: ecological planning, natural recourses, maximum permissible concentrations, methodology for estimating the value of natural resources, the USSR, 1970–1980-s.

Acknowledgements: The reported study was funded by Foundation for Scientific and Technological Development of Yugra according to the research project № 2023-572-08.

For citation: Ashikhina, D.S. (2024) Problems of the system for assessing of the environmental state when implementing ecological planning in the USSR in the 1970–1980s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 91. pp. 5–10. doi: 10.17223/19988613/91/1

Одна из главных задач, стоявших перед СССР в 1970–1980-х гг., – снижение капиталоемкости производства. В ходе дискуссий между представителями министерств и ведомств, учеными и предприятиями было предложено более полно извлекать природные ресурсы, использовать в производстве вторичное сырье, а также продолжать работу над повышением качества экологического планирования. Особую роль в этом вопросе играла методика оценки природных ресурсов, над созданием которой работали ученые Академии наук СССР совместно с Госпланом СССР и профильными министерствами [1. С. 4]. Сложность создания методики оценки природных ресурсов заключалась в том, что в ней требовалось учесть как количественные, так и качественные характеристики, а также их унифицировать, сделав возможным использование применительно ко всем природным богатствам государства.

Однако отсутствие в СССР единой оценки природных ресурсов не означает, что правительство не использовало для диагностики окружающей среды другие инструменты: известно, что многие народы старались оценить природные ресурсы, чтобы грамотно использовать их в дальнейшем. Например, эскимосы, чукчи и другие северные народы задумывались о ценности кита, причем интересовал их не денежный эквивалент, а социальный: от количества особей зависела выживаемость поселения [2. P. 24]. В качестве подобного социального эквивалента в СССР для оценки состояния окружающей среды использовались ПДК – предельно допустимые концентрации вредных веществ (в воздухе, воде). ПДК вредных веществ доводились до промышленных предприятий Госпланом СССР, а разрабатывать их и следить за исполнением предприятиями природоохранного законодательства полагалось министерствам по профилю их деятельности [3. Л. 95]. Этим же министерствам вменялось в обязанности рассчитывать в денежном эквиваленте наносимый деятельностью предприятий вред природе и обосновывать запросы бюджетных ассигнований.

Однако разработка норм и нормативов, а также их перевод в денежный эквивалент – трудоемкий и сложный процесс, поэтому министерства старались переложить эту ответственность друг на друга. Так, например, министерства здравоохранения и сельского хозяйства вели переписку о том, кто должен заниматься разработкой норм и нормативов [3. Л. 234].

Контроль над соблюдением норм ПДК вредных веществ возлагался на Госкомгидромет СССР, Министерство сельского хозяйства СССР, Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР, которые также не были готовы взять на себя ответственность, что привело к длительной дискуссии, продолжавшейся на протяжении 1970–1980-х гг., о необходимости создания нового органа, в ведение которого планировалось передать контроль над соблюдением законодательства в области охраны природы [4. С. 56]. Против внедрения такого органа высказывались как министерства (Министерство геологии СССР [3. Л. 199], Министерство рыбного хозяйства [3. Л. 224], Министерство сельского хозяйства [3. Л. 225]), так и ведомства (Государственный комитет по запасам полезных ископаемых [3. Л. 184], Государственный комитет по надзору за безопасным ведением работ в промышленности [3, Л. 191], Главное управление гидрометеорологической службы при Совете министров СССР [3. С. 204]), полагавшие, что создание нового органа приведет лишь к росту бюрократизации, нечеткому соподчинению и дублированию функций.

Таким образом, к моменту включения экологического планирования в план финансово-хозяйственной деятельности страны (1975) в СССР осуществлять его планировалось с учетом ПДК на основании разработок министерств и ведомств. Предполагалось, что в будущем необходимость в контроле над вредными выбросами исчезнет совсем в связи с переходом предприятий к более щадящему для природы режиму производства [5. Л. 144]. Но к 1976 г. предельно допустимые концентрации не охватывали все вредные выбросы: например, не было расчетов для определения вредных веществ, выделяемых транспортом. Решение этой проблемы затягивалось по причинам, схожим с причинами, затруднявшими разработку ПДК в целом: министерства и ведомства не могли договориться о том, кто должен их разрабатывать. Так, Госстандарт считал себя недостаточно компетентным органом и предлагал создать некий Всесоюзный центр по стандартизации и метрологии в области охраны окружающей среды на базе Свердловского филиала всесоюзного научно-исследовательского института имени Д.И. Менделеева, который работал бы вместе с профильными министерствами и ведомствами [6. Л. 30–32].

Но сама по себе система ПДК не могла изменить ситуацию в области охраны природы. Требовалось поддерживать на должном уровне состояние природных ресурсов, а это, в свою очередь, порождало дискуссию о том, кто должен финансировать соответствующие мероприятия. По мнению П.Г. Олдака, известного советского экономиста, нести издержки по оплате мероприятий природоохранной направленности в любом случае придется обществу, так как они повлияют на

стоимость произведенного конечного продукта [7. С. 54]. Но специфика плановой экономики заключается в том, что за распределение средств экономических агентов, уровень цен на продукты и сырье (в том числе природные ресурсы) отвечает государство, так как именно оно является собственником средств производства [7. С. 44]. Поэтому П.Г. Олдак предлагал ввести четкую систему нормативов и нормативно-правовых актов, содержащих санкции за их неисполнение [7. С. 56]. Необходимость санкций ученые видели и в том, что нерациональное использование природных ресурсов может привести к их дефициту. Кроме того, природные ресурсы входили в план народного хозяйства, а значит, государство обязано было стремиться использовать их комплексно и рационально.

Поэтому помимо ПДК для контроля над антропогенным воздействием на окружающую среду существовала система санкций, закрепленных в нормативно-правовых актах. Так, предприятия были обязаны выплатить государству стоимость рекультивации земель, на которых вели свою деятельность (Основы земельного законодательства СССР и союзных республик, ст.ст. 18, 19). Эта сумма, однако, составляла всего около 4% от общих капитальных затрат предприятия и не могла оказать реального давления на выбор земельного участка для работы. Согласно расчетам ученых, примерная сумма, которая позволила бы решить проблему трудоемкого и капиталозатратного процесса рекультивации, должна была составлять более 10% [8. С. 120]. Помимо проблемы нерационального использования земельных ресурсов, остро стоял и вопрос о рациональном использовании воды, так как тарифы, по которым предприятия оплачивали ее использование, находились на недостаточно высоком уровне [8. С. 121]. Установление адекватных штрафов позволило бы не только стимулировать экономию водных ресурсов предприятиями, но и помогло бы правительству оценить, какой объем воды реально потребляется предприятиями в своей работе [9. С. 123].

Интересно, что вместе с системой штрафов для предприятий правительство внедряло мотивационные элементы для работников. Так, использование нормативного метода распределения прибыли позволяло предприятиям направлять прибыль, которая образовалась в результате экономии ресурсов, на премии работникам, выплачиваемые пропорционально их вкладу в производственный процесс [10. С. 67]. За нерациональное использование природных ресурсов предприятие выплачивало штрафы из этих же средств [11. С. 81]. Действенность такой системы подтверждало то, что в 1970–1979 гг. фонд материального стимулирования возрос практически на 200% [12. С. 10]. Итогом напряженной работы правительства в 1989 г. стала разветвленная система санкций, которые налагались на предприятия, превысившие нормативы по эксплуатационным потерям сырья, с целью максимально возможного включения природных ресурсов в процесс производства [13. Л. 17].

Третьим инструментом, который помог бы стимулировать предприятия сохранять окружающую среду, помимо штрафов для предприятий и премий для работников, ученые называли интегральную цену. Включение в интегральную цену и прямых, и косвенных, и социальных издержек позволило бы поддерживать состояние природы на достойном уровне [7. С. 73].

Теоретически мотивация предприятий к соблюдению природоохранного законодательства выглядела достаточно продуманной. Однако на практике ситуация отличалась. Показательна дискуссия, развернувшаяся в 1975 г. между Министерством цветной металлургии и Госпланом СССР. В письме, адресованном Госплану СССР главой Министерства цветной металлургии СССР П.Ф. Ломако, сообщалось, что в течение IX пятилетки в районе г. Норильска были установлены газоочистные сооружения, проведена реконструкция вентиляционных систем, а также проектировались иные очистные сооружения. Это повлекло высокую загруженность Норильского горно-металлургического комбината и негативно отразилось на выполнении нормативов мероприятий по охране природы в X пятилетке [13. Л. 3]. Невыполнение плана по сохранению лесов (вырубка и загрязнение) повлекло штрафы общей суммой около 13 млн руб. [13. Л. 4]. Штрафы эти, по мнению Министерства цветной металлургии СССР, неправомерны, так как Норильский горно-металлургический комбинат и так по мере сил старается соблюдать природоохранное законодательство, а значит, нужно разрешить ему использовать средства, положенные к оплате штрафа, для премирования работников [13. Л. 5].

В.М. Гаврилов, занимавший в 1975 г. должность заместителя председателя Госплана СССР, изложенные аргументы признать отказался и не счел возможным освободить Норильский горно-металлургический комбинат от штрафов. Он полагал, что предприятие не выполнило план IX пятилетки в полном объеме, а мероприятия по охране природы, запланированные на X пятилетку, не содержат конкретики, тогда как на них выделено более 400 млн руб. бюджетных ассигнований [13. Л. 7].

Дискуссия продолжалась и в 1976 г. Несогласие министерства с решением Госплана СССР привело к тому, что ему было приказано срочно разработать и внедрить мероприятия, направленные на снижение вредных выбросов Норильского горно-металлургического комбината [13. Л. 7]. Не желая уступать друг другу, оба ведомства доказывали свою правоту: Министерство цветной металлургии СССР настаивало, что площадь загрязненных Норильским горно-металлургическим комбинатом лесов высчитана неверно [13. Л. 10], в ответ на это были приведены результаты экспертизы Гослесхоза СССР, который постановил, что площадь загрязнений лесов увеличилась за VIII пятилетку более чем на 11 га и составила 81 тыс. га [13. Л. 138]. Леса были загрязнены в основном серой, которая активно выбрасывалась предприятием вместе с отработанными газами из-за несовершенных технологий обработки сырья и ростом объемов производства [13. Л. 142]. Министерство цветной металлургии СССР отмечало, что в 1971–1975 гг. Норильский горно-металлургический комбинат провел целый ряд мероприятий, связанных с охраной окружающей среды, а именно разработал проекты очистных сооружений и приступил

к их строительству, а также создал специализированные научно-исследовательские лаборатории, в результате чего выбросы вредных веществ комбината снизились в несколько раз [13. Л. 143]. Но, судя по ответам Гослесхоза СССР, полученным Госпланом СССР на запрос о деятельности комбината, министерство пыталось скрыть некоторые факты из его деятельности: так, Норильский горно-металлургический комбинат лишь спроектировал очистные сооружения, тогда как их строительство продолжается и будет закончено в XI пятилетке, а рост объемов производства произошел не по инициативе самого предприятия, а в связи с увеличением доводимых до него нормативов. В результате Гослесхоз предложил ведомствам пойти на компромисс: или снизить нормы производства, или увеличить средства, выделяемые государством предприятию на проведение мероприятий природоохранного характера [13. Л. 148]. Предложения Гослесхоза были одобрены Академией наук СССР и доведены до Госплана СССР [13. Л. 152].

Эта дискуссия, продолжавшаяся в течение нескольких лет, показывает, что нерешенные споры во властных структурах оказывают негативное воздействие не только на деятельность предприятий, но и на окружающую среду. Предприятие (в данном случае Норильский горно-металлургический комбинат) оказывалось зажатым между нормами производства, доводимыми профильным министерством (Министерством цветной металлургии СССР в нашем примере) и нормами экологических показателей.

Все это дает основания полагать, что, несмотря на несовершенства системы экологического планирования в первые годы его существования, государство признавало, что заниматься охраной природы необходимо, и вступало ради этого в противоречия, обнажая диссонанс экономики и экологии, проявлявшийся в необходимости увязки интересов государственных структур.

Так как планирование осуществлялось на основании статистической отчетности, то советский экономист академик С.Г. Струмилин предложил основные направления, которые помогли бы рационализировать экологическое планирование: например, включать в статистические отчеты информацию о качественных и количественных характеристиках окружающей среды, масштабах антропогенного воздействия и вызываемом им изменении природы, взаимовлиянии природы и человека, а также мерах, принимаемых по охране природы и пр. [15. С. 104].

Помимо использования статистического учета, С.Г. Струмилин предлагал определять экономическую оценку природных ресурсов, делая акцент на экономическом районировании как одном из звеньев их рационального использования [16. С. 95]. По его словам, важность природных ресурсов заключается в следующем: «При более полном учете и экономическом использовании наших земельных угодий совсем по-иному выглядели бы и рентабельность многих проектируемых застроек, и проблема их размещения поближе к дешевым землям, а в частности и масштабы допустимых затоплений и заболачивания ценнейших земель безбрежными морями при каждой гидроэлектростанции. Там, где ценят землю, ее, наоборот, с боями отвоевывают у моря, ограждая дамбами и земляными валами. Думается, что и у нас при должном хозрасчете оказалось бы выгоднее ограничивать берега от ожидаемых затоплений дамбами и валами, хотя бы в той мере, в какой нужные для этого затраты с лихвой окупятся экономией возмещений за стоимость затопленных без нужды лугов и пашен» [17. С. 450–451].

Математические модели подтвердили эффективность экологического планирования уже к 1982 г., но оценить непосредственный экономический эффект от проводимых природоохранных мероприятий пока не удавалось. Для этого требовалось разработать систему оценки стоимости природных ресурсов, чтобы более полно включать их в план народного хозяйства и увязывать с другими показателями этого плана [18. С. 31]. Подобная информация требовалась для того, чтобы рассматривать вопросы охраны природы комплексно, включая уже на этапе проектов природоохранные мероприятия в стоимость будущих предприятий [15. С. 103]. Экономическая оценка природных ресурсов в понимании советских ученых представляла собой либо обоснование значимости природных ресурсов в денежном эквиваленте [19. С. 78], либо прибыль, получаемую от преобразования ресурсов в процессе производства [20. С. 5].

Но можно ли действительно оценить природные ресурсы? Несмотря на слова В.И. Вернадского, понимавшего под природными ресурсами «естественные производительные силы», которые можно использовать для повышения благосостояния страны [21], практически до VIII пятилетки многие советские экономисты считали природные ресурсы в СССР даровыми благами [22. С. 195; 23. С. 49]. Дело в том, что к концу 1950-х гг. под охраной природы подразумевалось невмешательство, сохранение природных ресурсов в первоначальном виде, что исключало их использование в рамках производственных процессов [1. С. 5]. Мнение это, однако, тоже достаточно спорно: производство невозможно без ресурсов, а территории, на которых производство отсутствует (например, относящиеся к заповедникам), можно оценить с помощью концепции альтернативных издержек, позволяющих понять, как именно могли бы использоваться земля и другие природные ресурсы и какую прибыль они могли бы принести, вовлекшись в экономический цикл [1. С. 2].

Наработки по экономической оценке некоторых природных ресурсов уже имелись: так, оценка земли для сельскохозяйственных угодий использовалась веками, и этот опыт советские ученые начиная с VII пятилетки транслировали на все земельные ресурсы, например лесные. Однако единого подхода к оценке стоимости земельных ресурсов не существовало, в связи с чем оценки различных ученых могли очень отличаться. Например, Н.П. Федоренко в 1973 г. оценивал сельскохозяйственные ресурсы СССР в 270 млрд руб., а лесные – в 50 млрд руб. [24. С. 11]. Позднее, в 1975 г., его оценка несколько изменилась: сельскохозяйственные ресурсы были оценены в 2 раза дороже, а лесные – в 17 раз дороже [25. С. 74]. М.Л. Бронштейн считал, что даже такая стоимость крайне мала: его оценка сель-

скохозяйственных земель составляла около 1 трлн руб. [26. С. 162]. М.Н. Лойтерн, напротив, считал оценку земель сельскохозяйственного назначения слишком завышенной и оценивал их всего в 320 млрд руб. [27. С. 345]. Следовательно, совершенствование экологического планирования требовало как можно скорее разработать методику экономической оценки стоимости природных ресурсов, которая была бы единой не только для одинаковых, но для всех природных ресурсов [28. С. 46].

Таким образом, к началу процесса экологического планирования в СССР использовали систему, которая позволяла только сдерживать вредные выбросы на уровне, относительно безопасном для существования человека, но не предотвратить негативное антропогенное воздействие. В качестве альтернативы, учитывающей к тому же экономические интересы государства, предлагалось создать методику оценки стоимости природных ресурсов, которая, однако, так и не была создана.

Список источников

1. Федоренко Н.П., Лемешев М.Я., Реймерс Н.Ф. Социально-экономическая эффективность охраны природы // Природа. 1980. № 10. С. 2–13.
2. Demuth B. Floating coast: an environmental history of the Arctic. New York : W.W. Norton & Company 2019. 404 p.
3. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 67. Д. 178.
4. Охрана окружающей среды – важная народнохозяйственная задача // Плановое хозяйство. 1979. № 12. С. 55–59.
5. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 67. Д. 176.
6. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 67. Д. 182.
7. Олдак П.Г. Сохранение окружающей среды и развитие экономических исследований. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1980. 160 с.
8. Сидорова В. Рационально использовать природные ресурсы // Плановое хозяйство. 1983. № 1. С. 119–122.
9. Быстрицкая Н., Михура В. О плате за воду промышленными предприятиями // Плановое хозяйство. 1983. № 1. С. 123–125.
10. Лазарева С. Роль премий в экономии ресурсов // Плановое хозяйство. 1981. № 8. С. 66–73.
11. Витт М. Об экономических стимулах рационального использования природных ресурсов // Плановое хозяйство. 1970. № 7. С. 79–83.
12. Магистралям экономического и социального прогресса // Политическое самообразование. 1981. № 1. С. 7–14.
13. Государственный архив Югры (ГАЮ). Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 507а.
14. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 67. Д. 172.
15. Струмилин С.Г., Писаренко Э.Е. Экономика и статистика «даровых» благ природы // Природа. 1977. № 1. С. 99–106.
16. Румянцев А.М. Экономика природы // Природа. 1977. № 1. С. 94–99.
17. Струмилин С.Г. Избранные произведения. М. : Наука, 1968. Т. 8: Воспоминания и публицистика. 479 с.
18. Полетаев П. Реализация мероприятий по охране природы // Плановое хозяйство. 1984. № 8. С. 25–32.
19. Соколовская Г. Методологические основы экономической оценки природных ресурсов // Плановое хозяйство. 1976. № 9. С. 77–83.
20. Крутько В.Н., Синельников С.Г., Хомяков П.М. Экономическая оценка природных ресурсов на основе модели динамики экосистем. М. : ВНИИСИ, 1985. 47 с.
21. Хачатуров Т.С. Об экономической оценке природных ресурсов // Вопросы экономики. 1967. № 12. С. 46–49.
22. Качукоева Л.З., Халишхова Л.Б., Блиева Л.В. Генезис методологии экономической оценки природно-ресурсного потенциала региона // Terraeconomicus. 2010. Т. 8, № 3, ч. 2. С. 195–204.
23. Суркова С.А. Экономическая оценка природного потенциала как условие достижения устойчивого природопользования территорий муниципального уровня // Вестник УГТУ. Экономика природопользования. 2007. № 4. С. 49–58.
24. Федоренко Н.П. Экономические проблемы оптимизации природопользования / под ред. Н.П. Федоренко. М. : Наука, 1973. С. 156 с.
25. Федоренко Н.П. О научно-экспериментальной экономической оценке природных ресурсов // Вестник Академии наук СССР. 1975. № 6. С. 66–74.
26. Бронштейн М.Л. Земля и хозрасчетные отношения. М. : Колос, 1978. 168 с.
27. Ноткин А.И., Отсасон Р.А., Матеев Е. и др. Экономическая эффективность общественного производства в период развитого социализма. М. : Наука, 1977. 359 с.
28. Полетаев П. Перспективы развития охраны природы // Плановое хозяйство. 1982. № 1. С. 38–46.

References

1. Fedorenko, N.P., Lemeshev, M.Ya. & Reymers, N.F. (1980) Sotsial'no-ekonomicheskaya effektivnost' okhrany prirody [Socio-economic efficiency of nature conservation]. *Priroda*. 10. pp. 2–13.
2. Demuth, B. (2019) *Floating Coast: An Environmental History of the Arctic*. New York: W.W. Norton & Company.
3. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372. List 67. File 178.
4. Anon. (1979) Okhrana okruzhayushchey sredy – vazhnaya narodnokhozyaystvennaya zadacha [Environmental protection is an important national economic task]. *Planovoe khozyaystvo*. 12. pp. 55–59.
5. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372. List 67. File 176.
6. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372. List 67. File 182.
7. Oldak, P.G. (1980) *Sokhranenie okruzhayushchey sredy i razvitie ekonomicheskikh issledovaniy* [Environmental Protection and Development of Economic Research]. Novosibirsk: Nauka.
8. Sidorova, V. (1983) Ratsional'no ispol'zovat' prirodnye resursy [Rational Use of Natural Resources]. *Planovoe khozyaystvo*. 1. pp. 119–122.
9. Bystritskaya, N. & Mikhura, V. (1983) O plate za vodu promyshlennymi predpriyatiyami [On Industrial Enterprises' Payment for Water]. *Planovoe khozyaystvo*. 1. pp. 123–125.
10. Lazareva, S. (1981) Rol' premiy v ekonomii resursov [The Role of Bonuses in Saving Resources]. *Planovoe khozyaystvo.* 8. pp. 66–73.
11. Witt, M. (1970) Ob ekonomicheskikh stimulakh ratsional'nogo ispol'zovaniya prirodnykh resursov [On Economic Incentives for Rational Use of Natural Resources]. *Planovoe khozyaystvo*. 7. pp. 79–83.
12. Anon. (1981) Magistralyam ekonomicheskogo i sotsial'nogo progressa [Highways of Economic and Social Progress]. *Politicheskoe samoobrazovanie*. 1. pp. 7–14.
13. The State Archives of Yugra (GAYu). Fund R-184. List 1. File 507a.
14. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372. List 67. File 172.
15. Strumilin, S.G. & Pisarenko, E.E. (1977) Ekonomika i statistika "darovykh" blag prirody [Economics and Statistics of "Free" Benefits of Nature]. *Priroda*. 1. pp. 99–106.
16. Rumyantsev, A.M. (1977) Ekonomika prirody [Economics of Nature]. *Priroda.* 1. pp. 94–99.
17. Strumilin, S.G. (1968) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Vol. 8. Moscow: Nauka.

18. Poletaev, P. (1984) Realizatsiya meropriyatiy po okhrane prirody [Implementation of environmental protection measures]. *Planovoe khozyaystvo*. 8. pp. 25–32.
19. Sokolovskaya, G. (1976) Metodologicheskie osnovy ekonomicheskoy otsenki prirodnykh resursov [Methodological foundations of economic assessment of natural resources]. *Planovoe khozyaystvo*. 9. pp. 77–83.
20. Krutko, V.N., Sinelnikov, S.G. & Khomyakov, P.M. (1985) *Ekonomicheskaya otsenka prirodnykh resursov na osnove modeli dinamiki ekosistem* [Economic assessment of natural resources based on the ecosystem dynamics model]. Moscow: VNIISI.
21. Khachaturov, T.S. (1967) Ob ekonomicheskoy otsenke prirodnykh resursov [On the economic assessment of natural resources]. *Voprosy ekonomiki*. 12. pp. 46–49.
22. Kachukoeva, L.Z., Khalishkhova, L.B. & Blieva, L.V. (2010) Genezis metodologii ekonomicheskoy otsenki prirodno-resursnogo potentsiala regiona [Genesis of the methodology of economic assessment of the regional natural resource potential]. *Terraeconomicus*. 8(3-2). pp. 195–204.
23. Surkova, S.A. (2007) Ekonomicheskaya otsenka prirodnogo potentsiala kak uslovie dostizheniya ustoychivogo prirodopol'zovaniya territoriy munitsipal'nogo urovnya [Economic assessment of natural potential as a condition for achieving sustainable nature management of municipal territories]. *Vestnik UGTU. Ekonomika prirodopol'zovaniya*. 4. pp. 49–58.
24. Fedorenko, N.P. (1973) *Ekonomicheskie problemy optimizatsii prirodopol'zovaniya* [Economic problems of optimization of nature management]. Moscow: Nauka.
25. Fedorenko, N.P. (1975) O nauchno-eksperimental'noy ekonomicheskoy otsenke prirodnykh resursov [On scientific and experimental economic assessment of natural resources]. *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 6. pp. 66–74.
26. Bronstein, M.L. (1978) *Zemlya i khozraschetnye otnosheniya* [Land and Business Accounting Relations]. Moscow: Kolos.
27. Notkin, A.I., Otsason, R.A., Mateev, E. et al. (1977) *Ekonomicheskaya effektivnost' obshchestvennogo proizvodstva v period razvitogo sotsializma* [Economic Efficiency of Social Production During Developed Socialism]. Moscow: Nauka.
28. Poletaev, P. (1982) Perspektivy razvitiya okhrany prirody [Prospects for the Development of Nature Conservation]. *Planovoe khozyaystvo*. 1. pp. 38–46.

***Сведения об авторе*:**
Ашихина Дарья Сергеевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарного образования, научный сотрудник Сургутского государственного педагогического университета (Сургут, Россия). E-mail: dashihina@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Ashikhina Darya S. – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Social and Humanitarian Education, Researcher at the Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation). E-mail: dashihina@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.06.2024; принята к публикации 12.09.2024

The article was submitted 28.06.2024; accepted for publication 12.09.2024

Научная статья
УДК 908
doi: 10.17223/19988613/91/2

Забота о семьях военнослужащих Российской империи в XVIII – начале XX в. (на материалах Томской губернии)

Татьяна Ивановна Дунбинская[1], Александр Семенович Шевляков[2]

[1] Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
[2] Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] tdunbinskaya@mail.ru
[2] shevlyakov54@rambler.ru

Аннотация. Со времен появления в России профессиональной армии забота о семьях военнослужащих стала постоянной заботой государства. В работе исследуются зарождение и становление системы пенсионного обеспечения семей военнослужащих. Анализируются основные законодательные и нормативные акты, обеспечивавшие государственную помощь семьям военнослужащих, и процесс их реализации в Томской губернии. Выявлены первые томские общественные инициативы, направленные на помощь детям военных, оставшихся сиротам.
Ключевые слова: семьи военнослужащих, призрение, пенсии, пособия

Для цитирования: Дунбинская Т.И., Шевляков А.С. Забота о семьях военнослужащих Российской империи в XVIII – начале XX в. (на материалах Томской губернии) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 11–23. doi: 10.17223/19988613/91/2

Original article

Care of the families of the Russian empire military services in the 18th – early 20th centuries (on the materials of the Tomsk province)

Tatyana I. Dunbinskaya[1], Alexander S. Shevlyakov[2]

[1] Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation
[2] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] tdunbinskaya@mail.ru
[2] shevlyakov54@rambler.ru

Abstract. The army in the life of the Russian state at all times of its existence was of the paramount importance. The presence of modern armed forces made it possible to preserve the independence of the country, ensure the stability of the existence of all spheres of society, and hope for a well-organized prosperous future.

The combat capability of the army depends not only on its equipment with various types of weapons, its tactical training, experience and wisdom of its commanders, but, in many respects, on the spiritual mood, the desire to defend their Motherland. Love for the Motherland begins with an individual perception of the world: love for the family, father's home, understanding that the family is a part of a diverse and multidimensional world called the Fatherland. Only the extreme situation of an enemy attack on this well-organized, beloved world, the threat of its loss, makes you forget about the mortal risk and rush to its defense. That is why it is so important for any military man to know that his family will be saved, taken care of, in case of loss of a breadwinner, children will receive support from the state, they will be given the opportunity to get an education and find their place in this difficult and rather cruel life.

The charity system for the families of military men has evolved gradually since the 18th century, since the time of Peter the Great, when a professional army appeared in Russia, and this system has been constantly improved. The amount of assistance to the families of military men from the state depended on many factors: from the gradual awareness of the need for such assistance by society to the financial and material capabilities of the state. The assistance was provided in accordance with the social origin and military rank division.

With the introduction in the country, in 1874, of universal conscription, a completely new system of army recruitment, it was necessary to revise the entire system of supporting families of military personnel. It was necessary to increase sharply the scale of such assistance, for which it was necessary to involve the public, create charitable foundations, use

© Т.И. Дунбинская, А.С. Шевляков, 2024

local financial resources, and help of fellow villagers. This was new to the country. In fact, the permanent composition of the army is an officer; private soldiers are, in effect, all the male population of the country undergoing military training during military service. The article reveals the main stages of the creation and development of a system of state assistance to the families of soldiers and officers in the country, from the first steps in this direction, taken during the time of Peter the Great, to the systemic legislation of Russia on the care of families of military personnel drawn up by the beginning of the First World War. Based on the materials of the Tomsk province, a specific mechanism for providing assistance to the families of the dead military personnel by the state is investigated, specific figures and facts are given that characterize the amount of this assistance in kind or in cash. Considerable attention is paid to the analysis of the activities of state structures designed to provide charity to military families: the Ministry of Internal Affairs, the Guardianship of Empress Maria Feodorovna, the Alekseevsky Committee, etc. The example of the Tomsk province reveals public initiatives to help the children of soldiers and officers who died on the battlefields.
Keywords: military families, charity, pensions, benefits

For citation: Dunbinskaya, T.I., Shevlyakov, A.S. (2024) Care of the families of the Russian empire military services in the 18th – early 20th centuries (on the materials of the Tomsk province). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 91. pp. 11–23. doi: 10.17223/19988613/91/2

Российское государство, находясь на стыке двух континентов и на границе двух цивилизаций, издревле ощущало на себе давление Запада и Востока. Вместе с тем Россия смогла создать самобытную, оригинальную культуру, выработала самостоятельный путь развития, что было обеспечено благодаря сохранению независимости, а это без хорошо подготовленной и технически оснащенной современным оружием армии было бы невозможно.

Армейская проблематика в российской исторической научно-исследовательской школе представлена широко и занимает особое место. Предметом изучения является не только разбор военных операций многочисленных войн, которые вела Россия в разные периоды своего существования, но и проблема становления и реформирования армии, забота о статусе военнослужащих и членов их семейств, социально-бытовое обеспечение находившихся на действительной службе и отслуживших. Научными исследованиями в этой области занимаются ученые-правоведы, военные и гражданские историки.

Конечно, тема государственной помощи семьям военнослужащих не могла остаться без внимания исследователей. В работах С.А. Торопкина [1] и П.П. Щербинина [2] прослеживается процесс развития военного сословия в Российской империи, раскрываются его особый социально-правовой статус, положение военного сословия в мирное и военное время, льготы, а также законодательная база, разработанная в XIX – начале XX в. и решавшая проблему оказания помощи семьям погибших на войне солдат и офицеров.

Вопрос материального обеспечения военнослужащих и членов их семей в дореволюционной России через создание экономических обществ анализирует Р.Г. Смелик [3]. Предметом исследования В.В. Феонычева [4] стала система социального призрения детей в России в XIX – начале XX в. Заметный вклад в изучение системы охраны материнства и младенчества внесла Г.Л. Микиртичан [5], раскрывшая деятельность Всероссийского попечительства по охране материнства и младенчества накануне и в годы Первой мировой войны.

Безусловно, многие исследования представляют несомненный научный интерес. Однако они чаще всего носят общероссийский характер, выводы нередко недостаточно подкреплены конкретным фактическим материалом с учетом региональной специфики. В этом плане исследование процесса оказания помощи семьям военнослужащих на материалах обширной Томской губернии представляется вполне оправданным с целью уточнения общероссийских тенденций и выявления особенностей этого процесса в регионе. Разумеется, актуальность проблемы объясняется и необходимостью на основе глубокого изучения исторического опыта постоянного совершенствования современного российского законодательства в деле обеспечения семей военнослужащих.

Корпус исторических источников, подвергнутый анализу в исследовании, включает как опубликованные нормативные акты Российской империи по вопросам призрения членов семей военнослужащих, так и неопубликованные, хранящиеся в Государственном архиве Томской области. Особый интерес представляют различные циркуляры Министерства внутренних дел, направленные непосредственно Томскому губернатору, с разъяснениями по организации конкретной помощи детям военнослужащих, списки семей, нуждавшихся в помощи, с указанием конкретных денежных сумм и др. Многие архивные документы, использованные в исследовании, впервые вводятся в научный оборот.

Научный принцип историзма предполагает исследование любого исторического явления с точки зрения того, как это явление возникло, какие этапы в своем развитии прошло во взаимосвязи с другими явлениями, что из него получилось и каковы перспективы его дальнейшего развития. В этой связи краткий экскурс в историю проблемы на основе анализа российского законодательства в деле обеспечения семей военнослужащих представляется вполне уместным и оправданным.

Русские вооруженные силы прошли в своем развитии длительный и славный путь от народного ополчения и княжеских дружин до современных Вооруженных Сил Российской Федерации. Известно, что профессиональная постоянная армия появилась в России при Петре I в период Северной войны. В основу комплектования армии был положен рекрутский набор: на службу призывалась молодежь мужского пола из податных слоев населения с 20 до 35 лет, ежегодно по жребию призывалось определенное количество мужчин

(в зависимости от нужд государства в военное и мирное время). С 1705 по 1874 г. было проведено 72 рекрутских набора [2].

Государство полностью обеспечивало армию всем необходимым, служба рекрутов продолжалась пожизненно, пока не искалечат или не убьют. Дворянское сословие обязано было служить государству также пожизненно и, как известно, начинало службу с рядового состава. Впоследствии, во времена Анны Иоанновны (1730–1740), срок службы для дворян был сокращен до 25 лет, и они стали начинать службу не с рядового, а с офицерского чина, для чего и были учреждены кадетские корпуса (1736).

С появлением постоянной армии государство должно было позаботиться и о семьях военнослужащих, сложивших головы на поле брани. Петр I 13 января 1720 г. утвердил Морской устав, который определял всю жизнь флота, должностные обязанности каждого морского чина, поведение моряков во всевозможных ситуациях. В этом документе государством впервые было законодательно определено содержание вдовы и детей убитого или умершего на службе военного. Вдовы получали ежегодную пенсию – восьмую часть годового жалованья погибшего, если им было более 40 лет или они были «увечные»; вдовы моложе 40 лет получали единовременно годовое жалованье мужа в качестве компенсации за потерю кормильца. Сыновья погибшего военного до 10 лет получали двенадцатую долю годового жалованья отца, а дочери – до 15 лет, если они не имели собственных доходов или их доходы были ниже тех, которые довелось бы получить из казны отцу [1].

С 1720 г. пенсионное обеспечение стало распространяться и на вдов и детей сухопутных офицеров. Что касалось вдов нижних чинов и рекрутов, не оставивших после себя средств к существованию своих семейств, то забота о них была только опосредованной. Они довольно долго пенсий не получали, но государство (в лице Святейшего Синода) выражало свою заботу о них тем, что определяло их либо в монастыри, либо в богадельни для пропитания, если сами о себе они позаботиться не могли в силу преклонного возраста или инвалидности [6].

Некоторые изменения в систему пенсионного обеспечения бывших военнослужащих и их семей были внесены при императрице Елизавете Петровне (1741–1761). Так, в 1758 г. был разработан устав сухопутных войск, получивший название «Высочайше утвержденные для Комиссариатского Правления Регулы», в основу которого был положен Морской устав, разработанный Петром I; в нем право на получение пенсий вдовами и сиротами убитых нижних чинов было то же. Однако в отношении офицерского состава в устав были включены некоторые уточнения. Теперь пенсионное обеспечение было соотнесено с ранговым и имущественным положением семьи: пенсии назначались наименее обеспеченным семьям. Так, право на получение пенсии имели вдовы и сироты генералов, если их семьи имели до 100 душ крепостных крестьян, семьи штаб-офицеров, если у них было до 50 крепостных, семьи офицеров – до 25. Не имели права на пенсию вдовы иностранцев, прослуживших в России менее 5 лет, и сироты офицеров-иностранцев [7].

Екатерина II продолжила совершенствование военного законодательства. В 1762 г. она подтвердила Манифест о вольности дворянской, разработанный, как известно, Петром III, в соответствии с которым теперь дворяне сами определяли свое будущее и решали вопрос о службе.

Произошли изменения и в службе нижних чинов. В 1793 г. срок службы сократился до 25 лет, а в 1834 г. – до 20 лет. Рекруту из нижних чинов не запрещалось иметь семью, но в реальности мало кто успевал за время службы обзавестись ею, – слишком опасным и мобильным было армейское существование. Набранные в рекруты крепостные крестьяне становились лично свободными людьми, переходили в категорию солдатского сословия и подчинялись военному ведомству. Кроме рекрутов к военному ведомству относилось и казачье население.

Теперь отставных военных могли устраивать на работу в государственные учреждения. Их также размещали в поселениях на постоянное жительство и давали землю, выдавались деньги на обзаведение хозяйством. Они освобождались от государственных податей и выполнения повинностей, таких как военный постой, им разрешалось подавать прошения без гербового сбора (т.е. без налоговой пошлины в пользу государства) [7].

Во времена Екатерины II был принят целый ряд указов, предусматривавших оказание помощи семьям и вдовам нижних чинов, а затем были разработаны меры, регулирующие пенсионное обеспечение отставных военных высшего офицерского состава. Так, Указ от 14 марта 1763 г. определял солдатских, драгунских и матросских жен в богадельни, вдовам выделялось на содержание от государства по 5 руб., на сыновей и дочерей – по 3 руб. каждому до совершеннолетия. По Указу от 8 апреля 1763 г. отставной генералитет получал содержание от государства по 50 тыс. руб. в год [7]. Как видим, разница в поддержке военных была огромной, четко выдерживался ранговый принцип вознаграждения за многолетнюю службу.

В августе 1765 г. впервые были разработаны законодательные акты, предусматривавшие пенсионное обеспечение всех военных, гражданских и морских чинов, которые оставляли службу по выслуге лет. Размер пенсии зависел от получаемого жалованья, указывались лица из ближнего круга родственников, имевшие право на пенсионное содержание [8].

Павел I внес свою лепту в пенсионное обеспечение гражданских и военных чинов, увеличив расходы государства на это до 560 тыс. руб. против 330 тыс., расходовавшихся при его матери [9]. Если вышедший в отставку чиновник возвращался на службу, военную или гражданскую, он мог получать помимо пенсии и жалованье, если пенсия была меньше жалованья, или, наоборот, если жалованье было меньше пенсии, то из пенсии к жалованью добавлялась недостающая часть. Бывали и исключения: по высочайшей милости некоторые чиновники могли получать и жалованье, и пенсию, или при получении выборной должности от дворянства сохранялись и пенсия, и жалованье [10].

В правление Александра I (1801–1825) в разных ведомствах и учреждениях разрабатывались и принимались многочисленные законодательные акты о пенсионном обеспечении, правилах назначения и обеспечения семейств финансовой поддержкой (например, в Горном ведомстве, Академии наук, университетах и пр.).

В это время корректировались и те указы, которые были приняты ранее. Например, по распоряжению Государственного казначея от 11 декабря 1809 г., разосланного по губерниям империи и в Томское губернское правление в том числе, на основе доклада Военного министра относительно пенсионов вдовам генералитета, штаб- и обер-офицеров, убитых в сражениях или от полученных ран умерших, предлагалось: «…вдов, получающих пенсионы, кои будучи бездетны, выйдут опять в замужество, лишать с тем вместе, права на дальнейшее производство оных; но ежели у кого из них остались дети после убитого в сражении, или от ран умершего, то обращать пенсионы по содержанию Высочайшего Указа 15 июля 1807 г. на детей мужеска до 16 летняго возраста, ежели прежде того времени в службе не будут; а женска до выхода в замужество, или до вступления для воспитания, в которое либо Государственное заведение, о чем предлагаю Томской Казначейской Экспедиции для надлежащего сведения и в потребном случае исполнения» [11].

Существовала практика выдачи на замужество единовременных пособий, которые назывались «награждениями», о чем было издано разъяснение Государственного Совета от 13 апреля 1810 г., позже подкрепленное специальным указом Правительствующего Сената о правилах выдачи сиротского жалованья детям штаб- и обер-офицеров от 28 августа 1814 г.

Устанавливалось: «Штаб и обер-офицерским детям женского пола давать до 20 лет вторую на десять долей годового жалованья умершего в военной службе, или убитого их отца, а потом производя годовое окладное жалованье, выдавать замуж; когда же прежде 20 лет замуж идти похотят, то равным образом вышеописанное полное отца их окладное жалованье одинаково выдавать» [12].

Директор Инспекторского департамента подчеркивал, что изложенное в этом постановлении «монаршее призрение простирается на тот единственно случай», чтоб неимущие сироты штаб- и обер-офицеров «не терпели нужды в пропитании себя по бедности, не были подвергаемы самой крайности» [12].

Постановили, что поскольку в замужество можно вступить так быстро, что можно не успеть послать просьбу о единовременном награждении, то устанавливался годичный срок для подачи заявлений о пособии, по истечении которого «лишаются прав к получению оного награждения». Данное решение подписали: Управляющий Военным министерством князь Горчаков, директор князь Гагарин [12].

Выдача пособий требовала установления строгого учета и контроля над составом семьи военнослужащего. Указ Правительствующего Сената (1819) потребовал от губернских правлений составить и предоставить списки солдатских детей женского пола в Инспекторский департамент [13].

В указе отмечалось, что следует отразить сведения о солдатских детях женского пола служащих отцов по разным ведомствам. Кроме того, необходимо было представить именные списки детей женского пола отцов, служащих сторожами, счетчиками, присяжными и в других званиях, коих дети мужского пола поступают в военно-сиротские отделения. В рассматриваемом указе начальник Главного штаба предписывал, чтобы по прилагаемой форме списки были представлены с разделением детей до 6 лет от рождения и от 6 лет до 10 лет с указанием мест их нахождения, семейного положения. В новые списки не должны были входить сироты, лишившиеся отцов или матерей, так как они уже находились на особом учете. С этого времени такой учет становится правилом, обязательным для исполнения на всем пространстве Российской империи.

В Томской губернии дети военных также находились на особом учете. В Государственном архиве Томской области сохранились «Списки детей мужского пола нижних воинских чинов по Томской губернии и г. Томску за 1815 г.» [14]. Из документов видно, что в Томской губернии насчитывалось 385 учтенных сыновей военнослужащих. В Томске на учете состояли 14 детей, в Томском округе – 38 и т.д.

Статус военных в начале XIX в. был уже достаточно определен, забота государства о семьях военнослужащих проявлялась совершенно очевидно. Представители других низших слоев населения нередко изъявляли желание попасть в это сословие. Так, в соответствии с указом императора от 12 февраля 1817 г. Томскому губернскому правлению было разрешено принимать в военно-сиротские отделения детей, не принадлежащих военному ведомству [15]. Устанавливалось, что «детей, коих родственники по бедности не могут воспитать, дозволить принимать в военно-сиротские отделения, на том основании, что свободные люди вольны распоряжаться своими детьми и жизнью. О чем дать знать повсеместно для должного исполнения» [16].

Стать военным означало быть государевым человеком, занять свое место в иерархии государственной службы, т.е. приобрести уважение, признание заслуг и, если повезет дожить до старости, обеспеченную старость, а если убьют, то государство позаботится, не даст умереть от голода домочадцам.

После Отечественной войны 1812 г. в Российском государстве было много проблем: инфляция, необходимость восстановления сожженной Москвы, появление большого количества инвалидов – ветеранов войны. Были введены новые виды налогов, в числе которых закон о 10%-ном вычете с доходов в пользу инвалидов войны, от которого освобождались вдовы и сироты военнослужащих с небольшими доходами (не более 500 руб.) [17]. С тех же, кто получал более этой суммы, вычет оставляли в силе, по существовавшему высочайшему постановлению от 23 марта 1816 г. «пожаловании денег в единовременную награду удерживать со всей суммы в пользу увечных по 10 коп с рубля» [17].

Поскольку единовременные денежные выдачи вдовам и сиротам умерших чиновников, по мнению Управляющего Военным министерством, нельзя считать награждениями, а должно принимать их как посо-

бие, «облегчающее жребий» оставшихся в трудном положении вдов и сирот, то он и полагал с таковых выдач не производить вычета в пользу инвалидов.

В декабре 1827 г. после долгих дискуссий был принят Устав о пенсиях и единовременных пособиях, который систематизировал ранее принятые законодательные акты, касающиеся пенсионного обеспечения государственных чиновников и военнослужащих. В 1833 г. в дополнение к нему было разработано «Положение о пенсиях и единовременных пособиях медицинским, ветеринарным и фармацевтическим чиновникам и нижним чинам, их вдовам и детям», а в 1836 г. – «Положение о производстве в чины и об определении пенсий и единовременных пособий по учебной части Министерства народного просвещения». Отчетливо прослеживается дифференцированный подход государства при разработке пенсионного вознаграждения для работников разных ведомств.

В середине XIX в. в России обсуждался вопрос о том, можно ли отнести полицейских и пожарных к нижним воинским чинам и из каких источников следует производить пособие, следующее по закону, детям нижних чинов полицейских и пожарных команд в городах. Хозяйственный департамент МВД 18 декабря 1863 г. пришел к выводу, что отнести данную категорию лиц к военному сословию нельзя. Они находились на содержании местных органов власти, а, значит и пенсии по потере кормильца должны выплачиваться из городских доходов, «благо, таковое пособие для детей означенных чинов, состоящих на счете города, не может быть значительно», – подчеркнули в Министерстве [18].

Как известно, составной частью великих реформ Александра II была военная (1874), которая изменила принцип комплектации армии, заменила рекрутскую повинность всеобщей воинской. Теперь все граждане мужского пола независимо от социального происхождения обязаны были пройти действительную службу в армии. Срок службы зависел от уровня образования. Освобождались от службы по состоянию здоровья, единственные кормильцы в семье и др. Призыв в армию молодых мужчин, большая часть из которых имела семью: детей, престарелых родителей, других родственников, находившихся у них на иждивении, – породило новую проблему для государства: необходимо было позаботиться об этих семьях.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. была первой, проходившей в условиях осуществления в стране глобальных воинских преобразований, в ходе которых выяснилось, что отнюдь не все составляющие жизни российского общества были отрегулированы. Потребовалось разработать новые правила, определяющие взаимоотношения государства и общества в отношении семей военнослужащих. Правительствующий Сенат 14 июля 1877 г. утвердил Временные правила о призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу [19]. Этими правилами, изданными в развитие ст.ст. 35 и 41 Устава о воинской повинности, земства обязывались доставлять женам и детям призванных на службу продовольствие, а города и селения – обеспечивать бесплатное помещение. Призрение отца, матери, деда, бабки, братьев и сестер (круглых сирот) призванного, если они содержались его трудом, оставлялось на содержании обществ, к которым они принадлежали.

Организовывать население на оказание помощи семьям призванных в армию солдат должны были и земства, а где их не было – губернские распорядительные комитеты, которые приводили свои распоряжения в исполнение через уездные распорядительные комитеты. Семейства выступивших в поход нижних чинов пользовались до возвращения из похода призрением на основании утвержденных императором 25 июня 1877 г. Временных правил о призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения [20]. В дополнение циркуляра МВД от 14 июля 1877 г. 30 декабря 1877 г. вышло новое распоряжение МВД, которое было разослано по всем губерниям России. Речь шла «об отпуске из губернского земского сбора сумм, потребных на призрение семейств чинов запаса и ратников, призванных на службу» [21]. Иными словами, заботу о семьях военнослужащих, призванных на службу, центральная власть переложила на местные органы самоуправления.

При этом возникали вопросы о том, из каких сумм губернского земского сбора следует удовлетворять упомянутые расходы, т.е. за счет ли остатков губернского земского сбора, а за недостатком их – из запасной суммы текущего и будущего трехлетия? Переписка МВД с томским губернатором показывает, насколько не продуман был этот вопрос в правительстве [21]. В распоряжении МВД подчеркивалось, что имеют право на призрение из сумм земства только жены и дети призванных на службу; отцы, матери, деды, бабки, братья и сестры призванного остаются на попечении обществ, к которым они принадлежали. Следовательно, забота о родственниках военнослужащего так называемого «второго круга» была возложена на односельчан, которые, как известно, не отличались высокими доходами и при всем желании не могли оказать значительную материальную помощь, что, конечно, вызывало скрытое недовольство всех сторон.

Указ Александра II от 4 февраля 1878 г. конкретизировал меры обеспечения семейств военных чинов, убитых, или без вести пропавших на войне, или же умерших от ран, полученных в сражениях [22]. Было решено соблюдать в отношении к семействам лиц, погибших в Русско-турецкую войну (1877–1878), следующие временные меры. Семействам генералов и офицеров назначались полные оклады из сумм Александровского комитета о раненных. Кроме того, они не лишались пенсий, следующих им из Государственного казначейства и из эмеритальных касс военного и морского ведомств. Семействам нижних чинов определялось обеспечение на основании Временных правил от 25 июня 1877 г. о призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу.

При МВД учреждалась особая комиссия из представителей министерств и Комитета раненных при участии членов от земских и городских общественных учреждений различных частей империи для составления проекта правил о порядке обеспечения семейств

нижних чинов, убитых, умерших от ран и без вести пропавших на войне [22]. Понятно, что потребовалось время для того, чтобы учрежденная императором систем оказания помощи военнослужащим заработала. На первых порах было много жалоб со стороны населения о неоказании помощи, так как плохо были поставлены учет и контроль всех нуждавшихся в помощи, особенно это касалось семейств нижних чинов.

В циркуляре МВД от 5 марта 1878 г. отмечалось, что из поступивших в последнее время заявлений жен нижних чинов, проживавших в некоторых губерниях, видно, что пособия, определенные им с детьми высочайше утвержденным 25 июня 1877 г. мнением Государственного Совета, или вовсе не выдавались, или отпускались не в положенном размере [23]. Военный министр в циркулярном письме к губернаторам признавал необходимым напомнить местным гражданским властям о принятии мер к обеспечению семейств на основании закона от 25 июня 1877 г. Обращалось особое внимание губернаторов на исправное удовлетворение всех поступавших от упомянутых семейств заявлений об их призрении. «Имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство принять все меры к тому, чтобы подведомственные Вам управления и чины выполняли все свои обязанности по этому делу с особенным усердием и без всякой медлительности, оказывая земству и обществам живое содействие во всем, что только потребуется для обеспечения семейств, оставленных призванными на службу» [23].

В циркуляре МВД от 30 марта 1878 г., направленном губернаторам, отмечалось, что многие из просителей вовсе не знали ни о существовании закона, возлагающего на земства, городские и сельские общества обязанность оказывать призрение нуждающимся семействам нижних чинов, ни об учреждениях, принявших на себя заботу об участии таких семейств [24]. Подчеркивалось, что недостаточное распространение в народе сведений о местах и учреждениях, оказывающих вспомоществование нуждающимся семействам воинов, ослабляет благотворительное значение принимаемых правительством и обществами мер к устройству судьбы означенных семейств. В этом контексте Главное попечительство обратилось через газеты к лицам, по своему общественному и служебному положению близко стоящим к народу, с просьбой о содействии делу помощи указанным семействам сообщением им сведений о местах и учреждениях, в которых они могли найти необходимую поддержку и помощь.

К числу лиц, находящихся в наиболее близких отношениях к нуждающимся семействам нижних чинов, принадлежали, как утверждалось, чины полиции и крестьянских учреждений. Исходя из этого, председатель Главного попечительства обратился в МВД с просьбой о том, чтобы оно вменило в обязанность полицейским чинам, членам крестьянских присутствий и волостных управлений разъяснять в случае надобности потерпевшим от войны лицам, куда им следует обращаться с просьбами о помощи [24].

В Государственном архиве Томской области сохранились списки семейств нижних чинов, призванных на действительную службу, от которых поступили ходатайства о пособии (1877–1878). Томским местным управлением Общества попечения о раненных и больных воинах было назначено ежемесячное пособие [25]. Из документов следует, что в течение 1878 г. от 99 до 136 томских семей получили пособие по полтора-два рубля ежемесячно [26]. Номинальная денежная сумма в данном случае мало что показывает. Реальная покупательная способность рубля в XIX в. была довольно высокой. Так, фунт (0,4 кг) ржаного хлеба стоил 3 коп., фунт пшеничного хлеба – 10 коп., фунт мяса – 13 коп., десяток яиц – 3 коп., фунт масла – 30 коп., фунт чая – 2 руб. 80 коп., пальто – 10–11 руб., костюм – 6–8 руб., приличный обед в трактире – 20–30 коп. [26].

Пособие в 1,5–2 руб., конечно, не могло обеспечить потребности семьи, но позволяло увеличить семейный доход. К тому же большинство призванного на службу населения составляли крестьяне, имевшие собственные хозяйства, которые в основном и позволяли семействам выживать в отсутствие кормильцев. Труднее всего приходилось городским семьям, но единственных кормильцев в семье на службу в армию не призывали и из сельской местности, и из города. На основании удостоверений городского начальства о бедности и действительной нужде в пособии в 1878 г. из семейств нижних чинов, призванных на действительную службу, нуждавшимися в пособии от казны по г. Томску было представлено 85 семейств [27].

О том, какая реальная помощь оказывалась членам семей военнослужащих (из родственников второго круга), может служить представление Каинского окружного исправника, направленное в марте 1878 г. в Томскую казенную палату и губернатору, в котором содержалось ходатайство крестьян Нижнекаинской волости. Крестьяне просили разрешения выдавать 14 семействам нижних чинов, призванных на действительную военную службу, из Бутатовского и Амбаровского хлебозапасных магазинов хлеба по 2 четверика на каждого взрослого человека и по 1 четверику на малолетних в месяц. При этом в документе отмечалось, что «так как в Палате нет никакой переписки относительно выдачи пособия семействам нижних чинов, то означенные выше приговоры Казенная палата имеет честь представить на благоусмотрение Вашего превосходительства» [28].

Следует отметить, что даже в начале XX в. требовались постоянные разъяснения местным исполнителям о том, кто из семей призванных на действительную службу имеет право на получение помощи со стороны государства. Томский губернатор летом 1900 г. вынужден был направить специальное распоряжение с разъяснениями по этому поводу [29].

На основании ст. 38 Устава о воинской повинности семейства чинов запаса, призванных на службу, призревались земством, равно как городскими и сельскими обществами на основании следующих правил. Правом на призрение от земства и городских и сельских обществ пользовались только те лица, которые не имели достаточно собственных средств к существованию. Жена и дети призванного на службу лица, к какому бы обществу, сословию или состоянию они ни принадлежали, имели право получать: а) от города или селения,

в котором проживают, – бесплатное помещение с отоплением, если не имели собственного жилища или дарового приюта; б) от земства, в пределах которого находились на жительстве, – продовольствие натурой или деньгами на каждое призреваемое лицо без различия возраста: не менее 1 пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы и 4 фунтов соли в месяц.

В дополнение к определенному довольствию земства и общества принимали и другие, возможные по обстоятельствам и средствам, меры для лучшего обеспечения этих семейств. Определение таковых мер предоставлялось ближайшему рассмотрению земских собраний, городских дум, волостных и сельских обществ. Призрение отца, матери, деда и бабки, братьев и сестер (круглых сирот) призванного, если эти лица содержались его трудом, возлагалось на городское и сельское общество, к которому они принадлежали. Общество было обязано знать о названных лицах попечения в порядке, определенном действующими об общем призрении законами. Проживавшие в уездах жены и дети призванных на службу чинов, нуждающиеся в призрении, должны были заявить об этом словесно или письменно: принадлежащие к местным волостям или сельскому обществу – своему волостному старшине, а все остальные – становому приставу. За больных, увечных и малолетних, не имевших возможности заявить о себе лично или через родственников, обязаны были заявлять владельцы домов, в которых они проживали, а в селениях, сверх того, и сельские старосты. Призрение должно было продолжаться до возвращения призванных на службу к своим семействам, но обязательно не долее истечения годичного срока со дня объявления высочайшего повеления о приведении армии на мирное положение.

В тех же губерниях, в которых не было земских учреждений, обязанности земства по призрению семейств чинов запаса, призванных на службу, возлагались на губернские распорядительные комитеты (в Сибири – на губернские управления), которые приводили свои распоряжения в исполнение через уездные распорядительные комитеты. Продовольственное снабжение должно было производиться ежемесячно с обязательным предоставлением документов как о количественном составе семьи, нуждавшейся в призрении, так и о том, что экономическое положение этой семьи, принятой на призрение по неимению собственных средств к существованию, не изменилось. Таким образом, документальный материал показывает, что государство в значительной степени опиралось на выборные местные органы власти, стараясь совместно с ними решать наиболее злободневные проблемы.

Очевидно, что сбор информации о нуждавшихся в помощи семействах призванных на действительную службу проходил трудно, информация была разрозненной, не было выработано единой формы сбора данных. Только к началу XX в. местные чиновники привыкли держать под контролем данный вопрос, информирование вышестоящих органов приобрело систематический и более или менее полный характер.

Рапорт томского уездного исправника от 22 июля 1900 г. томскому губернатору дает исчерпывающую информацию об обеспечении нуждавшихся семейств продуктами питания. Приведем документ полностью с сохранением стиля и формы рапорта того времени:

«Во исполнение личного приказания имею честь донести ВАШЕМУ СИЯТЕЛЬСТВУ:

В первый призыв текущего года принято на службу запасных нижних чинов из Томска, Колывани и волостей Томского уезда 2 704 чел.;

во второй призыв: из Томска около 400 чел. (точной цифры от г. Полицмейстера, несмотря на просьбу по телефону не получено); Колывани, Нарыма и волостей Томского уезда – 2 213 чел.;

еще ожидается для приема на сборный пункт 155 чел.;

всего же будет принято 5 472 запасных нижних чина.

Переводя подлежащие к выдаче продукты на деньги по вышепоименованным ценам, выдается семействам запасных, призванных на службу, проживающим в:

Томске – по 1 руб. 24 коп.,
Колывани – 1 руб. 33 коп.,
пос. Новониколаевский – 1 руб. 35 коп.,
Спасской волости – 1 руб. 35 коп.,
Нелюбинской – 1 руб. 38 коп.,
Семилужной – 1 руб. 51 коп.,
Ишимской – 1 руб. 34 коп.,
Ояшинской – 1 руб. 20 коп.
на человека в месяц.

Во избежание задержки в выдаче пособия, сим имею честь почтительнейше просить распоряжение Вашего сиятельства об отпуске в распоряжение Комитета не позднее 26 сего июля 6 000 руб.» [30].

Как видно из рапорта, к делу обеспечения семейств нижних чинов к началу XX в. подходили весьма серьезно и основательно, при расчете суммы пособия была учтена даже разница цен в отдельных местечках, наконец, был налажен учет семейств, нуждавшихся в помощи.

Обеспечение семейств мужчин, призванных на службу в армию, постоянно находилось под контролем органов власти, однако не все было гладко в этом деле. Имели место и бюрократизм, и чиновничья волокита, и попытки перенаправить финансы на решение других проблем, о чем свидетельствует обмен телеграммами между Томском и Петербургом в августе 1900 г.

Эта переписка была инициирована Томским губернатором, действительным статским советником князем С.А. Вяземским, который просил МВД выделить дополнительные ассигнования. В ответ управляющий МВД П.Н. Дурново резонно напомнил, что Томской губернии разрешено израсходовать из страхового сбора на призрение семейств запасных чинов до 100 тыс. руб., и эта сумма вряд ли могла быть потрачена к августу 1900 г. [31].

К тому же из Томской губернии поступила телеграммой жалоба (24 августа 1900 г.) от 277 семейств запасных чинов Курбинской волости Змеиногорского уезда, которые заявили военному министру о своем крайне бедственном положении. Управляющий МВД П.Н. Дурново потребовал: «…благоволите немедленно телеграфировать о причинах неподачи своевременной помощи этим семействам вопреки закону и преподанным министерством указаниям» [32].

Томские власти объяснили задержку с выдачей пособий плохой работой почты, задержкой ею денежных переводов и сообщили, что 1 сентября все денежные средства в размере 1 186 руб. 92 коп. переданы в волость в качестве продовольственного пособия для 304 семей (942 чел.) [33]. То есть, как всегда, виновным был признан «стрелочник», а инцидент «замяли».

В отдельной телеграмме томскому губернатору от 4 октября 1900 г. управляющий МВД сенатор П.Н. Дурново писал: «Вашему сиятельству предоставлено расходовать на нужды, вызванные военным положением, во вверенной Вам губернии предполагаемые остатки и запасную сумму губернского земского сбора 32 338 руб. и 100 000 руб., позаимствованные из страхового капитала. Благоволите сообщить по телеграфу точные сведения о том, сколько из упомянутых сумм израсходовано и разассигновано по уездам к 1 октября и на какие надобности» [34].

Кстати, в этом примере, вопреки широко бытующему мнению о деспотичности царского режима, поражают сам факт свободного обращения простых людей с жалобой к военному министру по телеграфной связи и незамедлительная реакция министра внутренних дел П.Н. Дурново на этот факт чиновничьей волокиты.

Русско-японская война (1904–1905) сыграла крайне негативную роль в жизни Российского государства, которое, как известно, переживало в то время структурную перестройку всей жизни общества, осуществляло масштабную модернизацию производственного, финансового, образовательного, культурного, политического секторов страны. Война снизила и без того невысокий материальный уровень жизни населения, обездолила довольно много семей, которые лишились кормильцев, осиротила детей и еще больше актуализировала проблему обеспечения семей военнослужащих.

Российское общество в конце XIX – начале XX в. отличалось политической и гражданской активностью. Трудная жизнь простого народа, а это было совершенно очевидно, вызывала сочувствие и желание оказать ему помощь от различных групп населения.

С началом войны стали появляться общественные инициативы в организации благотворительной помощи нуждающимся семьям военнослужащих.

Так, служащие Томского городского общественного управления обратились к томскому городскому голове с ходатайством об удержании с каждого из их «получаемого жалованья 1% ежемесячно с внесением сих денег в фонд, имеющий образоваться на этот предмет. Вычет ходатайствуем производить, начиная с 1 февраля впредь до окончания военных действий», с расходованием этих денег на помощь семьям призванных на войну с Японией [35].

По свидетельству Городской управы, с февраля по июнь 1904 г. чинами и служащими разных учреждений, частных управлений и торгово-предпринимательских фирм было пожертвовано в пользу семейств нижних чинов 7 398 руб. 30 коп., в Особый приказ Томского городского общественного управления Красного Креста – более 4 тыс. 500 руб. [36].

Отчет Томской городской управы от 5 июня 1907 г. томскому губернатору свидетельствует, что с 3 февраля 1904 г. от разных учреждений, торговых фирм и частных лиц поступило пожертвований непосредственно в кассу Городской управы на призрение семейств запасных нижних чинов, призванных на войну с Японией, 12 211 руб. 20 коп. [37].

Однако частной инициативы, конечно, не хватало, нужна была официальная, систематическая поддержка семей военнослужащих со стороны государства.

Только 16 июня 1905 г. императором Николаем II был утвержден Главный комитет по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией, названный Алексеевским, – в честь наследника престола. Председателем комитета был назначен член Государственного Совета П.П. Семенов-Тянь-Шанский.

Алексеевский комитет оказывал помощь семьям лиц, погибших в войну с Японией, а также воинских чинов, погибших при исполнении служебных обязанностей в мирное время. Получали помощь семьи чинов полиции и корпуса жандармов, погибших или пострадавших при беспорядках и покушениях на них, классных и нижних чинов тюремного ведомства, погибших вследствие преступного на них посягательства. Под защитой комитета находились семьи служащих, пострадавших от террористических актов и др.

В состав Алексеевского главного комитета входили представители военного и морского министерств, МВД, министерств народного просвещения и финансов, государственного контроля. Комитет состоял под покровительством Попечительства императрицы Марии Федоровны о семействах воинов.

В заседаниях Алексеевского главного, губернских и уездных комитетов по усмотрению их председателей могли участвовать представители благотворительных обществ и любые лица, которые могли быть чем-либо полезны. Они имели право участвовать в решении дел на равных основаниях с членами комитета.

Губернские и уездные комитеты ежегодно предоставляли Алексеевскому главному комитету сведения о числе детей, подлежащих призрению земского или городского управления. Они проводили назначение пособий свыше 300 руб. в год на воспитание детей офицерских и приравниваемых к ним чинов, осуществляли назначение повышенных пособий детям церковнослужителей, санитаров и нижних чинов и определение в каждом отдельном случае срока производства пособия.

В особых случаях они назначали: пособия на воспитание малолетних братьев и сестер офицерских и нижних чинов и приравниваемых к ним лиц; пособия детям офицерских и нижних чинов и приравниваемых к ним лиц, лишившихся трудоспособности; продление срока выдачи пособий на учение долее установленного возраста, когда лицо, окончившее среднее учебное заведение и поступившее в высшее, лишено всяких средств для продолжения образования [38. С. 109].

В Алексеевском главном комитете сосредоточивались все сведения о числе имевшихся в учебных заведениях вакансий и стипендий. Сведения эти сообщались Алексеевским главным комитетом губернским комитетам для опубликования их в губернских ведомостях.

На губернский комитет возлагались: принятие прошений о назначении пособий и наблюдение за правильным выполнением в губернии и области распоряжений Алексеевского комитета; выделение пособий на проезд детей при определении их в учебные и учебно-воспитательные заведения.

Местные комитеты представляли ежегодные отчеты о расходовании отпущенных им из центра средств.

В Устав общественного призрения 7 июля 1913 г. было включено дополнение «Об обеспечении судьбы детей лиц, погибших в войну с Японией» [38. С. 108–114]. Таким детям предоставлялось право на пособия из государственного казначейства. Детям усыновленным, а равно приписанным к мещанским и крестьянским семействам, предоставлялись одинаковые с законными детьми права на означенные пособия.

Право на помощь из средств государственного казначейства имели дети офицерских и нижних чинов армии, флота, пограничной стражи и корпуса жандармов, убитых в войну с Японией или умерших от ран, болезней, вызванных условиями военного времени, но до истечения года со дня объявления высочайшего повеления о приведении армии на мирное положение. Такое же право имели и дети военнослужащих, без вести пропавших на войне.

Дети гражданских чинов всех ведомств, в том числе чинов медицинских, ветеринарных и фармацевтических, а также священнослужителей, имели право на одинаковую с детьми офицеров финансовую помощь из государственного казначейства. Такое же право предоставлялось детям дружинников, добровольцев и служащих по вольному найму или частному договору на военных судах, а также судоводителей, механиков и низших служащих на действующих для надобности войны русских торговых судах. В соответствии с общественным положением семейств они по размерам пособия приравнивались к детям офицерских либо нижних чинов.

В особых случаях денежная помощь предоставлялась малолетним братьям и сестрам (круглым сиротам) офицеров и солдат, если они находились на полном попечении погибших и остались после их смерти без необходимых для существования и воспитания средств.

Детям погибших нижних чинов, санитаров и священнослужителей могло быть назначено пособие на воспитание в возрасте от 6 до 10 лет в размере до 50 руб., и на учение, начиная с 10 лет от роду, в размере до 150 руб. в год. Пособие на учение должно было производиться до окончания курса наук в учебном заведении, для получения образования в котором был повышен размер пособия.

Помощь детям нижних чинов производилась на основании Манифеста от 11 августа 1904 г. [38. С. 108–114]. Она заключалась в назначении от казны денежного пособия, содействии к обеспечению первоначального обучения. Сироты нижних чинов, имевшие право на призрение и посещавшие начальные школы, снабжались необходимыми для посещения школы теплой одеждой, обувью и учебными принадлежностями.

Снабжение сирот указанными предметами производилось распоряжением состоящего под августейшим покровительством императрицы Марии Федоровны Попечительства о семействах воинов, призванных в ряды армий на Дальнем Востоке, за счет находившихся в его распоряжении и отпускаемых Попечительству из казны средств, или на средства общественных, земских и городских учреждений. В случае прекращения деятельности указанного попечительства расходы производились из средств казны через посредство Алексеевского главного комитета. Расход казны на приобретение перечисленных выше предметов не должен был превышать 15 руб. на каждое лицо при поступлении его в школу и мог быть произведен вторично лишь по истечении двух лет непрерывного посещения им школы. Пособие выдавалось на каждого сироту в размере 24 руб. в год [38. С. 114].

Для детей, имевших до смерти их отцов постоянное жительство в городах и оставшихся на жительство в городских поселениях, размер пособия мог быть повышен до 30 руб., а в городах с населением более 150 тыс. человек – до 42 руб. в год.

При назначении пособий круглым сиротам Алексеевскому главному комитету разрешалось в особо уважительных случаях повышать пособие до 40% против указанных размеров.

Пособие детям нижних чинов производилось до достижения сиротами 16и лет, а в тех местностях, где брачное совершеннолетие наступало ранее означенного возраста, – до достижения этого совершеннолетия. Пособие прекращали выплачивать в случае присуждения лица, имевшего на него право, к тюремному заключению или более тяжкому наказанию [38. С. 115].

Пособие выдавалось матерям либо заведовавшим воспитанием детей лицам вперед в следующие сроки: в сельских местностях и в городах, для которых не было установлено повышенной нормы пособий, – 1 апреля, 1 августа и 1 декабря, а в городах – ежемесячно.

Помощь детям офицерских и приравниваемых к ним чинов заключалась в установлении пособия на воспитание, обучении и путевых расходах, принятии мер к помещению детей в воспитательные и учебные заведения. Дети офицерских и приравниваемых к ним чинов пользовались указанными правами со дня смерти их отцов. Виды и размер пособия определялись сообразно возрасту детей вне зависимости от числа лет, проведенных их отцами на службе, и чинов и должностей, в коих они на службе состояли. На воспитание детей до достижения ими 6 лет выдавалось денежное пособие в размере 75 руб. в год на ребенка, а в возрасте от 6 до 10 лет – в размере 125 руб. в год. По ходатайству матерей или опекунов взамен пособия дети могли быть определены за счет казны на имевшиеся вакансии в приюты и соответствующие возрасту детей учебно-воспитательные заведения.

На обучение и воспитание каждого из детей, достигшего 10 лет, выдавалось пособие в размере 300 руб. в год. В случае помещения детей в учебные заведения, где плата за содержание превышала указанную сумму, пособие могло быть повышено до размера платы, но не свыше 450 руб. в год. Пособие на учение производилось до достижения лицом, получавшим пособие, 18 лет и могло быть продолжено до окончания им среднего образования, но не более чем до достижения 21 года.

Учреждения, ведавшие призрением осиротевших в войну с Японией детей, обязаны были содействовать определению их в соответствующие учебные заведения. Для этого собирались сведения об имевшихся вакансиях в учебных заведениях и принимались меры для облегчения детям предпочтительного доступа в закрытые учебные заведения преимущественно военного ведомства. Для этого в учебных заведениях по соглашению с их начальством открывалось возможное число вакансий и стипендий. Сироты с согласия учебного начальства принимались в учебные заведения сверх комплекта с платой за их содержание из казны. При невозможности помещения детей в закрытые учебные заведения принимались меры для определения их в казенные и частные учебные заведения в качестве приходящих [38. С. 116].

Дети пользовались при первоначальном помещении их в учебное заведение путевым пособием в размере действительной стоимости проезда от места их нахождения до того учебного заведения, в которое они были приняты. Окончившим курс среднего учебного заведения и не поступившим вслед за этим за счет казны в учебное заведение высшего разряда выдавалось единовременное пособие из казны в размере 150 руб. на обзаведение. Денежные пособия выдавались матерям, опекунам (попечителям) или их законным представителям и уполномоченным ими лицам не менее двух раз в год и в размере не свыше половины всей суммы пособия.

Выплата пособия прекращалась после поступления на платную правительственную или общественную службу, выхода замуж, определения в воспитательное заведение или казенное учебное заведения на полное иждивение казны или на казенные стипендии, осуждения лица, имевшего право на пособие, к тюремному заключению или более тяжкому наказанию [38. С. 118].

Ниже приведен список сирот нижних чинов Томска, погибших в войну с Японией, состоявших под покровительством Алексеевского главного комитета, которым было назначено пособие с 1 октября 1906 по 1 августа 1907 г. [39] (таблица).

Список сирот нижних чинов, погибших в Русско-японскую войну

Имена и фамилии матерей, при которых находятся сироты	Назначенная сумма	Отметка
1. Агафья Филиппова Самойлова, дочь Мария	25 руб.	Выдано
2. Анастасия Никитина Епанчинцева, дочь Феодосия	25 руб.	Выдано
3. Анастасия Семенова Губанкова,		
сыновья: Максим,	25 руб.	Выдано
Аркадий,	25 руб.	Выдано
дочери: Зинаида,	25 руб.	Выдано
Валентина,	25 руб.	Выдано
Анна	25 руб.	Выдано
4. Матрена Николаевна Уланова,		
сын Петр,	25 руб.	Выдано
дочь Вера	25 руб.	Выдано
5. Надежда Григорьевна Южакова, сын Яков	25 руб.	
Итого:	250 руб.	
Из коих осталось не выдано Южаковой 25 руб.		

Размер пособия был разным. Так, в ведомости Бийского уездного комитета по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией, числились 8 чел., получавших пособие от Алексеевского главного комитета, сумма пособий составляла от 8 до 60 руб. (1907) [40]. В 1908 г. в ведомости Бийского уездного комитета по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией, числился уже 21 чел., получивший от Алексеевского главного комитета от 8 до 20 руб. пособия [41]. Размер пособия зависел от сумм, выделяемых Алексеевским главным комитетом, разверстанным по губерниям, уездам и местечкам, а также ранговой принадлежности умершего родителя.

Совершенствование российского законодательства в отношении семейств военнослужащих было продолжено после Русско-японской войны и бурных событий революции 1905–1907 гг. Мир стремительно двигался к новому масштабному военному конфликту – Первой мировой войне. Ощущение приближающейся большой войны заставило правительство вновь обратиться к корректировке военного законодательства, расширяя круг лиц, пользующихся привилегиями военнослужащих и их семейств.

Перед началом Первой мировой войны, 25 июня 1912 г., вышел Указ «О призрении семейств нижних чинов, находящихся на действительной службе в мобилизованных частях армии и флота, в государственном ополчении или в военных дружинах», а также был утвержден Устав о пенсиях и единовременных пособиях, в соответствии с которым правом на призрение за счет казны пользовались нижние чины, утратившие с 1 января 1913 г., как в мирное, так и в военное время, трудоспособность вследствие полученных ими ран, повреждения или болезни, находившейся в причинной зависимости от прохождения ими военной службы, а также семейства этих лиц (вдовы и круглые сироты) [38. С. 125].

Правом на призрение на счет казны пользовались также семейства следующих нижних чинов: призванных на действительную службу при мобилизации – со дня отправления на службу; задержанных по случаю мобилизации на действительной службе долее определенного для службы мирного времени срока; принятых при мобилизации на действительную службу охотниками и добровольцами в государственное ополчение, поступивших на службу в военные дружины и др.

Из состава членов семейств пользовались призрением жена и дети нижнего чина, отец, мать, дед, бабка, братья и сестры, если они содержались трудом военнослужащего.

Указанные лица имели право на получение продовольственного пособия деньгами. На каждое призреваемое лицо выделялось не менее 1 пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 4 фунтов соли и 1 фунта постного масла в месяц. Детям, не достигшим 5-летнего возраста, продовольственное пособие выдавалось в размере половины стоимости означенных продуктов [38].

Трудоспособные сыновья и дочери призванных на службу, достигшие 17-летнего возраста, а равно дочери, вышедшие замуж, утрачивали право на призрение. В случае доказанной нетрудоспособности означенных лиц, кроме замужних дочерей, за ними сохранялось право на призрение и по достижении указанного возраста [38. С. 127].

Выдача пособий призреваемым семействам производилась в волостных правлениях в присутствии одного из членов попечительства, и в городских управах. В сельских местностях – четыре раза в год, за три месяца вперед (в марте, июне, сентябре и декабре). В городских поселениях и по прекращении военных действий в сельских местностях – ежемесячно. Оплата производилась за месяц вперед [38. С. 130].

Таким образом, система государственной заботы о семьях военнослужащих в Российской империи динамично изменялась и совершенствовалась, постепенно приобретая поистине фундаментальный характер. Это было важно. Издревле находясь в довольно агрессивном окружении, Россия вынуждена была держать армию в состоянии почти постоянной «мобилизационной готовности». Боеспособность армии во многом определялась и определяется сегодня отношением военных к своей стране, восприятием ее как родной державы, заботящейся о своих сынах, уверенностью воинов в том, что их не бросят в случае ранения и позаботятся о семьях в случае их смерти. В начале XX в. в Томской губернии зародилось и общественное благотворительное движение в этом направлении, получившее позднее широкое распространение.

Список источников

1. Торопкин С.А. Источники права пенсионного обеспечения в России в 1700–1830-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (58), ч. 1. С. 188–191.
2. Щербинин П.П. Дети-сироты и их призрение в период войн России начала XX в. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. Вып. 9 (125). С. 334–341.
3. Смелик Р. Г. Особенности социальной защиты членов семей военнослужащих в дореволюционной России // Личность. Культура. Общество. 2009. № 1 (46-47). С 117–123.
4. Феонычев В.В. Система социального призрения детей в России в XIX – начале XX вв. // Вестник Екатерининского института. 2011. № 2 (14). С. 100–102.
5. Микиртичан Г.Л. Организационные технологии помощи детям в годы Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 11. 2014. Вып. 4. С. 212–229.
6. Дуров И.Г. Ветераны армии и флота Петра Великого на инвалидном содержании при Петре II, Екатерине II и Павле I // Меншиковские чтения. 2011. № 2. С. 17–26.
7. Шувалова А.Н. Призрение офицерских и солдатских вдов в Российской империи в XVIII столетии // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2014. Т. 3, № 7. С. 55–57.
8. Регламент об управлении адмиралтейств и флотов, с приложением должностей интендантского и экипажного департаментов и счетной экспедиции : [от 24 авг. 1765 г.] // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 17. № 12.459. С. 233-315. https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?regim=4&page=233&part=76 (дата обращения: 23.03.2021).
9. О прибавке пенсионной суммы, определенной для удовлетворения находившихся в службе чинов : указ от 18 декабря 1797 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 24. № 18276. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/202-t-24-s-6-noyabrya-1796-po-1798-locale-nil-17530-18301-1830 (дата обращения: 12.04.2022).
10. О правилах производства пенсиона служащим и не служащим Военным и Гражданским Чиновникам : указ от 28 апреля 1798 г. // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 90. Л. 80.
11. Распоряжение от Государственного казначея // ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 90. Л. 82.
12. Указ Правительствующего Сената // ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 225. Л. 2 об.
13. Указ Правительствующего Сената // ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 835. Л. 1, 2.
14. Списки детей мужского пола // ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 256. Л. 1–371.
15. Указ о разрешении в военно-сиротские отделения детей // ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 505. Л. 1.
16. Указ Правительствующего Сената // ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 505. Л. 2.
17. Указ его императорского величества // ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 850. Л. 1.
18. МВД. Департамент Хозяйственный. О производстве пособий детям нижних чинов // ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 639. Л. 2.
19. Временные правила о призрении чинов запаса // ГАТО. Ф. 3. Оп. 20. Д. 157. Л. 5.
20. Указ его императорского величества // ГАТО. Ф. 3. Оп. 20. Д. 157. Л. 3.
21. Распоряжение МВД // ГАТО. Ф. 3. Оп. 20. Д. 157. Л. 6.
22. Указ его императорского величества // ГАТО. Ф. 3. Оп. 20. Д. 157. Л. 59.
23. Циркуляр МВД // ГАТО. Ф. 3. Оп. 20. Д. 157. Л. 52.
24. Циркуляр МВД // ГАТО. Ф. 3. Оп. 20. Д. 157. Л. 74.
25. Список семейств нижних чинов // ГАТО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 879. Л. 137.
26. Что можно купить на рубль: ценность рубля от Петра I до наших дней. Один рубль Николая II // Raritetus. URL: https://www.raritetus.ru/texts/cho-mozhno-kupit-na-rubl/#odin-rubl-nikolaya-ii (дата обращения: 17.05.2021).
27. Ведомость о семействах нижних чинов // ГАТО. Ф. 3. Оп. 20. Д. 157. Л. 62–71.
28. Представление Каинского Окружного Исправника // ГАТО. Ф. 3. Оп. 20. Д. 157. Л. 43.
29. Распоряжение Томского Губернатора // ГАТО. Ф. 3. Оп. 20. Д. 241. Л. 28–29.
30. Рапорт Томского Уездного Исправника // ГАТО. Ф. 3. Оп. 20. Д. 241. Л. 33.
31. Телеграмма Томск–Петербург // ГАТО. Ф. 3. Оп. 20. Д. 241. Л. 64.
32. Телеграмма // ГАТО. Ф. 3. Оп. 20. Д. 241. Л. 73.
33. Телеграмма в Петербург // ГАТО. Ф. 3. Оп. 20. Д. 241. Л. 74.
34. Телеграмма // ГАТО. Ф. 3. Оп. 20. Д. 241. Л. 79.
35. Заявление служащих Томского Городского Общественного Управления // ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 2813. Л. 58.
36. Дело Томской Городской Управы // ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 2813. Л. 8.

37. Отчет о работе Томской Городской Управы // ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 2813. Л. 62.
38. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Петроград, 1915. Т. 13: Устав об общественном призрении. 254 с. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/17825 (дата обращения: 16.03.2021).
39. Список сирот // ГАТО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.
40. Ведомость Бийского Уездного Комитета // ГАТО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 4. Л. 110–111.
41. Ведомость Бийского Уездного Комитета // ГАТО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 4. Л. 143–144, 163–164.

References

1. Toropkin, S.A. (2015) Istochniki prava pensionnogo obespecheniya v Rossii v 1700–1830-kh gg. [Sources of the Law on Pension Provision in Russia in the 1700s–1830s]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridi-cheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 8(58-1). pp. 188–191.
2. Shcherbinin, P.P. (2013) Orphans and their charity during the Russian wars in the early 20th century. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 9(125). pp. 334–341. (In Russian).
3. Smelik, R.G. (2009) Osobennosti sotsial'noy zashchity chlenov semey voennosluzhashchikh v dorevolyutsionnoy Rossii [Social protection of family members of military personnel in pre-revolutionary Russia]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 1(46-47). pp. 117–123.
4. Feonychev, V.V. (2011) Sistema sotsial'nogo prizreniya detey v Rossii v XIX – nachale XX vv. [The system of social care for children in Russia in the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Ekaterininskogo instituta*. 2(14). pp. 100–102.
5. Mikirtichan, G.L. (2014) Organizatsionnye tekhnologii pomoshchi detyam v gody Pervoy mirovoy voyny [organizational technologies for assistance to children during the First World War]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 11*. 4. pp. 212–229.
6. Durov, I.G. (2011) Veterany armii i flota Petra Velikogo na invalidnom soderzhanii pri Petre II, Ekaterine II i Pavle I [Veterans of the army and navy of Peter the Great on disability support under Peter II, Catherine II, and Paul I]. *Menshikovskie chteniya*. 2. pp. 17–26.
7. Shuvalova, A.N. (2014) Prizrenie ofitserskikh i soldatskikh vdov v Rossiyskoy imperii v XVIII stoletii [Care for Officers' and Soldiers' Widows in the Russian Empire in the 18th Century]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya v sovremennom mire*. 3(7). pp. 55–57.
8. Russia. (1830) Reglament o upravlenii Admiralteystv i flotov, s prilozheniem dolzhnostey Intendantskogo i Ekipazhnogo Departamentov i Schetnoy Ekspeditsii : [ot 24 avg. 1765 g.] [Regulations on the management of the Admiralty and fleets, with the appendix of the positions of the Quartermaster and Crew Departments and the Accounting Expedition: [dated August 24, 1765]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 17. Law № 12.459. St. Petersburg: The Second Section of His Imperial Majesty's Chancellery. pp. 233–315. [Online] Available from: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?regim=4&page=233&part=76 (Accessed: 23th March 2021).
9. Russia. (1830) O pribavke pensionnoy summy, opredelennoy dlya udovletvoreniya nakhodivshikhsya v sluzhbe chinov: ukaz ot 18 dekabrya 1797 g. [On the increase in the pension amount determined to satisfy the ranks who were in service: decree of December 18, 1797]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 24. № 18276. St. Petersburg: The Second Section of His Imperial Majesty's Chancellery. pp. 845. [Online] Available from: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/202-t-24-s-6-noyabrya-1796-po-1798-locale-nil-17530-18301-1830 (Accessed: 12th April 2022).
10. Russia. (1798) *O pravilakh proizvodstva pensiona sluzhashchim i ne sluzhashchim Voennym i Grazhdanskim Chinovnikam: ukaz ot 28 aprelya 1798 g.* [On the rules for the production of pensions for serving and non-serving military and civil officials: Decree of April 28, 1798]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 1. List 1. File 90. p. 80.
11. Russia. (n.d.) *Rasporyazhenie ot Gosudarstvennogo kaznacheya* [Order from the State Treasurer]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 1. List 1. File 90. L. 82.
12. Russia. (n.d.) *Ukaz Pravitel'stvuyushchego Senata* [Decree of the Governing Senate]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 1. List 1. File 225. p. 2 ob.
13. Russia. (n.d.) *Ukaz Pravitel'stvuyushchego Senata* [Decree of the Governing Senate]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 1. List 1. File 835. pp. 1, 2.
14. Russia. (n.d.) *Spiski detey muzhskogo pola* [Lists of male children]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 1. List 1. File 256. pp. 1–371.
15. Russia. (n.d.) Ukaz o razreshenii v voenno-sirotskie otdeleniya detey [Decree on permission to enroll children in military orphanages]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 1. List 1. File 505. p. 1.
16. Russia. (n.d.) *Ukaz Pravitel'stvuyushchego Senata* [Decree of the Governing Senate]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 1. List 1. File 505. p. 2.
17. Russia. (n.d.) *Ukaz ego imperatorskogo velichestva* [Decree of His Imperial Majesty]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 1. List 1. File 850. p. 1.
18. Ministry of Internal Affairs of Russia. Economic Department. (n.d.) *O proizvodstve posobiy detyam nizhnikh chinov* [On the benefits for children of lower ranks]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 19. File 639. p. 2.
19. Russia. (n.d.) *Vremennye pravila o prizrenii chinov zapasa* [Temporary rules on the care of reserve ranks]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 20. File 157. p. 5.
20. Russia. (n.d.) *Ukaz ego imperatorskogo velichestva* [Decree of His Imperial Majesty]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 20. File 157. p. 3.
21. Ministry of Internal Affairs of Russia. (n.d.) *Rasporyazhenie MVD* [Order of the Ministry of Internal Affairs]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 20. File 157. p. 6.
22. Russia. (n.d.) *Ukaz ego imperatorskogo velichestva* [Decree of His Imperial Majesty]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 20. File 157. p. 59.
23. Ministry of Internal Affairs of Russia. (n.d.) *Tsirkulyar MVD* [Circular of the Ministry of Internal Affairs]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 20. File 157. p. 52.
24. Ministry of Internal Affairs of Russia. (n.d.) *Tsirkulyar MVD* [Circular of the Ministry of Internal Affairs]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 20. File 157. p. 74.
25. Russia. (n.d.) *Spisok semeystv nizhnikh chinov* [List of families of lower ranks]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 233. List 1. File 879. p. 137.
26. Raritetus.ru. (n.d.) *Chto mozhno kupit' na rubl': tsennost' rublya ot Petra I do nashikh dney. Odin rubl' Nikolaya II* [What can be bought for a ruble: the value of the ruble from Peter I to the present day. One ruble of Nicholas II]. [Online] Available from: https://www.raritetus.ru/ texts/cho-mozhno-kupit-na-rubl/#odin-rubl-nikolaya-ii (Accessed: 17th May 2021).
27. Russia. (n.d.) *Vedomost' o semeystvakh nizhnikh chinov* [List of the families of lower ranks]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 20. File 157. pp. 62–71.
28. Russia. (n.d.) *Predstavlenie Kainskogo Okruzhnogo Ispravnika* [Report of the Kainsk District Police Officer]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 20. File 157. p. 43.
29. Russia. (n.d.) *Rasporyazhenie Tomskogo Gubernatora* [Order of the Tomsk Governor]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 20. File 241. pp. 28–29.

30. Russia. (n.d.) *Raport Tomskogo Uezdnogo Ispravnika* [Report of the Tomsk District Police Officer]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 20. File 241. p. 33.
31. Russia. (n.d.) *Telegramma Tomsk–Peterburg* [Telegram Tomsk–Petersburg]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 20. File 241. p. 64.
32. Russia. (n.d.) *Telegramma* [Telegram]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 20. File 241. p. 73.
33. Russia. (n.d.) *Telegramma v Peterburg* [Telegram to St. Petersburg]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 20. File 241. p. 74.
34. Russia. (n.d.) *Telegramma* [Telegram]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 20. File 241. p. 79.
35. The Tomsk City Public Administration. (n.d.) *Zayavlenie sluzhashchikh Tomskogo Gorodskogo Obshchestvennogo Upravleniya* [Statement of employees of the Tomsk City Public Administration]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 233. List 2. File 2813. p. 58.
36. Russia, Tomsk. (n.d.) *Delo Tomskoy Gorodskoy Upravy* [Case of the Tomsk City Government]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 233. List 2. File 2813. p. 8.
37. Russia, Tomsk. (s.n.) *Otchet o rabote Tomskoy Gorodskoy Upravy* [Report on the work of the Tomsk City Government]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 233. List 2. File 2813. p. 62.
38. Russia. (1915) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pervogo sostavlennyy* [Code of Laws of the Russian Empire, compiled by order of Emperor Nicholas I]. Vol. 13. Petrograd: Gosudarstvennaya tipografiya. [Online] Available from: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/17825 (Accessed: 16th March 2021).
39. Russia. (n.d.) *Spisok sirot* [List of Orphans]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 217. List 1. File 4. p. 2.
40. The Biysk County Committee. (n.d.) *Vedomost' Biyskogo Uezdnogo Komiteta* [Statement of the Biysk County Committee]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 217. List 1. File 4. pp. 110–111.
41. The Biysk County Committee. (n.d.) *Vedomost' Biyskogo Uezdnogo Komiteta* [Statement of the Biysk County Committee]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 217. List 1. File 4. pp. 143–144, 163–164.

***Сведения об авторах*:**
Дунбинская Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и методики обучения истории и обществознанию историко-филологического факультета Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: tdunbinskaya@mail.ru
Шевляков Александр Семенович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: shevlyakov54@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Dunbinskaya Tatyana I. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History and Methods of Teaching History and Social Studies at the Faculty of History and Philology of Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tdunbinskaya@mail.ru
Shevlyakov Alexander S. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Documentation of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shevlyakov54@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022; принята к публикации 12.09.2024

The article was submitted 14.04.2022; accepted for publication 12.09.2024

Научная статья
УДК 94(47).083
doi: 10.17223/19988613/91/3

«Местная власть не соответствует действительным потребностям времени…»: имперская администрация Северо-Западного края России в условиях роста социальной напряженности начала XX в.

Максим Николаевич Крот

Южный научный центр Российской академии наук; Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, konservator78@mail.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос о способности имперской администрации Северо-Западного края России в начале XX в. эффективно отвечать на вызовы времени, к наиболее серьезным из которых относилось стремительное ухудшение социально-политической обстановки в регионе. Делается вывод о том, что в начале XX в. организация работы администрации Северо-Западного края не соответствовала реалиям времени и стояла перед необходимостью глобальной реорганизации, от степени эффективности которой зависело дальнейшее пребывание региона в составе Российской империи.
Ключевые слова: Российская империя, Северо-Западный край, русификация, рабочее движение, генерал-губернаторская власть, бюрократия, П.Д. Святополк-Мирский

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации проекта РНФ 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

Для цитирования: Крот М.Н. «Местная власть не соответствует действительным потребностям времени…»: имперская администрация Северо-Западного края России в условиях роста социальной напряженности начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 24–34. doi: 10.17223/19988613/91/3

Original article

“The local government does not correspond to the actual needs of the time...”: the imperial administration of the North-Western Territory of Russia amid growing social tension at the beginning of the 20th century

Maxim N. Krot

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, konservator78@mail.ru

Abstract. At the beginning of the 20th century, the Northwestern Territory of the Russian Empire, which included the Vilna, Kovno and Grodno provinces, was a tangled knot of ethno-confessional, socio-economic and political problems and contradictions caused by the challenges of the new era and requiring an adequate and prompt solution from the local authorities. To the long-term and already familiar to the local administration problems associated with the need for Russification and depolonization of the region, new questions were added, caused by the growing labor movement, which had a special ethnic specificity in the region.

The purpose of this article is to identify the main problem points in the activities of the administration of the North-West Territory, isolating from them the shortcomings inherent in the bureaucratic apparatus of the Russian Empire at the beginning of the 20th century as a whole and the problems characteristic of this particular region.

The study is based on archival and published historical sources of various types, some of which are introduced into scientific circulation for the first time, allowing you to get an idea of various management practices in the region, conflict situations, many of which were due to the personal characteristics of local management personnel. An important source containing not only information about the state of the region, but also specific proposals to improve the efficiency of local authorities is the " All-Subject Report" of the Governor-General of Vilna, Prince P.D. Svyatopolk-Mirsky, some plots of which are still insufficiently researched.

The article examines the main problems of regional management of the north-western outskirts of Russia, which are characteristic of the empire as a whole, which include the lack of a legal framework that corresponded to the realities of the time, the short-term tenure of governors in their posts and the inconsistency of personnel policy in relation to the

© М.Н. Крот, 2024

regional administration, the low level of competence of regional officials at various levels, refusal to cooperate with local public forces, to which the regional authorities experienced a steady distrust. The proposals put forward by P.D. Svyatopolk-Mirsky consisted in developing a modern legal framework for local administration activities, and also defined decentralization of the management system through the transfer of some powers from central departments to managing departments. Based on the material studied, it is concluded that at the beginning of the 20th century, the organization of the work of the imperial administration of the North-Western Territory did not correspond to the realities of the time and faced the need for a global reorganization, the degree of its effectiveness depended on the further stay of the region within the Russian Empire.

Keywords: Russian Empire, Northwestern Territory, russification, labor movement, governor-general power, bureaucracy, P.D. Svyatopolk-Mirsky

Acknowledgements: The publication was prepared as part of the implementation of the RNF project 17-78-20117 “National Outskirts in the Politics of the Russian Empire and Russian public Thought”.

For citation: Krot, M.N. (2024) “The local government does not correspond to the actual needs of the time...”: the imperial administration of the North-Western Territory of Russia amid growing social tension at the beginning of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 91. pp. 24–34. doi: 10.17223/19988613/91/3

Северо-западные окраины Российской империи в начале XX в. представляли собой сложный узел национальных, конфессиональных, социально-экономических проблем и противоречий. В крае происходило постепенное нарастание протестного движения, обусловленного как ситуативными обстоятельствами, такими как экономический спад начала столетия, так и долгосрочными факторами, связанными с неравноправием различных этноконфессиональных групп местного населения, бесправием и тяжелым экономическим положением рабочего класса, политикой русификации, проводимой имперскими властями. Указанные проблемы требовали оперативного решения, гибкого и компромиссного реагирования, к которому правительство и его агенты в лице местной администрации оказались не готовы в силу инертного характера своей деятельности, содержание которой во многом определялось реалиями предшествующей эпохи.

Правительственная политика в отношении Северо-Западного края затрагивалась исследователями как в рамках общих работ, посвященных имперскому измерению российской истории конца XIX – начала XX в. [1–5], так и в исследованиях, связанных с непосредственным изучением различных аспектов развития западных окраин Российской империи [6; 7; 8. P. 43–44; 9. P. 50–54]. В целом ряде работ деятельность имперской администрации Северо-Западного края и степень ее эффективности оцениваются через призму решения местных конфессиональных вопросов [10. С. 167–186; 11; 12. С. 210–249]. Особенность всех указанных исследований состоит в том, что проблемы управления северо-западными окраинами рассматриваются в них в контексте решения других задач и зачастую в отрыве от характеристики общего состояния российского регионального руководства, во многом не соответствовавшего уровню стоявших перед ним проблем.

Научная новизна представленного исследования заключается в выявлении на основании анализа конкретных ситуативных явлений основных проблемных зон в деятельности имперской администрации Северо-Западного края в условиях актуальных вызовов начала XX в., важнейшим из которых был рост социальной напряженности, вычленив из них недостатки, свойственные бюрократическому аппарату Российской империи данного периода в целом, и проблемы, характерные для данного конкретного региона. Помимо этого, в статье рассматриваются конкретные предложения по повышению эффективности работы местных органов власти, выдвинутые генерал-губернатором П.Д. Святополк-Мирским. Если национальные и конфессиональные вопросы, излагаемые в его отчете, обращали на себя внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей [13–15], то предложения князя, направленные на повышение эффективности генерал-губернаторской власти, являются малоисследованным аспектом его программы. Данный анализ не только продемонстрирует комплекс проблем, с которыми столкнулись имперские власти в Северо-Западном крае в рассматриваемый период, но и дополнит представления о степени эффективности российского регионального управления в целом в условиях вызовов наступавшей эпохи модерна.

Источниковую базу исследования составляет широкий круг архивных и опубликованных материалов различной видовой принадлежности, в том числе делопроизводственные документы, среди которых особое место занимают политические обзоры состояния северо-западных губерний, позволяющие получить представление о социально-политической обстановке в них и ее динамике, распоряжения центральных и местных властей, касающиеся Северо-Западного края, отчеты местных генерал-губернаторов И.С. Каханова, В.Н. Троцкого, П.Д. Святополк-Мирского, содержавшие не только фактографические данные, но и предложения по совершенствованию управления регионом, сформированные на основании анализа ситуации и основных проблем края. В качестве источника также привлекаются материалы местной и центральной периодической печати, освещавшие обстановку в регионе. Особое место среди источников занимает впервые вводимая в научный оборот аналитическая записка А.А. Плансона, содержащая общую характеристику регионального управления и связанных с ним проблем. Значительный информационный пласт, необходимый для раскрытия поставленной темы, включает источники личного происхождения – мемуары, дневники, пе-

переписку как сторонних наблюдателей (В.И. Гурко, А.В. Богданович), так и местных чиновников (П.А. Столыпин, М.М. Осоргин М.М., Н. Неверович, В.В. фон Валь), причем неопубликованные записки двух последних, содержащие ценную информацию о проблемах управления Северо-Западным краем в условиях роста социальной напряженности и задуманной верховными властями административной реформы регионального управления, также впервые вводятся в научный оборот.

Основной причиной социальной напряженности в Северо-Западном крае, который в начале XX в. включал в себя губернии, входящие в состав Виленского генерал-губернаторства – Виленскую, Ковенскую и Гродненскую, являлась политика русификации, активно проводимая в регионе после подавления Январского восстания 1863–1864 гг. Русификация представляла собой сложный комплекс процессов и правительственных мер, направленных на унификацию регионального административного устройства Российской империи, образовательной сферы, создание единого государственного правового поля, распространение русского государственного языка, аккультурацию инородческого населения национальных окраин. На практике же на западных окраинах русификаторская политика носила характер «затянувшейся репрессии» в отношении местного польского населения, соответствуя основным принципам программы, предложенной еще в 1864–1865 гг. одним из наиболее активных ее «архитекторов» и проводников – Виленским генерал-губернатором М.Н. Муравьевым [16, 17]. В течение последующих десятилетий имперская администрация Северо-Западного края с различной степенью интенсивности и рвения реализовывала данную программу, попытки отступления от которой и некоторого смягчения отдельных ее аспектов расценивались националистически настроенными бюрократами, прессой и общественным мнением едва ли не как предательство «русского дела» и содействие «польской интриге».

Новым обстоятельством, усложнявшим управление данным регионом, было активное формирование на рубеже XIX–XX вв. новой литовской идентичности, не вписывавшейся в традиционные имперские представления об этнополитической структуре края как арены борьбы исключительно польского и русского начал, которым другие, более «слабые» и не имеющие глубоких культурных традиций этносы неизбежно будут вынуждены подчиниться. Следует отметить, что в этот период российские власти считали «литвинизм» гораздо менее опасным и более управляемым явлением, нежели «полонизм», опиравшийся на мощную культурную традицию, отсутствовавшую у литовцев. Однако активно проводившаяся имперскими властями политика деполонизации Северо-Западного края, не имея выраженной антилитовской направленности, тем не менее существенно ущемляла и интересы данной этнической группы. Ярким примером такой «косвенной» дискриминации, вызванной стремлением оградить литовцев от польского культурного влияния, являлся запрет на печать литовских книг латино-литовским шрифтом, по замыслам его инициаторов, призванный «содействовать поддержанию национальности» литовцев, развитию самостоятельной литовской культуры и литературы, свободной от «полонизма» [18. С. 239–240]. На практике же данный запрет вызывал резкое отторжение литовского населения Северо-Западного края, которое практически поголовно было вынуждено нарушать его, поскольку книги, напечатанные латинским шрифтом, массово распространялись нелегально и имелись в каждом доме [19. Оп. 101. 3-е делопроизводство. 1903 г. Ч. 1. 23 л., А. л. 4]. Попытки внедрить кириллицу в литовский язык закончились неудачей. Штрафы, конфискации и прочие административные меры пресечения вызывали недовольство и толкали литовское население, в целом довольно лояльно относившееся к российским властям, к разным формам антиправительственных выступлений.

Осознание неэффективности данной политики и проистекавшая из него трансформация характера управленческой деятельности тормозились инертным характером бюрократического мышления высших административных кругов империи и отдельных представителей регионального руководства, не желавших признавать ошибочность данной меры и сохранявших запрет во многом по инерции, несмотря на его очевидный вред [6. С. 386–387].

Еще одним источником социальной напряженности стало стремительно выросшее в начале XX в. рабочее движение, являвшееся неотъемлемым признаком индустриальной модернизации страны. Полицейские органы северо-западных губерний прослеживали в нем определенную эволюцию, отмечая, что если еще несколько лет назад выступления рабочих были чаще всего результатом внешней агитации, то теперь «рабочие в стачечной борьбе обходятся без воздействия интеллигенции, что указывает на рост самосознания самих рабочих, уже не нуждающихся в стороннем руководстве» [19. Оп. 101. 3-е делопроизводство. Ч. 1. 41 л. А. л. 4].

Росту революционных настроений в рабочей среде способствовал экономический кризис начала XX в., который привел к росту безработицы и ухудшению материального положения рабочих северо-западных губерний. Работодатели, используя массовую безработицу в своих корыстных целях, резко понизили заработную плату и увеличили продолжительность рабочего дня до 12 часов, нарушив установленную договоренность о 10-часовом рабочем дне, достигнутую в результате стачки виленских рабочих 1897 г. [20. Оп. 1. Д. 371. Л. 1 об.].

Рабочее движение в Северо-Западном крае имело ярко выраженную этническую окраску, поскольку значительная часть его участников были представителями еврейского населения. Лица иудейского вероисповедания составляли в среднем около 15% населения северо-западных губерний, причем подавляющее большинство из них в силу существовавших административных ограничений концентрировалось в городах, составляя массу беднейших городских слоев – мелких кустарей, ремесленников, неквалифицированных рабочих [21. С. 28–29]. Виленский генерал-губернатор П.Д. Святополк-Мирский, выступавший за снятие ряда ограничений с еврейского населения, подчеркивал, что непродуманные административные запреты привели к его крайней

скученности в городских центрах северо-западных губерний, снижавшей ценность еврейского труда, ведущей к нищете, которая становилась благодатной почвой для распространения антиправительственных революционных настроений [22. Оп. 26. Д. 352. Л. 42 об.].

Вследствие этого рабочие выступления проходили не только в губернских центрах – Вильно, Ковно, Гродно, но и в Сморгони, Шавлях, Поневеже, Белостоке и других городах, где революционные агитаторы, пользуясь тяжелым экономическим положением рабочих и ремесленников, развернули в их среде активную пропаганду, призывая к «экономическому перевороту и ниспровержению существующего государственного строя» [19. Оп. 101. 3-е делопроизводство. Ч. 1. 42 л. А. л. 3 об.]. Показательным фактом было то, что в забастовочном движении, охватившем Северо-Западный край в 1901–1903 гг., принимали участие не только рабочие крупных заводов и фабрик, но и представители мелких полукустарных предприятий и ремесленных артелей – сапожники, кожевники, лесопильщики, портные, чулочницы и многие другие, не только выступавшие за улучшение экономических условий жизни, но и выдвигавшие требования культурного и политического характера [23. С. 624]. Градус напряженности и результаты данных выступлений были самыми различными: от нахождения компромисса между протестующими и хозяевами предприятий, шедшими на экономические уступки рабочим, как было в большинстве случаев, до вооруженных столкновений с воинскими частями и казаками, сопровождавшихся погромами и арестами [20. Оп. 1. Д. 1157. Л. 3].

Наиболее проблемным и неблагополучным в отношении общественного порядка пунктом Северо-Западного края являлся Белосток – уездный город Гродненской губернии. В начале XX в. по численности населения он превосходил губернский центр и являлся крупнейшим в России, да и во всей Европе местом концентрации еврейского населения, подавляющее большинство которого составляли неквалифицированные рабочие и ремесленники, существенно ограниченные в правах и полностью лишенные социальных перспектив. Именно в Белостоке в 1903 г. возникла первая анархистская революционная организация, получившая широкую поддержку в среде еврейского пролетариата, которая уже в 1904 г. провела целый ряд дерзких террористических акций: нападений на полицейских чинов, убийств штрейкбрехеров, покушений на местных предпринимателей и служащих [24. С. 109].

О «невозможном положении» в Белостоке виленскому генерал-губернатору докладывал местный уездный предводитель дворянства Н. Неверович, указывавший, что еврейские революционные организации терроризировали население города, угрожая физической расправой тем, кто пытался им противостоять. Картина жизни Белостока, описываемая им, была весьма удручающей: «Ряд взрывов бомб, револьверная стрельба, ножевые расправы, ряд смертей и увечий, уличные демонстрации с диким криком и пальбой» [20. Оп. 1. Д. 1127. Л. 3 об.]. Все эти эксцессы происходили при фактически полном бездействии полиции, служащие которой были деморализованы и находились в страхе за свою личную безопасность. Неверович отмечал, что данные негативные явления отчасти были спровоцированы злоупотреблениями местных властей, среди которых он особо указывал на взяточничество, царившее в городском Воинском присутствии при освидетельствовании и увольнении запасных [20. Оп. 1. Д. 1127. Л. 1–2].

Следует заметить, что долгое время местные власти не придавали должного значения нараставшему социальному недовольству, не замечая его глубоких социально-экономических и классовых предпосылок и полагаясь на возможность их легкого подавления силовым путем. Антисемитские настроения были широко распространенным явлением среди представителей русской администрации самых разных уровней. Так, гродненский губернатор П.А. Столыпин заявлял, что беспорядки в Белостоке не имеют большой важности, представляя собой, по его словам, не более чем «выходки молодых, нахальных жиденят», которые могут продолжаться и далее, но «при наличности громадного в Белостоке гарнизона» не представляют никакой серьезной опасности [25. С. 84].

Управление краем и сдерживание растущего протестного движения в значительной степени усложнялось наличием в нем многочисленных политических образований и партийных групп, представлявших интересы различных социальных и этнических слоев местного общества. Наиболее многочисленными и влиятельными из них были еврейский Бунд, Литовская социал-демократическая партия, Социал-демократия Королевства Польского и Литвы. Наряду с польскими, литовскими и еврейскими партиями, которые были известны властям, в начале века возникают и первые белорусские политические партии – Белорусская революционная (позже – социалистическая) громада, а также объединение гродненской и минской интеллигенции под названием «Белая Русь», выступавшие за автономию белорусских земель и придерживавшиеся социалистической направленности [26. С. 12].

Местная администрация в лице губернаторской власти в том виде, в котором она существовала в начале XX в., была не в состоянии оперативно и адекватно реагировать на указанные проблемы и эффективно разрешать их. Многие представители имперской администрации, направляемые на окраины империи, не имели ни четкого представления о характере и особенностях местности, где должна была проходить их служебная деятельность, ни четких инструкций об общем направлении государственной политики в отношении конкретного региона.

На протяжении нескольких десятилетий российские имперские власти придавали огромное значение «деполонизации» местной администрации, ограничивая присутствие в ней «лиц польского происхождения» и заботясь о наполнении ее выходцами из великорусских губерний, вводя для них дополнительные привилегии и материальные надбавки. Однако положение русских служащих, оказавшихся в инокультурной и зачастую враждебной среде, было очень непростым; любой промах сразу становился предметом обсуждения и критики местного польского дворянства и ин-

теллигенции [27. С. 84]. К тому же уровень компетентности прибывающих в северо-западные губернии православных служащих зачастую оставлял желать лучшего, что вело к высокой текучести кадров, негативно сказывавшейся на успешности административной деятельности местной бюрократии. Генерал-губернатор В.Н. Троцкий в своем всеподданнейшем отчете отмечал не только низкий образовательный уровень многих служащих администрации северо-западных губерний, но и отсутствие у них необходимого опыта работы с людьми, требующей в специфических условиях региона определенного такта, культуры, терпимости [22. Оп. 22. Д. 222. Л. 15 об].

Предводители дворянства, которые в губерниях Северо-Западного края не избирались, а назначались правительством, не могли оказать эффективного содействия административным органам, поскольку в большинстве случаев были слабо знакомы с условиями местной жизни и предпочитали проживать не по месту службы, а в губернских городах среди русскоязычного населения [28. С. 257]. Отсутствие четкого представления о специфике региона и опыта работы в нем было свойственно и многим представителям высших звеньев местного руководящего аппарата.

В частности, гродненский губернатор М.М. Осоргин в своих мемуарах откровенно писал о своей абсолютной неинформированности в отношении губернии, на должность главы которой он был назначен. Не без иронии он повествовал о тщетных попытках получить инструкции от имперских министров относительно политической линии, которую ему следовало проводить в окраинной губернии, однако кроме общих и довольно невнятных указаний ничего конкретного ему узнать не удалось [29. С. 580–582]. В подобной ситуации оказался и В.В. фон Валь, назначенный на пост главы Виленской губернии, о которой он имел самые смутные представления и куда ехал крайне неохотно, поддавшись на уговоры министра внутренних дел Д.С. Сипягина, предложившего ему щедрое денежное вознаграждение, существенно превышавшее обычное жалование губернаторов [30. Оп. 1. Д. 13. Л. 3–4].

Еще одной серьезной проблемой регионального управления была чрезвычайная краткосрочность пребывания губернаторов на своем посту и их частые перемещения из одного региона в другой, носившие зачастую бессистемный характер, не позволявшие глубоко вникнуть в проблемы управляемой ими административной единицы, сформировать устойчивые служебные связи. Так, например, в одной из наиболее неспокойных губерний Северо-Западного края – Гродненской, за 8 лет (с 1899 по 1907 г.) сменилось 8 (!) губернаторов. Причем только двое из них – Н.А. Добровольский и П.А. Столыпин – имели опыт предшествующей работы в крае и были знакомы с его спецификой [31. С. 101–134].

О низком уровне эффективности губернаторской власти писал крупный помещик, предводитель дворянства, почетный мировой судья, имевший богатый опыт взаимодействия с региональной имперской администрацией, А.А. Плансон. Под воздействием волны крестьянских выступлений, прокатившихся по стране в 1902–1903 гг., в ходе которых местная администрация продемонстрировала полную неспособность оперативного и гибкого решения возникавших перед ней проблем, в конце 1903 г. им была составлена записка, адресованная министру внутренних дел В.К. Плеве, посвященная необходимости реорганизации губернаторской власти.

Стремясь объяснить причины неэффективности управления губерниями, Плансон указывал, что в стране фактически отсутствует современная законодательная база, определявшая полномочия и обязанности губернаторов. Последние в своей деятельности были вынуждены руководствоваться «Общим наказом» гражданским губернаторам 1837 г., который и на момент своего создания был чрезвычайно сложен и запутан, а к началу XX в. безнадежно устарел и совершенно не соответствовал современным реалиям [32. Оп. 1. Д. 316. Л. 3 об.].

Так, согласно «Наказу», губернатор помимо ежедневного пребывания в губернском правлении был обязан регулярно присутствовать в 17 (!) учреждениях, не считая посещения торгов при казенной палате, палате государственных имуществ и удельной конторе [33. С. 9]. Многие губернаторы указывали, что реальное следование указанным инструкциям было в принципе невозможным. Саратовский губернатор А.М. Фадеев, занимавший данный пост еще в начале 1840-х гг., отмечал, что после безуспешных попыток использовать положения «Наказа» в практической деятельности он убедился, что «никакой человеческой силы не станет выполнить его в точности, и что большая часть указаний в нем суть фантазии, а дело в действительности почти никогда так не идет, как в нем указывается» [34. С. 158].

Несмотря на некоторую реорганизацию губернского правления в последующем, на рубеже XIX–XX вв. губернаторы по-прежнему были чрезвычайно загружены множеством малозначимых формальных обязанностей, были вынуждены вести объемную и запутанную переписку, что мешало им детально ознакомиться с реальным положением дел в губернии и своевременно удовлетворять ее насущные потребности. Плансон в своей записке писал: «Губернатор не деятель, а только председатель многих присутствий, то есть бюрократических автоматов, которые видят только бумагу, но не жизнь народную» [32. Оп. 1. Д. 316. Л. 4 об.]. Отмечалось, что ни губернатор, ни, следовательно, верховная власть зачастую не имеет никакого понятия о «житье-бытье» жителей губернии, «их невзгодах и обидах». Причина этого, по мнению Плансона, состояла в том, что правительство не имело в провинции собственных «агентов, которые были бы обязаны знать причины народных бедствий» [32. Оп. 1. Д. 316. Л. 4]. В данном замечании можно усмотреть завуалированную критику принципа бюрократического централизма, лежавшего в основе регионального управления, не допускавшего участия в нем представителей общественности, хорошо знакомой с потребностями и нуждами различных провинций страны. Недоверие, испытываемое властью по отношению к общественным кругам, препятствовало эффективному мониторингу ситуации в регионах

и вело к серьезному запаздыванию в проведении необходимых управленческих мероприятий.

На западных окраинах это недоверие усугублялось национальным составом местной элиты, где доминировали представители польской шляхты и интеллигенции, которые, согласно полицейским отчетам, и в начале XX в. «оставались преданы иллюзиям о восстановлении польской независимости, проникнуты стремлением к обособленности и нетерпимостью всего русского» [19. Оп. 101. 3-е делопроизводство. Ч. 1. 42 л. А. л. 2 об.].

Практически все современники указывали на чрезвычайную загруженность правительственных чиновников мелочной, рутинной работой. Государственный деятель и публицист В.И. Гурко, хорошо знавший изнутри бюрократическую машину Российской империи начала XX в., в своих воспоминаниях отмечал, что «работа в правительственных учреждениях, независимо от степени плодотворности, была огромная, причем работы этой было тем больше, чем выше была занимаемая человеком должность» [35. С. 365]. Нельзя не согласиться с мнением о том, что в бюрократической системе на всех ее уровнях – от столицы до провинции – одновременно происходили распыление и централизация власти, когда все решения, с одной стороны, принимались высшим начальством, которое, с другой стороны, в силу неохватного объема работы стояло перед необходимостью делегировать часть своих полномочий подчиненным, во многом завися от них. Все это вело к неизбежному «распылению» ответственности за принимаемые решения [36. С. 194].

Зачастую губернаторы вели свою управленческую деятельность, руководствуясь собственными представлениями, во многом зависевшими от их происхождения и опыта предшествующей деятельности. Плансон писал, что он лично знал 18 губернаторов, со многими из которых ему довелось активно сотрудничать, и среди них не было и двух, чья деятельность имела бы схожий характер [32. Оп. 1. Д. 316. Л. 14]. Отсутствие единой линии поведения было характерно и для руководства западными окраинами, среди представителей которого происходило постоянное и достаточно бессистемное чередование сторонников жесткой административной политики и умеренных администраторов, стремившихся к поиску компромисса с местным населением [6. С. 264–265].

Не имея точно указанных законом обязанностей и не получая четких инструкций от вышестоящих инстанций, соответствовавших общей политической линии правительства в отношении конкретного региона или групп его населения, губернаторы и другие региональные чиновники были вынуждены добывать необходимую информацию кулуарными путями, следуя неофициальным рекомендациям своих предшественников. Многие представители местной администрации в своих действиях зачастую стремились интуитивно предугадать «веяния», идущие сверху, дабы получить поощрение начальства. Так, во время рабочих выступлений в Белостоке в феврале 1903 г. начальник губернского жандармского управления Гродненской губернии полковник А.Н. Бекнев распорядился отпустить задержанных зачинщиков беспорядков, не получив прямого указания от вышестоящих инстанций, полагая, видимо, что такая мера будет соответствовать стилю управления нового генерал-губернатора П.Д. Святополк-Мирского, а также «новым веяниям Департамента полиции». Но полковник просчитался, неверно интерпретировав «веяния» сверху, за что и получил строгое взыскание [25. С. 84].

Особо острой критике Плансон подвергал деятельность губернской полиции, которая в силу «чрезвычайно низкого интеллектуального уровня всех ее членов и общей неподготовленности к исполнению обязанностей» не только не была в состоянии предотвращать антиправительственные выступления, но и порой своими неумелыми действиями провоцировала их [32. Оп. 1. Д. 316. Л. 4 об.]. К этому необходимо добавить низкий уровень материальной заинтересованности полицейских чинов в исправном исполнении своих служебных обязанностей. На совершенно недостаточное жалование служащих губернской полиции неоднократно указывали генерал-губернаторы Северо-Западного края в своих отчетах, подчеркивая, что данное обстоятельство является «существенным тормозом для привлечения к службе более полезных деятелей» [22. Оп. 22. Д. 222. Л. 16; 37. Оп. 1. Д. 758. Л. 2–2 об.]. Однако, несмотря на неоднократные указания на столь удручающую картину, ситуация не изменялась в течение длительного времени. Так, накануне революции 1905–1907 гг. минские городовые получали жалование от 150 до 180 рублей в год, что в целом было ниже заработной платы квалифицированного рабочего северо-западных губерний [38. Оп. 2. Д. 13335а. Л. 6–7]. Данное обстоятельство не могло не вести к многочисленным служебным злоупотреблениям, а также низкому профессиональному и культурному уровню сотрудников полиции.

Грубость и прямолинейность, свойственные многим губернаторам, имевшим опыт военной службы, настороженность к любым формам общественной активности, отсутствие гибкости и склонность к силовому разрешению возникавших вопросов – все это зачастую провоцировало вспышки социального недовольства и ответные насильственные действия, дестабилизировавшие обстановку в регионах.

В этом отношении особо показательным является пример виленского губернатора В.В. фон Валя, занимавшего данный пост в 1901–1902 гг. Современники давали ему весьма нелицеприятные характеристики, указывая на отсутствие у него всяческого такта и на его крайний консерватизм.

Так, А.В. Богданович, хозяйка известного петербургского салона, в котором собирались представители высшей имперской бюрократии, в своем дневнике описывала фон Валя еще в бытность того столичным градоначальником как «очень дерзкого, нахального, заносчивого и грубого» человека, который при этом ловко «умел устроиться», пользуясь протекцией влиятельного и близкого ко двору консервативного издателя князя В.П. Мещерского [39. С. 176, 267].

С особой жесткостью фон Валь относился к лицам, участвовавшим в любых формах политических выступлений, видя в них преступников, покушавшихся на государственный строй империи и не заслуживав-

ших никакого снисхождения. Именно эта черта виленского губернатора и привела к громкому инциденту в мае 1902 г., когда по его приказу была жестко разогнана первомайская демонстрация виленских рабочих, а задержанные были подвергнуты порке. Незаконная и унизительная экзекуция вызвала всплеск недовольства в рабочей среде и спровоцировала покушение на фон Валя, совершенное 5 мая 1902 г. активным участником еврейского рабочего движения, членом Бунда Хирщем Леккертом.

Рукоприкладство по отношению к нарушителям общественного порядка и всем, кто не подчинялся любым, даже незаконным, требованиям властей, широко практиковалось сотрудниками полицейского ведомства самого разного уровня, что раздражало общественность и народные массы, вызывая ответную реакцию в виде акций протеста и неповиновения властям. Характерный инцидент произошел в неспокойном Белостоке, где во время уже упомянутых февральских беспорядков 1903 г. местный полицмейстер П.У. Метленко потребовал от задержанных, виновность которых еще не была доказана, встать перед ним на колени. Когда один из них – местный корреспондент Щербаков – отказался это сделать, полицмейстер жестоко избил его [25. С. 84]. Гродненский губернатор П.А. Столыпин, хотя неофициально и указал полицмейстеру на недопустимость его «башибузуксих» приемов, тем не менее ходатайствовал перед генерал-губернатором П.Д. Святополк-Мирским о вынесении ему благодарности за усердие при подавлении беспорядков, а также за «личную отвагу и храбрость». Данная мера, по мнению Столыпина, стала бы не только справедливым вознаграждением полицмейстера за «ревностную службу», но и «громовым ударом для агитаторов», призывавших к его наказанию за превышение полномочий [25. С. 84–85]. Вполне закономерным было то, что вскоре Метленко стал объектом покушения, получил тяжелое ранение от рук террористов и был вынужден покинуть службу [29. С. 605].

Следует отметить, что именно ухудшение социально-политической обстановки в Северо-Западном крае и неспособность местных губернаторов совладать с ситуацией стала причиной отказа от планируемого упразднения генерал-губернаторской власти в регионе. О нецелесообразности сохранения данного института в крае еще в конце XIX в. заявлял министр внутренних дел И.Л. Горемыкин, мотивируя свою позицию тем, что генерал-губернаторство представляет собой архаичную и совершенно излишнюю административную инстанцию с чрезвычайными правами, замедляющую решение самых обычных дел и затруднявшую применение государственных законов в отношении окраины [1. С. 217–218].

Сменивший Горемыкина Д.С. Сипягин также был сторонником упразднения генерал-губернаторской власти и передачи значительной части ее полномочий министерству внутренних дел, активно отстаивая свою точку зрения перед императором. Министр указывал, что генерал-губернаторы, являясь в большинстве своем военными, часто становятся в оппозицию к министерству внутренних дел, опираясь на поддержку военного ведомства, что препятствует проведению единой правительственной линии в отношении национальных окраин. Помимо этого, Сипягин подчеркивался тот факт, что многие генерал-губернаторы сосредотачивались преимущественно на понятных и близких им военных вопросах, перепоручая гражданское управление своим управляющим канцелярией, которые по своему положению совершенно не соответствовали уровню решаемых ими вопросов [30. Оп. 1. Д. 13. Л. 1 об.–2].

Все указанные аргументы Сипягин излагал Николаю II, который, однако, отказался упразднить генерал-губернаторство в Северо-Западном крае, согласившись лишь на незамещение должности виленского генерал-губернатора в течение 3 лет в виде опыта. В особом распоряжении, вышедшем 21 июня 1901 г., подчеркивалось, что в этот период «все права и обязанности генерал-губернатора по всем особым установлениям, изданным как для всего западного края, так и по трем губерниям, находившимся в ведении виленского генерал-губернатора (Виленской, Ковенской и Гродненской), возлагаются на министра внутренних дел» [40. Оп. 190. Д. 91. Л. 1 об.]. Чиновники генерал-губернаторской канцелярии оставались на занимаемых ими должностях с сохранением жалования, однако откомандировывались частично в распоряжение министерства внутренних дел, а частично – в распоряжение глав трех северо-западных губерний «для усиления вообще недостаточного личного состава подведомственных им губернских учреждений». Денежные суммы, отпускаемые на содержание генерал-губернаторского управления, теперь должны были передаваться в ведение министра внутренних дел [40. Оп. 190. Д. 91. Л. 2 об.–3].

После смерти виленского генерал-губернатора Троцкого в мае 1901 г. должность верховного главы края более года оставалась вакантной. Сипягин был уверен, что по прошествии трех лет ненужность данного института в регионе станет очевидной и он будет окончательно упразднен. Однако дальнейшее развитие событий показало преждевременность данных устремлений. Попытка министра внутренних дел придать виленскому губернатору «исключительное» положение в крае и заставить ковенского и гродненского губернаторов подчиняться ему не имели никакого правового оформления и были нереализуемы на практике. Глава Виленской губернии В.В. фон Валь вспоминал, что каждый из местных губернаторов имел собственное представление о характере и методах реализации правительственной политики в отношении северо-западной окраины, что привело к противоречиям в деятельности администрации, крайне негативно сказавшимся на обстановке в крае. Помимо этого, управление губерниями осложнилось тем, что по множеству незначительных вопросов, разрешаемых ранее на уровне генерал-губернатора, главы губерний были вынуждены вступать в сношения с центральным ведомством, что еще более затруднило управленческий процесс и увеличило и без того громоздкую ведомственную переписку [30. Оп. 1. Д. 13. Л. 10–10 об.].

Незамещение должности генерал-губернатора в общественных кругах Северо-Западного края вызвало

толки об изменении государственной политики в отношении региона, об отказе от политики русификации. Газеты писали, что данное административное решение нанесло мощный удар «русскому делу» в крае и позволило «нерусским элементам» поднять голову [41. 1902. № 23. С. 1]. Стремительное ухудшение социально-политической обстановки в регионе в 1902 г., громкие резонансные инциденты, такие как выход циркуляра виленского католического епископа С. Зверовича [12. С. 468–469] или уже упомянутое покушение на губернатора фон Валя, вызванные непродуманными и жесткими мерами местных властей, привели к восстановлению генерал-губернаторства, в котором видели средство к нормализации ситуации путем консолидации всей региональной администрации. Генерал-губернатор самим фактом своего присутствия должен был символизировать русские государственные начала в крае, отвечая за поддержание общественного порядка и пресекая злоупотребления отдельных представителей администрации [5. С. 339–340]. На восстановленную должность виленского генерал-губернатора осенью 1902 г. был назначен князь П.Д. Святополк-Мирский, имевший репутацию либерального бюрократа.

Рост противозаконных действий, захлестнувших губернии Северо-Западного края в первые годы XX столетия, побуждал власти активно прибегать к внесудебным административным мерам их пресечения, демонстрируя бессилие законных мер сохранения общественного порядка.

В ноябре 1903 г. глава Северо-Западного края выпустил «Обязательное постановление», распространявшееся на жителей Виленской, Ковенской и Гродненской губерний, в котором объявлялось об ужесточении мер по охране общественного порядка. Постановление запрещало «всякие собрания без надлежащего разрешения», а также «сходбища для действий или же совещаний, направленных против общественного порядка и спокойствия». Запрещались хранение и продажа огнестрельного и холодного оружия лицам, не имевшим именного разрешения на содержание оружия, а также незаконное ношение форменной одежды, знаков различия, а также присвоение чужого звания. Особое внимание уделялось пресечению ложных слухов, «возбуждающих в населении тревогу или же опасение за личную или имущественную безопасность». За нарушение указанных требований помимо судебного наказания следовали внесудебные административные меры – арест сроком до трех месяцев или денежный штраф в размере до 500 рублей [42. 1903. № 79. С. 1].

Однако данные постановления носили ситуативный характер и не могли повлиять на общую ситуацию на окраинах империи, система управления которыми не отвечала насущным вызовам современности. За два года пребывания в должности генерал-губернатора князь П.Д. Святополк-Мирский на собственном опыте ощутил всю степень неэффективности постановки генерал-губернаторской власти в стране, выступив с инициативой ее немедленной реорганизации, изложенной им в его Всеподданнейшем отчете императору Николаю II.

Данный отчет, который был охарактеризован императором как «целая программа правительственной политики», представлял собой глубокий аналитический документ, содержащий многочисленные предложения, направленные на повышение эффективности управления краем.

Глава Северо-Западного края заявлял, что генерал-губернаторская власть не отвечает современным требованиям управления в силу ее основания на «законоположениях старого времени», не соответствующих современным реалиям. [22. Оп. 26. Д. 352. Л. 47 об., 49 об.].

Святополк-Мирский указывал на ограниченность компетенций губернаторов, вынужденных вступать в сношения с соответствующими министерствами по многим незначительным вопросам, имевшим исключительно местное значение, что неоправданно увеличивало и без того значительную служебную переписку. Смешение в общей массе «вопросов первейшей важности» и дел, утративших «после вхождения в определенные нормы» свою значимость, крайне обременяло как местный бюрократический аппарат, весьма незначительный по составу, так и центральные ведомства, задыхавшиеся от гигантского массива мелких дел, идущих с мест и требующих исключительного решения «сверху». Исходя из этого, Святополк-Мирский выступал за расширение полномочий генерал-губернатора Северо-Западного края и предоставление ему «права разрешать своею властью дела, не имеющие общего государственного значения и в отношении порядка разрешения которых… имеются точные указания или в самом законе, или в разъяснениях министров внутренних дел» [22. Оп. 26. Д. 352. Л. 47 об.–48].

Другим важным аргументом в пользу расширения полномочий генерал-губернаторской власти на северо-западной окраине России являлось усиление социально-политической напряженности в регионе. Генерал-губернатор подчеркивал, что «с развитием в населении правосознания значение нравственного воздействия угасает. Заменить это воздействие должна власть реальная, имеющая право карать» [22. Оп. 26. Д. 352. Л. 49]. Святополк-Мирский, на собственной практике убедившийся в ограниченности реальных средств противодействия силам, нарушавшим общественный порядок, имеющихся в распоряжении местной администрации, предлагал предоставить генерал-губернатору право издавать обязательные постановления по предметам, относящимся к предупреждению нарушения всякого порядка, и устанавливать «особые взыскания» за нарушение данных постановлений [22. Оп. 26. Д. 352. Л. 49].

Стремясь подкрепить свою инициативу авторитетным мнением высших инстанций, виленский генерал-губернатор ссылался на мнение Комитета министров, высказанное еще в 1876 г., о том, что «органы административной власти должны быть снабжены необходимыми средствами для успешного исполнения возложенных на них (генерал-губернаторов. – *М.К.*) обязанностей по охранению общественного благочиния, порядка и безопасности». Комитет признавал, что законодательство не может предусмотреть всех обстоятельств, условий и случаев деяний, угрожавших государственному порядку, из чего, однако, не вытекало решения о предо-

ставлении местной администрации прав налагать взыскания за нарушение издаваемых постановлений, виновные в которых подлежали исключительно судебной ответственности. Святополк-Мирский считал, что такое решение во многом обесценивало значение административной власти, которая могла применить по отношению к лицам, совершившим деяния, подрывавшие авторитет имперских властей и угрожавшие общественному порядку, лишь незначительные взыскания, достигавшиеся посредством длительного судебного процесса. Данное обстоятельство позволяло нарушителям не бояться ответственности и фактически безнаказанно игнорировать постановления региональной имперской администрации, что вело к дестабилизации обстановки на окраинах. К тому же политическая и социальная обстановка на окраинах в начале XX в. значительно отличалась от ситуации 25-летней давности.

Обязательное постановление генерал-губернатора, по мнению Святополк-Мирского, должно было стать нерушимым законом для местного населения, за нарушением которого следовало бы молниеносное и жесткое наказание, исходящее от издавшей данное постановление власти. Глава Северо-Западного края настаивал на предоставлении генерал-губернаторской власти права подвергать нарушителей его постановлений краткосрочному аресту или денежному штрафу во внесудебном порядке, что должно было стать адекватным административным ответом на тот вал правонарушений и проступков, который был порожден «новыми формами общественной деятельности, труда и новыми запросами в жизни» [22. Оп. 26. Д. 352. Л. 49 об.].

Таким образом, Святополк-Мирский выступал за дальнейшее расширение права высших местных властей края в лице генерал-губернатора прибегать к административным, внесудебным методам борьбы с нарушениями государственного порядка и общественного спокойствия. Данная инициатива генерал-губернатора, имевшего репутацию «либерального бюрократа», свидетельствовала о стремительном ухудшении социально-политической обстановке в Северо-Западном крае, росте революционного и национально-освободительного движения в регионе, справиться с которым законными правовыми методами имперские власти были не в состоянии.

Общественно-политический подъем начала XX в. выявил многочисленные недостатки российской региональной администрации и ее общее несоответствие реалиям и вызовам начавшегося столетия. К основным проблемным точкам управления северо-западными окраинами, характерным для всей имперской бюрократии в целом, следует отнести устаревшую нормативно-правовую базу, не соответствовавшую реалиям времени, ситуативность кадровой политики, граничившую с бессистемностью, наиболее ярким проявлением которой была краткосрочность пребывания значительного числа губернаторов на своих постах и их причудливые межрегиональные трансферы, далеко не всегда обусловленные практической целесообразностью и вызванные зачастую сугубо субъективными интересами вышестоящего руководства. Данное обстоятельство вело к тому, что на ответственном посту главы губернии могли оказаться люди, совершенно не знакомые с особенностями региона, что в специфических условиях Северо-Западного края отрицательно сказывалось на эффективности управленческой деятельности. Начальники Северо-Западного края неоднократно указывали на невысокий уровень профессиональной компетентности местных чиновников различных уровней, обусловленный сохранявшимся этноконфессиональным критерием отбора служащих и сложностью адаптации приезжих из центральных губерний к местным условиям. Затрудняла работу региональной администрации и сохранявшаяся взаимная отчужденность имперских властей и местной общественности, к которой администрация испытывала устойчивое недоверие, усматривая в любых проявлениях ее активности антиправительственный подтекст. Все эти обстоятельства свидетельствовали о неспособности администрации Северо-Западного края в том виде, в котором она находилась к началу XX в., эффективно управлять регионом и побуждали к поиску новых форм и методов управленческой деятельности.

Передовые общественные круги и представители российской либеральной бюрократии выступали за скорейшую реорганизацию местного управления, которая могла осуществляться двумя путями – посредством активного привлечения к местному управлению общественных сил путем расширения прав земских органов и создания их в тех регионах, где они отсутствовали, либо путем частичной децентрализации административной системы через существенное расширения полномочий губернаторской и генерал-губернаторской власти. Необходимость данной реорганизации, в какой бы форме она ни осуществлялась, особенно актуальной на окраинах империи в начале XX в., осознавалась все большим количеством представителей имперской администрации, понимавших, что от ее успеха зависит не только поддержание общественного порядка на окраинах и в центральных губерниях империи, но и ее общая целостность в будущем.

Список источников

1. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX–XX вв.). СПб. : ЛИСС, 1998. 1000 с.
2. Миронов Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб. : Дмитрий Буланин, 2017. 640 с.
3. Миллер А. Империя Романовых и национализм. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.
4. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М. : Традиция–Прогресс, 2000. 342 с.
5. Becker S. Russia and the concept of empire // Ab imperio. 2000. № 3/4. P. 329–343.
6. Западные окраины Российской империи / науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.
7. Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М. : Индрик, 1999. 271 с.
8. Rodkiewicz W. Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905). Lublin : Scientific Society of Lublin, 1998. 257 p.
9. Weeks T.R. Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb, Il : Northern Illinois University Press, 1996. 297 p.
10. Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Минск : Белорус. гос. ун-т, 2010. 439 с.

11. Табунов В.В. Взаимоотношения римско-католического духовенства и церковно-приходских школ на белорусских землях в начале XX столетия // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. 2007. № 1. С. 71–75.
12. Ганчар А.И. Римско-католическая церковь в Беларуси (вторая половина XIX – начало XX вв.). Гродно : ГГАУ, 2010. 510 с.
13. Jaśkiewicz L. Polityka narodowościowa caratu w świetle raportó w generałów-gubernatorów wileńskich z początk u XX w. // Dzieje Najnowsze. 1998. T. XXX, z. 3. S. 19–28.
14. Jurkowski R. Jeszcze raz o memoriale generała-gubernatora wileńskiego księcia Piotra Światopełka-Mirskiego z 1904 r. (na marginesie pisarstw a historycznego Rimantasa Vébry) // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2010. T. 1. S. 527–541.
15. Крот М.Н. «Поставить литовскую народность на правильный путь развития…»: записка князя П.Д. Святополк-Мирского по вопросу о латино-литовском шрифте. // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 1. С. 205–221.
16. Муравьев М.Н. Записка, лично представленная Государю Императору в Петербурге 5 апреля 1865 года // Русский Архив. 1885. № 6. С. 197–199.
17. Муравьев М.Н. Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края // Старина и новизна : исторический сборник. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1898. Кн. II. С. 300–312.
18. Сталюнас Д. Идентификация, язык и алфавит литовцев в российской национальной политике 1860-х годов // Ab Imperio. 2005. № 2. С. 225–254.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102.
20. ГАРФ. Ф. 1729.
21. Розенблат Е., Еленская И. Динамика численности и расселения белорусских евреев в XX в.// Диаспоры. 2002. № 4. С. 27–52.
22. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 560.
23. Довнар-Запольский М.В. История Белоруссии. Минск : Беларусь, 2003. 678 с.
24. Пейч Д. Колыбель анархистского террора // Родина. 2012. № 12. С. 109–111.
25. Столыпин П.А. Переписка. М. : РОССПЭН, 2004. 704 с.
26. Турук Ф.Ф. Белорусское движение : очерк истории национального и революционного движения белорусов. М. : Гос. изд-во, 1921. 144 с.
27. Кузьмин А.Д. Конфессиональный и национальный состав чиновничества белорусских губерний в 1864–1914 гг. // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 81–88.
28. Подорожняя Е.А. Институт предводителей дворянства в Беларуси во второй половине XIX – в начале XX в. // Беларусь у пачатку XX ст. : да 100-годдзя БДПУ. Мінск : БДПУ, 2014. С. 254–260.
29. Осоргин М.М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение всей моей жизни, 1861–1920. М. : Рос. фонд культуры, 2009. 999 с.
30. РГИА. Ф. 916.
31. Афанасьева Т.Ю., Горячева Р.Ф., Швед В.В. Гродненские губернаторы (1801–1917 гг.) : документально-биографические очерки. Гродно : Гродненская тип., 2007. 168 с.
32. ГАРФ. Ф. 586.
33. Алексеев С.А., Михеева Ц.Ц. Управление губерниями по «Наказу губернаторам» 1837 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. 2008. № 2. С. 5–11.
34. Фадеев А.М. Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. Одесса : Тип Южно-рус. о-ва печ. дела, 1897. 256 с.
35. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М. : Новое литературное обозрение, 2000. 810 с.
36. Соловьев К.А. Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 296 с.
37. РГИА. Ф. 1604.
38. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 299.
39. Богданович А.В. Три последних самодержца. М. : Новости, 1990. 608 с.
40. РГИА. Ф. 1284.
41. Свет : ежедневная политическая, экономическая и литературная газета.
42. Ковенские губернские ведомости : официальная газета.

References

1. Dyakin, V.S. (1998) *Natsional'nyy vopros vo vnutrenney politike tsarizma (XIX–XX vv.)* [The National Question in the Domestic Policy of Tsarism (19th–20th Centuries)]. St. Petersburg: LISS.
2. Mironov, B.N. (2017) *Upravlenie etnicheskim mnogoobraziem Rossiyskoy imperii* [Managing Ethnic Diversity of the Russian Empire]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
3. Miller, A. (2006) *Imperiya Romanovykh i natsionalizm* [The Romanov Empire and Nationalism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Kappeler, A. (2000) *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknovenie. Istoriya. Raspad* [Russia as a Multinational Empire. Emergence. History. Collapse]. Moscow: Traditsiya–Progress.
5. Becker, S. (2000) Russia and the concept of empire. *Ab imperio*. 3/4. pp. 329–343.
6. Dolbilov, M. & Miller, A. (eds) (2006) *Zapadnye okrainy Rossiyskoy imperii* [The Western Outskirts of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. Gorizontov, L.E. (1999) *Paradoksy imperskoy politiki: polyaki v Rossii i russkie v Pol'she* [Paradoxes of Imperial Policy: Poles in Russia and Russians in Poland]. Moscow: Indrik.
8. Rodkiewicz, W. (1998) *Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905)*. Lublin: Scientific Society of Lublin.
9. Weeks, T.R. (1996) *Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914*. DeKalb, Il: Northern Illinois University Press.
10. Bendin, A.Yu. (2010) *Problemy veroterpimosti v Severo-Zapadnom krae Rossiyskoy imperii (1863–1914 gg.)* [Problems of religious tolerance in the North-West region of the Russian Empire (1863–1914)]. Minsk: BSU.
11. Tabunov, V.V. (2007) Vzaimootnosheniya rimsko-katolicheskogo dukhovenstva i tserkovno-prikhodskikh shkol na belorusskikh zemlyakh v nachale XX stoletiya [Relationships between the Roman Catholic clergy and parochial schools in the Belarusian lands in the early 20th century]. *Vesnik Mazyrskaga dzyarzhaŭnaga pedagagichnaga ŭniversiteta imya I. P. Shamyakina*. 1. pp. 71–75.
12. Ganchar, A.I. (2010) *Rimsko-katolicheskaya tserkov' v Belarusi (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [The Roman Catholic Church in Belarus (second half of the 19th – early 20th century)]. Grodno: GSAU.
13. Jaśkiewicz, L. (1998) Polityka narodowościowa caratu w świetle raportó w generałów-gubernatorów wileńskich z początk u XX w. *Dzieje Najnowsze*. 30(3). pp. 19–28.
14. Jurkowski, R. (2010) Jeszcze raz o memoriale generała-gubernatora wileńskiego księcia Piotra Światopełka-Mirskiego z 1904 r. (na marginesie pisarstw a historycznego Rimantasa Vébry). *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 1. pp. 527–541.
15. Krot, M.N. (2020) “Postavit' litovskuyu narodnost' na pravil'nyy put' razvitiya…”: zapiska knyazya P.D. Svyatopolk-Mirskogo po voprosu o latino-litovskom shrift [“To put the Lithuanian nationality on the right path of development...”: A note by Prince P.D. Svyatopolk-Mirsky on the Latin-Lithuanian font]. *Quaestio Rossica*. 8(1). pp. 205–221.

16. Muraviev, M.N. (1885) Zapiska, lichno predstavlennaya Gosudaryu Imperatoru v Peterburge 5 aprelya 1865 goda [The note personally presented to the Emperor in St. Petersburg on April 5, 1865]. *Russkiy Arkhiv*. 6. pp. 197–199.
17. Muraviev, M.N. (1898) Zapiska o nekotorykh voprosakh po ustroystvu Severo-Zapadnogo kraya [Note on some issues regarding the structure of the North-Western Territory]. In: Sheremetev, S.D. (ed.) *Starina i novizna: istoricheskiy sbornik* [Old and New: A historical collection]. Vol. 2. St. Petersburg: M. Stasyulevich. pp. 300–312.
18. Stalyunas, D. (2005) Identifikatsiya, yazyk i alfavit litovtsev v rossiyskoy natsional'noy politike 1860-kh godov [Identification, language, and alphabet of Lithuanians in Russian national policy of the 1860s]. *Ab Imperio*. 2. pp. 225–254.
19. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 102.
20. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 1729.
21. Rozenblat, E. & Elenskaya, I. (2002) Dinamika chislennosti i rasseleniya belorusskikh evreev v XX v. [Dynamics of the number and settlement of Belarusian Jews in the 20th century]. *Diaspory*. 4. pp. 27–52.
22. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 560.
23. Dovnar-Zapolskiy, M.V. (2003) *Istoriya Belorussii* [History of Belarus]. Minsk: Belarus'.
24. Peych, D. (2012) Kolybel' anarkhistskogo terrora [The Cradle of Anarchist Terror]. *Rodina*. 12. pp. 109–111.
25. Stolypin, P.A. (2004) *Perepiska* [Correspondence]. Moscow: ROSSPEN.
26. Turuk, F.F. (1921) *Belorusskoe dvizhenie: ocherk istorii natsional'nogo i revolyutsionnogo dvizheniya belorusov* [The Belarusian Movement: An Essay on the History of the National and Revolutionary Movement of Belarusians]. Moscow: Gos. izd-vo.
27. Kuzmin, A.D. (2018) Konfessional'nyy i natsional'nyy sostav chinovnichestva belorusskikh guberniy v 1864–1914 gg. [Confessional and National Composition of the Officialdom of the Belarusian Provinces in 1864–1914]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. A. Gumanitarnye nauki*. 1. pp. 81–88.
28. Podorozhnyaya, E.A. (2014) Institut predvoditeley dvoryanstva v Belarusi vo vtoroy polovine XIX – v nachale XX v. [The Institute of Marshals of the Nobility in Belarus in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In: *Belarus' u pachatku XX st.: da 100-goddzya BDPU* [Belarus in the early 20th Century: The 100th Anniversary of the Belarusian Democratic Party of Belarus]. Minsk: BDPU. pp. 254–260.
29. Osorgin, M.M. (2009) *Vospominaniya, ili Chto ya slyshal, chto ya videl i chto ya delal v techenie vsey moey zhizni, 1861–1920* [Memories, or What I Heard, What I Saw, and What I Did Throughout My Life, 1861–1920]. Moscow: Russian Cultural Foundation.
30. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 916.
31. Afanasieva, T.Yu., Goryacheva, R.F. & Shved, V.V. (2007) *Grodnenskie gubernatory (1801–1917 gg.): dokumental'no-biograficheskie ocherki* [Grodno Governors (1801–1917): Documentary and Biographical Essays]. Grodno: Grodnenskaya tip.
32. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 586.
33. Alekseev, S.A. & Mikheeva, Ts.Ts. (2008) Upravlenie guberniyami po "Nakazu gubernatoram" 1837 g. [Governance of the provinces according to the "Instruction to the governors" of 1837]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Yuridicheskie nauki*. 2. pp. 5–11.
34. Fadeev, A.M. (1897) *Vospominaniya Andreya Mikhaylovicha Fadeeva* [Memories of Andrei Mikhailovich Fadeev]. Odessa: Tip Yuzhno-rus. o-va pech. dela.
35. Gurko, V.I. (2000) *Cherty i siluety proshlogo* [Features and Silhouettes of the Past]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
36. Soloviev, K.A. (2017) *Khozyain zemli russkoy? Samoderzhavie i byurokratiya v epokhu moderna* [The Master of the Russian Land? Autocracy and Bureaucracy in the Era of Modernity]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
37. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1604.
38. The National Historical Archives of Belarus. Fund 299.
39. Bogdanovich, A.V. (1990) *Tri poslednikh samoderzhtsa* [Three Last Autocrats]. Moscow: Novosti.
40. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284.
41. *Svet: ezhednevnaya politicheskaya, ekonomicheskaya i literaturnaya gazeta*.
42. *Kovenskie gubernskie vedomosti: ofitsial'naya gazeta*.

***Сведения об авторе*:**
Крот Максим Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Южного научного центра Российской академии наук; доцент Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: konservator78@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Krot Maxim N. – Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: konservator78@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.04.2021; принята к публикации 12.09.2024

The article was submitted 13.04.2021; accepted for publication 12.09.2024

Научная статья
УДК 502.56(571.1):94(571.1)
doi: 10.17223/19988613/91/4

Проблема сохранения водных ресурсов ХМАО-Югры в 1960–1970-е гг.: от использования к охране

Максим Станиславович Мостовенко

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия, reiseleiter@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема сохранения водных ресурсов ХМАО-Югры в рамках общегосударственной политики по их охране и использованию. Несмотря на масштабное освоение нефтегазовых месторождений региона, водные системы продолжали играть важную роль, выступая источником питьевого водоснабжения, рыбной продукции, а также служа транспортными путями. Однако усилившаяся антропогенная нагрузка и их истощение обозначили серьезную проблему необходимости поиска баланса между охраной и использованием водных источников.

Ключевые слова: водные ресурсы, ХМАО-Югра, экологическая история Севера Западной Сибири, государственный комитет по науке и технике

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Фонда научно-технологического развития ХМАО-Югры, проект № 2023-572-08 «Между охраной и использованием: проблема компромисса экономических и экологических интересов общества и государства на примере индустриального развития ХМАО-Югры в 1960–1980-е гг.».

Для цитирования: Мостовенко М.С. Проблема сохранения водных ресурсов ХМАО-Югры в 1960–1970-е гг.: от использования к охране // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 35–42. doi: 10.17223/19988613/91/4

Original article

The problem of preserving water resources of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra in the 1960s–1970s: from use to protection

Maxim S. Mostovenko

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation, reiseleiter@mail.ru

Abstract. In this article, the author considers the problem of preserving the water resources of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Ugra within the framework of the national policy for their protection and use. Despite the large-scale development of oil and gas fields in the region, water systems continued to play an important role, acting as sources of drinking water supply, fish products, and also serving as transport routes. However, the increased anthropogenic pressure on and depletion of water sources is a major challenge in terms of balancing protection and use. In this regard, the main purpose of the article is to consider the main trends in the state policy on the use of water resources in the region during its industrial development.

The source base of the study was the materials of the Russian State Archive of Economics (Fund 9480 - State Committee for Science and Technology, fund 436 - Ministry of Water Management and Land Reclamation), as well as the State Archive of Ugra (Fund R-1 - Executive Committee of People's Deputies of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug; R-6 Fund - State Statistics Committee; Fund 297 - Ob-Taz branch of the Siberian branch of the Research Institute of Fisheries).

The development of oil and gas fields in the North of Western Siberia, which began in the 1960s, was one of the turning points in the history of the region. The "old" resources (forest, water) were replaced by "new" (oil and gas), which have great modernization potential. At the same time, the importance of water resources for the region continued to persist. At the same time, the USSR, possessing one of the largest water reserves per capita, experienced a serious water shortage. In this regard, the national policy in the water sector developed in three directions: the development of the regulatory framework, the improvement of the management system, the introduction of achievements of scientific and technological progress.

For Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Ugra, water resources played an important role, primarily serving as sources of valuable fish species, as well as being important transport arteries and providing drinking water to the population. However, despite the measures taken to ensure the protection of water resources, they experienced a serious negative impact from the oil and gas complex.

Ultimately, the balance in the issue of protection and use of water resources in the region was shifted towards their active use in the national economy.

© М.С. Мостовенко, 2024

Keywords: water resources, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, environmental history of the North of Western Siberia, state committee for science and technology

Acknowledgements: The study was carried out at the expense of a grant from the Foundation for Scientific and Technological Development – Yugra, project No. 2023-572-08 "Between protection and use: the problem of compromise of economic and environmental interests of society and the state on the example of industrial development of the Khanty–Mansiysk Autonomous Okrug in the 1960s–1980s."

For citation: Mostovenko, M.S. (2024) The problem of preserving water resources of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra in the 1960s–1970s: from use to protection. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 91. pp. 35–42. doi: 10.17223/19988613/91/4

Начавшееся в 1960-е гг. освоение нефтегазовых месторождений на территории Севера Западной Сибири стало одним из поворотных моментов в истории региона. Основной вектор экономического развития начал смещаться от традиционной системы природопользования к индустриальной. На смену «старым» ресурсам (лесные, водные) пришли «новые» (нефть и газ), обладающие большим модернизационным потенциалом [1]. Однако значимость водных ресурсов для региона продолжала сохраняться. Многочисленные озера и реки выступали не только в качестве источника продовольствия, обеспечения населения новых городов водой для питьевых и промышленных нужд, но и являлись важными транспортными коммуникациями, по которым перевозилось значительное число грузов [2. С. 105]. Вместе с тем масштабное промышленное строительство, активные урабанизационные процессы не могли не сказаться на состоянии водных ресурсов региона, которые постепенно деградировали. Для наиболее полного понимания ситуации с использованием и охраной водных источников Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в рассматриваемый период обратимся к общегосударственной политике в сфере водного хозяйства страны.

Несмотря на то, что СССР обладал одними из крупнейших запасов воды на душу населения (примерно 18 тыс. м^3) [3. С. 42], проблема обеспечения людей качественной питьевой водой, а также снабжения предприятий водой для производства продолжала сохраняться. В первую очередь она затрагивала промышленно развитые районы. На проведенном в мае 1960 г. заседании Всесоюзного совета научно-технических обществ председателем Совета по проблемам водного хозяйства АН СССР В.В. Звонковым отмечалось, что «в очень плохом состоянии находится Урал. Промышленность требует очень большого количества воды, а воды нет. <…> И чем больше развиваются наше производство и производительные силы, тем острее и острее становиться этот вопрос. Это уже становится одной из важнейших проблем» [4. С. 82]. Подтверждалось это и сведениями Министерства водного хозяйства и мелиорации СССР, в которых говорилось: «В результате загрязнения водоемов, рек и подземных вод в настоящее время многие населенные пункты и целые районы страны (г. Харьков, г. Челябинск, Донбасс, промышленные районы Урала, г. Караганда, Башкирия, области Центрального экономического района и др.) испытывают острый недостаток воды» [5. Л. 7]. Принятие в 1960 г. закона «Об охране природы в РСФСР», который запрещал «ввод в эксплуатацию предприятий, цехов и агрегатов, сбрасывающих сточные воды, без выполнения мероприятий, обеспечивающих их очистку» [6], должно было поставить под государственный контроль состояние водных источников. Однако в связи с тем, что вопросы охраны возлагались на многочисленные министерства и ведомства, которые в том числе их и эксплуатировали, контроль за соблюдением ими природоохранного законодательства, а также отсутствие единого надзорного органа вызывали определенные проблемы. Это в конечном счете ставило перед руководством страны дилемму: как обеспечить баланс между строительством и развитием промышленных предприятий и улучшением состояния водных ресурсов страны?

Здесь государственная политика развивалась в нескольких направлениях. В первую очередь начинает формироваться нормативно-правовая база в сфере использования и охраны водных источников. В течение 1970-х гг. вслед за уже упомянутым законом «Об охране природы в РСФСР», принимаются Основы водного законодательства Союза ССР и союзных республик (1970) [7], разграничивавшие между ведомствами сферы использования и охраны вод, затем Водный кодекс РСФСР (1972) [8], регламентировавший основные направления использования водных ресурсов, Положение о государственном санитарном надзоре в СССР (1973) [9], разработанное совместно с Минводхозом СССР в части контроля за выпуском сточных вод [10. Л. 5]. Таким образом, формирование законодательной базы определяло основные принципы водопользования в стране.

Вторым направлением стало развитие системы управления водными ресурсами. В данном случае речь шла о применении системы бассейнового управления водными системами, ставшей вновь актуальной с начала 1960-х гг. [11]. Как отмечает историк А.В. Шмыглева, «создание бассейновых органов управления в СССР связано с идеей рационального водопользования, которая стала основой политики природопользования в 1960–1970-х гг.» [12. С. 182]. Например, рассматриваемый нами Обь-Иртышский речной бассейн был разделен на два управления: Верхнеобское и Нижнеобское. Последнее отвечало за состояние нижнего течения рек Оби и Иртыша, в том числе и в границах Ханты-Мансийского автономного округа. Кроме того, для контроля за санитарным состоянием рек создавались бассейновые инспекции, проводившие проверку выполнения природоохранного законодательства. Подобные проверки проводились совместно с органами санитарного надзора и членами постоянных комиссий по охране природы при местных советах депутатов трудящихся.

Вместе с тем административно-территориальный подход к управлению водными ресурсами обладал рядом недостатков. Прежде всего, вопросы охраны водных источников не были первостепенно значимы и рассматривались в качестве вторичных задач [12. С. 183]. Это усиливало фактор ведомственности на местах, когда при выполнении плановых показателей не учитывались последствия для соседних водопользователей, что приводило к истощению водных ресурсов. Касалось это и проблем охраны речных систем. Нередки были случаи, когда речные системы активно загрязнялись водопользователями выше по течению, и в регион приходила уже грязная вода, которая дозагрязнялась местными предприятиями.

Третьим направлением в решении рассматриваемой проблемы была выработка единой программы использования и охраны водных ресурсов на научной основе. Здесь весомый вклад внес Государственный комитет по науке и технике при Совете Министров СССР (ГКНТ СССР), который не только отвечал за внедрение передовых достижений науки и техники в производство, но и координировал научно-технологическую политику в стране.

Наиболее активная его деятельность по данному вопросу началась с принятием ЦК КПСС и Советом министров СССР постановления от 29 декабря 1972 г. № 898 «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов» [13], определявшего основные направления природоохранной деятельности и рационального использования природных ресурсов в стране. В рамках реализации данного постановления в 1973 г. при комитете создается Междуведомственный научно-технический совет по комплексным проблемам охраны окружающей природной среды и рациональному использованию природных ресурсов [14. Л. 3]. В составе совета было организовано 13 ключевых секций, а также несколько временных комиссий, деятельность которых была направлена на решение узкоспециализированных проблем охраны окружающей среды. Кроме того, был подготовлен Доклад о воздействии развития народного хозяйства СССР в X пятилетке на окружающую среду, в котором указывалась необходимость проведения ряд конкретных мероприятий, направленных на предотвращение негативного воздействия экономической деятельности на окружающую среду [14. Л. 4]. Рекомендации Междуведомственного совета направлялись в Госплан СССР, а также различные министерства и ведомства и включались в планы развития различных отраслей народного хозяйства. Практически это нашло свое отражение во введении статистической отчетности по вопросам охраны природы, а также заданий по охране природы и улучшению использования природных ресурсов в составе Государственного плана развития народного хозяйства СССР.

Помимо внедрения в деятельность Госплана СССР вопросов охраны водных источников, научным бюро данного совета при участии Совета по изучению производительных сил, Института водных проблем АН СССР, Института цен и ряда других организаций был подготовлен ряд важных методических документов: Методические рекомендации по определению экономической эффективности капиталовложений в водохозяйственные комплексы; Основные положения определения платы за воды, очистку и отведения сточных вод; Методология и нормативы ущербов от недодачи воды и неоптимальных режимов эксплуатации водохранилищ [15. Л. 24].

Однако, несмотря на комплексность подхода к изучению водных ресурсов страны, оставался ряд проблем, тормозивших развитие водохозяйственного комплекса. Прежде всего это касалось серьезного разрыва между уровнем научных исследований и теми методами, с помощью которых осуществлялось проектирование водохозяйственных мероприятий. Так, в архивных материалах о деятельности научного бюро Совета по водным проблемам отмечалось, что сами методы проектирования и эксплуатации в водном хозяйстве несовершенны. Кроме того, общее методическое единство в рамках проведения исследования в водной сфере не соблюдалось.

Ко второй половине 1970-х гг. значимость водного хозяйства Западной Сибири возрастает. Использовать водные ресурсы предполагалось на научной базе. Основной акцент предполагалось сделать на рыбном хозяйстве. Так, в решении бюро научно-технического совета «Комплексное использование и охрана водных ресурсов» при Государственном комитете по науке и технике СССР о проблемах развития водного хозяйства Западной Сибири, Восточной Сибири и Дальнего Востока, подготовленном в 1977 г., отмечалось: «Помимо промышленного и хозяйственно-питьевого водоснабжения, водные ресурсы могут широко использоваться в целях рыбного хозяйства (особенно в Западной Сибири и на Дальнем Востоке)» [15. Л. 68]. Отмечая в данном случае первостепенность развития рыбоводства, и прежде всего в северной части Западной Сибири, в рамках ранее указанного решения предлагалось использовать для этого воды Обь-Иртышского бассейна, для чего планировалось построить и ввести в эксплуатацию «вторую очередь Тобольского рыбоводного завода, Сургутский рыбопитомник и ряд других рыбоводных объектов с суммарным промвозвратом более 5 тыс. т, осуществить дальнейшую рационализацию рыбного промысла и проведение мелиоративных работ, направленных на улучшение естественного воспроизводства» [15. Л. 69–70], а также осуществить разработку и практическое осуществления мероприятий по охране водных ресурсов от загрязнения «в районах промышленного освоения и прежде всего в бассейне р. Томи, в районах добычи нефти и газа на Средней Оби и в водоохраной зоне оз. Байкал. Мероприятия по охране окружающей среды в местах новостроек осуществлять одновременно с промышленным освоением» [15. Л. 70]. Как следует из приведенных выше примеров, не должно было быть разрыва между индустриальным освоением территории и обеспечением природоохранных мер, в том числе и в водной сфере. В первую очередь это касалось строительства очистных сооружений и защиты месторождений от разливов нефтепродуктов с дальнейшим попаданием их в водоемы. Однако на практике данные указания не соблюдались, что будет рассмотрено ниже.

Данное решение не было единственным. Вопросы рационального использования природных ресурсов, в том числе и водных, получили свое продолжение в конце второй половины 1970-х гг. Это было связано с поездкой в марте–апреле 1978 г. генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева по Сибири и Дальнему Востоку. Ее итогом стала записка, направленная Л.И. Брежневым с Совет Министров СССР с предложением разработки программы по улучшению использования технологических достижений и природных ресурсов для экономики данных регионов. В связи с этим в течение второй половины 1978 г. АН СССР, ГКНТ СССР, СО АН СССР, а также ряд министерств и ведомств готовили предложения по выполнению указанных в записке Л.И. Брежнева мероприятий. Главным итогом их совместной работы стало письмо с грифом ДСП «Предложения по расширению научных исследований и улучшению использования достижений науки и техники в освоении природных ресурсов и развитии экономики районов Сибири и Дальнего Востока», направленное первым заместителем председателя ГКНТ СССР Л.Н. Ефремовым и вице-президентом АН СССР академиком В.А. Котельниковым в конце декабря 1978 г. в Совет Министров СССР [16. Л. 222]. В тексте письма отмечалось, что природные комплексы региона, включая водные системы, наиболее подвержены вредному воздействию хозяйственной деятельности и требуют увеличения «научных исследований, разработок и мероприятий по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов» [16. Л. 223]. Среди ключевых мероприятий предлагалась разработка технологических решений, позволяющих использовать водооборотные циклы на промышленных предприятиях, а также создание технологических установок по очистке сточных вод с учетом природно-климатических условий Сибири [16. Л. 275]. Последнее предложение заслуживает отдельного внимания, так как строительство велось без учета природного фактора и по общим стандартам, что отчасти являлось вполне закономерным явлениям при освоении северных территорий [17], но в то же время снижало эффективность проводимых природоохранных мероприятий.

Кроме этого, в число основных мероприятий были включены работы по внедрению биотехнических процессов искусственного воспроизводства и товарного выращивания в водоемах Сибири ценных видов рыб, разработке методов оценки изменения качества поверхностных вод региона в условиях промышленного и сельскохозяйственного производства [18. Л. 27].

Таким образом, видно, что государственная политика в сфере использования водных ресурсов начинает комплексно формироваться с начала 1970-х гг. Ключевым моментом в данном процессе становится декларируемый в документах рациональный подход к их использованию и охране на научной основе, вместе с тем уделяется внимание развертыванию новых производств.

Однако на практике ситуация складывалась несколько иначе, и примером этому может служить обстановка с водными ресурсами Ханты-Мансийского автономного округа в рассматриваемый период.

Мы будем рассматривать водные системы региона с точки зрения их возможностей для развития народного хозяйства (прежде всего рыболовства) и тех проблем, которые возникали при их охране. Одним из ключевых направлений использования водных ресурсов в регионе стало развитие системы рыболовства.

Стоит отметить, что до открытия нефтегазовых месторождений на территории Ханты-Мансийского автономного округа рыбная промышленность являлась одной из ведущих отраслей хозяйства, давая треть промышленной продукции в экономике региона. При этом в качестве источника рыбы использовались не только речные системы, но и отдаленные озера. Однако их экономический потенциал был невелик. Так, в период с 1962 по 1963 г. на территории округа проводилась экспедиция Гидрорыбпроекта с целью выявления перспективных озер. Ее итогом стала инвентаризация 25 тыс. озер общей площадью 1,7 млн га [19. С. 151]. При этом для хозяйственной деятельности подходило не более 350 озер общей рыбоемкостью 38 580 центнеров рыбы.

Вместе с тем для снижения промысловой нагрузки на используемые водоемы в начале 1970-х гг. в эксплуатацию было введено несколько рыбоводных заводов: Томский, Новосибирский, Войкарский, Тобольский и Ханты-Мансийский [20. Л. 122]. В дополнение к ним в технологический процесс стали внедряться рекомендации Обь-Тазовского отделения Сибирского научно-исследовательского института рыбного хозяйства (СибНИИРХ), что позволило привести плановые показатели к биологическим возможностям водоемов (примерно 220–230 центнеров) [21. Л. 15], а при условии выполнения всех рекомендаций и проведения регулярных водомелиоративных работ общий улов мог достигнуть отметки в 500 тыс. центнеров ежегодно [21. Л. 16].

Однако на практике ситуации складывалась иная. Так, по данным Ханты-Мансийского окружного статистического комитета, к концу 1970-х гг. в северных регионах Тюменской области ежегодно добывалось около 280 тыс. центнеров рыбы, что превышало биологические возможности водоемов [22. Л. 3]. При этом в разрезе районов ситуация с выловом рыбы выглядела на 1976 г. следующим образом: Сургутский район – 28 тыс. центнеров, Октябрьский – 17 тыс., Кондинский – 16,6 тыс., Ханты-Мансийский – 14,8 тыс., Березовский – 10 тыс., Нижневартовский – 5 тыс. центнеров [23. С. 63]. В целом в рамках развития рыбного хозяйства региона государственная политика была направлена на постоянное увеличение объемов вылова, невзирая на предельные биологические возможности водоемов.

В рамках постановления ЦК КПСС от 30 мая 1976 г. «Об организаторской работе Тюменского обкома партии по мобилизации производственных коллективов, ученых и специалистов рыбного хозяйства на увеличение в водоемах области запасов промысловых рыб и лучшее их использование» отмечалось: «ЦК КПСС считает, что более интенсивное использование внутренних водоемов и особенно огромного речного фонда страны для рыбоводства и рыболовства является важным резервом увеличения производства рыбы.<…>

ЦК КПСС одобрил опыт работы Тюменской областной партийной организации по <…> более полному использованию внутренних водоемов для увеличения производства рыбной продукции и намеченные обкомом партии меры по доведению уловов рыбы в 1980 г. до 500–550 тыс. ц» [24. С. 330–331]. Достижение подобных показателей на практике, несмотря на проводимые научно-технические работы и внедрение искусственного рыборазведения, было невозможным. Во-первых, сказывались ограниченность кормовой базы водоемов и особенности гидрологического режима основных рек (значительные заморные явления, приводящие к массовой гибели рыбы вследствие падения уровня кислорода в воде), во-вторых, усилившееся разрушение водных систем в связи со значительными объемами загрязнения (прежде всего нефтяного) и выход водоемов из хозяйственного оборота.

От развития нефтегазового комплекса региона страдала в первую очередь именно рыбная промышленность. Нередки были случаи попадания нефтепродуктов в реки и озера. В качестве примера можно привести данные из отчета о деятельности Ханты-Мансийского окружного совета Всероссийского общества охраны природы: «В 1975 г. НГДУ “Нижневартовскнефть” допустило сброс более 3,5 млн куб. м воды из озера Самотлор в реку Вах с содержанием нефтепродуктов, превышающим от 8 до 24 раз нормы допустимой концентрации для рыбохозяйственных водоемов. <…> В июне НГДУ “Сургутнефть” после промывки нефтепровода в районе товарного парка (Федоровское месторождение) сбросило воду с нефтью в Остянский живец площадью более 2 га. Рыбному хозяйству нанесен ущерб в сумме 200 тыс. рублей, а богатейший водоем выведен из строя» [25. Л. 64]. Как видно из приведенных примеров, развитие одной отрасли хозяйства наносило серьезный вред другой.

Еще одним источником загрязнения водоемов, а следовательно, и истощения водных ресурсов региона стали активно развивавшиеся в течение второй половины 1960-х – 1970-х гг. урбанизационные процессы, приведшие к появлению новых городов. Возрастающие объемы нефтедобычи, поиск и разработка новых месторождений способствовали притоку населения и трансформации старых поселков в города. За короткий промежуток времени на территории округа появилось 15 городов и 50 поселков городского типа. Все они использовали для водоснабжения близлежащие водные источники, которые не всегда отвечали необходимым требованиям. В качестве примера можно привести ситуацию с питьевой водой в городах Нижневартовске и Мегионе, приведшую к вспышкам инфекционных заболеваний [26. С. 86].

Ключевой проблемой в данном случае стало строительство очистных сооружений. Следует отметить, что вопросы необходимости их возведения начинают подниматься только в начале 1970-х гг. На наш взгляд, это было связано со следующими факторами. Во-первых, быстрый рост численности населения закономерно приводил к увеличению объема бытовых отходов и сточных вод, что создавало санитарные угрозы. Во-вторых, развитие нормативно-правового законодательства в водной и санитарно-эпидемиологической сферах требовала от местного руководства его соблюдения, а значит, и выполнения предписанных мероприятий. Если в течение 1960-х гг. вопросы водоохраны не носили столь острого характера, хотя и находились во внимании постоянных комиссии по охране природы при местных советах депутатов трудящихся, то с 1970-х гг. количество проверок и надзор за соблюдение законодательства усиливаются. В результате многочисленных проверок различных предприятий либо были выявлены факты полного сброса промышленных стоков в водоемы без очистки, либо имеющиеся очистные сооружения работали со значительной перегрузкой и не обеспечивали требуемые биохимические показатели. Приведем несколько примеров.

Так, в результате проведенных проверок в середине 1970-х гг. было установлено, что на предприятиях НГДУ «Мегионнефть» начавшееся в 1969 г. строительство очистных сооружений так и не закончено [27. Л. 122]. Аналогичная ситуация наблюдалась в НГДУ «Юганскнефть», где строительство центрального пункта сбора очистных сооружений не было завершено по вине строительных организаций [27. Л. 177].

Не лучшим образом обстояла ситуация и в городах. К середине 1970-х гг. в Ханты-Мансийске отсутствовала городская канализация, а «жилые дома и объекты соцкультбыта строятся с выгребными бетонированными септиками для сбора хозяйственно-фекальных вод, из которых сточные воды вывозятся на свалку. <…> Не всегда вовремя вызываются ассенизационные машины к выгребным септикам, и в результате сточные хозяйственно-фекальные воды, переливаясь через края, растекаются по территории микрорайона» [27. Л. 202]. Схожая картина разворачивалась и в Нижневартовске, где «Нижневартовскнефтегаз» в результате своей деятельности загрязнял водоемы в зоне водозабора, в том числе по причине отсутствия систем очистки. Органами проверки фиксировалось, что «до сих пор в поймах рек Вах, зоне городского водозабора продолжается загрязнение рыбохозяйственных водоемов нефтью и нефтепродуктами. Медленными темпами строятся водоочистные (47 тыс. м^3 в сутки) и канализационные (44 тыс. м^3 в сутки) сооружения» [28. Л. 93]. Аналогичным образом развивалась ситуация и в Сургуте, где к середине 1980-х гг. местные очистные работали со значительной перегрузкой: общий объем стоков составлял 78,5 тыс. м^3 при проектных возможностях в 61,4 тыс. м^3 [29. Л. 60]. Как следует из приведенных примеров, проблема безопасности водных источников остро стояла перед местными властями. Вместе с тем нельзя сказать, что никаких мер не по их защите не предпринималось.

Ранее мы уже говорили о развитии нормативного законодательства в водной сфере и о попытках внедрения научного подхода к использованию водных ресурсов. Однако общую ситуацию с состоянием водных источников это не меняло. Основная проблема заключалась в том, что водопользователи сами же и отвечали за состояние вод, а также в отсутствии единого органа контроля. Рыбные ресурсы контролировались органами рыбнадзора, санитарная инспекция отвечала

за санитарное состояние вод в целом, бассейновые управления вели общий мониторинг управления водными ресурсами. На практике это приводило к тому, что за воду отвечают все и никто. Единственным органом, который мог оказывать влияние и контролировать процесс охраны и рационального использования водных источников, стали постоянные комиссии по охране природы при исполнительных комитетах депутатов трудящихся на местах. Возникшие после принятия закона «Об охране природы в РСФСР» в течение 1960-х гг., они развернули активную деятельность. В их состав были включены не только депутаты, но и представители ВООП, санитарной службы, органов рыбинспекций и т.д. Они проводили депутатские проверки совместно с представителями надзорных ведомств на предмет соблюдения природоохранного законодательства. Итоговые решения комиссии были обязательны к исполнению, и предприятиям и службам было необходимо в месячный срок отчитываться об устранении нарушений. Кроме того, материалы проверок могли передаваться в органы прокурорского надзора с целью наложения дальнейших санкций за несоблюдение законодательства. В рамках своей деятельности комиссии пытались исправить ситуацию, вскрывая многочисленные факты нарушений и обращаясь к исполкому с просьбой повлиять на нарушителей. Благодаря активности комиссий на многих предприятиях были организованы депутатские посты, созданы гидрохимические лаборатории по контролю за составом сбрасываемых сточных вод и усилен санитарный надзор за речными транспортом. Однако в целом, несмотря на принятие различных нормативных актов и попытки внедрения научно-технологических достижений в сфере использования водных ресурсов, общая ситуация с их состоянием продолжала оставаться негативной.

В заключение необходимо отметить несколько моментов. Во-первых, общегосударственная политика по использованию водных ресурсов в стране была противоречивой. С одной стороны, в программных документах декларировался рациональных подход к их использованию на научной основе. Предприятия должны были внедрять системы оборотного водоснабжения, контролировать качество сбрасываемых сточных вод, заниматься рыборазведением и гидромелиоративными работами, строить системы водоочистных сооружений. С другой стороны, на практике оказывалось, что, несмотря на значительные объемы финансирования, очистные сооружения вводились в эксплуатацию в самую последнюю очередь или их возведение затягивалось на длительный срок. Все это приводило «водному голоду» предприятий, загрязнению питьевых источников для населения, а также загрязнению водоемов.

Во-вторых, одну из важных ролей в рамках государственной политики по использованию и охране водных ресурсов играло научное знание. Здесь важное место занимал Государственный комитет по науке и технике СССР, отвечавший за научно-технологическую политику в стране. Им разрабатывались методические рекомендации, члены комитета участвовали в подготовке планов народнохозяйственного развития с учетом необходимости охраны водных источников.

В-третьих, открытие и разработка в 1960–1970-е гг. на территории Ханты-Мансийского автономного округа нефтегазовых месторождений изменило существовавшую в регионе иерархию ресурсов. На второй план отошли традиционные для территории водные и лесные, уступив место нефти и газу. Однако это не означало полного отказа от их использования. Водоемы региона продолжали выступать источником ценных пород рыб и требовали более жестких правил охраны. Несмотря на развитие железнодорожного транспорта и автомобильного сообщения, по рекам по-прежнему завозилось значительное количество грузов. Вместе с тем водные ресурсы региона, невзирая на их значимость, испытывали серьезное негативное давление со стороны нефтегазового комплекса. Ключевой проблемой стали многочисленные эпизоды загрязнения нефтепродуктами, выводящие из экономического использования промысловые водоемы. Развитие процессов урбанизации также служило еще одним источником деградации водных местных водных систем по причине отсутствия очистных сооружений. В конечном счете это привело к смещению государственных акцентов на использование, а не на охрану водных ресурсов.

Список источников

1. Гололобов Е.И. Преобразующая сила нефти в истории освоения Севера Западной Сибири во второй половине XX в. // Россия и Сибирь: история и культура : сб. материалов X Междунар. Сибирского исторического форума, Москва, 1–12 января 2023 г. М. : Перо, 2023. С. 147–150.
2. Книжников В.А. Организация работы речного транспорта на малых реках Тюменской области в конце 1960-х – начале 1970-х гг. в контексте разработки западносибирской нефтегазовой провинции // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 6 (75). С. 99–107.
3. Бородавченко И., Толстихин О. Водные ресурсы: рациональное использование и охрана // Коммунист. 1975. № 14. С. 42–52.
4. Документы об использовании и охране водных ресурсов СССР (1960–1968 годы) // Советские архивы. 1977. № 6. С. 81–92.
5. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 436. Оп. 1. Д. 172.
6. Об охране природы в РСФСР : закон от 27.10.1960 // Кодекс : электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/902066838 (дата обращения: 01.06.2024).
7. Основы водного законодательства Союза ССР и союзных республик // Кодекс : электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/9014803 (дата обращения: 01.06.2024).
8. Водный кодекс РСФСР // Кодекс : электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/901700060?marker (дата обращения: 01.06.2024).
9. Положение о государственном санитарном надзоре в СССР // Кодекс : электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/901890353 (дата обращения: 01.06.2024).
10. РГАЭ. Ф. 436. Оп. 2. Д. 1917.
11. Шмыглева А.В. Теория и практика управления водопользованием: исторический аспект // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 6 (87). С. 65–75.
12. Шмыглева А.В. Управление водопользованием во второй половине XX в. (на примере Обь-Иртышского бассейна) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 180–190.

13. Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов : постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29.12.1972 № 898 // Кодекс : электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/ 765710234 (дата обращения: 01.06.2024).
14. РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 12. Д. 191.
15. РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 12. Д. 197.
16. РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 12. Д. 763.
17. Гололобов Е.И. Проблемы повышения эффективности народного хозяйства и вопросы охраны окружающей среды на Сибирском Севере в 1960–1980-е гг.: проклятье «шаблона средней полосы» // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 6 (63). С. 114–122.
18. РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 12. Д. 1213.
19. Карпович И.Ю. Вопросы развития рыбного хозяйства в Ханты-Мансийском национальном округе // Проблемы Севера. 1968. Вып. 13. С. 146–152.
20. КУ Государственный Архив Югры. Ф. 297. Оп. 1. Д. 29.
21. КУ Государственный Архив Югры. Ф. 297. Оп. 1. Д. 122.
22. КУ Государственный Архив Югры. Ф. 6. Оп. 1. Д. 417.
23. Будьков С.Т., Нефедова В.Б. Север Западной Сибири. Тюмень : Тюменская правда, 1977. 88 с.
24. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. / сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюкова. М. : Политиздат, 1977. Т. 11: Ноябрь 1975 г. – июнь 1979 г. 736 с.
25. КУ Государственный Архив Югры. Ф. 398. Оп. 1. Д. 4.
26. Гололобов Е.И. Пространство воды как ресурс и как угроза в истории освоения Севера Западной Сибири в XX веке // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 6 (75). С. 79–92.
27. КУ Государственный Архив Югры. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1252.
28. КУ Государственный Архив Югры. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1361.
29. МКУ «Муниципальный архив города Сургута». Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 309.

References

1. Gololobov, E.I. (2023) Preobrazuyushchaya sila nefti v istorii osvoeniya Severa Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XX v. [The transformative power of oil in the history of the development of the North of Western Siberia in the second half of the 20th century]. *Rossiya i Sibir': istoriya i kul'tura* [Russia and Siberia: History and Culture]. Proc. of the Tenth International Conference. Moscow, January 1-12, 2023. Moscow: Pero. pp. 147–150.
2. Knizhnikov, V.A. (2021) Organizatsiya raboty rechnogo transporta na malykh rekakh Tyumenskoy oblasti v kontse 1960-kh – nachale 1970-kh gg. v kontekste razrabotki zapadnosibirskoy neftegazovoy provintsii [Organization of river transport on small rivers of the Tyumen region in the late 1960s – early 1970s in the context of the development of the West Siberian oil and gas province]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6(75). pp. 99–107.
3. Borodavchenko, I. & Tolstikhin, O. (1975) Vodnye resursy: ratsional'noe ispol'zovanie i okhrana [Water resources: rational use and protection]. *Kommunist*. 14. pp. 42–52.
4. USSR. (1977) Dokumenty ob ispol'zovanii i okhrane vodnykh resursov SSSR (1960–1968 gody) [Documents on the use and protection of water resources of the USSR (1960–1968)]. *Sovetskie arkhivy*. 6. pp. 81–92.
5. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 436. List 1. File 172.
6. RSFSR. (1960) *Ob okhrane prirody v RSFSR: zakon ot 27.10.1960* [On Nature Protection in the RSFSR: Law of October 27, 1960]. [Online] Available from: https://docs.cntd.ru/document/902066838 (Accessed: 1st June 2024).
7. USSR. (n.d.) *Osnovy vodnogo zakonodatel'stva Soyuza SSR i soyuznykh respublik* [Fundamentals of Water Legislation of the USSR and Union Republics]. [Online] Available from: https://docs.cntd.ru/document/9014803 (Accessed: 1st June 2024).
8. RSFSR. (n.d.) *Vodnyy kodeks RSFSR* [The Water Code of the RSFSR]. [Online] Available from: https://docs.cntd.ru/document/ 901700060?marker (Accessed: 1st June 2024).
9. USSR. (n.d.) *Polozhenie o gosudarstvennom sanitarnom nadzore v SSSR* [Regulation on state sanitary supervision in the USSR]. [Online] Available from: https://docs.cntd.ru/document/901890353 (Accessed: 1st June 2024).
10. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 436. List 2. File 1917.
11. Shmygleva, A.V. (2023a) Teoriya i praktika upravleniya vodopol'zovaniem: istoricheskiy aspekt [Theory and practice of water use management: A historical aspect]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedago-gicheskogo universiteta*. 6(87). pp. 65–75.
12. Shmygleva, A.V. (2023b) Water management in the second half of the 20th century (a case study of the Ob-Irtysh basin). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 180–190. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/496/20
13. USSR. (1972) *Ob usilenii okhrany prirody i uluchshenii ispol'zovaniya prirodnykh resursov: postanovlenie TsK KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 29.12.1972 № 898* [On Strengthening Environmental Protection and Improving the Use of Natural Resources: Resolution No. 898 of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR dated December 29, 1972]. [Online] Available from: https://docs.cntd.ru/document/ 765710234 (Accessed: 1st June 2024).
14. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 9480. List 12. File 191.
15. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 9480. List 12. File 197.
16. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 9480. List 12. File 763.
17. Gololobov, E.I. (2019) Problemy povysheniya effektivnosti narodnogo khozyaystva i voprosy okhrany okruzhayushchey sredy na Sibirskom Severe v 1960–1980-e gg.: proklyat'e “shablona sredney polosy” [Problems of increasing the efficiency of the national economy and environmental protection issues in the Siberian North in the 1960–1980s: The curse of the “middle zone template”]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6(63). pp. 114–122.
18. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 9480. List 12. File 1213.
19. Karpovich, I.Yu. (1968) Voprosy razvitiya rybnogo khozyaystva v Khanty-Mansiyskom natsional'nom okruge [Issues of Fisheries Development in the Khanty-Mansiysk National Okrug]. *Problemy Severa*. 13. pp. 146–152.
20. The State Archives of Yugra. Fund 297. List 1. File 29.
21. The State Archives of Yugra. Fund 297. List 1. File 122.
22. The State Archives of Yugra. Fund 6. List 1. File 417.
23. Budkov, S.T. & Nefedova, V.B. (1977) *Sever Zapadnoy Sibiri* [North of Western Siberia]. Tyumen: Tyumenskaya Pravda.
24. Chernenko, K.U. & Smirtyukova, M.S. (1977) *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam* [Decisions of the Party and Government on Economic Issues]. Vol. 11. Moscow: Politizdat.
25. The State Archives of Yugra. Fund 398. List 1. File 4.
26. Gololobov, E.I. (2021) Prostranstvo vody kak resurs i kak ugroza v istorii osvoeniya Severa Zapadnoy Sibiri v XX veke [The space of water as a resource and as a threat in the history of the development of the North of Western Siberia in the 20th century]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6(75). pp. 79–92.

27. The State Archives of Yugra. Fund R-1. List 1. File 1252.
28. The State Archives of Yugra. Fund R-1. List 1. File 1361.
29. The Municipal Archives of Surgut. Fund R-3. List 1. File 309.

***Сведения об авторе*:**
Мостовенко Максим Станиславович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник проекта «Пространство воды как ресурс, угроза и образ в экологической истории Севера Западной Сибири в XIX – начале XX века» Сургутского государственного педагогического университета (Сургут, Россия). E-mail: reiseleiter@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Mostovenko Maksim S. – PhD in History, Senior Research Fellow, Temporary research team “Water space as a resource, threat and image in the ecological history of the North of Western Siberia in the XIX – early XX centuries”, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation). E-mail: reiseleiter@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; принята к публикации 12.09.2024

The article was submitted 27.06.2024; accepted for publication 12.09.2024

Научная статья
УДК 930.85
doi: 10.17223/19988613/91/5

Воспитание идеального коммуниста: дискурс о партийных собраниях в 1960-е гг.

Тимофей Николаевич Раков

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, timofey.rakov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу дискурса о партийных собраниях в КПСС в идеологическом контексте 1960-х гг. Собрание рассматривается в его идеализированном варианте, на уровне коммунистической идеологии. В этом аспекте собрание должно было выполнять функцию воспитания рядовых коммунистов. Инструктивные брошюры, адресованные членам первичных организаций партии, концентрировались прежде всего на вопросах трудовой дисциплины. Таким образом, идеальный коммунист в данных идеологических текстах оказывался субъектом, приверженным экономическим директивам правящей коммунистической партии.
Ключевые слова: КПСС, идеология, партийные собрания, оттепель, воспитание, трудовая дисциплина

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-78-00172 «Политические практики советского общества в 1920-е и 1960-е годы: сравнительный аспект».

Для цитирования: Раков Т.Н. Воспитание идеального коммуниста: дискурс о партийных собраниях в 1960-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 43–51. doi: 10.17223/19988613/91/5

Original article

The Education of Ideal Communist: Discourse about Party Meetings in 1960’s

Timofey N. Rakov

University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, timofey.rakov@gmail.com

Abstract. The article examines the portrayal of party meetings based on the materials of instructional brochures of the 1960s. These pamphlets were addressed primarily to rank-and-file party members, factory workers or workers on collective farms. It should be noted that the 1960s saw an increase in the publication of such texts covering meetings. It was probably connected with the growth in the number of party members after Stalin's death. The entry of workers and collective farmers into the CPSU, as well as the parallel process of de-Stalinization, required party ideologists to convey to new communists the principles and rules of functioning of party organizations. The textbooks of the brochures did not represent real meetings as much, but rather created an ideal meeting. This was done to give the party’s members meeting an educational function. When analyzing the brochures, we can distinguish three main aspects of the construction of such ideal meetings: a description of their basic functions, criticism of certain shortcomings in their organization and conduct, and the educational component itself. The first aspect, a description of the functions of assemblies, largely echoed the party discourse of the Thaw era, that the CPSU had returned to "Leninist norms" of intra-party life and portrayed the assembly as a space of grassroots democracy. The second aspect, criticism of the shortcomings of the assemblies, also lay within the peculiarities of the Soviet political language. Within its framework, criticism was never meant to question the basic aspects of the system, but it was welcome to criticize some of its imperfections or individual party members who deviated from the accepted norms. When addressing the aspect of education in the texts of the brochures, the author of the article came to the conclusion that the main content of the education of a communist is not even the moral character of a Party member, but above all his attitude to labor. Party ideologues sought to influence the workers, and through arguments about what was acceptable to the communists, called on party members to strengthen mutual control over labor discipline at work.
Keywords: CPSU, ideology, party meetings, the Thaw era, education, labor discipline

Acknowledgements: The publication was prepared within the framework of the Russian Foundation grant No 22-78-00172 “Political practices of Soviet Society in the 1920s and 1960s: a comparative aspect”.

For citation: Rakov, T.N. (2024) The Education of Ideal Communist: Discourse about Party Meetings in 1960’s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 91. pp. 43–51. doi: 10.17223/19988613/91/5

© Т.Н. Раков, 2024

Введение

Партийное собрание как форма организации политической жизни не было, разумеется, изобретением идеологов КПСС. Собрания самых различных организаций были важным явлением в ходе революций 1917 г. Быстрое распространение такой формы политической организации привело к появлению специальных инструкций по проведению собраний [1]. В рамках советской системы собрания сохранились и как форма деятельности многочисленных организаций и советских официальных институтов, и как способ регуляции внутрипартийной жизни. При том, что все партийные уставы [2, 3] признавали общее собрание в качестве руководящего органа первичной организации, мы не найдем определения, что же такое собрание. Кажется, что это должно было быть самоочевидным для членов партии.

Однако попытки рефлексии того, что такое собрание и как оно устроено, время от времени предпринимались партийными публицистами. Так, в 1920-е гг. вышло сразу несколько изданий брошюры П.М. Керженцева под названием «Как вести собрания» [4]. За точку отчета в своих рассуждениях о принципах организации собраний Керженцев брал английский митинг. Для ранней советской эпохи работа Керженцева была чуть ли не единственным изданием о собраниях. Своеобразный расцвет партийной публицистики, посвященной самым разным ипостасям партийных заседаний, приходится на 1960-е и 1970-е гг.

Чем можно объяснить такой рост числа брошюр, освещающих организацию собраний? Отчасти повлиять на потребность в изложении принципов организации партийной жизни и роли коммуниста в ней мог значительный рост партии в конце 1950-х – середине 1960-х гг. К 1965 г. численность партии достигла почти 12 млн человек, показав 70%-ное увеличенине по сравнению с 1953 г. [5. P. 300]. Также на распространение партийной продукции влиял и идеологический фон эпохи, который обещал новый перезапуск идеи коммунизма.

Историография идеологических аспектов эпохи позднего социализма достаточно много внимания уделила дискурсам и практикам, распространенным в различных сегментах советского общества. Часть авторов, в частности И. Каспэ [6], обращает внимание на утопический потенциал культуры 1960-х гг., который подпитывался как научными достижениями и их пропагандой, так и политическими переменами. А.А. Фокин детально рассмотрел образ будущего, тесно связанный с подготовкой III Программы КПСС 1961 г. и ее обсуждением [7]. Особенности советского политического языка эпохи «развитого социализма» были проанализированы во влиятельной работе А. Юрчака [8].

Что касается изучения тематики позднесоветских собраний, то здесь исследователи в основном обращают внимание на язык партийной документации, в частности протоколов. Т. Воронина и А. Соколова в своем анализе сельских партсобраний продолжают идеи Юрчака о тавтологичности позднесоветского дискурса и показывают те формулировки в протоколах, которые позволяли избегать осуществления каких-либо решений собраний [9]. В то же время они отмечают и важную продуктивную функцию собраний как такого места, где рядовые коммунисты могли озвучить свои повседневные проблемы. О.В. Хархордин в одной из своих работ затрагивает особенности процедуры собраний, в том числе и советских, в сравнении с американскими и делает вывод, что советское собрание выполняло и такую важную функцию, как воспитание коммуниста [10]. Последней проблеме посвящено исследование Э. Кона, в котором анализируется ряд моральных вопросов (например, пьянство) в послевоенной истории партии и прослеживается трансформация представлений о них от позднего сталинизма к оттепели [11].

В настоящей статье я обращаюсь к репрезентации собрания и вопросу о воспитании коммуниста, анализируя ряд брошюр инструктивного характера, призванных сформулировать некоторую идеальную модель собрания. Идеальное здесь понимается в том значении, которое в него вкладывал Гегель, т.е. как философская категория [12]. Собрание, существовавшее в дискурсе, вбирало в себя совокупные черты конкретных собраний, но не сводилось к ним. В свою очередь, каждое реальное партийное собрание содержало в себе пространство для критики и самокритики и выявления недостатков.

У инструктивных брошюр как типа источников есть существенное ограничение. Являясь продуктом партийной идеологии, они отражают воображаемую реальность, в которой все собрания приводят к поднятию уровня сознательности членов партии, проходят активно, с вовлечением коммунистов. Тем не менее такой тип материалов позволяет увидеть, как «идеологический аппарат» (здесь я отсылаю к идее Л. Альтюссера про идеологические аппараты государства [13]) партии вынужден работать с реальностью. Такую реальность сквозь ее идеологическое преломление можно обнаружить в риторике о недостатках в партийной работе. В самом деле, если бы реальное положение дел в партии было безоблачным, то не требовалось бы воспитывать ее членов и производить такое количество инструкций.

Функции идеальных собраний

В коллективной брошюре «Собрания коммунистов», опубликованной в Челябинске в 1966 г., можно прочесть о функциях партийного собрания. Вот те, что перечисляют авторы издания: «главный орган коллективного руководства», «трибуной передового опыта», «средством развития активности партийных масс», «школой воспитания коммунистов, политической закалки их» [14. С. 6]. В этом перечислении, на мой взгляд, отражено идеальное собрание, – вряд ли каждое конкретное собрание всегда выполняло каждую из этих функций или же все одновременно. Идеальное, обобщенное же собрание должно было, разумеется, отражать все перечисленные аспекты.

Другой пример идеального собрания можно найти в брошюре за авторством Н. Бонарева. Здесь собрание

описывается так: «Одной из главных форм повышения творческой активности и самодеятельности коммунистов, могучим средством воспитания и приобщения их к общественно-политической жизни является партийное собрание… Партийное собрание недаром называют школой большевистского воспитания коммунистов. В процессе активного и делового обсуждения вопросов повестки дня члены и кандидаты учатся партийному подходу к явлениям повседневной жизни, познают, как иногда казалось бы незначительные, обыденные вопросы поднимаются на большую принципиальную высоту, получают политическое звучание» [15. С. 4–5]. В приведенной цитате опять-таки речь ведется не о каждом реально проходящем собрании, а о его идеальном бытовании. Это идеальное становится пространством, в котором члены партии становятся коммунистами и обретают классовое сознание, позволяющее им соотносить даже «обыденные вопросы» с политической повесткой. Это умение выражалось в способности риторически «сшить» вместе нужды конкретной партийной ячейки с постановлениями последнего пленума ЦК.

Авторы пособий для партийцев могли использовать риторику об идеальном, упоминая не только функции некоторых абстрактных собраний, но и ссылаясь как будто на опыт реальных организаций КПСС. В упоминавшейся выше брошюре из Челябинска подобный переход выглядел таким образом: «Челябинский, Магнитогорский, Златоустовский, Копейский горкомы партии, Центральный, Ленинский райкомы г. Челябинска осуществляют повседневный контроль за планами работы, регулярностью проведения партийных собраний и их содержанием, активно влияют на характер выносимых для обсуждения вопросов» [14. С. 9]. Читателю не представлены особенности проведения какого-либо собрания, он видит лишь идеологизированные утверждения о том, что партийная работа в области ведется в русле идеального функционирования партийных собраний. Можно даже предположить, что перед нами своего рода инверсия формулы В.И. Ленина про конкретный анализ конкретной ситуации – примеры в данном случае нужны лишь для повторения формул о регулярности собраний и активном влиянии партийных организаций.

Можно заметить, что идеализация собрания при этом коррелировала с сиюминутными временны́ми обстоятельствами, как правило, с очередным партийным съездом. Риторически это могло быть оформлено так: «Еще выше поднимается значение партийных собраний в наши дни, в период развернутого строительства коммунизма. Это обусловливается новыми грандиозными планами, намеченными в решениях XXII съезда партии и последующих пленумов ЦК КПСС» [16. С. 12]. Новый съезд партии снова стимулировал повышение роли собраний: «Еще выше поднимается значение партийных собраний в наши дни, в период развернутого строительства коммунизма. Это обусловливается новыми грандиозными планами, намеченными в решениях XXIII съезда партии и Пленумов ЦК КПСС» [17. С. 4]. Вероятно, партийный агитатор из Хабаровска не стал изобретать новые формулировки, а воспользовался, согласно А. Юрчаку, тавтологичностью позднесоветского дискурса и лишь поменял нумерацию съездов и счел, что собрания ЦК заслуживают прописной буквы.

Стоит обратить внимание, что партийному собранию приписывается авторами пособий воспитательная роль; зачастую это даже фиксируется в названиях изданий. Мною выявлено шесть брошюр с разного рода вариациями на тему связи собрания и воспитания в названиях. Замечу, что ранее, с конца 1930-х гг. и до середины 1950-х, воспитание это было не коммунистическим, а большевистским. Возможно, перемена от большевистского к коммунистическому произошла под влиянием курса на построение коммунизма, провозглашенного в эпоху оттепели.

Если собрания – это школа воспитания, то какой ориентир в этом воспитании задается в пособиях? Для риторики анализируемых мной материалов характерно использование таких оборотов, как «ленинский стиль в работе» [14. С. 10; 18. С. 5], порой «ленинские нормы партийной жизни» противопоставляются культу личности [15. С. 5; 16. С. 7] или же фигурируют в связке с «внутрипартийной демократией» [19. С. 3], порой говорилось о ленинских принципах коллективного руководства [20. С. 4]. Подобная риторика воспроизводит черты политического культа В.И. Ленина и создает впечатление, что текущий момент партийной жизни – это возвращение к партийной демократии 1920-х гг.

Риторика про демократию была связана, конечно, не только с ленинским культом. Вариации подчеркивания соблюдения партийной демократии можно проследить в том числе на примере вопроса о частоте проведения собраний. Устав партии, принятый на XXII съезде КПСС в 1961 г., устанавливал в п. 55, что собрания в первичных организациях проводятся не реже раза в месяц [3]. Предыдущая редакция партийного устава никак не регламентировала частоту собраний первичек [21]. Соответственно, такое важное изменение в требованиях к первичным организациям находило отражение и в риторике описания собраний.

Вопрос о регулярности мог подаваться как директивно, в духе того, что партийные собрания действительно проходят регулярно, так и через описание нарушений этой нормы. В одной из инструктивных брошюр это было сделано путем цитирования материалов с мест: «А между тем напоминать приходится, потому что кое-где забывают о самых элементарных вещах. Вот что писал в газете “Знамя труда” (орган Егорьевского ГК КПСС и исполкома городского Совета депутатов трудящихся) член КПСС И. Елисеев: “У нас в анохинском отделении совхоза “Починковский” партийные собрания проводятся от случая к случаю. В 1968 году было всего два собрания…” К сожалению, такие факты не единичны, и проходить мимо, не замечать их нельзя» [18. С. 8]. В приведенном примере видно, что автор брошюры выбирает стратегию включения «голоса» другого партийца, а затем предлагает оценку через констатацию того, что это не единичный факт, т.е. явление заслуживает внимания со стороны потенциальных читателей издания.

Пример критики нарушения регулярности собраний можно найти в брошюре за авторством Л. Пишениной: «Ничем не оправдана практика подмены общих

партийных собраний заседаниями партбюро, парткома, пусть даже расширенных, или же совещаниями актива» [16. С. 15]. Идеальное проведение собраний могло описываться в разрезе его темпоральности в русле не только частотности проведения, но и длительности подготовки: «Почти за месяц до собрания на заседании партийного бюро утвердили повестку дня», «обычно партийное бюро и его секретарь… задолго до собрания поручают группе коммунистов всесторонне изучить и подготовить вопрос, включенный в повестку дня» [15. С. 11, 12]. В такой перспективе собрание приобретало длительность, выходящую за пределы рамок его проведения.

Еще один аспект идеализации собрания в дискурсе брошюр – изображение его как пространства, в котором возможно воплощение демократической дискуссии. Хотя формально дискуссии в партии всегда обозначались как легитимная опция, даже в процессе десталинизации руководство КПСС не ослабляло контроля за общественным мнением, в том числе и внутри партии [22]. В анализируемых мной материалах их авторы подчеркивали как раз желательность свободы высказываний на собраниях: «Нельзя забывать, что член партии имеет право свободно обсуждать на партийных собраниях все вопросы политики и практической деятельности партии, вносить предложения, открыто высказывать и отстаивать свое мнение» [15. С. 26]. Или же другие примеры постулируемой демократичности собраний: «Партийное собрание – высокая и доступная всем коммунистам трибуна для свободного высказывания своих суждений, взглядов и предложений…» [16. С. 11]; «На партийных собраниях коммунист свободно обсуждает вопросы политики и деятельности всей партии, решает местные вопросы, вносит предложения, открыто высказывает и отстаивает свое мнение» [19. С. 4]. Возможно, такой упор именно на свободу дискуссии на собрании был своеобразной реакцией на реальную практику регулирования спектра допустимых высказываний.

Некое партийное собрание приближалось к идеальному через наделение его рядом характеристик, включавших активную подготовку (видимо, согласно некоторым авторам, первичной ячейке следовало потратить на это месячный интервал между собраниями), свободу высказываний, соблюдение «ленинских норм» партийной жизни, обсуждение вопросов, волнующих партийную организацию. В целом авторы брошюр описывали эти черты собраний, скорее, как отражающие должный ход собрания, его идеальное воплощение. Разумеется, сами они не проговаривали возникающий вопрос о том, в какой мере конкретные собрания многомиллионной партии приближаются к такому идеалу, а насколько он остается лишь абстракцией. Тем не менее на основе разбираемых брошюр можно реконструировать некоторую рефлексию о соотношении идеального и конкретного.

Недостатки собраний в дискурсе брошюр

Партийный дискурс о собраниях предполагал не только постулирование идеальной картины их организации или проведения. Также в брошюрах можно выделить пласт риторики, который я бы предложил понимать как критику собраний. При этом нужно сразу оговориться, что эта критика не затрагивает структуру собрания или процедуры его проведения. Данная риторика ближе к тому, что можно охарактеризовать как довольно типичную для позднесоветского политического языка критику «отдельных недостатков». В рамках такой риторики авторы брошюр, как правило, стремятся показать в своих текстах, что преодоление отмечаемых ими недостатков позволит собранию достичь еще большей продуктивности и приблизиться к идеальному варианту.

В ходе анализа брошюр можно заметить, что критика проведения собрания во многом следует тем же основным моментам, которые описаны выше в разделе про идеализацию. Один из блоков критики – обсуждение недостатков в реализации демократичности собраний. В рамках партийных организаций могло быть два варианта проведения собраний: открытое и закрытое. Второй вариант предполагал неучастие беспартийных работников предприятия, на котором функционировала первичная партийная организация (ППО), и использовался для обсуждения исключительно политических проблем. Однако закрытый формат мог подвергаться критике. Так, в брошюре Н. Бонарева критиковалась ППО Московского завода тугоплавких металлов за проведение закрытого собрания без причины: «…был вынесен вопрос “О состоянии трудовой дисциплины”. Почему этот вопрос стал предметом обсуждения на партийном собрании? Дело в том, что за последнее время в коллективе завода ослабла трудовая и технологическая дисциплина, участились случаи появления отдельных работников на заводе в нетрезвом виде, ряд рабочих уволен за прогулы и др.» [15. С. 8]. В приведенной цитате элементы риторики об отдельных недостатках прослеживаются через фигуры неопределенности: «за последнее время», «отдельных работников», «ряд рабочих», – невозможно из такого рода описания понять, когда же именно участились прогулы и сколько рабочих приходят на завод нетрезвыми.

Другой момент критики, также связанный с идеализацией, проходил по линии подготовки собрания и активности участия в нем партийцев. Предполагалось, что на хорошо подготовленном собрании коммунисты активно выступают, а на плохом – отмалчиваются. «Кончился доклад, пора начинать прения. Председательствующий задает присутствующим вопрос: “Итак, товарищи, кто желает выступить?” Тягостное молчание… Наконец один встает и направляется к трибуне. По залу прокатывается вздох облегчения…» [15. С. 14–15]. Н. Бонарев даже предлагает объяснение, почему возможно такое неактивное течение собраний: они проводятся для отчетности. Т. Воронина и А. Соколова выявили схожие случаи в анализируемых ими протоколах, когда одна и та же тематика собраний повторялась дословно; они предполагают, что документы собрания были скопированы именно для отчетности перед райкомом [9].

Связанным с активностью коммунистов на собраниях выступает и другой элемент критики в риторике

брошюр – проблема одних и тех же выступающих, или, как их называют в одном из текстов, «штатных ораторов» [23. С. 18]. Авторы указанной брошюры характеризовали их так: «…при любом случае выходили на трибуну, хотя им совершенно не о чем было сказать». Связь здесь прослеживается, на мой взгляд, зеркальная: как есть партийцы, которые не выступают, так есть и те партийцы, которые выступают всегда, и оба варианта проблематичны с точки зрения должного течения собрания. Можно предположить, что эти два варианта поведения партийцев могут восприниматься как признак имитации собраний, чего нельзя было допустить.

Еще один элемент критики вокруг активности собраний – осуждение того, что в текстах брошюр названо их регулированием. Под регулированием имелось в виду стремление руководства первичек либо давать слово «неудобным» коммунистам в конце заседаний, либо же подбирать для выступлений ораторов с заранее согласованной с руководством позицией. Такая ситуация также виделась как нарушение внутрипартийной демократии, которая в идеале должна была быть главным принципом функционирования партийных организаций.

Порой в текстах брошюр критиковались некоторые элементы внутрипартийной политической культуры, которые к 1960-м гг. можно причислять к ритуалам проведения собраний. В работе А.Е. Матвеева негативно оценивается избрание в президиумы собраний ППО представителей вышестоящих партийных организаций, которые превращают «рабочие президиумы в почетные» [19. С. 23]. Сложно назвать точную дату появления в практике проведения большевистских собраний ритуала избрания почетного президиума. Так, Л.Д. Троцкий в своих воспоминаниях реконструирует это так: «…со времен Октября повелось… что на бесчисленных собраниях в почетный президиум выбирались Ленин и Троцкий. Теперь в президиум стали включать всех членов Политбюро. Потом стали размещать их по алфавиту. Затем алфавитный порядок был нарушен в пользу новой иерархии вождей» [24. С. 148]. Здесь важно то, что почетные президиумы с самого первого момента их появления носили ритуальный характер, подчеркивая символический статус партийных вождей и их положение в партийной иерархии. В 1960-е гг. этот ритуал мог принимать своего рода упрощенный характер. Например, на одной из конференций партийной организации Выборгского района Ленинграда в 1960 г. в почетный президиум был избран весь текущий состав Президиума ЦК КПСС, причем даже голосование за такое решение не требовалось, оно заменялось в стенограмме «продолжительными аплодисментами» [25. Л. 68].

Критика могла не только затрагивать вопросы проведения собраний в партийной организации, но и касаться критики отдельных членов партии или даже руководителей низовых организаций. Авторы одной из инструктивных брошюр описывают, как в одном из отделений совхоза в Чебаркульском районе Челябинской области возник конфликт вокруг фигуры управляющего отделением и члена партийного бюро некоего И.Я. Лохова. Лохов обвинялся в довольно типичном перечне проступков. Он появлялся на работе в нетрезвом виде, стал «грубить подчиненным, нарушать партийные обязанности» [14. С. 11]. Не проясняется, в чем именно заключались грубость и нарушение партийных норм, но собрание партийного бюро настояло на снятии Лохова с занимаемой должности и назначении другого члена первички вместо него. Через какое-то время Лохов «прочувствовал, как далеко завели его собственные заблуждения», переоценил свое «я» и «признал свои ошибки». Позднее Лохов был восстановлен в должности.

История с Лоховым, не суть важно, правдивая или нет, показывает предел возможной степени критики коммуниста и собраний в риторике анализируемых мной брошюр. Этот случай демонстрирует, что активное вовлечение в партийную жизнь подразумевало, что партийная организация может коллективно воздействовать на своих членов и наказывать их исключением. В то же время история Лохова заканчивается на позитивной ноте: он преодолел свои недостатки и вновь вернулся в партийную организацию.

Критика поведения, регулирования собраний, снятия неудобных докладчиков или проведения собрания формально – все это должно было служить определенной цели. Лежала она, как представляется, в плоскости понимания внутрипартийной демократии не просто как политического механизма, предполагающего равенство субъектов политики; она наделяла эту демократию функцией воспитания члена партии. Через показ идеальных черт, критику недостатков авторы инструктивных пособий стремились выйти на уровень воспитательного синтеза. Такой синтез не мог осуществляться безлично, и потому представляется релевантным, следуя за авторами брошюр, проанализировать, каким они видели члена партии, воспитанного собранием.

Воспитание коммуниста и преодоление недостатков

Одной из важнейших тем, встречающихся в инструктивных текстах, разбираемых в статье, является собственно вопрос о наделении партийного собрания воспитательной задачей. Как мыслилось такое воспитание коммуниста и в каком контексте оно функционировало? Для ответа на этот вопрос стоит учесть, какая роль отводилась воспитанию вообще в дискурсе 1960-х гг. В частности, Н.С. Хрущев, выступая с отчетным докладом ЦК на XXII съезде КПСС, так обозначил одну из проблем воспитания в коллективе: «Подбор и расстановка руководящих кадров, воспитание их в духе коммунистической идейности, высокой ответственности перед партией и народом за порученное дело – центральная задача организационной работы партии, ее местных органов и первичных организаций» [26. С. 285].

В приведенной цитате как раз партийным организациям отводится функция воспитания, хотя идеи Хрущева о самоконтроле общества распространялись значительно дальше рамок партии и должны были охватить всю разветвленную сеть общественных организаций [27. С. 389–397]. В контексте партийной идеологии отдельно выделялся аспект воспитания новых

членов партии или молодых коммунистов, свидетельством чему выступает существование отдельного пласта инструктивных текстов, анализ которых выходит за рамки данной статьи.

Проблема моральных ценностей членов партии сильно волновала руководителей СССР и нашла свое выражение в известном Моральном кодексе строителя коммунизма. В то же время, как верно отмечает в своей монографии А.А. Фокин [7. С. 66–68], его 12 принципов были весьма абстрактными, не являлись неким непреложным сводом и вряд ли могли ли быть руководством по морали. Однако и само принятие Кодекса, и появление ряда инструкций по воспитанию новых и молодых членов партии указывают на существовавший фрейм воспитания и морали.

Значимость Кодекса в партийной риторике подкреплялась в том числе и в текстах брошюр. В частности, в работе Н. Ключарева был целый раздел «Выполнять требования морального кодекса» [20. С. 13–19]. В нем дана картина нескольких собраний, одно из которых, в совхозе «Чапаевский», якобы специально обсуждало вопросы коммунистической морали. Обращает на себя внимание, что было проведено обследование партийной организации, а затем спектр обсуждения на собрании затрагивал вопросы отношения к труду, в том числе и в разрезе воспитания привычки к нему. При этом докладчики на собрании отметили, что «почти все члены нашей организации» относились к труду должным образом, по-коммунистически. Совершенно в духе дискурса об отдельных недостатках были указаны несколько человек, которые либо трудились не должным образом сами, либо не воспитывали любовь к труду в детях [20. С. 13–15]. Приведенная история подтверждает тезис А.А. Фокина о том, что во главу моральных ценностей партия ставила именно трудовую дисциплину [7. С. 66–68].

Другой пример идеологической кампании, посвященной вопросу отношения к труду и нашедший отражение в анализируемых текстах, был связан с обсуждением письма Н.Г. Заглады под заглавием «Дорожите честью хлебороба», опубликованного в ряде советских изданий, в том числе и на первой полосе в центральной «Правде» [28. 1962. 25 авг.]. Затем последовала довольно типичная волна публикаций писем трудящихся в поддержку Заглады в самой «Правде» [28. 1962. 31 авг.], а также отчетов с обсуждением письма, в том числе в региональных газетах [29. 1962. 8 сент.].

Достигла эта кампания и страниц инструктивных брошюр. Так, в цитированной выше книге Н. Ключарева содержался отчет об обсуждении письма Заглады в одном из колхозов. Структура обсуждения воспроизводила ту же, что и на упоминавшемся ранее собрании, посвященном вопросам трудовой дисциплины. Сначала секретарь парторганизации колхоза резюмировал, что план колхоз выполняет и многие трудятся по-коммунистически, а далее перешел к части критики отдельных недостатков, а точнее, отдельных коммунистов. Такая критика опять же преследовала цель воспитания, общественного воздействия и усиления контроля за трудом на уровне самого колхоза. Причины проблемы в области труда выносились в такой риторике в область моральных оценок: «Может, эти люди не умеют работать? Нет, просто не чувствуют ответственности за общее дело» [20. С. 17].

Еще один пример влияния фрейма морали на повестку собраний можно встретить в брошюре Л. Пишениной, в которой она упоминает о проведении в одной из партийных первичек собрания на тему «О воспитании честности в труде» [16. С. 30]. При описании этого собрания воспроизводилась все та же «тавтологическая» схема: колхоз в целом выполняет план, почти все коммунисты трудятся достойно, но есть отдельные колхозники, которые «нерадиво» выполняют свою работу. Опять же к ним предлагалось применить общественное воздействие: «Коммунисты находятся рядом с этими людьми, но отмалчиваются вместо того, чтобы направить общественное мнение против лодырей, рвачей, бракоделов, окружить их общественным презрением...» [16. С. 31].

Экономическая реформа 1965 г. опиралась не только на стимулирование хозрасчета на уровне предприятий, но и на дискурс о трудовой дисциплине. При этом реформа, направленная в том числе на стимулирование личной заинтересованности работников, также побуждала авторов инструкций давать советы, направленные на личность коммуниста: «В условиях реформы очень важно развивать у людей самостоятельность, повышать их ответственность за порученное дело, строго спрашивать с тех, кто нарушает производственную и партийную дисциплину» [30. С. 25]. Интересно, что автор брошюры в конце приведенной цитаты ставит вперед производственную дисциплину, за которой уже следует партийная. Но личность в данном случае не противопоставляется коллективу, а должна находиться как раз под его контролем в вопросах труда. Чуть дальше А. Ширяев помимо инструкций приводит и пример конкретного собрания, которое разбирало вопросы увеличения брака на одном из производств и вновь использовало моральное воздействие: «Стыдно, ох как стыдно перед коллективом» [30. С. 36]. Перенесение ответственности за качество труда на личностный уровень могло быть сформулировано и посредством описания работ специальных комиссий, создаваемых при партийных организациях: «В ходе деятельности комиссии, с учетом разработанных ею предложений администрацией были осуществлены меры по ликвидации обезличенного брака, повышению персональной ответственности станочников за качество изделий…» [14. С. 16]. Здесь личное выступало и через риторику про повышение персональной ответственности, в своего рода поощряющем духе, и в качестве негативного стимула – борьбы с браком, который также возлагался на конкретного рабочего.

Какие еще функции собрания указаны в инструктивных брошюрах? Один из способов – это указание на то, что некие рядовые коммунисты активно вовлекаются в работу по организации собрания: «Собрание готовила группа коммунистов, в частности В. Холоденкова, Л. Комолова, В. Силкина, Л. Иванова и ряд других. Они беседовали с другими членами партии, выясняя, какую агитационно-пропагандистскую работу они выполняют, как работают над повышением сво-

его идейно-политического уровня, являются ли примером для окружающих в труде и в быту и др. Партийное собрание прошло активно, интересно, явилось настоящей школой коммунистического воспитания» [15. С. 12]. Стоит обратить внимание, что в приведенной цитате описание подготовки коммунистами собрания сразу же задается в координатах воспитания коммунистов: готовящие заседание члены партии направляют других через вопросы о повышении идейного уровня, о том, выступают ли те примером для беспартийных. В изложении автора брошюры опрос проводится не с целью понять состояние партийной организации, а с целью усилить моральный контроль за коммунистами, воспитать их.

Выступление на собрании с докладом также могло быть способом воспитания коммуниста. Н. Бонарев приводит ряд примеров того, как поручение доклада превращает «застенчивого» члена партии в активного. Проблема активности не исчезала с годами. Так, в брошюре А. Ширяева о собраниях партийных групп на предприятиях вновь описывались похожие истории: «…активность коммунистов тоже не приходит сама по себе. Ее надо воспитывать. Боевитость, зрелость партийной группы слагается из активности и принципиальности каждого члена партии. Поэтому ничего страшного нет в том, что партгруппорг поименно попросит высказаться тех, кто привык отмалчиваться» [30. С. 38]. В данном примере мы видим прямое указание организатору группы на то, как нужно провести собрание, чтобы активность коммунистов воспитывалась в его рамках.

Воспитательное воздействие собрания, согласно ряду брошюр, должно было преодолевать собственные временные рамки и длиться после своего окончания. Так, Н. Бонарев выделил в своей работе последний раздел, озаглавленный «После собрания» [15. С. 30]. В этом фрагменте риторика выстраивалась вокруг изображения активности коммунистов в деле проведения решения собрания в жизнь. Бонарев предлагает своим читателям для осуществления решений модель, в которой ответственность за них возлагается на партийное бюро. При этом, рассматривая примеры реализации решений, Бонарев излагает их с «политической» точки зрения, для их воплощения бюро инициирует проведение более широких собраний беспартийных. Бонарев не называет механизм прямо, но, по сути, он предлагает коммунистам ориентироваться на делегирование – принцип, по которому партия функционировала, пожалуй, еще с дореволюционных времен.

В некоторых брошюрах могла критиковаться иная, по всей видимости, тоже достаточно распространенная практика – принятие своего рода декларативных решений, которые описывались так: «…принимают беззубые решения, состоящие из общих указаний, различных призывов, деклараций» [14. С. 77]. Хотя авторы указанной работы анализируют партийные организации Челябинской области, здесь они не стали указывать на конкретные коллективы, такое практикующие, а ограничились тоже своего рода «декларацией». Критиковались декларативность и неконкретность и в книге Л. Пишениной, при этом в противовес ею предлагалась разновидность делегирования, но не бюро, а путем назначения конкретных ответственных. Причем, судя по приведенным примерам, сфера решений выходила за рамки ППО и распространялась на функционирование всего предприятия или колхоза, к которому относилась первичка. Отчасти в этом можно усмотреть своего рода лукавство, когда осуществление производственных задач, скажем колхоза, поручается лицам, играющим ключевые роли в функционировании колхоза в силу своей профессии, а не принадлежности к партии, – бригадиру, главному зоотехнику и ветеринару, главному агроному [16. С. 60]. Подобные случаи встречались и в последующем, в 1970-е гг., что отмечают в своей статье Т. Воронина и А. Соколова [9].

Дискурс воспитания в проанализированных текстах брошюр в основном строился вокруг коммунистической морали. Как и Кодекс, проанализированные работы не дают своим читателям четких директив, что является достойным поведением для члена партии, а что нет. Поскольку инструкции о проведении собраний были по большей части нацелены на представителей ППО, то во многом вопрос о морали превращался в вопрос о трудовой дисциплине. Здесь мы также не встречаем однозначных указаний, а только довольно расплывчатые формулировки об ответственности коммунистов за качество продукции и выполнение планов пятилеток. При этом авторы брошюр обращали свои воспитательные интенции не только на отдельного коммуниста, но и на коллектив первички в целом. Видимо, самоконтроль и контроль со стороны партийной организации должны были дополнять и усиливать друг друга. Собрание в таком ключе было ключевым мероприятием в жизни и коммуниста, и коллектива, к которому он принадлежал, поскольку именно на нем происходило своеобразное дисциплинирование коммунистов.

Заключение

Идеология может успешно функционировать лишь при условии, если субъекты ее воздействия готовы принимать ее постулаты и действовать в соответствии с ними. Проанализированные брошюры в этом отношении хоть и не обращены к конкретным субъектам, однако можно реконструировать некоторые черты этого абстрактного коммунистического субъекта даже посредством таких зачастую тавтологичных текстов. Собрание в риторике брошюр становится прежде всего основным пространством принятия субъектами партийной идеологии.

Партийное собрание, как оно предстает в проанализированных в данной статье текстах, вбирает в себя сразу несколько важных значений для КПСС в 1960-е гг. Оно должно быть пространством реализации внутрипартийной демократии, «ленинских норм». Эта часть риторики отражает своеобразную попытку перечеркнуть опыт сталинизма и совершить возврат к 1920-м гг., которые, соответственно, идеализируются как некоторая правильная эпоха в истории партии. Через риторику «ленинских норм» проступает связанная с ней другая политическая функция собрания. Партийный аппарат,

отказавшись от репрессий, в условиях нового роста партии в эпоху оттепели вынужден был переносить функции контроля за рядовыми членами партии в первичные организации. Даже в таких идеологизированных источниках, как инструктивные брошюры, приводятся случаи отставок коммунистов с их должностей за проступки. Реальные или нет, эти примеры были призваны стимулировать рядовых партийцев к тому, чтобы они активнее осуществляли свою функцию контроля друг за другом. С этой же целью авторы брошюр много внимания уделяют критике нарушений в частотности проведения собраний, пишут о подборе удобных для партийного руководства ораторов. Такое построение текстов брошюр следовало общей идеологеме о демократии и в то же время предлагало в рамках подобной идеологии возможность членам ППО реализовывать низовой контроль на предприятии или в колхозе.

Другой наиболее важной задачей, которую можно выделить, является придание партийному собранию воспитательной функции. Это также связано с ростом партии, приемом новых членов, которые как раз через ППО в колхозах, совхозах и на заводах приобщались к политической жизни. Важнейшей частью такого воспитания становился вопрос об отношении к трудовой дисциплине. Для советского руководства 1960-х гг. были характерны своего рода культ труда и представление о том, что образцовый советский человек обязан трудиться и любить труд. Коммунист как совершенный вариант советского субъекта тем более должен был быть на передовой борьбы за труд. Упоминаемые мной брошюры как раз постулировали в отношении к труду важность контроля за качеством, борьбы с браком. Экономические реформы первых десятилетий брежневской эпохи призваны были стимулировать личную заинтересованность работников в качестве, потому и тексты брошюр обращали внимание на персональную мотивацию. В целом же воспитание в отношении к труду также несло функцию взаимного контроля членов первичек друг за другом, а также использование морального воздействия на тех, кто нарушал трудовые нормы.

Список источников

1. Львов М. Народные собрания, как их устраивать и вести. М. : Кооперативное изд-во, 1917. 30 с.
2. Устав ВКП(б) 1926 г. // Всесоюзная коммунистическая партия (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1935). 5-е изд. М. : Политиздат, 1936. Ч. II: 1925–1935. С. 82–91.
3. Устав КПСС 1961 г. URL: https://www.leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/Ustav_KPSS.html (дата обращения: 14.04.2024).
4. Керженцев П.М. Как вести собрания. 5-е изд. Петроград : Прибой, 1924. 40 с.
5. Rigby Th.H. Communist Party membership in the U.S.S.R., 1917–1967. Princeton : Princeton University Press, 1968. 573 p.
6. Каспэ И.М. В союзе с утопией: смысловые рубежи позднесоветской культуры. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 431 с.
7. Фокин А.А. «Коммунизм не за горами»: образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М. : РОССПЭН, 2017. 221 с.
8. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 661 с.
9. Воронина Т., Соколова А. Протоколы сельских партсобраний и режим официальной публичности в «эпоху развитого социализма» // Несовершенная публичная сфера: история режимов публичности в России : сб. ст. / сост. Т. Атнашев и др. М. : Новое литературное обозрение, 2021. С. 372–415.
10. Хархордин О.В. Прошлое и будущее русского публичного языка // Синдром публичной немоты: история и современные практики публичных дебатов в России : сб. / отв. ред. Н.Б. Вахтин, Б.М. Фирсов. М. : Новое литературное обозрение, 2017. С. 348–419.
11. Cohn E. The High Title of a Communist: Postwar Party Discipline and the Values of the Soviet Regime. DeKalb, Il : Northern Illinois University Press, 2015. 268 p.
12. Ильенков Э.В. Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 128–140.
13. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. С. 14–58.
14. Горшенев Н., Фомиченко К., Полупанов Я., Бабайлов Ю. Собрания коммунистов. Челябинск : Южно-Урал. кн. изд-во, 1966. 91 с.
15. Бонарев Н.П. Партийное собрание. М. : Моск. рабочий, 1962. 32 с.
16. Пишенина Л.Е. Партийные собрания. М. : Госполитиздат, 1963. 63 с.
17. Дубков А.Е. Партийное собрание – школа воспитания коммунистов. Хабаровск : Хабаров. кн. изд-во, 1969. 56 с.
18. Ширяев А. В. Каким должно быть партийное собрание. М. : Моск. рабочий, 1969. 48 с.
19. Матвеев А.Е. Партийное собрание. Каким ему быть : заметки партработника. Ижевск : Удмуртия, 1967. 45 с.
20. Ключарев Н.П. Партийное собрание – школа воспитания коммунистов. Саратов : Кн. изд-во, 1963. 38 с.
21. Устав ВКП(б) в редакции XVII съезда ВКП(б). URL: https://www.leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/Programma_i_ustav_VKPb.htm#u08 (дата обращения: 14.04.2024).
22. Jones P. From the Secret Speech to the burial of Stalin: real and ideal responses to de-Stalinization // The Dilemmas of de-Stalinization: negotiating cultural and social change in the Khrushchev era / ed. by P. Jones. London ; New York : Routledge, 2007. P. 41–64.
23. Партийные собрания. Донецк : Донбасс, 1969. 88 с.
24. Троцкий Л.Д. Моя жизнь : опыт автобиографии. М. : Терра, 1991. Т. 2. 343 с.
25. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 2 (Выборгский районный комитет КПСС). Оп. 24. Д. 1.
26. Материалы XXII съезда КПСС. М. : Госполитиздат, 1961. 464 с.
27. Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. 2-е изд. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2016. 507 с.
28. Правда : официальный орган ЦК КПСС.
29. Красный Север : орган ОК ВКП(б) Ямало-Ненецкого автономного округа.
30. Ширяев А.В. Как провести собрание. М. : Моск. рабочий, 1968. 47 с.

References

1. Lvov, M. (1917) *Narodnye sobraniya, kak ikh ustraivat' i vesti* [People's Assemblies, How to Organize and Conduct Them]. Moscow: Kooperativnoe izd-vo.
2. USSR. (1936) Ustav VKP(b) 1926 g. [Charter of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), 1926]. In: *Vsesoyuznaya kommunisticheskaya partiya (b) v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1935)* [The All-Union Communist Party (Bolsheviks) in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences, and Plenums of the Central Committee (1898–1935)]. 5th ed. Vol. 2. Moscow: Politizdat. pp. 82–91.

3. USSR. (n.d.) *Ustav KPSS 1961 g.* [Charter of the CPSU, 1961]. [Online] Available from: https://www.leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/Ustav_KPSS.html (Accessed: 14th April 2024).
4. Kerzhentsev, P.M. (1924) *Kak vesti sobraniya* [How to Conduct Meetings]. 5th ed. Petrograd: Priboy.
5. Rigby, Th.H. (1968) *Communist Party membership in the U.S.S.R., 1917–1967*. Princeton: Princeton University Press.
6. Kaspe, I.M. (2018) *V soyuze s utopiey: smyslovye rubezhi pozdnesovetskoy kul'tury* [In the union with utopia: Semantic boundaries of late Soviet culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. Fokin, A.A. (2017) *"Kommunizm ne za gorami": obrazy budushchego u vlasti i naseleniya SSSR na rubezhe 1950–1960-kh godov* ["Communism is just around the corner": Images of the future in power and the population of the USSR at the turn of the 1960s]. Moscow: ROSSPEN.
8. Yurchak, A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos': poslednee sovetskoe pokolenie* [It had been forever, until it ended: the last Soviet generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
9. Voronina, T. & Sokolova, A. (2021) Protokoly sel'skikh partsobraniy i rezhim ofitsial'noy publichnosti v "epokhu razvitogo sotsializma" [Minutes of Rural Party Meetings and the Regime of Official Publicity in the "Era of Developed Socialism"]. In: Atnashev, T. et al. (eds) *Nesovershennaya publichnaya sfera: istoriya rezhimov publichnosti v Rossii* [Imperfect Public Sphere: History of Publicity Regimes in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 372–415.
10. Kharkhordin, O.V. (2017) Proshloe i budushchee russkogo publichnogo yazyka [The Past and Future of Russian Public Language]. In: Vakhtin, N.B. & Firsov, B.M. (eds) *Sindrom publichnoy nemoty: istoriya i sovremennye praktiki publichnykh debatov v Rossii* [Public Muteness Syndrome: History and Modern Practices of Public Debates in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 348–419.
11. Cohn, E. (2015) *The High Title of a Communist: Postwar Party Discipline and the Values of the Soviet Regime*. DeKalb, Il: Northern Illinois University Press.
12. Ilienkov, E.V. (1979) Problema ideal'nogo [The Problem of the Ideal]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 128–140.
13. Althusser, L. (2011) Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva [Ideology and ideological apparatuses of the state]. *Neprikosnovennyy zapas*. 3. pp. 14–58.
14. Gorshenev, N., Fomichenko, K., Polupanov, Ya. & Babaylov, Yu. (1962) *Sobraniya kommunistov* [Meetings of Communists]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural. kn. izd-vo.
15. Bonarev, N.P. (1962) *Partiynoe sobranie* [Party Meeting]. Moscow: Mosk. Rabochiy.
16. Pishenina, L.E. (1963) *Partiynye sobraniya* [Party Meetings]. Moscow: Gospolitizdat.
17. Dubkov, A.E. (1969) *Partiynoe sobranie – shkola vospitaniya kommunistov* [Party meetings – a school for educating communists]. Khabarovsk: Khabarov. kn. izd-vo.
18. Shiryaev, A.V. (1969) *Kakim dolzhno byt' partiynoe sobranie* [What a party meeting should be like]. Moscow: Mosk. Rabochiy.
19. Matveev, A.E. (1967) *Partiynoe sobranie. Kakim emu byt': zametki partrabotnika* [A party meeting. What it should be like: Notes of a party worker]. Izhevsk: Udmurtiya.
20. Klyucharev, N.P. (1963) *Partiynoe sobranie – shkola vospitaniya kommunistov* [Party meetings – a school for educating communists]. Saratov: Kn. izd-vo.
21. USSR. (n.d.) *Ustav VKP(b) v redaktsii XVII s"ezda VKP(b)* [Charter of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) as amended by the 17th Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)]. [Online] Available from: https://www.leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/Programma_i_ustav_VKPb.htm#u08 (Accessed: 14th April 2024).
22. Jones, P. (2007) From the Secret Speech to the burial of Stalin: real and ideal responses to de-Stalinization. In: Jones, P. (ed.) *The Dilemmas of De-Stalinization: Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev Era*. London; New York: Routledge. pp. 41–64.
23. Anon. (1969) *Partiynye sobraniya* [Party Meetings]. Donetsk: Donbass.
24. Trotskiy, L.D. (1991) *Moya zhizn': opyt avtobiografii* [My Life: An Autobiographical Experience]. Vol. 2. Moscow: Terra.
25. The Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg. Fund 2 (The Vyborg District Committee of the CPSU). List 24. File 1.
26. CPSU. (1961) *Materialy XXII s"ezda KPSS* [Materials of the 22nd Congress of the CPSU]. Moscow: Gospolitizdat.
27. Kharkhordin, O.V. (2016) *Oblichat' i litsemerit': genealogiya rossiyskoy lichnosti* [To expose and to be hypocritical: the genealogy of the Russian personality]. 2nd ed. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
28. *Pravda*. The official media of the Central Committee of the CPSU.
29. *Krasnyy Sever*. The VKP(b) of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug.
30. Shiryaev, A.V. (1968) *Kak provesti sobranie* [How to hold a meeting]. Moscow: Mosk. Rabochiy.

***Сведения об авторе*:**
Раков Тимофей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент Школы исследований окружающей среды и общества Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: timofey.rakov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Rakov Timofey N. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, School for Environmental and Social Studies, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: timofey.rakov@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024; принята к публикации 12.09.2024

The article was submitted 15.04.2024; accepted for publication 12.09.2024

Научная статья
УДК 94(47).08
doi: 10.17223/19988613/91/6

Нижние чины уездной полиции в российской провинции (вторая половина XIX – начало XX в.)

Сергей Михайлович Рязанов

Пермский институт ФСИН России, Пермь, Россия, s_ryazanov@mail.ru

Аннотация. На основании ранее не введенных в научный оборот документов впервые в отечественной историографии рассматривается нижний состав провинциальной полиции в целом. Одним из ключевых методов исследования служит просопография. Делается вывод, что урядники, стражники и городовые в большинстве случаев происходили из «податных сословий», прежде всего крестьян. Средний срок службы был невелик, особенно в среде городовых. В то же время состав урядников отличала стабильность.
Ключевые слова: коллективный портрет, полицейская стража, послужной список, Российская империя, Урал

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-19-50033.

Для цитирования: Рязанов С.М. Нижние чины уездной полиции в российской провинции (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 52–65. doi: 10.17223/19988613/91/6

Original article

The Lower Ranks of the District Police in the Russian Province (second half of the 19th – early 20th centuries)

Sergey M. Ryazanov

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russian Federation, s_ryazanov@mail.ru

Abstract. In this article, based on documents previously not introduced into scientific circulation, stored in the funds of the GARF, RGIA, OR RSL, NARB, GAKO, GAOO, GAPK, GASO and TsDOOSO, for the first time in domestic historiography, the lower composition of the provincial police is considered. The main support of the research is the surviving service records of the Perm province police guard. Despite the disadvantages of this type of sources, its indisputable advantage is the possibility of processing for a computerized quantitative study. The first part of the article provides a brief historiographic overview of the problem, starting with pre-revolutionary studies. The main emphasis, however, is placed on the latest achievements in this area in the works of A.V. Belyakov, A.V. Borisov, Yu. G. Galai, I. V. Evseev, S. V. Evseev, A. V. Kiros, A. V. Koksharov, V. A. Kolesnikov, A. P. Nakhimov and others. The main part deals with the approaches to the formation of the lower composition of police institutions in the XIX – early XX centuries. The hypothesis about low service efficiency of the elective rural police (sots and ten), military and Cossack units in police activity is analyzed. Then, it analyzes the administrative and legal status and real practices of the professional police: village constable, police guards and policemen. When analyzing the corps of village constable and guards, the prosopographic method of collective biography is actively used. The experience of using police units consisting of Chechens and Ingush in the guards of the Ural provinces is analyzed. It is concluded that the village constables, guards, and policemen belonged to the representatives of the «taxable population» who had served in the army as lower ranks, primarily peasants, less often to the marginalized representatives of the bureaucracy, nobility, and honorary citizens. The average service life was short, especially among the policemen. At the same time, the village constable positions were characterized by the stability of the personnel comparable to the bureaucratic staff. Although the "public opinion" has formed a rather uniform and unattractive image of the "low-level police", it is quite difficult to "average" even within a single area, let alone for the whole of Russia. So, in the central provinces, the nobility initially made up a significant proportion of village constable, while in the Ural, the cases of representatives of the privileged estates entering the police guard were rare. Even demographic characteristics, such as age, varied from province to province.
Keywords: collective portrait, police guard, service record, Russian Empire, Ural

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-19-50033.

© С.М. Рязанов, 2023

For citation: Ryazanov, S.M. (2024) The Lower Ranks of the District Police in the Russian Province (second half of the 19th – early 20th centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 91. pp. 52–65. doi: 10.17223/19988613/91/6

Историография правоохранительных органов России насчитывает уже не одно столетие и традиционно подразделяется на три периода: дореволюционный, советский и современный. Впервые эволюция нижнего состава полиции была затронута еще в исторической науке XIX в. При этом два основных направления в дореволюционной «исторической полицеистике» дали этому процессу диаметрально противоположные оценки. Либерально-критическое откровенно рассматривало реформирование полиции после 1861 г. как процесс деградации «от плохого к худшему» [1–3], и изменения в нижнем составе полиции не стали здесь каким-то исключением. Так, профессор И.Т. Тарасов называл введенный в 1878 г. институт урядников «дорого стоящим и более вредным, чем полезным», а самих урядников «необразованными и невежественными лицами, вступление которых в полицейскую службу не обусловливается ровно никаким цензом» [3. С. 58–59]. В начале XX столетия свой ответ либеральной профессуре дали представители официальной историографии полиции. Не отрицая отдельных недостатков, они видели развитие полиции в XIX – начале XX в. как постепенный эволюционный процесс улучшения института, упорядочивания его функций, улучшения структуры, повышения эффективности деятельности [4–6]. «…Урядники вскоре завоевали доверие населения, и в их лице деревня впервые получила удовлетворительных полицейских агентов…» [6. С. 134], – писали, например, авторы исторического очерка «Министерство внутренних дел» о раскритикованных либералами «полицейских служителях». В советской историографии полиция в качестве самостоятельной темы долгое время не рассматривалась. Однако в 1960-е гг. Р.С. Мулукаеву удалось представить своеобразный «синтез» двух дореволюционных теорий в рамках марксистско-ленинского подхода к историческому процессу [7]. Он, а в последующем и другие ученые из вузов МООП–МВД показывали в своих работах количественное и качественное улучшение нижнего состава полиции на протяжении второй половины XIX – начала XX в. Однако, по их мнению, учитывая «угнетательскую сущность» института полиции в «буржуазном обществе», это делало ее лишь более совершенным оружием против «трудящихся» в руках «господствующего класса» [7–9].

Тем не менее как дореволюционные, так и советские авторы не посвящали специальных исследований или разделов нижнему составу уездной полиции, представляя его эволюцию в самом общем и схематическом виде, в связи с другими преобразованиями полицейского аппарата. Ситуация изменилась в середине 1990-х гг. В коллективной монографии «Полиция и милиция России: страницы истории», обобщившей предшествующую историографию, А.В. Борисовым впервые была поднята тема профессиональной подготовки нижнего состава уездной полиции в рассматриваемый период. К сожалению, недостаточная изученность к этому времени архивных документов породила ряд исторических неточностей. Например, авторы полагали, что первая в России школа для полицейских урядников была открыта в г. Перми в 1880 г. [10. С. 82–87]. Однако в статье Ч.Н. Ахмедова (2013) на основе архивных материалов было доказано, что первое подобное учебное заведение появилось еще в конце 1879 г. в г. Гродно [11. С. 26–27]. Вообще при анализе новейшей историографии обращает на себя внимание, что именно тема профессиональной подготовки полицейских стражников и урядников разработана в наибольшей степени. Не считая множества специально посвященных ей статей [11–13], авторы монографий по истории полиции отдельных губерний (областей) Российской империи также обязательно освещали этот вопрос на уровне рассматриваемого региона [14. С. 70–71; 15. С. 85–87; 16. С. 50; 17. С. 40–41]. В 2018 г. обширные исследования в этой области были обобщены коллективом авторов из Воронежского института МВД России в монографии «Профессиональная подготовка нижних чинов уездной полиции в Российской империи в конце XIX – начале XX века» [18].

Признавая всю важность данных исследований для изучения профессионального образования в России, приходится констатировать, что на протяжении всего рассматриваемого периода развитие его в провинции было достаточно слабым и неоднородным. Так называемые «школы для полицейских урядников» существовали даже к 1911 г. (через 32 года после создания института) только в 14 губерниях из 46, в том же году преподавание в них было, наконец, упорядочено [11. С. 28–29], обучение же стражников даже в рамках одной единственной губернии – Пермской – было стандартизировано только к концу 1916 г. [19. Ф. 36. Оп. 10. Д. 10]. В этой связи для изучения профессионализации нижнего состава полиции представляется необходимым обратить пристальное внимание и на другие маркеры – прежде всего продолжительность службы, социальное происхождение, причины увольнений.

Активное изучение социально значимых характеристик нижнего состава уездной полиции берет свое начало только в XXI в., как правило, на примере урядников конкретных регионов России [20; 21. С. 157–158; 22; 23. С. 87–90]. Специфика делопроизводства как самого департамента полиции [24. Ф. 102. ДП 1, 3; 25. Ф. 1286. Оп. 39–41], так и губернских правлений [19. Ф. 36. Оп. 6] приводила к тому, что значительная часть сохранившихся исторических источников о личном составе представлена жалобами на них и расследованиями правонарушений. Однако именно эта категория документов о нижних чинах изучена, пожалуй, в наименьшей степени [26; 27. С. 73–74; 28]. Виной тому, прежде всего, «юбилейный» характер публикаций в честь 200-летия МВД (рубеж XX–XXI вв.) [29–31], 150-летия реформы полиции (начало 10-х гг. XXI в.) [14], 300-летия полиции (вторая половина 10-х гг. XXI в.) [32–34], который обязывал авторов смещать акцент на позитивные моменты. В 2010 г. А. В. Борисовым впер-

вые в качестве самостоятельной темы монографического исследования был заявлен анализ общественного мнения о досоветской полиции и милиции [35]. К сожалению, должного развития применительно к «образу» провинциального полицейского чина эта проблематика не получила, и лишь в последние годы стали появляться статьи на эту тему [36, 37]. Впрочем, даже с учетом данных историографических «дефектов» можно констатировать, что накопленного на сегодняшний день «исторической полицеистикой» материала вполне достаточно для изучения эволюции нижних чинов полиции Российской империи в 1862–1917 гг. Для достижения поставленной цели помимо литературы использованы материалы центральных и местных архивов.

После проведения реформы полиции 1862 г. в губерниях Российской империи, по общему учреждению управляемых, городская полиция была подчинена уездной, а самостоятельную городскую полицию, возглавляемую полицмейстерами, сохранили преимущественно губернские центры. Однако, несмотря на реформу органов управления и изменение чиновничьего состава, порядок формирования городских полицейских команд и их численность как в городах, имеющих самостоятельную полицию, так и в подчиненных уездному полицейскому управлению был одинаков и регулировался на протяжении всего периода единой нормативной базой. В этой связи А.С. Масалимов изучил полицейские команды уездных городов в разделе о городской полиции [15. С. 34–47]. А.В. Кокшаров пошел еще дальше и отнес к городской полиции нижних полицейских служителей заводских поселений, не имевших официального городского статуса [14. С. 46–54]. А.Ю. Пащенко, наоборот, рассматривал полицию уездных городов вместе с полицией сельской [38. С. 93–96]. В целом, не возражая против позиции последнего, приходится констатировать, что небольшой объем статьи не позволит включить нижних чинов городской полиции в предмет настоящего исследования.

Хотя «Временные правила» от 25 декабря 1862 г. и предусматривали постепенное формирование в отдельных регионах «профессиональной» полицейской стражи [39. Т. 37, ч. 2. С. 590], на практике нижний состав сельской и «подзаводской» полиции в губерниях, на которые распространялось действие «Общего учреждения губернского», как до, так и после реформы формировался из двух основных источников: 1) выборных от крестьянства или мастеровых сотских и десятских; 2) командированных для обеспечения правопорядка нижних чинов регулярных и иррегулярных воинских подразделений. Первая категория даже после повсеместного введения уездной полицейской стражи в начале XX в. оставалась если и не основной, то самой многочисленной группой полицейских служителей в сельской местности, а потому стоит остановиться на ней более подробно. Сотские и десятские избирались сельским обществом сроком на 1 год, первые от 100–200 дворов, вторые – от 10–30. До 1878 г. их «непосредственным начальником» был сам становой пристав, с 1878 г. – урядник [21. С. 56]. Согласно изначальному плану реформы по введению полицейской стражи (1900), выборная сельская полиция должна была быть полностью ликвидирована и заменена «профессиональными» стражами порядка [19. Ф. 132. Оп. 3. Д. 56. Л. 1 об.]. На практике же законодатель ограничился упразднением сотских, сокращением числа десятских и переподчинением последних выборной сельской и волостной администрации [40. Т. 23, ч. 1. С. 480]. Практически все современные исследователи солидарны в своем представлении о неэффективности данного института. «Не получая никакого жалования за свою службу… рискуя… серьезно запустить свое хозяйство, эти “полицейские поневоле”, безусловно, относились к выполнению своих обязанностей равнодушно», – полагал С.А. Трушков [16. С. 48]. «Большинство сотских и десятских принимали все зависящие меры к тому, чтобы своей бездеятельностью достигнуть исключения из службы» [16. С. 34], – еще более критично воспринимал данный институт Д.А. Ялтаев. Позиция ученых целиком созвучна с мнением полицейской администрации второй половины XIX в. «…Сотские и десятские… мало надежды, так как они утверждаются по назначению общества, служба их ничем не вознаграждается, выбираются люди преимущественно бедные, поэтому они заботятся более о насущном хлебе для себя и семейства своего и об уплате податей, … чем о службе» [19. Ф. 36. Оп. 10. Д. 56. Л. 9 об.–10], – сообщал пермскому губернатору в 1878 г. екатеринбургский уездный исправник. По сообщениям уездных исправников Нижегородской губернии, «ближайшими блюстителями закона и порядка» крестьянские общества выбирали людей, за которыми числились рекрутские или денежные недоимки, «неспособных ни к какой общественной деятельности» стариков и даже лиц «дурной нравственности» [41. С. 139].

Почему же, несмотря на эти недостатки, царское правительство так и не ликвидировало институт? Очевидный ответ кроется в фактической «бесплатности» выборной сельской полиции для государства, позволяющей компенсировать недостаток «качества» – «количеством». Общая ее численность в 46 губерниях Российской империи составляла на 1872 г. 46 398 сотских и 224 497 десятских [42. С. 107], тогда как введение в дополнение к ним в 1878 г. даже 5 000 вольнонаемных урядников обернулось казне расходом в 2 260 350 руб. ежегодно [39. Т. 53, ч. 1. С. 399]. По данным на 1887 г., в одном только не самом большом Орловском уезде Вятской губернии насчитывалось 293 сотских и 931 десятский, т.е. один выборный полицейский чин на 189 жителей [43. Ф. 582. Оп. 197. Д. 8. Л. 2 об., 3 об.], а после введения полицейской стражи государство смогло содержать «на счет казны» на той же территории всего 35 конных и 45 пеших стражников, т.е. один стражник на 3 261 жителя [24. Ф. 110. Оп. 11. Д. 662. Л. 9; 44. С. 102], другими словами, – в 15–17 раз меньше полицейских. В дальнейшем и советское руководство страны, испытывая кадровый дефицит, не раз возвращалось к идее «общественных помощников» милиции. Главная опасность заключалась здесь, по мнению Е.П. Сичинского, в том, что подобная система создавала для государства «иллюзию», будто полицейской деятельностью могут заниматься «непрофессионалы», что являлось очевидным

тормозом в процессе модернизации данного института [42. С. 106, 108].

Вторым, также характерным для традиционного общества, источником нижних полицейских чинов служили воинские подразделения, прежде всего казачьи. Так, на окраинах Российской империи правоохранительные практики продолжали осуществляться иррегулярными воинскими подразделениями вплоть до 1917 г. [30. С. 78]. Широкое применение в середине XIX в. имели казачьи отряды и в губерниях, на которые распространялось «Общее губернское учреждение». Например, в 1860 г. в Пермскую губернию для поимки бродяг и беглых было направлено 100 казаков Оренбургского казачьего войска, а спустя год – еще 200 казаков того же войска «для усиления полицейских средств» [24. Ф. 102. ДП 2. 1887 г. Д. 32, ч. 34. Л. 2]. Причем казаки зарекомендовали себя в глазах власти настолько хорошо, что в 1864 г. при обсуждении проекта введения полицейской стражи в Пермской губернии большинство исправников и даже сам губернатор настаивали на использовании казачьих подразделений вместо вольного найма полицейских из местного населения [25. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 115. Л. 80, 80 об., 92 об.]. Однако в дальнейшем ситуация переменилась, и даже там, где процессы модернизации затронули общество в наименьшей степени, деятельность «казачьих команд» стала вызывать нарекания. Так губернатор Камчатской области Н.В. Мономахов в отчете за 1915 г. отмечал, что работа подобных подразделений «малопродуктивна, так как казаки, не получая специальной подготовки, не имеют никакого представления о проявлении преступной жизни в России и, будучи доверчивыми, теряются при общении с пришлым элементом...» [45. С. 19].

Последний путь формирования нижних чинов сельской полиции – вольнонаемный – до начала «Великих реформ» был распространен только на Западных окраинах Российской империи. В 1862 г. «земская стража» из вольнонаемных лиц была учреждена в Закавказье, а в 1866 г. – в губерниях Царства Польского [46]. Из 46 губерний Европейской России вольнонаемная полиция в виде «полицейской стражи» была создана в XIX в. только в двух – Казанской и Пермской – 6 апреля 1870 г. [39. Т. 45, ч. 1. С. 381]. Спустя 8 лет все исправники и полицмейстеры единогласно признавали бóльшую эффективность стражников в сравнении с выборной сельской полицией. «…Набираемые по вольному найму, они дорожат службой и во многих случаях выказывают большую энергию, сметливость, находчивость и расторопность» [19. Ф. 36. Оп. 10. Д. 56. Л. 17 об.–18], – сообщал, например, осинский уездный исправник пермскому губернатору. Необходимость в подобной полицейской силе ощущали местные власти и других регионов Европейской России. В частности, вятский губернатор еще в ноябре 1863 г. утверждал, что в губернии необходима конная стража в размере 80 человек, сосредоточенная преимущественно в Малмыжском, Елабужском и Сарапульском уездах для раскрытия «по горячим следам» дел о конокрадстве и патрулирования Сибирского тракта [25. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 95. Л. 26–27 об.]. Тем не менее стражники появились здесь лишь спустя 40 лет – 1 января 1904 г. [16. С. 51]. Большинство руководителей полиции отмечали недостаточность материального обеспечения стражи образца 1870 г. За свою службу полицейские получали, как правило, 120 руб. в год – пеший, 216 руб. – конный, хотя эта цифра и могла несколько варьировать в зависимости от уровня цен в конкретном уезде. Пермский уездный исправник сообщал 31 июля 1878 г. губернатору, что «при существующей дороговизне на все жизненные предметы» конные стражники просят увеличения жалования до 25 руб. в месяц, а «на получаемое пешими стражниками жалованье… трудно существовать и одному человеку с наймом в городе квартиры, не говоря уже о семейном… а, с другой стороны, потребность в прислуге… быстро увеличивается… и потому в настоящее время проявляется уже безнадежность приискать нравственных и способных людей на должность пеших стражников за прежнюю плату» [19. Ф. 36. Оп. 10. Д. 56. Л. 7–7 об.].

В 1878 г. в 46 губерниях, по общему учреждению управляемых, были введены полицейские урядники [39. Т. 53, ч. 1. С. 398]. По данным «Краткого очерка деятельности МВД» (1880) в Западных губерниях на одну волость приходился один урядник и более, а в остальных – один урядник на 1–2 волости [47. С. 80–81]. Однако если отвлечься от «средних цифр», то можно заметить, что даже в пределах одной губернии нагрузка на одного урядника могла сильно различаться. Так, в Уфимской губернии уряднический участок включал 1–3 волости, при этом его протяженность варьировала от 15 до 160 верст, число населенных пунктов от 2 до 67, а количество жителей от 921 до 17 767 человек [25. Ф. 1286. Оп. 39. Д. 58. Л. 455–487]. В центральной Тверской губернии участок состоял из 1–4 волостей с числом жителей от 4 630 до 28 930, от 22 до 72 верст [20. С. 7]. Хорошо себя зарекомендовав, институт полицейских урядников был распространен на другие губернии и области империи. Например, уже в 1880 г. полицейские урядники появились в Области войска Донского [30. С. 58], в 1887 г. – в Сибири [48. С. 193].

Очевидной причиной учреждения должностей полицейских урядников на государственном уровне стала борьба с «хождением в народ» [49. С. 211]. Однако местные власти рассматривали новый институт прежде всего как инструмент для реализации административных и общеполицейских функций. Так, в 1892 г. при проведении экзамена на должность урядника в Уфимской губернии умение бороться с «противоправительственным элементом» у кандидатов даже не проверялось [50. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 533]. Сообщения о «выдающихся» успехах урядников в Департамент полиции начала 80-х гг. XIX в. также не содержат сведений о какой-либо деятельности по борьбе с политическими правонарушениями [25. Ф. 1286. Оп. 41. Д. 4, 6].

Урядники и полицейские (земские) стражники не являлись чиновниками губернского правления и не могли «расти» в чинах. В то же время им делегировался от станового пристава ряд важных функций, в числе которых было ведение полицейского дознания. За казенный счет урядники вооружались только шашкой, а огнестрельное оружие должны были приобретать на собственные средства. Зато, согласно закону, жалова-

ние урядника было выше стражнического и составляло до 200 руб. в год, не считая 50 руб. на обмундирование, 100 руб. «фуражных» и квартиры с отоплением и освещением за счет населения [39. Т. 53, ч. 1. С. 399]. На практике вместо предоставления квартир «натурою» население в большинстве случаев выплачивало урядникам квартирные деньги. Летом 1890 г. верхотурский уездный исправник доносил пермскому губернатору, что такой способ «квартирного обеспечения» урядников более удобен, чем указанный в законе [19. Ф. 36. Оп. 2. Д. 476. Л. 8 об.]. Однако необходимый размер квартирных денег сильно разнился от уезда к уезду и от губернии к губернии и далеко не везде, по мнению полицейского руководства, был удовлетворительным [19. Ф. 36. Оп. 2. Д. 476].

Большую часть полицейских урядников Российской империи «первого призыва» составили отставные и бессрочно отпускные нижние чины из податных сословий (42%). К неподатным сословиям принадлежали 27% урядников: дворяне – 8%, чиновничество – 9%, духовенство – 10%. 16% урядников составляли крестьяне, 10% – мещане [47. С. 81–82]. В разных губерниях, впрочем, сословный состав не был однороден. Например, в двух уральских губерниях (Пермской и Уфимской) среди урядников «первого призыва» случаи поступления на службу представителей первого и второго сословий были единичными: дворяне – 2,3%, «дети духовенства» – 1,4%. Кроме того, в обеих губерниях состояли на службе по одному обер-офицерскому сыну (1%), в Пермской – один личный почетный гражданин (0,5%). Из неподатных сословий заметную долю имели лишь представители чиновничества, от «неимеющих чина» – до коллежских секретарей – 10,7%. Сословный «котстяк» штата полицейских урядников Урала, как и России в целом, состоял из унтер-офицеров, преимущественно отставных, от различных родов войск (вахмистры, «писари унтер-офицерского звания», унтер-офицеры, фельдфебели, фейервейкеры) – 36,7%, в целом строевые и нестроевые нижние чины армии составили 41,1% полицейских. Все они, как правило, имели лишь опыт военной службы. Крестьяне и сельские обыватели составили 22,2% урядников. В Пермской губернии большинство крестьян не имели никакого опыта государственной службы, в Уфимской более половины крестьян и «обывателей» служили волостными писарями, старшинами, занимали должности по горному ведомству. Мастеровые составили 8,7%, мещане – 6,8% полицейских урядников [25. Ф. 1286. Оп. 39. Д. 58. Л. 85–119, 455–487]. В центральной Тверской губернии доля личных и потомственных дворян на урядниической службе в первое десятилетие существования института составляла 19,1% (в 8 раз больше), обер-офицерских детей – 4,3% (в 4 раза). Более того, в 1879–1881 гг. на должностях урядников трудились князья В.И. Шаховской и К.К. Вадбольский. Доля духовенства равнялась 18,1% (в 13 раз), личных и потомственных почетных граждан – 20,3% (в 40 раз). Доля крестьян и мещан – 25,5 и 10,4% соответственно. Однако в дальнейшем процент привилегированных сословий даже в центральных губерниях Российской империи на урядниических должностях стремительно снижался. Так, уже в 1889–1899 гг. доля дворян в Тверской губернии на должностях урядников сократилась до 7,4% (в 2,5 раза), духовенства – до 8,7% (в 2 раза), обер-офицерских детей – до 1,3% (в 3,3 раза), почетных граждан – до 10,1% (в 2 раза). Доля крестьян и мещан, напротив, возросла в 2 раза и составила 54,3 и 17,4% соответственно [20. С. 9, 11–12]. Причины, вероятно, следует искать в падении реальной заработной платы урядника вследствие инфляции, а вместе с этим и престижа данных полицейских должностей.

Возраст поступления на службу урядником был достаточно высок. Например, в Пермской губернии самый старый «новобранец» имел от роду 65 лет. Лица старше 40 лет составляли в Пермской губернии 39,1% всех урядников, а моложе 30 лет – всего 22,7%. В Уфимской губернии – 32,7 и 34,6% соответственно. Средний возраст урядников «первого призыва» составил в Пермской губернии – 37,1, а в Уфимской – 35,1 года [25. Ф. 1286. Оп. 39. Д. 58. Л. 85–119, 455–487]. Аналогичная ситуация прослеживалась и в других частях России. Чиновники особых поручений, командированные на места для инспектирования новоучрежденных должностей, вполне обоснованно полагали, что в этом возрасте «уже нельзя рассчитывать на значительный прогресс в полицейских делах» [11. С. 24].

Подавляющее большинство урядников «первого призыва» исповедовали православие [47. С. 82]. Однако в районах, где значительную долю населения составляли представители нетитульной национальности, религиозный состав мог варьировать. Если в Пермской губернии все полицейские урядники принадлежали к православию [25. Ф. 1286. Оп. 39. Д. 58. Л. 85–119], то в Уфимской помимо представителей основной конфессии состояли 15% мусульман (чуть менее половины из них были обозначены как «башкирцы»). В Белебеевском уезде на службу были даже приняты 2 старообрядца (1,8%). Большинство мусульман служили в Белебеевском (37,5%), Бисерском (25%) и Мензелинском (25%) уездах. В Уфимском уезде мусульман на урядниических должностях не было [25. Ф. 1286. Оп. 39. Д. 58. Л. 455–487]. Эти данные частично коррелируют с религиозной «картой» губернии, вырисовывающейся по результатам переписи 1897 г. Так, в Белебеевском уезде проживали более 3,5 тыс. мужчин-старообрядцев, что ставило его на второе место по числу «раскольников» после Уфимского. Белебеевский, Бисерский и Мензелинский уезды лидировали по числу «магометан», тогда как менее всего мусульман приходилось на Уфимский уезд. В то же время неправославное население к 1897 г. по результатам переписи составляло более половины всех жителей Уфимской губернии [51. С. 38–39], тогда как среди полицейских урядников представителей государственной конфессии было 83,2% [25. Ф. 1286. Оп. 39. Д. 58. Л. 455–487].

Несмотря на обширный житейский опыт, по сведениям «Краткого очерка деятельности МВД», только 37% урядников «первого призыва» были хоть как-то подготовлены к службе в полиции: 6% урядников располагали опытом строевой армейской службы, по столько же среди них составляли доли бывших тысяцких Западного края и волостных писарей, 8% – быв-

шие писари казенных и общественных учреждений, 5% – бывшие чиновники, по 3% – бывшие жандармы и чины городской полиции [47. С. 82]. По данным двух уральских губерний доля урядников, ранее служивших в полиции и жандармерии, была даже выше общероссийской – 8,2% [25. Ф. 1286. Оп. 39. Д. 58. Л. 85–119, 455–487] (возможно, при анализе данных Департамент полиции объединил чиновников полиции и других ведомств).

Образование полицейских урядников «первого призыва» явно не соответствовало ответственной должности. В Пермской губернии 61,8% полицейских были грамотны, но учебных заведений не оканчивали. В батальоне военных кантонистов образование получили 6,4%. Учебные заведения 4-го разряда (горные училища, заводские школы, народные училища и пр.) окончили 14,6%. Учебные заведения по 3-му разряду (уездные, духовные училища, неполный курс гимназии) – 15,5%. Артиллерийское училище – один урядник. Не смог окончить уездного училища также один урядник [25. Ф. 1286. Оп. 39. Д. 58. Л. 85–119]. В Уфимской губернии дела обстояли чуть лучше. 45,8% обозначены как грамотные или имеющие «домашнее воспитание». Учебные заведения по 4-му разряду окончили 6,5%. Учебные заведения по 3-му разряду – 15%. Образование 2-го разряда (кадетский корпус) имел один урядник. Двое окончили фельдшерские школы. Значительная часть вышла из образовательных учреждений, не окончив курса – 10,3% [25. Ф. 1286. Оп. 39. Д. 58. Л. 455–487].

Однако, анализируя эти и другие данные, нужно понимать, что экстраполировать их на последующий период существования института урядников можно лишь со значительной долей условности. Дело в том, что на протяжении всего исследуемого периода состав урядников не отличался стабильностью [41. С. 141]. Очень скоро многие нижние чины «первого призыва» ушли со своих постов, в том числе «за несоответствие своему назначению» [19. Ф. 36. Оп. 10. Д. 57].

Параллельно с усилением «сельской полиции» после реформы 1862 г. в Российской империи происходило формирование полиции «подзаводской». Речь идет о подчиненных уездным исправникам крупных индустриальных поселениях, не имеющих при этом статуса уездного или даже заштатного города. В последних число городовых еще в 1853 г. было поставлено в прямую зависимость от количества жителей [39. Т. 28, ч. 2. С. 58] и увеличивалось на основе единых законов 1887 и 1906 гг. (исключение составляли города, имеющие особые штаты полиции) [40. Т. 7. С. 171; Т. 26, ч. 1. С. 64–65].

Вплоть до 1914 г. финансовое обеспечение городовых по общему правилу лежало на плечах органов местного самоуправления [39. Т. 28, ч. 1. С. 313; 40. Т. 7. С. 171, Т. 26, ч. 1. С. 64–65]. Впрочем, уже закон 1906 г. предусматривал временную субсидию «от казны» на усиление полиции [40. Т. 26, ч. 1. С. 64–65]. В годы Первой мировой войны правительство и вовсе «взяло на свой счет» половину всей суммы, полагавшейся на содержание городских полицейских управлений [52. С. 81–82]. Иначе обстояло дело в заводах, где органов городского самоуправления просто не существовало, следовательно, и содержать полицию было с самого начала возможно лишь «за счет казны». Однако вплоть до октября 1916 г. [53] какого-либо единого нормативного акта, который бы определял полицейские команды и их оклады в данных населенных пунктах, не существовало. Для каждого они устанавливались отдельно. В связи с этим именно здесь усиление полиции осуществлялось максимально непоследовательно. Разобрать все не являвшиеся городами населенные пункты, в которых по тем или иным причинам существовали особые штаты полиции, в рамках небольшой статьи не представляется возможным, поэтому будет рассмотрен лишь один показательный пример.

В Ижевском заводе (Вятская губерния) увеличение военных заказов в связи с перевооружением армии в начале 1890-х гг. спровоцировало рост числа рабочих. Утвержденный в 1873 г. штат (12 городовых и 13 выборных сотских) [39. Т. 48, ч. 1. С. 236], по мнению вятского губернатора, стал «совершенно недостаточным». В начале 1892 г. он просил увеличить число казенных полицейских служителей [24. Ф. 102. ДП 2. 1892 г. Д. 22, ч. 7. Л. 1–1 об.]. Из-за отсутствия средств у МВД оно запросило помощи у военного министерства. Главное артиллерийское управление, однако, ответило, что расходы на полицию не могут покрываться за счет кредита на перевооружение армии [24. Ф. 102. ДП 2. 1892 г. Д. 22, ч. 7. Л. 5 об.–7]. Бездействие властей привело к тому, что существующий штат городовых не смог справится с беспорядками во время эпидемии холеры [24. Ф. 102. ДП 2. 1892 г. Д. 22, ч. 7. Л. 12–14]. Лишь после того, как в завод были введены войска после покушения на жизнь начальника мастерских [24. Ф. 102. ДП 2. 1892 г. Д. 22, ч. 7. Л. 31], военное ведомство решило, что содержать в заводе добавочных городовых обойдется дешевле, и 24 мая 1893 г. в заводе появились дополнительные 10 городовых с окладом 100 руб. в год [40. Т. 13. С. 343].

В Воткинском заводе (Вятская губерния) в начале 1890-х гг. вольнонаемных нижних чинов не было вообще. Правопорядок в населенном пункте с 25 тыс. населения поддерживали 16 выборных сотских и 7 десятских. Сотские, получая всего 16 руб. в год, вызывались только для сопровождения арестантов, а десятские за 120 руб. дежурили попеременно. «Все эти лица... выбираются из среды местного населения и притом из лиц самых худших, так как лучшие, – при усиленном развитии ныне заводской производительности, имеют больший заработок на заводе и от этих должностей откупаются» [24. Ф. 102. ДП 2. 1892 г. Д. 22, ч. 17. Л. 1–2], – сообщал местный губернатор в МВД в декабре 1892 г. Губернатор предлагал упразднить выборную сельскую полицию в заводе, а на волостные и государственные средства организовать вместо нее штат из 2 старших и 13 младших городовых. За образец окладов нижних чинов было взято городское узаконение 1887 г., согласно которому жалование старшего городового составляло 180 руб. в год, а младшего – 150 руб. [24. Ф. 102. ДП 2. 1892 г. Д. 22, ч. 17. Л. 3–3 об.]. Уже 1 июня 1893 г. на основе проекта губернатора был принят соответствующий закон [40. Т. 13. С. 394–395].

Таким образом, в схожих заводских поселениях, в одной и той же губернии с разницей всего в неделю были реализованы две принципиально разные системы оплаты службы нижних чинов полиции. Одна основывалась на устаревшем локальном нормативном правовом акте, утвержденном в 1873 г., а другая – на узаконении для городов 1887 г. Городовые в Ижевском заводе получали из-за этого на 60–80% меньше, чем нижние чины полиции Воткинского завода. «При дороговизне квартир и вообще содержания в заводе, сказанный размер вознаграждения полицейским служителям является совершенно недостаточным и не может никоим образом привлечь в команду людей благонадежных и способных… – сообщал губернатор министру внутренних дел уже осенью 1893 г. – Кроме того, ныне… всякий сколько-нибудь сносный работник вместо трудной, скудно оплачиваемой службы полицейского служителя, легко находит… работу в заводе…» [24. Ф. 102. ДП 2. 1892 г. Д. 22, ч. 7. Л. 43–43 об.]. После долгих согласований с военным и другими министерствами повышение окладов городовых до 150–180 руб. было осуществлено в Ижевске лишь в 1895 г. [40. Т. 15. С. 25–26].

Низкие оклады приводили к громадной «текучке кадров» среди «подзаводских» городовых. Так, из полиции Мотовилихинского завода (Пермская губерния) за 1906 г. были уволены 129 нижних чинов, что составляло 179% от ее штатной численности. Таким образом, к 1 января 1907 г. ее личный состав обновился почти на 100% [19. Ф. 132. Оп. 3. Д. 627]. В 1907 г. ситуация значительных изменений не претерпела. 1 августа 1907 г., в день зарплаты, пожелали уволиться сразу 12 младших городовых. Даже после «увещеваний» полицейской администрации, что им будет дано добавочное содержание, 10 из 12 городовых все равно пожелали уйти со службы. Пристав завода С.М. Вакульский квалифицировал в своем протоколе подобный поступок в условиях настоящей «войны» с революционным террором «запрещенной стачкой и заговором». Однако сам уездный исправник А.Л. Правохенский не находил в этом ничего особенного. «…Подобные отказы по несколько человек сразу наблюдались неоднократно и преимущественно в дни получения жалованья... Мне положительно известно, что явления отказа от службы имеют место исключительно вследствие крайне тяжелых условий службы и дороговизны жизни в Мотовилихе при небольшом сравнительно содержании» [19. Ф. 132. Оп. 3. Д. 69. Л. 32–32 об., 44–44 об.], – доносил он в губернское правление.

К сожалению, формулярные списки заводских городовых сохранились лишь фрагментарно, а потому создать какое-либо целостное представление об их социальном облике не представляется возможным. Тем не менее на основе анализа приказов по личному составу челябинского уездного исправника (Оренбургская губерния) за 1909–1911 гг., проведенного Е.П. Сичинским, можно предположить, что к концу исследуемого периода состав городовых не сильно отличался от стражнического и урядницкого, о котором пойдет речь ниже. Можно также предположить по косвенным данным, что определенную часть городовых в заводах, как и в городах, могли составлять крестьяне-отходники, которые, прослужив в полиции в зимнее время, летом возвращались к сельскому хозяйству [19. Ф. 132. Оп. 3. Д. 68, 69; 54. С. 193–194].

5 мая 1903 г. было высочайше утверждено мнение Государственного Совета «Об учреждении в 46 губерниях Европейской России уездной полицейской стражи». Реформу планировалось осуществлять постепенно с 1903 по 1908 г. – сначала в одних губерниях, затем в следующих. Однако революционные события 1905 г. вскоре заставили правительство ввести полицейскую стражу в 50 губерниях в кротчайшие сроки. Стража состояла из стражников и урядников. Последние учреждались теперь в каждой волости. На урядническую или стражническую вакансию мог поступить российский подданный от 25 лет с хорошими физическими данными, не имеющий судимости и не состоящий под следствием. Кроме того, от урядников требовались знания составления протоколов, полицейской службы и ведения дознаний. Урядники вооружались теперь за казенный счет не только шашками, но и револьверами, а стражники первоначально только шашками. По закону стражники должны были быть грамотными [40. Т. 23, ч. 1. С. 477–479], однако на практике это требование порой нарушалось [19. Ф. 132. Оп. 3. Д. 79–620]. Ранее существовавшая в Казанской и Пермской губерниях полицейская стража была формально расформирована, а в действительности влилась в состав новой, более многочисленной, полицейской силы. За пределами губерний, по общему учреждению управляемых, полицейская стража из-за своей «дороговизны» широкого распространения не получила. Так только 1 июля 1912 г. полицейская стража была учреждена в некоторых местностях области Войска Донского [30. С. 77]. В Сибири в начале XX в. полицейская стража была введена лишь в Акмолинской области и нескольких уездах Иркутской губернии [48. С. 238].

Революция 1905–1907 гг. наложила свой отпечаток на военизацию полицейской стражи. В тех губерниях Европейской России, где к началу социальных потрясений полицейская стража была уже введена, она не сумела совладать с беспорядками. Рассеянные по волостям стражники оказались «легкой мишенью» для террористов и восставших. Для того чтобы превратить стражу в силу, способную подавлять беспорядки, с конца 1905 г. она объединялась в каждой губернии в несколько крупных отрядов, увеличивалось число конных стражников, помимо шашки вооружение стражников дополнялось винтовками. Распределялись отряды стражи в губерниях таким образом, чтобы их можно было оперативно направить на подавление аграрных или городских беспорядков, а в случае крупного восстания – объединить в единый отряд. Руководство строевой частью и обучение верховой езде возлагались теперь на офицеров отдельного корпуса жандармов. Начальник губернского жандармского управления занимал должность губернского инспектора полицейской стражи [19. Ф. 132. Оп. 3. Д. 56. Л. 19–21].

Если в советские годы было принято преувеличивать финансовое содержание «царских сатрапов», то в постсоветской историографии, напротив, – преумень-

шать. Однако нельзя не признать, что жалование нижних чинов уездной полиции, введенное в губерниях Европейской России в 1906 г., было сравнительно высоким вплоть до усиления инфляции в годы Первой мировой войны: 300 руб. в год – стражников, 360 руб. – старших стражников, 420 руб. – урядников, 480 руб. – урядников на высшем окладе [19. Ф. 132. Оп. 3. Д. 56. Л. 15 об.–16, 19–21]. Так, доход стражника без дополнительных выплат на 5−29% превышал среднюю годовую заработную плату уральских рабочих даже по данным 1913 г., а жалование полицейских урядников превышало ее на 47−71%. Стоит добавить, что конные стражники и конные урядники получали дополнительное «фуражное довольствие» для лошади. Оплата труда рабочих менялась также в зависимости от уровня подготовки. Например, в цензовой промышленности рабочий низкой квалификации получал от 178,8 до 216 руб. в год, средней – 249,6–468 руб., а высшей – 540–600 руб. [55. С. 158] Таким образом, даже содержание простого стражника было в 1,6 раза выше заработной платы «чернорабочего», а оклад урядника не уступал заработку рабочего средней квалификации.

На основе отложившихся в Государственном архиве Пермского края уникальной коллекции послужных списков стражников и урядников Пермского уезда, служивших по закону от 5 мая 1903 г. [19. Ф. 132. Оп. 3. Д. 79–620], совместно с Д.М. Софьиным была составлена база данных, включающая 522 персоналии. Ее просопографический анализ позволил построить коллективный потрет полицейского стражника и урядника Пермского уезда в 1906–1917 гг. Всего из 88 человек, закончивших службу урядниками (16,9% от представленных в базе полицейских), 64,8% сразу поступили на эту должность. 34,1% урядников начинали с должностей пеших и конных стражников. Хотя факты понижения в должности изредка имели место, ни один полицейский, начинавший службу урядником, не остался в должности стражника или городового. Однако «подняться по карьерной лестнице» даже до урядника полицейскому стражнику было непросто. Только 6,5% представленных в базе стражников сумели стать урядниками, а учитывая низкий процент сохранившихся послужных списков стражников, в действительности этот показатель был еще в несколько раз ниже. Перейти же из урядников на должности, дающие право на классные чины, было несколько проще. Это удалось 9,1% урядников. Большинство бывших урядников начали свою карьеру в губернском правлении с должности околоточных надзирателей. Путь от должности урядников до более высокой занял у них в среднем всего 3,5 года [19. Ф. 132. Оп. 3. Д. 79–620].

По своему сословному происхождению подавляющее большинство как урядников, так и стражников составляли крестьяне [19. Ф. 132. Оп. 3. Д. 79–620]. Это неудивительно, учитывая, что по переписи 1897 г. различные «сельские состояния» составляли 96,6% мужского населения уезда (без г. Перми), и даже среди жителей губернского центра «сельских обывателей» было более половины (55,7% мужчин) [56. С. 43–44]. Обращает на себя внимание, что среди урядников крестьян было почти на 10% меньше, чем среди стражников (82,5 и 92,4% соответственно), а мещан, напротив, – в 2 раза больше (8,8 и 4,5%). Кроме того, лица «неподатных» сословий совокупно составляли 8,9% «урядничества» (3,8% – чиновники, 1,3% – личные почетные граждане, 3,8% – дворяне), в то время как на 423 стражника приходился всего один дворянин (0,2%) [19. Ф. 132. Оп. 3. Д. 79–620]. В центральной Тверской губернии среди урядников, служивших в 1911–1917 гг., потомственные дворяне составляли 2,8%, обер-офицерские дети – 0,6%, духовенство – 2,2%, личные и потомственные почетные граждане – 2,2%, мещанство – 15,5%, крестьянство – 75,7% [20. С. 11–12]. Таким образом, к концу имперского периода можно констатировать нивелирование сословных различий в социальном составе урядников в центре и на окраинах Российской империи, а также еще большую, чем в конце XIX в., «демократизацию» их состава.

Несмотря на то, что в отличие от стражников к урядникам не предъявлялось требование «пришлого» происхождения, лица, имеющие приписку не в Пермской губернии, составляли 42% урядников Пермского уезда. 35,3% урядников-мигрантов происходили из Вятской, по 8,8% – из Самарской и Уфимской, по 5,9% – из Костромской и Симбирской, по одному – из Варшавской, Вологодской, Волынской, Екатеринославской, Ковинской, Минской, Могилевской, Оренбургской, Пензинской, Рязанской, Томской и Харьковской губерний [19. Ф. 132. Оп. 3. Д. 79–620]. Несмотря на широкую географию, можно отметить значительную долю урядников из сопредельных губерний, а также полное отсутствие уроженцев столичного региона, что отличало их от классного состава полицейских-мигрантов [19. Ф. 36. Оп. 10. Д. 429–1032]. Среди полицейских урядников – уроженцев Пермской губернии жители Пермского уезда составляли всего 34%, еще 4,3% происходили из губернского центра [19. Ф. 132. Оп. 3. Д. 79–620]. Согласно циркулярам МВД не менее 2/3 стражников должны были происходить из других регионов [57. С. 343]. Однако далеко не во всех губерниях удавалось достигнуть данного показателя. В Оренбургской на 1906 г. численность стражников из других губерний не достигала и 15% [24. Ф. 110. Оп. 11. Д. 251. Л. 46]. В Вятской губернии в 1907 г. стражники и вовсе преимущественно происходили из тех же уездов, в которых служили [24. Ф. 110. Оп. 11. Д. 378. Л. 2]. В дальнейшем число желающих служить из иных губерний не прибавилось. По сведениям на декабрь 1909 г., стражников из пришлого населения было в Вятской губернии всего 7,5% [24. Ф. 110. Оп. 11. Д. 662. Л. 7].

Средний возраст поступления на службу урядников Пермского уезда составлял 32,1 года, а полицейских, оставшихся стражниками, – 29,6. В отличие от урядников Пермской губернии 1878 г. полицейских-новобранцев в возрасте старше 40 лет среди нижних чинов было значительно меньше: 18,8% – урядников, 4,4% – стражников. Напротив, лица, поступившие в полицейскую стражу в возрасте до 30 лет, составляли 52,5% урядников и 62,9% стражников [19. Ф. 132. Оп. 3. Д. 79–620]. Вятские «стражи порядка» в 1906 г. были значительно старше своих пермских «коллег». Жандармская ревизия 1906 г. отмечала, что большинство стражни-

ков – лица «многосемейные», в возрасте 30–45 лет [24. Ф. 110. Оп. 11. Д. 182. Л. 29]. По своему семейному положению 63,6% урядников Пермского уезда на момент поступления на службу были женаты, 34,1% – холосты, 2,3% – вдовы. 6,3% холостых и вдовых урядников вступили в брак, находясь на службе. Показатели «брачности» стражников чуть выше – 67,8%. Еще 2,5% стражников женились, находясь на службе. Отсутствие вдовцов при поступлении объясняется сравнительно более молодым возрастом стражников, нежели урядников [19. Ф. 132. Оп. 3. Д. 79–620]. Таким образом, несмотря на более высокий средний возраст поступления на службу, доля урядников, состоящих в официальном браке, была на 14,7% ниже, чем у «исполнительных чиновников». Препятствием мог служить сравнительно низкий доход, что косвенно подтверждается значительным числом холостых околоточных надзирателей и канцелярских служащих полиции, чье денежное содержание могло быть даже ниже урядниче-ского [19. Ф. 36. Оп. 10. Д. 429–1032].

Подавляющее большинство урядников Пермского уезда закономерно исповедовало православие (97,7%). Кроме представителей государственной конфессии выявлены один единоверец и один католик. Среди полицейских стражников доля православных была несколько ниже – 94,1%. Еще 2,6% составляли старообрядцы, 2,1% – мусульмане, 0,7% – католики, 0,5% – единоверцы [19. Ф. 132. Оп. 3. Д. 79–620]. При этом среди полицейских чиновников Урала благодаря высокой доле выходцев из Западных губерний доля православных была еще ниже [19. Ф. 36. Оп. 10. Д. 429–1032].

К 1903 г. воинский призыв существовал в Российской империи уже 30 лет, а потому полицейская стража формировалась, в отличие от корпуса урядников «первого набора», из нижних воинских чинов. Число унтер-офицеров среди них в разных регионах отличалось. В Оренбургской губернии, согласно данным ревизии 1906 г., «лица унтер-офицерского звания» составляли чуть более половины стражи – 50,9% [24. Ф. 110. Оп. 11. Д. 251. Л. 46]. Из полицейских урядников Пермской губернии закончили воинскую службу в статусе унтер-офицеров 36,8%, еще 6,6% – ефрейторами. Отставные писари составили 22,4% урядников. Для полицейских, оставшихся стражниками, удельный вес унтер-офицеров был ниже – 23,4% (ефрейторов – 19%). Еще менее значительной среди стражников была доля отставных писарей – 3% (в 7,5 раз меньше) [19. Ф. 132. Оп. 3. Д. 79–620]. Это явно говорит о значительно более высоком уровне образования урядников. В войнах, преимущественно Китайской (1900–1901) и Русско-Японской (1904–1905), принимали участие 9,1% урядников. Стражников – участников войн в два раза больше – 19,7%. Знаки отличия (воинские ордена, медали, знаки за отличную стрельбу и пр.) имели 22,7% урядников. Среди стражников знаки отличия были у 15,5%. Поощрений по службе (благодарностей губернатора, медалей «За беспорочную службу в полиции» и пр.) были удостоены 26,1% урядников и всего 1,9% полицейских, оставшихся стражниками (в 14 раз меньше) [19. Ф. 132. Оп. 3. Д. 79–620]. Обгоняя более чем на порядок стражников, полицейские урядники в то же время значительно отставали по поощрениям от «исполнительных чиновников» [19. Ф. 36. Оп. 10. Д. 429–1032].

Наиболее показательны для изучения личного состава полиции средний срок службы и анализ причин увольнения. К сожалению, и то и другое поддается подсчету лишь условно. Прежде всего, из-за некорректного ведения делопроизводства в годы революции. Приказа об увольнении из полиции в связи с ее ликвидацией нет ни в одном личном деле полицейского стражника или урядника Пермского уезда, а росписи в получении документов, которые и служили основанием датировки прекращения службы в революционные годы, обнаружены далеко не во всех незакрытых личных делах.

Средний срок службы полицейских урядников составил 4 года, а стражников – только 14 месяцев (в 3,3 раза меньше), что говорит об огромной текучке кадров именно среди последних [19. Ф. 132. Оп. 3. Д. 79–620]. Тем не менее ее не стоит переоценивать. Так, оренбургский уездный исправник 31 июля 1907 г. доносил губернатору, что бóльшая часть личного состава стражи служит с самого ее основания, т.е. более двух лет [58. Ф. 11. Оп. 15. Д. 48а. Л. 3 об.; 59. С. 68]. 33% урядников и только 12,9% стражников Пермского уезда увольнялись со службы более 1 раза. Это явно говорит о том, что для большинства стражников служба в полиции была скорее временным заработком, нежели «отхожим промыслом». В качестве повода для окончательного увольнения урядников преобладают прошения по собственному желанию (34,6%) и ликвидация полицейских учреждений в связи с революцией (34,6%). Так как большинство дел стражников относится к периоду до начала Первой мировой войны, то они окончательно увольнялись «согласно ходатайству» еще чаще – более чем в половине случаев (52,8%). Все остальные причины увольнений урядников намного менее распространены: перевод на более высокую должность – 14,8%, в другой уезд – 3,7%, смерть – 5,6%, болезнь – 1,9%. За пьянство были уволены всего 5,6% урядников. Для стражников этот показатель намного выше: 25,8 % – одна из основных причин увольнения. Таким образом, алкоголизм в гораздо большей степени был распространен среди стражников, чем среди урядников. Это подтверждается и другим количественным показателем. Сведения о чрезмерном употреблении спиртного содержатся в личных делах 14,8% урядников и 32,1% стражников (в 2,2 раза больше). Для стражников на третьем месте среди поводов к увольнению (после «ходатайства» и «пьянства») фигурирует несоответствие занимаемой должности (8,6%). Смерть в качестве причины увольнения указана в 2%, болезнь – в 1%, перевод на другую должность – в 0,8% случаях. Даже если не брать в расчет «домашние обстоятельства», за которыми также могли скрываться проступки полицейских, которые начальство решило не придавать огласке, по откровенно «неблаговидным» поводам были уволены 43,7% стражников и всего 7,5% урядников (в 5,8 раза меньше) [19. Ф. 132. Оп. 3. Д. 79–620].

В годы Революции 1905–1907 гг. в полиции начинается широкое применение для подавления революционного движения национальных подразделений.

Например, в августе 1907 г. в вятские конные стражники были наняты 118 чеченцев [59. С. 69]. Летом 1907 г. три отряда из ингушей были созданы пермским губернатором А.В. Болотовым в зауральской части губернии на деньги, взятые из кредита на содержание полицейской стражи [60. С. 88]. В ноябре 1907 г. «для обуздания чрезмерного хулиганства, уличных разбойников и грабителей, от которых мирным обывателям за последнее время положительно житья не стало» один из отрядов ингушей был переведен в Пермь [61]. В отношении к общему числу полицейской стражи число чеченцев и ингушей на службе было небольшим. Например, в 1909 г. на службе в полицейской страже Вятской губернии чеченцы, даже вместе с казаками, составляли всего 1,5%, тогда как в Пермской доля ингушей была 5,2% [24. Ф. 110. Оп. 11. Д. 662. Л. 17 об.–18, 32 об.–33]. В делопроизводственной документации можно найти немало положительных отзывов о деятельности «полицейских ингушей». Так, утром 25 августа 1908 г. преследовать скрывавшихся в лесах Пермского уезда опасных преступников был командирован околоточный надзиратель Струков во главе отряда из 6 ингушей. Трое злоумышленников при виде полиции стали отступать в лес, отстреливаясь из бывших при них винтовок и пистолета. В результате преследования все трое были застрелены ингушами [24. Ф. 102. ДП 3. 1908 г. Д. 20, ч. 33. Л. 133–133 об.]. Как ни странно, положительную оценку получили ингуши и «с другой стороны баррикад»: в жалобе политического арестанта А.Д. Вылежнева на его жестокие пытки чинами полиции в ночь с 20 на 21 февраля 1908 г. После того как вышеупомянутый Струков позвал двух дежуривших при полиции ингушей и приказал бить связанного задержанного, последние исполнять это требование отказались [24. Ф. 102. ДП 1. 1908 г. Д. 1, ч. 30 л. «А». Л. 30–31]. Однако из-за частых конфликтов местного населения и выходцев с Кавказа, вызванных разницей в культуре и менталитете, вице-директор Департамента полиции МВД С.В. Белецкий летом 1910 г. вынужден был запретить прием на службу «горцев» [62. С. 369]. Имели место в Российской империи и «обратные» конфликты на национальной почве – между местным нетитульным населением и русскими полицейскими [17. С. 148].

Впрочем, «натянутые отношения» населения и полиции, установившиеся в начале XX в., далеко не всегда были связаны с ее национальным составом. При этом основной мишенью для «народного гнева» становились именно нижние чины. Так, во время восстания в д. Первое Семеново (Казанская губерния) в ноябре 1906 г. крестьяне напали на земского начальника и стражников, но присутствующего в деревне уездного исправника В.И. Ефимова не осмелились оскорбить даже словом [17. С. 132]. Последний оренбургский губернатор М.С. Тюлин, вспоминая в 1920-е гг. неприкрытую неприязнь крестьян к полиции и администрации в годы Первой мировой войны, связывал ее исключительно с «пропагандой революционных идей» [63. Ф. 307. К. 2. Ед. хр. 3. Л. 13–13 об.]. Отчасти это было действительно так. Либеральная и социалистическая печать Российской империи, в том числе легальная, еще со второй половины XIX в. неустанно наделяла полицейского такими качествами, как коррупционное поведение, грубость, низкий образовательный уровень [35. С. 61]. В достижении поставленной цели либеральные «корреспонденты» не останавливались даже перед откровенным вымыслом. Так, столичные «Биржевые ведомости» сообщали 18 июля 1910 г., что урядник Мехонской волости (Пермская губерния) зверски избил местного жителя. «Расправившись со своей жертвой, урядник сказал сбежавшимся крестьянам: “Уберите несчастный труп. Знайте, как расправляются с вашим братом”» [24. Ф. 102. ДП 3. 1910 г. Д. 25. Л. 55] – заканчивал заметку анонимный корреспондент. Однако даже по словам жалобщицы, супруги потерпевшего, на улице никого не было. Несмотря на то, что расследование Пермского губернского правления доказало непричастность урядника к избиению, он был приговорен за употребление алкоголя при исполнении к 7 суткам ареста и, как скомпрометировавший себя в глазах местных жителей, переведен в другую волость [24. Ф. 102. ДП 3. 1910 г. Д. 25. Л. 50–53].

В значительной степени в неприязни со стороны населения были виноваты сами полицейские. В «Очерке истории рабочего движения в Лысьвенском заводе», составленном 14 декабря 1929 г., «старые большевики» дают весьма нелестную оценку поведению пермских полицейских чинов во время мартовской стачки 1914 г.: «Пьяные разъезжали по улицам… избивали первого встречного рабочего, не жалея женщин…» [64. Ф. 41. Оп. 2. Д. 252. Л. 112]. Представляется, что этому высказыванию стоит верить, так как в этом случае «глумление» над мертвыми телами полицейских в ходе Лысьвенского восстания в июле 1914 г., в котором активное участие принимали жительницы завода, становится объяснимым. С 1914 по 1916 г. в одной Томской губернии к судебной ответственности были привлечены 159 нижних полицейских чинов [28. С. 27]. И это не считая огромного числа дел, которые губернскому правлению удалось не довести до суда. Вообще в годы Первой мировой войны реальный доход полицейского значительно сократился из-за инфляции, некомплект полицейских стражников и канцелярских служителей был огромен [19. Ф. 36. Оп. 10. Д. 11. Л. 189–189 об.], отчего губернские власти старались держаться буквально за каждого. Так, пеший стражник А.М. Анфилатов, охранявший австрийских военнопленных в Баранчинском заводе (Пермская губерния), 3 декабря 1916 г. играл с ними в карты на деньги. Воспользовавшись отсутствием надзора, 6 военнопленных бежали. За этот проступок стражник не только не был предан суду, но даже не уволен со службы, лишь приговорен к 7 суткам ареста и переведен на должность городового [65. Ф. 621. Оп. 2. Д. 3. Л. 9–9 об.].

Таким образом, в 1862–1917 гг. существовало три способа набора нижних чинов уездной полиции: выбор от сельских обществ, использование военнослужащих, прежде всего иррегулярных частей, вольный найм. Хотя процесс профессионализации полиции к моменту ее ликвидации в марте 1917 г. был далек от своего завершения даже на территории Европейской России, тенденция к постепенному снижению роли

выборной полиции и повышению числа вольнонаемных полицейских служителей прослеживается на протяжении всего рассмотренного периода достаточно явно. Важной вехой в этом процессе стала Революция 1905–1907 гг., которая вынудила власти за счет казны учредить во многих индустриальных поселениях городовых, а на остальном пространстве 50 губерний Европейской России ввести казенную полицейскую стражу из стражников и урядников. Однако вольнонаемный путь формирования отнюдь не означал превращения нижних чинов в самостоятельную профессиональную группу, о чем можно судить по отдельным социально-служебным характеристикам. Урядники, стражники и городовые принадлежали к отслужившим в армии в качестве нижних чинов представителям «податного населения», прежде всего крестьян, реже – из маргинализированной части чиновничества, дворянства и почетных граждан. Как правило, стражники и урядники были женаты и имели детей, некоторые обзавелись семьей, уже находясь в должности. Средний срок службы был невелик, особенно в среде городовых, где полицейский мог, уволившись на лето для сельскохозяйственных работ, осенью вновь вернуться к «полицейскому промыслу». В то же время урядниче-ские должности отличала стабильность кадров, сопоставимая с чиновничьим составом. Хотя в «общественном мнении» сформировался достаточно единообразный и неприглядный образ «нижнего полицейского чина», в действительности усреднить его даже в рамках отдельной губернии, не говоря уже обо всей России, достаточно сложно. Так, в центральных губерниях в первое десятилетие после учреждения дворянство составляло значительную долю полицейских урядников, тогда как на Урале случаи поступления представителей привилегированных сословий в нижние полицейские чины с самого начала были единичными. Даже демографические характеристики, такие как возраст, разнились от губернии к губернии.

Список источников

1. Андриевский И.Е. Реформа исполнительной полиции в России. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1878. 16 с.
2. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1883. Т. 3, ч. 1. 384 с.
3. Тарасов И.Т. Полиция в эпоху реформ. М. : Тип. А. П. Мамонтова и К°, 1885. 160 с.
4. Белецкий С.П., Руткевич П. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1913. 42 с.
5. Высоцкий И.П. С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство [1703–1903] : краткий исторический очерк. СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 326 с.
6. Министерство внутренних дел [1802–1902] : исторический очерк. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1901. Кн. 1. 335 с.
7. Мулукаев Р.С. Полиция и тюремные учреждения в дореволюционной России. М., 1964. 28 с.
8. Воробейкова Т.У., Дубровина А.Б. Преобразование административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX века. Киев, 1973. 68 с.
9. Желудкова Т.И. Основные направления деятельности полиции дореволюционной России по охране феодального и буржуазного общественного порядка. М. : Акад. МВД СССР, 1977. 39 с.
10. Борисов А.В., Дугин А.Н., Малыгин А.Я. и др. Полиция и милиция России: страницы истории. М. : Наука, 1995. 316 с.
11. Ахмедов Ч.Н. Исторический опыт профессиональной подготовки полицейских урядников в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4. С. 23–30.
12. Кирнос А.В. Формирование школ полицейской стражи в Российской империи: трудности начального этапа // Российская полиция: три века служения Отечеству. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2018. С. 1459–1463.
13. Нахимов А.П., Кирнос А.В., Колесников В.А. Становление профессиональной подготовки нижних чинов уездной полиции в регионах Российской империи в конце XIX – начале XX в.: Воронежские экзаменационная комиссия и школа урядников // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 2. С. 7–27.
14. Кокшаров А.В. Полиция Владимирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Иваново : Спринт, 2012. 141 с.
15. Масалимов А.С. Реформа полиции Российской империи XIX–XX веков: достижения, просчеты, влияние на развитие государственного аппарата. Уфа : УЮИ МВД России, 2011. 152 с.
16. Трушков С.А. Администрация и полиция Вятской губернии второй половины XIX – начала XX в. Киров : ВСЭИ, 2003. 171 с.
17. Ялтаев Д.А. Правоохранительная деятельность полиции в чувашских уездах Казанской губернии в 1862–1917 годах. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. 156 с.
18. Нахимов А.П., Кирнос А.В., Колесников В.А. Профессиональная подготовка нижних чинов уездной полиции в Российской империи в конце XIX – начале XX века. Воронеж : Воронеж. ин-т МВД России, 2018. 685 с.
19. Государственный архив Пермского края (ГАПК).
20. Евсеев С.В. Полицейские урядники Тверской губернии 1878–1917 гг. Тверь : Изд. А.Н. Кондратьев, 2014. 257 с.
21. Романова А.В. Городская и уездная полиция Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: эволюция института и деятельность : дис. … канд. ист. наук. Ульяновск, 2017. 298 с.
22. Рязанов С.М. Урядники Пермского уезда в 1878−1917 гг.: институциональный, социальный и личностный аспекты // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2012. Вып. 3. С. 68–77.
23. Ялтаев Д.А. Уездная полиция в Казанской губернии в 1862–1917 годах: по материалам Чувашских уездов : дис. … канд. ист. наук. Чебоксары, 2004. 289 с.
24. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
25. Российский государственный исторический архив (РГИА).
26. Козлов А.С. «...А урядник Пантюшев стал требовать от меня, чтобы я под гармонию плясал с медвежатами» (12 дел Екатеринбургского окружного суда начала XX в. о преступлениях нижних полицейских чинов) // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот, 2008. Вып. 7: Источник и его интерпретации. С. 375–479.
27. Петров А.В. Полиция и милиция Урала и Западной Сибири в начале XX в. (историко-правовое исследование) : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2007. 428 с.
28. Храмцов А.Б. Привлечение чинов полиции Томской губернии за противоправные действия к ответственности в 1914–1916 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2. С. 26–29.
29. Алексеев П.М., Карпов И.Е., Тумшис М.А. Полиция и милиция Самарской губернии: имена события, факты (1802–1967 гг.). Самара, 2003. 151 с.
30. Макеев В.В., Небратенко Г.Г. Организационно-правовое становление и развитие общей полиции на территории Донского казачьего войска, середина XVIII – начало XX вв. Ростов н/Д : Ростов. юрид. ин-т, 2002. 240 с.

31. Перов И.Ф., Кузнецов М.В. Полиция Рязанской губернии. Рязань : Узорочье, 2002. 259 с.
32. Беляков А.В., Галай Ю.Г., Лушин А.Н. Нижегородская полиция Российской империи. Н. Новгород : Нижегород. акад. МВД России, 2017. 500 с.
33. Евсеев И.В., Евсеев Т.И., Сумкин С.В., Алексеева А.Р. Полиция и общество Урала. 300 лет взаимодействия. Екатеринбург : А.В. Пиджаков, 2018. 220 с.
34. Кузнецов М.В. Рязанская полиция. 300 лет на страже порядка. Рязань : Рязан. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2018. 143 с.
35. Борисов А.В. Полиция и милиция России в общественном мнении (начало XVIII в. – октябрь 1917 г.). М. : Акад. управления МВД России, 2010. 112 с.
36. Ахмедов Ч.Н. Политика государства и общественное мнение по формированию института полицейских урядников // Вестник С.-Петерб. ун-та МВД России. 2020. № 2. С. 10–18.
37. Рязанов С.М. Образ провинциального полицейского в либеральной публицистике 1905–1907 годов (по материалам Урала) // Вестник Удмуртского государственного университета. 2019. № 1. С. 117–124.
38. Пащенко А.П. Организационно-правовые основы деятельности полицейских органов, действовавших на территории Самарской губернии в 1865–1905 гг. : дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2012. 153 с.
39. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. СПб. : Тип. 2 отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1830–1884.
40. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. СПб. : Гос. тип., 1885–1916.
41. Галай Ю.Г., Беляков А.В. Нижегородская полиция в XVIII– начале XX века. Н. Новгород : Нижегород. прав. акад., 2012. 247 с.
42. Сичинский Е.П. Полицейская повинность населения дореволюционной России: альтернатива или тупик // Полицейское право. 2005. № 1. С. 106–108.
43. Государственный архив Кировской области (ГАКО).
44. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1911 год. Вятка : Губ. тип., 1911. 550 с.
45. Пирагис А.П. От нагана до компьютера: история камчатской полиции и милиции (XVIII–XX). Петропавловск-Камчатский : Нов. книга, 2005. 272 с.
46. Яновский А.Я. Земская стража // Энциклопедический словарь. СПб. : Тип.-литогр. И.А. Ефрона, 1894. Т. 12а. С. 499.
47. Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел за двадцатипятилетие, 1855–1880. СПб. : Тип. Мин-ва внутр. дел, 1880. 183 с.
48. Коновалов И.А. Роль и место общей полиции в системе местного управления Сибири (XVIII – начало XX века). М. : Инфра-М, 2020. 311 с.
49. Тюрин В.А. Должность полицейского урядника в России конца XIX – начала XX вв. (на материале среднего Поволжья) // Вестник Самарского государственного университета. Сер. История. 2011. Вып. 1. С. 211−215.
50. Национальный архив Республики Башкортостан (НАРБ).
51. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб. : Изд. Центр. стат. ком. Мин-ва внутр. дел, 1904. Вып. 45. 189 с.
52. Касьянов А.В. Особенности организационно-правового обеспечения деятельности полиции Российской империи в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) : дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. 177 с.
53. Об усилении полиции в 50 губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов: Высочайше утв. положение Совета Министров от 23 окт. 1916 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб. : Сенат. тип., 1916. Отд. 1. № 307. Ст. 2426.
54. Сичинский Е.П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия. М. : Майор, 2005. 266 с.
55. Фельдман М.А. К вопросу о материальном положении рабочих Урала к 1914 г. // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. Вып. 2. С. 157–175.
56. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб. : Изд. Центр. стат. ком. Мин-ва внутр. дел, 1904. Вып. 31. 301 с.
57. Невский С.А., Сычев Е.А., Можаев С.Ю. Уездная полицейская стража в России в начале XX века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 4. С. 342–346.
58. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО).
59. Петров А.В. Общая полиция Урала и Западной Сибири в начале XX века: проблемы правового регулирования // Научный вестник Омской академии МВД. 2015. № 2. С. 67–70.
60. Кудрин А.В. Метаморфозы исторической реальности в повести А. Гайдара «Жизнь ни во что» // Вещь. 2013. № 8. С. 79–94.
61. Ингуши // Пермские губернские ведомости. 1907. 23 нояб. С. 2.
62. Гарбуз Г.В. Полицейская стража в России в начале XX в. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 368–372.
63. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ).
64. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО).
65. Государственный архив Свердловской области (ГАСО).

References

1. Andrievskiy, I.E. (1878) *Reforma ispolnitel'noy politsii v Rossii* [The Executive Police Reform in Russia]. St. Petersburg: V. Bezobrazov i K°.
2. Gradovskiy, A.D. (1883) *Nachala russkogo gosudarstvennogo prava* [Principles of Russian State Law]. Vol. 3. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
3. Tarasov, I. T. (1885) *Politsiya v epokhu reform* [Police in the Era of Reforms]. Moscow: A.P. Mamontov i Ko.
4. Beletskiy, S.P. & Rutkevich, P. (1913) *Istoricheskiy ocherk obrazovaniya i razvitiya politseiskikh uchrezhdeniy v Rossii* [A Historical Sketch of the Formation and Development of Police Institutions in Russia]. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs.
5. Vysotskiy, I.P. (1903) *S.-Peterburgskaya stolichnaya politsiya i gradonachal'stvo [1703–1903]: kratkiy istoricheskiy ocherk* [St. Petersburg Metropolitan Police and City Administration [1703–1903]: A Brief Historical Sketch]. St. Petersburg: R. Golike & A. Vilborg.
6. Adrianov, S.A. et al. (1901) *Ministerstvo vnutrennikh del [1802–1902]: istoricheskiy ocherk* [Ministry of Internal Affairs [1802–1902]: A Historical Essay]. Vol. 1. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs.
7. Mulukaev, R.S. (1964) *Politsiya i tyuremnye uchrezhdeniya v dorevolyutsionnoy Rossii* [Police and Prison Institutions in Pre-Revolutionary Russia]. Moscow: [s.n.].
8. Vorobeykova, T.U. & Dubrovina, A.B. (1973) *Preobrazovanie administrativno-politseyskogo apparata, suda i tyuremnoy sistemy Rossii vo vtoroy polovine XIX veka* [Transformation of the Administrative and Police Apparatus, Court and Prison System in Russia in the Second Half of the 19th Century]. Kiev: [s.n.].
9. Zheludkova, T.I. (1977) *Osnovnye napravleniya deyatel'nosti politsii dorevolyutsionnoy Rossii po okhrane feodal'nogo i burzhuaznogo obshchestvennogo poryadka* [The Main Directions of the Police Activity in Pre-Revolutionary Russia to Protect the Feudal and Bourgeois Social Order]. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR.
10. Borisov, A.V., Dugin, A.N., Malygin, A.Ya. et al. (1995) *Politsiya i militsiya Rossii: stranitsy istorii* [Police and Militia of Russia: Pages of History]. Moscow: Nauka.
11. Akhmedov, Ch.N. (2013) Istoricheskiy opyt professional'noy podgotovki politseyskikh uryadnikov v Rossiyskoy imperii [Historical Experience of Professional Training of Police Officers in the Russian Empire]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 4. pp. 23–30.

12. Kirnos, A.V. (2018) Formirovanie shkol politseyskoy strazhi v Rossiyskoy imperii: trudnosti nachal'nogo etapa [The formation of police guard schools in the Russian Empire: Difficulties of the initial stage]. In: Nizhnik, N.S. (ed.) *Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu* [Russian Police: Three Centuries of Serving the Fatherland]. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 1459–1463.
13. Nakhimov, A.P., Kirnos, A.V. & Kolesnikov, V.A. (2017) Stanovlenie professional'noy podgotovki nizhnikh chinov uezdnoy politsii v regionakh Ros-siyskoy imperii v kontse XIX – nachale XX v.: Voronezhskie ekzamenatsionnaya komissiya i shkola uryadnikov [Formation of professional training of lower ranks of district police in the regions of the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries: The Voronezh examination commission and school of non-commissioned officers]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*. 2. pp. 7–27.
14. Koksharov, A.V. (2012) *Politsiya Vladimirskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [The Police of the Vladimir Province in the Second half of the 19th – Early 20th Centuries]. Ivanovo: Sprint.
15. Masalimov, A.S. (2011) *Reforma politsii Rossiyskoy imperii XIX–XX vekov: dostizheniya, proschety, vliyanie na razvitie gosudarstvennogo appa-rata* [The Police Reform of the Russian Empire in the 19th – 20th Centuries: Achievements, Miscalculations, Impact on the Development of the State Apparatus]. Ufa: Ministry of Internal Affairs of Russia.
16. Trushkov, S.A. (2003) *Administratsiya i politsiya Vyatskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [Administration and Police of the Vyatka Province of the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. Kirov: VSEI.
17. Yaltaev, D.A. (2012) *Pravookhranitel'naya deyatel'nost' politsii v chuvashskikh uezdakh Kazanskoy gubernii v 1862–1917 godakh* [Law Enforcement Activity of the Police in the Chuvash Districts of the Kazan Province in 1862–1917]. Cheboksary: Chuvashiya State University.
18. Nakhimov, A.P., Kirnos, A.V. & Kolesnikov, V.A. (2018) *Professional'naya podgotovka nizhnikh chinov uezdnoy politsii v Rossiiskoy imperii v kontse XIX – nachale XX veka* [Professional Training of the Lower Ranks of the District Police in the Russian Empire in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Voronezh: Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
19. The State Archives of the Perm Territory (GAPK).
20. Evseev, S.V. (2014) *Politseyskie uryadniki Tverskoy gubernii 1878–1917 gg.* [Village Constables of the Tver Province, 1878–1917]. Tver: A.N. Kondratiev.
21. Romanova, A.V. (2017) *Gorodskaya i uezdnaya politsiya Simbirskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: evolyutsiya instituta i deya-tel'nost'* [City and District Police of the Simbirsk Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Century: Evolution of the Institute and Activities]. History Cand. Diss. Ulyanovsk.
22. Ryazanov, S.M. (2012) Uryadniki Permskogo uezda v 1878−1917 gg.: institutsional'nyy, sotsial'nyy i lichnostnyy aspekty [Village Constables of the Perm District in 1878−1917: Institutional, Social and Personal Aspects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriya*. 3. pp. 68–77.
23. Yaltaev, D.A. (2004) *Uezdnaya politsiya v Kazanskoy gubernii v 1862–1917 godakh: po materialam Chuvashskikh uezdov* [District Police in the Kazan Province in 1862–1917: Based on the Materials of the Chuvash Districts]. History Cand. Diss. Cheboksary.
24. The State Archives of the Russian Federation (GARF).
25. The Russian State Historical Archive (RGIA).
26. Kozlov, A.S. (2008) "...A uryadnik Pantyushev stal trebovat' ot menya, chtoby ya pod garmoniyu plyasal s medvezhatami" (12 del Ekaterin-burgskogo okruzhnogo suda nachala XX v. o prestupleniyakh nizhnikh politseyskikh chinov) ["... ...And the policeman Pantyushev began to demand that I dance with the bear cubs to the tune of harmony" (12 cases of the Yekaterinburg District Court at the beginning of the 20th century on crimes committed by lower police ranks)]. In: *Problemy istorii Rossii* [Problems of Russian History]. Vol. 7. Ekaterinburg: Volot. pp. 375–479.
27. Petrov, A.V. (2007) *Politsiya i militsiya Urala i Zapadnoy Sibiri v nachale XX v. (istoriko-pravovoe issledovanie)* [Police and Militia of the Ural and Western Siberia in the Early 20th Century (Historical and Legal Research)]. Law Dr, Diss. Moscow.
28. Khramtsov, A.B. (2015) Bringing the Police Officers of the Tomsk Province to Justice for Unlawful Acts in 1914–1916. *Vestnik Tomskogo gosudar-stvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2. pp. 26–29. (In Russian).
29. Alekseev, P.M., Karpov, I.E. & Tumshis, M.A. (2003) *Politsiya i militsiya Samarskoy gubernii: imena sobytiya, fakty (1802–1967 gg.)* [Police and militia of the Samara province: Names of events, facts (1802–1967)]. Samara: [s.n.].
30. Makeev, V.V. & Nebratenko, G.G. (2002) *Organizatsionno-pravovoe stanovlenie i razvitie obshchey politsii na territorii Donskogo kazach'ego voyska, seredina XVIII – nachalo XX vv.* [Organizational and Legal Formation and Development of the General Police on the Territory of the Don Cossack Army, the mid-18th – early 20th centuries]. Rostov: Rostov Law Institute.
31. Perov, I.F. & Kuznetsov, M.V. (2002) *Politsiya Ryazanskoy gubernii* [The police of the Ryazan Province]. Ryazan: Uzoroch'e.
32. Belyakov, A.V., Galay, Yu.G. & Lushin, A.N. (2017*) Nizhegorodskaya politsiya Rossiyskoy imperii* [The Nizhny Novgorod Police of the Russian Empire]. N. Novgorod: N. Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
33. Evseev, I.V., Evseev, T.I., Sumkin, S.V. & Alekseeva, A.R. (2018) *Politsiya i obshchestvo Urala. 300 let vzaimodeystviya* [Police and Society of the Ural. 300 Years of Interaction]. Ekaterinburg: A.V. Pidzhakov.
34. Kuznetsov, M.V. (2018) *Ryazanskaya politsiya. 300 let na strazhe poryadka* [The Ryazan Police. 300 years on Guard of Order]. Ryazan: Ryazan State University.
35. Borisov, A.V. (2010) *Politsiya i militsiya Rossii v obshchestvennom mnenii (nachalo XVIII v. – oktyabr' 1917 g.)* [Police and Militia of Russia in the Public Opinion (Early 18th Century – October 1917)]. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
36. Akhmedov, Ch.N. (2020) Politika gosudarstva i obshchestvennoe mnenie po formirovaniyu instituta politseyskikh uryadnikov [State Policy and Public Opinion about the Formation of the Institution of Village Constables]. *Vestnik S.-Peterb. un-ta MVD Rossii*. 2. pp. 10–18.
37. Ryazanov, S.M. (2019) Obraz provintsial'nogo politseyskogo v liberal'noy publitsistike 1905–1907 godov (po materialam Urala) [The Image of a Provincial Policeman in Liberal Journalism of 1905–1907 (Based on Materials from the Urals)]. *Vestnik Udmurtskogo gosudarstvennogo universi-teta*. 1. pp. 117–124.
38. Pashchenko, A.P. (2012) *Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti politseyskikh organov, deystvovavshikh na territorii Samarskoy gubernii v 1865–1905 gg.* [Organizational and Legal Foundations of the Activities of the Police Agencies Operating on the Territory of the Samara Province in 1865–1905]. Law Cand. Diss. Kazan.
39. Russia. (1830–1884) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Vtoroe* [Complete Laws of the Russian Empire. Collection 2]. St. Peters-burg: Second Section of His Imperial Majesty's Chancery.
40. Russia. (1885–1916) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Coll. 3. St. Petersburg: Gosudarstvenna-ya tipografiya.
41. Galay, Yu.G. & Belyakov, A.V. (2012) *Nizhegorodskaya politsiya v XVIII– nachale XX veka* [The Nizhny Novgorod Police in the 18th – Early 20th Century]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Law Academy.
42. Sichinskiy, E.P. (2005) Politseyskaya povinnost' naseleniya dorevolyutsionnoy Rossii: al'ternativa ili tupik [Police Service of the Population of Pre-Revolutionary Russia: An Alternative or a Dead End]. *Politseyskoe pravo*. 1. pp. 106–108.
43. The State Archive of the Kirov Region (GAKO).
44. Russia. (1911) *Pamyatnaya knizhka Vyatskoy gubernii i kalendar' na 1911 god* [Commemorative Book of the Vyatka Province and the Calendar for 1911]. Vyatka: Gubernskaya tipografiya.
45. Piragis, A.P. (2005) *Ot nagana do komp'yutera: istoriya kamchatskoy politsii i militsii (XVIII–XX)* [From Revolver to Computer: History of the Kamchatka Police and Militia (18th–20th)]. Petropavlovsk-Kamchatsky: Novaya kniga.
46. Yanovskiy, A.Ya. (1894) Zemskaya strazha [Country Guard]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 12a. St. Petersburg: I.A. Efron. p. 499.

47. Ministry of Internal Affairs of Russia. (1880) *Kratkiy ocherk deyatel'nosti Ministerstva vnutrennikh del za dvadtsatipyatiletie, 1855–1880* [A Brief Outline of the Activities of the Ministry of Internal Affairs for the Twenty Five Years, 1855–1880]. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs of Russia.
48. Konovalov, I.A. (2020) *Rol' i mesto obshchey politsii v sisteme mestnogo upravleniya Sibiri (XVIII – nachalo XX veka)* [The Role and the Place of the General Police in the System of Local Government in Siberia (18th – Early 20th Century)]. Moscow: Infra-M.
49. Tyurin, V.A. (2011) Dolzhnost' politseyskogo uryadnika v Rossii kontsa XIX – nachala XX vv. (na materiale srednego Povolzh'ya) [The Position of a Police Sergeant in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries (Based on the Middle Volga Region)]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*. 1. pp. 211−215.
50. The National Archives of the Republic of Bashkortostan (NARB).
51. Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897]. Vol. 45. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs.
52. Kasyanov, A.V. (2015) *Osobennosti organizatsionno-pravovogo obespecheniya deyatel'nosti politsii Rossiyskoy imperii v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1917 gg.)* [Organizational and Legal Support of the Police Activities of the Russian Empire during the First World War (1914–1917)]. Law Cand. Diss. Moscow.
53. Russia. (1916) Ob usilenii politsii v 50 guberniyakh Imperii i ob uluchshenii sluzhebnogo i material'nogo polozheniya politseyskikh chinov: Vysochayshe utv. polozhenie Soveta Ministrov ot 23 okt. 1916 g. [On Strengthening the Police in 50 Provinces of the Empire and on Improving the Service and Material Status of Police Officials: Supremely Approved Regulation of the Council of Ministers of October 23, 1916]. In: *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem Senate* [Collection of Laws and Orders of the Government, Published under the Governing Senate]. No. 307. Art. 2426.
54. Sichinskiy, E.P. (2005) *Politsiya Yuzhnogo Urala v period krizisa samoderzhaviya* [Police of the Southern Ural during the Crisis of Autocracy]. Moscow: Mayor.
55. Feldman, M.A. (2002) K voprosu o material'nom polozhenii rabochikh Urala k 1914 g. [On the Material Situation of the Workers of the Ural by 1914] In: *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'* [Document. Archive. History. Modernity]. Vol. 2. Ekaterinburg: Ural State University. pp. 157–175.
56. The Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897]. Vol. 31. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
57. Nevskiy, S.A., Sychev, E.A. & Mozhaev, S.Yu. (2014) Uezdnaya politseyskaya strazha v Rossii v nachale XX veka [District Police Guard in Russia in the Early 20th Century]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 4. pp. 342–346.
58. The State Archives of the Orenburg Region (GAOO).
59. Petrov, A.V. (2015) Obshchaya politsiya Urala i Zapadnoy Sibiri v nachale XX veka: problemy pravovogo regulirovaniya [General Police of the Ural and Western Siberia in the early 20th Century: Problems of Legal Regulation]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD*. 2. pp. 67–70.
60. Kudrin, A.V. (2013) Metamorfozy istoricheskoy real'nosti v povesti A. Gaydara “Zhizn' ni vo chto” [Metamorphoses of Historical Reality in the Story of A. Gaydar “Life for Nothing”]. *Veshch'*. 8, pp. 79–94.
61. *Permskie gubernskie vedomosti*. (1907) Ingushi [The Ingush]. 23rd November. p. 2.
62. Garbuz, G.V. (2011) Politseyskaya strazha v Rossii v nachale XX v. [Police guard in Russia in the early 20th century]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*. 23. pp. 368–372.
63. The Manuscripts Department of the Russian State Library (MD RSL).
64. The Documentation Center of Public Organizations of the Sverdlovsk Region (TsDOOSO).
65. The State Archives of the Sverdlovsk Region (GASO).

***Сведения об авторе*:**
Рязанов Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент Пермского института ФСИН России (Пермь, Россия). E-mail: s_ryazanov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Ryazanov Sergey M. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Perm, Russian Federation). E-mail: s_ryazanov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.01.2021; принята к публикации 12.09.2024

The article was submitted 21.01.2021; accepted for publication 12.09.2024

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/19988613/91/7

Рекламная политика газет «Восточное обозрение» и «Сибирский вестник»

Илья Денисович Филонов

Томский государственный университет, Томск, Россия, filonov_ilya@vk.com

Аннотация. Долгожителями сибирской периодической печати конца XIX – начала XX в. являлись газеты «Восточное обозрение» и «Сибирский вестник». В настоящей статье сравнивается рекламная политика двух газет. Дается ее характеристика, а также приводится ряд доказательств в пользу того, что политика редакций двух противостоящих друг другу изданий «Сибирский вестник» и «Восточное обозрение» в области рекламы была схожа по многим параметрам, даже несмотря на то, что цели представителей печатных органов значительно различались.
Ключевые слова: периодическая печать, реклама, Сибирь, Восточное обозрение, Сибирский вестник, Н.М. Ядринцев, Е.В. Корш, В.П. Картамышев, областничество

Для цитирования: Филонов И.Д. Рекламная политика газет «Восточное обозрение» и «Сибирский вестник» // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 66–72. doi: 10.17223/19988613/91/7

Original article

The advertising policy of the newspapers “Eastern Outlook” and “Siberian Bulletin”

Ilya D. Filonov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, filonov_ilya@vk.com

Abstract. The newspapers «Siberian Bulletin» and «Eastern Outlook» were among the brightest representatives of the Siberian periodicals of the late XIX – early XX centuries. Representatives of these publications had special views on the further development of Siberia. In addition, the print media in question were known for their complex relationships. Since its foundation, the «Siberian Bulletin of Politics, Literature and Public Life» has been in a situation of controversy with the regional «Eastern Outlook». The combination of these factors had a noticeable impact on the editorial policy of the two publications. Their representatives sought to choose materials for the press in such a way as to simultaneously defend certain political views and respond to their opponents from other newspapers.

This article compares the advertising policy of the «Siberian Bulletin» and the «Eastern Outlook». The study provides its characteristics, as well as provides a number of evidence in favor of the fact that the policy of the editorial offices of two opposing publications in the field of advertising was similar in many respects, even though the goals of the representatives of the press were significantly different.

The materials of the two publications under consideration were used as the main source for writing the research paper. Special attention was paid to the block with advertisements in each of the newspaper issues.

The text of the article contains a description of the relationship between representatives of the two newspapers, as well as examples of the most notable advertisements. The characteristic of the artistic techniques used in advertising is given.

As a result of the research work, it was concluded that both editorial offices sought at the beginning of their activities to attract advertisers whose offers would be useful to readers, but later representatives of both periodicals changed their policy and began to attract more advertisers, which affected the actual composition of advertising blocks and filled them with ads of an exclusively commercial nature.
Keywords: periodical press, advertisement, Siberia, Eastern Outlook, Siberian Bulletin, N.M. Yadrintsev, E.V. Korsh, V.P. Kartamyshev, regionalism

For citation: Filonov, I.D. (2024) The advertising policy of the newspapers “Eastern Outlook” and “Siberian Bulletin”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 91. pp. 66–72. doi: 10.17223/19988613/91/7

Газеты «Сибирский вестник» и «Восточное обозрение» – одни из ярчайших сибирских периодических изданий конца XIX – начала XX в. Представителям данных изданий были свойственны особые взгляды на дальнейшее развитие Сибири. Кроме того, рассматриваемые печатные органы были известны своими сложными взаимоотношениями. «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» с момента своего основания находился в ситуации полемики с областническим «Восточным обозрением». Совокупность данных

© И.Д. Филонов, 2024

факторов оказала заметное влияние на редакционную политику двух изданий. Их представители стремились выбирать материалы для печати таким образом, чтобы одновременно отстаивать определенные политические взгляды и отвечать своим оппонентам из других газет.

Предметом настоящей статьи является политика представителей газет «Сибирский вестник» и «Восточное обозрение» по вопросам рекламы.

Ввиду отсутствия сохранившихся архивных данных, по которым можно судить о конкретных решениях представителей газет по вопросам размещения рекламы, обзор рекламной политики в указанном контексте возможен благодаря непосредственному изучению рекламных разделов «Сибирского вестника» и «Восточного обозрения». На основании содержания номеров газет можно составить представление о порядке подбора рекламодателей представителями печатных органов. Таким образом, рекламная политика в контексте настоящего исследования – это совокупность действий редакций газет, направленных на подбор рекламодателей, соответствующих определенным требованиям печатных органов. У представителей «Сибирского вестника» и «Восточного обозрения» взгляды на то, какую рекламу можно допускать к публикации, в разные годы отличались.

Актуальность темы исследования определяется ростом в обществе интереса к визуальной истории на рубеже XX–XXI вв. Этот феномен получил название «визуальный поворот». По версии С.А. Ушакина, в своей ранней форме визуальный поворот наметился еще в первые десятилетия существования советского государства как попытка новой власти сформировать собственную, отличную от предшествующей культуру [1]. В современном виде визуальный поворот сложился в науке и философии в конце XX в. Его формирование сопровождалось развитием новой междисциплинарной области – «визуальных исследований» [2]. Тема визуальной рекламы в сибирской периодической печати изучалась достаточно часто, однако исследования по данной теме касались общих вопросов и были направлены на выявление закономерностей в рекламной политике местных изданий. Подробно в рамках данной темы изучен лишь ряд официозных газет. Среди авторов можно выделить В.В. Шевцова [3], Н.В. Жилякову [4. С. 96–110], С.В. Малых [5. С. 86–91], Ю.Л. Мандрика [6] и др. При этом рекламная политика редакций «Сибирского вестника» и «Восточного обозрения» требует дальнейшего изучения.

В настоящем исследовании были использованы методы контент-анализа и структурного анализа. Метод контент-анализа привлекался для описания содержания рекламных объявлений и их визуальной составляющей. Структурный анализ использовался при рассмотрении структуры рекламных блоков: их общего объема, а также объема относительно остального текста в каждом номере газеты. В ходе работы были фронтально просмотрены номера «Восточного обозрения» и «Сибирского вестника», из которых подробно проанализировано 97 номеров «Сибирского вестника» за 1885–1906 гг. и 82 номера «Восточного обозрения» за 1882–1892 гг. Именно данные номера послужили материалом для настоящего исследования, поскольку в остальных выпусках газет одни и те же рекламные объявления могли перепечатываться на протяжении целого года или даже нескольких лет, а потому подробный анализ всех просмотренных номеров не имеет особой научной значимости. Таким образом, акцент в исследовании был сделан на отдельные наиболее показательные экземпляры газетных номеров для их подробного изучения. Также было проанализировано 25 номеров «Московских ведомостей» в промежутке 1903–1904 гг., 10 первых номеров газеты «Сибирская жизнь» за 1903 г.

Редакторские составы обеих газет уделяли большое внимание публикации критики в адрес друг друга. Открывающая статья в самом первом номере «Сибирского вестника» содержала негативные оценки идей сибирского областничества [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**. С. 1–3]. Представители редакции «Восточного обозрения» уделяли «Сибирскому вестнику» меньше внимания и стремились сухо реагировать на выпады его представителей в свой адрес. Тем не менее нередко конфликт с «Сибирским вестником» также занимал первые полосы в «Восточном обозрении». Показательным примером этого является № 6 газеты «Восточное обозрение» за 1886 г., в котором представители редакции объяснили причины участия в полемике с «Сибирским вестником» [7. С. 1–2].

«Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» – газета, издававшаяся в Томске с 16 мая 1885 г. до декабря 1905 г. Издателем и официальным редактором газеты являлся томский адвокат В.П. Картамышев, а с № 87 1886 г. – его жена М.Ф. Картамышева. Фактическим же редактором газеты в 1885–1887 гг. был ссыльный столичный адвокат Е.В. Корш. В редакцию газеты также входили другие представители сибирской ссыльной интеллигенции. С 1895 г. редактором был Г.В. Прейсман, с 1903 г. – А.А. Грацианов, с 1 марта 1905 г. – М.Н. Загибалов и Н.Н. Соин. «Сибирский вестник» неоднократно критиковал представителей власти, за что подвергался цензуре. За подобную критику в адрес губернатора В.Н. Азанчевского-Азанчеева газета была закрыта в 1905 г. [8]

Представители газеты «Сибирский вестник» выступали по многим вопросам с праволиберальных позиций. Редакция газеты положительно оценивала реформы «царя-либерала» Александра II [7. С. 2], преобразования в сфере женского образования [10. С. 2] и выступала за увеличение числа рабочих сфер, в которых были бы заняты женщины [11. С. 1]. При этом представители газеты нередко участвовали в конфликтах с другими сибирскими периодическими изданиями и их коллективами. Чаще всего под критику «Сибирского вестника» попадали издания либеральной направленности. Посредством такой критики представители газеты стремились сделать общественную дискуссию в Сибири более интенсивной.

Газета «Сибирский вестник» претендовала на то, чтобы занять особое место в медийном поле Сибири между официозными провластными изданиями и изданиями с ярко выраженной либеральной спецификой. «Сибирский вестник» критиковал местные либеральные областнические издания «Сибирская газета» и

«Восточное обозрение» за их излишний радикализм. Действия официальных властей также нередко привлекали к себе критику со стороны представителей рассматриваемого периодического издания [12. С. 2].

Представители «Сибирского вестника» не имели значительных политических амбиций и зачастую были даже мало связаны с Сибирью. Например, двое редакторов газеты – Е.В. Корш и М.Н. Загибалов – попали в Сибирь в результате ссылки. Редакторы газеты позиционировали ее лишь как один из инструментов в руках гражданского общества. При этом цели и задачи газеты в общих вопросах совпадали с позицией официальной власти, а потому их достижение не требовало наличия у представителей издания значительных амбиций.

Важным вопросом здесь является то, была ли у редакции газеты «Сибирский вестник» своя определенная рекламная политика. Для состава рекламного блока издания была свойственна определенная динамика, и его состав изменялся с ходом времени. Если в начале существования печатного органа рекламный блок занимал в каждом номере менее половины последней страницы (а иногда даже менее четверти), то после 1894 г. реклама стала печататься на первой и последней страницах одновременно и занимала значительное место в газете. В издании печаталась реклама частных лиц о продаже имущества [13. С. 4]. В газете также публиковались объявления о поиске работы: «*Ищу место <…> экономки или кассирши*» [14. С. 4]. В «Сибирском вестнике» печатали и некоммерческие объявления, с которых редакция не получала прямой прибыли, например объявления основателя газеты В.П. Картамышева: «*Действительный студент В.П. Картамышев принимает на себя устную публичную защиту в судебных учреждениях по уголовным и гражданским делам*» [15. С. 14]. Также в «Сибирском вестнике» печатались объявления о находке утерянных вещей [16. С. 4].

Реклама в ранних номерах «Сибирского вестника» редко была оформлена красочно. Чаще всего рекламные объявления выглядели как небольшие блоки с текстом внутри. Иллюстрации к рекламе появлялись в редких номерах газеты. Ближе к концу XIX в. реклама становилась все более дорогой, в ней росло количество иллюстраций. В качестве иллюстративного материала могли использоваться изображения товара, логотипы фирм, а также иные художественные средства выразительности, делающие рекламные объявления более примечательными для глаз читателя [17. С. 4]. Эта тенденция совпала со сменой руководства газеты с В.П. Картамышева на Г.В. Прейсмана. Появление более красочных объявлений свидетельствовало о привлечении к публикации в газете более состоятельных рекламодателей, которые могли позволить себе дополнительные услуги людей, занимавшихся дизайном.

Показательным примером является объявление от часового магазина Л.М. Миллера [18. С. 4]. В качестве продвигаемой продукции выступали аксессуары из золота, серебра, никеля и черных металлов: часы, очки, пенсне, брелоки, бинокли. Текст объявления был заключен в рамку, на углах которой располагались нарисованные руки, указывавшие на многочисленные надписи «Часы». Символ руки, направляющей указательный палец куда-либо, встречался и в других объявлениях из того же номера газеты, а также в иных печатных изданиях (например, в «Московских ведомостях»). Другим примечательным объявлением была реклама музыкальных инструментов от И.Ф. Мюллера. Она занимала небольшой объем, и на ней были изображены четыре гнома-музыканта. Текст плотно помещался в рамку и содержал информацию об адресе магазина и его преимуществах перед конкурентами. Из-за миниатюрного размера некоторые слова в тексте объявления были сокращены: «*Всякого рода и лучш. качества реком. в громадном выборе*». Еще одно рекламное объявление в этом номере газеты было заключено в рамку из ромбовидных символов и содержало большую иллюстрацию станка с подписью внизу: «*Трехвальный станок новейшей конструкции*». В рекламе продвигались услуги «Мельнично-строительной конторы Г. Даверио». Помимо большой иллюстрации объявление включало значительный объем текста, в котором объяснялся принцип работы вальцовых станков.

Некоторые состоятельные рекламодатели «Сибирского вестника» также публиковали свои объявления в газетах других российских городов. Таким рекламодателем являлось уже упоминавшееся московское предприятие по производству музыкальных инструментов И.Ф. Мюллера. Параллельный анализ газеты «Московские ведомости» позволяет сделать вывод, что объявления И.Ф. Мюллера в разных печатных изданиях значительно отличались. В № 3 от 1903 г. «Московских ведомостей» содержалось красочное объявление о продаже роялей и пианино [19. С. 6]. В рекламе использовались разные шрифты, вензеля, узоры растений, изображения музыкальных инструментов и людей. В другом выпуске от того же года содержалась реклама граммофонов от фирмы И.Ф. Мюллера [20. С. 8]. Для нее также было характерно разнообразие средств художественной выразительности. Она содержала изображение древнегреческой женщины с рупором. Объявления от данного предприятия были самыми большими в рекламном блоке «Московских ведомостей». В «Сибирском вестнике» реклама данного производителя выглядела совсем иначе. Объявление того же рекламодателя от 1904 г. содержало лишь изображение женщины и рояля, а также ограниченный перечень шрифтов [21. С. 4]. На фоне остальных объявлений из этого номера реклама роялей И.Ф. Мюллера имела незначительный размер. Вместе с тем изображение женщины и рояля было похоже на то, которое использовалось в рекламе в газете «Московские ведомости». Наиболее вероятно, что у таких рекламодателей, как И.Ф. Мюллер, был индивидуальный подход к каждой рекламной площадке. Для разных печатных изданий создавались различные варианты объявлений, которые затем рассылались по редакциям газет. Также различия во внешнем виде объявлений могут объясняться разницей в полиграфических возможностях редакций разных изданий.

Существовали и абсолютно идентичные объявления одного и того же рекламодателя, размещенные в сибирских изданиях и газетах европейской России. Таким стала реклама лекарства Санталь Миди, опубликованная

в номере «Сибирского вестника» от 1903 г. [22. С. 4] и в «Московских ведомостях» от того же года [20. С. 8].

Сравнительный анализ рекламы в «Сибирском вестнике» и других газетах Сибири, в частности в «Сибирской жизни», показывает, что объявления одних и тех же рекламодателей в газетах одного региона в один и тот же период времени могли различаться по содержанию. Например, в «Сибирской жизни» от 6 июня 1903 г. располагалось объявление, продвигающее магазин посуды Е.А. Осипова [23. С. 4]. Оно также сообщало о смене адреса магазина. Для объявлений данного предприятия была характерна рамка с особым ромбовидным узором по краям. В № 119 «Сибирского вестника» от 6 июня 1903 г. находилась реклама этой же фирмы [24. С. 4]. Содержание объявлений по общему смыслу было идентичным, также была сохранена ромбовидная рамка по краям. Однако внутри была совсем иная верстка, из-за которой реклама отличалась от той, что была опубликована в газете «Сибирская жизнь».

В сибирских газетах были и абсолютно идентичные объявления. И в «Сибирском вестнике», и в «Сибирской жизни» публиковалась одинаковая реклама лекарства Санталь Миди. В «Сибирском вестнике» от 1900 г. [25. С. 4] и в «Сибирской жизни» от того же года [26. С. 4] располагалась идентичная реклама вина Сен-Рафаэль.

Для газеты «Восточное обозрение, которая будет рассмотрена далее, характерны все те же особенности размещения рекламы. Фирмы сами рассылали по разным газетам свои варианты рекламных объявлений. Иногда эти варианты могли различаться или быть абсолютно одинаковыми в разных печатных изданиях. Роль редакций газет в данной ситуации сводилась к тому, что они должны были не только привлекать рекламодателей к своей деятельности, но и выбирать из всей совокупности рекламных предложений наиболее выгодные или более соответствующие их взглядам, в том числе и взглядам на дальнейшее развитие Сибири.

В начале существования газеты крупные фирмы-рекламодатели почти не покупали у «Сибирского вестника» места для размещения своих объявлений. Основными рекламодателями, с которых газета могла получать заметный доход, были представители местных малых и средних предприятий. Значительная часть публиковавшихся объявлений не могла приносить заметный доход. На пять первых номеров за 1887 г. приходится в сумме 64 рекламных объявления. Из них 13 объявлений – реклама бакалейных, гастрономических и бытовых товаров. 42 – объявления с информацией о культурной жизни Томска (половина из них – некоммерческие). Остальные 9 объявлений – это вакансии и объявления о продаже личного имущества.

В более поздних номерах газеты, публиковавшихся в 1890-е гг., стала появляться реклама крупных фирм. Среди таких рекламодателей были производители вальцовых машин и музыкальных инструментов [27. С. 4], сейфов премиум качества и дорогостоящих роялей [28. С. 4], часов из американского золота и посуды из элитных материалов [29. С. 4], швейных машин Зингер и др.

В «Сибирском вестнике» были и постоянные рекламодатели, объявления которых периодически публиковались в издании на протяжении нескольких лет. Примером такого рекламодателя является фирма «Рояли и пианино В.Ф. Шмидта». Рекламные объявления данного производителя можно найти в номерах как от 1896 г. [30. С. 4], так и от 1904 г. [31. С. 4]

На основе проведенного анализа редакторской политики «Сибирского вестника» можно сделать вывод о низкой доходности рассматриваемой газеты в ранние годы своего существования. В годы руководства газетой В.П. Картамышева представители издания не стремились или, что более вероятно, не могли привлечь рекламодателей и дополнительное финансирование. После 1894 г. реклама в газете стала более прибыльной, поскольку начала занимать больше объема, а также пополнилась крупными фирмами-рекламодателями. Остросоциальный характер издания при этом сохранился.

Издание «Сибирский вестник» не отличалось особой рекламной политикой. Для рекламного блока газеты была свойственна естественная динамика развития: низкая доходность в первые годы и более высокая в последующие. Наличие большого количества малоприбыльной рекламы в первые несколько лет существования «Сибирского вестника» может объясняться тем, что молодое издание еще не успело заработать достаточной известности, и поэтому крупные рекламодатели избегали его или вовсе не были осведомлены о его существовании. Для рекламы в первых номерах печатного органа характерно стремление к коммерциализации, поскольку она состояла из объявлений, относившихся к разным категориям. В рекламе «Сибирского вестника» нельзя выделить те или иные общие характерные черты. Она носила дифференцированный характер.

Все указанные факты могут свидетельствовать о том, что представители издания принимали любые предложения рекламы, поступавшие в редакцию. В ранние годы таких предложений было немного, а те, которые имелись, поступали от небольших фирм и редакций других печатных изданий. Описанная выше реклама от главного редактора «Сибирского вестника» В.П. Картамышева также не имела под собой стремления к продвижению определенных идей, а лишь предлагала юридические услуги и, таким образом, была направлена на получение прибыли.

«Восточное обозрение» (1882–1906) – частное издание, основанное Н.М. Ядринцевым в Санкт-Петербурге, а с 1 января 1888 г. – в Иркутске, где редакторами газеты были В.А. Ошурков, Д.А. Клеменц, А.Н. Ушаков, И.Г. Шешунов, И.И. Попов, И.С. Фатеев. В газете часто публиковались материалы, посвященные научному изучению Сибири. Редакторский состав газеты стоял на позициях сибирского областничества, что отразилось в ее деятельности. Постепенно Н.М. Ядринцев отходил от работы над изданием новых номеров газеты, что сказалось на спаде накала полемики между «Сибирским вестником» и «Восточным обозрением». Газета была навсегда закрыта в январе 1906 г. [8. С. 165–166].

«Восточное обозрение» и его представители имели значительные политические амбиции, поскольку в своих основных целях областники нередко противоречили

официальным властям. По задумке редакторов, газета «Восточное обозрение» должна была способствовать развитию сибирского гражданского общества и формированию общественного запроса на улучшение положения Сибири, а также на ее автономизацию [32. С. 1]. Задачи областников по достижению этих целей редко совпадали с желаниями официальных властей.

Амбициозность представителей «Восточного обозрения» выразилась в стремлении проводить свою рекламную политику в особом ключе. В первые годы существования издания его представители старались привлекать рекламодателей, чьи объявления были посвящены другим периодическим изданиям или недавно опубликованным книгам. Таким образом, рекламные объявления носили исключительно просветительский характер. Основными рекламодателями в выпусках за 1882 г. являлись другие печатные издания. В рекламном блоке последнего номера газеты данного года содержались объявления, посвященные таким изданиям, как «Волжский вестник», «Орловский вестник», «Воронежский телеграф», газета «Ваза», «Художественный журнал», «Детский отдых», «Иллюстрированный мир», «Здоровье», «Неделя» [33. С. 21–24]. Единственным объявлением, которое не было посвящено другим периодическим изданиям, являлась реклама книги «Картины Африки и Азии». В газете также встречалась некоммерческая реклама областнической литературы, которая должна была продвигать идеи владельцев «Восточного обозрения» о колониальном статусе Сибири и необходимости автономизации сибирского региона. В частности, в № 30 от 1882 г. в рекламный блок попала реклама книги главного редактора «Восточного обозрения» Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония» [34. С. 16].

Описанное выше отсутствие какой-либо рекламы, посвященной продвижению товаров и услуг, не может объясняться простым отсутствием спроса на размещение такого рода объявлений в «Восточном обозрении». Наиболее вероятно, так проявлялась рекламная политика редакции, заключавшаяся в попытке удержать ее в рамках определенных политических или общественно важных целей.

Однако подобная политика представителей газеты продлилась недолго, и уже через несколько лет в издании постепенно стала появляться реклама других видов товара. В 1883 г. наряду с продвижением других газет и некоммерческой рекламой книги Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония» в «Восточном обозрении» начинает появляться реклама частных предприятий и магазинов. Например, в № 24 от 1883 г. содержится объявление, продвигавшее омский магазин учебных книг и пособий «С.Г. Александрова и бр. Смородиновых» [35. С. 16]. Стала появляться реклама от частных лиц. В № 38 от 1883 г. содержится объявление студента томского университета о поиске учителя для изучения древних языков [36. С. 16]. В том же номере опубликовано объявление о сдаче в аренду крупных промышленных предприятий: винокуренного, водочного и пивоваренного заводов в Ташкенте. Несмотря на нововведения в разделе с рекламой, подавляющее большинство объявлений в период до 1886 г. все же можно отнести к категории общественно-полезных, что подтверждает гипотезу о наличии у представителей «Восточного обозрения» определенных взглядов на то, какой должна быть реклама в их периодическом издании. На протяжении 1886–1887 гг. в газете, помимо рекламы других изданий и книг, а также публичных лекций, публиковались красочные объявления о продаже уникальных фонарей [37. С. 16] и услугах страхования [38. С. 15]. Возрастает коммерческая составляющая в области рекламной политики «Восточного обозрения». Наблюдается отход от старой рекламной стратегии редакции.

С 1888 г. ситуация значительно изменилась. Теперь в «Восточном обозрении» помимо просветительской рекламы появлялось большое количество объявлений иного характера. Например, в числе рекламируемых товаров и услуг были шоколад, венские стулья, косметические принадлежности, рояли К.М. Шредера, часы, банковские услуги (данная реклама часто встречалась и в «Сибирском вестнике») и услуги зубного врача [39. С. 13–16]. В 1888 г. уже меньше половины всех объявлений были посвящены литературе, образовательным услугам и продвижению иных социально-значимых элементов культурной жизни Сибири. С течением времени коммерциализация рекламной политики «Восточного обозрения» становилась все более заметной. К 1895 г. коммерческой рекламы стало так много, что на последних страницах газеты из-за нехватки свободного места появился вертикальный блок с небольшими текстовыми объявлениями. На протяжении 1889–1906 гг. сохранялся баланс в структуре рекламных блоков: 1/4 – недорогие объявления частных лиц, 1/4 – реклама журналов, книг, газет, выставок, спектаклей и др., 2/4 – коммерческие объявления, приносившие бóльшую часть дохода. С 1899 г. рекламный блок на первой странице стал расширяться, и к 1905 г. в некоторых номерах он занимал до одной страницы в начале.

Можно сделать промежуточный вывод, что со временем рекламная политика газеты изменила направление на привлечение как можно большей прибыли и большего числа рекламодателей. Тенденция к росту коммерческой направленности рекламной политики сохранялась вплоть до закрытия газеты в 1906 г.

На протяжении всего существования издания рекламные блоки занимали от 1/4 страницы до двух страниц. При этом в некоторых номерах издания реклама могла совсем не публиковаться. В первый год выпуска газеты объявления содержали лишь текст, рисунки встречались нечасто. В более поздних выпусках стали встречаться рисунки с изображением логотипов фирм, а также с изображением продвигаемого товара.

Вышеперечисленные факты могут свидетельствовать, что в первые годы своего существования печатное издание областников ставило перед собой задачу просвещения местной сибирской общественности. Реклама в «Восточном обозрении» рекомендовала своим читателям другие газеты, журналы, книги, а также просветительские проекты. С течением времени для покрытия затрат на издание газеты и иную деятельность областников приходилось привлекать все больше средств, а потому к публикации редакторы

издания стали допускать не только просветительскую и полезную для общества рекламу, но и рекламу товаров народного потребления, быта, а также различных услуг. Таким образом, просветительская рекламная политика «Восточного обозрения» сошла на «нет» после 1888 г.

В результате настоящего исследования была проанализирована рекламная политика редакций двух газет – «Сибирского вестника» и «Восточного обозрения». Был сделан вывод о том, что цели и задачи рассматриваемых печатных органов значительно различались. Единственные совпадения прослеживались по вопросам о развитии сибирского гражданского общества и развитии местного образования. Рекламная политика «Сибирского вестника» и «Восточного обозрения» также различалась по многим характеристикам. Так, у редакции «Сибирского вестника» фактически отсутствовала специализированная рекламная политика, а у представителей «Восточного обозрения» подобная политика прослеживалась в 1882–1888 гг. как попытка продвижения сугубо просветительских товаров и услуг. Однако с течением времени редакция «Восточного обозрения» отказалась от нее. Таким образом, после 1888 г. специфика в рекламной политике двух газет, рассмотренных в настоящем исследовании, перестает прослеживаться.

Список источников

1. Ушакин С.А. Медиум для масс – сознание через глаз: фотомонтаж и оптический поворот в раннесоветской России. М. : Музей современного искусства «Гараж», 2020. 328 с.
2. Ищенко Е.Н. «Визуальный поворот» в современной культуре: опыты философской рефлексии // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Философия. 2016. № 2. С. 16–27.
3. Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 619 с.
4. Жилякова Н.В. Рекламная политика томских изданий конца XIX в // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 1 (2). С. 96–110.
5. Дамешек Л.М., Малых С.В. Реклама как источник изучения потребностей горожан Восточной Сибири в последней четверти XIX – начале XX вв. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2012. № 1. С. 86–91.
6. Мандрика Ю.Л. «Настоящее ядринцевское “Восточное обозрение”» // Петербург газетный, 1711–1917 : сб. / сост. Е. Сонина. Тюмень : Изд-во Юрия Мандрики, 2009. С. 121–149.
7. Неудачная мистификация // Восточное обозрение. 1886. 6 фев.
8. Косых Е.Н., Яковенко А.В. Повременная печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.) : сводный указатель периодических и продолжающихся изданий. Томск : Ветер, 2011. 375 с.
9. От редакции // Сибирский вестник. 1885. 16 мая.
10. 1885 год для Сибири // Сибирский вестник. 1886. 1 января.
11. Безымянная заметка // Сибирский вестник. 1887. 21 окт.
12. Литературные очерки // Сибирский вестник. 1902. 15 дек.
13. Объявления // Сибирский вестник. 1894. 6 мая.
14. Объявления // Сибирский вестник. 1887. 10 июля.
15. Объявления // Сибирский вестник. 1885. 17 окт.
16. Объявления // Сибирский вестник. 1887. 11 фев.
17. Объявления // Сибирский вестник. 1896. 6 янв.
18. Объявления // Сибирский вестник. 1896. 18 апр.
19. Рояли и пианино // Московские ведомости. 1903. 3 янв.
20. Рекламный блок // Московские ведомости. 1903. 5 янв.
21. Объявления // Сибирский вестник. 1904. 4 янв.
22. Объявления // Сибирский вестник. 1903. 20 апр.
23. Рекламный блок // Сибирская жизнь. 1903. 6 июня.
24. Объявления // Сибирский вестник. 1903. 6 июня.
25. Объявления // Сибирский вестник. 1900. 2 мая.
26. Объявления // Сибирская жизнь. 1900. 11 янв.
27. Объявления // Сибирский вестник. 1896. 5 янв.
28. Объявления // Сибирский вестник. 1896. 13 янв.
29. Объявления // Сибирский вестник. 1898. 7 июля.
30. Музыкальный магазин В.Ф. Шмидт // Сибирский вестник. 1896. 17 фев.
31. Объявления // Сибирский вестник. 1904. 30 окт.
32. От редакции // Восточное обозрение. 1882. 1 апр.
33. Объявления // Восточное обозрение. 1882. 23 дек.
34. [Рекламный блок без заголовка] // Восточное обозрение. 1882. 21 окт.
35. Объявления // Восточное обозрение. 1883. 16 июня.
36. Объявления // Восточное обозрение. 1883. 22 сент.
37. Объявления // Восточное обозрение. 1886. 16 окт.
38. Объявления // Восточное обозрение. 1887. 12 марта.
39. Объявления // Восточное обозрение. 1888. 2 янв.

References

1. Ushakin, S.A. (2020) *Medium dlya mass – soznanie cherez glaz: fotomontazh i opticheskiy povorot v rannesovetskoy Rossii* [Medium for the Masses: Photomontage and the Optical Turn in Early Soviet Russia]. Moscow: Muzey sovremennogo iskusstva “Garazh”.
2. Ishchenko, E.N. (2016) “Vizual'nyy povorot” v sovremennoy kul'ture: opyty filosofskoy refleksii [A “Visual Turn” in Contemporary Culture: Experiments in Philosophical Reflection]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya*. 2. pp. 16–27.
3. Shevtsov, V.V. (2016) *Pravitel'stvennaya periodicheskaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Siberian Government Periodicals (Second Half of the 19th – Early 20th Century)]. Tomsk: Tomsk State University.

4. Zhilyakova, N.V. (2008) Reklamnaya politika tomskikh izdaniy kontsa XIX v. [Advertising Policy of Tomsk Publications of the Late 19th Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1(2). pp. 96–110.
5. Dameshek, L.M. & Malykh, S.V. (2012) Reklama kak istochnik izucheniya potrebnostey gorozhan Vostochnoy Sibiri v posledney chetverti XIX – nachale XX vv. [Advertising as a source for studying the needs of Eastern Siberian townspeople in the last quarter of the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*. 1. pp. 86–91.
6. Mandrika, Yu.L. (2009) Nastoyashchee yadrintsevskoe "Vostochnoe obozrenie" [The Real Yadrintsev's "Eastern Review"]. In: Sonin, E. (ed.) *Peterburg gazetnyy, 1711–1917* [Petersburg of Newspapers, 1711–1917]. Tyumen: Yuriy Mandrika. pp. 121–149.
7. *Sibirskiy vestnik*. (1885a) Ot redaktsii [Editorial]. 16th May.
8. *Vostochnoe obozrenie*. (1886a) Neudachnaya mistifikatsiya [An Unsuccessful Hoax]. 6th February.
9. Kosykh, E.N. & Yakovenko, A.V. (2011) *Povremennaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX veka – fevral' 1917 g.): svodnyy ukazatel' periodicheskikh i prodolzhayushchikhsya izdaniy* [Siberian periodicals (second half of the 19th century – February 1917): A consolidated index of periodicals and serials]. Tomsk: Veter.
10. *Sibirskiy vestnik*. (1886) 1885 god dlya Sibiri [1885 for Siberia]. 1st January.
11. *Sibirskiy vestnik*. (1887a) Bezymyannaya zametka [Anonymous note]. 21st October.
12. *Sibirskiy vestnik*. (1902) Literaturnye ocherki [Literary essays]. 15th December.
13. *Sibirskiy vestnik*. (1894) Ob"yavleniya [Advertisements and Announcements]. 6th May.
14. *Sibirskiy vestnik*. (1887b) Ob"yavleniya [Advertisements and Announcements]. 10th July.
15. *Sibirskiy vestnik*. (1885c) Ob"yavleniya [Advertisements and Announcements]. 17th October.
16. *Sibirskiy vestnik*. (1887c) Ob"yavleniya [Advertisements and Announcements]. 11th February.
17. *Sibirskiy vestnik*. (1896a) Ob"yavleniya [Advertisements and Announcements]. 6th January.
18. *Sibirskiy vestnik*. (1896b) Ob"yavleniya [Advertisements and Announcements]. 18th April.
19. *Moskovskie vedomosti*. (1903a) Royali i pianino [Grand Pianos and Upright Pianos]. 3rd January.
20. *Moskovskie vedomosti*. (1903b) Reklamnyy blok [Advertisements]. 5th January.
21. *Sibirskiy vestnik*. (1904) Ob"yavleniya [Advertisements and Announcements]. 4th January.
22. *Sibirskiy vestnik*. (1903a) Ob"yavleniya [Advertisements and Announcements]. 20th April.
23. *Sibirskaya zhizn'*. (1903) Reklamnyy blok [Advertisements]. 6th June.
24. *Sibirskiy vestnik*. (1903b) Ob"yavleniya [Advertisements and Announcements]. 6th June.
25. *Sibirskiy vestnik*. (1900) Ob"yavleniya [Advertisements and Announcements]. 2nd May.
26. *Sibirskaya zhizn'*. (1900) Ob"yavleniya [Advertisements]. 11th January.
27. *Sibirskiy vestnik*. (1896c) Ob"yavleniya [Advertisements and Announcements]. 5th January.
28. *Sibirskiy vestnik*. (1896d) Ob"yavleniya [Advertisements and Announcements]. 13th January.
29. *Sibirskiy vestnik*. (1898) Ob"yavleniya [Advertisements and Announcements]. 7th July.
30. *Sibirskiy vestnik*. (1896e) Muzykal'nyy magazin V.F. Shmidt [V.F. Schmidt's music store]. 17th February.
31. *Sibirskiy vestnik*. (1904) Ob"yavleniya [Advertisements and Announcements]. 30th October.
32. *Vostochnoe obozrenie*. (1882a) Ot redaktsii [Editorial]. 1st April.
33. *Vostochnoe obozrenie*. (1882b) Ob"yavleniya [Advertisements and Announcements]. 23rd December.
34. *Vostochnoe obozrenie*. (1882c) [Non-classified advertisement]. 21st October.
35. *Vostochnoe obozrenie*. (1883a) Ob"yavleniya [Advertisements and Announcements]. 16th June.
36. *Vostochnoe obozrenie*. (1883b) Ob"yavleniya [Advertisements and Announcements]. 22nd September.
37. *Vostochnoe obozrenie*. (1886b) Ob"yavleniya [Advertisements and Announcements]. 16th October.
38. *Vostochnoe obozrenie*. (1887) Ob"yavleniya [Advertisements and Announcements]. 12th March.
39. *Vostochnoe obozrenie*. (1888) Ob"yavleniya [Advertisements and Announcements]. 2nd January.

***Сведения об авторе*:**
Филонов Илья Денисович – магистрант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: filonov_ilya@vk.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Filonov Ilya D. – Master Student of the Faculty of Historical and Political Sciences of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: filonov_ilya@vk.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.07.2023; принята к публикации 12.09.2024

The article was submitted 12.07.2023; accepted for publication 12.09.2024

Научная статья
УДК 94(571.16)"1905/1917"
doi: 10.17223/19988613/91/8

Либеральная профессура и студенчество Томска в начале XX в.: нюансы взаимоотношений в условиях политизации российского общества

Ольга Анатольевна Харусь

Томский государственный университет, Томск, Россия, olga.kharus@mail.ru

Аннотация. Раскрывается влияние политизации российского общества в начале XX в. на взаимоотношения студентов и либерально настроенных профессоров Томского университета и Томского технологического института. Выявлены факторы, определившие особенности коммуникации главных акторов вузовского сообщества в различных социально-политических обстоятельствах. Сделан вывод о ситуативном характере внеучебных контактов либеральной профессуры и студенчества в период революции. В качестве инвариантного ядра во взаимоотношениях профессоров и студентов определена научно-познавательная компонента, обусловившая доминирование выстроенной на принципах академичности коммуникации.
Ключевые слова: профессура, студенчество, Томск, политика, повседневность, начало XX века

Для цитирования: Харусь О.А. Либеральная профессура и студенчество Томска в начале XX в.: нюансы взаимоотношений в условиях политизации российского общества // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 73–79. doi: 10.17223/19988613/91/8

Original article

Liberal professorship and the student body of Tomsk in the early XX century: Nuances of relations in the conditions of politicization of Russian society

Olga A. Kharus

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, olga.kharus@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to determine the impact of the politicization of Russian society in the early 20th century on the relationship between liberal-minded professors and students of the two universities: Tomsk University and Tomsk Institute of Technology. A comprehensive study of archival documents, materials of local periodicals as well as published personal sources allowed us to reveal the features of communication between the two main actors of the university community in different socio-political circumstances. The main factors supporting student resistance by teachers, driven by the revolutionary rise in 1905, were identified as:1) the similarity of positions of liberal professors and students on the issue of the need to modernize the social order; 2) the desire of professors to counteract the authorities' interference in solving the internal university issues. The publication of the manifesto on 17 October 1905, the imposition of martial law and the beginning of repression influenced the change in attitude of the liberals to the student riots. While not impeding the students' legitimate social and political activities, professors have taken measures to prevent revolutionary disturbances in universities in the form of meetings, strikes and rallies. After the 1905-1907 revolution was completed, the traditional format of communication between teachers and students was restored. The problems of specific academic disciplines again was the subject area of communication.
Communication channels and tone of communication acquired a more formalized character, generally corresponding to the status-role relations of professors and students. According to the results of the study, the conclusion has been made about the situational nature of extracurricular contacts between liberal professors and students during the revolution. As an invariant core in the relationship between professors and students the scientific and cognitive component has been defined, which determines the dominance of communication built on the principles of academicity.
Keywords: professorship, student body, Tomsk, politics, everyday life, early XX century

For citation: Kharus, O.A. (2024) Liberal professorship and the student body of Tomsk in the early XX century: Nuances of relations in the conditions of politicization of Russian society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 91. pp. 73–79. doi: 10.17223/19988613/91/8

Проблема взаимоотношений преподавателей и студентов в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. не относится к числу «белых пятен» отечественной историографии. Прямо или косвенно она затрагивается во всех научных трудах, посвященных истории высшей школы, поскольку речь идет о главных акторах

© О.А. Харусь, 2024

этого академического пространства. Более того, в последние годы появились и специальные исследования, предметом которых являются не только разнообразные формы коммуникации профессоров и студентов в образовательном процессе, но и их внеучебные контакты. Кейсы различных российских университетов стали основой для характеристики, типологии и анализа причин профессорско-студенческих конфликтов [1, 2]. Результаты этих исследований позволили обозначить некий универсальный комплекс принципов, норм и проявлений взаимоотношений профессуры и студенчества, присущих в целом высшей школе Российской империи. Значимость такого рода обобщений на уровне социально-типичного не подлежит сомнению. При этом неменьший интерес представляет детальная историческая реконструкция сложных, многообразных, демонстрировавших определенную вариабельность в различных обстоятельствах взаимоотношений этих акторов на уровне отдельных вузов с учетом особенностей мировоззренческих ориентиров и поведенческих установок различных групп преподавателей и студентов. Примером реализации подобной исследовательской стратегии являются научные статьи, в которых рассматриваются различные аспекты взаимоотношений студентов и профессоров Томска, в частности внеаудиторные коммуникации, конфликтные ситуации, благотворительная деятельность преподавателей Томского университета в пользу студентов [3], «буферная» позиция профессоров и преподавателей Томского университета и Томского технологического института в условиях обострившегося в конце XIX – начале XX в. противостояния власти и студенчества) [4, 5].

Стремлением продолжить исследования в формате детализации исторической реконструкции взаимоотношений двух основных акторов высшей школы Российской империи продиктован и замысел данной статьи. Его реализация обеспечивается за счет трех основных параметров, определивших выбор фокуса исследования: 1) пространственный параметр – объектами исследовательского интереса являются профессора и студенты двух вузов города Томска (Императорского Томского университета и Томского технологического института); 2) временной параметр – хронологические рамки исследования ограничиваются периодом 1905 – февраля 1917 г., что позволяет определить особенности взаимоотношений профессоров и студентов в различных социально-политических обстоятельствах (как связанных с революционными событиями и всплеском оппозиционных настроений в обществе, так и сопряженных с периодом относительного «затишья» в общественно-политической жизни, последовавшего после первой революции); 3) предметный параметр – основной акцент при анализе форм, содержания, направленности коммуникации предполагается на характеристике позиции представителей профессорской корпорации, являвшихся носителями либеральной субкультуры (данный акцент представляется вполне уместным с учетом признанного специалистами по истории высшей школы доминирования в профессорской среде на рубеже XIX–XX вв. либеральных настроений [6. С. 49; 7. С. 17].

Основная цель исследования заключается в том, чтобы определить, каким образом и насколько существенно политизация российского общества в начале XX в. повлияла на взаимоотношения либерально настроенных профессоров и студентов томских вузов. Такая постановка цели предполагает решение двух ключевых задач: 1) вычленить инвариантную компоненту во взаимоотношениях либеральной профессуры и студенчества, основанную на устойчивых традициях и своеобразных поведенческих паттернах, сформировавшихся в вузовской среде и остававшихся неизменными при различных внешних обстоятельствах; 2) выявить новые оттенки, обусловленные наметившимися в начале века социально-политическими трансформациями, определить их природу и значимость в сложившейся к этому времени системе взаимоотношений профессоров и студентов.

Политизация общества в условиях назревания системного кризиса Российской империи в начале XX в. не могла не затронуть профессоров и студентов вузов, являвшихся представителями социально активной части населения. Присущая многим из них искренняя заинтересованность в решении насущных политических и экономических проблем Отечества, а также обозначившиеся в связи с созданием представительного органа в виде Государственной думы перспективы вовлечения граждан в сферу политической жизни придали импульс не только формированию гражданского самосознания, но и политической самоидентификации различных групп корпоративного вузовского сообщества. Но при этом доминанты в мировоззренческих ориентирах, поведенческих практиках и, соответственно, политических предпочтениях профессоров и студентов имели несомненные различия, во многом обусловленные такими специфическими характеристиками этих социальных групп, как общественное положение, возраст, образовательный уровень, род деятельности и позиция в вузовском сообществе.

Представляя собой интеллектуальную элиту российской интеллигенции, профессура имела к тому же привилегированный гражданский статус и пользовалась значительным авторитетом в обществе. При этом начиная со второй половины XIX в. в целом по России наблюдалась тенденция демократизации ее социального состава, проявлявшаяся в увеличении относительной численности выходцев из разночинско-чиновничьей среды, офицеров, купцов, мещан, крестьян, казаков [6. С. 44–45; 7. С. 17–18; 8. С. 7]. Специфика сферы профессиональной деятельности определялась органичным сочетанием функций исследователя и преподавателя, своего рода наставника молодежи, призванного осуществлять подготовку компетентных и лояльных по отношению к власти специалистов для государственной службы. И если роль «воспитателей» студенчества предполагала наличие четко обозначенных границ легитимности в процессе политической самоидентификации профессоров, то научная работа способствовала культивированию свойств творческой, инициативной личности, способной как к саморефлексии, так и к рефлексии по поводу окружающей действительности, обладающей чувством собственного достоинства

и заинтересованной в обеспечении условий для самореализации. Совокупность перечисленных факторов во многом предопределила преобладание либеральных умонастроений в профессорской корпорации, значительная часть представителей которой связывала перспективы общественного переустройства России с формированием правового государства [6. С. 49; 7. С. 11–13]. Вместе с тем оппозиционность профессуры, несомненно, подпитывалась политикой правительства, ориентированной на усиление регламентации системы высшего образования, а стремление преподавателей вузов добиваться академической автономии органично переплеталось с признанием необходимости обеспечения таких гражданских прав и свобод, как свобода собраний, союзов, слова, печати и проч.

В таком историческом контексте вполне логичным и закономерным предстает содержание постановления, принятого 18 января 1905 г. на собрании педагогического коллектива Томского технологического института (ТТИ). Подчеркнув, что их акция не имеет импульсивного характера и предпринята с целью зафиксировать позиции, сформировавшиеся за последние десять лет под влиянием окружающей действительности, профессора и преподаватели выдвинули требования обеспечить неприкосновенность личности и жилища, свободу совести, слова, печати, собраний, союзов, уравнять всех лиц без различия сословия, нации, вероисповедания и пола в общегражданских и политических правах, сформировать на основе свободных выборов орган народного представительства и наделить его функциями законодательной власти и контроля над администрацией [9].

Между тем в среде студентов, склонных к проявлению политической активности, в начале XX в. наибольшей популярностью пользовались революционно-демократические идеи, пропагандировавшиеся представителями социалистических партий. Отчасти радикальный настрой студенчества, по-видимому, можно объяснить возрастными особенностями этой категории населения, в частности присущими многим молодым людям завышенными социально-политическими ожиданиями, революционным романтизмом, критическим настроем в отношении окружающей действительности и склонностью к решительным действиям во имя достижения быстрых и ощутимых результатов в переустройстве общественного порядка. Здесь уместно заметить, что средний возраст вступивших в конце 1905 г. в кадетскую и октябристскую партии профессоров томских вузов, который удалось установить на основе разрозненных фрагментарных данных периодической печати и архивных документов, составлял 38 и 45 лет соответственно. Безусловно, абсолютизировать результаты произведенных расчетов нет никаких оснований не только по причине сомнительной репрезентативности имеющихся сведений о 25 членах местной кадетской организации и 14 членах октябристской. Не менее важным является то обстоятельство, что далеко не все носители либеральной субкультуры сочли необходимым присоединиться к политическим партиям соответствующей ориентации. Вместе с тем с высокой степенью вероятности можно констатировать, что межпоколенческий разрыв между студентами и либерально настроенными профессорами не просто существовал, но и был довольно существенным. Зрелый возраст последних предполагал наличие значительного жизненного опыта и здравого смысла, сформированного чувства личной ответственности и негативное (или по меньше мере настороженное) отношение к радикальным трансформациям существующего общественного устройства.

Широкое распространение революционно-демократических идей среди учащихся томских вузов было связано и с демократичным составом студентов, большинство которых были выходцами из мещан, крестьян, учителей, врачей, фельдшеров, «низшего духовенства» [10. С. 7–8; 11. С. 13, 14, 21–22, 26–27]. Кроме того, следует принять во внимание и тот факт, что в отличие от профессоров, имевших не только права и привилегии, но и целый комплекс служебных обязанностей, а также следовавших определенному этическому кодексу и устойчивым представлениям об общественном долге и просветительской миссии интеллигенции, студенты не имели подобных «ограничителей» при выборе своих политических предпочтений и поведенческих стратегий.

И все же на волне стремительной политизации общества к началу первой российской революции явно обозначилась некая общность интересов и социальных установок либеральной профессуры и студенчества, проявлявшаяся главным образом в признании необходимости модернизации общественного устройства посредством обеспечения гражданских прав и свобод населению Российской империи. Именно сходством позиций по этому вопросу, а также стремлением оградить автономию вузов от регламентирующего воздействия государства и было во много продиктовано отношение профессоров томских вузов к различным проявлениям политической и социальной активности студентов в 1905 г.

Звучавшие в ходе студенческих выступлений требования, связанные с демократизацией системы высшего образования, встречали неизменную поддержку со стороны либерально настроенных профессоров томских вузов. В годы первой революции Совет технологического института принял целый ряд резолюций, в которых заявлял о необходимости отстранения инспекции от надзора за студентами, упразднения профессорского суда, отмены свидетельств о политической благонадежности при поступлении в вуз и т.п. [12. С. 161; 13]. Письменное требование отменить свидетельства благонадежности для студентов предъявил ректору В.В. Сапожникову проректор университета, член конституционно-демократической партии Н.Н. Розин [14]. В.В. Сапожников, также являвшийся членом кадетской партии, возглавил работу специальной комиссии, созданной в университете для рассмотрения требований студентов и решения вопроса о сходках [15. 1906. 30 нояб.].

Отношение либеральной профессуры к так называемым студенческим беспорядкам определилось в первые же дни революции, когда предметом обсуждения преподавателей двух вузов стал разгон казаками и по-

лицией уличной демонстрации, состоявшейся в Томске 18 января 1905 г. при активном участии студентов. Принятое на совместном заседании решение помимо требования детального беспристрастного расследования действий полиции и казаков содержало чрезвычайно важное заявление, отразившее принципиальную и остававшуюся неизменной вплоть до октября 1905 г. позицию преподавателей. Суть ее заключалась в констатации в качестве основной причины студенческих волнений несовершенства существующего политического и общественного устройства страны, нуждающегося в модернизации на основе принципов правового государства [9]. Исходя из этого, Совет Томского технологического института большинством голосов принял решение о закрытии вуза до 1 сентября 1905 г. ввиду отсутствия надежд на успокоение студентов в ближайшее время [5. С. 262]. Мнение о невозможности начала занятий при существующем государственном строе разделяла и либеральная профессура Томского университета [15. 1905. 13 окт.; 16]. В сентябре 1905 г. эта позиция была в очередной раз подтверждена в резолюции созданной в технологическом институте группы Академического союза профессоров, преподавателей и лаборантов, заявивших о необходимости политических реформ как предпосылки восстановления нормального хода занятий [9]. На принятое студентами ТТИ в начале октября 1905 г. решение объявить забастовку профессорско-преподавательская академическая группа отреагировала в той же, ставшей уже привычной, тональности, фактически тем самым поддержав забастовщиков. В постановлении, подписанном председателем группы профессором В.А. Обручевым, в качестве единственно возможного средства успокоения студенчества и восстановления нормальной академической жизни указывалось законодательное закрепление гражданских прав и свобод [5. С. 265–266].

Таким образом, ответственность за студенческие беспорядки либерально настроенные представители профессорско-преподавательской корпорации возлагали не на их участников, а на тот политический строй, при котором население лишено элементарных гражданских прав. Именно поэтому они не только не считали для себя возможным осуждать проявления политической активности со стороны студентов, но и подчеркивали необходимость поддерживать с ними контакты в условиях прекращения занятий «впредь до выяснения дел в России» [17]. Эти контакты со студентами осенью 1905 г. воплощались главным образом в предоставлении возможности использовать учебные аудитории для организации студенческих сходок и распространения нелегальных изданий [18. Л. 7]. Для бастовавших учащихся различных учебных заведений города в помещениях ТТИ был организован цикл лекций, с которыми выступили профессора университета И.А. Малиновский, Н.Н. Розин, В.В. Сапожников, М.Н. Соболев. Формат общения с лекторами при этом явно отличался от традиций академической среды: слушателям было предоставлено право развернуть дискуссию с выступившим оратором, что привлекло внимание многих молодых людей и сделало эти лекции (зачастую, по словам попечителя Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьева, превращавшиеся в «настоящую сходку») весьма популярными [19].

Однако к концу 1905 г. ситуация изменилась в связи с изданием Манифеста 17 октября, который, по мнению большинства либералов, открыл перспективы для модернизации общественного и политического устройства страны. В новых политических условиях революционные методы борьбы с существующим режимом и всевозможные «общественные беспорядки» воспринимались ими как препятствие на пути реализации декларированных Манифестом реформ. На снижение градуса оппозиционности либерально настроенных профессоров повлияли и последовавшие за введением 23 декабря 1905 г. военного положения репрессии. Фамилии некоторых из них были внесены в представленный Томскому губернатору начальником городского охранного отделения список лиц, «коих дальнейшее оставление на службе в гор. Томске нежелательно», а три профессора технологического института, включая директора института Е.Л. Зубашева, были отстранены от службы и высланы из пределов Сибири и Степного края. В перечне предъявленных профессорам обвинений значились поддержка октябрьских забастовок учащихся и служащих, личное участие в сходках и митингах, выступления с противоправительственными речами, нравственное и материальное покровительство забастовщикам [20. С. 81–82].

Изменившиеся внешние обстоятельства не могли не повлиять на отношение профессоров к проявлениям политической активности студентов. Отныне их усилия были направлены на предотвращение организации различных сходок и митингов в стенах вузов. Опасаясь очередной волны студенческих беспорядков в ответ на введение военного положения, либерально настроенные представители профессорско-преподавательского состава университета и технологического института на совместном совещании 26 декабря 1905 г. высказались против открытия вузов [12. С. 177–178]. После возобновления занятий осенью 1906 г. в адрес студентов звучали призывы профессоров отказаться от проведения сходок в условиях военного положения, чтобы не ставить вузы под угрозу очередного закрытия губернатором [18. Л. 18].

Вместе с тем либеральная профессура не видела причин препятствовать легитимным формам общественно-политической деятельности студенческой молодежи, созданию легальных союзов и организаций учащихся. По предложению профессора В.А. Обручева, являвшегося первым председателем томского бюро партии народной свободы, на заседании Совета ТТИ 21 февраля 1907 г. были утверждены уставы трех кружков самообразования, представлявших собой студенческие фракции социал-демократической, эсеровской и кадетской партий, при условии, что в их состав будут входить только студенты института [12. С. 193; 21. Л. 79–81]. Утвердил Совет и устав Центрального студенческого органа после внесения в него по настоянию профессоров поправки о возможности представительства в ЦСО не только представителей так называемых кружков самообразования, но и политически неорганизованных студентов [18. Л. 37–38; 21. Л. 274]. В дан-

ном случае ярко проявилась принципиальная позиция носителей либеральной субкультуры, предусматривавшая предоставление равных прав на самоорганизацию всем студентам независимо от их политических позиций и предпочтений, а также при отсутствии таковых.

В общественно-политической ситуации, сложившейся в стране в связи с роспуском II Государственной думы и изданием 3 июня 1907 г. нового избирательного закона, коммуникативный регистр, во многом определявший взаимоотношения либеральной профессуры и студенчества, претерпел заметные изменения в сравнении с периодом революционных потрясений и подъема студенческого движения. Предметная область общения сместилась с обсуждения проблем, становившихся поводом для студенческих волнений, на проблематику конкретных учебных дисциплин. Коммуникационные каналы, как и тональность общения приобрели более формализованный характер, в целом адекватный различиям в социальных статусах и функциональных ролях участников этого взаимодействия и поддерживавший соответствовавшую статусно-ролевым отношениям иерархическую дистанцию. Таким образом, фактически произошло восстановление привычного, традиционного формата общения двух главных акторов вузовского пространства, связанного с преобладанием взаимодействия в рамках классических для того времени технологий учебной и внеучебной работы.

Преподавательская деятельность профессоров была неразрывно связана с их научными исследованиями. Это проявлялось как при организации практических занятий, так и в лекционном материале. Ярким примером привлечения студентов к прикладным исследованиям являлись, например, проводившиеся М.Н. Соболевым практические занятия, в ходе которых ставились и решались задачи по систематизации собранных в 1910 г. в ходе научной экспедиции в Монголию статистических материалов по торговле России с Монголией, обрабатывались данные Томского отделения Русского технического общества о положении кустарных промыслов в Томской губернии и пр. [22]. Язык науки доминировал в лекциях профессоров, опиравшихся не только на новейшие достижения в различных отраслях знания, но и на результаты собственных исследований. В предисловии к своему фундаментальному труду «Очерки философии права», замысел которого во многом был продиктован желанием помочь студентам в освоении содержания преподававшегося им учебного курса, профессор И.В. Михайловский особо подчеркивал, что основные положения курса «явились результатом напряженной и весьма продолжительной работы мысли» [23]. И здесь же звучало своеобразное предупреждение для тех, кто рассчитывал при подготовке к экзамену найти в Очерках упрощенную версию интерпретации философских доктрин и концепций: «…настоящая книга никоим образом не может претендовать на легкость изложения: она требует внимательного и вдумчивого изучения. Я вовсе не имел в виду ради учебных интересов жертвовать научными интересами» [23]. В целом цитируемое предисловие, весьма лаконичное по форме, но емкое по содержанию и смыслу, фактически представляло собой изложенное в концентрированном виде кредо автора как преподавателя высшей школы. Важной составляющей этого кредо стало подчеркнутое дистанцирование от каких бы то ни было политических течений: «…наука и “политика” – два противоположных полюса… Не модные лозунги, а искание истины и сознание великой ответственности пред своею совестью за каждое предлагаемое учащейся молодежи от имени науки слово определяли собой то настроение, с которым писалась эта книга» [23]. К этому же призывал профессор с учебной кафедры и своих студентов, предостерегая их от губительных для науки права политических пристрастий и увлечений [24. С. 12].

Опора на факты, стремление к взвешенным, научно обоснованным выводам в противовес пропаганде каких бы то ни было политических воззрений являлись базовыми принципами преподавательской деятельности для большинства коллег И.В. Михайловского. Так, в своем последнем слове на судебном процессе, поводом для которого послужила опубликованная им в 1909 г. работа «Кровавая месть и смертная казнь», И.А. Малиновский заявил, что «как ученый-исследователь привык искать научную истину; как университетский преподаватель привык говорить правду и только правду» [25. С. 317]. В некоторых случаях подчеркнутое стремление профессоров строго следовать академической манере изложения учебного материала вызывало даже определенное недовольство отдельных студентов. В воспоминаниях бывшего студента Томского университета А.Н. Морачевского, опубликованных под псевдонимом Зарницын, имеется такая зарисовка: «Профессор политической экономии С[оболев] “сушил” аккуратно интересный предмет, впадая в частые противоречия и осторожно обходя самые животрепещущие вопросы: рабочий, экономического материализма, добавочной стоимости и пр. Лекции его изобиловали всегда массою ненужных цитат, затемняющих основную мысль» [26. С. 424].

Академический стиль лекций профессоров фактически являлся одним из проявлений либеральной субкультуры, основанной на уважительном отношении к праву и предполагавшей личную ответственность за выполнение нормативных требований в повседневной, в том числе профессиональной, деятельности. Вместе с тем гражданская позиция тех из них, кто считал своим долгом участие в решении назревших общественных проблем, находила отражение в публичных выступлениях вне стен вузов, в научно-популярных трудах и публицистических статьях, в том числе размещенных на страницах издававшейся в Томске газеты либерального направления «Сибирская жизнь», редакторами которой в 1905–1910 гг. являлись профессора университета, активные члены местной кадетской организации И.А. Малиновский и М.Н. Соболев. Очевидно, что проявлявшие интерес к актуальной общественно-политической повестке студенты имели возможность ознакомиться с представлениями своих преподавателей о российской действительности и предпочтительных, на их взгляд, способах ее преобразования.

Своеобразной формой приобщения студентов к поиску решений социально значимых проблем на основе

скрупулезных исследований, позволявших делать научно обоснованные выводы в противовес политически ангажированным заявлениям, стал созданный по инициативе либеральной профессуры Томского университета «Сибирский кружок томских студентов». Устав, утвержденный Советом университета в ноябре 1907 г., определял статус кружка как легального академического общества, целью которого являются изучение и систематизация материалов по географии, этнографии, археологии, экономике и истории Сибири. Руководителями работы студентов в секциях кружка стали являвшиеся членами кадетской партии профессора Н.Я. Новомбергский (вопрос о земстве в Сибири), М.И. Боголепов (экономические проблемы региона), М.Н. Соболев (аграрная проблема в России и вопрос о безработице в регионе), И.А. Малиновский (вопросы обычного права в Сибири) [15. 1910. 6 окт.; 27. 1908. 2 нояб., 15 нояб., 21 дек.]. Члены студенческого кружка имели возможность не только обсуждать с компетентными экспертами, каковыми являлись их преподаватели, актуальные проблемы регионального развития, приобретать под их руководством необходимые навыки исследовательской работы, но и проявлять свою гражданскую активность, предлагая аргументированные варианты решения рассматриваемых на заседаниях кружка проблем. Например, от имени участников студенческого кружка группе сибирских депутатов в III Государственной думе была представлена статистически выверенная и сопровождавшаяся конкретным фактическим материалом информация по вопросу о порто-франко в устьях рек Оби и Енисея [27. 1908. 2 нояб.].

В целом имеются основания полагать, что повторяющимся, «нормальным» началом, конструирующим стиль взаимоотношений профессоров и студентов томских вузов, была выстроенная на принципах академичности коммуникация. Появление в предметном поле коммуникации либерально настроенных профессоров и студентов политических вопросов на волне революционного подъема 1905 г. имело ситуативный характер и было вызвано общим всплеском оппозиционных настроений. Исследование взаимоотношений двух главных акторов вузовского сообщества с концептуально-методологических позиций истории повседневности, предполагающих акцент на «устойчивых структурах», которые «меняются чрезвычайно медленно, редко переживают дисбалансировку и сравнительно быстро восстанавливаются» [28. С. 30], позволяет делать вывод о доминировании научно-познавательной компоненты в общении представителей профессорской корпорации со студентами даже в условиях стремительной политизации российского социума.

Список источников

1. Грибовский М.В. Профессура и студенчество в предреволюционном российском университете: грани взаимоотношений // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 4 (12). С. 158–166.
2. Грибовский М.В. «Не дело студентов назначать себе преподавателей»: конфликты между профессорами и студентами российских университетов на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 67–73.
3. Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Коллективный портрет профессоров императорского Томского университета в зеркале их взаимоотношений со студенчеством (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 159–169.
4. Ищенко О.В. Профессора и преподаватели томских вузов в условиях противостояния власти и студенчества на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 149–151.
5. Ищенко О.В. Отношение профессоров Томского технологического института к студенческому движению в годы первой революции в России // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310, № 3. С. 262–268.
6. Иванов А.Е., Кулакова И.П. Русская профессура на рубеже XIX–XX веков // Российская история. 2013. № 2. С. 44–62.
7. Торопов М.В. Правовая культура российской либеральной профессуры в 1860–1870-е годы : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. 28 с.
8. Никс Н.Н. Московская профессура второй половины XIX – начала XX вв. Социокультурный аспект : автореф. дис. …канд. ист. наук. М., 2004. 18 с.
9. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 4204. Оп. 4. Д. 1073. Л. 18.
10. Соболев М.Н. Экономическое положение томских студентов. Томск : Паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1902. [4], 55 с. (Известия Томского университета. Труды Юридического кабинета при Томском университете, Статистико-экономическое отделение; вып. 2, кн. 22).
11. Попов М.Ф. Краткий исторический очерк Императорского Томского университета за 25 лет его существования (1888–1913 гг.). Томск : Типо-лит. Сиб. т-ва печ. дела, 1913. [2], 29 с.
12. Матвеев М.И. Студенты Сибири в революционном движении. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1966. 238 с.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. 1907. ОО. Д. 362. Л. 6.
14. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233 (1905, II отд.). Д. 3. Ч. 42. Л. 21.
15. Сибирская жизнь : ежедневная газета. Томск, Тип. Сиб. т-ва печ. дела.
16. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 601. Оп. 1. Д. 178. Л. 53.
17. ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 29. Л. 89.
18. ГАРФ. Ф. 102. 1907. 4-е д-во. Д. 77, ч. 5, т. 2.
19. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 126. Оп. 2. Д. 2017. Л. 48–50.
20. Харусь О.А. Профессиональные союзы сибирской интеллигенции: сценарии и практики участия в политических процессах 1905 года // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 76–83.
21. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2182.
22. Соболев Михаил Николаевич // Электронная энциклопедия ТГУ. URL: https://wiki.tsu.ru/wiki/index.php
23. Михайловский И.В. Очерки философии права. Томск : В.М. Посохин, 1914. Т. 1. 625 с.
24. Михайловский И.В. Культурная миссия юристов. Правовые прелюдии к грядущей культуре. Томск : Типо-лит. Сиб. т-ва печ. дела, 1910. 27 с.
25. Малиновский И.А. Маруся и дети. Воспоминания // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / под ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 287–341.
26. Зарницын Н. Дни юности // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / под ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 421–427.
27. Сибирь : демократическая частная газета. Иркутск.
28. Соловьев К.А. Политическая повседневность: общие принципы и подходы // Будущее нашего прошлого – 6: история повседневности и повседневность историка. М. : РГГУ, 2021. С. 26–33.

References

1. Gribovskiy, M.V. (2010) Professura i studenchestvo v predrevolyutsionnom rossiyskom universitete: grani vzaimootnosheniy [Professors and Students in a Pre-Revolutionary Russian University: Facets of Relationships]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(12). pp. 158–166.
2. Gribovskiy, M.V. (2017) It is none of students' business to appoint teachers themselves": conflicts between professors and students of Russian universities at the turn of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 424. pp. 67–73. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/424/9
3. Fominykh, S.F. & Stepnov, A.O. (2019) A Collective Portrait of Professors of the Imperial Tomsk University in the Mirror of Their Relationships with Students (Late 19th – Early 20th Centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 446. pp. 159–169. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/446/20
4. Ishchenko, O.V. (2009) Professora i prepodavateli tomskikh vuzov v usloviyakh protivostoyaniya vlasti i studenchestva na rubezhe XIX–XX vv. [Professors and teachers of Tomsk universities in the context of confrontation between the authorities and students at the turn of the 19th and 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 323. pp. 149–151.
5. Ishchenko, O.V. (2007) Otnoshenie professorov Tomskogo tekhnologicheskogo instituta k studencheskomu dvizheniyu v gody pervoy revolyutsii v Rossii [Attitude of professors of Tomsk Technological Institute to the student movement during the first revolution in Russia]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 310(3). pp. 262–268.
6. Ivanov, A.E. & Kulakova, I.P. (2013) Russkaya professura na rubezhe XIX–XX vekov [Russian professors at the turn of the 20th centuries]. *Rossiyskaya istoriya*. 2. pp. 44–62.
7. Toropov, M.V. (2011) *Pravovaya kul'tura rossiyskoy liberal'noy professury v 1860–1870-e gody* [Legal Culture of Russian Liberal Professors in the 1860s–1870s]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
8. Niks, N.N. (2004) *Moskovskaya professura vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. Sotsiokul'turnyy aspect* [Moscow Professors in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. The Sociocultural Aspect]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
9. The Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNITO). Fund 4204. List 4. File 1073. p. 18.
10. Sobolev, M.N. (1902) *Ekonomicheskoe polozhenie tomskikh studentov* [The Economic Situation of Tomsk Students]. Tomsk: P.I. Makushin.
11. Popov, M.F. (1913) *Kratkiy istoricheskiy ocherk Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 25 let ego sushchestvovaniya (1888–1913 gg.)* [A brief historical essay on the Imperial Tomsk University for 25 years of its existence (1888–1913)]. Tomsk: Tipo-lit. Sib. t-va pech. dela.
12. Matveev, M.I. (1966) *Studenty Sibiri v revolyutsionnom dvizhenii* [Students of Siberia in the Revolutionary Movement]. Tomsk: Tomsk State University.
13. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 102. 1907. OO. File 362. p. 6.
14. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 233 (1905, II). File 3. Part 42. p. 21.
15. *Sibirskaya zhizn'*. A daily newspaper. Tomsk: Tip. Sib. t-va pech. dela.
16. The State Archive of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 601. List 1. File 178. p. 53.
17. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 518. List 1. File 29. p. 89.
18. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 102. 1907. 4-e d-vo. File 77, Part 5, Vol. 2.
19. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 126. List 2. File 2017. pp. 48–50.
20. Kharus, O.A. (2023) Professional unions of the Siberian intelligentsia: scenarios and practices of participation in the processes of 1905. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 76–83. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/86/10
21. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 126. List 2. File 2182.
22. The TSU Electronic Encyclopedia. (n.d.) *Sobolev Mikhail Nikolaevich*. [Online] Available from: https://wiki.tsu.ru/wiki/index.php
23. Mikhaylovskiy, I.V. (1914) *Ocherki filosofii prava* [Essays on the philosophy of law]. Vol. 1. Tomsk: V.M. Posokhin.
24. Mikhaylovskiy, I.V. (1910) *Kul'turnaya missiya yuristov. Pravovye prelyudii k gryadushchey kul'ture* [The cultural mission of lawyers. Legal preludes to the coming culture]. Tomsk: Tipo-lit. Sib. t-va pech. dela.
25. Malinovskiy, I.A. (2014) Marusya i deti. Vospominaniya [Marusya and children. Memories]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the Memoirs of Contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 287–341.
26. Zarnitsyn, N. (2014) Dni yunosti [Days of Youth]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the Memoirs of Contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 421–427.
27. *Sibir'*. Democratic private newspaper. Irkutsk.
28. Soloviev, K.A. (2021) Politicheskaya povsednevnost': obshchie printsipy i podkhody [Political everyday life: General principles and approaches]. In: *Budushchee nashego proshlogo – 6: istoriya povsednevnosti i povsednevnost' istorika* [The Future of our Past – 6: The History of Everyday Life and the Everyday Life of a Historian]. Moscow: RSUH. pp. 26–33.

***Сведения об авторе*:**
Харусь Ольга Анатольевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: olga.kharus@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Kharus Olga A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of History and Documentation of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olga.kharus@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.06.2024; принята к публикации 12.09.2024

The article was submitted 11.06.2024; accepted for publication 12.09.2024

Научная статья
УДК 94(47)084.3(571)
doi: 10.17223/19988613/91/9

Сибирь как социокультурное пространство в публицистике Г.Н. Потанина 1917–1919 гг.

Дмитрий Николаевич Шевелев[1], Кирилл Александрович Конев[2]

[1, 2] Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] shev-dn@yandex.ru
[2] konev-k-92@rambler.ru

Аннотация. На примере публицистики Г.Н. Потанина 1917–1919 гг. рассматриваются механизмы и практики дискурсивного конструирования образов Сибири как особой территории, обладающей признаками трансграничности. В центре внимания авторов – смыслы и способы их развертывания, обеспечившие областническому нарративу устойчивость в различных исторических, политических и культурных контекстах с учетом того, что его сторонники никогда не занимали господствующего положения на региональном политическом поле.
Ключевые слова: Гражданская война в России, Сибирь, Г.Н. Потанин, сибирское областничество, политический нарратив

Благодарности: Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Шевелев Д.Н., Конев К.А. Сибирь как социокультурное пространство в публицистике Г.Н. Потанина 1917–1919 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 80–89. doi: 10.17223/19988613/91/9

Original article

Siberia as a socio-cultural space in G.N. Potanin's journalism of 1917–1919

Dmitry N. Shevelev[1], Kirill A. Konev[2]

[1, 2] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] shev-dn@yandex.ru
[2] konev-k-92@rambler.ru

Abstract. The article examines the journalistic legacy of G.N. Potanin from the point of view of its impact on the formation and functioning of the cultural and linguistic landscape of Siberia. The authors set three main objectives. First, to identify the thematic repertoire of G.N. Potanin's journalism that developed in the pre-revolutionary period, within which images of Siberia as a special socio-cultural space were articulated. Secondly, to identify the nature and direction of the changes introduced by the era of wars and revolutions in the representation of socio-political issues in the region. Thirdly, to establish the factors that determined the stability of the regional narrative set by G.N. Potanin's journalism in various historical, political and cultural contexts.

In the pre-revolutionary period, G.N. Potanin's journalism covered three related topics. The problems of asymmetry in relations between European Russia and Siberia. The range of issues of cultural development of the region with an emphasis on the rise of all levels of education and the formation of an intelligentsia living in the interests of the region. The diversity and specificity of the peoples and social groups inhabiting Siberia, difficulties in the relationship between the indigenous and the alien population. After the February Revolution of 1917, Potanin's thematic range remained the same, but his political involvement and involvement in discussions and direct solutions to issues related to the political structure of Siberia increased. He was concerned about the lack of political maturity among the region's population.

Actualizing topical and long-term problems of the development of Siberia in the public field, G.N. Potanin built a socio-cultural space in which these problems unfolded. An imaginary space was located on the border of the intersubjective common world and the world created by its author. At the same time, the construction took place on several levels: spatial (Siberia is a special territory, a part of a country with specific conditions and its own interests in various fields); ethnosocial (Siberia is a region with a special historically formed population, combining indigenous and alien elements, and possessing a unique set of features); temporal (the backward colonial past of the region is contrasted with the advanced technocratic future).

Thus, in G.N. Potanin's journalism of 1917-1919 Siberia acted as an integral part of Russia; as a cross-border zone of economic, social, scientific and cultural contacts that contributed to its development and the sustainability of relations with neighboring countries; as well as a place of application of advanced scientific ideas and a field for scientific and cultural research and experiments carried by local scientists and educators.

© Д.Н. Шевелев, К.А. Конев, 2024

Keywords: Civil War in Russia, Siberia, G.N. Potanin, Siberian regionalism, political narrative

Acknowledgements: The results were obtained in the framework of the fulfillment of the state task of the Ministry of Education and Higher Science of the Russian Federation, project No. 0721-2020-0042.

For citation: Shevelev, D.N., Konev, K.A. (2024) Siberia as a socio-cultural space in G.N. Potanin's journalism of 1917–1919. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 91. pp. 80–89. doi: 10.17223/19988613/91/9

В конце 1917 г. петроградские и московские газеты наперебой заговорили о возникшем на востоке России новом государственном образовании. Так, 8 декабря «Утро России» сообщило о начале работы «чрезвычайного всесибирского съезда советов, городских, земских и областных дум, областных, железнодорожных и почтовых союзов и других демократических организаций, для обсуждения положения Сибири и создания временного полномочного органа управления Сибирью» [1]. «Очередной вопрос, – подчеркивалось в заметке, – временное, в связи с общими событиями, отделение Сибири от России в административном отношении. Общая тенденция сибирских деятелей – стремление к федерации» [1].

Более решительно высказался «Петроградский голос». «Сибирь, – отмечала газета 17 декабря, – окончательно отложилась от Великороссии. Сибирское “учр[едительное] собрание” – чрезвычайный областной съезд Сибири – выбрал временное правительство сибирской республики». Сообщала столичная пресса и о составе правительственного кабинета нового государственного образования и конечно о его главе. «Возглавляет это правительство, – писал тот же “Петроградский голос”, – прямая гордость Сибири, один из замечательных русских людей, престарелый Г.Н. Потанин, имя которого как ученого и путешественника хорошо известно далеко за пределами России, в Европе» [2].

Действительно, на завершающем заседании 15 декабря 1917 г. делегатами чрезвычайного областного съезда было принято «Положение о временных органах управления Сибири», согласно которому «впредь до решения вопроса о форме внутреннего управления ее сибирским Учредительным собранием» высшей властью в регионе провозглашались временная Сибирская областная дума и Сибирский областной совет, а до их созыва «осуществление власти в области финансово-экономической и политической» возлагалось на Временный сибирский областной совет (ВСОС) [3]. Договориться о принципах его формирования и персональном составе удалось не сразу [4]. Только к четырем часам дня 15 декабря делегаты съезда после повторного голосования избрали «правительство Сибири», «по типу директории без распределения портфелей», в составе 8 человек во главе с председателем – Г.Н. Потаниным [5, 6]. Почти сразу в переписке (видимо, на манер руководителей Временного правительства) его стали именовать «министр-председатель». Знакомая Григория Николаевича М.Х. Свентицкая писала ему в середине декабря из Москвы: «Что творится у Вас в Сибири? Правда ли, что республика и Вы – президент? Если да, – верите ли Вы в прочность того, что совершается, радуетесь ли, что дожили до таких времен?»

Однако в самом конце 1917 г. разразился скандал: Г.Н. Потанин демонстративно заявляет о своей отставке. Первой об этом в последний день уходящего года сообщает «Сибирская жизнь», опубликовав обращение Потанина «Во Временный сибирский областной совет» [7]. Из открытого письма становится понятно, что серьезные разногласия с эсеровским большинством у Григория Николаевича возникли еще на чрезвычайном областном съезде, когда поддержку (77 делегатов «за» при 37 воздержавшихся) получила предложенная фракцией эсеров, социал-демократов и национальных групп формула перехода: «Переходя к вопросу о конструкции временной власти в Сибири, чрезвычайный сибирский съезд постановляет, что до Учредительного собрания Сибири орган контролирующий и законодательный должен состоять исключительно из представителей демократии без участия цензовых элементов, что же касается до власти исполнительной, то она должна быть социалистической, причем в состав органа исполнительной власти могут войти все социалистические партии от народных социалистов до большевиков включительно, с представительством национальностей» [8].

В письме, адресованном делегатам съезда и впоследствии обнародованном его председателем В.М. Крутовским на собрании Красноярского отдела общества сибирских областников-автономистов, Г.Н. Потанин заявлял: «Ознакомившись с поводами, которые привели к выделению из съезда блока делегатов от кооперативных, городских и земских деятелей и областников, я примыкаю всей душой к этому блоку и не разделяю мнений и стремлений их противников. Вместе с членами блока я против включения в состав резолюции, выработанной президиумом, дополнительных слов: “от н[ародных] с[оциалистов] до большевиков включительно”. Этот раскол вызывает во мне глубокое огорчение. В противниках блока я не вижу искренней преданности идее областничества, которая была внушена старым областникам любовью к сибирскому крестьянству. Я вижу в стремлениях этих моих противников служение только партиям, к которым они принадлежат. А служение партиям, в особенности провинциальным, не всегда заключается в служении народу» [9].

Другим же камнем преткновения становятся решение съезда лишить права решающего голоса представителей цензовых элементов и взятый эсеровским большинством последовательный курс на устранение представителей торгово-промышленных кругов от власти в переходный период. «Долгие годы своей жизни, размышляя над будущим Сибири, – указывал Г.Н. Потанин в письме, адресованном ВСОС, – я пришел к выводу, что к обновлению ее должны быть призваны все слои сибирского населения, без различия

веры, племени и достатка. Настал, наконец, счастливый день, когда население Сибири должно было проявить свою волю. К глубокому моему огорчению, общеполитические условия разбили мечту моей жизни: к строительству самостоятельной Сибири оказалось призванным не все население» [7].

Оба этих аспекта, взятые в совокупности, Г.Н. Потанин рассматривал как «ухаживание за большевиками» и «крайне опасную для серьезного дела» политическую игру [9].

Последней каплей становится обращение ВСОС к советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов с призывом «послать своих представителей в [Сибирскую областную] думу для того, чтобы она, будучи в большинстве рабоче-крестьянской, могла творить жизнь на благо народное» [10], которое Г.Н. Потанин рассматривал как новое «устремление в сторону большевизма» [11]. Разъясняя свой поступок, он писал: «Некоторое время я оставался председателем совета; деятельность его проходила без всякого участия с моей стороны; мне только приносили время от времени для подписи некоторые документы, в которых не заключалось никакого расхождения с моими взглядами. Но я не мог ручаться, что поздно или рано мне придется выразить несочуствие политике совета, и это обнаружилось по поводу обращения областного совета к советам солдатских и рабочих депутатов. Этот документ был принесен мне для подписи одним из членов областного совета; при этом этот член сказал мне, что я могу бумагу, если не хочу, не подписывать. На мой же вопрос, что совет сделает, если я откажусь подписать, мне дан был ответ, что тогда бумага будет подписана заместителем председателя. Мне показалось неудобным поведение председателя, который будет подписывать только документы, не отражающие в себе политического направления совета, а в тех случаях, когда ему придется брать на себя ответственность за политическое направление своих товарищей, он будет прятаться за спину одного из них. Я порешил бумагу подписать, но в ближайшее же время отказаться от председательства» [12]. При этом Григорий Николаевич не только сложил с себя полномочия председателя, но и полностью отказался от дальнейшего участия в работе ВСОС [7].

Такой шаг признанного лидера сибирского областничества, дожившего, по словам В.М. Крутовского, до «времен сказочного превращения страны рабства, кнута, казней и грубого попрания и угнетения всего светлого, свободного – в страну широчайшей свободы, страну самого розового будущего» [13. С. 141], отражал его глубокое разочарование в происходящем.

Революционные потрясения, а затем и последовавшая за ними вооруженная эскалация на территории Сибири открыли «окно возможностей» для сибирских областников. Их воззрения и идеи приобрели актуальность, а сами они, включая старейшего представителя и основателя движения Г.Н. Потанина, оказались вовлечены в политические перипетии. Рассмотрение политической деятельности представителей областничества в период 1917–1920-х гг. невозможно без анализа эволюции их взглядов и идей на протяжении второй половины XIX – начала XX в. На современном этапе изучение публицистики областников осуществляется в рамках различных дисциплин и направлений с опорой на широкий спектр методов.

С.В. Селиверстов анализирует взгляды областников в рамках изучения евразийства. Он полагает, что Г.Н. Потанин «…от идеи о значимости Сибири по отношению к России последовательно приходит к концепции, в которой формулируется и обосновывается культурно-историческая, цивилизационная значимость, первостепенность Востока по отношению к Европе», обозначая эту концепцию как «евразийскую» [14].

А.В. Головинов в ряде своих работ, обращаясь к публицистике Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, фокусируется на анализе их политико-правовых взглядов и выявлении отдельных базовых категорий, использовавшихся областниками, справедливо полагая, что «…язык политико-правовой доктрины позволяет судить, собственно, о ее идейном содержании» [15]. Рассматривая публицистику Г.Н. Потанина, автор отмечает, что «…период раннего идейно-политического творчества сибирского общественного деятеля носит ярко выраженный просветительский, гуманистический и интегративно-федералистский характер» [16].

Участие областников в событиях 1917–1920-х гг., их идейная эволюция достаточно подробно изучены отечественными исследователями. Особое внимание уделяется рассмотрению фигуры Г.Н. Потанина, политические воззрения которого рассматривались в рамках обобщающих и специальных работ. Так, М.В. Шиловский одним из первых на современном этапе изучил деятельность Г.Н. Потанина и областников в целом в период революционных событий 1917 г. и Гражданской войны, посвятив этому две специализированных работы [17, 18].

А.М. Сагалаев и В.М. Крюков, освещая деятельность Г.Н. Потанина в период революционных потрясений, указывали на проблемы адаптации к сложной и изменчивой политической обстановке: «видя прекрасную цель, он не знал к ней пути, явно не поспевая за динамичным развитием обстановки, не понимая многих реалий, не приемля насилия» [19. С. 188].

Подробному анализу политической активности областников в 1917 г. посвящена статья В.И. Шишкина, в которой указывается на активную трансформацию данного течения, превратившегося из малочисленных кружков интеллигентов в «общественно-политическое движение регионального масштаба, располагавшее собственной программой автономного устройства края в составе обновленной России и руководящими структурами, наделенными властными полномочиями» [20].

Н.С. Ларьков в статьях, посвященных «Потанинскому кружку» рассматривает форматы участия данного объединения областников в общественной и политической жизни Сибири. По мнению исследователя, Г.Н. Потанин и его окружение вполне предсказуемо оказались в стане противников большевизма, внося вклад как «в формирование антисоветских органов власти, так и в идеологическое обеспечение их последовательной борьбы с большевизмом» [21].

Еще одно перспективное направление связано с изучением последующей рецепции и политического использования идей областничества в XX–XXI вв. Так, С.Д. Бакулина связывает рост интереса к сибирскому областничеству на современном этапе с поиском механизмов региональных идентичностей в постсоветский период, а также с образованием метакультур, актуализирующих необходимость выделения маркеров, дающих представление об уникальности регионов [22]. По мнению А.В. Сушко, «сибирский национализм в форме сибирского областничества 1860–1920-х гг. претерпел политическую смерть». Но, как отмечает автор, ряд идей сибирских областников оказался востребованным в период распада СССР [23].

Цель нашего исследования – на примере публицистического наследия Г.Н. Потанина (с приоритетом к работам 1917–1919 гг.), с одной стороны, выявить способы конструирования образов Сибири как особой территории, обладающей признаками трансграничности, в региональном публичном пространстве; с другой – определить возможности лидеров общественного мнения (к каковым, без сомнения, относился Г.Н. Потанин) оказывать влияние на формирование и функционирование культурного ландшафта локального уровня.

Авторы ставят перед собой три основные задачи. Во-первых, определить сложившийся в дореволюционный период тематический репертуар публицистики Г.Н. Потанина, в рамках которого артикулировались образы Сибири как особого социокультурного пространства. Во-вторых, выявить характер и направленность изменений, внесенных эпохой войн и революций в репрезентацию общественно-политической проблематики региона. В-третьих, установить факторы, обусловившие устойчивость заданного публицистикой Г.Н. Потанина областнического нарратива в различных исторических, политических и культурных контекстах с учетом того, что его сторонники никогда не занимали господствующего положения на региональном политическом поле.

Основным источником для написания данной работы послужили публицистические статьи Г.Н. Потанина, его политические заявления и воззвания, напечатанные преимущественно в сибирской периодике (газеты «Сибирская жизнь», «Иллюстрированное приложение к газете “Сибирская жизнь”», «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни», «Жизнь Алтая», «Труд и земля», «Народная Сибирь», «Вестник Томской губернии», журнал «Сибирские записки»), а также выходившие отдельными изданиями или включенные в сборники. В центре нашего внимания была прежде всего публицистика периода Революции и Гражданской войны (1917–1919), однако для системного понимания взглядов Г.Н. Потанина на развитие Сибири, оценок дальнейших перспектив мы обращались к более ранним его работам. Кроме того, использовались материалы периодической печати, связанные с оценкой общественной деятельности Г.Н. Потанина в «эпоху войн и революций», раскрывающие направленность и характер его полемики с другими авторами на протяжении рассматриваемого периода.

К началу революционных событий Г.Н. Потанин – уже настоящая живая легенда, «символ Сибири». Он – выдающийся путешественник и учёный-натуралист, общественный деятель, просветитель, литератор с четко выраженной гражданской позицией, признанный лидер и идеолог сибирского областничества. «Я служил идее областничества только как честный публицист и никогда не был политическим практиком, – писал он в конце 1917 г. – Я всегда держался правила вести агитацию своей идеи открыто и честно, не заигрывая с сильными влияниями, не входя в опасные союзы» [9]. Говоря о своей общественной деятельности, Г.Н. Потанин подчеркивал прежде всего ее культурно-просветительскую направленность. «Около тридцати лет я интересовался вопросом о сибирском областничестве, – утверждал он в начале 1918 г., – разрабатывая его теоретически, и отчасти пропагандировал эту идею, хотя и недостаточно энергично. Таким литератором-пропагандистом я оставался до самого объявления республики; ни в какой практической деятельности как по этому вопросу, так и по другим политическим я не участвовал. Партийная деятельность была мне всегда чужда» [12].

Лидер сибирского областничества всегда высоко оценивал роль литературы и публицистики в общественной жизни. «В доконституционное время, указывал он, – выразителем нужд Сибири была одна только журналистика» [24. С. 283]. С одной стороны, периодическая печать служила основным инструментом продвижения областнической повестки. В своих работах Г.Н. Потанин неоднократно возвращался к примеру Н.М. Ядринцева, который, по его мнению, поднимая в прессе «ряд областных сибирских вопросов», протестуя «против приниженного и подчиненного положения области, против ссылки, которая оскорбляет чувство сибирского патриота, против эксплуатации областного богатства в исключительно государственном интересе, против колониальной политики правительства», и «создал сибирскую журналистику, сообщил ей серьезный тон, поставил ее на путь общественного служения» [24. С. 269]. С другой стороны, именно язык и литература, с точки зрения Г.Н. Потанина, обеспечивали прочную связь Сибири с Россией. «И как бы центробежные ручьи русской жизни не сделались многочисленны, – сказал он на торжественном заседании в Томском общественном собрании, посвященном его 80-летию, – как бы русские области в своем стремлении к самоопределению ни разошлись далеко одна от другой в своих культурных особенностях, – всегда смелый, честный, искренний голос русской публицистики заставит нас всех почувствовать, что мы – один народ» [25].

Как публицист Г.Н. Потанин сформировался в 1870-е гг., а к 1907–1908 гг., с выходом серии статей «Областническая тенденция в Сибири» и сборника «Сибирь, ее современное состояние и ее нужды», у него сложилось целостное представление о месте и перспективах развития Сибири в составе России. В дореволюционный период публицистика Г.Н. Потанина главным образом охватывала три связанных между собой тематических поля: проблемы асимметричности

в отношениях между Европейской («зауральской») Россией и Сибирью, возможные способы их устранения; спектр вопросов культурного развития региона с упором на подъем всех уровней образования и формирование интеллигенции, живущей интересами края; многообразие и специфика населяющих Сибирь народов и социальных групп, трудности во взаимоотношениях коренного («инородческого») и пришлого (на разных исторических этапах) населения. Связующей основой выступал областнический нарратив: «Многообразные нужды Сибири обобщаются одной идеей – уравнение колонии с метрополией во всех областях жизни. Правительственные меры, искусственно подавляющие интересы колонии в угоду метрополии, должны быть упразднены; против условий, исторически сложившихся в ущерб колонии и к выгоде метрополии, правительство должно принять покровительственные для колонии меры» [24. С. 275].

После Февральской революции 1917 г. тематический репертуар публицистики Г.Н. Потанина в целом сохраняется, но усиливаются ее политическая направленность, включенность в обсуждение и непосредственное решение вопросов, связанных с политическим устройством Сибири, серьезная обеспокоенность по поводу недостаточной «политической зрелости» населения края. В 1919 г. он возвращается к просветительской тематике и разработке общекультурных аспектов областничества. Всего, по подсчетам авторов, в 1917–1919 гг. в сибирской периодике, без учета его политических заявлений, подписанных им воззваний, деклараций, текстов речей и воспоминаний, было опубликовано 40 статей Г.Н. Потанина (20 – в 1917, 9 – в 1918 и 11 – в 1919 г.), что свидетельствует о значительной литературной и общественной активности для человека, который «в это время уже плохо видел, плохо слышал и еле двигал ногами» [26. С. 95].

Актуализируя в публичном поле как злободневные, текущие, так и более долгосрочные проблемы развития Сибири, Г.Н. Потанин выстраивает и то социокультурное пространство, в котором эти проблемы разворачиваются, воображаемое пространство, находящееся на границе интерсубъективного общего мира и мира, созданного его автором. Конструирование при этом происходило на нескольких уровнях: *пространственном* (Сибирь – особая территория, часть страны со специфическими условиями и своими интересами в различных сферах), *этносоциальном* (Сибирь – регион с особым исторически сложившимся населением, соединившим коренные и пришлые элементы и обладающим уникальным набором черт) и *темпоральном* (отсталое колониальное прошлое края противопоставляется передовому просвещенному будущему). Рассмотрим их подробнее.

1. В августе 1917 г., вступая в заочную полемику с меньшевиком А.Н. Рожковым по вопросу об автономии Сибири, Г.Н. Потанин указал на три ключевых особенности Сибири. «Своеобразие местных условий, – констатировал он, – главным образом заключается не в условиях Томской губернии или Енисейской, а в тех общих условиях, которые объединяют всю Сибирь, всю от устья Амура – штрафная колонизация, не туземная интеллигенция, не имеющая корней в стране, подчиненность сибирского рынка Москве, – вот в чем заключается главное своеобразие Сибири» [27].

Буквально через полтора месяца, характеризуя положение края в прошлом, Г.Н. Потанин вновь обращает внимание на его отличия, выделив три основных исторически сложившихся диспропорции. «Одна из них, штрафная колонизация, настолько явная, – констатировал он, – что само монархическое правительство признало ее вред и отменило ссылку. Несправедливость, которая усматривается в отношениях мануфактурной Москвы к сырьевому рынку Сибири, не бросается так резко в глаза и не вызывает в жителях Сибири отчаяния; не теряется надежда, что современная жизнь смягчит остроту вопроса. Третья несправедливость, положение сибирской интеллигенции, самая опасная; она вынимает душу из тела Сибири, превращает его в труп, мешает этому телу превратиться в живой организм, лишает Сибирь надежды на самостоятельную духовную работу, лишает ее надежды на посильное участие в мировом культурном прогрессе» [28]. На этих примерах видно, что Г.Н. Потанин не воспринимал Сибирь только как географический объект, а рассматривал ее особенности в единстве природного, культурного и социального.

«Человечество обязано цивилизацией двум центрам, лежащим на двух противоположных концах материка Старого Света, – писал Г.Н. Потанин в очерке о колонизации Сибири, подготовленном для очередного тома “Живописной России”. – Европейская цивилизация зародилась на берегах Средиземного моря, китайская – на восточной окраине материка. Эти два мира, европейский и китайский, жили отдельной жизнью, едва зная о существовании друг друга, но не совсем без сношений между собой… В промежутке между двумя мирами лежал путь международных сношений, и это общение Востока с Западом вызывало вдоль пути бóльшие или меньшие успехи оседлости и культуры» [29. С. 31]. Сибирь же занимала *периферийное* по отношению к центрам цивилизации положение, «лежала в стороне от этого международного пути, и потому до позднейших веков не получила никакого значения в истории развития человечества» [29. С. 31]. Кроме того, «пределы этой страны (Сибири. – *Д.Ш., К.К.*) были обставлены такими затруднительными условиями, что проникновение в страну представляло серьезные препятствия» [29. С. 31]. Эти обстоятельства и обусловили относительно позднее освоение Сибири переселенцами из западной части континента, а также образовавшийся в этой области своеобразный, в европейском его понимании «вакуум культуры».

Само русское завоевание и колонизация Сибири определялись Г.Н. Потаниным как взаимодействие пришлого населения с *огромным по протяженности пространством* с противоречивыми социальными и культурными последствиями.

С одной стороны, обширная территория, с которой столкнулись переселенцы, разрушала привычные формы социальной организации и культурной коммуникации. «Великорусский общинник, перевалив через Урал, не принес с собой тогда же поземельной общины –

писал Г.Н. Потанин, выделяя специфику первоначального периода миграции, – простор земли сделал то, что русская община при переходе через Урал рассыпалась. Из земледельца коллективиста сибирский крестьянин обратился в земледельца индивидуалиста» [24. С. 290]. Большие расстояния снижали плотность заселения. Вплоть до 1860-х гг., отмечал Г.Н. Потанин, «население в Сибири было жидко, расстояния между деревнями были большие, торговые сношения были вялы, реки были мертвы и не оживлены судоходством, города были немноголюдны; жидкость и рассеянность населения считались причиной, задерживающей успехи культуры в Сибири» [24. С. 277]. И если возросший в последующие годы поток аграрной миграции повысил численность крестьянства на ее территории, то общий культурный уровень деревни продолжал оставаться невысоким, а прослойка сельской интеллигенции – минимальной. В такой ситуации особую роль приобретали города. Как отмечал Г.Н. Потанин, «…города Сибири – это точки на общественном теле Сибири, которыми оно воспринимает лучи света, идущие с Запада. В городах исключительно сосредоточены все интеллигентные силы этого края. В европейской России города не стоят в таком привилегированном положении относительно деревень, как в Сибири» [30. С. 234].

С другой стороны, *территориальная отчужденность* от европейской части страны («центра») обусловила, по мысли Г.Н. Потанина, рост регионального самосознания. «Чувство обособленности, которое неизбежно должно было явиться на новой территории, – полагал он, – должно было вызвать законное и полезное стремление к соревнованию с другими русскими областями» [24. С. 267–268]. И даже в специфическом местном климате, который он охарактеризовал «самым упорным, самым закоснелым сепаратистом», был по словам Г.Н. Потанина, «прочный залог обособления сибирского населения как в физическом, так и в духовном отношениях»» [24. С. 266].

2. Еще первые идеологи сибирского областничества А.П. Щапов и Н.М. Ядринцев сформировали и закрепили в общественном сознании представление об особом этнографическом типе – «сибиряке», сформировавшемся в результате длительного периода колонизации края и взаимодействия пришлого русского и аборигенного населения [31]. «Этот выработанный тип совокупил в себе свойства азиатских племен со свойствами европейско-русской расы. Утвердивший за собой естественным образом свою самостоятельность, он широким потоком разливается по великой сибирской низменности вплоть до Восточного океана. Он утверждает за собой владычество взамен древних несовершенных рас. Ему-то и суждено в истории мира водрузить великую европейскую цивилизацию среди новых племен, в новозавоеванных землях, которые должны быть его новым Отечеством» [32].

По версии А.П. Щапова, поддержанной и развитой Н.М. Ядринцевым, потомки русских переселенцев, смешиваясь с местным населением, под влиянием природно-климатических факторов переродились в новый этнографический (областной) тип русского народа – сибирскую народность, каждый выходец из которой «считал себя русским, а на русского поселенца смотрит как на совершенно чужого ему человека и сомневается в его русской национальности» [33. С. 177]. В целом соглашаясь со Щаповым, Г.Н. Потанин писал: «Сибирский характер только еще складывается, как и самая метисация продолжается. Мы стоим не у могилы, чтобы могли составить верную эпитафию, а у колыбели младенца; у сибирского населения все впереди; это лист белой бумаги, на котором трудно сказать, что впишет жизнь» [34].

Он признавал наличие особых черт, присущих русскому населению края. Так, в статье о перспективах сибирского крестьянства он затрагивал тему «индивидуализма» сибиряков, отмечая: «…в свою очередь, может быть, правы, – не совсем, а до некоторой степени, и те, которые отсутствие этого национального добродушия в характере сибирского крестьянина объясняют индивидуалистической системой полеводства, которая до сих пор господствовала в Сибири». При изменении способа хозяйствования ситуация могла измениться – «…сибирский крестьянин с переходом к трехполью, или, что все равно, к общинному строю, только теперь поступает в коллективистическую школу» [35].

В Сибири, полагал Г.Н. Потанин, завязался сложный узел отношений коренных народов и нескольких волн переселенцев из европейской части. «Сначала количество земли, захваченной русскими колонистами у инородцев, было, конечно, невелико, – отмечал он еще в 1908 г., – но с годами оно постепенно увеличивалось с постоянным ростом русской колонизации; а в последнее время, когда приток русских переселенцев внезапно усилился, захват инородческих земель стал принимать головокружительные размеры. Значительная часть переселенцев селится в районах, занятых уже давно русским племенем, и, селясь между старожильскими селениями, они теснят старожилов, но часть переселенцев надвигается также и на стойбища инородцев; они теснят киргизов, бурят в Забайкалье, алтайцев в Алтае, остяков в Тобольской и Томской губерниях. При столкновении с этими двумя средами, с средой инородческой и средой русских старожилов, переселенцы встречают сопротивление неодинаковой силы» [24. С. 279].

Одной из центральных для Г.Н. Потанина была тема коренного населения Сибири. В обширной статье, опубликованной в ноябре 1917 г., он отметил приоритет Н.М. Ядринцева в актуализации «инородческого вопроса». «Сибирская публицистика, верная заветам своего благородного учителя, включала в список своих забот и нужды инородческих племен; она протестовала против неравноправия инородческого населения, проповедовала об уравнении его в правах и о приобщении к европейскому прогрессу» [36].

Коренные народы позиционируются Г.Н. Потаниным как отставшие от русских на «несколько веков» и только вставшие на путь просвещения и прогресса. Характеризуя областнические съезды, Потанин говорил о «встрече» на них представителей «инородцев» с сибирской интеллигенцией. Результаты внушали ему оптимизм. «Хотелось бы верить, – отмечал он, – что

это братание сибирских народов послужит залогом будущего мирного сожительства пестрого сибирского населения».

Низкий образовательный и культурный уровень населения края Г.Н. Потанин связывал с малочисленностью местной сибирской интеллигенции, которая, в свою очередь, проистекала из неразвитости в регионе системы образования и значительного притока квалифицированных кадров из-за Урала. По его словам, «грамотная Сибирь» делилась на три яруса. «Нижний ярус, пополняемый из низших народных школ, состоит из сибиряков; в среднем ярусе, пополняемом средними учебными заведениями, уже не все сибиряки, – значительная часть мелкого чиновничьего сословия поступает в Сибири из Европейской России; наконец, верхний ярус сибирской интеллигенции исключительно состоит из уроженцев Европейской России» [37].

Именно отсутствием интеллигенции, живущей интересами края и ведущей самую широкую просветительную работу, Г.Н. Потанин объяснял инертность сибирского общества. «Сибирь – самая отсталая часть русского государства, – констатировал он. – Текущие события захватили ее в стадии партикуляризма. Ее обыватель не выходил из круга интересов своего околотка; в нем не был пробужден интерес к вопросам, охватывающим пространство за пределами околотка». С этим же фактором он связывал и успех леворадикальных сил в установлении советской власти в регионе. «В Сибири классовой борьбы не было, – писал он в другой статье в начале июня 1918 г., – но общественный организм и здесь не мог дать отпор большевикам; дефект сибирского общественного организма заключался в том, что у него не было местной сильной интеллигенции, и страна пробавлялась интеллигентными силами, приходившими в нее с запада из-за Урала» [38].

В целом, как полагал Г.Н. Потанин, «общественный быт Сибири еще не сложился в определенные формы; он находится еще в периоде брожения», сибирский социум неоднороден, в своем развитии и организации отстает от европейского «центра» (и «русские» сибиряки, и тем более «инородцы»), нуждается в просветителях, опекунах и защитниках.

3. Постоянно обращаясь к непростым отношениям имперской метрополии и колонии, европейского центра России и ее сибирской периферии, Г.Н. Потанин считал естественной и благотворной территориальную децентрализацию. «Обширная империя, – утверждал он, – не может не расчлениться на отдельные области, хотя бы связь между ними и продолжала сохраняться. Это расчленение должно установиться не на этнографических, а на экономических особенностях в силу того, что физические условия в разных областях империи различны» [39. С. 57]. Осознание самобытности той или иной области Г.Н. Потанин связывал с зарождением местного патриотизма и оценивал как положительный фактор как для самой области, так и для государства в целом. «Местный патриотизм – это великая культурная сила, – восклицал он своей речи на торжественном заседании по случаю его 80-летия, – и если бы развитие этого процесса шло без задержек, если бы в каждой области образовался свой деятельный контингент местных патриотов, одушевленных желанием, чтобы его область была цветущей, – сколько бы было сделано культурной работы!» [25]. «Необходимо пробудить провинцию к деятельности, – продолжил он. – Для этого необходимо помочь расчленению территории на области, расчленить и государственные финансы, – разделить их на областные. Нужно пробудить в провинции творческую деятельность и в науке, и в искусстве, и в законодательстве».

Таким образом, Г.Н. Потанин рассматривал «местный патриотизм» в его локальном, областническом проявлении как идейную основу развития региона. Центральная идея всей его публицистики – это идея движения, преодоления культурной отсталости и экономической зависимости Сибирского края, асимметрии во взаимоотношениях с европейской метрополией. Темпоральная составляющая движения включала все три состояния: тяжелое *прошлое*, когда «властная метрополия постоянно эксплуатировала покорную и безгласную колонию», деятельное *настоящее*, в горизонте которого в публичное поле были введены и даже отчасти решены некоторые из поставленных областниками вопросов (открытие университета, Сибирская областная дума), экономически развитая, просвещенная и самоуправляемая Сибирь *будущего*.

Г.Н. Потанин наметил и два основных вектора перехода из одного состояния в другое: повышение образовательного и общекультурного уровня населения в целом, «широкое распространение просвещения», с одной стороны, и движение к политической автономии, «дарование Сибири самого широкого самоуправления» – с другой. Он же определил и ключевые инструменты достижения поставленной цели. «Для концентрирования творчества умственных сил сибирского общества, – писал он по этому поводу, могут служить два учреждения: университет и орган для законодательной работы (областная дума). На долю последнего выпадает практическое решение намеченных жизнью сибирских вопросов; автономная сибирская дума должна создать материальное благоденствие Сибири, а университет – ее духовную жизнь. Эти два учреждения должны стремиться к завершению культурной независимости Сибири от метрополии; они должны сделаться целью и любимыми детищами сибирского общества, которое должно все силы употребить, чтобы довести их до возможно высшей степени процветания и могущества» [24. С. 281].

В период Революции и Гражданской войны Г.Н. Потанин продолжал развивать свои идеи о подготовке местной интеллигенции, стараясь применить их к новым условиям. Сибири в этом отношении предстояла, по его мнению, большая культурная и организационная работа. В развернутой статье, посвященной народному образованию, опубликованной в марте 1919 г., он отмечал: «…в настоящее время всеобщим убеждением становится мысль, что необходимо нашу школу сделать национальною, то есть в школьный курс ввести ознакомление учащихся со своей родиной, с условиями, в которых русскому человеку приходится жить, и с нашими национальными надеждами в будущем». Откликаясь на интервью Г.К. Гинса, говорившего о сто-

явших перед министерством просвещения задачах, Потанин озвучивал свое видение системы образования в Сибири, в котором вновь значительное внимание уделялось университету. «Университет должен стать центром духовной жизни учебного района; от него должны исходить по радиусам во все стороны руководящие указания… Религиозная жизнь края, художественное творчество, искусство, эстетическое образование, низшая и средняя школа, – все это должно составить предмет его забот» [40].

Своеобразным преодолением наследия прошлого должно было стать сохранение памяти о выдающихся общественных деятелях, героях, связанных с революционным движением. Г.Н. Потанин посвятил отдельную статью вопросу актуализации памяти «борцов за свободу». Первыми в его списке стали декабристы, среди которых особо был отмечен сибиряк Г.С. Батеньков. За ним следовали «…петрашевцы, польские повстанцы, социалисты революционеры, социал-демократы и целая вереница других политических партий и течений свободной политической жизни». Помимо них Потанин упоминал деятелей, чьи могилы забыты и утрачены – Доржи Банзарова, Георга Стеллера, призывая: «…с новой эрой русской жизни такое равнодушие к политическим могилам должно прекратиться» [41].

Подведем итоги. *Во-первых*, Г.Н. Потанину на протяжении достаточно длительного времени удавалось определять, обосновывать и проговаривать ключевые «сибирские» вопросы – ссылка, интеллигенция, просвещение, областная дума и т.д., вводить их в поле публичного обсуждения, фокусировать и удерживать внимание общественности. Непрерывно дискутируя, включаясь в полемику по тем или иным злободневным вопросам, он актуализировал заданную им повестку в разных контекстах – как в сугубо научном и культурно-просветительском, так и позднее в политическом. Сформированный им образ Сибири как особого социокультурного пространства прочно вошел в дискурсы региональной публицистики еще до революции, а после нее вступил в борьбу за культурную гегемонию с альтернативными репрезентациями региона, представленными в конкурентных политических нарративах.

Во-вторых, не используя по понятным причинам самого понятия, Г.Н. Потанин сразу в нескольких аспектах обращается к феномену «трансграничности». Сибирь выступает в его публицистике как вполне узнаваемое и осязаемое, *географически локализованное* трансграничье, в пределах которого, особенно в приграничной полосе, происходил экономический и культурный трансфер, взаимный обмен товарами и услугами, материальными, интеллектуальными и культурными ресурсами, способствовавший как ее собственному развитию, так и устойчивости взаимоотношений с соседними территориями. Представленная в публицистике Г.Н. Потанина этнокультурная и этносоциальная панорама региона включает в себя множество воображаемых текучих трансграничных социокультурных состояний, возникавших на пересечении коренного («инородческого») и пришлого населения, «русских сибиряков» и более поздних переселенцев из России, разных этнических групп переселенцев, города и деревни, и подвижных трансграничных пространств (на линиях соприкосновения локальных сообществ, в районах примыкающих к Транссибу), население которых уже не живет в условиях границы, но в своих практиках и дискурсах воспроизводят модели социального и культурного взаимодействия реального трансграничья.

В-третьих, если организационная слабость и отсутствие прочной социальной базы определили периферийность областничества как идеологии сибирского регионализма, так и общественно-политического движения, то высказанные Г.Н. Потаниным идеи оказались привлекательными и востребованными с точки зрения противостояния гегемонии имперского дискурса, как точка притяжения оппозиционных сил в горизонте любой центро-периферийной модели управления. В то же время отказ от регионального сепаратизма мирил метрополию с областничеством и выстраивавшимися на его основе историческими нарративами и региональными идентичностями. В советские времена областнические идеи также не были ни преодолены, ни окончательно вытеснены. В этом сказалась противоречивость советского прочтения самого областничества, внесшего свой вклад в борьбу с имперской метрополией, но и ставшего идеологической основой для части антибольшевистского движения. Также неоднозначно оценивались деятельность и публицистическое наследие Г.Н. Потанин. В условиях постсоветской политической и административно-территориальной трансформации российской государственности областнические идеи вновь становятся актуальными в связи с поисками локальными сообществами Сибири своей региональной идентичности.

Список источников

1. Автономия Сибири // Утро России (Москва). 1917. 8 дек.
2. Сибирская республика // Петроградский голос. 1917. 17 (30) дек.
3. Положение о временных органах управления Сибири, утвержденные съездом 15 декабря с.г. // Сибирская жизнь. 1917. 17 дек.
4. Чрезвычайный общесибирский съезд. Заседание 14 декабря // Сибирская жизнь. 1917. 17 дек.
5. Временный сибирский областной совет // Сибирская жизнь. 1917. 16 дек.
6. Чрезвычайный общесибирский съезд. Заседание 15 декабря // Сибирская жизнь. 1917. 20 дек.
7. Сибирская власть // Сибирская жизнь. 1917. 31 дек.
8. Чрезвычайный общесибирский съезд. Заседание 12 декабря // Сибирская жизнь. 1917. 15 дек.
9. Собрание Красн[оярского] отдела сибирских областников // Свободная Сибирь. 1918. 11 янв.
10. Обращение к советам // Известия Временного Сибирского областного совета. 1918. № 1.
11. Протокол заседания Временного Сибирского областного совета. 1-го января 1918 г. // Известия Временного Сибирского областного совета. 1918. № 1.
12. Потанин Г.Н. По поводу моего отказа от председательствования в Сибирском областном совете // Сибирская жизнь. 1918. 12 янв.
13. Крутовский В.М. Областное обозрение // Сибирские записки. 1917. № 3. С. 141–152.

14. Селиверстов С.В. Г.Н. Потанин: сибирское областничество между западничеством и евразийством (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300-1. С. 107–115.
15. Головинов А.В. Понятие «провинция» в философско-правовом учении сибирских областников: анализ категориального аппарата политико-правовой мысли Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина // Юрислингвистика. 2022. № 23 (34). С. 18–22.
16. Головинов А.В. Г.Н. Потанин как политический мыслитель: опыт политико-текстологического анализа публицистики 1870–1880-х гг. // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 4. URL: https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1315/1207
17. Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке»: Г.Н. Потанин : биографический очерк. Новосибирск : Сова, 2004. 244 с.
18. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск : Сова, 2008. 270 с.
19. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Потанин, последний энциклопедист Сибири : опыт осмысления личности. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. 208 с.
20. Шишкин В.И. Сибирское областничество в контексте революционных событий марта–октября 1917 года // Acta Slavica Iaponica. 2016. Т. 37. С. 47–71.
21. Ларьков Н.С. «Потанинский кружок» в Сибири в 1917–1919 гг.: от просветительства к хождению во власть // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 172–181.
22. Бакулина С.Д. Идеи областничества в сибирской публицистике конца XX – начала XXI в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 8-2 (58). С. 34–37.
23. Сушко А.В. Исторические идеи и политические практики сибирского сепаратизма // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 192–206.
24. Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб. : Изд. А.Ф. Девриена, 1908. С. 260–294.
25. Речь Г.Н. Потанина // Сибирская жизнь. 1915. 23 сент.
26. Вегман В.Д. Областнические иллюзии, рассеянные революцией (к истории возникновения Сибирской областной думы) // Сибирские огни. 1923. № 3. С. 89–116.
27. Потанин Г.Н. Н.А. Рожков о сибирской автономии // Сибирская жизнь. 1917. 8 авг.
28. Потанин Г.Н. Важнейший местный вопрос в Сибири // Сибирская жизнь. 1917. 24 сент.
29. Потанин Г.Н. Завоевание и колонизация Сибири // Живописная Россия : Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб.; М. : Изд. т-ва М.О. Вольфа, 1884. Т. 11: Западная Сибирь. С. 31–48.
30. Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб. : Изд. А.Ф. Девриена, 1908. С. 234–259.
31. Ремнев А.В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития. 2011. № 3. С. 109–128.
32. Этнологические особенности сибирского населения // Томские губернские ведомости. 1865. № 9. С. 4–5.
33. Ядринцев Н.М. Русская народность на Востоке // Дело. 1875. № 4. С. 167–198.
34. Авесов [Потанин Г.Н.]. Русская народность в Сибири // Камско-Волжская газета. 1873. 12 сент.
35. Потанин Г.Н. Перспективы сибирского крестьянства // Труд и земля (Томск). 1917. 7 сент.
36. Потанин Г.Н. Киргизы после переворота // Сибирская жизнь. 1917. 14 нояб.
37. Потанин Г.Н. Важнейший местный вопрос в Сибири // Сибирская жизнь. 1917. 24 сент.
38. Потанин Г.Н. Дефект сибирской жизни, подлежащий немедленному устранению // Сибирская жизнь. 1918. 19 июня.
39. Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири. Томск : Паров. типо-лит. Сиб. т-ва печ. дела, 1907. 64 с.
40. Потанин Г.Н. Возрождение России и министерство народного просвещения. II. Место университета в системе народного образования // Сибирская жизнь. 1919. 27 марта.
41. Потанин Г.Н. Памяти мучеников за свободу // Сибирская жизнь. 1917. 10 марта.

References

1. *Utro Rossii*. (1917) Avtonomiya Sibiri [Autonomy of Siberia]. 8th December.
2. *Petrogradskiy golos*. (1917) Sibirskaya respublika [Siberian Republic]. 17th (30th) December.
3. *Sibirskaya zhizn'*. (1917a) Polozhenie o vremennykh organakh upravleniya Sibiri, utverzhdennye s"ezdom 15 dekabrya s.g. [Regulations on the temporary governing bodies of Siberia, approved by the congress on December 15 of this year]. 17th December.
4. *Sibirskaya zhizn'*. (1917b) Chrezvychaynyy obshchesibirskiy s"ezd. Zasedanie 14 dekabrya [Extraordinary All-Siberian Congress. Session of December 14]. 17th December.
5. *Sibirskaya zhizn'*. (1917c) Vremennyy sibirskiy oblastnoy sovet [Provisional Siberian Regional Council]. 16th December.
6. *Sibirskaya zhizn'*. (1917d) Chrezvychaynyy obshchesibirskiy s"ezd. Zasedanie 15 dekabrya [Extraordinary All-Siberian Congress. Session of December 15]. 20th December.
7. *Sibirskaya zhizn'*. (1917e) Sibirskaya vlast' [Siberian power]. 31st December.
8. *Sibirskaya zhizn'*. (1917f) Chrezvychaynyy obshchesibirskiy s"ezd. Zasedanie 12 dekabrya [Extraordinary All-Siberian Congress. Session of December 12]. 15th December.
9. *Svobodnaya Sibir'*. (1918) Sobranie Krasn[oyarskogo] otdela sibirskikh oblastnikov [Meeting of the Krasnoyarsk Department of Siberian Regionalists]. 11th January.
10. *Izvestiya Vremennogo Sibirskogo oblastnogo soveta*. (1918a) Obrashchenie k sovetam [Appeal to the Soviets]. № 1.
11. *Izvestiya Vremennogo Sibirskogo oblastnogo soveta*. (1918b) Protokol zasedaniya Vremennogo Sibirskogo oblastnogo soveta. 1-go yanvarya 1918 g. [Minutes of the meeting of the Provisional Siberian Regional Council. January 1, 1918]. № 1.
12. Potanin, G.N. (1918a) Po povodu moego otkaza ot predsedatel'stvovaniya v Sibirskom oblastnom sovete [Regarding my refusal to chair the Siberian Regional Council]. *Sibirskaya zhizn'*. 12th January.
13. Krutovskiy, V.M. (1917) Oblastnoe obozrenie [Regional Review]. *Sibirskie zapiski*. 3. pp. 141–152.
14. Seliverstov, S.V. (2007) G.N. Potanin: sibirskoe oblastnichestvo mezhdu zapadnichestvom i evraziystvom (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [G.N. Potanin: Siberian regionalism between Westernism and Eurasianism (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 300-1. pp. 107–115.
15. Golovinov, A.V. (2022) Ponyatie “provintsiya” v filosofsko-pravovom uchenii sibirskikh oblastnikov: analiz kategorial'nogo apparata politiko-pravovoy mysli N.M. Yadrintseva i G.N. Potanina [The concept of “province” in the philosophical and legal doctrine of Siberian regionalists: An analysis of the categorical apparatus of the political and legal thought of N.M. Yadrintsev and G.N. Potanin]. *Yurislingvistika*. 23(34). pp. 18–22.
16. Golovinov, A.V. (2023) G.N. Potanin kak politicheskiy myslitel': opyt politiko-tekstologicheskogo analiza publitsistiki 1870–1880-kh gg. [G.N. Potanin as a political thinker: an attempt at political and textual analysis of journalism from the 1870s–1880s]. *Rossiyskiy sotsial'no-gumanitarnyy zhurnal*. 4. [Online] Available from: https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1315/1207
17. Shilovskiy, M.V. (2004) *“Polneyshaya samootverzhennaya predannost' nauke”: G.N. Potanin: biograficheskiy ocherk* [“Complete selfless dedication to science”: G.N. Potanin: a biographical essay]. Novosibirsk: Sova.
18. Shilovskiy, M.V. (2008) *Sibirskoe oblastnichestvo v obshchestvenno-politicheskoy zhizni regiona vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX v.* [Siberian regionalism in the socio-political life of the region in the second half of the 19th – first quarter of the 20th century]. Novosibirsk: Sova.

19. Sagalaev, A.M. & Kryukov, V.M. (2004) *Potanin, posledniy entsiklopedist Sibiri: opyt osmysleniya lichnosti* [Potanin, the Last Encyclopedist of Siberia: An Experience of Understanding the Personality]. Tomsk: NTL.
20. Shishkin, V.I. (2016) Sibirskoe oblastnichestvo v kontekste revolyutsionnykh sobytiy marta–oktyabrya 1917 goda [Siberian regionalism in the context of the revolutionary events of March–October 1917]. *Acta Slavica Iaponica*. 37. pp. 47–71.
21. Larkov, N.S. (2020) Potanin's Circle in Siberia in 1917-1919: From Educational Activities to the Power Contest. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 456. pp. 172–181. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/456/20
22. Bakulina, S.D. (2015) Idei oblastnichestva v sibirskoy publitsistike kontsa XX – nachala XXI v. [Oblastnichestvo in Siberian journalism of the late 20th – early 21st centuries]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 8-2(58). pp. 34–37.
23. Sushko, A.V. (2018) Historical ideas and the political practice of Siberian separatism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 426. pp. 192–206. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/426/23
24. Potanin, G.N. (1908a) Nuzhdy Sibiri [The needs of Siberia]. In: Melnik, I.S. (ed.) *Sibir', ee sovremennoe sostoyanie i ee nuzhdy* [Siberia, its current state and its needs]. St. Petersburg: A.F. Devrien. pp. 260–294.
25. Potanin, G.N. (1915) Rech' G.N. Potanina [G.N. Potanin's speech]. *Sibirskaya zhizn'*. 23rd September.
26. Wegman, V.D. (1923) Oblastnicheskie illyuzii, rasseyannye revolyutsiey (k istorii vozniknoveniya Sibirskoy oblastnoy dumy) [Regional Illusions Dispelled by the Revolution (on the History of the Emergence of the Siberian Regional Duma)]. *Sibirskie ogni*. 3. pp. 89–116.
27. Potanin, G.N. (1917a) N.A. Rozhkov o sibirskoy avtonomii [N.A. Rozhkov on Siberian Autonomy]. *Sibirskaya zhizn'*. 8th August.
28. Potanin, G.N. (1917b) Vazhneyshiy mestnyy vopros v Sibiri [The Most Important Local Question in Siberia]. *Sibirskaya zhizn'*. 24th September.
29. Potanin, G.N. (1884) Zavoevanie i kolonizatsiya Sibiri [The Conquest and Colonization of Siberia]. In: Semenov, P.P. (ed.) *Zhivopisnaya Rossiya: Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii* [Picturesque Russia: Our Fatherland in Its Land, Historical, Tribal, Economic, and Everyday Significance]. Vol. 11. St. Petersburg; Moscow: M.O. Volf. pp. 31–48.
30. Potanin, G.N. (1908b) Goroda Sibiri [Cities of Siberia]. In: Melnik, I.S. (ed.) *Sibir', ee sovremennoe sostoyanie i ee nuzhdy* [Siberia, its current state and its needs]. St. Petersburg: A.F. Devrien. pp. 234–259.
31. Remnev, A.V. (2011) Natsional'nost' "sibiryak": regional'naya identichnost' i istoricheskiy konstruktivizm XIX v. [Nationality "Siberian": Regional Identity and Historical Constructivism of the 19th Century]. *Politiya*. 3. pp. 109–128.
32. *Tomskie gubernskie vedomosti*. (1865) Etnologicheskie osobennosti sibirskogo naseleniya [Ethnological Features of the Siberian Population]. № 9. pp. 4–5.
33. Yadrintsev, N.M. (1875) Russkaya narodnost' na Vostoke [Russian Nationality in the East]. *Delo*. 4. pp. 167–198.
34. Avesov [Potanin, G.N.]. (1873) Russkaya narodnost' v Sibiri [Russian nationality in Siberia]. *Kamsko-Volzhskaya gazeta*. 12th September.
35. Potanin, G.N. (1917c) Perspektivy sibirskogo krest'yanstva [Prospects of the Siberian peasantry]. *Trud i zemlya (Tomsk)*. 7th September.
36. Potanin, G.N. (1917d) Kirgizy posle perevorota [The Kirghiz after the coup]. *Sibirskaya zhizn'*. 14th November.
37. Potanin, G.N. (1917e) Vazhneyshiy mestnyy vopros v Sibiri [The most important local question in Siberia]. *Sibirskaya zhizn'*. 24th September.
38. Potanin, G.N. (1918b) Defekt sibirskoy zhizni, podlezhashchiy nemedlennomu ustraneniyu [A defect of Siberian life subject to immediate elimination]. *Sibirskaya zhizn'*. 19th June.
39. Potanin, G.N. (1907) *Oblastnicheskaya tendentsiya v Sibiri* [The Oblastnichestvo tendency in Siberia]. Tomsk: Parov. tipo-lit. Sib. t-va pech. dela.
40. Potanin, G.N. (1919) Vozrozhdenie Rossii i ministerstvo narodnogo prosveshcheniya. II. Mesto universiteta v sisteme narodnogo obrazovaniya [The Revival of Russia and the Ministry of Public Education. II. The Place of the University in the System of Public Education]. *Sibirskaya zhizn'*. 27th March.
41. Potanin, G.N. (1917f) Pamyati muchenikov za svobodu [In Memory of the Martyrs for Freedom]. *Sibirskaya zhizn'*. 10th March.

***Сведения об авторах*:**
Шевелев Дмитрий Николаевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: shev-dn@yandex.ru
Конев Кирилл Александрович – кандидат исторических наук, заведующий отделом рукописей и книжных памятников Научной библиотеки, старший преподаватель кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: konev-k-92@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Shevelev D.N. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History of the Ancient World, the Middle Ages and Methodology of History, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shev-dn@yandex.ru
Konev K.A. – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Manuscripts and Book Monuments of the Scientific Library, Senior Lecturer of the Department of History of the Ancient World, the Middle Ages and Methodology of History, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: konev-k-92@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.08.2024; принята к публикации 12.09.2024

The article was submitted 17.08.2024; accepted for publication 12.09.2024

Научная статья
УДК 94 (470)"1867/1917"
doi: 10.17223/19988613/91/10

Протекторат как форма политики Российской империи в Средней Азии

Вячеслав Вениаминович Шевцов[1], Евгений Николаевич Крупенкин[2]

[1] Томский государственный университет, Томск, Россия
[2] Средняя школа им. Героя Советского Союза П.А. Бабичева, Выкатной, Ханты-Мансийский автономный округ, Россия
[1] totleben@yandex.ru
[2] e.krupenkin@mail.ru

Аннотация. Рассматривается политика имперского правительства в Средней Азии сразу после ее вхождения в состав Российской империи, в основе которой лежали протекторские отношения с Бухарским эмиратом и Хивинским ханством. Последние, потеряв свой суверенитет, вынуждены были подчиняться непосредственно туркестанской администрации, так как российское правительство в связи с отдаленностью края и его стратегическим расположением делегировало большие полномочия туркестанскому генерал-губернатору. На основе различных источников сделана попытка проанализировать и доказать протекторский характер отношений российского правительства относительно новоприобретенных территорий и невыгодность для России их полного включения в состав государства.
Ключевые слова: Российская империя, Средняя Азия, Туркестан, вторая половина XIX в.

Для цитирования: Шевцов В.В., Крупенкин Е.Н. Протекторат как форма политики Российской империи в Средней Азии // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 90–96. doi: 10.17223/19988613/91/10

Original article

The protectorate as a form of policy of the Russian Empire in Central Asia

Vyacheslav V. Shevtsov[1], Evgeny N. Krupenkin[2]

[1] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[2] Secondary School named after Hero of the Soviet Union P.A. Babichev, Vykatoy, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug, Russian Federation
[1] totleben@yandex.ru
[2] e.krupenkin@mail.ru

Abstract. Russian Empire was one of the largest countries among the states of the world at the middle of the XIX century and its territory continued to grow. First of all, this growth was due to acquisitions in Central Asia as a result of military campaigns of the military general M.G. Chernyaev, the Governor-General of Turkestan, K.P. fon Kaufman. The British Empire with its big overseas possessions also had its own interests in Asia.The spreading influence of England in the region pushed Russia to take action in the region by military and diplomats. Russia has chosen a particular form of subordination of small state-owned entities - protectorate.

The purpose of this article is to justify the origins of protectorate as a form of Russian policy in Central Asia with regard to Bukhara Emirate and Khiva Khanate during the second half of XIX century.

To achieve this goal, the following challenges need to be addressed: 1) to consider the policy of the Russian government in Central Asia after its accession; 2) to analyze the authorities of the Governor-General of Turkestan with regard to the Emir of Bukhara and the Khan of Khiva; 3) to explain the persistence of their statehood.

The narrative method and the problematic chronological approach are used in the research.

Protectorate as a form of international relations is of great scientific interest. Eastern Georgia, the Kokand Khanate, Bukhara Emirate, Khiva Khanate were long under the protection of the Russian Empire. The population of the North Caucasus, Volga region, Siberia and Kazakhstan was part of Russia on the basis of shertnikh (shert - vows of loyalty to contractual relations), close to protectorate. In 1867, in the conquered territories in Asia, Russia created the Turkestan Governor-General with the endowment of the Governor-General broad powers in domestic and foreign policy. Henceforth a Governor-General could lead the negotiations with the neighboring countries on behalf of the Emperor and respond to the threats that inevitably arise in the suburbs. The article presents an analysis of correspondence of Kokand government officials with Russian Turkestan. The Russian government was forced to form a Ferghana region in Kokand Khanate due to the ongoing tensions in bilateral relations after the establishment of a protectorate of Russia on the territory of the Khanate. It was a coercive measure, as the khan's power in Kokand was not stable and he was deprived of it more than once, and the urban lower classes, aristocracy and Muslim clergy, in their mass, did not support the forced union of the khan with Russia.

© В.В. Шевцов, Е.Н. Крупенкин, 2024

The documents referring to correspondence of the Governor-General of Turkestan with the Emir of Bukhara and the treaties of Russia with Bukhara and Khiva, kept in the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan, are the source base of the research.
The documents of the diplomatic mission of S.I. Nosovich's expedition from Tashkent to Bukhara, which was supposed to demonstrate support of the Russian government to the Emir of Bukhara, have been analyzed. This gesture showed the Bukhara opposition that Turkestan's political and military forces would support the Khan in case of a rebellion. In addition, Russia's preservation of autonomy for these two states was also beneficial from an economic point of view. All these materials led to the conclusion about the reasons for preservation of statehood of Bukhara Emirate and Khiva Khanate until 1917.
The reasons for the delegation of broad powers by the Emperor to the Governor-General of Turkestan are justified, and conclusions are drawn on the reasons for the abolition of the Kokan Khanate, as well as the necessity of Russian protectorate as a form of policy towards Bukhara emirate and Khiva khanate and their maintenance of statehood until 1917.
Keywords: Russian Empire, Central Asia, Turkestan, second half of XIX century

For citation: Shevtsov, V.V., Krupenkin, E.N. (2024) The protectorate as a form of policy of the Russian Empire in Central Asia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 91. pp. 90–96. doi: 10.17223/19988613/91/10

Среднеазиатские государства – Бухарский эмират, Хивинское и Кокандское ханства, попав в орбиту интересов Британской и Российской империй, с 1868 по 1876 г. полностью оказались в подчинении последней. Этому предшествовал сложный, неоднозначный и различно оцениваемый современными историками процесс присоединения Туркестана к России.

С 1864 г. началась активная фаза российского наступления в Средней Азии. Такие крупные города как Чимкент, Ташкент, Ходжент, Джизак, Самарканд, были взяты российскими войсками. В 1867 г. во главе с К.П. Кауфманом было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, состоявшее из Семиреченской и Сырдарьинской областей [1. С. 100]. Ташкент являлся административным центром генерал-губернаторства. Законодательная база разрабатывалась параллельно присоединению новых земель: в целях организации управления новообразованным краем 11 июля 1867 г. было утверждено «Положение об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями». Кроме того, оставались независимыми и воинственно настроенными к России Бухара, Хива и Коканд. Положение 1867 г. давало генерал-губернатору края большие полномочия «к решению всяких политических, пограничных и торговых дел, к отправлению в сопредельные владения доверенных лиц для ведения переговоров, касающихся взаимоотношений России с этими странами» [2. С. 274]. Данный факт очень важен, поскольку дает понять характер взаимодействий России и среднеазиатских государств, обусловленный субъективным мнением и влиянием на дипломатические отношения К.П. Кауфмана, генерал-губернатора, названного в народе «ярым-падишах» [полу-царь]. Кроме того, интерес представляют взаимоотношения Туркестанской администрации с Бухарой и Хивой, над которыми впоследствии установился российский протекторат.

С Бухарским эмиратом мирные отношения были восстановлены в июне 1868 г. После разгрома бухарской армии Кауфман писал испуганному эмиру, что «русский царь не собирается ликвидировать Бухарский эмират» [3. С. 58]. Генерал-губернатор уже тогда осознавал, что удобнее иметь послушного вассала, чем присоединить эмират, что, в свою очередь, привело бы к дополнительным тратам на создание системы управления, содержание войск и т.п. [3. С. 59]. Кроме того, данное решение принималось в условиях напряженных российско-английских отношений. В 50–60-е гг. XIX столетия английская общественность пристально следила за продвижением российских войск вглубь Азии. В британском правительстве росло напряжение и недовольство российской политикой в этом регионе. В 1864 г. императором Александром II был подписан указ о приостановке военных действий против Коканда, а канцлер А.М. Горчаков 21 ноября того же года сделал официальное заявление о том, что «политика России в Центральной Азии направлена на обеспечение "известного перевеса" над центральноазиатскими ханствами с целью оградить себя от набегов и грабежей». Он приводил в пример Северо-Американские Соединенные Штаты, Францию, Голландию, Англию, добавляя, что российское продвижение обусловлено нестабильностью в самих ханствах и, таким образом, проблематичностью ведения переговоров [4. С. 65].

После таких заявлений в январе 1868 г. Кауфман вынудил кокандского хана Худояра подписать российско-кокандский торговый договор, который фактически давал российским купцам большие преференции в торговле в пределах ханства, в беспошлинном транзите российских товаров в соседние страны (чего безуспешно добивался английский капитал) и открывал рынки ханства для российских товаров. Коканд был поставлен в положение вассала, но еще не лишался внутренней автономии. Между тем в 1869 г. Горчаков вновь был вынужден дать разъяснения своему британскому коллеге Д. Кларендону об отсутствии угрозы со стороны России интересам Великобритании в Азии и о том, что Россия не намерена лишать Бухарский эмират и Хивинское ханство государственности [4. С. 65].

Анализ архивных документов, касающихся дипломатических контактов российской администрации Туркестана с Кокандским правительством [5], позволяет выявить ряд важных аспектов. Вся корреспонденция из канцелярии Туркестанского генерал-губернатора в Кокандское правительство и обратно сопровождалась всеми атрибутами межгосударственной курьерской службы. Протокольное уважительное обращение высших чиновников друг к другу в письмах соблюдалось, что показывает факт их автономности (внешней) друг перед другом. Были часты обмены подарками, справками о «благополучии и здоровье». Вместе с тем приходилось решать проблемы, неизбежно возникаю-

щие на границах, в торговых делах и фискальной политике. Таким образом, курс на установление зависимого положения Коканда был выстроен.

Тональность писем Худояр-хана и Кауфмана по вопросу о перевороте в Каратегине, горном бекстве по среднему течению р. Вахш, в котором «гулябский бек Сарабек самовольно набрав войска… завладел городом» [5. Л. 5], показывает, что хан завуалировано, как бы предупреждая генерал-губернатора о своих намерениях пойти на отложившееся бекство с войсками, на самом деле ждет санкции на это мероприятие генерал-губернатора. Вскоре Сарабек был разбит, а Каратегин вернулся под власть хана.

Вопрос о том, кому будут платить зякат [налог] киргизы, кочующие в пределах приграничного с ханством Ходжентского уезда (район современного г. Худжанд, Республика Таджикистан) тоже был некоторое время открыт. В рапорте генерал-губернатору начальник уезда писал, что кокандский бек «неоднократно взимал подати» с кочевников-киргизов, которые после организации уезда оказались на российской территории и были учтены как российские подданные, а перекочевки на территорию ханства были связаны лишь с сезонностью. Кокандское правительство без возражений приняло объяснение российской стороны и отказалось от дальнейшего сбора налогов с указанных киргизов [5. Л. 8].

По делу о долгах кокандских купцов перед «потомственным почетным гражданином и купцом 1-й гильдии» М.А. Хлудовым в 1869 г. решение было принято также в пользу последнего. Лишь благодаря вмешательству Кауфмана и взявшего это дело под свой контроль статского советника К.В. Струве долги купцу были возвращены.

Кокандский хан не справился с ролью, которую ему отвели в канцелярии генерал-губернатора, – ролью послушного вассала, который бы управлял ханством, не доставляя лишних хлопот. Описанные выше случаи, когда российской администрации приходилось вмешиваться в решение внутренних проблем ханства, постоянно прибегать к «ручному управлению», были неединичными.

В дальнейшем, когда в 1875 г. в ханстве началось восстание, в котором участвовали «низы», кокандские феодалы и представители мусульманского духовенства, хан Худояр обратился за помощью к генерал-губернатору, одновременно командующему войсками Туркестанского военного округа. Восставшие хотели возвести на престол сына Худояр-хана Насреддина. Кауфман был вынужден снова вмешаться, дабы не выпустить из рук ханство. По его приказу в столицу ханства Коканд были введены войска. Сбежавший в Ташкент и «вцепившийся в подол неверного царя» «отступник-хан» Худояр, лишившись авторитета, потерял свой трон. Договор от 22 сентября 1875 г. подписал новый хан Насреддин. По этому договору земли ханства по правому берегу Сырдарьи переходили к России, кокандский хан признавал себя слугой российского императора, отказывался от самостоятельной внешней политики, открывал свои владения для русских купцов и выплачивал контрибуцию.

Новость о капитуляции хана перед «неверными» вызвала новую волну неповиновения под предводительством религиозных лидеров и нового хана Пулат-хана. К концу января 1876 г. крупные города ханства, охваченные восстанием, были заняты войсками под руководством генерала Скобелева.

Кокандское правительство не оправдало надежд. Ханы не владели ситуацией, английские агенты по-прежнему проникали в пределы ханства. Подданные хана, недовольные коррупцией, облагаемые высокими налогами и подстрекаемые мусульманским духовенством к «священной войне против неверных – газавату», все чаще проявляли недовольство. Ханская администрация становилась лишним и бесполезным звеном в управлении регионом, а сам регион, находясь по соседству с самопровозглашенным и отложившимся от Китая в то время Кашгарским ханством, соседствующим одновременно с британской Индией, грозил стать дестабилизирующим фактором на окраинах империи. 19 февраля 1876 г. Кокандское ханство было упразднено с образованием вместо этого Ферганской области в составе Туркестанского генерал-губернаторства [6. С. 156].

Бухарский эмират, не выдержав напора российских войск, уже в 1868 г. был вынужден был пойти на уступки российскому правительству. В 1868 г. К.П. Кауфман писал царю: «Древнейший и знатнейший город Средней Азии, центр мусульманства – Самарканд, гордый своей исторической славой, без выстрела пал» [1. С. 101]. 23 июня того же года с Бухарой был подписан мирный договор, по которому эмират признавал российский протекторат [7].

В июне 1873 г. завершилось покорение Хивинского ханства тремя отрядами – ташкентским, кавказским и оренбургским. Главнокомандующим объединенными войсками был назначен туркестанский генерал-губернатор. В результате успешного похода российских войск 12 августа того же года при участии Кауфмана был подписан мирный договор с хивинским ханом Мухаммед-Рахимом. И Хивинское ханство, и Бухарский эмират оставались под протекторатом России вплоть до 1917 г.

После потери своей независимости Бухарский эмират и Хивинское ханство были на особом положении у правительства. Весь край, в отличие от центра России, был подчинен военному министерству, а не министерству внутренних дел. Управление Туркестаном сочетало в себе военную администрацию «наверху» и выборную низовую и было названо «военно-народным управлением».

Территории среднеазиатских монархий были существенно урезаны. Из земель, отторгнутых от Бухарского эмирата, был образован Зеравшанский округ. Хивинская территория по правому берегу реки Амударьи была аннексирована и включена сначала в состав Сырдарьинской области, а затем из-за удаленности выделена в самостоятельную административную единицу – Амударьинский военный отдел. Начальнику этого отдела вменялось в обязанность наблюдение за хивинским ханом и жителями ханства, включая «воинственных туркмен» [2. С. 278]. Закаспийская область, образованная в 1881 г. и подчинявшаяся Кавказ-

скому наместничеству, была выведена в 1890 г. из-под его юрисдикции и позднее присоединена к Туркестанскому генерал-губернаторству.

Вопрос о необходимости сохранения формальной независимости Бухарского эмирата и Хивинского ханства требует отдельного рассмотрения. Современникам было непонятно, почему государственность вышеназванных государств была сохранена. Д.Н. Логофет, русский генерал, военный публицист и писатель, долгое время проживший в Средней Азии и занимавший в Туркестане важные административные посты, в своих книгах подробно освещал положение Бухары. «…Вследствие каких непонятных причин, – писал он в 1913 г., – Бухара, большая часть территории которой была завоевана силой русского оружия и обильно полита русской кровью, не была в то время присоединена к русским владениям, а, напротив, усмирив непокорных правителей, не признавших эмира, мы создали из маленькой Бухары значительное государство и, опять-таки, отдали его эмиру в наследственное владение…» [8. С. 24].

Проблема полного присоединения завоеванной Азии была злободневной. В 1910 г. туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов признавал, что в Бухаре необходимы кардинальные изменения: следует создать населению «более сносные условия материального существования, личную и имущественную безопасность, устранить произвол и вымогательства чиновников…» [2. С. 282]. В заключение он отмечал, что растущее недовольство народа может вылиться в мятеж.

Предложение назначенного в 1882 г. туркестанским генерал-губернатором М.Г. Черняева о ликвидации Бухарского эмирата и Хивинского ханства обсуждалось на Особом совещании по среднеазиатским делам 24 июня 1882 г. Черняев объяснял это тем, что, во-первых, между Ташкентом и Закаспийским краем образовалась «неудобная граница», прерываемая независимыми Бухарой и Хивой. Во-вторых, он отмечал опасность смены власти в Бухарском эмирате: в случае смерти эмира к власти может прийти «приверженец Англии» его сын Абдумалик. В-третьих, будет присоединен густонаселенный регион, превосходящий экономически «все остальные приобретения… в Средней Азии». Хивинский хан, по мнению генерал-губернатора, ощущая себя не более чем «уездным начальником», не оправдывал расходов на свое содержание. Черняев предлагал поселить его «на приличном иждивении» в Казани или Калуге [2. С. 283–284]. Но правительство признало необходимым сохранить полунезависимый статус данных государств ввиду экономии, так как российская казна была избавлена от трат на эти территории, а вся нагрузка по поддержанию их существования ложилась на самих вассалов.

В условиях мирного договора с Бухарой среди прочего был зафиксирован раздел бассейна р. Заравшан, часть которого перешла в состав образованного в июне 1868 г. Заравшанского округа. Учитывая значение орошаемого земледелия в экономике и жизни населения, стоит подчеркнуть, что на территории этого края водами Зарафшана орошалось 6 532 кв. км, из них во владениях эмирата – 3 750 кв. км. Таким образом, чтобы пользоваться водами этой реки, Бухара должна была платить золотом казне генерал-губернаторства [9. С. 176]. Как пишет узбекский историк Ф. Исхаков, «население не могло платить назначенную за оросительную воду» цену, и «эмират был обречен на очень трудное существование» [9. С. 177]. Пчеловод-практик начала XX в. Ф.Ф. Поспелов указывал, что, когда в 1870 г. случилась засуха, родители ради спасения детей были вынуждены продавать одного-двух из них за чашку муки [10. С. 479]. Такое отчаянное положение населения толкало его к бунтам, мятежам и восстаниям. Но данная мера позволяла Ташкенту иметь дополнительный рычаг давления на Бухару.

В Ташкенте пристально следили за состоянием дел у соседей. В письме военному министру Д.А. Милютину от 7 февраля 1870 г. Кауфман писал, что бухарский эмир не оплатил «еще 120 тысяч рублей» контрибуции, нарушая условия мирного договора, берет с российских купцов «двойной зякет». В том же письме он отмечал, что эмир еще слаб, а его популярность в народе незначительна [11]. Эти обстоятельства усложняли сбор налогов в эмирате. В апреле 1870 г. Кауфман писал письмо полковнику С.И. Носовичу[1] с указанием отправиться в Бухару «с целью успокоения бухарского народа» [12. Л. 3]. По наблюдениям генерал-губернатора, популярность эмира падала, и все понимали, что он держится на троне только благодаря поддержке России. Эту поддержку было решено продемонстрировать, направив туда русское посольство из Ташкента. Экспедиция была не военная, так как отряд конвойной команды, направляемый вместе, насчитывал 50 человек. Кроме самого полковника Носовича в Бухару направлялись титулярный советник Дитмар, коллежский секретарь Щербинский, коллежский регистратор Бахметьев, генерального штаба штабс-капитан Костенко, сотник Берг, в качестве переводчика поручик Сыртланов, начальник конвойной команды есаул Козлов, Генрих Мозер, который был назван купцом первой гильдии, врач Артемов [12. Л. 3 об., 18]. Всего 60 человек. Цель поездки была дипломатической, она должна была показать подданным эмира поддержку туркестанских властей Сейид-Музаффару.

О реакции населения на прибывшее посольство в письмах Носовича Кауфману говорилось очень мало. Начальник экспедиции отправил всего пять писем с кратким изложением дел. В них была сделана попытка общего анализа состояния дел в эмирате. Обращает внимание сделанный акцент на международную политику в этом регионе. В 1870 г., через два года после подписания мирного договора, по которому эмират не имел права вести самостоятельную внешнюю политику, во время пребывания русского посольства в «гостях» у эмира Носовичем было обнаружено посольство из Кабула. Носович отмечал, что случился конфуз, связанный с приемом двух посольств: «…кабульское посольство, которое обиделось оказанному нам блистательному приему и вследствие этого хотело тотчас же уехать… было приостановлено личными настояниями эмира» [12. Л. 64]. О цели приезда послов из Афганистана начальник миссии не писал, но предполагал, что интересы Кабула, поддерживаемого англичанами,

могли идти вразрез интересам Петербурга в этом регионе. Судя по поведению Носовича во время визита в Бухару и отношениям, которые складывались с правительством эмирата, российское влияние в этом регионе и через два года после мирного договора было неустойчивым. Соблюдая дипломатический этикет, руководитель посольства вел себя более чем вежливо. Так, ему не позволяли выехать в город «для осмотра достопримечательностей», не давали видеть наследников эмира и вручить им подарки от генерал-губернатора и дали такую возможность лишь накануне отъезда из Бухары; в течение своего пребывания в столице эмирата он не мог просить эмира «о возвращении русских солдат и других людей, задержанных в Бухаре по разным случаям, а также во время войны». Просил он об этом эмира, только выехав за пределы эмирата и будучи уже на территории Туркестанского генерал-губернаторства. Объяснял он это тем, что если бы такая просьба была сделана в Бухаре, то эмир мог бы заподозрить его в «тайных сношениях с русскими», находящимися в Бухаре [12. Л. 87, 87 об.]. Все это подтверждает вывод о том, что Россия не желала накалять обстановку в регионе и действовала осторожно, соотнося свои действия с общеевропейской политикой, не желая обострять отношения с Англией. 18 июня посольство покинуло Бухару и двинулось назад в Туркестанское генерал-губернаторство.

Таким образом, миссия была успешной. Военный историк, современник событий, участник похода на Хиву 1873 г. М.А. Терентьев писал, что посольство Носовича подтвердило поддержку России бухарскому эмиру Сейид-Музаффару. Понимая менталитет «азиатцев», Терентьев добавлял, что они уважают силу и чтут только свои собственные договоры. Договоры, заключенные предками, могли потерять силу сразу же после их смерти, поэтому российским властям было выгодно сохранить у власти того, кто сам подписал условия мирного договора 1868 г., а не наследников [13].

Полковник выполнил свою миссию, не нарушая сложившегося равновесия, укрепил доверие бухарского эмира к туркестанскому генерал-губернатору и России в целом. В рапорте он указывал, что «по последним сведениям… эмир твердо решил держаться союза с Россией», понимая, что самостоятельная внешняя политика с соседними странами «ускорит окончательное распадение» эмирата [12. Л. 95]. Также, указывая в письмах к куш-беги [главному министру] на «недоразумения» в завышении таможенных пошлин для русских купцов, уладил и этот вопрос. По возвращении из экспедиции полковник ходатайствовал перед генерал-губернатором о награждении своих спутников за выполненную работу [12. Л. 88]. В течение всего пребывания в экспедиции Носович вел «подневный журнал… для составления более полного представления о положении ханства».

Экспедиция Носовича лишний раз подтвердила курс российского правительства на протекторский характер российско-бухарских отношений.

28 сентября 1873 г. туркестанским генерал-губернатором К.П. Кауфманом и бухарским эмиром Сейид-Музаффаром был подписан Шаарский договор. Кроме статей, регулирующих торговые дела между бухарскими и российскими купцами, в нем были статьи (ст.ст. 15, 16), которые определяли права сторон иметь в Ташкенте и Бухаре своих доверенных лиц [14. С. 138]. Но бухарская сторона не воспользовалась этим правом. В письме начальника Зеравшанского округа (с 1 января 1887 г. – Самаркандская область) генерала Иванова генерал-губернатору Кауфману от 31 августа 1877 г. говорилось о желательности иметь в столице округа городе Самарканде постоянного бухарского агента. 7 сентября того же года Кауфманом было получено письмо от чиновника по дипломатической части при туркестанском генерал-губернаторе статского советника Вейнберга, в котором последний выражал несогласие с планами Иванова. Советник, во-первых, утверждал, что эмир по-прежнему предан генерал-губернатору, во-вторых, отсутствие бухарского представителя в Туркестане связано, по мнению Вейнберга, с «врожденной бухарцам нерадивостью и ленью» [15. Л. 4 об.]. В-третьих, по мнению Вейнберга, нахождение бухарского политического агента не в столице генерал-губернаторства, а во второстепенном городе, каковым являлся Самарканд, могло бы «обидеть» эмира, так как кокандский Худояр-хан в течение семи лет пользовался правом иметь своего агента в самом Ташкенте. В-четвертых, статский советник замечал, что нахождение бухарского политического агентства в Самарканде позволит начальнику Зеравшанского округа генералу Иванову «…практиковать и в отношении к Бухаре ту же привычную ему систему, что может повести к разного рода недоразумениям и неприятностям» [15. Л. 5 об.]. В-пятых, Вейнберг утверждал, что главное неудобство самаркандского агентства – это «раздвоение в глазах бухарцев власти в Туркестане», иными словами, могло создаться впечатление о двоевластии в крае, а это, на наш взгляд, в будущем могло вылиться в неподчинение эмирата туркестанским властям.

Шаарский договор 1873 г. дополнил прежний, заключенный между эмиром и генерал-губернатором 23 июня 1868 г. Согласно договору 1868 г., среди прочего бухарский эмир обязывался выплачивать контрибуцию в размере 500 тысю рублей [16. С. 65]. Вопрос о контрибуции был включен и в текст Гендемианского мирного договора с Хивой от 12 августа 1873 г. Размер контрибуции составлял 2 200 000 руб. График выплат был рассчитан на 20 лет, до 1893 г. [14. С. 133]. Так как военные действия несли для российской стороны большие расходы, ежегодная контрибуция с поверженных должна была восполнить эту брешь в бюджете. При полном присоединении указанных государств к России налогами собрать эти деньги было бы невозможно, не настроив против себя местное население. Таких проблем удалось избежать, возложив фискальную работу на самих местных правителей.

Кроме того, при полном вхождении регионов в состав империи российское правительство возлагало бы на себя ответственность по полному созданию и устройству всей системы государственного управления, а также несло бы ответственность за социально-экономическую политику в Бухаре и Хиве, что требовало немалых затрат.

Необходимо отметить, что полунезависимые ханства могли сыграть роль защитного пояса от влияния Англии из своих колоний в Индии и подчиненного ей Афганистана, а границы России и Англии были отдалены и не соприкасались. Английская пресса, пугавшая читателей российской угрозой в Индии, в свою очередь, должна была успокоиться тем фактом, что Россия в своем продвижении остановилась на указанных государствах, сохранив им автономию.

Независимость региона (хотя и частичная) сыграла на руку и экономическим интересам России. «Мастерская мира» Англия уже не могла свободно ввозить в Среднюю Азию свои товары, хивинский хан и бухарский эмир были лишены права вести внешнюю политику, не могли подписывать торговые договоры, и, как следствие, гарантировать сохранение не только прав английских агентов и купцов, но и их жизней. Таким образом, Средняя Азия становилась «собственным» рынком сбыта для российской промышленной продукции, где не было конкурентов. Такие привилегии были только у российских торговых людей и промышленников, которые сохраняли их вплоть до крушения империи.

Примечание

[1] Носович Сергей Иванович (1831–1897), генерал-майор, начальник Джизакского уезда Сырдарьинской области в 1867–1871 гг., возглавлял посольство в Бухару в 1870 г., чиновник особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе в 1876–1881 гг., военный губернатор г. Иркутска и иркутский гражданский губернатор в 1882–1886 г.

Список источников

1. История народов Узбекистана : в 2 т. / гл. ред. Аскаров А. Ташкент : Фан, 1993. Т. 2. 216 с.
2. Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М. : Центрполиграф, 2010. 575 с.
3. Глущенко Е.А. Портреты российских колониальных деятелей. М. : XXI век–Согласие, 2001. 464 с.
4. Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.
5. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГАРУз). Ф. И-1, Оп. 34, Д. 44: Сношения с Кокандским ханством.
6. Федоров А.В. История России 1861–1917 гг. : учебник для СПО. 4-е изд. М. : Юрайт, 2016. 373 с.
7. ЦГАРУз. Ф. И-3. Оп. 2. Д. 1: Договор, заключенный между Россией и Бухарой. Мирные условия с Хивой.
8. Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары : очерки Средней Азии. СПб. : В. Березовский, 1913. XIV, [2], 619 с.
9. Исхаков Ф. Центральная Азия и Россия в XVIII – начале XX вв. Ташкент : Ozdavmatbuotliti, 2009. 292 с.
10. Туркестанское сельское хозяйство. 1912. № 16.
11. «Войска наши такая прелесть, что нельзя представить ничего лучшего». Первый туркестанский генерал-губернатор: 12 лет переписки // DrevLit.Ru : библиотека древних рукописей. URL: http://drevlit.ru/docs/central_asia/XIX/1860-1880/Kaufman/briefe_miljutin_1.php (дата обращения: 26.03.2016).
12. ЦГАРУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 76: Об отправлении в Бухару русского посольства под начальством полковника Носовича. Ежедневный журнал Носовича о пребывании его в Бухаре, рапорта и переписка о положении дел в Бухаре.
13. Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб. : Тип. Меркульева, 1875. 354 с.
14. Сборник договоров России с другими государствами, 1856–1917. М. : Госполитиздат, 1952. 463 с.
15. ЦГАРУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 205: Письмо начальника Зеравшанского округа и дипломатического чиновника по вопросу об учреждении Бухарского агентства в Самарканде.
16. Соколов А.Я. Торговая политика России в Средней Азии и развитие русско-афганских торговых отношений. Ташкент : Фан, 1971. 232 с.

References

1. Askarov, A. (1993) *Istoriya narodov Uzbekistana* [History of the Peoples of Uzbekistan]. Vol. 2. Tashkent: Fan.
2. Glushchenko, E.A. (2010) *Rossiya v Sredney Azii. Zavoevaniya i preobrazovaniya* [Russia in Central Asia. Conquests and Transformations]. Moscow: Tsentrpoligraf.
3. Glushchenko, E.A. (2001) *Portrety rossiyskikh kolonial'nykh deyateley* [Portraits of Russian Colonial Figures]. Moscow: XXI vek–Soglasie.
4. Abashin, S.N., Arapov, D.Yu. & Bekmakhanova, N.E. (eds) (2008) *Tsentral'naya Aziya v sostave Rossiyskoy imperii* [Central Asia as Part of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
5. The Central State Archives of the Republic of Uzbekistan (TsGARUz). Fund I-1. List 34. File 44.
6. Fedorov, A.V. (2016) *Istoriya Rossii 1861–1917 gg.* [History of Russia 1861–1917]. 4th ed. Moscow: Yurayt.
7. The Central State Archives of the Republic of Uzbekistan (TsGARUz). Fund I-3. List 2. File 1.
8. Logofet, D.N. (1913) *V gorakh i na ravninakh Bukhary: ocherki Sredney Azii* [In the mountains and on the plains of Bukhara: Essays on Central Asia]. St. Petersburg: V. Berezovskiy.
9. Iskhakov, F. (2009) *Tsentral'naya Aziya i Rossiya v XVIII – nachale XX vv.* [Central Asia and Russia in the 18th – early 20th centuries]. Tashkent: Ozdavmatbuotliti.
10. *Turkestanskoe sel'skoe khozyaystvo*. (1912) 16.
11. DrevLit.Ru. (n.d.) *"Voyska nashi takaya prelest', chto nel'zya predstavit' nichego luchshego". Pervyy turkestanskiy general-gubernator: 12 let perepiski* ["Our troops are so wonderful that nothing better can be imagined." The first Turkestan governor-general: 12 years of correspondence]. [Online] Available from: http://drevlit.ru/docs/central_asia/XIX/1860-1880/Kaufman/briefe_miljutin_1.php (Accessed: 26th March 2016).
12. The Central State Archives of the Republic of Uzbekistan (TsGARUz). *Ob otpravlenii v Bukharu russkogo posol'stva pod nachal'stvom polkovnika Nosovicha. Ezhednevnyy zhurnal Nosovicha o prebyvanii ego v Bukhare, raporta i perepiska o polozhenii del v Bukhare* [On the dispatch of the Russian embassy to Bukhara under the command of Colonel Nosovich. Nosovich's daily journal on his stay in Bukhara, reports and correspondence on the state of affairs in Bukhara]. Fund I-1. List 34. File 76.
13. Terentiev, M.A. (1875) *Rossiya i Angliya v Sredney Azii* [Russia and England in Central Asia]. St. Petersburg: Tip. Merkulieva.
14. Russia. (1952) *Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami, 1856–1917* [Collection of treaties of Russia with other states, 1856–1917]. Moscow: Gospolitizdat.
15. The Central State Archives of the Republic of Uzbekistan (TsGARUz). *Pis'mo nachal'nika Zeravshanskogo okruga i diplomaticheskogo chinovnika po voprosu ob uchrezhdenii Bukharskogo agentstva v Samarkande* [Letter of the head of the Zeravshan district and a diplomatic official on establishing the Bukhara agency in Samarkand]. Fund I-1. List 29. File 205.

16. Sokolov, A.Ya. (1971) *Torgovaya politika Rossii v Sredney Azii i razvitie russko-afganskikh torgovykh otnosheniy* [Russia's trade policy in Central Asia and the development of Russian-Afghan trade relations]. Tashkent: Fan.

***Сведения об авторах*:**
Шевцов Вячеслав Вениаминович – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: totleben@yandex.ru
Крупенкин Евгений Николаевич – кандидат исторических наук, учитель средней школы имени Героя Советского Союза П.А. Бабичева (Выкатной, Ханты-Мансийский автономный округ, Россия). E-mail: e.krupenkin@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Shevtsov Vyacheslav V. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: totleben@yandex.ru

Krupenkin Yevgeny N. – Candidate of Historical Sciences, Teacher of the Secondary School named after Hero of the Soviet Union P.A. Babichev (Vykatoy, Khanty-Mansi Autonomous Okrug, Russian Federation). E-mail: e.krupenkin@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.06.2024; принята к публикации 12.09.2024

The article was submitted 26.06.2024; accepted for publication 12.09.2024

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Original article
UDC 94
doi: 10.17223/19988613/91/11

The new Indo-Pacific order: relations between China, India, and the United States the 21st century

Luo Yanchao[1], Xu Jun[2]

[1, 2] Tomsk State University. Tomsk, Russian Federation
[1, 2] Cangzhou Normal University, Cangzhou
[1] 1121080390@qq.com
[2] xujun@mail.ru

Abstract. The article discusses the concept of the Indo-Pacific region, the reaction of world leaders to it, the geopolitical interests of these countries in the Indian Ocean, the goals of their policies, the specifics of the strategy for their achievement and interaction. These issues are explored through comparative, comparative-historical and systemic analysis, as well as a geopolitical approach to the study of global problems. Various forms of cooperation are being formed in the region, which have either a pronounced anti-Chinese or forced pro-Chinese character, which leads to an increase in tension between the countries.
Keywords: India, USA, China, Indo-Pacific Region, Belt and Road Initiative

For citation: Luo Yanchao, Xu Jun (2024) The new Indo-Pacific order: relations between China, India, and the United States the 21st century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 91. pp. 97–102. doi: 10.17223/19988613/91/11

Научная статья

Новый индо-тихоокеанский порядок: отношения между Китаем, Индией и Соединенными Штатами Америки в XXI в.

Ло Яньчао[1], Сюй Цзюнь[2]

[1, 2] Томский государственный университет, Томск, Россия
[1, 2] Цанчжоуский педагогический университет, Цанджоу, Китай
[1] 1121080390@qq.com
[2] xujun@mail.ru

Аннотация. Индо-Тихоокеанский регион приобретает все большее значение в мировой политике, поскольку конфликт интересов ведущих держав смещается в регион Индийского океана.

Для анализа текущей ситуации были использованы труды таких российских исследователей международных отношений, как О. Леонова, Л. Андронова, Н. Хохлов, Д. Кузнецов, А. Лукин и М. Сучков, публикации которых помогли выявить степень взаимосвязанности Индии, Китая и США в регионе. Работы Роберта Д. Каплана показывают, насколько важным для американской власти стал Индо-Тихоокеанский регион. Труды Чжао Хуашэна помогают понять позицию Китая в регионе в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

Концепция Индо-Тихоокеанского региона повышает значимость роли Индии в Индийском океане, формируя ее имидж как мировой державы. И именно китайский фактор способствовал резкому улучшению отношений между Индией и Соединенными Штатами в XXI в.

В отличие от «инклюзивного» подхода Индии, обращения Японии к «глобальным социальным ценностям» или заботы Австралии об экономических перспективах и общей безопасности, американская версия Индо-Тихоокеанского региона носит подчеркнуто конфронтационный характер. Индийское же видение Индо-Тихоокеанского региона свободно от антикитайской направленности. Такая гибкая позиция, безусловно, позволяет Индии развивать сотрудничество с самыми разными странами.

Очевидно, что китайская версия Индо-Тихоокеанского региона – это Морской шелковый путь XXI в, который проходит через западную часть Тихого океана, Азию и Индийский океан. Китай с конца 2000-х гг. начал налаживать контакты со странами Индийского океана, Северной и Восточной Африки, Ближнего Востока. Здесь

© Luo Yanchao, Xu Jun, 2024

преследуются не только геополитические цели, но и геоэкономические, расширяющие возможности выхода китайских товаров на зарубежные рынки.
Чтобы укрепить свое влияние в Индийском океане, Китай строит сеть морских портов в прибрежных океанических странах: Мьянме, Пакистане, Бангладеш и Шри-Ланке.
Хотя концепция Индо-Тихоокеанского региона уже несколько лет является едва ли не ключевой в глобальном стратегическом дискурсе, ее содержание остается расплывчатым и противоречивым. Однако очевидно, что эта зона является стратегической системой, поскольку здесь пересекаются интересы ключевых держав, таких как Китай, Индия и Соединенные Штаты, при этом индо-тихоокеанские субрегионы также сохраняют свою собственную динамику. В этом регионе, несмотря на сложность форм сотрудничества, четко видны цели каждого из мировых лидеров.
Ключевые слова: Индия, США, Китай, Индо-Тихоокеанский регион, инициатива «Пояс и путь»

Для цитирования: Ло Яньчао, Сюй Цзюнь. Новый индо-тихоокеанский порядок: отношения между Китаем, Индией и Соединенными Штатами Америки в XXI в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 97–102. doi: 10.17223/19988613/91/11

1. Introduction

The situation that has developed in US-Chinese relations by 2023 will lead to confrontation in many areas, but primarily in Asia. Beijing is trying to lead the region, which includes most of the Asian countries. It seeks to create a kind of security sphere around its borders, while the United States sees these attempts as an attack on its global interests. This creates a particularly fierce competition for influence in China's immediate periphery for countries and territories that border it [1]. In this context, it is also important to note another global player – India. The interests of these global actors are fundamentally opposed to each other [2].

The term “Indo-Pacific” has recently entered the official political discourse, it means the waters of the Indian and Western Pacific Oceans and includes all countries on their coasts [3]. It encapsulates the nations bordering these waters and has emerged as a focal point of major power rivalries shifts towards the Indian ocean region. The Indo-Pacific region is home to over half of the global population, including more than 50% of the world's young population. This demographic reality underscores the immense human capital and economic potential residing within the region. Moreover, the strategic convergence of major sea lanes, including the Indian Ocean, the South China Sea, and the East China Sea, renders the region a critical artery for global trade and energy security.

2. Materials and Methods

The author uses the methods of context-historical analysis of international processes, comparative analysis, geopolitical approach to the study of global problems and the civilizational. To fully understand the dynamics of the Indo-Pacific region, it is essential to employ a comparative analysis approach. This method highlights the varying goals, interests, and positions of different countries, we can uncover the complexities of the new geopolitical order creating. The structural-functional approach allows us to dissect the roles and objectives of various stakeholders within the region. Through a systematic approach, we can identify the evolving trends in the formation of this new geopolitical situation, where interconnected elements form a complex and evolving system. The comprehensive analysis of academic works from scholars in America, Russia, China, and India provides diverse perspectives on the interrelationships among key regional actors.

To analyze the current situation, modern works of such Russian researchers of international relations as A. Lukin [1], L. Andronova [4], N. Khokhlova [5], D. Kuznetsov [6], O. Leonova [7, 8] and M. Suchkov [9] were used. Their scientific work helped to reveal the degree of interconnectedness of India, China and the United States in the region, as well as to analyze the formed forms of cooperation. Robert D. Kaplan's seminal work, “Monsoon: The Indian Ocean and the Future of American Power”, highlights the growing importance of the region for American interests [10]. Official statements from the White House and the leaders of India, and Japan have further articulated the differing interpretations of the Indo-Pacific concept. While competition and strategic rivalry exist among regional actors, there is also a growing recognition of the need for cooperation. Chinese professor Zhao Huasheng provides insights into China's position in the region within the framework of the Belt and Road Initiative [11]. Miglani Sanjeev offers a perspective on the current situation and India's relationship with China [12].

3. The Indo-Pacific concept development

The concept of the Indo-Pacific finds its roots in ancient maritime trade routes that connected the Indian and Pacific Oceans. Japanese Prime Minister Shinzo Abe reintroduced this concept in his speech to the Indian Parliament in August 2007, envisioning a region that encompassed both oceans and the interconnecting straits and seas [13]. This new concept replaced the Asia-Pacific (APAC) and expanded the number of countries and territories included. By 2022, the USA officially recognized Australia, Brunei, India, Indonesia, Japan, Republic of Korea, Malaysia, New Zealand, the Philippines, Singapore, Thailand, and Vietnam as part of the region, recognizing their strategic and economic importance [14, 15].

The Asia-Pacific (APAC) concept emerged after the Vietnam War and events on the Korean Peninsula, encompassing countries around the Pacific Ocean with island states within it. Until the late 2000s, American presidents commonly used the term Asia-Pacific, acknowledging the region's geostrategic balance with China as a key player [16]. APAC referred to countries along the Pacific coastline, including those in Latin America, but there is no consensus on the essential characteristics of the Indo-Pacific concept among member states. To understand how countries that agree and disagree with the concept determine the concept

that defines the new global order, we need to understand the reasons for the concept transforming, the interests of each of the three countries and the relationship between them.

The Indo-Pacific concept has gained significance for various reasons [7]. It is seen as a response by the United States to counter the Belt and Road Initiative, which significantly has shifted the power dynamics in the region. Additionally, the Indian Ocean has emerged as a crucial trade route connecting Asia and Africa. According to O. Leonova, the Asia-Pacific region does not fully capture the developments in the region, particularly the rise of India. The Indo-Pacific concept highlights India's growing importance in the Indian Ocean and portrays it as a global player, especially in maritime affairs.

In the realm of international relations, different states have presented various conceptual frameworks to establish new subsystems. L. Andronova and Wang [4] have identified several options, including the Indo-Pacific region, the New Silk Road (introduced by the USA in 2011 by Hillary Clinton), the Belt and Road Initiative (introduced by China in 2013 by Xi Jinping), and the concept of Greater Eurasian Partnership (proposed by Russia in 2016 by V. Putin).

As previously mentioned, the concept of the Indo-Pacific emerged in public political discussions during the latter part of the 2000s. According to L. Andronova and Wang, some attribute the Indian analyst G. Khurana as one of the creators of this concept [4]. The term was mentioned by the leaders of Indonesia and Singapore in their speeches. In 2006, the administration of US President George W. Bush did not support Shinzo Abe's proposal for a free and open Indo-Pacific as a strategy to counter China's increasing influence [8]. Similarly, the administration of US President Barack Obama, despite the “Rebalance to Asia” initiative announced in 2010-2011, was also opposed to it [17]. Obama's regional strategy “Pivot to Asia” outlined six main focus areas [9]: strengthening security alliances, fostering relations with emerging powers, engaging with regional multilateral organizations, boosting trade and investment, maintaining a robust military presence, and advocating for democracy and human rights. The strategy included engagement with China, indicating that it did not imply drastic changes to the region's definitions.

However, American political analysts have come to recognize the potential of the Indo-Pacific concept at a later time. One illustration of this is Robert Kaplan's 2010 publication “Monsoon: the Indian Ocean and the future of American power” [10]. Within this work, the author argued that the contemporary Indian Ocean region represents a new multi-polar environment, where traditional mechanisms of globalization are ineffective and maritime connectivity holds paramount importance. As the 21st century progressed, US policymakers not only embraced the Indo-Pacific concept, but also elevated it to a focal point of American global strategy.

4. New old American view

By 2012, the US Secretary of Defense L. Panetta asserted that engagement with India offered a critical foundation for extending US influence across the geostrategic expanse from the western Pacific and East Asia to the Indian Ocean and South Asia.

In 2012, the Indo-Pacific concept was first mentioned by Hillary Clinton. It began to feature in policy documents of Japan, Australia, and the USA as well [4]. The United States realized the limitations of the term APAC and decided to expand it to Indo-Asia-Pacific to encompass broader geopolitical and foreign policy goals in Asia [7]. This move allowed the USA to solidify its position as a regional leader and extend its leadership beyond Asia.

During his initial visit to Asian nations in November 2017, Trump introduced the Free and Open Indo-Pacific (FOIP) strategy [18]. With Trump in the White House, the USA expressed its commitment to continuing collaboration with India in shaping the Indo-Pacific region. The Chinese factor played a significant role in enhancing relations between India and the United States in the 21st century [19]. Since 2008, the two countries have signed multiple defense product supply agreements worth over $15 billion, a substantial increase from the previous $500 million in all the years prior [20].

In early 2018, a confidential document outlining strategic policy directives in the Indo-Pacific for the 21st century was prepared by the National Security Council [9]. Despite being scheduled for declassification no earlier than 2043, the document was leaked to the public. Trump's strategy aimed at achieving ambitious objectives such as disarmament of North Korea, containment of China, promoting private investments in the region, and enhancing democratic values. The primary focus of the document was to counteract China's “revisionist” actions.

In 2018, the inaugural U.S.-India 2+2 Ministerial Dialogue took place, resulting in the signing of the Communications Compatibility and Security Agreement (COMCASA) to enhance military interoperability and facilitate the sale of advanced technology [21]. This agreement enables Indian military personnel to access encrypted communication channels and acquire cutting-edge American technology for secure communication systems. Additionally, in June 2018, the U.S. Pacific Command was renamed as the U.S. Indo-Pacific Command [22].

In 2019, the United States enacted a revised version of the National Defense Authorization Act, granting India the status of a strategic partner equal to NATO members [23]. The relationship was further solidified during Trump's administration with the signing of the BECA (Basic Exchange and Cooperation Agreement for GeoSpatial Cooperation), facilitating the exchange of advanced military technologies and geospatial information. This move signifies a strengthened military cooperation, allowing India to elevate its traditional bilateral partnership with the United States to a strategic alliance, as noted by Indian experts [24].

At first glance, it seems that both countries have found a wide range of common interests, but was it really like that? How both sides viewed the Indo-Pacific concept and following the concepts what they really meant? As Yanick points out, unlike India's “inclusive” approach, the Japanese appeal to “global social values“ or the Australian concern for economic prospects and general security, the American version of Indo-Pacific is emphatically confrontational [16].

5. India leader role

In the case of India, confronting this issue implied a shift away from a passive stance in the Indian Ocean and a quest for alliances to safeguard national security. Its prior role in regional matters was deemed insufficient, prompting a reassessment of its position in the area and culminating in the crafting of new "National Security Strategies" in 2018. Embracing the concept of the Indo-Pacific proved more pertinent, positioning the nation at the heart of this emerging geopolitical domain [6]. It was only in 2018 that Indian Prime Minister Narendra Modi, during his address at the Shangri-La Dialogue, officially unveiled his vision for the Indo-Pacific. Modi tied the Indo-Pacific concept to the "Act East" and SAGAR (Security and Growth for All in the Region) initiatives, highlighting the pivotal role of ASEAN in the Indo-Pacific region. Furthermore, Modi underscored that India did not view these efforts as being targeted against any specific nation [25].

Many specialists concur that for Delhi, the Indo-Pacific signifies an accessible, comprehensive, and open zone, fostering discussions among various types of states. The Indian interpretation of the Indo-Pacific steers clear of an anti-Chinese orientation [6]. This adaptable approach enables India to cultivate partnerships with a diverse array of nations, including the United States, Russia, and China [16].

In February 2022, the Biden administration unveiled its own Indo-Pacific strategy [14] that emphasized collaboration with regional allies and outlined a programmatic effort to boost trade and economic ties in the region [2]. The formation of the Indo-Pacific Economic Framework (IPEF) by the United States serves as another shift in the economic landscape, aimed at curbing China's influence in this significant and promising Asian region. The agreement was signed 13 states – the USA, Japan, India, the Republic of Korea, Australia, New Zealand, Vietnam, Indonesia, Malaysia, the Philippines, Thailand, Singapore, Brunei, and even Fiji with a population less than 1 million people. IPEF has become a new trans-regional macroeconomic association, accounting for about 40% of world GDP and 28% of world trade in goods and services [26]. As we can see, China wasn't included in the IPEF agreement again.

The increase contacts between the United States, Japan, Australia and India led to the formation of the so-called Quadrilateral Security Dialogue, which was formalized in 2007-2008, but received a new impetus only in 2017 [4]. And this is not the last new formation initiated during this period by the United States. In mid-September 2021, the creation of the AUKUS was announced. AUKUS is a tripartite defense alliance formed by Australia, the UK and the US. AUCUS is a strategic alliance that is billed as an expanded new triangular security partnership between Australia, the United Kingdom and the United States. Its official goal was to maintain peace, security and stability in the Indo-Pacific region for the long term and to counter the threats of today and tomorrow [8].

Therefore, the core of the current US-China tensions stems from China's rapid rise and how Americans perceive it based on their belief in global leadership as the ultimate form of a nation's existence [1]. Nonetheless, the US remains open to collaborating with all nations, even geopolitical adversaries, for mutual benefit. Sustained economic partnership serves as a barrier against direct confrontation between nations. Discontinuing economic, and subsequently social and cultural, collaborations weakens the interdependence of nations and escalates the likelihood of conflict. Notably, the US has been escalating military support to Taiwan and bolstering official engagements with the island. Speaker of the House Nancy Pelosi's official visit to Taiwan in August 2022 is a clear example of these efforts, which do not align with China's stance on the territory. It is likely that the US administration believes these actions will deter Beijing from resorting to military force for reunification [1].

6. Business of China

While China opted to focus on enhancing economic and investment cooperation through the Belt and Road Initiative, the United States resorted to forming situational blocs, engaging in provocations, and signing and re-signing agreements related to security, military, technical, and economic support. Despite not openly opposing the Indo-Pacific concept, Zhao Huasheng indicated a strong negative stance towards the idea of the Indo-Pacific region [11]. The Chinese leadership remains cold and distrustful towards discussions on the indo-pacific and reacts swiftly to any attempts at introducing a new regional relationship framework [29]. China's interpretation of the indo-pacific region aligns with the 21st century maritime Silk Road, spanning the Western Pacific, Asia, and the Indian Ocean. Since the late 2000s, China has been actively engaging with nations in the Indian Ocean, North and East Africa, and the Middle East, by providing loans and credits for infrastructure development and expanding port facilities. This foreign policy approach serves both geopolitical and geo-economic objectives, as it increases the access of Chinese products to foreign markets.

India has vehemently opposed China's expansion into the Indian Ocean, attempting to maintain its influence in the region. However, the Maldives and Sri Lanka joined the initiative in 2014, granting Chinese ships, including military vessels, access to their ports, leading to a significant backlash from India [12]. To increase its influence in the Indian Ocean, China has been constructing a series of seaports in countries along the coast, such as Myanmar, Pakistan, Bangladesh, and Sri Lanka, known as the "string of pearls" project [7]. These aggressive moves by China have forced the Indian government to reassess its national interests.

Furthermore, the issue of the Straits of Malacca is crucial in the competition between India and China, as it is a vital trade route where the interests of various developed states in the Asia-Pacific region converge. China is actively seeking alternative sea and trade routes to lessen its reliance on the Strait of Malacca, which is heavily controlled by the US Navy [7].

7. Last but not least

The Indo-Pacific region has experienced a surge in cooperative initiatives in recent years, reflecting the growing recognition of interdependence and the need for collaboration

to address shared challenges. One of the most significant developments in this regard is the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP). Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP), which entered into force in 2022, is a free trade agreement involving 15 countries: China, Japan, South Korea, ASEAN (Brunei Darussalam, Cambodia, Indonesia, Laos, Malaysia, Myanmar, the Philippines, Singapore, Thailand, and Vietnam), Australia, and New Zealand. It covers approximately 30% of global GDP and population, making it the largest free trade zone in the world. The RCEP aims to promote economic cooperation through measures such as tariff reductions, streamlined customs procedures, and increased trade in services. It also includes provisions for intellectual property protection, competition policy, and dispute settlement. The RCEP is the largest free trade zone in the world. India is out of the agreement continuing strengthen economic cooperation with USA.

While the concept of the Indo-Pacific region has been a focal point in global strategic discussions for years, its specifics remain ambiguous and conflicting. However, it is evident that this area is a crucial strategic hub, as the interests of major powers like China, India, and the United States converge here, though the sub-regions within the Indo-Pacific also have their own unique dynamics. Despite the complexities of cooperation, the objectives of each global player are clear: China seeks to expand its influence in the region to enhance its trade capabilities and secure its shipping routes, the US is countering this expansion by forming alliances to limit China's involvement and strengthen ties with India, which is itself resisting China's rise while striving to maintain its position as a dominant force in the Indian Ocean. The escalating tensions have brought to the forefront the interests of other regional actors, as none of the key players are willing to initiate conflict, risking their global status and even their nuclear capabilities.

The critical issue at hand is whether India can continue to assert itself as a significant independent player or risk being reduced to a mere buffer state in the geopolitical landscape, primarily serving as a containment measure against America's primary rival [9]. It must be noted that both China and the United States bear responsibility for the ongoing militarization of the region, as any potential global crisis could potentially halt the escalation of tensions and refocus the involved parties towards addressing internal concerns.

References

1. Lukin, A.V. (2023) American-Chinese competition in the APR: declarations and reality. *Russia in Global Affairs*. 1(119). pp. 118–137. (In Russian).
2. Heydarian, R.J. (2020) *The Indo-Pacifc: Trump, China, and the New Struggle for Global Mastery*. Singapore: Palgrave Macmillan, Springer Nature Singapore Pte Ltd.
3. Kumar, S., Verma, S.S. & Shah, S.H. (2020) Indo-US Convergence of Agenda in the New Indo-Pacific Regional Security Architecture. *South Asia Research*. 40(2). pp. 215–230.
4. Andronova, L. & Wang, Ch. (2019) The new Indo-Pacific region: US, China and India's formulating the concept through the means of foreign policy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 60. pp. 90–95. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/60/13.
5. Khokhlova, N.I. (2023) Indo-Pacific region: problems of definition and functioning of the concept (based on a comparative analysis of academic, diplomatic and journalistic discourses). *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 4. pp. 111–118. (In Russian).
6. Kuznetsov, D.A. & Grachevsky, G.A. (2022) The concept of "Indo-pacific" in the context of international region-building. *Mirovaya politika*. 1. pp. 93–105. (In Russian).
7. Leonova, O.G. (2021) Forming balance of forces in "Indo-Pacific." *Vek globalizatsii*. 2. pp. 75–88. (In Russian).
8. Leonova, O.G. (2022) The Impact of the Strategic Partnership AUKUS on the Geopolitical Situation in the Indo-Pacific Region. *International Organisations Research Journal*. 17(3). pp. 194–211. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-03-08
9. Suchkov, M. (2023) An "irreplaceable" partner for an "irreplaceable" superpower. The role of India in the American policy of containment of China. *Rossiya v global'noy politike*. 2(120). pp. 166–178. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-2-166-178
10. Kaplan, R.D. (2010) *Monsoon: The Indian Ocean and the Future of American Power*. Random House.
11. Zhao Huasheng. (2018) *Belt, Road and Openness: Indo-Pacific Strategy from China's Perspective*. The Valdai Discussion Club. [Online] Available from: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/poyas-put-i-otkrytost/ (Accessed: 18th December 2023).
12. Miglani, S. (2018) *India scrambles to claw back ground in Sri Lanka after pro-China leader names PM*. [Online] Available from: https://www.reuters.com/article/us-sri-lanka-politics-india/india-scrambles-to-claw-back-ground-in-sri-lanka-after-pro-china-leadeer-named-pmidUSKCN1N409Y (Accessed: 13th May 2023).
13. Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2007) *Ministry of Foreign Affairs of Japan Confluence of the Two Seas: speech by H.E. Mr. Shindzo Abe, Prime Minister of Japan at the Parliament of the Republic of India*. 22nd August. [Online] Available from: https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html (Accessed: 18th December 2023).
14. The White House. (2022) *The White House: Indo-Pacific Strategy of the United States*. [Online] Available from: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf (Accessed: 18th December 2023).
15. The White House. (2023) *The White House FACT SHEET: In Asia, President Biden and a Dozen Indo-Pacific Partners Launch the Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity*. [Online] Available from: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/23/fact-sheet-in-asia-president-biden-and-a-dozen-indo-pacific-partners-launch-the-indo-pacific-economic-framework-for-prosperity/ (Accessed: 28th May 2023).
16. Yanik, A. (2019) Promotion of the Indo-Pacific concept as a mechanism for changing the regional strategic balance: from Haushofer to Trump. *Konfliktologiya / nota bene.* 4. pp. 64–83. (In Russian).
17. Centre for Strategic & International Studies. (2016) *CSIS Asia-Pacific Rebalance 2025: Capabilities, Presence and Partnership. An Independent Review of U.S. Defense Strategy in Asia-Pacific*. [Online] Available from: https://www.csis.org/events/asia-pacific-rebalance-2025-capabilities-presence-and-partnerships
18. Suryadinata, L. (2018) Indonesia and Its Stance on the "Indo-Pacific." *ISEAS Perspective*. 66. [Online] Available from: https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ISEAS_Perspective_2018_66@50.pdf (Accessed: 7th May 2023).
19. Shavlay, E. (2020) Chinese factor in India-US relations. *Sravnitel'naya politika*. 2. pp. 57–67. (In Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10019
20. Galistcheva, N.V. & Nebolsina, E.V. (2021) The U.S. and China in India's Foreign Economic Policy: In Quest of Balance for Maintaining Strategic Autonomy. *Vestnik RUDN. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 21(2). pp. 304–324. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-304-324
21. U.S Embassy & Consulates in India. (2018) *U.S Embassy & Consulates in India: Joint Statement on the Inaugural U.S.-India 2+2 Ministerial Dialogue*. [Online] Available from: https://in.usembassy.gov/joint-statement-on-the-inaugural-u-s-india-22-ministerial-dialogue/ (Accessed: 12th May 2023).

22. *The Economic Times*. (2018) US Pacific Command renamed as US Indo-Pacific Command. [Online] Available from: https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/us-pacific-command-renamed-as-us-indo-pacific-command/articleshow/64398189.cms (Accessed: 14th May 2023).
23. USA. (2020) *116th Congress H.R.2500 – National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020*. [Online] Available from: https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/2500 (Accessed: 11th May 2023).
24. Kaura, V. (2018) *US National Defence Strategy 2018 a great opportunity for India to turn bilateral cooperation with Washington into strategic alliance*. [Online] Available from: https://www.firstpost.com/world/us-national-defence-strategy-2018-a-great-opportunity-for-india-to-turn-bilateral-cooperation-with-washington-into-strategic-alliance-4315543.html (Accessed: 16th May 2023).
25. The IISS. (2018) *Keynote Address, Shri Narendra Modi, Prime Minister of India.* 17th Asia Security Summit, The IISS Shangri-La Dialogue, 2018. [Online] Available from: https://www.iiss.org/events/shangri-la-dialogue/shangri-la-dialogue-2018 (Accessed: 18th December 2023).
26. Kheifets, B. (2023) Indo-Pacific economic structure – a new form of transregional partnership. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik*. 2. pp. 94–101. (In Russian). DOI: 10.24412/2072-8042-2023-2-94-101
27. Gao, C. (2018) *China Reprimands US Over 2018 National Defense Strategy*. [Online] Available from: https://thediplomat.com/2018/01/china-reprimands-us-over-2018-national-defense-strategy/ (Accessed: 16th May 2023).

***Information about the authors*:**
Luo Yanchao – Graduate Student at the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Lecturer at the Cangzhou Pedagogical University (Cangzhou, China). E-mail: 1121080390@qq.com
Xu Jun – Graduate Student at the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University, Lecturer at the Confucius Institute of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Senior Lecturer at the Cangzhou Pedagogical University (Cangzhou, China). E-mail: xujun@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

***Сведения об авторах*:**
Ло Яньчао – аспирант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия); преподаватель Цанчжоуского педагогического университета (Цанджоу, Китай). E-mail: 1121080390@qq.com
Сюй Цзюнь – аспирант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, преподаватель Института Конфуция Томского государственного университета (Томск, Россия); старший преподаватель Цанчжоуского педагогического университета (Цанджоу, Китай). E-mail: xujun@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 21.05.2024; принята к публикации 12.09.2024

The article was submitted 21.05.2024; accepted for publication 12.09.2024

Научная статья
УДК 94(510)
doi: 10.17223/19988613/91/12

Космическая программа Китая и ее реализация в странах Латинской Америки

Жанна Валерьяновна Петрунина[1], Галина Алексеевна Шушарина[2]

[1, 2] Комсомольский-на-Амуре государственный университет, Комсомольск-на-Амуре, Россия
[1] petrunina71@bk.ru
[2] galinalmk@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются тенденции развития космической программы КНР и особенности взаимодействия Китая со странами Латинской Америки по вопросам космоса. На основе анализа разнообразных источников установлено, что Китай добивается статуса одной из ведущих мировых космических держав. Космическая дипломатия КНР в латиноамериканском регионе является взаимовыгодной и способствует расширению сотрудничества в различных форматах. Взаимодействие по вопросам космоса дает возможность диверсифицировать китайское присутствие в латиноамериканском регионе, представляет угрозу доминирующему положению США, позволяет влиять на отношения Китая и Тайваня.
Ключевые слова: Китайская Народная Республика (КНР), латиноамериканский регион, космическая дипломатия, научно-техническое сотрудничество

Для цитирования: Петрунина Ж.В., Шушарина Г.А. Космическая программа Китая и ее реализация в странах Латинской Америки // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 103–109. doi: 10.17223/19988613/91/12

Original article

Development of China's space program and its implementation in the Latin American countries

Zhanna V. Petrunina[1], Galina A. Shusharina[2]

[1, 2] Komsomolsk-na-Amure State University, Komsomolsk-na-Amure, Russian Federation
[1] petrunina71@bk.ru
[2] galinalmk@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the main stages of China's space program implementation from creating and launching first satellites to modern achievements. The purpose of this work is to study and characterize the space diplomacy of the People's Republic of China regarding the countries of Latin America at the end of XX - XXI centuries. The research was carried out on the basis of an analysis of official published documents and media materials. The paper notes that the leadership of the PRC considers the scientific and technological development of the state as one of the priority tasks in the short and long term. China's achievements in the space industry allow it to strengthen the country's position in the international arena, reduce the technological gap with the leading countries of the world, and also contribute to the development of the PRC, having a positive impact on improving the quality of life of the population. China is pursuing a policy aimed at enhancing interaction with the international community in space exploration. Along with cooperation in a bilateral format with states from different regions, China has come up with an initiative to create a station on the basis of the Chinese space station, which would become the property of all countries of the world. One of the vectors of China's space diplomacy is the countries of Latin America. Relations between China and Latin American countries in space exploration are mutually beneficial. Along with the creature and launch of satellites, specialists from the Celestial Empire train technical specialists for Latin American states. The most successful space diplomacy of China in the region is being implemented in Brazil, Argentina and Venezuela. A significant number of space projects implemented by Beijing in Latin America are financed by the China Development Bank. The Sino-Latin American dialogue allows creating new jobs and interacting in scientific and technological research and education. In turn China gains access to energy and agricultural markets in countries of Latin America. The intensification of China's policy in Latin American countries is also caused by the need to solve a number of geopolitical tasks, including a decrease in US influence in the region and a weakening of ties between Latin American countries and Taiwan. China's space diplomacy is an integral part of strengthening the PRC in the Latin American region, contributing to the integration of cultures and peoples, and has a positive impact on the country's image in the international arena.
Keywords: People's Republic of China (PRC), Latin American region, space diplomacy, scientific and technical cooperation

© Ж.В. Петрунина, Г.А. Шушарина, 2024

For citation: Petrunina, Zh.V., Shusharina, G.A. (2024) Development of China's space program and its implementation in the Latin American countries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 91. pp. 103–109. doi: 10.17223/19988613/91/12

На протяжении своей вековой истории Коммунистическая партия Китая (КПК) использовала разные механизмы, направленные на всестороннее государственное и национальное развитие. Одной из основных целей модернизации Китая является повышение уровня благосостояния и качества жизни населения страны. Эта задача была определена еще в 1979 г. лидером второго поколения КНР Дэн Сяопином, который в ходе встречи с премьер-министром Японии Масаеси Охира сформулировал ее как достижение китайским обществом уровня сяокан («среднезажиточного общества»). В начале XXI в. наряду с определением векторов экономического развития руководство КНР стало уделять особое внимание вопросам развития в стране науки и образования, рассматривая эти направления как методы культурной дипломатии, выступающие дополнением к традиционным дипломатическим методам. В 2006 г. Государственный Совет КНР представил «Национальный средне- и долгосрочный план по развитию науки и техники на 2005–2020 гг.» (National Medium to Long-term Plan (MLP) for the Development of Science and Technology (2005–2020)), выполнение которого позволило Китаю не только повысить уровень и качество образования в стране, сократить технологический разрыв с ведущими государствами мира, но и приступить к активному изучению космоса и к настоящему времени войти в топ-7 космических держав мира.

Современный Китай выделяет значительные средства на освоение космоса. Китайское правительство не публикует в открытой печати точные расходы, направляемые на развитие космической программы. Однако, опираясь на косвенные источники, можно предположить, что Пекин тратит в среднем в год на космическую программу до $ 6 млрд, в то время как США – около $ 40 млрд, а Россия – около $ 11 млрд.

Реализация космической программы Китая была начата в 1956 г. с созданием Пятой академии Национального министерства обороны КНР, которая должна была заниматься космическими исследованиями и ракетными разработками. В ноябре 1960 г. состоялся успешный запуск первой ракеты, произведенной в КНР, а в 1970 г. был запущен первый китайский космический спутник «Дунфанхун-1» (Dongfanghong-1). Спустя пять лет в космос был запущен первый китайский спутник многоразового использования для ведения фоторазведки, а в 1980 г. – первая ракета-носитель дальнего действия. Существенным шагом в развитии космических проектов Китая стал запуск в 1999 г. непилотируемого космического корабля «Шэньчжоу» (Shenzhou-1).

С начала XXI в. Пекин вкладывает значительные суммы в строительство новых космодромов и модернизацию действующих. В настоящее время в Китае четыре космодрома – Цзюцюань, Сичан, Тайюань и Вэньчан. Три из них расположены в материковой части, Вэньчан – на острове Хайнань. В ближайшие пять лет в уезде Сяншань восточной провинции Чжэцзян китайским правительством намечено завершение строительства пятого космодрома. Полет китайского космонавта Ян Ливэя в космос в 2003 г. позволил КНР стать третьей державой в мире после СССР (России) и США, осуществляющей пилотируемые полеты.

В октябре 2006 г. пресс-канцелярия Госсовета КНР опубликовала Белую книгу «Деятельность Китая в космосе – 2006», в которой определились перспективы развития космической отрасли в стране на ближайшие годы. В соответствии с заявленной программой основной упор в следующие пять лет предполагалось сделать на развитие науки и техники, а также расширение международного сотрудничества в вопросах изучения космоса. Китай последовательно действовал для достижения намеченных целей. В 2008 г. китайский космонавт Чжай Чжиган впервые в истории своей страны выполнил выход в открытый космос. В 2011 г. Китай осуществил автоматическую орбитальную стыковку двух космических аппаратов. В 2012 г. состоялся запуск пилотируемого космического корабля «Шэньчжоу-9» (Shenzhou-9) [1].

Китай активно укрепляет свои позиции в космической отрасли. За период 1990–2012 гг. им были выведено на орбиту 43 спутника, а за время 13-й пятилетки (2016–2020) выполнено 152 запуска в космос, что превысило количество запусков любой другой страны мира. В планах правительства КНР в 2021 г. произвести свыше 40 запусков ракет космического назначения. В июне 2021 г. Китайское национальное космическое управление (CNSA) сообщило об осуществлении запуска первого модуля национальной орбитальной станции «Небесный дворец» (Тяньгун) и начале работы на ней китайских астронавтов (Не Хайшэна, Лю Бомина и Тан Хунбо) [2]. В настоящее время это крупнейший космический аппарат, полностью разработанный национальными силами КНР.

Особое внимание Китай уделяет изучению Луны. Реализация 15-летней программы исследования Луны началась в 2003 г. (программа «Чанъэ» (Chang'e)). Уже в то время Китай поставил задачу собственными силами освоить необходимые технологии для исследования солнечной системы, продемонстрировав мировым лидерам в области космонавтики промышленный и научный потенциал своей страны. В 2007 и 2010 гг. орбитальные аппараты «Чанъэ-1» и «Чанъэ-2» выполнили глобальную фотосъемку Луны для ее картографирования. В 2013 г. китайский орбитальный аппарат «Чханэ-3» с луноходом «Юйту» совершил успешную посадку на поверхность Луны [3], а в 2019 г. орбитальный аппарат «Чанъэ-4» прилунился на обратной стороне спутника Земли. К 2030 г. Китай намерен начать пилотируемые полеты на Луну с высадкой экипажа, а впоследствии приступить к созданию «лунной базы», с которой к 2050 г. будет возможно отправлять человека к Марсу.

В рамках развития программы освоения Марса в июле 2020 г. с помощью ракеты-носителя «Чанчжэн-5»

к красной планете был отправлен орбитальный аппарат «Тяньвэнь-1», на борту которого находился марсоход, предназначенный для изучения поверхности Марса [4]. Изучение Марса сопряжено с рядом проблем, часть из которых связана с недостаточными знаниями об этой планете. Вместе с тем специалисты Поднебесной верят в успех экспедиции на Марс, рассчитывая в перспективе начать межпланетные экспедиции, направленные на изучение других планет Солнечной системы. Среди них Юпитер (2029) и Венера (2030) [5]. К середине XXI столетия Китай также планирует создать зонд, который сможет исследовать космические тела за пределами солнечной системы. Связь с этим зондом будет поддерживаться по сверхскоростной лазерной связи, разработка которой ведется китайскими специалистами уже в наши дни.

Прогресс в космических разработках способствует и появлению новых средств связи. В 2016 г. Китаем был осуществлен запуск ракеты-носителя «Чанчжэн-2D» с первым в мире спутником квантовой связи, предназначенным для проведения экспериментов по космической связи с использованием квантового шифрования [6]. Подобные технологии дают Поднебесной военное преимущество, позволяя получать информацию от потенциального противника, не допуская к собственным данным. Следует отметить и китайскую национальную глобальную спутниковую навигационную систему «Бэйдоу» (BeiDou), предназначенную стать альтернативой американской системы Global Positioning System (GPS) при решении военных вопросов и вопросов гражданского назначения [7. P. 16].

В фокусе изучения специалистами из КНР – разработка и внедрение новых технологий. В 2020 г. с помощью китайской ракеты-носителя «Чанчжэн-5Б» в космос были отправлены пробная версия китайского пилотируемого космического корабля нового поколения и испытательная грузовая возвращаемая капсула. Экспериментальный пилотируемый корабль нового поколения был оснащен «космической системой 3D-печати композитных материалов». Китай впервые использовал космическую 3D-печать, а для мирового сообщества это стало важным шагом по внедрению 3D-печати сплошных волоконно-армированных композитных материалов, которые обладают высокой прочностью и являются основным материалом в структуре китайских и иностранных кораблей [8].

В планах Китая – создание новой цифровой инфраструктуры, которая включает такие технологии, как 5G, AI, большие данные и спутниковый Интернет. Полученный результат позволит обеспечить инвестиционную поддержку космических стартапов, будет способствовать созданию новых отраслей экономики и дополнительных рабочих мест [9].

Таким образом, космическая программа КНР направлена на всестороннее развитие государства, содействует реализации национальных программ НИОКР и повышению качества образования. По мнению лидера КНР Си Цзиньпина, «мечта о полетах в космос – это важная часть мечты сильного государства, и мечта о космосе – это важный компонент осознания сильной мечты китайского народа о национальном возрождении» [7. P. 5].

Наряду с решением внутренних задач в развитии космической программы Китай активно взаимодействует с международным сообществом в вопросах освоения космического пространства и видит возможность укрепить свой авторитет в мире. С целью активизации научно-технического сотрудничества начиная с 2017 г. Китаем были подписаны соглашения с более чем 30 странами и организациями, включая Россию, Казахстан, Германию, Францию, Европейским космическим агентством и Управлением по вопросам космического пространства ООН. В 2018 г. правительство КНР выступило с инициативой на базе Китайской космической станции создать станцию, которая бы была достоянием всех стран мира. Этот шаг стал ответом Пекина на ограничение доступа китайских специалистов к международной космической станции (МКС), зафиксированные в американском законодательстве. Ввиду неопределенности финансирования МКС после 2025 г. Пекин настроен на расширение круга партнеров для развития китайской космической станции с учетом перспектив полетов на Луну и Марс. Усиление космического потенциала Китая заставляет большинство стран укреплять сотрудничество с ним по вопросам изучения космоса, что, в свою очередь, приводит к усилению геополитического и экономического влияния КНР в мире.

В рамках развития космической дипломатии Китай уделяет большое внимание латиноамериканскому региону. Интерес Китая к странам Латинской Америки и Карибского бассейна стал заметным на рубеже XX–XXI вв. В 2004 г., после визита Председателя КНР Ху Цзиньтао на чилийский саммит АТЭС и посещения Бразилии, Аргентины, Кубы и других государств региона, стороны определили перспективы для «совместного развития и сотрудничества». В основу международного диалога были положены принципы взаимного уважения и доверия, взаимовыгодного и всеобъемлющего партнерства. Векторы реализуемой политики Китая в этом регионе были зафиксированы в первом программном документе по Латинской Америке и Карибскому бассейну (ноябрь 2008 г.). В ноябре 2016 г. в China's Policy Paper on Latin America and the Caribbean в качестве самостоятельного направления экономического взаимодействия было выделено сотрудничество в космической сфере. В ближайшей перспективе Китай намерен укреплять диалог по вопросам использования спутниковой связи и дистанционного зондирования, модернизации аэрокосмической инфраструктуры, уделять внимание системе образования, продвигать космические технологии в целях предотвращения последствий стихийных бедствий, исследования вопросов изменения климата [10].

Следует отметить, что Китай начал развивать сотрудничество по вопросам космоса в рамках двусторонних отношений еще с конца 1980-х гг. Начиная с 1988 г. Китай активно сотрудничает с Бразилией по проекту создания спутников дистанционного наблюдения за ресурсами Земли CBERS (China-Brazil Earth Resources Satellites). В рамках этого проекта обе страны запустили спутники в 1999, 2003, 2007, 2012 гг. В декабре 2014 г. был сдан в эксплуатацию искусственный

спутник CBERS-04, созданный Китайским исследовательским институтом космических технологий и Институтом космических технологий Бразилии. Получаемые со спутника данные предполагается использовать для изучения возможностей развития сельского хозяйства, наблюдения за водоемами и гидротехническими сооружениями как в Китае и в странах Латинской Америки, так и в некоторых странах Европы и Африки [11]. В 2019 г. с помощью китайской ракеты-носителя «Чанчжэн-4Б» с космодрома Тайюань (провинция Шаньси) был запущен спутник CBERS-4A. Он был разработан Шанхайской академией космических технологий и стал шестым в рамках программы взаимодействия Китая и Бразилии в вопросах исследования ресурсов Земли и ее поверхности. В планах обеих стран приступить к проектированию спутников CBERS-5 и CBERS-6. В свою очередь, Бразилия рассчитывает использовать полученные данные для изучения экологической обстановки в стране в целом и в бассейне реки Амазонки в частности. Китайско-бразильское сотрудничество по вопросам освоения космоса осуществляется и в ходе реализации космической программы стран БРИКС.

Для Китая и Бразилии взаимодействие в космической сфере является перспективным. В последние годы правительство Бразилии не выделяет значительных средств на космонавтику, в то время как Китай заинтересован в получении возможности внедрения собственных научно-технических разработок в области космоса и активизации работы по запуску малых спутников. Для Китая важно сохранить Бразилию в числе стратегических партнеров в регионе, укрепив свои позиции в противовес ведущим космическим державам, включая США, которые стремятся к расширению сотрудничества с Бразилией в космосе посредством реализации соглашения о защите технологий (TSA) и использования бразильского космического центра Алькантара.

В число латиноамериканских стран, с которыми КНР намерена развивать сотрудничество в области космоса, входит и Аргентина. После визита в Аргентину лидера КНР Ху Цзиньтао в 2004 г. отношения между странами вышли на уровень стратегического партнерства. Китай и Аргентину связывают и общие подходы к обеспечению национальных интересов друг друга, т.е. Китай поддерживает притязания Аргентины на Фолклендские острова, в то время как Аргентина придерживается «принципа одного Китая». Политический диалог позволил активизировать двустороннее сотрудничество и в космической сфере. В ноябре 2004 г. Национальное космическое управление Китая (CNSA) и Национальная комиссия по космической деятельности Аргентины (CONAE) подписали «Рамочное соглашение о техническом сотрудничестве в использовании космического пространства в мирных целях». Пекин в то время приступил к разработке лунной программы, и соглашение с Буэнос-Айресом предоставляло возможность использовать территорию плато Патагония на юге Аргентины для запусков китайских космических спутников на Луну. Следующим этапом в развитии китайско-аргентинского взаимодействия в космической области стало подписание соглашения 2012 г., в соответствии с которым стороны договорились сотрудничать по вопросам создания наземных систем слежения, управления и контроля, развития средств сбора информации. Для строительства китайской космической базы Аргентина предоставила Китаю участок земли в западной провинции Неукен в аренду сроком на 50 лет. Впервые китайский центр космических исследований начал работу за пределами страны. В феврале 2015 г. Конгресс Аргентины закрепил двустороннее сотрудничество, приняв «Рамочное соглашение о сотрудничестве в области космической деятельности» с Китаем [12].

Активное взаимодействие между КНР и Аргентиной в космической сфере соответствует намеченным планам обеих стран. Китай продолжает развитие лунной программы и укрепляет свое положение в латиноамериканском регионе. Аргентинская экономика получает дополнительный стимул за счет китайских инвестиций, а специалисты этой страны – доступ к передовым научным разработкам. Несмотря на заявления Пекина, что целью работы космического центра являются мирное наблюдение и исследование космоса, китайское присутствие в Аргентине вызывает опасения США: Вашингтон рассматривает действия КНР в качестве угрозы американскому политическому, экономическому и стратегическому влиянию в латиноамериканском регионе в целом.

Одним из стратегических партнеров в Латинской Америке, с которыми Китай активно взаимодействует по вопросам космоса, является Венесуэла. В январе 2005 г. страны подписали «Меморандум о взаимопонимании по техническому сотрудничеству в области использования и исследования космического пространства в Тихом океане», который позволил вывести двусторонний диалог по космосу на новый уровень. Венесуэла стала первой страной среди латиноамериканских государств, которая заключила договор с Китаем на запуск космических аппаратов. За период с 2008 по 2017 г. стороны совместно спроектировали, разработали и запустили три спутника дистанционного зондирования («Симон Боливар» (VENESAT-1) в 2008 г., «Миранда» (VRSS-1) в 2012 г. и «Сукре» (VRSS-2) в 2017 г.) [13]. В 2022 г. власти Венесуэлы рассчитывают при поддержке Китая вывести на орбиту четвертый спутник «Гуаикайпуро», который должен будет сменить спутник «Симон Боливар» [14].

Соглашение о запуске венесуэльского спутника предполагало и обучение специалистов этой страны новым технологиям. Уже в ходе реализации первого проекта в китайских вузах прошли соответствующую подготовку 90 инженеров из Венесуэлы [15].

Сотрудничество Китая со странами Латинской Америки не ограничивается использованием территорий латиноамериканских государств для запуска китайских космических спутников. Пекин предоставляет возможность осуществить запуск космических аппаратов и со своих космических площадок. Так, в 2013 г. с китайских космодромов Сичан и Цзюцюань Боливия, Аргентина и Эквадрор произвели запуски своих спутников. Финансирование этих проектов проходило при участии Китайского банка развития. Предполагалось, что запуск спутников окажется катализатором для развития телекоммуникационных секторов латиноамериканских государств.

Плодотворное сотрудничество с Китаем позволило латиноамериканским странам перейти к созданию собственных организаций, занимающихся проблемами развития космоса. Так, в 2020 г. восемь государств латиноамериканского региона (Мексика, Аргентина, Боливия, Эквадор, Сальвадор, Парагвай, Перу и Колумбия) создали Космическое агентство стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ALCE). Эта организация открыта для международного диалога, включая и диалог с КНР.

Космическая дипломатия Китая в странах Латинской Америки включает разные аспекты. Наряду с созданием и запуском спутников специалисты Поднебесной занимаются подготовкой технических специалистов для латиноамериканских государств. До 75% космических проектов, реализуемых в странах Латинской Америки, финансируется Банком развития Китая. Развитие аэрокосмического сектора позволяет создать в каждой из стран Латинской Америки свыше 20 тыс. рабочих мест. Все это является ярким примером взаимодействия в области высоких технологий в рамках кооперации Юг–Юг.

Развитие и поддержка Китаем космического сектора в странах Латинской Америки не может быть расценена как шаг благотворительности. Космическая дипломатия Пекина направлена на решение многих задач для Китая в ближнесрочной и долгосрочной перспективе, включая и превращение Китая в современное, высококультурное, модернизированное социалистическое государство к 2049 г.

Китайские лидеры подчеркивают, что в ходе достижения намеченных задач Китай никогда не будет стремиться к возвышению за счет других государств [16]. В 2015 г. Государственный Совет КНР опубликовал документ Made in China 2025, в котором были определены девять приоритетных задач развития производства до 2025 г., в числе которых – осуществить прорыв в разработке аэрокосмического оборудования [17].

Для построения сильной экономики Китаю важно расширять международное экономическое взаимодействие. В стратегические планы КНР входит получение доступа к энергетическим ресурсам стран Латинской Америки. Крупнейшие латиноамериканские инициативы Китая реализуются преимущественно в двух самых богатых энергоресурсами и иными ресурсами государствах региона – Венесуэле и Бразилии, которые являются крупнейшими получателями китайских займов. Кроме того, обладая лишь 10% пахотных земель, Китай испытывает потребность в стабильном аграрном импорте из стран латиноамериканского региона. Китай входит в тройку ведущих торговых партнеров Латинской Америки, уступая лишь США и странам Евросоюза.

По мнению лидеров КНР, возвышению страны будет способствовать развитие наукоемких отраслей экономики. Китайские специалисты должны не только заниматься разработкой и освоением передовых технологий и формированием собственных центров НИОКР, но и иметь возможность апробировать научно-технические новшества. Реализуемая Китаем космическая дипломатия в Латинской Америке отвечает всем этим задачам, дополняет развивающееся торгово-экономическое сотрудничество со странами региона и повышает конкурентоспособность КНР среди мировых лидеров в области космонавтики.

Важным дополнением к устоявшимся формам взаимодействия Китая со странами Латинской Америки стала инициатива «Один пояс – один путь» (ОПОП), провозглашенная Си Цзиньпином в 2013 г. Латиноамериканские государства пока еще слабо вовлечены в реализацию ОПОП, при этом четыре ведущие экономики региона (Бразилия, Мексика, Аргентина и Колумбия) пока не подписали соглашений о совместной реализации инициативы и занимают сдержанную позицию по этому вопросу. Продвижение инициативы позволяет Пекину индивидуально подходить к формированию отношений с каждой из стран региона, укреплять взаимовыгодную экономическую интеграцию, знакомить народы региона с культурой Китая и расширять межкультурный диалог [18].

Работа китайского руководства по активизации сотрудничества с государствами Латинской Америки определяется и необходимостью решения ряда геополитических задач. Китай стремится к укреплению всестороннего диалога преимущественно с теми странами, в политике которых в большей (Венесуэла, Эквадор, Боливия) или меньшей (Аргентина при президентстве Кристины Фернандес де Киршнер и Альберто Фернандеса) степени прослеживаются антиамериканские настроения. Даже в условиях пандемии COVID-19 Китай продолжает реализовывать заявленные ранее инфраструктурные и инвестиционные проекты, включая и космический сектор. Поступательное проникновение Китая на рынки стран Латинской Америки оказывает негативное влияние на положение США в этой части мира. Другой важной для себя задачей Китай видит в ослабление связей ряда латиноамериканских стран с Тайванем.

Таким образом, Китай последовательно движется к поставленной цели – стать космической державой к 2030 г. Развитие космической программы и расширение космической дипломатии Китая являются частью общей стратегии развития страны и определяются рядом факторов, включая усиление влияния КНР и ее лидера Си Цзиньпина на международной арене, укрепление международного престижа страны в разных регионах мира, в том числе в латиноамериканском, развитие научно-технических разработок, что должно привести к повышению качества образования и жизни населения в Поднебесной. Космическая дипломатия КНР в странах Латинской Америки, с одной стороны, является примером неравномерного и многоуровневого сотрудничества между сторонами, а с другой – составляющей частью укрепления КНР на международной арене.

Список источников

1. Dillow C., Lin J., Singer P.W. China’s race to space domination // Popular Science. 2016. 20 Sept. URL: http://www.popsci.com/chinas-race-to-space-domination (accessed: 15.07.2021).

2. Китайцы убедительными шагами выходят на мирное освоение космоса // Жэньминь жибао онлайн. 2021. 5 июля. URL: http://russian.people.com.cn/n3/2021/0705/c31517-9868421.html (дата обращения: 15.07.2021).
3. Harrington R. China plans to reach Mars by 2020 and eventually build a moon base // Business Insider. 2016. 22 Apr. URL: https://www.businessinsider.com/china-plans-mars-moon-landings-2016-4 (accessed:15.07.2021).
4. Китай успешно запустил свой первый марсоход // Красная линия. 2020. 23 июля. URL: https://www.rline.tv/news/2020-07-23-kitay-uspeshno-zapustil-svoy-pervyy-marsokhod/ (дата обращения: 15.07.2021).
5. Namrata Goswami. The Diplomat (США): чем удивит нас Китай в космосе в 2021 году? // Россия сегодня. 2021. 27 янв. URL: https://inosmi.ru/politic/20210127/248999604.html (дата обращения: 15.07.2021).
6. Phillips T. China launches quantum satellite for 'hack-proof' communications / The Guardian. 2016. 16 Aug. URL: https://www.theguardian.com/world/2016/aug/16/china-launches-quantum-satellite-for-hack-proof-communications (accessed: 15.07.2021).
7. Cordesman A.H. Chinese Space Strategy and Developments. AHC, 2016. 33 p. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/160819_Chinese_Space_Strategy_Developments.pdf (accessed: 15.07.2021).
8. Китай успешно осуществил первую 3D-печать в космосе // Жэньминь жибао онлайн. 2020. 7 мая. URL: http://russian.people.com.cn/n3/2020/0507/c31517-9687688.html (дата обращения: 15.07.2021).
9. Recap of 2020 in Chinese Space (in 10 Points) // The China Aerospace Blog. URL: https://china-aerospace.blog/2020/12/30/a-recap-of-chinese-space-in-2020/ (accessed: 15.07.2021).
10. China's Policy Paper on Latin America and the Caribbean // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2016. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1418254.shtml (accessed: 15.07.2021).
11. Китайско-бразильский спутник для исследования георесурсов сдан в эксплуатацию // Жэньминь жибао онлайн. 2015. 15 июля. URL: http://russian.people.com.cn/n/2015/0715/c31517-8920886.html (дата обращения: 15.07.2021).
12. Garrison C. China's military-run space station in Argentina is a 'black box' // Reuters. 2019. 31 Jan. URL: https://www.reuters.com/article/us-space-argentina-china-insight-idUSKCN1PP0I2 (accessed: 15.07.2021).
13. Garcia S. Venezuela and China share knowledge on space cooperation // News. 2019. 30 July. URL: http://www.mppre.gob.ve/en/2019/07/03/venezuela-china-space-cooperation/ (accessed: 15.07.2021).
14. Petrunina Zh.V., Shusharina G.A. China's Policy in Venezuela: Mechanisms for Strengthening Relations in the Long-Term Perspective // The Chinese state at the final stage of building a "moderately prosperous society" : materials of the annual scientific conference of the Center for Political Research and Forecasts / IFES RAS. 2020. P. 255–265.
15. Barbosa R.C. China launch VENESAT-1 – debut bird for Venezuela // NACA.Spaceflight.com. 2008. 29 Oct. URL: https://www.nasaspaceflight.com/2008/10/china-launch-venesat/ (accessed: 15.07.2021).
16. Xi's speech at first session of 13th NPC to be published // ChinaDaily.com.cn. 2020. 15 May. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202005/15/WS5ebe530ca310a8b2411560a2.html (accessed:15.07.2021).
17. «Made in China 2025» plan issued // The State Council. The People's Republic of China. 2015. 19 May. URL: http://english.www.gov.cn/policies/latest_releases/2015/05/19/content_281475110703534.htm (accessed:15.07.2021).
18. Гарбарт М.И. «Мягкая сила» КНР в Латинской Америке в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 79–85.

References

1. Dillow, C., Lin, J. & Singer, P.W. (2016) *China's race to space domination*. [Online] Available from: http://www.popsci.com/chinas-race-to-space-domination (Accessed: 15th July 2021).
2. *Zhen'min' zhibao onlayn*. (2021) Kitaytsy ubeditel'nymi shagami vykhodyat na mirnoe osvoenie kosmosa [Chinese with convincing steps go to peaceful space exploration]. [Online] Available from: http://russian.people.com.cn/n3/2021/0705/c31517-9868421.html (Accessed: 15th July 2021).
3. Harrington, R. (2016) *China plans to reach Mars by 2020 and eventually build a moon base.* [Online] Available from: https://www.businessinsider.com/china-plans-mars-moon-landings-2016-4 (Accessed: 15th July 2021).
4. *Krasnaya liniya*. (2020) Kitay uspeshno zapustil svoy pervyy marsokhod [China successfully launched its first Mars rover]. [Online] Available from: https://www.rline.tv/news/2020-07-23-kitay-uspeshno-zapustil-svoy-pervyy-marsokhod/ (Accessed: 15th July 2021).
5. Namrata Goswami. (2021) The Diplomat (SShA): chem udivit nas Kitay v kosmose v 2021 godu? [The Diplomat (USA): how will China surprise us in space in 2021?]. *Rossiya segodnya*. 27th January. [Online] Available from: https://inosmi.ru/politic/20210127/248999604.html (Accessed: 15th July 2021).
6. Phillips, T. (2016) China launches quantum satellite for 'hack-proof' communications. *The Guardian*. 16th August. [Online] Available from: https://www.theguardian.com/world/2016/aug/16/china-launches-quantum-satellite-for-hack-proof-communications (Accessed: 15th July 2021).
7. Cordesman. A.H. (2016) *Chinese Space Strategy and Developments*. [Online] Available from: https://espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/160819_Chinese_Space_Strategy_Developments.pdf (Accessed: 15th July 2021).
8. *Zhen'min' zhibao onlayn*. (2020) Kitay uspeshno osushchestvil pervuyu 3D-pechat' v kosmose [China successfully carries out the first 3D printing in space]. 7th May. [Online] Available from: http://russian.people.com.cn/n3/2020/0507/c31517-9687688.html (Accessed: 15th July 2021).
9. The China Aerospace Blog. (2020) *Recap of 2020 in Chinese Space (in 10 Points).* [Online] Available from: https://china-aerospace.blog/2020/12/30/a-recap-of-chinese-space-in-2020/ (Accessed: 15th July 2021).
10. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. (2016) *China's Policy Paper on Latin America and the Caribbean.* [Online] Available from: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1418254.shtml (Accessed: 15th July 2021).
11. *Zhen'min' zhibao onlayn*. (2015) Kitaysko-brazil'skiy sputnik dlya issledovaniya georesursov sdan v ekspluatatsiyu [Sino-Brazilian satellite for exploration of georesources put into operation]. 15th July. [Online] Available from: http://russian.people.com.cn/n/2015/0715/c31517-8920886.html (Accessed: 15th July 2021**)**.
12. Garrison, C. (2019) China's military-run space station in Argentina is a 'black box'. *Reuters*. 31st January. [Online] Available from: https://www.reuters.com/article/us-space-argentina-china-insight-idUSKCN1PP0I2 (Accessed: 15th July 2021).
13. Garcia, S. (2019) Venezuela and China share knowledge on space cooperation. *News*. 30th July. [Online] Available from: http://www.mppre.gob.ve/en/2019/07/03/venezuela-china-space-cooperation/ (Accessed: 15th July 2021).
14. Petrunina, Z.V. & Shusharina, G.A. (2020) China's Policy in Venezuela: Mechanisms for Strengthening Relations in the Long-Term Perspective. *The Chinese state at the final stage of building a "moderately prosperous society"*. Proc. of the Conference of the Center for Political Research and Forecasts / IFES RAS. pp. 255–265.
15. Barbosa, R.C. (2008) China launch VENESAT-1 – debut bird for Venezuela. *NACA.Spaceflight.com*. 29th October. [Online] Available from: https://www.nasaspaceflight.com/2008/10/china-launch-venesat/ (Accessed: 15th July 2021).
16. *ChinaDaily. com.cn*. (2020) Xi's speech at first session of 13th NPC to be published. 29th October. [Online] Available from: https://www.chinadaily.com.cn/a/202005/15/WS5ebe530ca310a8b2411560a2.html (Accessed: 15th July 2021**)**.
17. The State Council. The People's Republic of China. (2015) *"Made in China 2025" plan issued.* 19th May. [Online] Available from: http://english.www.gov.cn/policies/ latest_releases/2015/05/19/content_281475110703534.htm (Accessed: 15th July 2021).
18. Garbart, M.I. (2020) Chinese soft power in in Latin America in context of "One Belt, One Road" implementation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History.* 66. pp. 79–85. (In Russian) DOI: 10.17223/19988613/66/10

Сведения об авторах:
Петрунина Жанна Валерьяновна – доктор исторических наук, профессор кафедры «История и культурология» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Комсомольск-на-Амуре, Россия). E-mail: petrunina71@bk.ru
Шушарина Галина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Комсомольск-на-Амуре, Россия). E-mail: galinalmk@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Petrunina Zhanna V. – Dr. of History, Professor of History and Culture Studies Department of Komsomolsk-na-Amure State University (Komsomolsk-na-Amure, Russian Federation). E-mail: petrunina71@bk.ru
Shusharina Galina A. – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Linguistics and Intercultural Communication Department of Komsomolsk-na-Amure State University (Komsomolsk-na-Amure, Russian Federation). E-mail: galinalmk@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.07.2021; принята к публикации 12.09.2024

The article was submitted 20.07.2021; accepted for publication 12.09.2024

Original article
UDC 94
doi: 10.17223/19988613/91/13

Overseas Chinese as assets of public diplomacy in Southeast Asia

Xiang Yiyuan

Tomsk State University. Tomsk, Russian Federation, i.yuan@inbox.ru

Abstract. The Chinese living abroad have great influence in the fields of economy, culture and politics. As a means of communication between the country of residence and the country of origin, they play a prominent role in coordinating China's relations with other countries. This article is dedicated to Chinese people living abroad, it reveals their basic position and status in society. The overseas Chinese, as an important asset, has become an important part of China's soft power, and has also become a unique advantage that China enjoys for public diplomacy. Starting with the definition of Overseas Chinese, this article explains the concepts of different types of Overseas Chinese in countries of Southeast Asia. Then, from the number and distribution of overseas Chinese to the economic and political status of overseas Chinese is gradually discussed in detail, and the actual situation of overseas Chinese is also introduced to readers.
Keywords: China, overseas Chinese, public diplomacy, Chinese soft power, Huáqiáo, Southeast Asia

For citation: Xiang Yiyuan (2024) Overseas Chinese as assets of public diplomacy in Southeast Asia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 91. pp. 110–119. doi: 10.17223/19988613/91/13

Научная статья

Зарубежные китайцы как актив публичной дипломатии в Юго-Восточной Азии

Сян Июань

Томский государственный университет, Томск, Россия, i.yuan@inbox.ru

Аннотация. Китайцы, живущие за границей, имеют большое влияние в области экономики, культуры и политики. Являясь средством связи между страной проживания и страной происхождения, они играют важную роль в развитии отношений Китая с другими странами. Данная статья посвящена китайцам, проживающим за границей, раскрывает их положение и статус в обществе. Хотя зарубежные китайцы имеют многолетнюю историю иммиграции и проживания в Юго-Восточной Азии, сегодня они стали существенной частью «мягкой силы» Китая, а также уникальным преимуществом, которым Китай пользуется для публичной дипломатии. В данной статье дается определение зарубежных китайцев, объясняются концепции различных типов зарубежных китайцев в странах Юго-Восточной Азии. Для описания китайских общин выбраны репрезентативные страны: Таиланд, Филиппины, Малайзия, Камбоджа, Индонезия.

Для более детального анализа заокеанские китайцы делятся на три категории, исходя из их фактического политического участия и влияния на местную политическую жизнь в странах проживания в Юго-Восточной Азии в зависимости от их политического статуса (Сингапур, Таиланд и Филиппины, Малайзия и др.). Обнаруживается, что проблема зарубежных китайцев в настоящее время является острой темой, достигающей кульминации общественного мнения в период выборов. Подробно обсуждаются количество и распределение зарубежных китайцев, их экономический и политический статус, а также раскрывается их реальное положение. Делается вывод, что использование силы и влияния зарубежных китайцев для содействия глобальному сотрудничеству и росту стало отличительным преимуществом дипломатических усилий Китая. Упоминается и о существующих проблемах. Так, китайцы, живущие за границей, обладают экономической силой, но демонстрируют слабую политическую силу. Разрыв между ними является характерной чертой зарубежного китайского сообщества в Юго-Восточной Азии.
Ключевые слова: Китай, зарубежные китайцы, публичная дипломатия, мягкая сила Китая, Хуацяо, Юго-Восточная Азия

Для цитирования: Сян Июань. Зарубежные китайцы как актив публичной дипломатии в Юго-Восточной Азии // Вестник Томского государственного университета // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 110–119. doi: 10.17223/19988613/91/13

© Xiang Yiyuan, 2024

Introduction

The term public diplomacy is increasingly used in international relations. It encompasses dimensions of international relations beyond traditional diplomacy; the cultivation by governments of public opinion in other countries; the interaction of private groups and interests in one country with another; the reporting of foreign affairs and its impact on policy; communication between those whose job is communication, and the process of intercultural communications. [1]

Overseas Chinese are widely distributed all over the world, and have an important influence in their residence countries. The cross-cultural communication of the overseas Chinese community helps China (The "China" in this article mostly refers to the People's Republic of China) to spread its cultural influence abroad and plays a unique role in China's public diplomacy. However, overseas Chinese are not equal to China's national will, and the power of overseas Chinese is not equal to China's national power. Only when we have a deep and comprehensive understanding of the overall situation of overseas Chinese, we are able to distinguish between overseas Chinese and China. We can see the strength played by the interaction between Overseas Chinese and China. This strength originates from the blood relationship, emotion and cultural ties between overseas Chinese and China. It is a deep-seated spiritual power, which is China's real diplomatic assets.

I. The basic situation of overseas Chinese

China, after India and Mexico, accounts for the largest number of people who have left their home countries to migrate elsewhere. The history of Chinese immigration, marked by successive waves, dates back to the opening of the ancient maritime Silk Road. [2]

The Chinese began to produce migration activities more than 2,000 years ago. At first, people living in border areas migrated actively and sporadically due to trade. With the rise of the Silk Road and seafaring activities, large-scale immigration gradually began. Especially in the Ming Dynasty, with Zheng He's many voyages, the ties between mainland China and maritime countries deepened. At that time there were two routes to Southeast Asia, one route goes from the South China Sea to the Malay Peninsula and the island of Java via Vietnam. another route through

Japan, Ryukyu, and the Philippines reach eastern Indonesia. A large number of Chinese began to settle down in Southeast Asia, some Chinese communities were initially formed. [3. P. 55]

In the middle and Qing Dynasty, some citizens in coastal areas were forced to go overseas to make a living due to the difficult living conditions. In addition, due to the expansion of modern capitalism in the world, some Chinese workers went to work in North America, Europe and other regions, forming a large number of immigrant groups. During the tumultuous years of the Chinese civil war in the last century, a large number of people also left China for Southeast Asia. [4. P. 55] After the founding of the People's Republic of China, under the influence of the reform and opening up carried out in the late 1970s, some citizens went to European and American countries to learn technology. After improving their technical level in Europe and the United States and finding high-paying jobs, many Chinese gradually settled there and became new immigrants.

Apart from the economic factor, another important factor in the immigrant activities in ancient China was religion. In the Wei-Jin, Southern and Northern Dynasties, and Tang Dynasties, Buddhism prevailed. Many religious believers go to East Asia and South Asia to preach and settle. In the Qing Dynasty, with the rapid spread of Islam, people from northwest China also went to Central Asia and even the Middle East to participate in religious activities.

With the gradual increase in the number and influence of China's overseas immigrants, some special words to describe Chinese overseas immigrants have gradually formed in different language systems. Overseas Chinese is often used in English to refer to people of Chinese descent outside of China. However, the Chinese language has various terms equivalent to the English "overseas Chinese." Huáqiáo (华侨 Chinese sojourner) refers to Chinese citizens residing in countries other than China. Huáyì (华裔) refers to ethnic Chinese residing outside of China. [5] Another common term is Hǎiwài Huárén (海外华人), a more literal translation of overseas Chinese; it is often used by the PRC government to refer to people of Chinese ethnicities who live outside the PRC, regardless of citizenship. [6] These words apply to different conditions, the following analysis one by one.

Huáqiáo (华侨) is translated into overseas Chinese in English. Huáqiáo first appeared in the official decree in June 1884. It was composed of the words Hua and Qiao. The first character is the shortened form of China, indicating the national attribute; the second character means living abroad, and the two characters together represent the immigrants and descendants of China. [7]

In 1909, the Qing Dynasty government promulgated the first nationality law - Qing Nationality Regulations in Chinese history. Based on the principle of ancestry, it is stipulated that as long as one parent is Chinese, the child is Chinese; whether or not he was born in China, he or she belongs to Chinese nationality. Huáqiáo, that is, Chinese nationals residing in foreign countries. Nationality Law of the Republic of China promulgated in 1929 basically inherited the principle of jus sanguinis in the Qing Dynasty, and still stipulated that all those with Chinese national blood should have the nationality of the Republic of China. In 1955, the government of the People's Republic of China and the government of Indonesia signed the "Treaty on Dual Nationality Issues", the PRC government officially announced the abandonment of the dual nationality policy and encouraged Huáqiáo to join the local nationality. Therefore, "Huáqiáo", which previously referred to all overseas Chinese and their descendants, will only refer to those who retain Chinese nationality overseas in a legal sense. [8. P. 3]

According to law of the People's Republic of China on the protection of the rights and interests of returned overseas Chinese and the family members of overseas Chinese Legal provisions of Article 3 (1990): Huáqiáo is designated Chinese citizen settled abroad. [9. P. 1, 150] Therefore,

affected by the policy of abolishing dual nationality, people of Chinese descent and their descendants who live in overseas countries and have been naturalized locally cannot be regarded as overseas Chinese under the official definition. However, the official definition is still confusing in the face of some special circumstances.

First, since China does not recognize dual nationality, foreigners should choose their nationality according to their own conditions when they are naturalized in China. For example, if the foreigner is Korean or Russian, they can continue to choose Chinese Korean or Russian nationality after naturalization in China. (China has 56 ethnic groups, including Chinese Korean and Chinese Russian). If it cannot correspond to the 56 ethnic groups in China (for example, this person is from the Himba ethnic group in Africa), people can continue to fill in the Himba on the national identity card. However, there are still some naturalized Chinese who have no special ethnic affiliation and will default to the Han nationality. In this case, if the person settles abroad, he will not be regarded as an overseas Chinese in the general sense.

Second, the time of settlement is not clear. Some of the overseas staff and students with Chinese nationality have even lived in foreign countries for less than one year. It is difficult to determine whether such a situation belongs to the item. Therefore, in general, these special cases are not counted as Huáqiáo.

"Huáyì"(华裔) generally refers to the overseas descendants of "Huáqiáo". "Huárén" (华人)generally refers to foreign citizens of Chinese descent who have acquired the nationality of the residence country. [10. P. 11]

The official and academic perceptions of "Huárén" in various countries (including China) are not completely consistent, but they are basically divided by political (legal) and cultural ethnic types, and the two are closely related. In general, the judgment of belonging to Huárén is mainly based on the cultural characteristics associated with the lineage. [11. P. 62–69]

Although the definitions of Huáqiáo and Huárén are different, officials of the PRC,Chinese citizens and Chinese immigrants have habitually used Huáqiáo and Huárén together. Therefore, this article will use overseas Chinese to refer to all Chinese who have lived overseas for a long time, immigrants and descendants of Chinese descent.

According to the report on the overall development of Chinese entrepreneurs in the world, there are currently more than 60 million overseas Chinese. [12. P. 43] This data is similar to the description from the International Organization for Migration (IOM): There are more than 10.7 million Chinese overseas today – about 60 million, if their descendants are included. [2]

The Chinese are distributed in nearly 200 countries and regions in the world, of which Southeast Asia is the region with the largest number of overseas Chinese. Before the 1980s, the number of overseas Chinese in Southeast Asia accounted for 85% to 90% of the total number of overseas Chinese in the world. After 2007, this proportion dropped to 73.5%. [13. P. 52] According to incomplete statistics, there are currently more than 30 million Chinese in Southeast Asia, accounting for 6% of the total population of Southeast Asia, 74.1% of the population of Singapore, 23.4% of the population of Malaysia, about 4% of the population of Indonesia, and the total population of Thailand. 11% of the population. [14. P. 199–210]

Although China has a long history of immigration, it is still difficult to count specific overseas Chinese data. One of the important reasons is the issue of statistical caliber. As described in the previous chapter, there are multiple explanations for the concept of overseas Chinese. In addition, few countries currently have direct census data on overseas Chinese. So the number of overseas Chinese in many countries is an indirect estimate, even an estimate many years ago. [15. P. 8–15, 22] From the website-Statist illustrates, the five biggest countries in overseas Chinese numbers are: Indonesia, Thailand, Malaysia, The US, and Singapore. [16]

Among the five countries with the largest distribution of overseas Chinese, except the United States, the rest are located in Southeast Asia. Southeast Asia is one of the earliest areas where the Chinese immigrant settled. Most of the overseas Chinese here come from China's southern coastal provinces - Fujian, Guangdong and Hainan. They have a strong provincialism. Different from the Chinese communities in North America and other European countries, the Chinese communities in Southeast Asia are often more deeply influenced by Chinese traditional culture. The overseas Chinese live together according to behavioral norms and values, forming a cultural identity with their ancestral home and birthplace. The specific population of overseas Chinese in Southeast Asia is still estimated, and the results obtained by different calculation methods vary greatly. In particular, whether the number of mixed-race Chinese (Baba) should belong to the indigenous population or should belong to the number of overseas Chinese, or the question of what proportion of Chinese descent is considered overseas Chinese is difficult to determine. After the World War II, the identities of overseas Chinese in Southeast Asia showed diversity. The overseas Chinese living in Indonesia, Cambodia and other countries have experienced racial persecution by the local government, and many are forced to assimilate into the local society, which makes them afraid to reveal their blood and true identity at will. Especially in Indonesia, for more than thirty consecutive years, Chinese people were prohibited from displaying their culture. [17. P. 215]

In Thailand, there is a high degree of ethnic integration between overseas Chinese and local people. Many people have Chinese ancestry, and they maintain both local and Chinese living customs. When this kind of people choose their cultural identity to be Thailand, it is difficult to distinguish their identities. There are a large number of cross-border residents living in Myanmar, Laos and other border. These people lack entry and exit documents and related records. These reasons have affected the data of the number of overseas Chinese. [11. P. 62–69]

However, there is no doubt that the overseas Chinese in Southeast Asia account for the largest proportion of the overseas Chinese population in the world. They are concentrated in various countries in Southeast Asia. They play a particularly important role among the Chinese in the world and are also an important diplomatic asset of the People's Republic of China.

II. The economic status of overseas Chinese in Southeast Asia

For centuries, Chinese people have been renowned for their prudent approach to personal finance. This attribute also applies to Southeast Asian Chinese, who embody the hardworking and frugal nature of their ancestors in their diligent accumulation of savings, forming a foundation of capital over time. [18. P. 75]

Before Western colonists came to Southeast Asia, there were already many Chinese and Indian immigrants living here. Although they are different from the original inhabitants and immigrants in terms of thinking, cultural customs and language, they still live in harmony. The Western colonists wanted a better grip on the land, so they adopted the typical divide-and-rule method, using race, religion to reduce the cohesion of the local and ethnic groups. In this case, the white colonists, Chinese and Indian immigrants and local in Southeast Asia were divided into different classes and engaged in different occupations.

White colonists were the main owners of political power, land and wealth. Chinese who are hard-working and good at business activities become professional handler. Some Indian immigrants work in the military police, security and civilian departments, and most of them are ordinary labor coolies. A small part of the local became the servants and plantation workers of the colonizers, and most of them were engaged in traditional agricultural production in the vast rural areas and lived a life of poverty. [14]

The overseas Chinese capital in Southeast Asia has long been regarded as a "remnant of the colonial economy". The economic achievements of the overseas Chinese people here are regarded by the local as nonnational economies, resulting in many violent protests and even massacres against the local overseas Chinese. However, this is an excuse used by the indigenous rulers to transfer social contradictions. Chinese business activity in colonial Southeast Asia was often pioneering, relegated to sectors, niches, and peripheral areas not occupied by Europeans or reserved for natives. [19. P. 35] The original capital accumulation of the overseas Chinese economy in Southeast Asia has always been completed locally and has not been transferred to other countries. The overseas Chinese have a long history of settling down in Southeast Asia. They will make reasonable investment in the profits they will gain from years of economic activities, thus gradually promoting the economic development of the overseas Chinese group. This process objectively promoted the modernization of Southeast Asia. In addition, the commercial territory established by the overseas Chinese in Southeast Asia is not a western monopoly oligopoly economy, but a local commodity economy based on local resources. This overseas Chinese economic model has solved a large number of local labor employment problems and promoted the modernization of the country.

Due to the limited access to overseas Chinese economic data, the actual statistics of the wealth distribution and economic strength of the overseas Chinese are difficult. At present, there is no systematic and mature overseas Chinese business statistic database. However, over the years, there have been estimates from different perspectives on the development of the overseas Chinese economy in Southeast Asia.

Overseas Chinese capital reached an asset scale of 300 billion Yuan at the end of the 1990s, a sharply increase of more than 100 times over the 1950s. Among the five main Southeast Asian countries (Indonesia, Malaysia, the Philippines, Singapore and Thailand), overseas Chinese control 70% of the wealth of private enterprises in the region with 6% of the population. [10, P. 39]

By the mid-1990s, Malaysia had about 30 overseas Chinese enterprise groups with a capital scale of more than 300 million dollars; There are about 20 overseas Chinese enterprise groups with a capital scale of more than 200 million US dollars in Singapore. [20. P. 1–7]

In 1994, the top 10 enterprise groups in Indonesia were all overseas Chinese enterprises. Ethnic Chinese control a significant portion of private capital in Indonesia. In fact, before the 1997/1998 economic crisis, 26 out of the top 30 business groups were owned by Sino-Indonesians. [21. P. 140]

From to the statistics of The Economist in 2001, the overseas Chinese, who only account for 3-4% of the Indonesian population, control 73% of the Indonesian stock market share; overseas Chinese account for 30% population of the Malaysia, account for 69% of the Malaysian stock market share. In the Philippines, overseas Chinese account for 2% of the population, control 50% - 60% of the Philippine stock market share. In Thailand, the overseas Chinese accounts for 14% of the population, account for 81% of the share of Thailand's stock market. [22]

From the Global Top 1,000 Chinese Businessmen list (2016), there are 53 overseas Chinese businessmen on the list, including 52 from Singapore, Thailand, Malaysia, Indonesia and the Philippines in Southeast Asia, excluding the Chinese mainland, Hong Kong, Macau and Taiwan. [12. P. 15] Between 2007 and 2017, the number of overseas Chinese businessmen on the Forbes list increased 1.6 times, from 22 to 58, mostly in Southeast Asia and North America. [12. P. 20]

As the largest ethnic group in Southeast Asia after indigenous people (except Singapore), the Chinese have economic power far in excess of their population. It can be clearly seen from the above data that the Chinese in Southeast Asia have significant economic advantages in terms of capital scale, number of high-value companies, stock market share and number of billionaires, and the economic strength of the Chinese in Southeast Asia occupies an advantage among the Chinese groups worldwide.

In terms of distribution, overseas Chinese capital is mainly concentrated in industry and commerce, financial industry, service industry, etc., with less achievements in high-tech fields. Influenced by economic nationalist policies, overseas Chinese-run enterprises are mostly small and medium-sized enterprises concentrated in low-end technology, lacks strong manufacturing sector and technology as support. [10. P. 44] In the public facilities, energy, food industry, overseas Chinese companies do not have a large share. These industries are related to national security of South East countries.

Chinese living in Southeast Asia have gained a high reputation after their own efforts and extraordinary economic achievements. However, there are also very exaggerated doubts. Since the implementation of the reform and opening-up policy in the 1980s, China's economy has taken off

rapidly. Many overseas Chinese from Southeast Asia have actively invested in China and established business networks. Similarly, Chinese capital, products and technologies have also been actively invested in the markets of various countries. The local of Southeast Asia are mixing the overseas Chinese with the People's Republic of China, creating an increasingly rampant Chinese threat rhetoric.

Southeast Asian officials, locals, and the media, to some extent, began to misinterpret the relationship between the overseas Chinese economy the Southeast Asian economy, creating contradictory voices. Such as the economic lifeline of Southeast Asia is in the hands of the overseas Chinese, the rich overseas Chinese dominate Southeast Asia, and the Chinese control the Southeast Asian economy.

However, is this really the case? The overseas Chinese do have strong advantages in some fields, but from the perspective of the entire national economic situation, the overseas Chinese economy is still subordinate in Southeast Asia. Relevant worlds remarks exaggerate the economic strength of the overseas Chinese, and over-exaggerate the economic power that the overseas Chinese have always been in a weak position.

The overseas Chinese economy has obvious advantages in the areas of free competition in the Southeast Asian market. However, the overseas Chinese economy is relatively weak in such areas as energy and resources development, which are the lifeblood of the national economy, as state-owned capital or local companies dominate. Overseas Chinese have considerable wealth and good economic conditions, but lack the right to control and distribute wealth. Over the past two decades in particular, wealthy Chinese business families have been credited with driving economic growth in China and Southeast Asia. [23. P. 10] While gaining a great reputation, with the significant development of information technology in the past two decades, local young indigenous people realize that after years of efforts, it is still difficult to accumulate as much wealth as the overseas Chinese community, and all kinds of grievances and hatred can easily spread through the Internet. Therefore, the wealth controlled by the overseas Chinese has always been covetously, such wealth is always unstable, it is difficult for the Chinese to protect their own wealth, at any time facing the risk of being seized by political forces. This is the most important problem in the economy of overseas Chinese, and also the embodiment of their rich but not strong status.

III. The political position of overseas Chinese

Although the overseas Chinese have many years of immigration and residence history in Southeast Asia, during the colonial period of Western, the overseas Chinese was not allowed to hold own land in the countryside. This policy has led to a severe divide between overseas Chinese and local who are engaged in agriculture in rural areas. [14]

Although Chinese living in cities have no means of production such as land, the information and opportunities provided by cities allow overseas Chinese to contact modern economic development models earlier than local in rural areas. Overseas Chinese follow the trend, take advantage of opportunities, carry out trade activities, and explore a specific business path. However, as the Chinese economic development became more successful and their living conditions became better, other ethnic groups and colonizers became dissatisfied. Coupled with the influence of the "divide and rule" policy adopted by the white people at that time in order to effectively control the power and guard against the union of the various local races. All ethnic groups are full of vigilance and estrangement towards the overseas Chinese. This also sowed unfavorable seeds for the relationship between the overseas Chinese and the local ethnic group in the future, brought obstacles to the overseas Chinese to participate in political activities in the future, and even once triggered a large-scale genocide.

In some Southeast Asian countries where locals account for a relatively high proportion of the total population, racism is rampant, and overseas Chinese cannot enjoy equal civil rights with aborigines. Even overseas Chinese living in some countries (Indonesia, Myanmar, etc.) even have not available the most basic citizenship. While possessing racial privileges, the indigenous people still have a strong political struggle awareness. They always regard the overseas Chinese as foreigners, and set up many obstacles to overseas Chinese participation in politics and elections. Therefore, for overseas Chinese living in Southeast Asia, the road to political advancement is full of difficulties.

According to the actual political participation and the influence in the local political life, the overseas Chinese living in Southeast Asia can be divided into three categories according to their political status.

***Category 1*:** Singapore. As the main national group in Singapore, the overseas Chinese are the leaders of Singapore's national political power and have an absolute dominant position.

***Category 2*:** Thailand and the Philippines. Here, the overseas Chinese have a high extent of integration with the local ethnic groups. Although they will also be influenced by xenophobic thoughts to a certain extent, in general, the overseas Chinese can participate in all political life in these two countries, and many national leaders of Chinese descent have been born.

***Category 3*:** Malaysia, Indonesia, Brunei, East Timor and other countries in Indo-China Peninsula except Thailand. Overseas Chinese in Malaysia have a strong enthusiasm for political participation and have a certain influence in the local political arena, but they are subject to many restrictions. Indonesia is the country with the largest number of overseas Chinese in the world, but at the same time Indonesia is also one of the countries with the lowest political status of overseas Chinese, and there are hardly many political channels for overseas Chinese to rise. The number of overseas Chinese living in Brunei, East Timor and the Indo-China Peninsula is relatively small, and they are not enthusiastic about participating in political life. They still focus on developing the overseas Chinese economy, and their political status in these countries is relatively low. The marginal location has limited space for political development. The issue of overseas Chinese is currently a sensitive topic in these countries and often triggers a climax of public opinion during the election period.

The following is an example of the political status of overseas Chinese living in different countries (Singapore

will not be analyzed due to the dominant position of overseas Chinese).

1. Thailand. Thailand is the only country in Southeast Asia that was not fully colonized. The royal families of various dynasties in Thailand have Chinese ancestry. In Thailand, overseas Chinese not only have a long history of political participation, but also have a large number of people join political life. It is currently one of the countries that gives overseas Chinese political power and civil rights the most extensive. Since the World War II, the Thai government has gradually loosened restrictions on overseas Chinese naturalization. Indigenous people in Thailand also have a high acceptance of Chinese citizenship. These factors have helped users of Thai Chinese in their pursuit of political power. Especially, the 1983 general election stipulated that all legal Thai citizens have the right to vote and stand for election, thus stipulating that the Thailand overseas Chinese enjoy the same civil rights as Thais. [24]

The main ethnic group in Thailand is a different branch of the same ethnic group as the Dai ethnic group in Yunnan Province, China. Because of their similar language and culture, minorities from China's border provinces who migrate to Thailand become well adapted to local life. Thailand as a whole believes in Buddhism, religious characteristics for things a higher degree of tolerance. The overseas Chinese also have a high degree of recognition of Buddhism. Therefore, the local people have a relatively natural acceptance of Chinese immigrants and a high degree of tolerance. After the overseas Chinese acquired Thai nationality, the local people, as citizens of the host country, had the obligation to exercise the powers prescribed by law. Meanwhile, the overseas Chinese community also had the need to express political demands and pursue ethnic interests. The relatively loose ethnic policies in Thailand have boosted the overseas Chinese's yearning for political power.

With the continuous deepening of the contact between the overseas Chinese and the local aboriginals from all walks of life, the overseas Chinese are further inclined to participate in the national affairs as citizens of Thailand and jointly promote the development of the country with the aboriginals. The overseas Chinese and the indigenous people can compete fairly in all fields. The indigenous people basically have no preferential policies, and the overseas Chinese even occupy a favorable proportion in many sectors due to their high quality. Overseas Chinese also account for 60 percent of government offices, universities, hospitals and research institutes in Thailand. [25. P. 27–33, 39.]

Thailand is a binary constitutional monarchy, and the democratization process is developing rapidly. Although there are sometimes dictatorships in the military, in most cases Thailand can carry out elections representing the public opinion. Since the establishment of constitutional monarchy in 1932, Thailand has had 17 overseas Chinese prime ministers. Among them, a number of leaders of the Pheu Thai Party have been elected prime minister, especially Thaksin Shinawatra and Yingluck Shinawatra (brother and sister), have been elected as the prime minister of Thailand. That would be unthinkable in a conservative Malay nation-state.

2. The Philippines. The Philippines is a country that has been thoroughly influenced by Western culture, and the official language used is English. Although the indigenous people of the Philippines are Malays, the main religion of the entire country is Catholicism. Due to the colonization of many countries and the strong influence of the United States, the Philippines is relatively modern in terms of national political system construction, and the president is elected by voters. There also has been some presidents who has Chinese ancestry in the Philippines, where the overseas Chinese have the same right to run for office as the natives.

Overseas Chinese in the Philippines even often identify their Chinese ancestry during election campaigns, thereby obtaining political funding and support from relevant overseas Chinese associations. However, the overseas Chinese in the Philippines had no real influence in promoting and protecting overseas Chinese interests. Many overseas Chinese candidates cannot be seen as overseas Chinese politician because they cannot represent overseas Chinese community, they are more Filipino in every way and fully acceptable to Filipinos. Like other candidates, they ran as Filipino citizens, not as representatives of the overseas Chinese community. [26]

Both traditional overseas Chinese and younger overseas Chinese, they all tend to think of themselves as citizens of this country to treat in the Philippines, Overseas Chinese identity just origin background of symbols, to some extent the Philippines overseas Chinese based on their tendency obvious, based on individual or based on the country, for national identity and cultural identity gradually weakened. At the same time, there is a long-standing tendency for discord within the overseas Chinese community. Even if overseas Chinese candidates are elected, they only represent part of the overseas Chinese community behind them. Different overseas Chinese communities have different economic power and social influence, so the competition among overseas Chinese candidates is actually a competition within the overseas Chinese community. In the Philippines, anti-Chinese incidents are sporadic, and the social vicious incidents of kidnapping overseas Chinese threatening their family numbers are also on the rise. Faced with the critical situation of indigenous people threatening the safety of overseas Chinese, the overseas Chinese community is unable to unite and unite externally. Although these incidents did not rise to the level of genocide, and the political status of overseas Chinese in the Philippines was still much higher than that in some Southeast Asian countries, it was enough to reflect the short-sightedness and insufficiency of overseas Chinese political participation, which reduced the efforts made by the entire overseas Chinese community to obtain political and civil rights.

3. Malaysia. In the post-colonial period, the three-level ethnic hierarchy structure of white colonists, Chinese and Indian immigrants, and local aboriginals was replaced by the dual ethnic structure of indigenous political elites, Chinese and Indian immigrants. [14] As an intermediate group between the high colonialists and the low aborigines, the overseas Chinese became the biggest enemy in the eyes of the aborigines after the colonists withdrew from Southeast Asia.

During the colonial period, the overseas Chinese focused too much on the development of business and did not think deeply about the political situation after the withdrawal of the colonists. They still insisted on living a small and comfortable life. This encouraged indigenous ethnic policies. The indigenous Malays in Malaysia used their political power to strengthen their racial privileges for many times, which resulted in the failure of the status of the overseas Chinese to develop synchronously with the whole country, resulting in huge hidden contradictions. In terms of national identity, Malaysian overseas Chinese actively choose to become naturalized and want to participate in national life, but the laws of Malaysia give unequal treatment to different races. After the independence of Malaysia, the Constitution clearly stipulates that the indigenous Malays have preferential privileges. The United Malays National Organization (UMNO) representing the Malays has become the main ruling party of Malaysia. Malaysia expelled overseas Chinese-majority Singapore from the country in 1965. [14. P. 199–210]

The Malaysian government has helped to enhance the voice of Malays in the economic field by sacrificing and infringing on the interests of the overseas Chinese, and has continued to implement the policy of racial differentiation to distinguish the overseas Chinese community from the Malay community. Therefore, the overseas Chinese in Malaysia still retain the most perfect Chinese identity and cultural beliefs in the whole overseas Chinese community. The cohesiveness of overseas Chinese ethnic identity is based on the background of increasing political exclusion, while the overseas Chinese are more united, and the policy of "Malays first" is further developed, which has created a vicious circle.13 May Incident in 1969 caused, the political power of Malaysia was completely tilted to Malays.

After 1969, the ruling party of Malaysia amended the Constitution for many times to increase the number of constituencies. Despite an increase in the number of constituencies, the rural areas with majority Malays and no overseas Chinese candidates indirectly boost the voting power of Malays in the general election. [10. P. 29]

Therefore, although the consciousness of overseas Chinese participation in politics has been awakened in Malaysia for a long time, the progress of Malaysian overseas Chinese in obtaining full equality with local ethnic groups has been difficult to develop due to the racial policy. Although Malaysia treats the overseas Chinese more cautiously than Indonesia, the biggest development space for the overseas Chinese in the political field is that the overseas Chinese political parties participate in political life with a small number of parliamentarians and a small percent of political participants. The overseas Chinese cannot own the federal subject (state) in power of the overseas Chinese.

4. Cambodia. Since Cambodia entered the Kingdom of Cambodia, its political development has been relatively stable and its people's living conditions have gradually improved. The local overseas Chinese have the same political and legal status as the indigenous people. However, for historical reasons, the Khmer Rouge regime of the 1970s, and multiple regimes that rapidly came to power and then collapsed, inflicted tremendous persecution on the Cambodian people and the local overseas Chinese community. The local ethnic relations and organizations of the overseas Chinese were all disintegrated, especially the overseas Chinese living in cities, who were massacred and persecuted in large numbers. Later, on the one hand, with the slow restoration of social order, Cambodian overseas Chinese mainly focused on economic development and living conditions improvement, without showing any urgent political needs. On the other hand, the overseas Chinese community in Cambodia is now scattered, drawn from rural areas across the country. Although the new overseas Chinese community is developing continuously, it does not have strong organizational ability and cohesion compared with the overseas Chinese community in other Southeast Asian countries. At present, the overseas Chinese in Cambodia focus on Chinese cultural customs, Chinese language education and other contents, and have not shown strong enthusiasm for the pursuit of national political power.

In contrast, the participation of Cambodian overseas Chinese in politics has been carried out in another way. The former Minister of Information of Cambodia-Lu Lay Sreng, the Minister of State-Cham Prasidh, and the Cabinet Minister-Sok An, are all of Chinese descent. The wife of Cambodian Prime Minister Hun Sen is a descendant from Hainan Province, China. These overseas Chinese people who survived the war in Cambodia have all had the experience of trying to hide their Chinese ancestry, and they are all political people as Cambodians, because the background of Chinese ancestry may not be conducive to the promotion of political status. [27]

In addition, according to the interview record of Professor Zhuang Guotu with a overseas Chinese officer in Cambodia (2002), before 1991, the officer tried to avoid his Chinese ancestry. Later, the social gradually stable, but he still thought it was benefit for not reflecting the overseas Chinese information on formal occasions. The officer, like a politician with hidden ancestry, was still worried about the unknown danger caused by his overseas Chinese information because he could not fully trust the indigenous regime in his country. [27] Especially when China is rising, overseas Chinese sometimes need to avoid letting China's achievements affect their emotions, because the experience of overseas Chinese tells them that when there is an anti-China movement or riot, it is the local Chinese who suffer. [28. P. 4] With the gradual recovery of the overseas Chinese community in Cambodia and the continuous development of the overseas Chinese economy in Cambodia, the overseas Chinese community will continue to strengthen ties, and there will be more and more political demands representing the interests of the overseas Chinese community. They develop with the goal of gaining status in politics, in order to defend their economic and social rights.

5. Indonesia. The Dutch colonists implemented the policy of "divide and rule" in Indonesia, set up ethnic boundaries, promulgated the residence system and the pass system, exacerbated the conflict between the overseas Chinese and the indigenous population. [29. P. 3]

At the beginning, the overseas Chinese went to sea to make a living. The economic demand always was the most important pursuit. When Indonesia became independent, the local overseas Chinese had strong cultural identity with China, and did not naturalize in time in their political iden-

tity. [29. P. 40] After the indigenous people gained power, the issue of nationality became a symbol to judge ethnic groups. Overseas Chinese in the eyes of Indonesia have always been connected with their home country and remain loyal to China, not to Indonesia. The Indonesian authorities have always been wary of the overseas Chinese, who they fear pose a threat to Indonesia, so the Indonesian government has been very conservative in the issue of the overseas Chinese actively fighting for national identity and national treatment. [30. P. 83]

Although Indonesia's Constitution states that overseas Chinese naturalized as citizens must be treated equally with other citizens, aboriginal status remains crucial for measuring political power and national treatment. The China issue is the result of the Indonesian government's attitudes and policies rather than China itself, and the belief that suppressing the Chinese can ensure their uniqueness is misleading. [31. P. 30]

It took generations of constant efforts by overseas Chinese communities to fight for equal rights resulting in the terms of the Constitution regarding aborigines and non-aborigines being changed many times and no longer appearing. However, distinctions based on "aborigines" and "non-aborigines" still exist in daily life, leaving overseas Chinese as unequal citizens

In addition to the disadvantageous external reason of the discrimination of indigenous people against overseas Chinese, the disunity among Indonesian overseas Chinese is also important reason for their low political status. Indonesia was the country with the largest number of overseas Chinese in the world, Indonesian overseas Chinese were focused by the Government of the Republic of China diplomatic affairs. With the establishment of the People's Republic of China, the Indonesian overseas Chinese formed two factions to support the Chinese Mainland and Chinese Taiwan respectively. Therefore, it has caused internal discord among overseas Chinese associations. Besides, due to the differences of different clans, economic development levels, many interest groups have formed within the overseas Chinese community, which has reduced the cohesion of the overseas Chinese. So they cannot to express a consistent voice to the outside world. [29. P. 41]

Facing unfavorable conditions both inside and outside, the Bumiputera elites aimed at the time, and in 1965-1967, the anti-China incident started by Haji Mohammad Suharto due to the coup triggered a large-scale genocide of the Bumiputera against the overseas Chinese, causing thousands of overseas Chinese living in Indonesia died. May 1998 riots of Indonesia killed a large number of overseas Chinese. During this period, overseas Chinese shops were looted and burned, and overseas Chinese women were sexually harassed and other vicious incidents emerged one after another. The hostility of the Indonesian indigenous people to the overseas Chinese is deeply reflected in several large-scale genocide incidents, and the overseas Chinese fears and concerns about the Indonesian indigenous people have also become more intense due to anti-China activities.

After the May riots, the overseas Chinese awakened to political participation and fought hard to defend their lives and power. After many genocide and racial discrimination activities, the overseas Chinese community no longer has any illusions about the Indonesian government and the indigenous people. They have changed from their previous role that only cared about economic interests, and actively seek to improve their political status to protect their personal safety and economic rights.

The overseas Chinese have huge wealth in Indonesia, but in the face of anti-China activities, not only wealth, but also the most basic human right, life and safety, will be plundered at any time. This bloody experience not only shows that the overseas Chinese in Indonesia have become a tool for those in power to play tricks, but also that they have lost their racial and human status. If they want to prevent this kind of phenomenon from happening again, the overseas Chinese can only actively devote themselves to politics and take up public office, so as to enhance the status of the overseas Chinese from a political point of view, so as to ensure the safety of the group.

In peacetime, the overseas Chinese can fight for political rights and interests according to legal requirements and develop their economy freely. However, when social contradictions increased in Indonesia, due to the gap in economic status, inequality in political status and changes in the relationship between China and Indonesia, all kinds of reasons have caused dramatic changes in the status of overseas Chinese in Indonesian society. Therefore, in politics, Indonesian overseas Chinese do not want to be the scapegoat for domestic conflicts in Indonesia, nor continue to live as low-level citizens. They are working hard to improve their political status within the political space granted by the government, and continue to expand the boundaries of political power granted by the government. In the limited political space stipulated by the Indonesian indigenous people, although the overseas Chinese have made a lot of efforts for this, the status of the overseas Chinese has been improved a lot at the legal level, but in the actual implementation process, the status of the overseas Chinese has not been improved significantly, and they are still discriminated against in daily life. Even if the overseas Chinese economy is very strong, it has little effect on the promotion of Chinese overseas political status.

Marx put forward: The economic base determines the superstructure. However, in most countries in Southeast Asia, the Southeast Asian overseas Chinese, who have a huge economic advantage, have not been able to gain an advantage in political power, and instead show a great disadvantage opposite to their economic advantage.

The overseas Chinese stand hard work, have business talent, are good at operating business networks, and have made great achievements in the economic field. It is precisely because of their economic superiority that the overseas Chinese are separated from the indigenous people. [32]

While focusing too much on economic development, the Chinese have lost their political acumen. The overseas Chinese businessmen's thinking has not helped them transform their economic advantages into the basis of political participation in a timely manner, resulting in a slow awakening of the consciousness of improving the political status of the Chinese themselves. The economic achievements that have lost the protection of political power are faced with the possibility of being deprived at any time. After several riots against overseas Chinese broke out in some

Southeast Asian countries, overseas Chinese paid the price of life and property and learned that there is nothing without political power. Since then, many overseas Chinese have taken part in local political activities. The Southeast Asian overseas Chinese have changed from being immersed in business and indifferent to politics to discussing, participating in and engaging in politics. [33]

However, it is a hard and long road to improve the political status of the entire Chinese group in the residence country or bring benefits to the entire Chinese ethnic group by actively participating in political activities. This does not depend entirely on the conditions and efforts of the overseas Chinese, and the social and cultural situation of the country of residence also has an impact that cannot be ignored. Under different ethnic policy environments, the impact on ethnic identity of overseas Chinese is different. Even in the so-called "melting pot" America, overseas Chinese are still marginalized by the mainstream society, not to mention the popularity of nationalism in some Southeast Asian countries. Perhaps this is the natural problem faced by Chinese immigrant groups.

IV. Inadequacies

On the one hand, the overseas Chinese policies discussed in this paper involve a large amount of historical data. Due to the difficulty in obtaining first-hand data, this paper mostly uses data from literatures related to overseas Chinese studies that have been published publicly, so the details of some of the contents are not completely consistent. For the description of the Chinese communities, representative countries are selected for discussion, so as to draw general conclusions.

On the other hand, this article involves the investigation analysis of some data. This article tries to select authoritative data or public data, but, due to different data statistics standards and research subjects, the actual data may not be completely consistent with the data in this article.

Summary

The overseas Chinese here have strong economic strength in here, but they show a weak political strength. The gap between the two is a prominent feature of the overseas Chinese community in Southeast Asia. In addition, while the overseas Chinese in this region participate in the construction of their residence countries' own society, they are also closely related to the development of China. Therefore, leveraging the strength and influence of the overseas Chinese to foster global collaboration and growth has emerged as a distinctive asset for the diplomatic endeavors of the People's Republic of China.

References

1. Cull, N.J. (2008) Public diplomacy before Gullion: The evolution of a phrase. In: Snow, N. & Taylor, P.M. (eds) *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. New York: Routledge. pp. 39–43.
2. UNESCO. (2019) *The Overseas Chinese: A long history*. [s. l.]: UNESCO. [Online] Available from: https://en.unesco.org/courier/2021-4/overseas-chinese-long-history (Accessed: 4th January 2023).
3. Heinz, C.B. & Murray, J. (2018) *Asian Cultural Traditions*. Long Grove: Waveland Press.
4. Rae, I. & Witzel, M. (2008) *The Overseas Chinese of Southeast Asia: History, Culture, Business*. New York: Palgrave Macmillan.
5. 国务院侨务办公室. (2015) *华侨、外籍华人的定义是什么？* [s.l.]. [Online] Available from: http://www.gqb.gov.cn/news/2015/1125/37146.shtml (Accessed: 5th January 2023).
6. New World Encyclopedia. (2022) *Overseas Chinese*. [Online] Available from: https://www.newworldencyclopedia.org/entry/Overseas_Chinese (Accessed: 5th January 2023).
7. Zhuang Guotu. (1989) ***中国封建政府的****华侨政策*. Xiamen: **厦**门大学出版社. pp. 343–350.
8. Zhang Jingying. (2019) *马克思主义文化哲学视角下的海外华人文化认同研究*. Quanzhou.
9. 国务院侨务办公室编 (Overseas Chinese Affairs Office of the State Council). (1999) *侨务法规文件汇编 1955－1999* [Compilation of Overseas Chinese Affairs Regulations and Documents]. pp. 1150.
10. Cao Yue. (2022) ***二****战后东南亚国家华人政策变迁*. Shanghai.
11. Zhuang Guotu. (2009) 东南亚华侨华人数量的新估算 [New estimates of the number of overseas Chinese in Southeast Asia]. ***厦****门大学学报 (****哲学社会科学版****) – Journal of Xiamen University: Arts & Social Sciences*. 3. pp. 62–69.
12. Wang Huiyao. (2018) *康荣平"****世界****华商发展报告（2018）* (World Chinese Business Development Report 2018). Beijing: **社会科学文献出版社**.
13. Liu Yinan. (2013) *华人国际移民、侨汇与中国经济增长研究*. Shanghai.
14. Zeng. H.B. (2019) 东南亚城市兴起、族群等级与华人地位 [Urban Rise, ethnic hierarchy and Overseas Chinese Status in Southeast Asia). *东亚评论 – East Asia Review*. 2. pp. 199–210.
15. Huang Runlong. (1998) **海外**华人的界定和美籍华人数量统 [The definition of overseas Chinese and the statistics of the number of Chinese Americans]. ***人口学刊***. 6. pp. 8–15, 22.
16. Statista. (2022) *Selected countries with the largest number of overseas Chinese 2021*. [Online] Available from: https://www.statista.com/statistics/279530/countries-with-the-largest-number-of-overseas-chinese/ (Accessed: 31st October 2022).
17. Li, M. (2009) *Soft power: China's emerging strategy in international politics*. Plymouth: Lexington Books.
18. Zhang, W.W. (2012) *The China Wave: Rise of a Civilizational State.* Hackensack: World Scientific.
19. Jomo, K.S. & Folk, B.C. (2005) *Ethnic Business: Chinese Capitalism in Southeast Asia*. New York: Routledge Curzon.
20. Wang Zhizhang & Luo Yang. (2013) 华侨华人与建设中国国家软实力的内在关系 [The Intrinsic Relationship between Overseas Chinese and the Construction of China's National Soft Power]. *郑州航空工业管理学院学报 – Journal of Zhengzhou University of Aeronautics*. 4. pp. 1–7.
21. Chua, C. (2008) *Chinese big business in Indonesia: The state of capital*. New York: Routledge.
22. The Economist. (2001) *Empires without umpires: Asia's business culture is good for tycoons, not shareholders*. [Online] Available from: https://www.economist.com/special-report/2001/04/07/empires-without-umpires (Accessed: 9th January 2023).
23. Freedman, A.L. (2000) *Political participation and ethnic minorities: Chinese overseas in Malaysia, Indonesia, and the United States*. New York: Routledge.
24. Li Jie. (2008) 东南亚华人政治经济地位的差异及其原因 – **泰国和印尼的**对比分析 [Differences in Political and Economic Status of Overseas Chinese in Southeast Asia and Their Reasons – Comparative analysis of Thailand and Indonesia]. ***八桂****侨刊 – Overseas Chinese Journal of Bagui*. 1. pp. 62–65.

25. Xu Guodong. (1994) 从华人宗教信仰剖析泰国的"同化"政 [Analysis of Thailand's Assimilation Policy from the Perspective of Chinese Religious Beliefs]. *华侨华人历史研究 – Journal of Overseas Chinese History Studies*. 2. pp. 27–33, 39.
26. Shi Xueqin. (1994) 华人在菲律宾的政治地位 [The Political Status of Overseas Chinese in the Philippines]. ***南洋****资料译丛 – Southeast Asian Studies*. 1. pp. 87–94.
27. Zhuang Guotu. (2004) 二战以来柬埔寨华人社会地位的变化 [Changes in the Social Status of Cambodian Chinese Since World War II]. ***南洋****问题研究 – Southeast Asian Affairs*. 3. pp. 1–7.
28. Wong, B. & Chee-Beng, T. (2018) *China's Rise and the Chinese Overseas*. New York: Routledge.
29. Hu Guangming. (2005) *论二战后印尼华人政治地位的变迁* [Discussing the Changes in the Political Status of Indonesian Chinese after World War II]. Guangzhou.
30. Lai, H. & Lim, T.S. (2007) *Harmony and Development: ASEAN-China Relations*. Singapore: World Scientific.
31. Suryadinata, L. (1997) *Ethnic Chinese as Southeast Asians*. Sngapore: Institute of Southeast Asian Studies.
32. Wang, G.W. (1987) *东南亚与华人* [Southeast Asia and Overseas Chinese]. Beijing: 中国友谊出版公司.
33. Wang Wangbo. (2000) 东南亚华人社会政治地位的现状和发展趋势 [The Current Situation and Development Trend of the Social and Political Status of the Overseas Chinese in Southeast Asia]. ***南洋****问题研究 – Southeast Asian Affairs*. 4. pp. 54–65.

***Information about the author*:**
Xiang Yiyuan – Postgraduate Student at the Department of World Politics, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: i.yuan@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

***Сведения об авторе*:**
Сян Июань – аспирант кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: i.yuan@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.06.2023; принята к публикации 12.09.2024

The article was submitted 13.06.2023; accepted for publication 12.09.2024

Научная статья
УДК 94 (460).072
doi: 10.17223/19988613/91/14

Конвенция Элиота в контексте международной политики 1830-х гг.

Андрей Андреевич Терещук

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, atereschuk@herzen.spb.ru; san_petersburgo@inbox.ru

Аннотация. Анализируется роль конвенции Элиота 1835 г. в британской политике в Испании во время Первой Карлистской войны. Конвенция была заключена при посредничестве британского дипломата лорда Элиота. В качестве основного источника для проведения исследования выступил сборник документов, относящихся к миссии лорда Элиота. В статье предлагается новый взгляд на деятельность данного дипломата. Настоящее исследование предлагает оценивать его поездку на Пиренейский полуостров как попытку английской дипломатии установить контакты в карлистском лагере на случай победы дона Карлоса в войне.
Ключевые слова: международные отношения, Испания, Первая Карлистская война, конвенция Элиота

Для цитирования: Терещук А.А. Конвенция Элиота в контексте международной политики 1830-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 120–127. doi: 10.17223/19988613/91/14

Original article

Eliot Convention in the Context of International Relations in the 1830s

Andrei A. Tereshchuk

Herzen University Saint Petersburg, Russia, atereschuk@herzen.spb.ru; san_petersburgo@inbox.ru

Abstract. The present article studies the Eliot Convention in the context of the British foreign policy in Spain during the First Carlist War (1833-1840). The Convention was signed by the two sides of the conflict in 1835 through the mediation of the English diplomat Lord Edward Eliot. The document stopped the reprisals against the prisoners of war during the conflict. Lord Eliot's voyage to Spain in 1835 is often considered a “humanitarian” mission with the only purpose to stop executions. The article shows its political underground. The main sources for the study are memoirs of combatants and the corpus of documents Papers Relating to Lord Eliot's Mission to Spain in the Spring of 1835, published in London in 1871. The circumstances of Lord Eliot's voyage to the north of Spain are shown there. He met with several prominent generals and politicians on the Carlist side of the conflict, including don Carlos, the pretender to the Spanish throne, and General Tomás de Zumalacárregui, Commander-in-chief of the Carlist troops in Navarre and the Basque provinces. After the negotiations with the Carlists, Lord Eliot met with General Gerónimo Valdés, Commander-in-chief of the Northern army of Cristinos. The Convention was signed by Valdés on April, 27, and by Zumalacárregui on the next day. The article shows that Lord Eliot discussed with Valdés and some officers of his army the question of a possible military intervention of the French army that could defeat the Carlists. The article analyzes different opinions of Spanish officers towards the intervention reflected in Lord Eliot's papers. The presence of "French" party among the Spanish military is shown; despite that, in his dispatches, Lord Eliot tried to convince his superiors that most of the Cristino army are against the French intervention. The present study is based on the hypothesis that the real purpose of Lord Eliot´s mission was to establish contacts among the leaders of the Carlist movement. The documents relating to the mission confirm that supposition. During the negotiations with the Carlists, Lord Eliot reiterated the position of the British government towards the conflict and offered to don Carlos to down arms. Nevertheless, the mediation in the signing of the Convention made Lord Eliot popular among the Carlist military; he also established good personal relations with Zumalacárregui. It could be supposed that if in summer 1835 the Carlists had taken Bilbao and got chances to win the war, the Foreign Office would have sent more diplomatic missions to don Carlos, using the contacts established by Lord Eliot.
Keywords: international relations, Spain, First Carlist War, Eliot Convention

For citation: Tereshchuk, A.A. (2024) Eliot Convention in the Context of International Relations in the 1830s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 91. pp. 120–127. doi: 10.17223/19988613/91/14

© А.А. Терещук, 2024

Введение

Первая Карлистская война (1833–1840) – крупномасштабный конфликт, сыгравший важную роль в истории не только Испании, но и всей Европы. В ходе данного вооруженного противостояния на Пиренейском полуострове оформилось такое военно-политическое движение, как карлизм. С попытками его участников захватить власть будут связаны еще два внутренних конфликта в Испании на протяжении XIX в. (1846–1849, 1872–1876); кроме того, карлисты сыграли важную (возможно, ключевую) роль в победе сторонников Ф. Франко в гражданской войне 1936–1939 гг. Движение, отсчитывающее свою историю с 1833 г., сохранилось до XXI в., хотя в наше время карлисты не имеют большого значения на испанской политической сцене.

Особенную актуальность в изучении Первой Карлистской войны имеет анализ событий на Пиренейском полуострове в контексте международной политики. Внутренние конфликты в Испании и Португалии стали поводом и одной из причин заключения в 1834 г. Четверного союза – альянса Великобритании, Франции и двух пиренейских держав. Данный блок должен был изменить баланс сил в Европе и ограничить влияние России, Австрии и Пруссии (подробнее о Четверном союзе речь пойдет ниже). И Лондон, и Париж были заинтересованы в поражении в Испании дона Карлоса, которого они воспринимли как своего рода агента «северных держав». При этом уже с середины 1830-х гг. отмечается соперничество между англичанами и французами за влияние в Испании. Обе державы старались способствовать приходу к власти в Мадриде благожелательно настроенных к ним сил. Важным успехом английской дипломатии в этой борьбе представляется подписание конвенции Элиота в 1835 г. Обычно данный документ рассматривается вне связи с международными отношениями, как соглашение, значимое только для характера ведения боевых действий. В настоящей статье мы попытаемся взглянуть на конвенцию и обстоятельства, при которых она была подписана, через призму европейской международной политики.

Конвенция Элиота, или договор Элиота (исп. *convenio Eliot*, англ. *Eliot Convention*), – это соглашение, подписанное во время Первой Карлистской войны в Испании между командующим армией кристинос на севере страны генерал-лейтенантом Херонимо Вальдесом и главнокомандующим карлистской армией генерал-лейтенантом Томасом де Сумалакарреги 27–28 апреля 1835 г. Посредником в заключении договора стал английский дипломат лорд Эдвард Элиот (1798–1877), чьим именем традиционно называют данный документ. Конвенция Элиота прекратила расправы над военнопленными, которые были распространенной практикой с обеих сторон на начальном этапе войны, и способствовала гуманизации конфликта (о проблемах военного плена в Первую Карлистскую войну см.: [1; 2; 3. P. 57–65; 4]).

Конвенция вызвала некоторые нарекания среди «либеральных» политиков [3. P. 216], но была с восторгом встречена в обеих армиях. Многие участники войны были признательны Элиоту за содействие в заключении договора, который прекратил казни военнопленных. Британский доброволец на стороне дона Карлоса Ч.Ф. Хеннингсен посвятил дипломату свои воспоминания, опубликованные в следующем году в Лондоне [5]. Офицер карлистской армии Х.А. Саратьеги называл Элиота «благородным человеком», который прибыл «с важной миссией упорядочить войну» [6. P. 490]. Главный аудитор вооруженных сил дона Карлоса Х.М. Арисага указывал, что «Англия разработала план по упорядочению этой братоубийственной войны» вследствие «частых событий и актов, противных любому чувству человечности» [7. P. 14]. Воевавший на стороне кристинос Ф. Фернандес де Кордова также приветствовал заключение данного договора [8. P. 224].

В XIX–XX вв. специалисты, относившиеся к самым разным направлениям в историографии, оценивали конвенцию Элиота исключительно в положительном ключе, видя в ней документ, который спас тысячи человеческих жизней. Например, в рамках «либерального», или классического, направления в историографии Первой Карлистской войны А. Пирала писал: «…в этом пакте мы видим великодушные чувства и руку цивилизации, какой бы ни была причина его заключения» [9. P. 540]. А. Пирала входил в состав авторского коллектива во главе с М. Лафуэнте, выпустившего в конце XIX в. многотомную *Всеобщую историю Испании,* в которой конвенция Элиота называлась «событием важнейшего значения» [10. P. 173]. Многотомная *История испанского традиционализма*, задуманная во многом как «ответ Пирале», отмечала, что конвенция «делает честь как Карлосу V (дону Карлосу. – *А.Т.*) и Сумалакарреги, так и английским посредникам и генералу Вальдесу» [11. P. 50]. Таким образом, историки, придерживавшиеся диаметрально противоположных точек зрения на причины и следствия Первой Карлистской войны, сходились в оценках конвенции Элиота.

Еще в 1943 г. М. Феррер и соавт. писали, что обстоятельства, окружавшие поездку Элиота в Испанию, и «возможный политический зондаж» английского дипломата в ставке дона Карлоса до сих пор не были изучены в научной литературе [11. P. 43]. Почти восемь десятилетий спустя данная ситуация остается без изменений, и ни в отечественной, ни в зарубежной историографии не было сделано попытки проанализировать миссию Элиота и конвенцию 1835 г. в контексте международной политики. Более того, многие работы, обращаясь к изучению отношений между участниками конфликта и другими государствами, не упоминают о конвенции (см., напр.: [12–14]); другие авторы ограничиваются лишь рассмотрением ее значения исключительно в связи с ведением боевых действий [3. P. 216; 15. P. 49]. В то же время Элиот отправился на Пиренейский полуостров не по собственной инициативе, а по распоряжению британского правительства, и его поездка в Испанию состоялась через год после заключения договора о Четверном союзе между Великобританией, Францией, Испанией и Португалией.

В настоящем исследовании мы исходим из предположения, что миссия Элиота имела не только «гуманитарную» цель, но и решала задачи упрочения английского влияния на Пиренейском полуострове и зондиро-

вания почвы на случай возможной победы карлистов в войне. В качестве источника для проведения исследования выступают документы, относящиеся к миссии Элиота и опубликованные в 1871 г. в Лондоне [16]. Данный сборник документов включает в себя инструкции, данные Элиоту главой Foreign Office лордом Веллингтоном, донесения и официальные отчеты Элиота, его частную переписку с Веллингтоном, Пальмерстоном (возглавившим британское внешнеполитическое ведомство 18 апреля 1835 г.) и английским посланником в Мадриде Джорджем Вильерсом, дневник и частную корреспонденцию полковника Джона Гурвуда (Gurwood), сопровождавшего Элиота в поездке.

Международные аспекты Первой Карлистской войны весной 1835 г.

После начала восстания сторонников дона Карлоса (карлистов) против правительства в Мадриде (кристинос, или либералов) в октябре 1833 г. ведущие европейские державы разделились на две группы. Россия, Австрия и Пруссия с начала конфликта занимали благожелательную позицию по отношению к дону Карлосу. В 1836 г. они разорвали дипломатические отношения с Мадридом [17. С. 291]; кроме того, «северные державы» оказывали финансовую поддержку карлистам [18. P. 620]. В то же время Англия и Франция признали права принцессы Изабеллы на престол и выступили на стороне кристинос. Совместные действия британской и французской дипломатии в 1833–1834 гг. в Испании не должны удивлять: как отмечает Т.Н. Гончарова, в первые годы после Июльской революции 1830 г. для французских дипломатов было характерно сближение с Англией по целому ряду вопросов [19. С. 65]; конечно, во второй половине 1830-х гг. данная ситуация изменится.

22 апреля 1834 г., через 7 месяцев после начала Первой Карлистской войны, Великобритания, Франция, Испания и Португалия, в которой подходила к концу гражданская война, заключили договор о Четверном союзе [20]. Хотя в данном документе речь шла о совместных действиях против мигелистов в Португалии и карлистов в Испании, дипломаты того времени оценивали заключение договора как создание альянса, который должен был стать противовесом России, Австрии и Пруссии [21. P. 29]. С.С. Татищев в своей классической работе о внешней политике России писал, что заключение Четверного союза стало реакцией на российско-австро-прусскую Мюнхенгрецкую конвенцию 1833 г. [22. С. 396].

Договор о Четверном союзе имел первостепенное значение для Испании и Португалии. По оценке Х.Б. Вилара, данное соглашение устанавливало настоящий англо-французский протекторат над двумя странами на Пиренейском полуострове [23. P. 16]. Сторонникам мадридского правительства вступление в Четверной союз принесло значительную выгоду: достаточно сказать, что в июне 1834 – декабре 1840 г. испанские «либералы» получили от британских и французских Ротшильдов финансовую помощь в размере 380 млн реалов [24. P. 94]. Кроме того, с 1835 г. в войне против карлистов на стороне кристинос принимали участие воинские контингенты из Англии, Франции и Португалии [3. P. 21–25].

Несмотря на некоторые успехи кристинос на дипломатическом «фронте», в конце 1834 – начале 1835 г. ход боевых действий складывался благоприятно для дона Карлоса. Карлисты добились целого ряда успехов в Наварре и баскских провинциях. К весне 1835 г. они создали боеспособную армию, и многие в лагере дона Карлоса уже начинали обсуждать возможность похода на Мадрид (основную событийную канву Первой Карлистской войны см.: [3; 25; 26]). Таким образом, если весной 1834 г., на момент заключения договора о Четверном союзе, внешним наблюдателям могло показаться, что война уже практически выиграна кристинос, то год спустя исход конфликта был уже совсем не очевиден. В такой ситуации в Испанию был отправлен Элиот.

Миссия лорда Элиота

В 1833–1835 гг. обе стороны конфликта регулярно расстреливали военнопленных. Если у нижних чинов иногда был шанс избежать казни, то офицеров практически неизбежно ждала смерть. Наиболее известными жертвами данной практики стали расстрелянный кристинос в октябре 1833 г. маршал (mariscal de campo) Сантос Ладрон [26. P. 49] и казненный карлистами в апреле 1834 г. полковник Леопольдо О´Доннелл (двоюродный брат будущего главы испанского правительства) [6. P. 227–229].

Жестокость ведения войны в Испании вызывала беспокойство у короля Великобритании Вильгельма IV, который решил положить конец казням военнопленных. Во всяком случае, именно такое объяснение должен был давать отправленный в Испанию Элиот в соответствии с инструкциями, полученными от премьер-министра и главы Foreign Office Артура Уэлсли, герцога Веллингтона [16. P. 1–2]. Элиота сопровождал полковник Джон Гурвуд (1788–1845). Чтобы упростить английским представителям въезд на территорию, находившуюся под контролем карлистов, Веллингтон написал рекомендательное письмо графу Луису Пенн де Вильмуру, с которым был лично знаком и который занимал пост военного министра у дона Карлоса [16. P. 9–10].

30 марта 1835 г. в Париже Элиот встретился с французским премьер-министром Виктором де Брольи. Глава французского правительства выразил согласие с предложением британского монарха о заключении соглашения между противоборствующими сторонами в Испании, но заявил, что не может направить на переговоры представителя от Франции, пока не получит официального запроса от испанских властей [16. P. 39–40]. Таким образом, хотя Франция была союзницей Англии, Париж отказался от посредничества в заключении конвенции. Показательно, что 31 марта Элиот отправил письмо английскому посланнику в Мадриде Вильерсу, в котором сообщил, что встречался с испанским посланником в Париже герцогом де Фриас. В беседе с Элиотом испанский дипломат заявил, что участие французского представителя в переговорах с карлистами было бы нежелательным для мадридского пра-

вительства [16. P. 49–50]. Возможно, данная ситуация стала отражением англо-французского дипломатического противостояния в Испании, которое станет особенно острым во второй половине 1830-х гг. (см.: [27]).

4 апреля Элиот и Гурвуд прибыли в Байонну [16. P. 10–11], 14 апреля получили разрешение от Пенн де Вильмура на въезд на карлистскую территорию [16. P. 14], а 20 апреля в Сегуре (провинция Гипускоа) провели встречу с доном Карлосом и его министром иностранных дел Карлосом Крус Майор [16. P. 17–21]. По итогам беседы Крус Майор подготовил меморандум, в котором заявлялось, что дон Карлос согласен с предложением британского дипломата заключить соглашение с кристинос об обмене военнопленными [16. P. 24–27]. 24 апреля Элиот и Гурвуд в Асарте (Наварра) встретились с Сумалакарреги, который также одобрил инициативу британцев и в знак уважения к Элиоту отменил расстрел десяти пленных солдат противника.

27 апреля англичане в Логроньо (Риоха) провели переговоры с командующим Северной армией кристинос Херонимо Вальдесом [16. P. 36–38], который внес некоторые изменения в согласованный с Сумалакарреги текст конвенции. Исправленный Вальдесом документ был отправлен карлистам, и на следующий день Сумалакарреги подписал его в Эулате (Наварра). Конвенция включала в себя десять статей. Обе стороны обязывались сохранять жизнь сдавшимся солдатам и офицерам противника и регулярно производить обмен пленными. Конвенция Элиота регулировала действия противников в конфликте в провинциях Гипускоа, Алава и Бискайя и в королевстве Наварра (см. текст конвенции: [28]). В других регионах, в частности в Каталонии и Маэстразго, данное соглашение практически не соблюдалось [29. С. 88].

Вскоре после подписания конвенции Элиот и его спутник покинули Испанию. 14 мая в Париже они встретились с французским королем Луи-Филиппом, с которым обсудили обстановку в Испании [16. P. 99–101]. Это была не просто протокольная беседа: «король-буржуа» любил лично руководить работой внешнеполитического ведомства и принимать участие в решении даже мельчайших его вопросов [19. С. 66].

Миссия лорда Элиота и вопрос о французской интервенции

Миссия Элиота началась с поездки в Париж и закончилась визитом в столицу Франции. Это было закономерно: на протяжении всей войны французы принимали активное участие в решении испанской проблемы. Регент Испании Мария-Кристина и французский король Луи-Филипп были партнерами по Четверному союзу, и при европейских дворах обсуждали вопрос о возможной интервенции французской армии в соседнюю страну для разгрома карлистов. Французы вторгались в Испанию в 1808 г. (формально – для поддержки «законного» короля Хосе I) и в 1823 г. (для реставрации абсолютной власти Фердинанда VII). Интервенция 1823 г., известная как «Поход ста тысяч сыновей Святого Людовика», ознаменовалась триумфальным шествием французских войск по Испании, территорию которой они заняли в течение нескольких месяцев.

В 1830-е гг. часть французской политической элиты выступала за вторжение в соседнюю страну. Такого мнения придерживались многие военные, а также наследник престола Фердинанд Филипп, герцог Орлеанский. Активным сторонником интервенции в Испанию был министр внутренних дел Адольф Тьер, возглавивший правительство в феврале 1836 г.) [27. С. 178; 30. С. 120]. Приверженцы французского вмешательства были и среди испанского генералитета. Так, например, командующий Северной армией в 1835–1836 гг. Луис Фернандес де Кордова полагал, что для разгрома карлистов необходима интервенция французской армии численностью не менее 25 000 человек [31. P. 259]. Если для кристинос содействие соседней страны могло стать решающим фактором, который помог бы одержать победу в войне, то для Франции интервенция способствовала бы усилению влияния в Испании. В 1830-е гг. французы вели активные боевые действия в Алжире; победа на севере Африки и превращение Испании в своего сателлита привели бы к доминированию Франции в западной части Средиземноморья.

Тем не менее Луи-Филипп был противником открытого вмешательства Франции в Первую Карлистскую войну. В 1836 г. в беседе с генералом Кордовой король заявил, что интересы и безопасность его страны не позволяют ему ввязаться в столь рискованное и непопулярное предприятие; кроме того, Луи-Филипп назвал испанского политика Хуана Альвареса Мендисабаля своим личным врагом [32]. Мендисабаль, председатель Совета министров Испании в сентябре 1835 – мае 1836 г., был, вне всякого сомнения, проанглийской фигурой, и подобные слова Луи-Филиппа отражают вышеупомянутое англо-французское противостояние на Пиренейском полуострове. При этом представляется сомнительным, чтобы французский король считал вторжение в Испанию «непопулярным» в своей стране. Скорее всего, он опасался, что ввод войск в Испанию привет к ответной реакции России, Австрии и Пруссии.

На основании изучения дневника полковника Гурвуда и писем Элиота можно сделать вывод, что вопрос о французской интервенции был основной темой бесед английских представителей с офицерами армии кристинос (очевидно, что в переговорах с карлистами эта тема не поднималась). В депеше, отправленной Веллингтону из Логроньо 27 апреля (за 9 дней до этого Веллингтона во главе Foreign Office сменил Пальмерстон, но в Испании еще об этом не знали), Элиот указывает, что многие испанские офицеры настроены резко против любого иностранного вмешательства, особенно французского, и что интервенция потребует пребывания французских войск на севере Испании в течение неопределенного времени. В то же время английский дипломат не видел возможности завершить войну без иностранного содействия [16. P. 35–38]. Элиот, указывая на неприятие испанцами французской военной помощи, сослался на генерала Вальдеса, который “expressed a strong wish that a small English force could be sent to occupy some points in

Spain, whenever the advance of a French army should be determined upon" («выразил сильное желание, чтобы небольшой английский отряд был отправлен для занятия некоторых пунктов в Испании, вне зависимости от решения относительно интервенции французской армии») [16. P. 38].

Возможно, в официальном донесении английский дипломат выдавал желаемое за действительное и подталкивал свое руководство к более активной политике в Испании. О том, что реальное положение дел было несколько сложнее и что среди испанских военных существовала профранцузская «партия», которая надеялась на помощь Луи-Филиппа, можно заключить на основании дневника Гурвуда. 26 апреля полковник записал, что Кордова (который через 2 месяца возглавит Северную армию) и несколько его офицеров высказались однозначно в пользу интервенции союзников, в том числе французских войск [16. P. 89–90]. То же заключение Гурвуд делает в письме лорду Фицрою Сомерсету (будущему барону Реглану, командующему английской армией в Крыму в 1854–1855 гг.) от 1 мая. Полковник признает, что, хотя в испанской армии есть противники французской интервенции, большинство считает, что без помощи французов войну им не выиграть: "I am not politician enough to guess even what other result may ensue from French intervention, but without it, it appears to me quite clear that this country must remain in eternal Civil War" («Я не настолько политик, чтобы даже предположить, к каким другим результатам может привести французская интервенция, но без нее мне кажется совершенно очевидным, что эта страна будет пребывать в состоянии вечной гражданской войны») [16. P. 139].

Английское влияние на карлистов

Вопрос о французской интервенции занимает центральное место в документах, относящихся к миссии Элиота, но очевидно, что британское правительство отправило его в Испании совсем не для сбора данных о настроениях среди офицерского состава армии. В инструкциях, данных Элиоту герцогом Веллингтоном, указывалось, что дипломат должен напомнить дону Карлосу о том, что Англия не собирается изменять своего отношения к правительству регента Марии-Кристины и что глава карлистов должен подумать об отказе от претензий на испанский трон и об отъезде из Испании в Великобританию, где ему будет предоставлено политическое убежище [16. P. 6–7]. "To suppose that such a communication would induce Don Carlos to retire from the contest would be rather an unreasonable supposition" («Было бы странно предполагать, что такое сообщение побудит Дона Карлоса отказаться от участия в борьбе за трон »), – признавал сам Элиот в письме Вильерсу [16. P. 54]. Таким образом, ни желание узнать о настроениях в армии кристинос, ни надежда на внезапную капитуляцию дона Карлоса не могут представляться убедительными мотивами для отправки английского дипломата в Испанию.

Можно предположить, что переговоры об условиях конвенции давали англичанам возможность установить необходимые контакты в лагере дона Карлоса. Как уже было отмечено выше, к весне 1835 г. карлисты добились ряда успехов в войне. Гибель Сумалакарреги, неудачная осада Бильбао и поражение под Мендигоррией летом 1835 г. лишат дона Карлоса надежды быстро выиграть войну, но весной вполне можно было предположить, что его сторонники одержат победу. Приход карлистов к власти, разумеется, был бы невыгоден для Англии, так как ознаменовал бы собой значительное усиление влияния в Испании «северных держав». Вполне вероятно, что Foreign Office хотел подстраховаться на случай подобного развития событий; если бы карлистам удалось взять Бильбао в июне 1835 г., то вслед за миссией Элиота последовали бы и другие поездки английских представителей к дону Карлосу.

В пользу данной гипотезы свидетельствует несколько фактов. «Гуманитарная» цель миссии Элиота была идеальным предлогом для визита в лагерь карлистов, и, как уже было отмечено, посредничество Англии в заключении конвенции было положительно встречено всеми участниками конфликта. При этом до поездки Элиота война продолжалась в течение 19 месяцев, и расправы над пленными начались буквально с первых дней конфликта. Из соображений «человеколюбия» данную конвенцию можно бы было заключить по меньшей мере на год раньше.

Интересным вопросом является значение родственных связей Элиота для миссии: его дедом по материнской линии был Гренвиль Левесон-Гауэр, граф Гауэр (Gower). Испанский историк Х.Р. Уркихо на основании изучения переписки испанского посланника в Париже утверждал, что летом 1834 г. дом Гауэров предлагал карлистам заем в 5 млн фунтов стерлингов, тем не менее данная сделка сорвалась [33. P. 114]. Если подобное предложение на самом деле исходило от Гауэров летом 1834 г., то представляется логичным, что весной 1835 г. для встречи с доном Карлосом был отправлен дипломат, имеющий родственные связи с прокарлистски настроенной частью английской политической элиты.

Показательным является выбор спутника Элиота. Возможно, полковник Гурвуд должен был найти общий язык с Сумалакарреги, которого многие в Европе воспринимали как будущего диктатора при номинально правящем доне Карлосе (Вильерс писал об этом Элиоту 15 апреля 1835 г. [16. P. 60]). Гурвуд и карлистский главнокомандующий были ровесниками (родились в 1788 г.), оба происходили из незнатных, хотя и не бедных семей. И Гурвуд, и Сумалакарреги начали свою военную карьеру во время войны против наполеоновских войск в Испании в 1808–1814 гг. Вплоть до 1834 г. Сумалакарреги служил в чине полковника, как и Гурвуд. Наконец, Гурвуд хорошо говорил по-испански [5. P. 168].

Во время встречи полковник Гурвуд подарил Сумалакарреги подзорную трубу, которую герцог Веллингтон использовал во время боевых действий в Испании в 1808–1814 гг. [16. P. 123], что было важным для карлистского полководца в эмоциональном плане. По словам Ч.Ф. Хеннингсена, карлистский главнокомандующий не расставался с этим подарком англий-

ских дипломатов [5. P. 170]. По всей видимости, Сумалакарреги проникся симпатией к своим английским гостям. В письме лорду Фицрою Сомерсету от 25 апреля полковник Гурвуд рассказывал, что, когда они с Элиотом покидали расположение карлистов и отправлялись на сторону кристинос, Сумалакарреги лично проводил их до укреплений Эстельи (Наварра), которую занимали правительственные войска, причем главнокомандующий повстанцев попрощался с англичанами на расстоянии ружейного выстрела от позиций противника [16. P. 125].

За несколько дней пребывания на карлистской территории Элиот и Гурвуд установили контакт со всеми значимыми фигурами в лагере дона Карлоса: с самим претендентом на престол, с главнокомандующим Сумалакарреги, с министром иностранных дел Крус Майор, с военным министром Пенн де Вильмуром. При этом на стороне кристинос они вели переговоры только с командованием правительственных войск на севере. После заключения конвенции Элиот и Гурвуд не поехали в Мадрид, чтобы встретиться с представителями испанского правительства, что было бы логично, учитывая союзнические отношения между Лондоном и Мадридом.

Заключение

Конвенция Элиота оказала значительное влияние на дальнейший ход Первой Карлистской войны и спасла тысячи человеческих жизней. При этом ее заключение было лишь поводом, который требовался англичанам для отправки своего дипломатического представителя для встречи с верхушкой карлистского движения. Англия, продолжая поддерживать кристинос, «зондировала почву» на случай возможной победы карлистов в войне. Показательно, что во Второй Карлистской войне (1846–1849) (другое название данного конфликта – Guerra dels matiners) Великобритания уже будет поддерживать сторонников сына дона Карлоса – графа де Монтемолин.

Лорду Элиоту удалось встретиться с рядом знаковых фигур в карлистском движении. Заключенная при его посредничестве конвенция способствовала росту престижа Великобритании в Испании, в том числе среди карлистов. Наконец, лорд Элиот и полковник Гурвуд проанализировали вопрос о гипотетической французской интервенции в Испанию – важную проблему европейской международной политики 1835–1836 гг. Поэтому закономерно, что 22 мая 1835 г. лорд Пальмерстон писал лорду Элиоту: “I have received His Majesty's commands to signify to your Lordship His Majesty's entire satisfaction at the manner in which you have executed the mission committed to your charge” («Я получил приказ Его Величества выразить Вашей Светлости полное удовлетворение Его Величества тем, как Вы выполнили порученную Вам миссию ») [16. P. 66].

В 1836 г. англичане направят в Испанию Британский вспомогательный легион (British Auxiliary Legion), который примет участие в войне на севере Испании; французы пошлют на Пиренейский полуостров свой Иностранный легион, но до полномасштабного вторжения французской армии дело не дойдет. Оба воинских контингента не окажут решающего влияния на ход войны, которая закончится поражением карлистов.

Список источников

1. Urquijo Goitia J.R. ¿Voluntarios o quintos?: Reclutamiento y deserción en la Primera Guerra Carlista // Violencias fraticidas: carlistas y liberales en el siglo XIX: actas. II Jornadas de estudio del carlismo. Estella, 2009. P. 99–186.
2. Bachero J.L. Los prisioneros de la Primera Guerra Carlista en Cuba: del ejército a las obras públicas (1833-1840) // Orden político y gobierno de esclavos: Cuba en la época de la segunda esclavitud y de su legado. Valencia : Centro Francisco Tomás y Valiente, 2016. P. 274–298.
3. Albi de la Cuesta J. El ejército carlista del norte (1833–1839). Madrid : Desperta Ferro Ediciones, 2017. 496 p.
4. Comesaña Paz A. Gesta y tragedia. Carlistas cautivos en los pontones de Lisboa // Aportes: Revista de historia contemporánea. 2018. № 96. P. 183–212.
5. Henningsen C.F. The most striking events of a twelvemonth's campaign with Zumalacarregui in Navarre and the Basque Provinces / by C.F. Henningsen, captain of lancers in the service of Don Carlos. London : John Murray, Albemarle-street, 1836. Vol. II. 304 p.
6. Zaratiegui J.A. Vida y hechos de don Tomás Zumalacárregui, Duque de la Victoria, Conde de Zumalacárregui y Capitán General del Ejército de S.M. don Carlos V por el general del mismo ejército, J.A. Zaratiegui. Paris : Imprenta de Lacour y Comp., 1845. 611 p.
7. Arizaga J.M. Memoria militar y política sobre la guerra de Navarra, los fusilamientos de Estella, y principales acontecimientos que determinaron el fin de la causa de D. Carlos Isidro de Borbón. Escrita por D. José Manuel de Arizaga, Consejero del estinguido supremo de la guerra, y Auditor general que fue del Ejército Vasco-Navarro. Madrid : Imprenta de D. Vicente de Lalama, 1840. 476 p.
8. Fernández de Córdoba F. Mis memorias íntimas. Madrid : Establecimiento tipográfico “Sucesores de Rivadeneyra”. Impresores de la Real Casa, 1886. T. I. 411 p.
9. Pirala A. Historia de la guerra civil, y de los partidos liberal y carlista, segunda edicion, refundida, y aumentada con la historia de la Regencia de Espartero, por Don Antonio Pirala. Madrid : Mellado, 1868. T. I. 673 p.
10. Lafuente M., Valera J., Borrego A., Pirala A. Historia general de España desde los tiempos primitivos hasta la muerte de Fernando VII por Don Modesto Lafuente, continuada desde dicha época hasta nuestros días por Don Juan Valera con la colaboración de D. Andrés Borrego y D. Antonio Pirala. Barcelona : Montaner y Simon, 1890. T. XX. 388 p.
11. Ferrer M., Tejera D., Acedo J.F. Historia del tradicionalismo español. Sevilla : Editorial católica española, 1943. T. VI. 308 p.
12. Аникеева Н.Е., Ведюшкин В.А., Волосюк О.В., Медников И.Ю., Пожарская С.П. История внешней политики Испании. М. : Междунар. отношения, 2013. 504 с.
13. Дезер Д. Испания и Португалия 1814–1847 // История XIX века. М. : ОГИЗ, 1938. Т. 3. С. 219–256.
14. Майский И.М. Испания 1808–1917 : исторический очерк. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 455 с.
15. Oyarzún R. Historia del carlismo. Valladolid : Maxtor, 2008. 509 p.
16. Papers Relating to Lord Eliot's Mission to Spain in the Spring of 1835. London : Bickers & son, 1871. 148 p.
17. Волосюк О.В. Испания и Россия в первой трети XIX века // История Испании. М. : ИНДРИК, 2014. Т. 2: От войны за испанское наследство до начала XXI века. С. 271–293.
18. Urquijo Goitia J.R. El carlismo y Rusia // Hispania: Revista española de historia. 1988. Vol. 48, № 169. P. 599–624.
19. Гончарова Т.Н. Русская политика кабинетов Реставрации и Июльской монархии // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. 2017. № 17-2. С. 48–79.

20. Texto español del tratado de 22 de Abril de 1834, llamado de la Cuádruple Alianza // Ferrer M., Tejera D., Acedo J.F. Historia del tradicionalismo español. Sevilla : Ediciones Trajano, 1943. T. IV. P. 257–258.
21. Tereshchuk A.A. The Holy See's policy in Spain in 1832–1835: Between Carlists and Cristinos // Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2020. Vol. 26, № 2. P. 25–32.
22. Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая Первого. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1887. 642 с.
23. Vilar J.B. Aproximación a las relaciones internacionales de España (1834–1874) // Historia contemporánea. 2007. № 34. P. 7–42.
24. Tortella G. Catalonia in Spain: History and Myth. Cham : Palgrave Macmillan, 2017. 312 p.
25. Bullón de Mendoza A. La primera guerra carlista. Madrid : Actas, 1992. 701 p.
26. Lawrence M. Spain's First Carlist War, 1833–40. Palgrave : Basingstoke, 2014. 283 p.
27. Таньшина Н.П. Франко-английское соперничество в Испании в годы Июльской монархии // Французский ежегодник 2008. М., 2008. Т. 40: Англия и Франция – соседи и конкуренты. XIV–XIX вв. С. 172–200.
28. Convenio Eliot // Ferrer M., Tejera D., Acedo J.F. Historia del tradicionalismo español. Sevilla: Ediciones Trajano, 1943. T. VI. P. 239–240.
29. Терещук А.А. Особенности протекания Первой карлистской войны в Каталонии // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2017. Вып. 1. С. 83–91.
30. Игнатченко И.В. А. Тьер и Первая Карлистская война в Испании (1833–1839) // Новая и Новейшая история. 2010. № 5. С. 110–124.
31. Urquijo Goitia J.R. Antecedentes del Abrazo de Vergara // 150 años del Convenio de Bergara y de la Ley del 25-X-1839. 1990. P. 227–267.
32. Extracto de la conferencia que tuve con S.M. el Rey de los franceses, a mi llegada a Paris, en 1836 // Fernández de Córdoba F. Mis memorias íntimas. Madrid : Establecimiento tipográfico “Sucesores de Rivadeneyra”. Impresores de la Real Casa, 1888. T. II. P. 96–106.
33. Urquijo Goitia J.R. Empréstitos y ayudas financieras en favor del Pretendiente Carlista (1833–1834) // Museo Tomás Zumalacárregui. Estudios históricos. Ormáiztegui : Diputación Foral de Guipúzcoa, 1990. P. 107–127.

References

1. Urquijo Goitia, J.R. (2009) ¿Voluntarios o quintos?: Reclutamiento y deserción en la Primera Guerra Carlista. *Violencias fraticidas: carlistas y liberales en el siglo XIX: actas*. II Jornadas de estudio del carlismo. Estella. pp. 99–186.
2. Bachero, J.L. (2016) Los prisioneros de la Primera Guerra Carlista en Cuba: del ejército a las obras públicas (1833–1840). In: *Orden político y gobierno de esclavos: Cuba en la época de la segunda esclavitud y de su legado*. Valencia: Centro Francisco Tomás y Valiente. pp. 274–298.
3. Albi de la Cuesta, J. (2017) *El ejército carlista del norte (1833–1839)*. Madrid: Desperta Ferro Ediciones.
4. Comesaña Paz, A. (2018) Gesta y tragedia. Carlistas cautivos en los pontones de Lisboa. *Aportes: Revista de historia contemporánea*. 96. pp. 183–212.
5. Henningsen, C.F. (1836) *The most striking events of a twelvemonth's campaign with Zumalacarregui in Navarre and the Basque Provinces. By C.F. Henningsen, captain of lancers in the service of Don Carlos*. Vol. II. London: John Murray, Albemarle-street.
6. Zaratiegui, J.A. (1845) *Vida y hechos de don Tomás Zumalacárregui, Duque de la Victoria, Conde de Zumalacárregui y Capitán General del Ejército de S. M. don Carlos V por el general del mismo ejército, J.A. Zaratiegui*. Paris: Imprenta de Lacour y Comp.
7. Arizaga, J.M. (1840) *Memoria militar y política sobre la guerra de Navarra, los fusilamientos de Estella, y principales acontecimientos que determinaron el fin de la causa de D. Carlos Isidro de Borbón. Escrita por D. José Manuel de Arizaga, Consejero del estinguido supremo de la guerra, y Auditor general que fue del Ejército Vasco-Navarro*. Madrid: Imprenta de D. Vicente de Lalama.
8. Fernández de Córdoba, F. (1886) *Mis memorias íntimas*. Vol. I. Madrid: Establecimiento tipográfico “Sucesores de Rivadeneyra”. Impresores de la Real Casa.
9. Pirala, A. (1868) *Historia de la guerra civil, y de los partidos liberal y carlista, segunda edicion, refundida, y aumentada con la historia de la Regencia de Espartero, por Don Antonio Pirala*. Vol. I. Madrid: Mellado.
10. Lafuente, M., Valera, J.,Borrego, A. & Pirala, A. (1890) *Historia general de España desde los tiempos primitivos hasta la muerte de Fernando VII por Don Modesto Lafuente, continuada desde dicha época hasta nuestros días por Don Juan Valera con la colaboración de D. Andrés Borrego y D. Antonio Pirala*. Vol. XX. Barcelona: Montaner y Simon.
11. Ferrer, M., Tejera, D. & Acedo, J.F. (1943) *Historia del tradicionalismo español*. Vol. VI. Sevilla: Editorial católica española.
12. Anikeeva, N.E., Vedyushkin, V.A., Volosyuk, O.V., Mednikov, I.Y. & Pozharskaya, S.P. (2013) *Istoriya vneshney politiki Ispanii* [The History of Foreign Policy of Spain]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
13. Dezer, D. (1938) Ispaniya i Portugaliya 1814–1847 [Spain and Portugal 1814–1847]. In: *Istoriya XIX veka* [The History of the 19th Century]. Vol. 3. Moscow: OGIZ. pp. 219–256.
14. Mayskiy, I.M. (1957) *Ispaniya 1808–1917 : istoricheskiy ocherk* [Spain in 1808–1917. A Historical Outline]. Moscow: USSR AS.
15. Oyarzún, R. (2008) *Historia del carlismo*. Valladolid: Maxtor.
16. Anon. (1871) *Papers Relating to Lord Eliot´s Mission to Spain in the Spring of 1835*. London: Bickers & Son.
17. Volosyuk, O.V. (2014) Ispaniya i Rossiya v pervoy treti XIX veka [Spain and Russian in the First Third of the 19th Century]. In: Volosyuk, O.V., Lipkin, M.A. & Yurchik, E.E. (eds) *Istoriya Ispanii* [The History of Spain]. Vol. 2. Moscow: INDRIK. pp. 271–293.
18. Urquijo Goitia, J.R. (1988) El carlismo y Rusia. *Hispania: Revista española de historia.* 48(169). pp. 599–624.
19. Goncharova, T.N. (2017) Russkaya politika kabinetov Restavratsii i Iyul'skoy monarkhii [Russian Policy of the Governments of Restoration and the July Monarchy]. *Trudy kafedry istorii novogo i noveyshego vremeni.* 17-2. pp. 48–79.
20. Ferrer, M., Tejera, D. & Acedo, J.F. (1943) *Historia del tradicionalismo español*. Vol. 4. Sevilla: Ediciones Trajano. pp. 257–258.
21. Tereshchuk, A.A. (2020) The Holy See's policy in Spain in 1832–1835: Between Carlists and Cristinos, *Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology.* 26(2). pp. 25–32.
22. Tatishchev, S.S. (1887) *Vneshnyaya politika imperatora Nikolaya Pervogo* [The Foreign Policy of the Emperor Nicholas I]. St. Petersburg: I.N. Skorohodov.
23. Vilar, J.B. (2007) Aproximación a las relaciones internacionales de España (1834–1874). *Historia contemporánea.* 34. pp. 7–42.
24. Tortella, G. (2017) *Catalonia in Spain: History and Myth*. Cham: Palgrave Macmillan.
25. Bullón de Mendoza, A. (1992) *La primera guerra carlista*. Madrid: Actas.
26. Lawrence, M. (2014) *Spain's First Carlist War, 1833–1840*. Palgrave: Basingstoke.
27. Tanshina, N.P. (2008) Franko-angliyskoe sopernichestvo v Ispanii v gody Iyul'skoy monarkhii [French-English Rivalry in Spain during the July Monarchy]. *Frantsuzskiy ezhegodnik.* 40. pp. 172–200.
28. Ferrer, M., Tejera, D. & Acedo, J.F. (1943) *Historia del tradicionalismo español*. Vol. 6. Sevilla: Ediciones Trajano. pp. 239–240.
29. Tereshchuk, A.A. (2017) Osobennosti protekaniya Pervoy karlistskoy voyny v Katalonii [Characteristics of the First Carlist War in Catalonia]. *Vestnik SPbGU. Ser. 2. Istoriya.* 1. pp. 83–91.
30. Ignatchenko, I.V. (2010) A. T'er i Pervaya Karlistskaya voyna v Ispanii (1833–1839) [A. Thiers and the First Carlist War in Spain (1833–1839)]. *Novaya i Noveyshaya istoriya.* 5. pp. 110–124.
31. Urquijo Goitia, J.R. (1990a) Antecedentes del Abrazo de Vergara. In: *150 años del Convenio de Bergara y de la Ley del 25-X-1839.* pp. 227–267.
32. Fernández de Córdoba, F. (1888) *Mis memorias íntimas*. Vol. 2. Madrid : Establecimiento tipográfico “Sucesores de Rivadeneyra”. Impresores de la Real Casa. pp. 96–106.
33. Urquijo Goitia, J.R. (1990b) Empréstitos y ayudas financieras en favor del Pretendiente Carlista (1833–1834). In: *Museo Tomás Zumalacárregui. Estudios históricos*. Ormáiztegui: Diputación Foral de Guipúzcoa. pp. 107–127.

***Сведения об авторе*:**
Терещук Андрей Андреевич – Ph.D. (доктор университета Барселоны), доцент кафедры романской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: atereschuk@herzen.spb.ru; san_petersburgo@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Tereshchuk Andrei A. – Ph.D., Professor Assistant, Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, Herzen University (Saint Petersburg, Russia). E-mail: atereschuk@herzen.spb.ru; san_petersburgo@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.05.2021; принята к публикации 12.09.2024

The article was submitted 13.05.2021; accepted for publication 12.09.2024

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья
УДК 94(3)
doi: 10.17223/19988613/91/15

Додонские прорицатели: особенности терминологии и историографический аспект

Саркис Суренович Казаров

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, ser-kazarov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена персоналу Додонского святилища – местным прорицателям и их составу. Древние греки, будучи по своему менталитету людьми мнительными и суеверными, слепо верили различным толкованиями и предзнаменованиям. Они использовали разные термины для обозначения додонских прорицателей, что вызывает необходимость анализа существующей терминологии. Современные исследователи выделяют несколько категорий прорицателей – селлы, пелиады, томуры, додониды, которые появлялись в различные периоды истории Додоны. Особенностью данного исследования является то, что автор вынужден частично строить свои выводы на данных мифологии.
Ключевые слова: прорицатели, жрецы, святилище, оракул, Додона, мантика, профеты

Для цитирования: Казаров С.С. Додонские прорицатели: особенности терминологии и историографический аспект // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 128–134. doi: 10.17223/19988613/91/15

Original article

Dodona`s priesthood: features of terminology and historiographical aspect

Sarkis S. Kazarov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, ser-kazarov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the staff of the Dodona sanctuary - the priests and their functions. The basis of the study was narrative sources - the works of Greek authors such as Homer, Hesiod, Pindar, Herodotus, Strabo, Pausanias. In his study, the author relied on the works of Western scholars, because there is not a single work on this topic in Russian historiography. The ancient Greeks, being suspicious people in their mentality, blindly believed in various interpretations and omens, as a result of which the role of interpreters and soothsayers in ancient Greece was especially great. The sanctuary with the oracle of Zeus in Dodona, located in a remote place in the north of Hellas, was one of the most ancient and authoritative in ancient Greece. The Greeks called the Dodonian priesthood in different ways, which makes it necessary to analyze the existing terminology. On the basis of surviving sources, the author distinguishes four categories of the Dodonian priesthood: sellas, peliades, tomurs and dodonides. The first group of Dodonian priests mentioned by Homer were the Selli, who were associated with the cult of the earth goddess Gaia, who was replaced by Dione. They were replaced by the servants of the god Zeus, the peliade doves, the news of which we found in Herodotus. The increase in the number of pilgrims in Dodona inevitably led to the expansion of the staff of the sanctuary. Even less is known about the other two categories of priests - Tomurs and Dodonids, mentions of which are rare and fragmentary. The complexity of the problem lies in the fact that both the divination procedure itself and the functions of the priesthood have not been fully reflected in the sources at our disposal. As the authority of the sanctuary increased and the number of pilgrims increased, so did the staff of the sanctuary. Modern researchers distinguish several categories of priests - sellas, peliades and tomuros, who appeared in different periods of the history of Dodona, and in addition, were divided into men and women, who acted as repeaters of the will of the gods to those who questioned. It was the cells that were the first category of the Dodonic priesthood, which is mentioned by Homer. A feature of this study is that we are forced to partially build our study on the data of Greek mythology. Sometimes the Dodonian priests left the sanctuary and performed their prophetic functions in certain areas of Greece. Until the very liquidation of the Dodona sanctuary, the oracle of Zeus enjoyed authority not only in Greece itself, but also beyond its borders. The elimination of the Dodona sanctuary and, accordingly, the local priesthood was associated with the assertion of the power of Rome and the spread of Christianity, which categorically rejected all types of mantika.

© С.С. Казаров, 2024

Keywords: soothsayers, priests, sanctuary, oracle, Dodona, mantika, prophets

For citation: Kazarov, S.S. (2024) Dodona`s priesthood: features of terminology and historiographical aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 91. pp. 128–134. doi: 10.17223/19988613/91/15

Древние греки, будучи по своему менталитету людьми мнительными и суеверными, верили в различные предзнаменования. Этим, как справедливо заметил один современный исследователь, они не сильно отличались от современных людей [1. P. 9]. По этой причине в греческом мире различные пророки и прорицатели пользовались большим авторитетом. Вместе с тем в источниках мы обнаруживаем различные обозначения прорицателей и предсказателей, поэтому считаем необходимым прежде всего разобраться во встречающейся нам терминологии. Таким образом, основной целью данной статьи является анализ существующей греческой терминологии и ее отражение в современной историографии. Само искусство прорицания обычно носило название «мантика» (μάντικη),), соответственно, прорицатель обычно обозначался словом μάντις.. С древнегреческого языка оно переводится по-разному: пророк, ясновидящий, предсказатель, прорицатель. Этимологически слово μάντις происходит от индоевропейского корня и обозначает тех, кто находится в особом психическом состоянии или вещает в состоянии измененного сознания. Таким образом, так называют того, кто находится в особом состоянии вдохновения или озарения. Поэтому, судя по этимологии, «мантис» первоначально был человеком, который предсказывал в состоянии измененного сознания.

Характерный тому пример – произведения трагика Эсхила, который термином μάντις именует Пифию и Кассандру [2. Eum. 29]. Геродот именует жриц оракула Зевса из Додоны «промантис» (Δωδωναίος αἱ προμάντιες) [3. II. 55]. Однако у ряда античных авторов, в том числе и у того же Геродота, прорицатели называются профетами (προφῆται). Таким образом, древнегреческая терминология, обозначавшая прорицателей и толкователей воли богов, достаточно разнообразна, но это как раз тот случай, когда под разными словами выражена одна и та же суть. Нельзя не отметить, что некоторые современные исследователи зачастую используют термин «дивинация» (от лат. divinatio – предсказание будущего), однако, имея латинское происхождение, он не может точно отражать греческие реалии. И все-таки, несмотря на наличие греческой терминологии, нельзя не признать, ее расплывчатость и неопределенность. По этой причине мы будем оперировать более привычным и общепринятым понятием «жречество».

По широко бытовавшему в древнегреческом обществе мнению, прорицатели обладали особым даром. Их появление в обществе образно объяснил Ф.Ф. Зелинский: входя в тесное отношение с избранными ими людьми, боги делали их пророками. Порой «божья благодать» была наследственной – в качестве примера можно привести целый род Иамидов, выходцы которого были пророками в Олимпии [4. С. 136].

Среди эллинов высоко ценилось само искусство прорицания. То, что греки называли «искусством прорицания», было способностью интерпретации различных знаков, посланных смертным богами. Сам же сигнал бога рассматривался в качестве инструмента посредничества между знанием богов и более ограниченным знанием людей. Для прорицателя своего рода искусством был правильный выбор интерпретации между рядом возможных альтернатив. Не менее важным было признать сигнал «сверху» как таковой [5. P. 72].

В греческом мире прорицатели, которые умело комбинировали искусство прорицания и харизматическое вдохновение, в своем большинстве были авторитетными экспертами в религиозных вопросах [5. P. 24]. Их компетенция была весьма широкой, включая все различные формы дивинации, которые обнаруживаются в наших литературных источниках. По словам немецкого исследователя Й. Рюпке, прорицатели были специалистами в области религии, или «агентами контроля внутри их религиозной символической вселенной» [6. S. 242]. Высокое положение профетов в древнегреческом обществе отмечал и известный отечественный антиковед Ю.В. Андреев, по словам которого именно гадатели и прорицатели, предсказывающие будущее не только частным лицам, но и государствам, пользовались высоким авторитетом [7. С. 299]. Методы дивинации включали в себя наблюдение за полетом, поведением и криком птиц, интерпретацию снов и предзнаменований, таких как солнечные затмения, удары молнии, землетрясения и другие необычные природные явления [5. P. 24].

Деятельность греческих профетов была ограничена не только дивинацией, но и функциями очищения и излечения. Архетипом в греческой мифологии стал сын царя Иолка Амифаона Мелампод, которого боги наделили не только даром пророчества и очищения [8. V. 5.10; IV. 36.6], но и способностью понимать язык птиц и животных [9. Fr. 261]. Личность Мелампода была настолько популярной, что с ней начали связывать и другие нововведения, вплоть до смешивания вина с водой. Столь широкой компетенцией, включающей прорицание, очищение и лечение, прорицатели стали обладать еще с архаической эпохи. Все эти люди в различных святилищах Греции составили штат их служителей, или, выражаясь современным языком, стали их жречеством.

Суммируя вышесказанное, надо отметить, что греческий профет, или мантик, был профессиональным прорицателем, экспертом в искусстве прорицания. Мы не найдем ему современного аналога. Он (или она) совмещали в себе роль доверенного лица, персонального консультанта, экстрасенса, предсказателя судьбы и даже врачевателя. И все же это сравнение не должно вводить нас в заблуждение, так как предсказатели не осмеливались предсказывать будущее, они также не претендовали на обладание экстрасенсорной властью, которая не зависела бы от божественного вдохновения

или устроения. Поскольку греческая религиозная терминология неточна, человек, называвшийся предсказателем, имел дело с широким диапазоном религиозных дел, – все, с чем мог справиться независимый религиозный эксперт. Этот термин также охватывает множество пророческих типов, начиная от профессионалов высшего класса, которые сопровождали полководцев в походах, и заканчивая одержимыми медиумами, уличными оракулами и толкователями снов. Несмотря на то, что те и другие могли бы претендовать на божественное вдохновение, поэты и предсказатели находились на разных ступенях греческого общества. Они всегда исполняли различные функции и играли различные социальные роли.

Как справедливо отметил греческий историк Н. Маринатос, история греческих святилищ отражала развитие греческого общества [10. P. 179]. Соответственно, история каждого святилища была тесно связано с особенностями того региона, в котором оно располагалось. Не было исключением в этом отношении и святилище Зевса в Додоне, располагавшееся в горном и труднодоступном Эпире на севере Греции.

Вопрос о додонском жречестве тесно связан с вопросом о населении, обитающем вокруг Додонского святилища. Есть все основания предполагать, что первоначальным населением горного Эпира, на территории которого располагалось святилище, были пеласги. Но они ли составили штат Додонского святилища? Обратимся к источникам. На то, что территория Додоны была первоначально местом, где располагались пеласги, однозначно указывает Гесиод [9. Fr. 124], а обитавшего в Додоне верховного бога греков Зевса Гомер прямо называет «Пеласгическим» [11. 235]. Согласно Геродоту (а это уже сведения примерно VI в. до н.э.), жрицами в Додоне были пеласги, прибывшие из Феспротии [3. II. 56]. Но если учесть, что эпирская область Феспротия располагалась рядом с Молоссией, то эти миграции носили узко локальный характер и в целом не меняли этническую картину региона.

Гораздо более сложным и запутанным является вопрос о так называемых селлах, которых рассматривают в качестве первых жрецов святилища [12. P. 22]. Основа для построения различных версий относительно селлов – упоминание Гомера о том, что вокруг святилища Зевса в Додоне располагались прорицатели селлы, которые не мыли ног и спали на голой земле (ἀμφὶ δὲ Σελλοὶ σοὶ ναίους ὑποφῆται ἀνιπτόποδες χαμαιεῦναι) [11. 235]. Такому, кажущемуся на первый взгляд довольно странному пассажу современные исследователи попытались найти рациональное объяснение. По мнению ряда исследователей, сон священнослужителей на голой земле должен был означать некую прямую духовную связь с последней [13. P. 59]. Подобно мифическому титану Атланту, они подпитывались ее силой и вдохновением. Немытые босые ноги могли означать духовную и физическую чистоту. Существует также мнение о том, что селлы во время сна получали волю богов, которую затем передавали вопрошающим [14. P. 63]. По мнению Д. Никола, это могла быть одна из разновидностей инкубации (incubatio) – лечения священным сном, когда больной во сне получал наставления от богов, каким образом он может излечиться [15. P. 135]. Подобные случаи имели место в Эпидавре, где находился храм Асклепия. В любом случае священные сны могли рассматриваться как источник вдохновения для профетов.

Еще более усложняет решение проблемы то обстоятельство, что Геродот селлов не упоминает, они ему совсем неизвестны. Возможно, что к этому времени (VI в. до н.э.) данная категория жречества уже не существовала или, как считает Г. Парк, окончательно лишилаеь своего авторитета в Додоне [16. P. 55]. Однако и здесь все не так однозначно. Селлов в своей трагедии «Трахинянки» упоминает афинской комедиограф Софокл (V в. до н.э.), который пишет о горной области селлов, в которой они «вкушают покой на голой земле» [17. 1166–1170]. На основании данного отрывка Д. Чапинал делает вывод, что селлы сосуществовали с другой категорией додонского жречества, пелиадами, и просуществовали по меньшей мере вплоть до конца классического периода [12. P. 24]. В качестве дополнительного аргумента существования этой категории жречества вплоть до середины IV в. до н.э. испанский исследователь приводит еще ряд пассажей. Первый из них – речь Демосфена «Против Мидия», в которой речь идет о пророчестве, данном афинянам неким жрецом из Додоны. Но в первоисточнике этот жрец назван «профетом» и никак иначе [18. Mid. 53]. Столь же сомнительна попытка автора сослаться на фрагменты произведений Филострата (II–III вв.), у которого термин Σελλοὶ мы столь же безуспешно пытались найти.

Следующий источник, который приводят современные исследователи, – Пеаны Пиндара (конец VI – середина V в. до н.э.), один из которых он посвятил Додоне [19. Fr. 59]. В первом из них Пиндар упоминает ’Ελλωϱ,, которых некоторые исследователи совершенно произвольно ассоциируют с Σελλοὶ,, хотя с подобной трактовкой согласны далеко не все исследователи [16. P. 7]. Что же касается произведения Софокла «Трахинянки», то здесь речь идет о мифологическом сюжете, т.е. событиях, относящихся к седой древности, но никак не к настоящим событиям. Едва ли стоит сомневаться, что Софоклу, знатоку античной мифологии, селлы были хорошо известны, но это отнюдь не означает, что в его бытность они еще пророчествовали в Додоне. Примечательно, что Страбон и Павсаний сохранили упоминания о додонских прорицателях, но ничего не упоминают о селлах, о чем хорошо известно и самому Д. Чапиналу.

Не до конца выяснен вопрос о половой принадлежности селлов, т.е. мужчинами или женщинами были указанные жрецы. Однако подавляющее число современных исследователей считают их представителями мужского пола. Косвенным свидетельством этому служит информация Павсания о том, что из Додоны в Афины в мифические времена прибыл прорицатель по имени Скир, который основал храм Афины Скирады в Фалере. Он выступил на стороне элевсинцев в борьбе с Эрехтеем и пал в сражении [8. I. 36. 4]. Этот пассаж позволяет сделать одно важное наблюдение: додонские прорицатели не только исполняли свои прямые обязанности, но и по различным причинам могли поки-

дать место своей «службы». И вполне вероятным может быть предположение о том, что упомянутый Скир был представителем той категории жрецов, которые носили название селлов.

С термином Σελλοὶ некоторые современные исследователи связывают упоминаемую у Гесиода область в Эпире под названием Геллопия, которую античный автор характеризует как густонаселенную местность, богатую пастбищами и стадами как мелкого, так и крупного рогатого скота. Но наиболее ценно в этом контексте упоминание Гесиода о том, что возле Додонского святилища обитает народ, который получает вещания Зевса [9. Fr. 240]. Еще одним подтверждением пользу данной версии служит содержащийся у Аристотеля пассаж о том, что территория Додоны являлась древнейшей колыбелью греков (Ἀρχαῖα Ἑλλάς) [20. I. 353a]. Отсюда термин Σελλοὶ М. Нильссон идентифицирует с этнонимом Ἕλλοι,, а затем и с этнонимом Ἕλληνες. Рассуждая, далее он приходит к выводу, что Ἕλλοι первоначально должно было обозначать название племени, которое затем было ограничено обозначением додонского жречества. Это был, по его мнению, греческий народ, который был таким образом идентифицирован благодаря обширным контактам со всей остальной Элладой [21. S. 35]. Подобную точку зрения разделяют далеко не все современные исследователи, в частности французский ученый Ж.-Н. Курвизье. По его мнению, селлы представляли собой не додонских прорицателей, а именно народ, обитающий в Додоне и вокруг нее, и, самое важное, – они не были греками [22. P. 109–111].

Но каким же образом народ, проживавший в окрестностях Додоны в окружении остальных варварских народов, мог превратиться в греков или даже вообще изначально иметь греческое происхождение? Обширные контакты с эллинами могли приобщить их к греческой культуре и обычаям, но превратить их в этнических греков – с этим тезисом едва ли можно согласиться.

Несколько иное толкование упомянутого термина предлагает французский исследователь Г. Раше. По его мнению, термин Σελλοὶ связан с термином Ἕλος, который, в свою очередь, в греческой поэзии означает «болота», которые якобы окружали святилище. Таким образом, по мнению автора, именно вода была «…священным элементом додонских селлов» [23. P. 90]. Действительно, вода являлась важным символом Додоны, о чем свидетельствует эпиклеза верховного владыки Додоны Зевса Ναίοι [24. P. 178], однако едва ли у нас есть основания связывать селлов с водной стихией. Наоборот, более явственно прослеживается их связь с землей, на которой они спят и через которую получают пророчества.

Не менее сложна проблема идентификации второй известной нам из источников категории додонских жрецов (точнее, жриц) – пелиад. Основная сложность решения данной проблемы заключается в том, что она окутана мифологической традицией, которая, несмотря на титанические усилия ряда исследователей, не поддается рациональному толкованию. И персональная ответственность за это лежит на одном человеке – «отце истории» Геродоте. Прежде всего об этимологии термина. Название «пелиады» происходит от греческого слова πέλεια (голубь), которое со временем превратилось в имя собственное Πελειάδες и стало обозначать Додонских жриц (англоязычные авторы используют термин *doves*, что в переводе на русский язык тоже означает «голубки»). Именно они стали главными персонажами повествования Геродота.

Важен вопрос о времени появления пелиад. Согласно вычислениям Д. Чапинала, интервал между написанием «Илиады» и эпохой Геродота занял два или три столетия – именно в этот интервал и появилась женская часть жречества [25. P. 104].

Что же конкретно писал Геродот о додонских жрецах во II книге своего труда? Попробуем разобраться. Прежде всего отметим главную ценность его пассажей: Геродот лично посетил и Додону, и храм Аммона в египетских Фивах, где смог лично побеседовать с местными жрецами. По словам «отца истории», две женщины, жрицы из Фив, был увезены финикийцами и проданы – одна в Ливию, другая в Додону. Примечательно, что фиванские жрецы попытались разыскать их, но тщетно. Как узнал Геродот, именно та жрица, которая прибыла в Додону, и стала основательницей первого оракула в Греции [3. II. 54].

Почему в повествовании Геродота возник именно Египет? По мнению Г. Раше, это была как раз та эпоха, в которую открывающие эту древнюю и загадочную для них страну греки все истоки своей традиции связывали с этим авторитетным и древним народом [23. P. 87]. Однако немного отрезвляюще для адептов египетской легенды Геродота должно звучать заключение авторитетного греческого археолога С. Дакариса о том, что информация «отца истории» относительно связей между Додонским оракулом и Египтом никак не подтверждена археологическими данными [26. P. 7].

Однако, как следует из дальнейшего повествования, пытливый ум Геродота жаждал ответа на возникшие у него вопросы, логическим итогом чего и стало посещение им Додоны. И здесь от услышал иную, мифологизированную версию того же рассказа. По словам додонских жриц, из египетских Фив одновременно вылетели две голубки, одна из которых прилетела в Ливию, другая – в Додону. Сидя на священном дубе, голубка человечьим голосом повелела основать здесь оракул Зевса. Обитатели святилища, восприняв это указание как волю Зевса, выполнили ее [3. II. 55].

Какие выводы вытекают из данного пассажа? Во-первых, еще до появления «голубок» в Додоне уже существовало поселение, что подтверждается последними археологическими данными [27. P. 23]. Во-вторых, здесь мы наблюдаем столь характерное для древнегреческой литературы переплетение мифа и истории. В-третьих, важно то, что Геродот называет реальные имена додонских жриц – Промения, Тимарета и Никандра, при этом ссылаясь на служителей святилища. Согласно предположению Д. Никола, это были не личные имена жриц, а их постоянные титулы [15. P. 137], но нам такое предположение кажется сомнительным. Для их обозначения Софокл использует другой термин –

додониды (ἱερέας Δωδώιδας) [17. Fr. 456], но это, скорее, поэтическая форма, а не устоявшийся термин.

Мифологический характер данного сюжета не вызывает сомнений. Однако здесь Геродот использует метод, который Ю.В. Андреев называет рациональным толкованием мифа [7. С. 334]. Сам Геродот не отрицает факта похищения финикийцами жриц из Египта и прибытия одной из них в Додону, однако даже эта попытка дать рациональное объяснение не может не вызвать нашего скепсиса: рабыня-чужеземка, выучившая греческий язык, основывает святилище Зевса [3. II. 56]. Мифу о голубках-пелиадах Геродот тоже пытается дать свое толкование: справедливо подвергая сомнению факт того, что голубка могла говорить человеческим языком, он разговор на чужом языке ассоциирует с птичьим щебетаньем. Подобное мнение разделяет Я. Фридрих, по мнению которого новые додонские прорицательницы, будучи чужими, не знали и со временем должны были освоить греческий язык [28. S. 44]. И черной масти голубки он тоже дает свое объяснение: она темная потому, что была египтянкой.

Что касается родовой принадлежности пелиад, то едва ли кто-то усомнится, что они были женщинами, однако гораздо сложнее вопрос о том, служительницами какого бога они являлись. И здесь мы также вынуждены будем параллельно рассмотреть аналогичный вопрос относительно селлов. Два божества, которыми была представлена Додона – это Зевс и Диона, которая выступает даже в качестве супруги первого. Каждая из двух категорий жрецов определенно была связана с существующими в Додоне культами. В этих условиях особую важность приобретает вопрос о том, какой культ в святилище возник раньше. И здесь при отсутствии нарративных источников нам на помощь приходят данные археологии. Как утверждает С. Дакарис, еще до появления здесь культа Зевса, который появился в Додоне вместе с греками, ниже культурного слоя, представляющего этот культ, находится другой, более ранний слой, свидетельствующий о существовании более раннего хтонического культа, связанного с Великой богиней – богиней Земли Геей (Γῆ), олицетворяющей изобилие и плодородие, поклонение которой было широко распространено в Восточном Средиземноморье [26. P. 8]. Исследование более ранней культуры Додоны указывает на поклонение Богине Земли, в то время как более поздняя культура, наступившая примерно с 1900–1400 гг. до н.э., характеризовалась поклонением Зевсу. Указание на то, что Гея действительно могла быть первой богиней, почитаемой на этом месте, может быть найдено в стихах Павсания [8. X.12.5; 29. P. 131].

Однако со временем хтонический культ богини Геи был заменен культом Дионы, т.е. этой Великой богиней впоследствии стала именно Диона, которая к тому же стала и супругой Зевса [13. P. 59]. Неслучайно со временем обращения посетителей в Додоне были адресованы им обоим – и Зевсу, и Дионе. Отсюда становится понятным обычай селлов спать на голой земле, таким образом вступая в контакт с Великой богиней Геей-Дионой. Все вышесказанное позволяет нам утверждать, что селлы, будь они мужского или женского пола – источники нам на этот счет ничего не говорят, – были служителями именно культа богини земли Геи-Дионы, культ которой здесь, видимо, возник до появления культа Зевса.

Совершенно иначе обстояло дело с родовой принадлежностью голубок-пелиад. Прежде всего необходимо отметить, что в ряде религий птицы вообще играли важную роль, занимая промежуточное положение между небесным и земными мирами. Не только орел, но и голубь становится символом бога Зевса. Голубь постепенно стал выполнять те же функции, которые выполнял орел. Так, в «Одиссее» Гомера голубь подносит амброзию Зевсу, что указывает его тесную связь с верховным богом [30. XII. 62]. Именно голубь с черным оперением, который находился на дубе, устанавливал систему коммуникаций между людьми и богами [31. P. 179]. Таким образом, все вышесказанное не оставляет у нас сомнений в том, что первоначальный персонал додонского святилища – селлы – были служителями женского божества, олицетворявшего древний хтонический культ Великой богини земли Геи, которая со временем была заменена Дионой, ставшей к тому же супругой Зевса. Голубки-пелиады, напротив, представляя женскую часть додонского жречества. Появившиеся в Додоне позднее, они являлись служительницами верховного бога Зевса. Что же касается томуров, то ввиду нехватки информации сложно о них сказать что-то определенное.

Первый же вопрос, который встает перед нами с появлением новой категории жрецов (точнее, жриц): имело ли место их сосуществование или же пелиады сменили селлов. Д. Чапинал, изучая этот вопрос, не приходит к какому-либо убедительному выводу, а лишь ссылается на мнение Ф. Кентена о том, что «…замена одной категории жрецов на другую не была обязательной» [32. P. 74]. Решающим аргументом в этом случае для нас может служить то, что ни один из имеющихся в нашем распоряжении источников не упоминает их одновременно, что, в свою очередь, позволяет нам предположить, что селлы, олицетворявшие глубокую древность культа, исчезли, уступив место пелиадам. Однако рассказ Геродота позволяет нам сделать одно замечание, на которое первым указал Г. Раше: во времена «отца истории» мужская часть додонского жречества была восстановлена в своих правах, по-видимому, разделив функции прорицателей с уже существовавшим ранее женским персоналом [23. P. 91]. Тем более что в Древней Греции имелись случаи совместного служения мужского и женского персонала в одном святилище, как это было в тех же Дельфах [33. P. 34–35]. Как справедливо предположил Д. Чапинал, если селлы и пелиады хоть какое-то время сосуществовали, то по своим функциям они должны были дополнять друг друга [25. P. 104].

Существование жриц-пелиад может быть зафиксировано по крайней мере началом IV в. до н.э. Основанием для этого может служить рассказ Плутарха о том, что спартанский полководец Лисандр тщетно пытался привлечь на свою сторону додонских жриц [34. Lys. 25]. Данный пассаж позволяет сделать еще одно важное заключение: в рассматриваемый период додонские жри-

цы (пелиады) пользовались в Греции большим авторитетом. Было ли количество пелиад постоянным или со временем увеличилось, неизвестно [28. S. 46].

В отличие от Д. Чапинала шведский ученый М. Нильссон выводит и третью категорию додонских жрецов – «дровосеков» (по его мнению, τόμουροι, от греческого τομή топор). Согласно другой версии, которая нам кажется более правдоподобной, это название произошло от горы Томар, у подножья которой они проживали [15. P. 135]. Относительно основания оракула автор приводит легенду эпирского историка Проксена о том, что пророческий потенциал священного дуба был обнаружен тогда, когда какой-то человек попытался его срубить. Именно этот «дровосек», пытавшийся срубить священный дуб, и стал первым жрецом (τόμουροϛ). А проблему соотношения терминов Ἕλλοι и τόμουροι М. Нильссон решает следующим образом: первое, по его мнению, являлось названием обитавшего в окрестностях Додоны греческого племени, тогда как второе относилось к жречеству святилища [21. S. 36]. По нашему предположению, дело обстояло совсем наоборот: τόμουροι являлись племенем, обитавшим у подножья горы Томар, в то время как селлы, будучи их частью, выполняли функцию жрецов и прорицателей. Поэтому мы не можем рассматривать их в качестве отдельной категории жречества. В целом же определенно ответить на этот вопрос не представляется возможным, ибо источники необходимой информации не содержат. По мнению Д.М. Никола, именно дровосеки-томуры были заменены пелиадами, перехватив у них функции профетов [15. P. 136]. Точка зрения интересная, но, к сожалению, ничем не подтверждающаяся.

Несмотря на все свою фантастичность, мы не можем не привести еще одно мнение, представленное Маргарет Ригольозо. Опираясь на сохранившиеся фрагменты труда автора VI в. до н.э. Ферекида Сиросского «Космогония» (но при этом почему-то игнорируя фрагмент аналогичного содержания из произведения Софокла), она пытается выделить еще одну категорию додонских жриц – «додонид», или нимф / наяд. По словам М. Ригольозо, Ферекид именует «додонидами» обитающих в окрестностях оракула нимф / наяд и даже называет их имена: Амброзия, Коронида, Евдора, Диона, Фейсил, Фео и Поликсо [29. P. 144]. Возможна идентификация их в качестве врачевательниц Зевса, что даст возможность предположить, что этот более древний, до-Зевсовский культовый субстрат был связан с Додоной. Связь наяд / нимф (додонид) со святилищем автор также усматривает в эпиклезе додонского Зевс Ναίοι, трактуя его как «Зевс текущих источников». Термин «наяда» также связан с греческим глаголом νάω – «течь», который использовался еще со времен Гомера. И уж совсем экзотично выглядит еще одна трактовка эпиклезы Зевса, которую предлагает М. Ригольозо: Зевс Ναίοι, якобы могла означать «Зевс среди наяд» [29. P. 145]. Однако даже имеющаяся в нашем распоряжении мифологическая традиция не дает нам никаких оснований характеризовать нимф / наяд – додонид – в качестве прорицательниц или даже служительниц святилища в Додоне. Данными об их пророческой деятельности мы во всяком случае не располагаем.

Существовала ли связь между сменой представленных категорий додонского жречества и увеличением его штата? Некоторые исследователи положительно отвечают на этот вопрос. По мнению немецкого ученого Я. Фридриха, увеличение количества жрецов могло быть связано с приростом населения региона [28. S. 46]. Более обстоятелен в обосновании своего мнения Д. Чапинал, по мнению которого в архаический период (VIII–VI вв. до н.э.) происходит значительное увеличение числа посещающих Додону паломников как из самой Греции, так и из греческих колоний. Необходимость улучшения обслуживания посетителей святилища вызвало увеличение и улучшение его штата [12. P. 25]. Однако то, что мы не знаем даже примерного количества селлов, служивших в святилище, позволяет нам относиться к высказанному мнению лишь как к остроумной гипотезе.

Завершая рассмотрение обозначающей додонских прорицателей существующей греческой терминологии, а также позиции современных исследователей (исключительно зарубежных), мы неизбежно приходим к выводу, что вычленение четкой дефиниции имеющихся в нашем распоряжении понятий, обозначающих служителей додонского святилища (селлы, пелиады, томуры, додониды) возможно, но лишь на весьма зыбких основаниях. Причина заключается в том, что фактический материал, включающий в себя и данные мифологии, весьма скуден, что вынуждает современных исследователей прибегать порой к надуманным и весьма произвольным построениям.

Список источников

1. Eidinow E. Oracles, Curses and Risk among the Ancient Greeks. Oxford : Oxford University Press, 2007. 536 p.
2. Aeschyli septem quae supersunt tragoediae / ed. D. Page. Oxford : Oxford University Press, 1972. 335 p.
3. Herodoti Historiae. Libri I–IX. Oxonii : Oxford University Press, 2015. 879 p.
4. Зелинский Ф.Ф. Эллинская религия. Минск : Экономпресс, 2003. 330 с.
5. Fowler M.A. The Seer in the Ancient World. Berkley–Los Angelos : University of California Press, 2008. 326 p.
6. Rüpke J. Controllers and Professional: Analyzing Religious Specialists // Numen. 1996. Vol. 43 (3). P. 241–262.
7. Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. СПб. : Алетейа, 1998. 400 с.
8. Pausanias Description of Greece. Harvard : Harvard University Press, 1918. 298 p.
9. Гесиод. Полное собрание текстов. М. : Лабиринт, 2001, 256 с.
10. Marinatos N. What were Greek sanctuaries? // Greek Sanctuaries / ed. N. Marinatos, R. Hagg. London–New York, 1993. P. 179–183.
11. Homere. Iliade. Texte etabili et traduit par P. Mazon. Paris : Les Belles Lettres, 1946. 739 p.
12. Chapinal H.D. Between the Oak and the Doves: Changes in the Sanctuary of Dodona over the Centuries // Simple Twists of Faith. Cambiare culto, cambiare fede: persone e luoghi Changing Beliefs, Changing Faiths: People and Places / ed. S. Marchesini, J.N. Novoa. Artemis, 2017. P. 17–38.
13. Curnow T The Oracles of the Ancient World. London : Bristol Classical Press, 2004. 256 p.
14. Jonston S.I. Ancient Greek Divination. Oxford : Wiley-Blackwell, 2008. 208 p.
15. Nicol D.M. The oracle of Dodona // Greece and Rome. 1958. Vol. 5. P. 128–143.

16. Parke H.W. The Oracles of Zeus: Dodona, Olumpia, Ammon. Oxford : Basil Blackwell, 1967. 294 p.
17. Sophocles. Women of Trachis. Oxford : Oxford University Press, 1991. 97 p.
18. Демосфен. Речи. М. : Памятники исторической мысли, 1994. Т. 1. 619 с.
19. Pindari carmina cum fragmentis / ed. B. Snell. Leipzig : Teubner, 1971. 214 S.
20. Meteorology by Aristotle / trl. by E.W. Webster. New York : Books@Adelaide, 2004. 57 p.
21. Nilsson M.P. Studien zur Geschichte des alten Epeiros. Lund : Lunds Universitets Arsskrift, 1909. 77 s.
22. Corvisier J.-N. Aux origines du miracle grec. Paris : Presses Universitaires de France, 1991. 332 p.
23. Raschet G. L`sanctuaire de Dodone origine et moyens de divination // Bulletin de `Assosiation Guillaume Bude. 1962. № 3. P. 86–99.
24. Cook A.B. Zeus, Jupiter and the Oak // Classical Review. 1903. Vol. XVII. P. 174–186.
25. Chapinal H.D. Experiencing Dodona. The development of the Epirote Sanctuary from Archaic to the Hellenistic times. Berlin : Walter de Gruyter GmbH., 2021. 276 p.
26. Dakaris S. Dodona. Athen : Archaeological Receipts Fund, 1996. 48 p.
27. Kleitsas X.N. The Early Dodona (1500–800 B.C.). The Bronze Artefacts. Ioannina : Ephorate of Antiquities of Ioannina, 2021. 178 p.
28. Friederich J. Dodonaica. Beitrage zur Religions und Kultgeschichte Dodonas : Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde von der philosophischen Fakultät der Universität Freiburg in der Schweiz. Frankfurt-am-Main, 1935. 75 S.
29. Rigoglioso M. The Cult in Divine Birth in Ancient Greece. New York : Palgrave and Macmillian, 2009. 294 p.
30. Homere. L`Odyssee. Paris : Les Belles Lettres, 1924. 458 p.
31. Gartziou-Tatti A. L`Oracle de Dodone. Mythe et rituel // Kernos. 1900. Vol. 3. P. 175–184.
32. Quentin F. Aspects epirotes de la vie religieuse Antique // Revue des Etudes Grecques. 1999. Vol. 112. P. 61–98
33. Scott M. Delphi: A History of the Center of the Ancient World. Oxford : Princeton University Press, 2014. 448 p.
34. Plutarchi vitae parallelie / rec. K. Ziegler. Lipsiae : B.G.Teubner, 1968. 337 p.

References

1. Eidinow, E. (2007) *Oracles, Curses and Risk among the Ancient Greeks*. Oxford: Oxford University Press.
2. Page, D. (ed.) (1972) *Aeschyli septem quae supesrunt tragoediae*. Oxford: Oxford University Press.
3. Herodotus. (2015) *Historiae*. Libri I – IX. Oxsonii: Oxford University Press.
4. Zelinskiy, F.F. (2003) *Ellinskaya religiya* [Hellenic Religion]. Minsk: Ekonompress.
5. Fowler, M.A. (2008) *The Seer in the Ancient World*. Berkley; Los Angeles: University of California Press.
6. Rüpke, J. (1996) Controllers and Professional: Analyzing Religious Specialists. *Numen*. 43(3). pp. 241–262.
7. Andreev, Yu.V. (1998) *Tsena svobody i garmonii* [The Price of Freedom and Harmony]. St. Petersburg: Aleteya.
8. Pausanias. (1918) *Description of Greece*. Harvard: Harvard University Press.
9. Hesiod. (2001) *Polnoe sobranie tekstov* [Complete Works]. Moscow: Labirint.
10. Marinatos, N. (1993) What were Greek sanctuaries? In: Marinatos, N. & Hagg, R. (eds) *Greek Sanctuaries*. London; New York: Routledge.
11. Homere. (1946) *Iliade*. Texte etabili et traduit per P. Mazon. Paris: Les Belles Lettres.
12. Chapinal Heras, D. (2017) Between the Oak and the Doves: Changes in the Sanctuary of Dodona over the Centuries. In: Marchesini, S. & Novoa, J.N. (eds) *Simple Twists of Faith. Cambiare culto, cambiare fede: persone e luoghi Changing Beliefs, Changing Faiths: People and Places.* Artemis. pp. 17–38.
13. Curnow, T. (2004) *The Oracles of the Ancient World.* London: Bristol Classical Press.
14. Jonston, S.I. (2008) *Ancient Greek Divination*. Oxford: Wiley-Blackwell.
15. Nicol, D.M. (1958) The Oracle of Dodona. *Greece and Rome*. 5. pp. 128–43.
16. Parke, H.W. (1967) *The Oracles of Zeus: Dodona, Olumpia, Ammon*. Oxford: Basil Blackwell.
17. Sophocles. (1991) *Women of Trachis*. Oxford: Oxford University Press.
18. Demosthenes. (1994) *Rechi* [Oratories]. Vol. 1. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli.
19. Snell, B. (ed.) (1971) *Pindari carmina cum fragmentis*. Leipzig: Teubner.
20. Aristotle. (2004) *Meteorology*. Translated by E.W. Webster. New York: Books@Adelaide.
21. Nilsson, M.P. (1909) *Studien zur Geschichte des alten Epeiros.* Lund: Lunds Universitets Arsskrift.
22. Corvisier, J.-N. (1991) *Aux origines du miracle grec*. Paris: Presses Universitaires de France.
23. Raschet, G. (1962) L`sanctuaire de Dodone origine et moyens de divination. *Bulletin de `Assosiation Guillaume Bude*. 3. pp. 86–99.
24. Cook, A.B. (1903) Zeus, Jupiter and the Oak. *Classical Review*. 7. *pp.* 174–186.
25. Chapinal Heras, D. (2021) *Experiencing Dodona. The development of the Epirote Sanctuary from Archaic to the Hellenistic times.* Berlin: Walter de Gruyter GmbH.
26. Dakaris, S. (1996) *Dodona*. Athens: Archaeological Receipts Fund.
27. Kleitsas, X.N. (2021) *The Early Dodona (1500–800 B.C.). The Bronze Artefacts*. Ioannina: Ephorate of Antiquities of Ioannina.
28. Friederich, J. (1935) *Dodonaica. Beitrage zur Religions und Kultgeschichte Dodonas*. Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde von der philosophischen Fakultät der Universität Freiburg in der Schweiz. Frankfurt-am-Main.
29. Rigoglioso, M. (2009) *The Cult in Divine Birth in Ancient Greece*. New York: Palgrave and Macmillian.
30. Homere. (1924) *Iliade.* Texte etabili et traduit per P.Mazon. Paris: Les Belles Lettres.
31. Gartziou-Tatti, A. (1990) L`Oracle de Dodone. Mythe et rituel. *Kernos.* 3. pp. 175–184.
32. Quentin, F. (1999) Aspects epirotes de la vie religieuse Antique. *Revue des Etudes Grecques.* 112. pp. 61–98.
33. Scott, M. (2014) *Delphi: A History of the Center of the Ancient World*. Oxford: Princeton University Press.
34. Ziegler, K. (ed.) (1968) *Plutarchi vitae parallelie*. Lipsiae: B.G. Teubner.

***Сведения об авторе*:**
Казаров Саркис Суренович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории Древнего мира Института истории и международных отношений Южного Федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: ser-kazarov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Kazarov Sarkis S. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Archeology and History of the Ancient, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: ser-kazarov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.02.2022; принята к публикации 12.09.2024

The article was submitted 18.02.2022; accepted for publication 12.09.2024

Научная статья
УДК 821.161.1'04.09:271.22-87
doi: 10.17223/19988613/91/16

Сибирские епархиальные собрания Русской Православной Церкви: новые материалы к библиографии синодальных кириллических изданий

Антон Николаевич Коваленко[1], Василий Вячеславович Подопригора[2], Инна Александровна Шилова[3], Алексей Александрович Юдин[4]

[1, 2, 3, 4] Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия
[1] kovalenko@gpntbsib.ru
[2] podoprigora@gpntbsib.ru
[3] shilova@gpntbsib.ru
[4] yudin@gpntbsib.ru

Аннотация. Представлены предварительные итоги археографической работы в сибирских епархиальных (приходских, семинарских, музейных) библиотеках РПЦ Новосибирской области, Алтайского края и Республики Алтай. Объектом исследования стали книги кириллической печати XVIII–XX вв., изданные в типографиях, находившихся в ведении Святейшего Синода (Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Почаева, Чернигова). Многие из них ранее не были учтены в научных и справочных работах, что существенно расширяет представление о репертуаре и объеме синодальных изданий, хранящихся в Новосибирской области и на Алтае.
Ключевые слова: археография, библиография, книги кириллической печати, синодальные издания, епархиальные книжные собрания, Русская Православная Церковь

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01495 «Книги кириллической традиции сибирских епархиальных собраний Русской Православной Церкви: изучение и сохранение культурного наследия».

Для цитирования: Коваленко А.Н., Подопригора В.В., Шилова И.А., Юдин А.А. Сибирские епархиальные собрания Русской Православной Церкви: новые материалы к библиографии синодальных кириллических изданий // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 135–142. doi: 10.17223/19988613/91/16

Original article

Siberian Diocesan Book Collections of the Russian Orthodox Church: New Materials for the Bibliography of Synodal Cyrillic Editions

Anton N. Kovalenko[1], Vasilii V. Podoprigora[2], Inna A. Shilova[3], Aleksei A. Yudin[4]

[1, 2, 3, 4] State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation
[1] kovalenko@gpntbsib.ru
[2] podoprigora@gpntbsib.ru
[3] shilova@gpntbsib.ru
[4] yudin@gpntbsib.ru

Abstract. The article contains preliminary results of archaeographic research of Siberian diocesan (parish, seminary, and museum) libraries of the Russian Orthodox Church in Novosibirsk Oblast, Altai Krai, and Altai Republic. The object of study are the books of Cyrillic print of the 18th – 20th centuries published by the printing houses of Moscow, Saint Petersburg, Kiev, Pochaiv and Chernigov and administered by the Holy Synod. The purpose of the research is to reveal, identify and characterize synodal editions of the 18th – 20th centuries located in the book collections of diocesan libraries in these regions.

The novelty of the study is due to the fact that the book collections of the libraries of churches and museums of the Russian Orthodox Church for a long time remained practically outside the archaeographic routes of Novosibirsk researchers. According to the established tradition, attention was paid mainly to manuscript and early printed booklore that existed in the Old Believers' milieu.

During the archaeographic survey of the diocesan book storages of the Russian Orthodox Church, about 270 editions of the 18th–20th were identified: the Holy Scriptures of the Old and New Testaments, liturgical, hymnographic, reading, polemical and educational literature. It was found that many of these books had not previously been taken into account in scientific publications and catalogues, which made it possible to significantly expand the idea of the repertoire and content of synodal editions stored in Novosibirsk Oblast and Altai.

© А.Н. Коваленко, В.В. Подопригора, И.А. Шилова, А.А. Юдин, 2024

The study identifies some rare and even unique examples of synodal editions. For example, an exemplar of the Euchologion (Moscow, Synodal Publishing House, 1770), discovered in Barnaul, was defined in the catalogue of A. Guseva as a “wanted edition”.
The study of provenance of book exemplars (records, stamps, bookplates) allowed us to obtain valuable information about their belonging to the church and monastery libraries of different provinces and cities of the Russian Empire, such as the Alexander-Svirsky Monastery, Minusinsk nunnery, Holy Trinity church in the city of Buzuluk of Samara diocese, etc.
The analysis of ownership signs revealed the main ways of forming diocesan libraries: gifts and contributions “to commemorate the souls” of clergy and parishioners; receipts from other church and monastery libraries, often lost their integrity due to the destruction of church buildings themselves; receipts from libraries of pre-revolutionary educational institutions, due to specifics of the repertoire of synodal editions not in demand after the revolution.
Keywords: archeography, bibliography, books of cyrillic printing, synodal publications, diocesan book collections, Russian Orthodox Church

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-01495 “Books of the Cyrillic Script in Siberian Diocesan Repositories of the Russian Orthodox Church: Study and Preservation of the Cultural Heritage”.

For citation: Kovalenko, A.N., Podoprigora, V.V., Shilova, I.A., Yudin, A.A. (2024) Siberian Diocesan Book Collections of the Russian Orthodox Church: New Materials for the Bibliography of Synodal Cyrillic Editions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 91. pp. 135–142. doi: 10.17223/19988613/91/16

Цель данного исследования – выявление, идентификация и характеристика синодальных изданий XVIII–XX вв., находящихся в собраниях епархиальных библиотек на территории Новосибирской области, Алтайского края и Республики Алтай. Новизна работы обусловлена тем, что книжные собрания библиотек храмов и музеев Русской Православной Церкви долгое время оставались фактически вне археографических маршрутов новосибирских исследователей, так как по сложившейся традиции внимание уделялось преимущественно рукописной и старопечатной книжности, бытовавшей в старообрядческой среде [1, 2].

В ходе археографического обследования епархиальных собраний РПЦ в указанных регионах в 2023 г. нами было выявлено 270 экземпляров изданий XVIII – начала XX в., напечатанных в типографиях, находившихся в ведении Святейшего Синода. Безусловно, главными центрами кириллической печати в этот период являлись Московская и Санкт-Петербургская синодальные типографии, однако часть выявленных книг составили издания Киево-Печерской лавры, Почаевской Успенской лавры, Свято-Троицкого Ильинского монастыря в Чернигове. Жанровая специфика книг напрямую связана с репертуаром изданий названных типографий: Священное Писание Ветхого и Нового Завета, богослужебная, гимнографическая, четья, полемическая и учебная литература.

В ходе исследования было выявлено 30 изданий XVIII в., самые ранние из которых – Триодь цветная (Москва, 1731 [3. № 1650]) и Триодь постная (Москва, 1742 [3. № 1629]). Типологически все обнаруженные издания XVIII в. можно разделить на несколько категорий. Большую часть составляют литургические книги: Псалтирь с восследованием (Чернигов, 1763; М., 1788 и др.), Евангелие (М., 1786; 1791), Апостол (М., 1759), Требник (М., 1770), Служебник (М., 1777), Триодь цветная и постная (см. выше), Типикон (М., 1791), Октоих (Ч. 2. М., 1777), Анфологион (М., 1755), различные издания служебных миней и др.). Помимо служебных книг в репертуаре выявленных изданий XVIII в. представлена четья учительная литература – труды проповедников и церковных деятелей эпохи: первое российское издание сборника «Добротолюбие» в переводе Паисия Величковского (М., 1793), издания сочинений духовных писателей XVII–XVIII вв.: митр. Исайи Копинского («Алфавит духовный» (СПб., 1782), свт. Димитрия Ростовского («Жития святых» (Кн. 2 (декабрь–февраль). М., 1789, 6-е изд.; Кн. 4 (июнь–август). М., 1796, 7-е изд.), сборник «Собрание разных поучительных слов» Гедеона (Криновского) (Ч. 1. М., 1760), «Собрание разных поучений на все воскресные и праздничные дни» Гавриила (Петрова) и Платона (Левшина) (Ч. 1–3. М., 1777), Псалтирь с толкованием (Киев: тип. Киево-Печерской Успенской лавры, 1781) и др. Кроме того, обнаружены книги катехетического жанра (Петр Могила. Православное исповедание веры. М., 1744) и полемические произведения (Стефан Яворский. Камень веры. М., 1749).

Зафиксированы редкие уникальные экземпляры синодальных изданий, которые восполняют имеющиеся в настоящее время лакуны в современных библиографических описаниях печатных книг кириллической традиции XVIII–XIX вв. Например, в собрании Музея истории Православия на Алтае был обнаружен экземпляр Требника (М.: Синодальная типография, 1770), обозначенный в каталоге А.А. Гусевой как «разыскиваемое издание» [3. С. 418. № 1590]. Как сообщает А.А. Гусева, тираж издания составил 2 400 экземпляров, о его выходе известно из так называемых «Третных ведомостей Московской Типографской Конторы об исполненных и начатых печатных работах» (12.05.1770 / 27.01.1771) (Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. Т. 50. СПб., 1914, № 201/37) [3. С. 418].

В выходных сведениях, публикуемых на первом ненумерованном листе, указано, что книга была напечатана в Москве, «повелением… императрицы Екатерины Алексеевны», при наследнике Павле Петровиче, «благословением же Святейшаго Правительствующаго Синода» в мае 1770 г. Требник имеет формат in octavo, в барнаульском экземпляре отсутствует 19 листов. Можно предположить, что издание содержало 376 ли-

стов: во-первых, такое количество восстанавливается из листовой формулы и учета всех утрат; во-вторых, типологически близкое издание Московской Синодальной типографии 1773 г. также имеет 376 листов (см.: [3. С. 418. № 1591]. Поскольку барнаульский Требник является единственным на данный момент известным экземпляром разыскиваемого издания 1770 г., публикуем его описание (см. Приложение).

А.А. Гусева указывает, что в московской Синодальной типографии спустя три года вышло другое издание Требника, которое известно только в трех экземплярах (два хранятся в РГБ и один Ярославском музее-заповеднике) [3. С. 418. № 1591]. Согласно библиографическому описанию, оба издания очень близки: они имеют одинаковый формат и, вероятно, одинаковое количество листов; кроме того, в одной и той же части книг использованы в качестве орнамента наборные украшения; сходное расположение в тексте книги имеют упоминания императрицы и великого князя. Однако есть различие в именах тередорщиков и номерах станов; при одинаковом наборе литер различаются номера станов: в издании 1770 г. – «16» и «8», а в издании 1773 г. с теми же литерами другие цифры – «6» и «8». Такая разница вызывает вопрос, не могла ли кириллическая цифра «10» «уйти» в корешок и не просматриваться в известных экземплярах Требника 1773 г.?

Работа в разных книжных собраниях, как государственных, так и церковных, позволяет собрать материал для идентификации дефектных изданий в книжных коллекциях, которые археографам еще предстоит изучить. Это было особенно важно до появления совсем недавно вышедшего сводного каталога кириллических изданий XIX – начала XX в. А.А. Гусевой [4]. Однако и нововышедший каталог в связи с его незавершенностью (он был издан уже после кончины Александры Алексеевны) не всегда может помочь в точной атрибуции той или иной книги. Так, в музее при храме в честь новомучеников и исповедников Церкви Русской на Святом источнике Новосибирской епархии нами было выявлено издание Службы иконе Иверской Богоматери, однако отсутствие титульного листа и цветной литографии с изображением иконы затруднило определение точной даты выхода книги, не была она найдена и по новому каталогу. К слову, в цифровой копии этого же издания, представленной на официальном сайте ГИМ, также нет выходных данных и изображения иконы, поэтому в описании московского экземпляра он датируется концом XIX – началом XX вв. [5]. В Барнауле было обнаружено такое же издание, сохранившееся полностью, что позволило датировать и книгу из Новосибирской области 1901 г. [4. № 4214].

В ходе камеральной археографической работы в епархиальных собраниях удалось также выявить ряд изданий, не отраженных в новейшем каталоге кириллических изданий XIX – начала XX в. Большую часть составляют книги Священного Писания, в первую очередь Евангелия: два издания Синодальной типографии в Москве (V.1879. 2°. 356 л.; II.1903. 2°. 4 литографии. 386 л.), одно – в Санкт-Петербурге (1912. 364 с.) и два издания Типографии Киево-Печерской Успенской Лавры (III.1900. 4°. 236 л.; XII.1903. 2°. 326 л.), а также Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа (Киев: Тип. Киево-Печерской Лавры, 1892 (VI.7400). 8°. 432 л.). Три издания Псалтири: два московской Синодальной типографии (1835. 2°; XI.1915. 4°. 192 л.) и киевское (Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской лавры, XII.1903. 2°. 326 л.). Удалось также выявить ряд не учтенных в каталоге А.А. Гусевой изданий богослужебных книг: Октоих, сиречь осмогласник (Почаев: Тип. Почаево-Успенской лавры, VI.1864. 2°), Триодь цветная (Пентикостарион) (М.: Синодальная тип., II.1902. 2°. 276 л.), Требник в двух частях. Часть первая (М.: Синодальная тип., II.1915 (7423). 8°. 331 л.). Стоит упомянуть нотное издание: Аллеманов Д. Песнопения годового круга богослужение обычнаго напева. С приложением «Теория и практика церковнаго осмогласия обычнаго напева» (М., 1907. 2°. 146 с.). Также отметим издания акафистов: Акафист святому священномученику Антипе, епископу Пергамскому. 4-е изд. (М.: Синодальная тип., 1902. 31 с.) в составе сборника-конволюта акафистов; Акафист с[вя]тей равноап[о]с[то]льней Марии Магдалине. 2-е изд. (М.: Изд. А.Д. Ступина (Синодальная тип.), 1900. 24 л.).

При исследовании ряда изданий были выявлены небольшие отличия с их описанием в каталоге А.А. Гусевой по экземплярам РГБ. Например, экземпляр Требника (М.: Синодальная тип., 1911 (X.7420)) обнаруживает несоответствие листовой формулы с описанным Гусевой экземпляром [4. № 4897]. Другой пример – Страдание святаго великомученика Феодора Тирона (заимствовано из Минеи-Четьи). 2-е изд. М.: Синодальная тип., 1894, отличающееся от известного по каталогу [4. № 3838] в верстке текста: в экземпляре РНБ л. 20 указан как пустой.

Помимо выявления и идентификации изданий был проведен анализ владельческих примет: штампов, экслибрисов и записей, содержащихся в книгах. В результате были получены ценные сведения о существовании церковных библиотек, утративших целостность в связи с различными драматическими событиями российской истории XX в. Исчезновение епархиальных библиотек зачастую было связано с разрушением самих церковных и монастырских строений; в этом случае, как правило, никакой информации о составе и судьбе этих библиотек не сохранялось.

Например, издание «Акафиста преподобному и богоносному Александру игумену Свирскому чудотворцу» (СПб., 1900) из барнаульского епархиального собрания, судя по штампу, принадлежало библиотеке Минусинского Покровского женского монастыря, основанного в 1915 г. [6. С. 75]. Одним из ярких событий в жизни монастыря стало появление в начале 1920-х гг. духовника и настоятеля церкви тогда уже преобразованного в сельскохозяйственную коммуну монастыря архим. Димитрия (Вологодского) (1865–1937) [7. С. 334]. В советское время монастырь был разрушен, о судьбе монастырской библиотеки ничего не известно. В этих обстоятельствах найденный экземпляр Акафиста является важным свидетельством того, что такая библиотека существовала, а содержащиеся в ней книги читались и использовались насельницами в молитвенном обиходе. На с. [3] алтайского экземпляра акафиста есть

владельческая запись одной из монахинь «послушницы / Гавріилы» (фиолетовыми чернилами), а также штамп «Въ память / строгого Батюшки» на обложке книги.

Еще один пример экземпляра из утраченной церковной библиотеки – декабрьский том четьих-миней свт. Димитрия Ростовского (переиздание начала XX в.) из барнаульского епархиального собрания с владельческой записью, свидетельствующей о нахождении этой книги под номером 37 в библиотеке Свято-Троицкой церкви города Бузулука Самарской епархии. Известно, что эта церковь была построена в 1830–1840-е гг. и разрушена в 1930-х гг.

Назовем также экземпляр Минеи дополнительной (СПб., 1909) из барнаульского епархиального собрания со штампом, указывающим на принадлежность книги другой утраченной церковной библиотеке: «Николаевской цер. с. Тундрихинскаго Барнаульск. уѣз. Томск. Епар.» (по кругу) (рис. 1). Известно, что деревянная однопрестольная Николаевская церковь в селе Тундриха Барнаульского уезда Томской епархии была построена в 1910 г. [8. С. 353] и закрыта в 1930-х гг. О судьбе этого книжного приходского собрания также ничего не известно.

Рис. 1. Штамп Николаевской церкви в с. Тундриха Барнаульского уезда Томской епархии

Целую группу изданий, хранящихся в сибирских епархиальных книгохранилищах, составляют книги из библиотек учебных заведений, действовавших в дореволюционный период. Например, экземпляр Триоди цветной (М., 1902) со штампом Фундаментальной библиотеки Ялуторовской 4-классной женской учебной семинарии, содержащий номер книги по хронологическому каталогу (№ 513) и систематическому каталогу (№ 10) (рис. 2), экземпляр Октоиха (М., 1906) из библиотеки Барнаульской мужской гимназии.

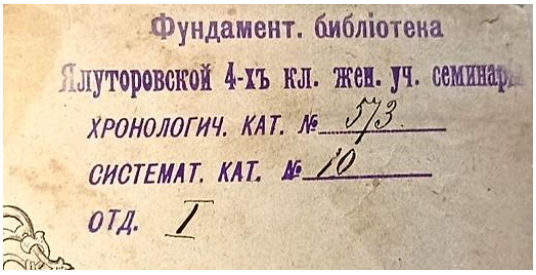

Рис. 2. Штамп Фундаментальной библиотеки Ялуторовской 4-классной женской учебной семинарии

Назовем также издание Псалтири, напечатанное в Синодальной типографии в конце XIX – начале XX в., из музея одного из храмов Новосибирской области со штампом фундаментальной библиотеки Басманного 4-классного городского училища [9. С. 32]: «Басманное 4-х-клас. / Городское Училище / Фундаментальная / библіотека».

Важной составляющей епархиальных книжных собраний являются книги из личных библиотек священнослужителей, купцов, крестьян, пожертвованные ими «на помин души», отданных в дар и т.д. Эти книги охватывают самый широкий хронологический период: от XVIII в. до современности.

Например, в одном из изданий Алфавита духовного XVIII в. (СПб.: Синодальная тип., 1782) из собрания Новосибирской православной духовной семинарии сохранились две владельческие скорописные записи: «Сия книжица мещанина Ларивона Куделина» и «Сия книга города Александрова купца Лариона Куделина куплена во граде Ростове». Можно предположить, что данный экземпляр принадлежал содержателю кузницы в городе Александрове Владимирской губернии Ларион Куделину [10].

Представители купеческого сословия также жертвовали книги для церкви. Так, на экземпляре майской минеи XIX в. из барнаульского епархиального собрания имеется запись-скрепа: «Во Святую // Александра // Свирскую // Обитель // Принесена // отъ купца // Александра // Алексѣевича // Дурдина // С.П. Бургъ// 21 Генв. 1857 г.» (л. 1–11). Из нее следует, что книга была пожертвована в Александро-Свирский монастырь купцом Дурдиным в 1857 г.

Владельцем книги был, вероятно, купец Александр Алексеевич Дурдин – младший брат знаменитого родоначальника купеческой династии, занимавшейся производством пива и других напитков в Санкт-Петербурге и Рыбинске в XIX – начале XX в., Ивана Алексеевича Дурдина. В исследовательской и научно-популярной литературе в основном содержатся сведения об Иване Алексеевиче и его потомках, тогда как о его младшем брате сведений почти нет. Известно только, что Александр Алексеевич сначала состоял при капитале старшего брата, но позже отделился и начал свое дело [11. С. 252].

Рассматриваемый экземпляр майской Минеи уникален и другой своей владельческой приметой: на форзацных листах он содержит гравированный книжный знак с вензелем «АН» под императорской короной. Это экслибрис Александра II, зафиксированный во многих справочниках и имеющий 20 разновидностей [12]. Принадлежность экземпляров библиотеке императорской семьи выдает также переплет с позолоченным бордюрным тиснением и суперэкслибрисом в среднике: двуглавый орел со скипетром и державой. Вероятно, в библиотеку Александра II Минея попала уже после 1857 г. из Александро-Свирской обители. Можно предположить, что в Барнаул поступил целый комплект служебных миней, так как в епархиальном собрании этого города был обнаружен еще один экземпляр Минеи за июль, имеющий тот же экслибрис и сходный переплет.

Книги из личных библиотек пополняли епархиальные собрания не только по воле их владельцев, но и в силу трагических событий. Такие экземпляры с владельческими записями подчас приобретают культурно-историческую ценность в связи с обстоятельствами судьбы их владельцев. В качестве примера приведем экземпляр Требника из собрания Церковно-исторического музея при храме в честь новомучеников и исповедников Церкви Русской на Святом источнике, изданного в московской Синодальной типографии в 1911 г. В нем сохранилась владельческая запись священномученика Новосибирской епархии, протоиерея Николая Ермолова (1874–1937), погибшего в Искитимском штрафном лагере (СибЛАГе), который действовал с 1929 по 1956 г.

Помимо владельческой записи («Села Ордынска протоиерей Николай Ермоловъ») в книге также есть читательские пометы, скорее всего сделанные рукой самого священномученика Николая на полях текстов отдельных последований (Чине Крещения, Каноне молебном на исход души, Последовании погребения мирских человек и в Изъявлении нужнейших правил из Номоканона). О Николае Ермолове сохранилось крайне мало достоверных сведений, поэтому данный экземпляр имеет важное значение для сохранения памяти о новосибирском новомученике.

Таким образом, анализ провениенций (записей, штампов, экслибрисов) экземпляров книг синодальной печати позволил выявить основные пути формирования епархиальных библиотек. Это дары, пожертвования и вклады «на помин души» священнослужителей и прихожан, поступления из других храмовых и монастырских библиотек, часто утративших свою целостность в связи с уничтожением самих церковных строений, поступления из библиотек дореволюционных учебных заведений, в силу специфики самого репертуара синодальных изданий не востребованных после революции.

В ходе исследования были выявлены ранее неизвестные экземпляры синодальных изданий XVIII–XX вв., среди которых одно разыскиваемое издание Требника 1770 г. и ряд служебных книг конца XIX – начала XX в. Идентифицированы экземпляры ныне утраченных церковных и монастырских библиотек разных губерний и городов Российской империи: Александро-Свирского мужского монастыря, Минусинского женского монастыря, Свято-Троицкой церкви г. Бузулука Самарской епархии и др. Особый интерес представляют владельческие записи, например содержателя кузницы в г. Александрове Владимирской губернии Лариона Куделина на издании «Алфавита духовного» 1782 г., купца Александра Алексеевича Дурдина на экземпляре майской служебной минеи XIX в., новомученика Новосибирской епархии, протоиерея Николая Ермолова (1874–1937) на Требнике 1911 г.

Епархиальные собрания Новосибирской области и Алтая хранят целый пласт кириллической книжности, составляющий важную часть культурного наследия России. Полученные сведения позволяют рассматривать эти книжные собрания как важнейший источник для дополнения библиографии кириллических изданий, выходивших в течение XVIII – начала XX в. в типографиях, подведомственных Святейшему Синоду. Также они являются ценным источником как для книговедческих исследований, связанных с реконструкцией утраченных или рассеянных по различным хранилищам России церковных библиотек (приходов, учебных заведений и личных книжных собраний священнослужителей), так и для культурно-исторических разысканий, касающихся частной судьбы владельцев книг.

Список источников

1. Дергачева-Скоп Е.И., Покровский Н.Н. Задачи археографического изучения Сибири // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л. : Наука, 1970. С. 171–178.
2. Дергачева-Скоп Е.И., Бородихин А.Ю. О сводном каталоге рукописей, старопечатных и редких книг собраний Сибири и Дальнего Востока // Информационный бюллетень РБА. СПб., 2013. № 66. С. 112–118.
3. Гусева А.А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М. : Индрик, 2010. 1252 с.
4. Гусева А.А. Каталог изданий кирилловской печати 1801–1918 гг. из собрания НИО редких книг (Музея книги) Российской государственной библиотеки. М. : Индрик, 2021. Т. 1. 464 с.; Т. 2. 400 с.
5. Муз. печ. 1050. Служба пресвятей Богородице, в честь и память явления чудотворныя ея иконы, нарицаемыя Иверския. кон. XIX – нач. XX в.в. // Государственный исторический музей. URL: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/7997177?fund_ier=647760263_647760305&index=35 (дата обращения: 20.10.2023).
6. Фёдоров И.Г. Несовершеннолетние насельники православных монастырей Енисейской и Красноярской епархии в досоветский период (1861–1919 годы) // Исторический курьер. 2021. № 1 (15). С. 74–82.
7. Дворецкая А.П. Минусинское викариатство // Православная энциклопедия. М. : Православная энцикл., 2017. Т. 45. С. 334–336.
8. Кидяева Г.В. и др. Залесовское Причумышье : очерки истории и культуры. Барнаул : Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2004. 531 с.
9. Список учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (кроме начальных) по городам и селениям : составлен к 1-му января 1908 г. СПб. : тип. «Северъ», 1908. 78 с.
10. Ревякин В. Александровское купечество (продолжение) // Александровский Голос труда. 2019. 6 марта, № 10 (15114). С. 23.
11. Краско А.В. Петербургское купечество : страницы семейных историй. М. : Центрполиграф, 2010. 414, [2] с.
12. Зайцева И.И. Царскосельские императорские библиотеки. Вехи истории // Государственный музей-заповедник «Царское село». URL: https://www.tzar.ru/science/curatorsarchive/libraries (дата обращения: 20.10.2023).

Приложение

Описание новонайденного «разыскиваемого» издания XVIII в.

Требник. Москва: Синодальная типография, май 1770. [26 нояб. 1769 – 7 мая 1770].

8° (155 × 95).

357 листов.

Фолиация: [1] нн., 1–4, 1–24, [25], 26–37, 39–127, 132–243, 257–369, [370], I форзацный = 357 л. Утрачено 19 листов: л. 38, 128–131 («Глава 14. Чин, егда слꙋчитсѧ вскорѣ больномꙋ дати причастїе»), 244–256, 371. Особенности: нумерация листов

в правом верхнем углу; край л. 25 оторван, колонцифра утрачена; л. [370] частично утрачен, колонцифра не просматривается; при обозначении лл. 70, 170, 270 использована буква «о» широкое (ѻ), в остальных случаях – обычная буква «о» (на лл. 71–79, 171–179, 271–279); на л. 72 – дефект в наборе (литера «в» плохо пропечатана и расположена на 2 мм ниже, чем литера «о»); на л. 269 буква «с» пропечатана выше остальных.

Сигнатуры: $1^{1+4} + 1^8 – 4^8 + [5]^7 + 6^8 – 15^8 + 16^7 + [17]^5 + 18^8 – 30^8 + 31^3 + 33^8 – 46^8 + 47^2 = 357$ л. Нумерация тетрадей кириллическими цифрами в центре нижнего поля первого листа каждой тетради. Номер тетради 5 не сохранился, так как нижняя часть листа оторвана; лист с номером тетради 17 утрачен.

Печать: 17 строк на листе; в две краски. Кавычные глоссы на поле л. 54 с вариантами молитвенных прошений в женском роде: «и҃ раба҃ твоеѓо҃» - «[и раб]ѳ», «[тво]ю҃»; «належа҃щаго ѥ҃мѫ҃ ѹ҃за» - «[надлежащаго] ѥ҃й [уза]», «и҃ да́рѹ҃й ѥ҃мѫ҃» - « [и даруй] ѥ҃й».

Орнамент: ломбарды, заставки 42 с 17 досок, 1 концовка, наборные украшения на л. [1] нн., [1] нн. об., 265 об., 266, 267 об., 268, 269 об., 270, 271 об., 272, 275, 313, 316 об., 323, 327 об., 330, 333 об.

Имена тередорщиков и номера станов (под наборной полосой, слева; корешковый сгиб: черной краской):

и҃ / ѥ҃, л. 105/112 об., 113/120 об., 121/, 161/168 об., 169/176 об., 177/184 об., 185/192 об., 225/232 об., 233/240 об., 241/, 321/328 об., 329/336 об., 337/344 об., 345/352 об., 353/360 об., 361/368 об., 369/;

ѕі҃ / т҃ л. вт. сч. 1 / 8 об., 9 / 16 об., /136 об., 137/144 об., 193/200 об., 201/208 об., 265/272 об., 289/296 об., 297/304 об.;

ѕі҃ / ѳ҃ л. 17/24 об., 25/32 об., 145/152 об., 153/160 об., 209/216 об., 217/224 об., 273/280 об., 281/288 об., 305/312 об., 313/ 320 об.

На л. 33/40 об., 257 литеры не просматриваются.

На л. вт. счета [1] нн., 33, 58 об., 238 об. упомянута имп. Екатерина Алексеевна, на л. вт. сч. [1] нн., 33 об., 59, 239 – вел. князь Павел Петрович; на л. 240 об. вт. сч. – титул «императрица».

Записи:

На обороте верхней крышки переплета «<…> шла крупный снѣгъ» (железистые чернила, XIX в.).

На л. [1] нн. – «Троица Святая» над заставкой с изображением Троицы (железистые чернила, XIX в.).

На л. 1–2 вт. счета запись-скрепа – «Священника// Алексея Іван[ова]» (железистые чернила, начало XIX в.).

На л. 12, 16 об., 21, 22, [25], 26, 26 об., 27, 29, 30, 34, 36 служебные пометы красным химическим карандашом в текстах «Молитвы, о еже сотвори оглашеннаго», «Последования святаго Крещения» и «Молитвы, како младенца крестити в борзе».

Между л. 61 и 62 вложен рукописный лист из тетради в клетку с текстом для совершения таинства крещения, выполненным современной скорописью фиолетовыми чернилами.

В тексте месяцеслова записи поминального характера, выполненные железистыми чернилами: «и преподобныя / Маріи» (29 октября, л. 313), «Іакова» (13 января, л. 322 об.), «[М]аріа / <…>» (17 февраля, л. 324 об.), «Марины, до<…>» (28 февраля, л. 325), «Іуліи» (16 июля, л. 338) и др.

Состав:

1) [Лист с выходными сведениями] – л. [1] нн. – [1] нн. об.:

«Во сла́вѣ сты́м ѣ҃диносу҃щныя ,¯ животворя́щіи҃м , и҃ нераздѣли́-¯мыя тр҃цы , О҃ц҃а , и҃ С҃на ,¯ и҃ С҃та́гѡ Дх҃а : Повелѣ́нїемъ¯ Бл҃гочести́вѣйшїа Самодержа́в¯нѣйшїа Вели́кїа Г҃дри На́шеа¯ І҃ М П Є Р А Т Р І Ц Ы¯ Є҃КАТЕРІ́НЫ А҃ЛЕ҃ѲІЄВНЫ¯ всеа҃е Россі́и : при Насл҃ѣ́дникѣ¯ Є҃ Ѧе , Бл҃гове́рномъ Г҃ ѳ҃ р ѣ¯ Цесаре́вичѣ и҃ Вели́комъ Кн҃зѣ¯ П А҃ В Л Ѣ ПЕТРО́ВИЧѢ¯ Бл҃гослове́нїемъ же С҃тѣ́йшагѡ¯ Прави́тельствѹ҃ющагѡ С҃ВѮ҃Н҃О҃Д҃А :¯ Н а п е ч а́ т а с ѧ к н и́ г а с ї м҃¯ ТРЄ́БНИКЪ , въ ц҃рствѹ҃ющемъ¯ вели́комъ гра́дѣ Москвѣ́ :¯ Въ лѣ́то ѿ сотворе́нїа ми́ра ,¯ ѕ҃зсо҃ѵ · (҃ѳ) р҃ж҃тва́ же по пло́ти¯ Бг҃а Сло́ва ѕ҃ѱѳ ,¯ І҃ндіктa г҃ · М҃ц҃а¯ Маїа ·»

2) «Описание глав с Богом святым ѡбдежащихсѧ в требницѣ сем»[1] – л. 1–4 первого счета.

3) «Глава 1[2]. Молитвы в первый день, внегда родити женѣ отроча» – л. 1–3 второго счета (здесь и далее указаны листы второго счета).

4) «Глава 2. Молитва, во еже назнаменати отроча прїемлющее имѧ во осмый день рожденїѧ своегѡ» – л. 3 об.–5.

5) «Глава 3. Молитвы женѣ родилницѣ по четыредесѧтих днех». – л. 5 об.–10.

6) «Глава 4. Молитва женѣ, егда извержет младенца» – л. 10–11 об.

7) «Глава 5. Молитва, во еже сотворити ѡглашеннаго» – л. 11 об.–21 об.

8) «Глава 6. Послѣдованїе святагѡ крещенїѧ» – л. 22–37 об.

9) [«И молитва святых крещенїи вкратцѣ, какѡ младенца крестити в борзѣ, страха ради смертнагѡ»] – л. 39 (без начала; судя по оглавлению раздел должен был начинаться с л. 38, который утрачен).

10) «Предисловїе и сказанїе, ѡ еже какѡ подобает быти духовникѹ и сказовати невозбраннѡ приходѧщым к немѹ» – л. 39 об.–41.

11) «Глава 7. Послѣдованїе ѡ исповѣданїи» – л. 41–54.

12) «Глава 8. Молитва над разрѣшаемым ѿ запрещенїѧ» – л. 54–54 об.

13) «Глава 9. Послѣдованїе бываемое ѡ ѡбрѹченїи» – л. 54 об.–59.

14) «Глава 10. Послѣдованїе вѣнчанїѧ» – л. 59 об.–74.

15) «Глава 11. Молитва на разрѣшенїе вѣнцев во ѻсмый день» – л. 74–74 об.

16) «Глава 12. Послѣдованїе ѡ двобрачном» – л. 75–83.

17) «Глава 13. Послѣдованїе святагѡ елеа, пѣваемое ѿ седми священникѡв, собравшихсѧ в церкви или в домѹ» – л. 83 об.–127 об.

18) «Глава 15. Канѡн молебный ко Господѹ нашемѹ Иисусѹ Христѹ и Пречистой Богородицѣ Матери Господни при разлѹченїи дѹши ѿ тѣла всѧкагѡ правовѣрнагѡ» – л. 132–139.

---

[1] Здесь и далее текст цитируется в упрощенной графике, буква «ъ» в конце слов опускается, диакритические знаки не воспроизводятся, выносные буквы вносятся в строку, титла раскрываются; заглавные буквы и знаки пунктуации расставлены в соответствии с правилами современного русского языка.

[2] Здесь и далее оглавление книги приводится с обозначением номера главы, указание на главу и ее номер в тексте отпечатано на левом либо правом поле (в зависимости от расположения начала раздела на обороте либо на лицевой стороне листа).

19) «Молитва ѿ ıереа глаголемаѧ на исход дѣши» – л. 139 об.–140.
20) «Глава 16. Послѣдованїе мертвенное мїрских тѣл» – л. 140 об.–166 об.
21) «Глава 17. Оуказ ѡ провожденїи оусопших на Святѣю Пасхѣ и во всю Свѣтлѣю недѣлю бываемый» – л. 166 об.–169 об.
22) «Глава 18. Послѣдованїе мертвенное над скончавшимсѧ священником» – л. 170–213 об.
23) «Глава 19. Чин погребенїѧ младенческагѡ» – л. 213 об.–228 об.
24) «Глава 20. Послѣдованїе малагѡ ѡсвященїѧ воды» – л. 229–243 об. (без окончания).
25) [«Глава 21. Послѣдованїе ѡсвященїѧ воды святых богоѧвленїй»] – л. 257–257 об. (без начала, название восстановлено по оглавлению, судя по которому раздел должен был начинаться с л. 244).
26) «Глава 22. Молитва на Рожество Христово сынѡм духѡвным» – л. 258–259 об.
27) «Глава 23. Молитва в началѣ поста Святыѧ Четыредесѧтницы» – л. 260–264 об. (в оглавлении неверно указано, что раздел начинается с л. 259).
28) «Глава 24. Молитва, во еже благословити брашна, мѧса, во Святѣю и Великѣю недѣлю Пасхи». – л. 265–265 об.
29) «Глава 25. Молитва, еже благословити сыр и ѩица» – л. 265 об.–266.
30) «Глава 26. Молитва в причащенїи гроздїѧ, в 6 день авгѣста» – л. 266–267.
31) «Глава 27. Молитва ѡ приносѧщих начатки ѻвощей» – л. 267–267 об.
32) «Глава 28. Молитва на ѡснованїе домѣ» – л. 267 об. – 268.
33) «Глава 29. Молитва, егда кто имать внити в дом нов» – л. 268–268 об.
34) «Глава 30. Молитва ѡ копанїи кладѧзѧ» – л. 269–269 об.
35) «Глава 31. Молитва над кладѧзем новым» – л. 269 об.–270.
36) «Глава 32. Чин бываемый, аще слѣчитсѧ чесомѣ скверномѣ ѩковѣлюбо впасти в кладѧзь водный» – л. 270–271 об.
37) «Глава 33. Молитва хотѧщемѣ ѿити в пѣть» – л. 271 об.–272.
38) «Глава 34. Молитва запрещалнаѧ святагѡ Васıлїа над страждѣщими ѿ демонѡв» – л. 272–273.
39) «Глава 35. Чин бываемый, аще слѣчитсѧ чесомѣ скверномѣ или нечистомѣ новѡ впасти в сосѣд вїна, или елеа, или меда, или иногѡ чесогѡ» – л. 273 об.–275.
40) «Глава 36. Молитва ѡ скверноѧдших» – л. 275–275 об.
41) «Глава 37. Молитва над сосѣдом ѡскверншимсѧ» – л. 276.
42) «Глава 38. Молитва над пшеницею ѡскверншеюсѧ, или мѣкою, или видом нѣкїим» – л. 276 об.–277.
43) «Глава 39. Молитва над солїю» – л. 277 об.
44) «Глава 40. Молитва над сѣѧнїем» – л. 278–278 об.
45) «Глава 41. Молитва над гѣмном» – л. 279 (в оглавлении ошибочно указан л. 278).
46) «Глава 42. Из номоканѡна нѣжднѣйших правил изѧвленїе» – л. 279 об.–306 об.
47) «Глава 43. Соборник двѣнадесѧти мѣсѧцей» – л. 307–342 об.
48) «Глава 44. Ключ въкратцѣ с 208 лѣта ѿ сотворенїѧ всегѡ мıра» [Пасхалия с 7208 (1700) по 7367 (1859) г.] – л. 343–348.
49) «Пасхалїа азбѣчнаѧ, зрѧчаѧ и неисходнаѧ до конца вѣка» – лл. 348 об.–[370] об.

Переплет: картон в коже, застежки утрачены.

Экз.: Музей истории Православия на Алтае (г. Барнаул), кп-II-436.

Литература: [3. С. 418. № 1590].

References

1. Dergacheva-Skop, E.I. & Pokrovskiy, N.N. (1970) Zadachi arkheograficheskogo izucheniya Sibiri [Tasks of the archaeographic study of Siberia]. In: Likhachev, D.S. & Droblenkova, N.F. (eds) *Puti izucheniya drevnerusskoy literatury i pis'mennosti* [Ways of studying old Russian literature and writing]. Leningrad: Nauka. pp. 171–178.
2. Dergacheva-Skop, E.I. & Borodikhin, A.Yu. (2013) O svodnom kataloge rukopisey, staropechatnykh i redkikh knig sobraniy Sibiri i Dal'nego Vostoka [On the union catalog of manuscripts, early printed and rare books from collections in Siberia and the Far East]. *Informatsionnyy byulleten' RBA*. 66. pp. 112–118.
3. Guseva, A.A. (2010) *Svod russkikh knig kirillovskoy pechati XVIII veka tipografiy Moskvy i Sankt-Peterburga i universal'naya metodika ikh identifikatsii* [A collection of Russian books printed in Cyrillic style in the 18th century by Moscow and St. Petersburg printing houses and a universal method for their identification]. Moscow: Indrik.
4. Guseva, A.A. (2021) *Katalog izdaniy kirillovskoy pechati 1801–1918 gg. iz sobraniya NIO redkikh knig (Muzeya knigi) Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki* [The catalogue of publications of the Cyrillic press 1801–1918 from the collection of the Rare Book Museum of the Russian State Library]. Moscow: Indrik.
5. The State Historical Museum. (n.d.) *Sluzhba presvyatey Bogoroditse, v chest' i pamyat' yavleniya chudotvornyya eya ikony, naritsaemyya Iverskiya. kon. XIX – nach. XX v.v.* [Service to the Most Holy Theotokos, in honor and memory of the appearance of her miraculous icon, called Iverskaya, the late 19th – early 20th centuries]. [Online] Available from: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/7997177?fund_ier=647760263_647760305&index=35 (Accessed: 20th October 2023).
6. Fedorov, I.G. (2021) Nesovershennoletnie nasel'niki pravoslavnykh monastyrey Eniseyskoy i Krasnoyarskoy eparkhii v dosovetskiy period (1861–1919 gody) [Minor inhabitants of Orthodox monasteries of the Yenisei and Krasnoyarsk dioceses in the pre-Soviet period (1861–1919)]. *Istoricheskiy kur'er*. 1(15). pp. 74–82.
7. Dvoretskaya, A.P. (2017) Minusinskoe vikariatstvo [Minusinsk vicariate]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 45. Moscow: Pravoslavnaya entsikl. pp. 334–336.
8. Kidyaeva, G.V. et al. (2004) *Zalesovskoe Prichumysh'e: ocherki istorii i kul'tury* [. Zalesovskoe Prichumyshye: Essays on history and culture]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.
9. Russia. (1908) *Spisok uchebnykh zavedeniy vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (krome nachal'nykh) po gorodam i seleniyam: sostavlen k 1-mu yanvarya 1908 g.* [List of educational institutions of the Ministry of Public Education (except primary schools) by cities and villages: compiled by January 1, 1908]. St. Petersburg: Sever.
10. Revyakin, V. (2019) Aleksandrovskoe kupechestvo (prodolzhenie) [Aleksandrovsk merchants (continued)]. *Aleksandrovskiy Golos truda*. 6th March. p. 23.
11. Krasko, A.V. (2010) *Peterburgskoe kupechestvo: stranitsy semeynykh istoriy* [St. Petersburg merchants: Pages of family histories]. Moscow: Tsentrpoligraf.

12. Zaytseva, I.I. (n.d.) *Tsarskosel'skie imperatorskie biblioteki. Vekhi istorii* [Tsarskoye Selo imperial libraries. Milestones in history]. [Online] Available from: https://www.tzar.ru/science/curatorsarchive/libraries (Accessed: 20th October 2023).

***Сведения об авторах*:**
Коваленко Антон Николаевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела редких книг и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: kovalenko@gpntbsib.ru
Подопригора Василий Вячеславович – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела редких книг и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: podoprigora@gpntbsib.ru
Шилова Инна Александровна – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела редких книг и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: shilova@gpntbsib.ru
Юдин Алексей Александрович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела редких книг и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: yudin@gpntbsib.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Kovalenko Anton N. – Candidate of Philology, Researcher at the Department of Rare Books and Manuscripts of the State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kovalenko@gpntbsib.ru
Podoprigora Vasilii V. – Candidate of Philology, Researcher at the Department of Rare Books and Manuscripts of the State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: podoprigora@gpntbsib.ru
Shilova Inna A. – Candidate of Philology, Junior Researcher at the Department of Rare Books and Manuscripts of the State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: shilova@gpntbsib.ru
Yudin Aleksei A. – Candidate of Philology, Senior Researcher at the Department of Rare Books and Manuscripts of the State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: yudin@gpntbsib.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.11.2023; принята к публикации 12.09.2024

The article was submitted 21.11.2023; accepted for publication 12.09.2024

Научная статья
УДК 930.2+930.1(091)+94(57)
doi: 10.17223/19988613/91/17

З.Я. Бояршинова в письмах новосибирских историков

Наталья Петровна Матханова[1], Николай Алексеевич Старухин[2]

[1, 2] Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия
[1] nmatkhanova@mail.ru
[2] nikolaystaruhin2015@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются письма работавших в Новосибирском государственном университете и Сибирском отделении Академии наук СССР специалистов по истории феодализма в Сибири М.М. Громыко, Н.А. Миненко, Н.Н. Покровского и др., адресованные профессору Томского государственного университета З.Я. Бояршиновой. Выявлены основные темы писем. Установлено, что авторы регулярно сообщали о своих докладах, статьях, книгах, диссертациях, дискуссиях и даже конфликтах. Обсуждалась работа над коллективным трудом по истории крестьянства в Сибири. Судя по письмам, для новосибирских историков З.Я. Бояршинова была высоко ценимым специалистом, соавтором, соратником и даже другом.
Ключевые слова: эпистолярий, историографический источник, Томский государственный университет, Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, З.Я. Бояршинова

Благодарности: Статья подготовлена в рамках государственного задания, проект FWZM-2024-0006 «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: сохранение и развитие традиций».

Для цитирования: Матханова Н.П., Старухин Н.А. З.Я. Бояршинова в письмах новосибирских историков // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 143–150. doi: 10.17223/19988613/91/17

Original article

Z.Ya. Boyarshinova in the letters of Novosibirsk historians

Natalia P. Matkhanova[1], Nikolay A. Starukhin[2]

[1, 2] Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation
[1] nmatkhanova@mail.ru
[2] nikolaystaruhin2015@gmail.com

Abstract. The article is devoted to one of the most renowned and respected specialists in the history of Siberia, a professor of the Tomsk State University, Z. Ya. Boyarshinova. Based on the letters from historians from the Novosibirsk Akademgorodok to Z. Ya. Boyarshinova, it is aimed to find out interests and topics that were common to the senders and addressee, and to reconstruct the personality of Z. Ya. Boyarshinova presented in the letters. The article analyzes about 40 letters from the personal collection of Z. Ya. Boyarshinova preserved in the State Archives of the Tomsk Region that have not been the focus of any research yet. Among them are letters from outstanding historians A. P. Okladnikov, L. M. Goryushkin, M. M. Gromyko, N. A. Minenko, N. N. Pokrovskiy, A. Kh. Elert and others. They contain information about scientific views, academic networks and friendships, organizational and teaching activities, and personal life. To some extent, the letters draw the general picture of the small world that correspondents shared with each other and manifested in frequently appeared topics, names, and realities.

The authors identify several clusters of topics within the collection of letters. The academic-focused cluster is presented by such topics as the organization of scientific conferences; preparation of a collective work “The Peasantry of Siberia in the Era of Feudalism,” dissertation defense, publication of articles and reviews. Historians from Novosibirsk talked about their scientific work - the topics of articles, reports, books, successes, doubts, and discussions. N. N. Pokrovskiy invited colleagues from Tomsk to more actively participate in archaeographic studies, and suggested Boyarshinova as the head of Tomsk archaeographers when discussing the plans for the establishment of the Siberian Bureau of the Archaeographic Commission of the Academy of Sciences. The authors of the letters also contacted Z. Ya. Boyarshinova when difficult situations and conflicts occurred since she was seen as a mediator and ally. Sometimes the letters contain more personal information.

Z. Ya. Boyarshinova appeared in the letters from Novosibirsk historians as a respected and trustworthy colleague, co-author, and ally. Her portrait presented in letters is quite different from the stereotypical view of her as a tough, dry, and even grim person. The letters from Novosibirsk scholars to her are warm, emotional, and friendly.
Keywords: epistolary, historiographical source, Tomsk State University, Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, Z.Ya. Boyarshinova

© Н.П. Матханова, Н.А. Старухин, 2024

Acknowledgements: The research was carried out within the state assignment, on the topic FWZM-2024-0006 “The Past in the Manuscript Sources of the XVI–XX centuries: preservation and development of traditions”.

For citation: Matkhanova, N.P., Starukhin, N.A. (2024) Z.Ya. Boyarshinova in the letters of novosibirsk historians. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 91. pp. 143–150. doi: 10.17223/19988613/91/17

Письма историков имеют серьезное значение как историографический источник. Они важны для изучения интеллектуальной биографии авторов и адресатов, историографического быта, процесса научного поиска и других аспектов истории исторической науки. Письма новосибирских историков привлекли наше внимание не только потому, что они позволяют осветить обозначенные темы, но и потому, что дают представление об их адресате – выдающемся ученом, профессоре Томского университета З.Я. Бояршиновой.

Зоя Яковлевна Бояршинова была одним из самых известных и авторитетных историков Сибири эпохи феодализма. Ее научные работы, педагогическая деятельность, участие в обобщающих коллективных трудах внесли неоценимый вклад в науку. О ней писали и пишут [1–3], к ее столетию была проведена Всероссийская научная конференция, собраны и опубликованы воспоминания коллег, учеников, друзей [4–6]. Введены в научный оборот письмо З.Я. Бояршиновой известнейшему сибиреведу С.В. Бахрушину и его отзыв о кандидатской диссертации томской исследовательницы [7]. В личном фонде Бояршиновой имеется переписка с более чем 80 корреспондентами из Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Омска, Иркутска и других научных центров за 1948–1985 гг. [8]. Как отметила В.К. Филиппова в обзоре фонда, «переписка Зои Яковлевны с друзьями, коллегами, учениками» является «одним из наиболее ценных разделов фонда» [9. С. 69]. В ней отражены и «личностные взаимоотношения», и решение профессиональных вопросов, из нее видно «уважение, которое питали к ней как молодые начинающие историки, так и маститые ученые» [9. С. 69–70].

Круг ученых из Новосибирска в переписке представлен рядом виднейших фигур сибирской исторической науки: А.П. Окладниковым, Л.М. Горюшкиным, М.М. Громыко, Н.Н. Покровским, Е.И. Соловьевой, Н.А. Миненко, А.Х. Элертом и др. Хронологически эта часть переписки ограничена мартом 1967 – ноябрем 1985 г., она включает 39 посланий, 8 из которых – поздравительные открытки (как правило, новогодние либо с 8 марта). Мы использовали в настоящей статье письма историков, работавших в Сибирском отделении АН СССР и Новосибирском университете. В количественном отношении они представлены следующим образом: 12 писем и 4 открытки от Н.А. Миненко, 7 писем и 1 телеграмма от А.П. Окладникова; 5 писем и 3 открытки от М.М. Громыко; 5 писем и 1 открытка от Н.Н. Покровского; 2 письма от Т.С. Мамсик; 1 письмо и 1 телеграмма от О.Н. Вилкова; 1 письмо от А.Х. Элерта.

Письма, как и любые эго-документы, больше всего говорят об их авторах. Рассматриваемые тексты содержат сведения о научных взглядах и интересах, деловых и дружеских связях, конфликтах и контактах, организационной деятельности, иногда даже о личной жизни отправителей. В какой-то степени они позволяют реконструировать тот общий мир, который существовал в жизни корреспондентов и проявлялся наличием в переписке определенных тем, имен, реалий. Мы ставим перед собой две взаимосвязанные задачи: определить круг общих для авторов и адресата интересов и тем и выяснить, кем была З.Я. Бояршинова для своих новосибирских коллег, какой она представлена в их письмах.

Известно, что отношения между представителями томского и новосибирского центров исторической науки складывались непросто, иногда существовали настороженность и даже ревность. Ничего этого не встречается в письмах новосибирцев З.Я. Бояршиновой. Понятно, что негатива в них и не должно было быть. Но обращает на себя внимание другой факт – Зоя Яковлевна предстает в этих письмах далекой от стереотипного представления о ней как о человеке строгом, даже сухом и суровом. В совместном некрологе Томского университета и Института истории, филологии и философии отмечалось: «З.Я. Бояршинова была цельным, строгим, требовательным и принципиальным человеком. Внешняя суровость в ней сочеталась с беспредельной внутренней добротой, отзывчивостью на чужую радость и боль, с огромной заботой о судьбах людей» [10. С. 73]. Письма ей из Новосибирска – теплые, эмоциональные, порой даже нежные.

Большая часть новосибирских корреспондентов – историки-«феодалы». Особняком стоят письма известного археолога, директора ИИФиФ СО АН СССР А.П. Окладникова – единственного из новосибирских историков, для которого З.Я. Бояршинова не была старшей по возрасту и статусу. Его письма относятся к более раннему периоду, преимущественно связаны с защитой Бояршиновой докторской диссертации. В них сообщается о согласии подготовить отзыв от института и предложении забрать его у жены Окладникова Веры Григорьевны, обещании быть на защите [8. Д. 276. Л. 1–3), благоприятном впечатлении, произведенном докладом соискательницы в ЛОИИ [8. Д. 276. Л. 4] и, наконец (телеграммой), об утверждении ВАКом докторской степени [8. Д. 276. Л. 7]. Выражая 26 ноября 1970 г. благодарность за участие в обсуждении работы (вероятно, кандидатской диссертации «Телеуты и их тюркоязычные соседи в XVII веке (очерк внешнеполитической истории)») в Новосибирске барнаульского археолога А.П. Уманского, Окладников заключает многозначительным: «Мы же и впредь будем обращаться к Вам с подобными просьбами как к нашему верному другу и союзнику» [8. Д. 276. Л. 8].

Деловые темы переписки остальных новосибирцев связаны преимущественно с организацией научных конференций, подготовкой коллективного обобщающего труда «Крестьянство Сибири в эпоху феодализма», защитами диссертаций, публикацией статей и рецензий.

Так, М.М. Громыко писала о рецензировании Зоей Яковлевной своей монографии: «Я очень признательна Вам за добрые слова о моей книжке в печати» [8. Д. 286. Л. 15][1]. Она же [8. Д. 271. Л. 3, 4], а также О.Н. Вилков [8. Д. 270. Л. 3], Л.М. Горюшкин [8. Д. 271. Л. 1], Т.С. Мамсик [8. Д. 275. Л. 2, Н.А. Миненко [8. Д. 275. Л. 22], Н.Н. Покровский [8. Д. 277. Л. 7] обменивались приглашениями на конференции, сообщали темы своих докладов. Мамсик, Миненко, Покровский приглашали З.Я. Бояршинову в новосибирские издания [8. Д. 275. Л. 2, 19; Д. 277. Л. 3]. С просьбами об оппонировании к ней обращались О.Н. Вилков, просивший за Д.Я. Резуна [8. Д. 270. Л. 3], Т.С. Мамсик [Д. 275. Л. 1][2] и Н.А. Миненко («Очень радуюсь тому, что моим оппонентом будете Вы – это желание всегда присутствовало в наших с Мариной Михайловной планах» [8. Д. 275. Л. 14]), за согласие быть оппонентом у Миненко Зою Яковлевну благодарила и Громыко («Спасибо Вам за добрый отклик на вопрос Нины Адамовны» [8. Д. 271. Л. 8][3].

Особая тема – взаимное участие новосибирских историков и З.Я. Бояршиновой в работе Новосибирского и Томского университетов. Как вспоминала выпускница НГУ Тамара Семеновна Мамсик, в середине 1960-х гг. З.Я. Бояршинова и несколько других преподавателей ТГУ посетили спецсеминар М.М. Громыко «по проблемам социальной психологии феодального общества. Направление это в исторической науке в то время было совершенно новым, – вспоминала Мамсик, – и профессурой старшего поколения воспринималось весьма негативно» [12. С. 56]. Судя по тому, что работа семинара продолжилась, строгая Бояршинова не осудила молодую коллегу. В 1975 г. Громыко, лишенная после «письма 46-ти» возможности преподавать в НГУ [13][4], была, как вспоминала Мамсик, приглашена в Томск «для чтения 22-часового спецкурса “Проблемы сознания и быта сибирских крестьян XVIII–XIX вв.”… Курс этот, самостоятельно разработанный автором и, как всегда, отличавшийся оригинальностью мысли и прекрасной формой изложения, слушали как студенты, так и преподаватели» [12. С. 57][5]. Сотрудничеству не помешали возможные идейно-политические разногласия и различия в научных взглядах. Откровенная и яркая характеристика отношения к Бояршиновой со стороны учеников М.М. Громыко представлена в письме Н.А. Миненко от 5 сентября 1976 г.: «Мамсик, слава богу, перестала Вас бояться. Теперь она просто любит Вас, как и все остальные местные громыкинские “выкормыши”» [8. Д. 275. Л. 10 об.].

В марте того же 1975 г. Н.Н. Покровский писал: «С большой радостью принимаю Ваше любезное приглашение. Тему, вероятно, можно будет поставить шире (не “…крестьян Урала и Зап[адной] Сибири”, а “…крестьян России”)» [8. Д. 277. Л. 4][6]. Выпускник ТГУ А.Х. Элерт вспоминал об этих лекциях: «…на факультете прошла беспрецедентная акция – в будний день на всех курсах были отменены все положенные по расписанию лекции и семинары, а студентов и преподавателей пригласили послушать лекции новосибирского историка Н.Н. Покровского. Думаю, что идея пригласить в Томск Николая Николаевича принадлежала профессору Зое Яковлевне Бояршиновой, старейшему и авторитетнейшему преподавателю факультета, которую и преподаватели, и студенты за глаза любовно называли “баба Зоя”. Эта идея вряд ли была бы реализована без активной поддержки другим очень уважаемым студентами преподавателем – деканом Борисом Георгиевичем Могильницким. Лекции состоялись в аудитории 120 главного корпуса – самой большой в ТГУ и единственной в виде амфитеатра. Зал был заполнен до отказа, не осталось свободного места даже в трех проходах-лестницах, занятых студентами, которые не догадались прийти раньше объявленного времени» [16. С. 731].

Н.А. Миненко довольно много и подробно писала Зое Яковлевне о своей преподавательской работе в НГУ, делилась радостным, грустным, забавным. Так, 4 декабря 1973 г. она писала: «…я тоже преподаватель в первую очередь. Мне нравится читать лекции, писать вместе с первокурсниками их первые исторические сочинения – доклады, хвалить их – за первые находки, первые успехи… Мое положение в известной степени исключительное. Я очень люблю свой факультет, свою кафедру, своих товарищей по работе – бывших недавно моими учителями. Но я – практически единственный на кафедре штатный преподаватель среди совместителей» [8. Д. 275. Л. 5, 5 об.]. Из-под пера Нины Адамовны появляется трогательное признание: «В этом году “выпускаю” своих первых дипломников: Костю Шустова и Сашу Ивонина[7]. Славные ребята! Вы их слышали, Зоя Яковлевна, на студенческой конференции в Томске. Жаль, до слез жаль, что нашей совместной с ними работе приходит конец. Не представляю себе своего спецсеминара без них – моих первых» [8. Д. 275. Л. 6 об.]. Через несколько лет, в июле 1978 г., Миненко делилась невеселыми впечатлениями («…принимаю экзамены у своих студентов, наставила нынче много “неудов”: у нас оказался на редкость слабый первый курс»), а о своих дипломниках писала уже кратко: «У меня нынче было два выпускника. Оба защитились на “отлично”» [8. Д. 275. Л. 24]. Через две недели она рассказывала, подчеркивая специфику НГУ: «У нас начались приемные экзамены. Два дня подряд проверяли сочинения историков (у нас сочинения абитуриентов-историков всегда проверяют две комиссии – “литературная” и “историческая”). Поставили около 130 двоек (из 300 сочинений). Конкурс нынче обычный – 14 человек на место» [8. Д. 275. Л. 26 об.]. Автор явно предполагает, что адресату все это интересно. Она видит в Зое Яковлевне чуткую и внимательную собеседницу, которой близки мысли, переживания, впечатления молодого преподавателя.

Часто новосибирцы пишут о своей научной работе. Так, М.М. Громыко сообщала Зое Яковлевне о докладе на вроде бы далекую от интересов адресата тему – о связях Ф.М. Достоевского с декабристами в Сибири [8. Д. 271. Л. 3]. Н.Н. Покровский рассказывал о намерении «сделать доклад о новом нестяжательском памятнике – пространных глоссах ср[едины] XVI в. на Евангелии толковом», о подготовке большой (1,5 п.л.) статьи «по новым материалам о войне Татищева с Демидовым в 1735 г.» и подробно писал об археографи-

ческих экспедициях и новых находках, с радостью делился («У нас было очень удачное и интересное экспедиционное лето. Три книги XV века»), сообщал о трудной экспедиции («Летом мы с Зоей Васильевной были опять на Рудном Алтае. Попали в наводнение, тонули, выбирались на вертолетах и привезли хорошую крестьянскую литературу XVIII в.» [8. Д. 277. Л. 1 об., 2 об.]). Для него З.Я. Бояршинова – не только известный и авторитетный историк, но и глава томских археографов. В январе 1972 г. Покровский писал ей: «Ей-же-ей, пришла пора Томску заняться больше археографией, и экспедициями, и коллекцией университетской библиотеки. И, конечно, пора кончать с тем, что Сибирское отделение археографической комиссии ассоциируется с одним Новосибирском. В связи с этим нижайшая просьба: мы формируем сейчас бюро этого отделения и очень хотели бы видеть Вас в нем» [8. Д. 277. Л. 2–2 об.]. О предложении включить Бояршинову в Сибирское бюро Археографической комиссии говорится и в письме Покровского к Председателю комиссии С.О. Шмидту [17. С. 397]. Сам Шмидт неоднократно обращался к Зое Яковлевне с предложениями активнее участвовать в работе Археографической комиссии и публиковаться в «Археографическом ежегоднике» [8. Д. 282. Л. 9, 12].

Часто, детально и с очевидной заинтересованностью в мнении адресата писала о своей исследовательской работе Н.А. Миненко. Подчеркивая важность в своей жизни преподавания, она отмечала: «Не мыслю своей жизни и без собственных исследовательских занятий… иначе нельзя» [8. Д. 275. Л. 5]. Миненко советовалась со старшей – «и по возрасту, и по знаниям, и по заслугам» – коллегой и по вполне конкретным вопросам (например, о дате основания Бердского острога), и по более общим. Составив план своей «докторской» монографии [18][8], она посылает его Бояршиновой и просит: «Если у Вас будут по поводу его какие-либо соображения, я очень рада была бы их учесть. Однако понимаю, как Вы загружены, и вовсе не рассчитываю на Ваши замечания к плану. Просто хочется, чтобы Вы были в курсе моих “семейных” замыслов». Это было важно еще и потому, что, как писала сама Миненко, она «занялась семьей крестьян не без Вашего [З.Я. Бояршиновой] участия (прочитала Вашу статью по этому поводу[9])» [8. Д. 275. Л. 6, 6 об.]. Позже она сообщает о «прохождении» монографии – сдаче в издательство, редактировании («У меня началась работа с издательским редактором по монографии о семье. Редактор хороший – наша бывшая выпускница, которая занимается сама историей краеведения в З[ападной] Сибири в XIX в.»[10]), даже цвете обложки [8. Д. 275. Л. 20 об., 22, 24 об.]. Миненко регулярно информирует Зою Яковлевну о подготовке учебных пособий по истории Новосибирской области и по историографии Сибири [8. Д. 275. Л. 5 об., 16, 21, 28, 29], о темах своих статей и докладов [8. Д. 275. Л. 11, 14 об., 18 об.].

В фонде представлено лишь одно письмо выпускника ТГУ и ученика Н.Н. Покровского, выдающегося историка А.Х. Элерта[11]. В мемуарах он писал об огромной роли Зои Яковлевны в своей жизни. Вспоминая о начале изучения наследия Г.Ф. Миллера, своих сомнениях по этому поводу, Элерт указал: «Я помнил лекции З.Я. Бояршиновой по истории Сибири – в них она часто упоминала Миллера, называя его первым историком Сибири, подвижником, собравшим колоссальное количество документов, без которых история Сибири была бы ущербной, что его “История Сибири” – это надежный фундамент для изучения начального этапа освоения Сибири русскими» [16. С. 734]. Главное же, по мнению Элерта, Покровский согласился принять его к себе в аспирантуру благодаря «волшебной бумаге» – письму З.Я. Бояршиновой, в котором она «просила Николая Николаевича взять меня к себе в аспирантуру и дала мне такую характеристику, которой я явно не заслуживал. Николай Николаевич никогда не забывал тех коллег, которые поддерживали его в те непростые времена, когда он начинал свою работу в Сибири… Зоя Яковлевна была одним из тех авторитетных историков, которые поддерживали Николая Николаевича, а он всегда с благодарностью помнил об этом» [16. С. 735]. Со временем работа над «портфелями» Миллера начала приносить плоды, и Элерт сумел выполнить просьбу томского профессора, прислав ей расшифрованный, переведенный и набранный текст Миллера: «Описание Томского уезда Тобольской провинции в Сибири в современном его положении в октябре 1734 г.» [8. Д. 283. Л. 3–38]. В завершение Александр Христианович писал: «Хочу еще раз выразить Вам искреннюю благодарность за ту помощь, которую Вы мне оказали. Надеюсь, что оправдаю то доверие, которое Вы оказали мне, дав рекомендацию для поступления в аспирантуру к Николаю Николаевичу Покровскому» [8. Д. 283. Л. 2].

Новосибирские историки нередко сообщали Бояршиновой о непростых ситуациях, происходивших внутри Института. При этом Громыко и Покровский более сдержаны, Миненко – откровеннее и эмоциональнее. Н.А. Миненко 4 декабря 1973 г. сетовала, что «немало времени и сил отняла и вся история с О.Н. Вилковым» [8. Д. 275. Л. 5], т.е. с доносами Вилкова на преподавателей и руководство Гуманитарного факультета НГУ и последовавшими разбирательствами[12]. М.М. Громыко делилась: «У нас произошли некоторые организационные изменения: А.Н. Копылов перешел со своей лаборанткой в сектор О.Н. Вилкова (историко-архитектурный музей); А.Н. образовал внутри этого сектора тематическую группу из трех человек (кроме них двоих еще один м.н.с. без степени из сектора О.Н.) и настойчиво стремится к тому, чтобы группа называлась “историей Сибири периода феодализма” и курировала весь феодализм. Наш сектор и лаборатория Н.Н. [Покровского] не согласны с этим» [8. Д. 271. Л. 4 об.]. Как, очевидно, сочувствующему человеку Миненко [8. Д. 275. Л. 17 об., 18, 18 об., 20] и Покровский [8. Д. 277. Л. 6] писали Бояршиновой о трудностях с защитой докторской диссертации мужем Марины Михайловны Ю.Б. Стракачом. Н.А. Миненко (подробно) и Н.Н. Покровский (лаконично) излагали историю конфликта с А.Д. Колесниковым, который после публикации статьи Миненко в вышедшем под редакцией Покровского сборнике «Источниковедение и археография Сибири» [24] с критикой его книги «разослал

жалобы на эту статью “в директивные органы”» [8. Д. 275. Л. 18 об.]. В статье Н.А. Миненко подвергла довольно резкой критике представленную в книге А.Д. Колесникова [25] «не совсем достоверную картину демографических процессов в Западной Сибири XVIII – первой половины XIX в.», его «излишнюю доверчивость к ревизским сказкам» и данным церковного учета, «неверные выводы и фактические ошибки», а главное, его попытки опровергнуть выводы М.М. Громыко [24. С. 45, 46, 57]. Нина Адамовна уточняла: «…тем более важна Ваша позиция в этой истории со сборником. Здорово!!! Вы укрепляете во мне это стремление – не думать о своем благополучии, не бояться возможных неприятностей, когда надо выступить в защиту Дела (тем более, если “противник” такой антипатичный человек, как Колесников, нарушивший самое святое правило: не поднимать руку на своего учителя)» [8. Д. 275. Л. 14]. Последние слова объяснялись тем, что М.М. Громыко являлась научным руководителем А.Д. Колесникова при написании им кандидатской диссертации.

Кроме научной и деловой информации, в письмах немало сведений сугубо личного характера. Конечно, авторы интересовались состоянием здоровья адресата, особенно при известии о ее возможной госпитализации в феврале 1978 г. [8. Д. 275. Л. 16, 17 об., 21; Д. 277. Л. 6 об.]. М.М. Громыко писала о болезнях и семейных делах: «На днях вернулась в Городок – отсутствовала три с половиной месяца. Этот срок складывался из отпуска, лежания в больнице (почки) и командировки в Ленинград», – детях: «Алёша учится на первом курсе НГУ (теоретическая математика)», «На Вашу конференцию собираемся вдвоем с Юрием Борисовичем (если пригласите), Ванду оставим со знакомой» [8. Д. 271. Л. 3, 4, 5 об.]. Характерны для ее писем такие обороты: «Наш сектор и мое семейство – все шлют Вам поклоны» [8. Д. 271. Л. 7]. Н.Н. Покровский тоже писал, что находился «в больнице, где уже около месяца пребываю с изрядным обострением язвы. Открылась свежая. Ну, тут в городковской больнице научный подход, так что на мне перепробовали уже добрую дюжину разных методов и препаратов – с переменным успехом. А вчера и Зою положили в соседнее – хирургическое – отделение: она упала и легкое сотрясение» [8. Д. 277. Л. 1–1 об.]. Искренним теплом наполнена шутливая концовка этого письма Николая Николаевича: «Да будет 7480^{й} год для Вас радостным. Кержаки говорят, что ровно в средине 8^{й} тысячи все кончится. Так что нужно торопиться жить» [8. Д. 277. Л. 2 об.][13]. Об отношении Зои Яковлевны к Покровскому можно судить не только по воспоминаниям, но и по таким словам в письме самого Николая Николаевича: «Спасибо Вам за доброе слово, очень и очень нужное, оказывается» [8. Д. 277. Л. 7].

Н.А. Миненко иногда тоже сообщала о проблемах со здоровьем («меня тут две недели подряд “долбали” зубные врачи, а теперь все это закончилось, и я ощущаю: как хорошо жить, когда рядом не гудит бормашина и в твои зубы не тычут иглами и щипцами» [8. Д. 275. Л. 16 об.]), регулярно писала о своих и Т.С. Мамсик бытовых делах (покупке телевизора и стиральной машины), совместных обедах [8. Д. 275. Л. 23]), отдыхе («Бегали недавно с М.М. [Громыко] к морю, наблюдали на берегу свежезамороженных рыб – самоубийц, выбросившихся из воды. Такая “вылазка” – уже событие», «Мы с Т. Мамсик бегаем в лес дышать свежим воздухом», «Мы с ней успели немного поплавать в Обском море и позагорать» [8. Д. 275. Л. 12, 23, 27]) и планах на него («Мы с Т. Мамсик начали колебаться: ехать ли нам на август на юг или к ней в деревню на север области (собирать ягоды и грибы). Меня Марина Михайловна приглашает также в Подмосковье в августе» [8. Д. 275. Л. 27]), о несбывшихся намерениях («Я собираюсь в будущем году на июль–август “закатиться” на черноморский юг» [8. Д. 275. Л. 10 об. 1976 г.], «Летом запланировали с Т. Мамсик поехать в Феодосию – дышать йодом и пропитываться морской солью» [8. Д. 275. Л. 10 об., 16 об.]). Характерно и показательно для понимания образа жизни преподавателей и научных сотрудников, формально имевших двухмесячный отпуск, но фактически нередко использовавших часть его для работы, такие замечания Миненко: «Отдаю этим [исследовательским] занятиям свой отпуск» [8. Д. 275. Л. 5. 1973 г.], «август и у меня, и у Тамары Мамсик, и у Ник. Ника [Покровского] – месяц “чистого отпуска”» [8. Д. 275. Л. 5, 26].

Кем же видели З.Я. Бояршинову новосибирские историки? Прежде всего, конечно, авторитетным и уважаемым коллегой. Выразительно уважение и даже преклонение перед Бояршиновой высказывала Н.А. Миненко: «…необходимо хоть раз в два года услышать о себе от кого-то старшего – старшего и по возрасту, и по знаниям, и по заслугам – слова, произнесенные Вами: “Мы – энтузиасты”… Чувство какой-то уверенности, прочности, надежности вызвало Ваше выступление… И вообще было как-то славно видеть Вас рядом с Мариной Михайловной – моим учителем и очень дорогим мне человеком. Вы и Эм.Эм. – это тот уровень в нашей науке, который я считаю идеальным» [8. Д. 275. Л. 5, 5 об.]. И в другой раз: «С интересом прочитала Вашу глубокую статью[14]. Мне – “феодалу” – радостно, что есть такие замечательные классики, есть за кем тянуться в своем деле, есть, кому следовать» [8. Д. 275. Л. 22].

Нередко к Бояршиновой обращаются как к соавтору по совместной работе над «Историей крестьянства»; связанные с этим сомнения, размышления и проблемы поднимались постоянно в письмах М.М. Громыко [8. Д. 271. Л. 6–9] и Н.Н. Покровского [Д. 277. Л. 5, 5 об., 7 об., 8–10). Вообще очень интересная и важная часть переписки относится к обсуждению «Крестьянства Сибири периода феодализма», в фонде сохранилось несколько обширных писем В.А. Александрова, Н.Н. Покровского и самой З.Я. Бояршиновой (в виде машинописных копий) с детальным разбором редакторских замечаний по нескольким разделам. Тема эта требует специального историографического исследования, тем более что Бояршинова была «не только автором ряда глав, но и незаменимым членом редколлегии» [10. С. 73].

Порой Бояршинова выступала в роли посредника между томичами и новосибирцами: так, А.П. Окладников просил ее передать новогодние поздравления

А.И. Данилову и И.М. Разгону [8. Д. 276. Л. 1] и, как уже отмечалось, даже назвал ее «нашим верным другом и союзником» [8. Д. 276. Л. 8]. «Феодалы» М.М. Громыко, Н.Н. Покровский и Н.А. Миненко, обсуждая различные организационные и научные проблемы, видят Зою Яковлевну в роли высоко ценимого специалиста, благожелательного арбитра, иногда соавтора, соратника и друга. При этом ее поддержка, как это себе представляют корреспонденты, обусловлена, прежде всего, правотой их научных позиций. Письма историков из Новосибирского Академгородка содержат ценные сведения об их жизни, в основном профессиональной, интересах и настроениях, о поддержании ими и З.Я. Бояршиновой научных и человеческих коммуникаций.

Примечания

[1] Речь идет о рецензии З.Я. Бояршиновой на книгу М.М. Громыко «Трудовые традиции русских крестьян в Сибири» (Новосибирск, 1975) [11].
[2] Т.С. Мамсик защитила кандидатскую диссертацию в 1977 г., оппонентами были З.Я. Бояршинова и Н.А. Миненко.
[3] Н.А. Миненко защитила докторскую диссертацию в 1978 г., оппонентами были З.Я. Бояршинова, Н.Н. Покровский и Е.И. Соловьева.
[4] О преподавательской деятельности М.М. Громыко в НГУ см.: [14; 15. С. 7–9].
[5] В официальной биографии З.Я. Бояршиновой подтверждается факт приглашения М.М. Громыко, но названа иная тема спецкурса – «Трудовые традиции русских крестьян Сибири» [1. С. 8].
[6] А.Н. Жеравина называет другую тему спецкурса – «Церковная реформа Никона» [1. С. 8].
[7] Выпускники НГУ 1974 г. Константин Борисович Шустов (1952–2020), преподаватель Калининградского (Балтийского федерального) университета, кандидат исторических наук, и Александр Романович Ивонин (1951–2010), профессор Алтайского университета, доктор исторических наук.
[8] Отметим, что отправленный З.Я. Бояршиновой план существенно отличался от реализованного, поэтому текст письма представляет особую ценность в историографическом аспекте.
[9] Речь идет о статье З.Я. Бояршиновой 1967 г. [19].
[10] Редактором была Вера Ивановна Смирнова.
[11] См. публикацию: [20].
[12] См.: [21. С. 46–47; 22. С. 146; 23. С. 141].
[13] Письмо написано в январе 1972 г., датировано по упоминанию о госпитализации жены Н.Н. Покровского З.В. Бородиной, о чем он сообщал матери [17. С. 398].
[14] Скорее всего, речь идет о статье «Государева десятинная пашня в Сибири в оценке советских исследователей» [26].

Список источников

1. Жеравина А.Н. Краткий очерк жизни и деятельности З.Я. Бояршиновой // Зоя Яковлевна Бояршинова : биобиблиогр. Указ. / сост. Т.Г. Иванова; отв. ред. А.Н. Жеравина. Томск : Изд-во Том ун-та, 1991. С. 3–9.
2. Бояршинова Зоя Яковлевна // Фоминых С.Ф. и др. Профессора Томского университета. Томск : Изд-во Том ун-та, 2001. Т. 3: 1945–1980. С. 57–62.
3. Покровский Н.Н. Бояршинова Зоя Яковлевна // Историческая энциклопедия Сибири / гл. ред. В.А. Ламин. Новосибирск : Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 1: А–И. С. 243.
4. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора З.Я. Бояршиновой «Хозяйственное освоение Сибири в XVII–XX вв.: источники, историография, дискуссионные проблемы» (6 мая 2009 г., Томск) // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 1 (9). С. 7–142.
5. Человек в истории : памяти профессора З.Я. Бояршиновой / отв. ред. А.Н. Жеравина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 272 с.
6. Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 3 (7).
7. Митрофанов В.В. Спорные проблемы истории Сибири в отзыве С.В. Бахрушина на диссертацию З.Я. Бояршиновой // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 9 (174). С. 71–78.
8. ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. Р-1863: З.Я. Бояршинова. Оп. 1.
9. Филиппова В.К. Личный фонд З.Я. Бояршиновой // Человек в истории : памяти профессора З.Я. Бояршиновой / отв. ред. А.Н. Жеравина. Томск : Изд-во Том. ун-та. С. 67–70.
10. Памяти Зои Яковлевны Бояршиновой // Известия СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. 1987. № 3, вып. 1. С. 72–73.
11. Бояршинова З.Я. [Рецензия:] М.М. Громыко Трудовые традиции русских крестьян в Сибири. Новосибирск, 1975 // История СССР. 1976. № 6. С. 189–190.
12. Мамсик Т.С. Школа научной этики // Вестник Томского университета. История. 2009. № 3 (7). С. 56–57.
13. Кузнецов И.С. Новосибирский Академгородок в 1968 году: «Письмо сорока шести». URL: http://modernproblems.org.ru/hisrory/163-letter46–2.html?showall=1
14. Акишин М.О., Мамсик Т.С. Научно-педагогическая деятельность М.М. Громыко в Новосибирском государственном университете // Гуманитарные исследования: итоги последних лет : к 35-летию Гуманитарного факультета. Новосибирск : Изд-во НИИ мат.-информ. основ обучения Новосиб. гос. ун-та, 1997. С. 276–280.
15. Матханова Н.П. М.М. Громыко в первые сибирские годы: основные направления деятельности // Традиции и современность. 2022. № 29. С. 3–12.
16. Элерт А.Х. Волшебная бумага // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии : к 90-летию Н.Н. Покровского. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2020. С. 731–736. (Археография и источниковедение Сибири; вып. 39)
17. Покровский Н.Н. Письма и воспоминания. СПб. : Нестор-История, 2022. 720 с.
18. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1979. 350 с.
19. Бояршинова З.Я. Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода // Труды Томского университета. 1967. Т. 190. С. 3–19.
20. Старухин Н.А. Письмо А.Х. Элерта З.Я. Бояршиновой // Археография и источниковедение Сибири. Вып. 42 (в печати).
21. ЛОГОС: историко-литературный альманах. Вып. 1: Хроника гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. Новосибирск, 1997. 80 с.
22. Шиловский М.В. Изучение дореволюционной истории Сибири в Новосибирске в 1950-х – начале 1980-х гг. // Исторический курьер. 2019. № 6. С. 137–156. URL: http://istkurier.ru/data/2019/ ISTKURIER-2019–6-12.pdf
23. Кузнецов И.С. Партийный контроль за деятельностью историков в новосибирском Академгородке (1970 г.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2021. Т. 20, № 1: История. С. 136–148.

24. Миненко Н.А. Массовые источники по демографии крестьянского двора XVIII – первой половины XIX в. (по материалам Западной Сибири) // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1977. С. 41–58. (Археография и источниковедение Сибири; вып. 2).
25. Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. 440 с.
26. Бояршинова З.Я. Государева десятинная пашня в Сибири в оценке советских исследователей // Из истории крестьянства Сибири : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 107–123.

References

1. Zheravina, A.N. (1991) Kratkiy ocherk zhizni i deyatel'nosti Z.Ya. Boyarshinovoy [A brief sketch of the life and work of Z.Ya. Boyarshinova]. In: Zheravina, A.N. (ed.) *Zoya Yakovlevna Boyarshinova: biobibliogr. ukaz.* [Zoya Yakovlevna Boyarshinova: Biobibliography]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–9.
2. Fominykh, S.F. et al. (2001) *Professora Tomskogo universiteta* [Professors of Tomsk University]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 57–62.
3. Pokrovskiy, N.N. (2009) Boyarshinova Zoya Yakovlevna. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 1. Novosibirsk: Ist. nasledie Sibiri. p. 243.
4. Zinoviev, V. (ed.) (2010) Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora Z.Ya. Boyarshinovoy "Khozyaystvennoe osvoenie Sibiri v XVII–XX vv.: istochniki, istoriografiya, diskussionnye problem" (6 maya 2009 g., Tomsk) [Proceedings of the Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Professor Z.Ya. Boyarshinova "Economic Development of Siberia in the 17th–20th Centuries: Sources, historiography, Controversial Issues" (May 6, 2009, Tomsk)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(7). pp. 7–142.
5. Zheravina, A.N. (ed.) (1999) *Chelovek v istorii: pamyati professora Z.Ya. Boyarshinovoy* [Person in History: In Memory of Professor Z.Ya. Boyarshinova]. Tomsk: Tomsk State University.
6. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(7).
7. Mitrofanov, V.V. (2016) Spornye problemy istorii Sibiri v otzyve S.V. Bakhrushina na dissertatsiyu Z.Ya. Boyarshinovoy [Controversial issues of Siberian history in S.V. Bakhrushin's review of Z.Ya. Boyarshinova's dissertation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 9(174). pp. 71–78.
8. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund R-1863: Z.Ya. Boyarshinova. List 1.
9. Filippova, V.K. (1999) Lichnyy fond Z.Ya. Boyarshinovoy [Z.Ya. Boyarshinova's personal collection]. In: Zheravina, A.N. (ed.) *Chelovek v istorii: pamyati professora Z.Ya. Boyarshinovoy* [Person in History: In Memory of Professor Z.Ya. Boyarshinova]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 67–70.
10. Anon. (1987) Pamyati Zoi Yakovlevny Boyarshinovoy [In Memory of Zoya Yakovlevna Boyarshinova]. *Izvestiya SO AN SSSR. Ser. istorii, filologii i filosofii*. 3(1). pp. 72–73.
11. Boyarshinova, Z.Ya. (1976) [Retsenziya:] M.M. Gromyko Trudovye traditsii russkikh krest'yan v Sibiri. Novosibirsk, 1975 [[Review:] M.M. Gromyko Labor Traditions of Russian Peasants in Siberia. Novosibirsk, 1975]. *Istoriya SSSR*. 6. pp. 189–190.
12. Mamsik, T.S. (2009) Shkola nauchnoy etiki [School of Scientific Ethics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(7). pp. 56–57.
13. Kuznetsov, I.S. (n.d.) *Novosibirskiy Akademgorodok v 1968 godu: "Pis'mo soroka shesti"* [The Novosibirsk Akademgorodok in 1968 year: "Letter of Forty-Six"]. [Online] Available from: http://modernproblems.org.ru/hisrory/163-letter46–2.html?showall=1
14. Akishin, M.O. & Mamsik, T.S. (1997) Nauchno-pedagogicheskaya deyatel'nost' M.M. Gromyko v Novosibirskom gosudarstvennom universitete [Scientific and pedagogical activity of M.M. Gromyko at Novosibirsk State University]. In: *Gumanitarnye issledovaniya: itogi poslednikh let: k 35-letiyu Gumanitarnogo fakul'teta* [Humanitarian research: Recent results: To the 35th anniversary of the Faculty for the Humanities]. Novosibirsk: Research Institute of Mathematical and Informatics of the Basics of Education of Novosibirsk State University. pp. 276–280.
15. Matkhanova, N.P. (2022) M.M. Gromyko v pervye sibirskie gody: osnovnye napravleniya deyatel'nosti [M.M. Gromyko in the first Siberian years: main areas of activity]. *Traditsii i sovremennost'*. 29. pp. 3–12.
16. Elert, A.Kh. (2020) Volshebnaya bumaga [Magic paper]. In: *Aktual'nye problemy otechestvennoy istorii, istochnikovedeniya i arkheografii: k 90-letiyu N.N. Pokrovskogo* [Topical problems of Russian history, source studies and archeography: On the 90th anniversary of N.N. Pokrovskiy]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 731–736.
17. Pokrovskiy, N.N. (2022) *Pis'ma i vospominaniya* [Letters and Memoirs]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
18. Minenko, N.A. (1979) *Russkaya krest'yanskaya sem'ya v Zapadnoy Sibiri (XVIII – pervoy poloviny XIX v.)* [Russian peasant family in Western Siberia (18th – first half of the 19th century)]. Novosibirsk: Nauka.
19. Boyarshinova, Z.Ya. (1967) Krest'yanskaya sem'ya Zapadnoy Sibiri feodal'nogo perioda [Peasant Family of Western Siberia in the Feudal Period]. *Trudy Tomskogo universiteta*. 190. pp. 3–19.
20. Starukhin, N.A. (n.d.) Pis'mo A.Kh. Elerta Z.Ya. Boyarshinovoy [A.Kh. Elert's letter to Z.Ya. Boyarshinova]. *Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri*. 42. (In print).
21. NSU. (1997) *LOGOS: istoriko-literaturnyy al'manakh* [LOGOS: A historical and literary almanac]. Vol. 1. Novosibirsk: NSU.
22. Shilovskiy, M.V. (2019) Izuchenie dorevolyutsionnoy istorii Sibiri v Novosibirske v 1950-kh – nachale 1980-kh gg. [A study of pre-revolutionary history of Siberia in Novosibirsk in the 1950s – early 1980s]. *Istoricheskiy kur'er*. 6. pp. 137–156. [Online] Available from: http://istkurier.ru/data/2019/ ISTKURIER-2019–6-12.pdf
23. Kuznetsov, I.S. (2021) Partiynyy kontrol' za deyatel'nost'yu istorikov v novosibirskom Akademgorodke (1970 g.) [Party control over the activities of historians in the Novosibirsk Akademgorodok (1970)]. *Vestnik Novosibirskogo gos-udarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya*. 20(1). pp. 136–148.
24. Minenko, N.A. (1977) Massovye istochniki po demografii krest'yanskogo dvora XVIII – pervoy poloviny XIX v. (po materialam Zapadnoy Sibiri) [Mass sources on the demography of the peasant household of the 18th – first half of the 19th century (based on materials from Western Siberia)]. *Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri*. 2. pp. 41–58.
25. Kolesnikov, A.D. (1973) *Russkoe naselenie Zapadnoy Sibiri v XVIII – nachale XIX v.* [Russian population of Western Siberia in the 18th – early 19th centuries]. Omsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.
26. Boyarshinova, Z.Ya. (1978) Gosudareva desyatinnaya pashnya v Sibiri v otsenke sovetskikh issledovateley [The Tsar's Tithe Arable Land in Siberia in the Assessment of Soviet Researchers]. In: Bozhenko, L.I. (ed.) *Iz istorii krest'yanstva Sibiri* [From the History of the Peasantry of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 107–123.

***Сведения об авторах*:**
Матханова Наталья Петровна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: nmatkhanova@mail.ru

Старухин Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: nikolaystaruhin2015@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Matkhanova Natalia P. – Doctor of Sciences (History), Professor, Senior Researcher at the Sector of Source study and Archaeography, Institute of History, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nmatkhanova@mail.ru
Starukhin Nicolay A. – Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Sector of Source study and Archaeography, Institute of History, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nikolaystaruhin2015@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 21.08.2023; accepted for publication 12.09.2024

Статья поступила в редакцию 21.08.2023; принята к публикации 12.09.2024

Научная статья
УДК 930
doi: 10.17223/19988613/91/18

Коммеморативные пространства сибирских научных городов и историческая память (об) ученых

Михаил Олегович Пискунов

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, m.o.piskunov@utmn.ru

Аннотация. Статья посвящена формам исторической памяти отечественной науки. Автор разделяет два вида памяти об ученых – профессиональный и ведомственный. Первый связан с воспроизводством научных школ и фокусируется на профессиональных взаимоотношениях между поколениями учителей и учеников. Ведомственные же формы исторической памяти в науке связаны с советским способом функционирования науки как ведомства и отражают политическое значение своих героев. Примером подобной коммеморации являются культы академиков-основателей в сибирских академгородках – М.А. Лаврентьева, Л.В. Киренского, В.Е. Зуева.
Ключевые слова: историческая память, коммеморации, академгородок, ведомства, Вернадский, Лаврентьев

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ №22-78-00177 «Академгородки и наукограды: сравнительный аспект позднесоветских городов науки».

Для цитирования: Пискунов М.О. Коммеморативные пространства сибирских научных городов и историческая память (об) ученых // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 151–160. doi: 10.17223/19988613/91/18

Original article

Commemorative spaces of Siberian science cities and historical memory of scientists

Mikhail O. Piskunov

University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, m.o.piskunov@utmn.ru

Abstract. The historical memory of science and scientists is largely overlooked by proponents of this research approach. A review of the archive of issues of the leading disciplinary journal "Memory Studies" reveals that the texts devoted to the memory of scientists were absent for over 15 years of active work by colleagues. The colleagues are primarily interested in historical narratives of states and social movements. The author is convinced that the memory of science has not only its own significance, but also methodological implications. Scientists and engineers are accustomed to operating within a context of written knowledge, and the protocols of their daily work are already structured around the idea of preserving and generalizing the legacy of their predecessors. In other words, scientists and engineers, following intuitive positivist protocols, are themselves creating different kinds of historical knowledge.

This text is based on the results of more than three years of work of the author with archives, museums and visual spaces of post-Soviet scientific cities. The thesis is that the historical memory of scientists and about scientists in our country gravitates towards two modes of commemoration: professional and departmental. In the first case, we are talking about such a representation of the profession, which is closely connected with the existence of scientific schools. The most illustrative example of this phenomenon is the cult of academician Vladimir Vernadsky, through whose biography a model example of a scientist's career is constructed. Professional representations of science are not necessarily linked to a particular organization, but rather focus on the description of relationships between teachers and students. In contrast, departmental representations of science are most often associated with specific territorial scientific and technological communities, which construct their history through the biographies of prominent founders and their relations with the state and "big" society. The most typical examples of such representations can be found in the academy towns of Siberia and the North (to a lesser extent, the science cities of the Moscow region).
Keywords: memory studies, commemorations, Akademgorodok, departments, Vernadsky, Lavrentyev

Acknowledgements: The results were obtained in the framework of the grant of Russian Science foundation №22-78-00177 «Academgorodoks and Science Towns: A Comparative Aspect of Late-Soviet Science Cities».

For citation: Piskunov, M.O. (2024) Commemorative spaces of Siberian science cities and historical memory of scientists. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 91. pp. 151–160. doi: 10.17223/19988613/91/18

© М.О. Пискунов, 2024

Введение

Классические подходы по исследованиям исторической памяти, восходящие к работам Хальбвакса и супругов Ассманн, предполагают, что коммуникативная память, в основе которой лежат личный опыт и воспоминания человека, со временем сменяется культурной памятью, которую в своих интересах формируют в основном крупные организованные акторы, такие как государственные лидеры, политические партии, религиозные и гражданские институты [1]. Историческая наука, видимо, находится где-то в этом же ряду, отчасти способствуя «большим» формам культурной памяти (в виде школьных и университетских учебников), отчасти претендуя на собственную высшую – научную – форму организации исторического знания.

При этом историческая память науки и ученых почти не попадает в поле зрения сторонников данного исследовательского подхода. Если мы обратимся к архиву номеров ведущего дисциплинарного журнала Memory studies, то за более чем 15 лет активной работы коллег не найдем текстов, посвященных памяти ученых[1]. В основном исследователей интересуют исторические нарративы государств и общественных движений. Между тем, я убежден, что память науки имеет не только собственное, но и методологическое значение. Ученые и инженеры привыкли жить в мире писанного знания, а протоколы их повседневного труда уже организованы вокруг идеи фиксации и обобщения наследия своих предшественников. Иными словами, ученые и инженеры, следуя интуитивным позитивистским протоколам, сами создают разновидности исторического знания. Вячеслав Герович обратил внимание, что даже засекреченные темы вроде советской космической программы, имеющей большое значение для государственных идеологий СССР и современной России, все равно постепенно испытывают влияние голосов космических инженеров и ученых (классическая история здесь – конфликт интерпретаций советского поражения в лунной гонке между сторонниками В.Н. Челомея и В.П. Мишина) [2. P. 203–237].

Таким образом, применительно к своей истории ученые выступают как эпистемическое сообщество. С помощью этого термина, взятого из наследия Мишеля Фуко и Людвига Флека, Адольфо Эсталелья и Томас Санчес Криадо описывают ситуацию столкновения антропологов «в поле» с сообществами, чья тематическая экспертиза (в том числе по части самоописания) и зачастую культурный капитал заведомо превосходят таковые у изучающих их академических исследователей – активистами, художниками, политиками, представителями господствующих элит и пр. [3. P. 1] Иными словами, речь идет о людях, которые производят о себе такое знание, которое может и не считываться как строго научное профильными специалистами (историками, социологами, антропологами), но неотличимо от такового для остального общества. Это знание само по себе является способом существования и осмысления своего опыта такими сообществами. В случае же постсоветских научных и научно-технологических сообществ оно тем более интересно, что в советский период за их внешнюю идеологическую репрезентацию так или иначе отвечало государство, а в постсоветский период многие из этих сообществ просто не пережили рыночного перехода.

Так, Галина Орлова продемонстрировала, как ведомственные барьеры внутри мира обнинских НИИ были проницаемы для ученых и инженеров в советское время, но после 1991 г. исчезло не только это качество, но и память о нем [4]. В наши дни в городе доминирует один исторический нарратив – принадлежащий Обнинскому физико-энергетическому институту Росатома. Несмотря на то, что в реальном научном ландшафте Обнинска ядерные физики сосуществуют с радиологами и метеорологами, для краеведов, журналистов и местных властей это город, прежде всего, минсредмашевской ядерной науки. Это обстоятельство касается не столько истории, сколько текущего соотношения политического и культурного влияния местных научных организаций.

Похожим образом я и мои коллеги в статье о музейных нарративах Новосибирского Академгородка сфокусировались на способах локальных академических, университетских, гражданских организаций обращаться с историческим нарративом об основателе города ученых – академике М.А. Лаврентьеве [5]. Мы предполагали, что степень использования коллективами этого генерального нарратива Академгородка в собственной истории будет обратно пропорциональна символическому капиталу организации или учреждения. В реальности оказалось, что это предположение верно только отчасти, и наиболее сильные организации – в нашем случае это был Новосибирский государственный университет, претендуя на лидерскую позицию, переприсваивают себе данный нарратив и оспаривают «собственность» на Лаврентьева у Сибирского отделения РАН.

Таким образом, способ конструирования исторической памяти научного сообщества и научных организации ухватывает не только то, что эти люди хотят сказать о себе в прошлом, но и их виденье и амбиции в настоящем, в том числе способы сборки и пересборки своих и соседских научных или городских сообществ. Классический тезис Бенедикта Андресона о крупных общественных субъектах как воображаемых сообществах справедлив и для коллективов гораздо меньшего уровня – административному или экономическому объединению сопутствует или даже предшествует объединение символическое, в истории.

Данный текст написан по итогам более чем трехлетней работы автора с архивами, музеями и визуальными пространствами постсоветских городов науки. Во всех описанных организациях и поселениях я побывал самостоятельно и только применительно к Апатитам Мурманской области опираюсь на историографию и данные геоинформационных систем. Мой тезис состоит в том, что историческая память ученых и об ученых в нашей стране тяготеет к двум модусам / способам коммеморации: профессиональному и ведомственному. В первом случае речь идет о такой репрезентации профессии, которая тесно связана с существованием научных школ. Наиболее ярким примером подобной

репрезентации я полагаю культ академика В.И. Вернадского, через биографию которого простраивается модельный пример карьеры ученого. Профессиональные исторические репрезентации науки необязательно связаны с какой-то конкретной организацией, а, скорее, фокусируются на описании отношений между учителями и учениками. Наоборот, ведомственные репрезентации науки чаще всего связаны с конкретными территориальными научно-технологическими сообществами, которые выстраивают свою историю через биографии выдающихся основателей и их отношения с государством и «большим» обществом. Наиболее характерные примеры подобных репрезентаций можно найти в академгородках Сибири и Севера (в меньшей степени – наукоградах Подмосковья).

Эти способы репрезентации науки ценны не только сами по себе, но и как указание на сложную природу современного научного знания и его производителей, которые существуют не только как профессия, но и как совокупность территориальных сообществ. Как всякий очерк исторической политики и памяти сообществ, в силу постоянного воспроизводства и подстраивания интересующих меня объектов данный текст не претендует на исчерпывающую полноту. Моя амбиция в данном случае ограничивается разделением фундаментальных процессов и указанием на лакуны исторического знания.

Мандарины советской науки и память научных школ

Резкое расширение количества научно-исследовательских институтов и их организационной сложности после Второй мировой войны отражает изменения в положении науки в Советском Союзе. С точки зрения коммунистических руководителей партии и государства, ученые и инженеры должны были дать доступ к таким технологиям, которые бы обеспечили социалистической системе превосходство над ее оппонентами [6]. Министерства среднего и общего машиностроения, перестроенная как ведомство Академия наук СССР сочетали относительное уважение к внутренней групповой культуре своей научно-технической рабочей силы с общими советскими экономическими и управленческими подходами.

Научное сообщество – это один из самых сложных видов социально-профессиональных групп. Ощущающие себя членами профессиональной корпорации люди, которые на практике работают в самых разных частных и государственных организациях, отделены друг от друга сотнями километров расстояний. Группа, которая привержена меритократии и призвана постоянно изменяться, но при это возводит себя к первым научным обществам XVII–XVIII вв. Научные лидеры ценят свою автономию, но в то же время часто полагают общественные и государственные проблемы своими проблемами. Наконец, даже во времена атомных реакторов, космических кораблей и Интернета ученые по-прежнему видят средневековый цеховой стандарт передачи знаний от мастера (научного руководителя) к ученику способом воспроизводства профессии.

Возможно, именно отношения учителя и ученика объясняют, почему наиболее важной формой воспроизводства научного сообщества за пределами организаций все еще являются научные школы. Совместное творчество нескольких поколений исследователей, закрепленное в отношениях найма и сопутствующих академическому статусу привилегиях, производит чувство сопричастности и особую преданность членов школ друг другу, что, в свою очередь, способствует их научному успеху [7]. Несмотря на то, что на фоне государственного и рыночного измерений, в том числе и академического успеха, значение внутрипрофессиональных традиций уменьшается, быть причастным научной школе – все еще значимый фактор образования и карьеры многих исследователей [8]. Соответственно, помимо наследия исследовательской проблематики и социального капитала («эффект Матфея» [9]) научные школы отличаются воспроизводством учениками памяти о своих учителях.

Пока это возможно, память воспроизводится как коллективная память – на уровне повседневного взаимодействия, научного цитирования, семинарских занятий. Но чем более успешной становится школа, чем больше в ней поколений учеников, в том числе статусных, тем сильнее память об учителях принимает формы культурной памяти. Чаще всего речь идет о тематических конференциях имени основателя, издании собраний сочинений, организации сборников воспоминаний коллег, присвоении его / ее имени аудиториям и зданиям, установке памятников и бюстов на территории университетов и институтов, наконец, создании памятных комнат и музеев с профессиональными хранителями. В наиболее драматических случаях могут применяться неординарные способы увековечить тело родоначальника научной школы – например, прах основоположника радиоастрономии Гроута Ребера вмурован в стены десятков обсерваторий по всему миру от Австралии до Индии (в России – в Пущинской радиоастрономической лаборатории).

Немецкий историк Фриц Рингер для обозначения профессионального статуса и устойчивой политической позиции научных / университетских лидеров использовал метафору мандаринов [10]. Мандарины – это сословие китайских чиновников, которые для занятия должности и получения, таким образом, доступа в государственный аппарат должны были сдавать специальный экзамен на знание истории и литературы. Рингер, изучавший немецкие университеты в XIX – первой половине XX в., обозначил так социальную группу немецких профессоров, т.е. людей, имевших докторскую степень, пожизненно трудоустроенных в университеты, сочетавших научные изыскания с преподаванием студентам и признанных в таком качестве германским государством. Он полагал, что через сходство профессиональной и социальной позиции этих людей можно объяснить, почему именно университеты в истории Германии стали мощнейшим катализатором и распространителем консерватизма и национализма как в XIX, так и в XX в. В этом качестве консервативную сплоченность лидеров университетского сообщества не поколебали ни Первая мировая война, ни Ноябрьская революция 1918 г., ни приход нацистов к власти.

Этот эпизод важен здесь как свидетельство чрезвычайной устойчивости университетских / академических сообществ, которые способны проносить свои ценности через поколения учителей и учеников, невзирая даже на чрезвычайное давление государства или рынка. В отечественной истории аналогичным примером, но с другим политическим знаком, является мрачная история лысенковщины. Разгром Трофимом Лысенко и его соратниками при содействии советского государства генетики в 1940–1950-х гг., изгнание десятков людей из профессии, физическое устранение лидера советских генетиков Николая Вавилова не привели к уничтожению сообщества генетиков. Работающие на технических позициях в совхозах и колхозах, занимающиеся наукой в смежных дисциплинах, эти люди не теряли связь друг с другом и использовали самые разные возможности для взаимной поддержки. В организациях Минсредмаша, Новосибирском Академгородке, Ботанических садах по всей стране генетика проросла и к тому моменту, когда политическая удача Лысенко кончилась, была готова к тому, чтобы перехватить инициативу. Далее сообщество советских биологов выработало довольно активистскую версию событий 1940–1950-х гг. и по сей день последовательно противостоит всяким попыткам реабилитации лысенковцев в глазах коллег и общества. Более того, на этой почве произошел один из самых ярких конфликтов в постлысенковской истории советской биологии – конфликт академика Н.П. Дубинина и его коллег-генетиков.

Дубинин, соратник Вавилова и стойкий оппонент Лысенко, в 1973 г. опубликовал свои мемуары под названием «Вечное движение» [11]. В этом тексте он, сталинский выдвиженец и, возможно, искренний сторонник советской власти, попытался проинтерпретировать лысенковщину как злонамеренную и избыточную реакцию на евгенические заблуждения поколения учителей Дубинина во главе с Н.К. Кольцовым. Коллеги Дубинина посчитали этот тезис предательством учителя, что вместе с прочими факторами (более широкий контекст этой истории – социально-политическая дискуссия о соотношении воспитания и генетической наследственности в человеке) послужило основанием для вторичного профессионального остракизма этого лидера советской генетики [12]. Показательно, что параллельно этой истории лидеры создающегося под Новосибирском Всесоюзного НИИ микробиологии (будущий НПО «Вектор») внутренним голосованием принимают решение дать строящемуся для Института поселку название Кольцово – в честь академика Кольцова[2].

Если среди биологов преемственность и воспроизводство исторической памяти о своем сообществе пережили государственные гонения, то внутренние сообщества и школы в ядерной физике, наоборот, расцвели благодаря поддержке советского государства. Атомный проект позволил плеяде талантливых физиков и организаторов во главе с академиком И.В. Курчатовым занять главенствующее положение как в АН СССР, так и в советской науке в целом. И по сей день сеть атомных организаций тщательно пестует свою историческую идентичность и память об исторических лидерах. Но если организации Росатома в силу своей множественной природы тяготеют к сложному ведомственному, строительному, научно-технологическому взгляду, то НИЦ «Курчатовский институт» сконцентрировался на научной части, представляя советских атомных академиков сплоченной когортой единомышленников, связанных, помимо прочего, отношениями учителей и учеников.

На сайте Курчатника есть специальные разделы, посвященные историческому наследию института, а также краткие биографии наиболее выдающих физиков ядерного проекта, которые практически совпадают с разделом с показательным названием «атомные маршалы науки»[3], в который попали академики И.В. Курчатов, А.П. Александров, Ю.Б. Харитон, И.К. Кикоин, Я.Б. Зельдович, Е.К. Завойский, М.Д. Миллионщиков, Л.А. Арцимович, К.И. Щелкин, Н.С. Хлопкин. Любопытно, что в этот чисто академический ряд попали и политические администраторы Л.П. Берия и Е.П. Славский. Учитывая, что других администраторов Первого главного управления и Минсредмаша в перечне «атомных маршалов науки» нет, видимо, Берия и Славский призваны своим политическим капиталом усиливать научных лидеров бывшего Института атомной энергии, а не наоборот, как это зачастую бывает в политических репрезентациях того же Берии[4].

Символическим лидерством среди этой группы людей в историческом нарративе Курчатника, несомненно, обладают Курчатов и Александров. Внутри Дома ученых этой организации, который назван именем последнего, их большие портреты украшают левое и правое крылья здания, а фотографии и факсимильные копии документов за подписями академиков – холлы и коридоры этого памятника архитектуры. Наконец, именно к ним возводит преемственность своих программных и идеологических построений М.В. Ковальчук, один из наиболее влиятельных современных лидеров Курчатовского института[5]. В совокупности эта организованность и нарративная мощь обеспечивают сообществу ядерных физиков – в том числе их авангарду в лице НИЦ Курчатовский институт – наиболее влиятельные репрезентации в государственном, академическом и корпоративном секторах, что коррелирует с их высоким статусом в российском обществе в целом.

Тем не менее самым мощным нарративом в области академической исторической памяти в русскоязычной традиции я бы рискнул назвать культ академика В.И. Вернадского. Культурная память о нем объединяет, пожалуй, максимум значимых для российской (и украинской) науки, общества и государства контекстов, а со временем все больше приобретает и международное звучание. Во-первых, своей личностью он обеспечивает связь дореволюционной имперской и постреволюционной советской научных традиций. Выдающиеся личные заслуги на ниве научных исследований обеспечили Вернадского обилием учеников, значительная часть которых также сделала мощные карьеры в науке, политике и государственной службе, поспособствовав продвижению своего учителя.

Во-вторых, Владимиру Ивановичу принадлежат лавры инициатора и руководителя Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС)

страны, а также он был причастен к созданию плана ГОЭЛРО. То есть как один из крупнейших научных руководителей и организаторов СССР Вернадский непосредственно связан с важной для советской и отчасти постсоветской амбиции науки быть производительной силой и источником идей для промышленных технологий. В-третьих, в этом же амплуа академик Вернадский в 1922 г. был основателем и первым директором Радиевого института, из стен которого (наряду с Ленинградским Физтехом) десятилетием позже и вышла «курчатовская» плеяда физиков и химиков. Таким образом, зачастую историю и атомного проекта в России также начинают с имени В.И. Вернадского.

Наконец, словно этого перечня заслуг мало, сочинения Вернадского 1930-х гг. по истории и философии науки, прежде всего «Научная мысль как планетное явление» [13], обеспечили ему почтительную и одновременно скандальную популярность среди ученых и, шире, интеллигентов следующих поколений. В стране марксизма-ленинизма с его фетишизацией классовой борьбы пролетариата как двигателя истории взгляд на науку как на самостоятельную историческую силу выглядел подозрительно и по меньшей мере двусмысленно. В позднесоветский период по мере увековечивания имени Вернадского в АН СССР была создана Комиссия по разработке наследия академика, которую возглавил крупный советский геолог А.Л. Яншин, чье имя связано с поворотом советских естественнонаучных лидеров к экологической чувствительности.

Уже в перестроечные годы усилиями членов Комиссии, архивных и музейных сотрудников, были впервые для советского читателя легально изданы философские работы академика, который утвердился как одна из наиболее крупных фигур русского космизма [14]. В 1995 г. корпорациями Газпром и Новатэк создан неправительственный фонд имени Вернадского. В 2013 г. вышло собрание его сочинений в 24 томах [15]. Кроме того, по мере увеличения интереса к проблемам антропогенного влияния на окружающую среду на Западе и Востоке, перспективе осознания нашей эпохи как антропоцена наследие В.И. Вернадского начинает выступать как пионерское и в этом отношении [16]. Таким образом, жизнь и творчество Владимира Ивановича выступают как модельный научный авторитет практически для любого научного, политического или корпоративного лидера в современной России и других странах постсоветского пространства. В то же время обилие регалий героя и связанных с ним организаций практически исключает чисто ведомственную трактовку личности Вернадского и работает на усиление статуса всего академического сообщества.

Академгородки и культы академиков-основателей

Территориальные научные сообщества используют разные способы репрезентировать свою историю, но магистральным процессом я полагаю складывание в них культов академиков-основателей. Так, благодаря тому что М.А. Лаврентьев был выдающимся ученым, идеологом проекта СО АН и занимал административно-политическую позицию, функционально его роль в исторической памяти Новосибирского Академгородка можно сопоставить с ролью Петра Великого в имперской историографии или В.И. Ленина в советской культуре. Именем Лаврентьева в Новосибирском научном центре назван главный проспект в институтской зоне, возглавлявшийся им Институт гидродинамики, Физико-математическая школа при НГУ, его коттедж музеефицирован, а бюст академика украшает точку, в которой институтская зона городка переходит в селитебную. Активная коммеморация М.А. Лаврентьева в Академгородке начинается после его смерти в 1980 г. (памятник открыт в 1988) и, пожалуй, продолжается и по сей день – всё новые объекты получают имя академика-основателя. Бывшие секретари основателя СО АН Н.А. Притвиц и З.М. Ибрагимова, опираясь на мемуары Лаврентьева и свой опыт работы с ним, в конце 1980-х гг. обобщают его научно-организационную политику в принцип «Треугольника Лаврентьева» (фундаментальная наука, высшее образование, внедрение разработок в промышленность) [17], который сразу был подхвачен руководителями НГУ, СО РАН и Новосибирской области как риторическая и содержательная характеристика их долгосрочной стратегии[6].

Вышедшие в конце 1970-х гг. мемуары Михаила Алексеевича стали первым кирпичом активно складывающегося мемуарного фонда Новосибирского Академгородка. Можно констатировать, что большинство мемуаристов, создавая свои воспоминания, ориентируются и отстраивают свои тексты от воспоминаний Лаврентьева. Некоторые старожилы метафорически называют Академгородок первых лет существования «академической деревней Лаврентьевкой» [18]. Мемуаристы так или иначе вспоминают, как научные руководители пригласили их переехать в Новосибирск реализовывать смелый замысел Лаврентьева либо они сами подростками приехали на стройку / учебу и встретились с кем-то из первых директоров институтов или даже с самим Лаврентьевым, и это определило их жизненную траекторию. Более того, по примеру лаврентьевского нарратива конструируются нарративы и о других основателях и руководителях СО АН, а примыкающие к тем или иным НИИ улицы постепенно начинают носить имена их директоров-основателей. В относительной близости к памятнику М.А. Лаврентьеву в 2001 г. был поставлен второй в поселении памятник руководителю – бюст академика В.А. Коптюга, возглавлявшего СО РАН в самые мрачные для Академии 1990-е гг. Тем не менее, вероятно, идеологическая несовместимость этого академика (Валентин Афанасьевич был одним из лидеров КПРФ в 1990-е гг.) с текущими политическими лидерами страны и региона мешает развиваться культу Коптюга.

В Новосибирске академгородковские способы репрезентации своих героев выходят и за пределы ННЦ СО РАН. Так, уже в начале 2010 г. в наукограде Кольцово, расположенном между Академгородком и остальной частью Новосибирска, одна из центральных транспортных магистралей поселения стала носить имя умершего в 2006 г. основателя градообразующего для поселка центра вирусологии и микробиологии «Вектор» академика Л.С. Сандахчиева. В 2014 г. в середине

этой улицы появился бюст академика-основателя в узнаваемой по Лаврентьеву и Коптюгу манере. По сообщению местных СМИ, открывавший памятник мэр наукограда Н.Г. Красников назвал Сандахчиева «наш кольцовский Лаврентьев»[7].

Уже в советское время культ Лаврентьева оказывал формирующее влияние на историческую память других академгородков. Структурно и содержательно ближе всего к нему находится культ академика Киренского в Красноярском Академгородке. Именем Киренского там также названы главная улица институтской зоны поселения и некогда возглавляемый им Институт физики. Поскольку КНЦ СО РАН меньше новосибирского собрата, то его институциональная и юбилейная историография пока гораздо меньше, но начало ей положено биографией академика-основателя и сборником воспоминаний о нем [19, 20]. В Институте физики есть посвященная Леониду Васильевичу мемориальная комната, сотрудница которой, в сущности, является единственным историографом Академгородка, занимающимся этим на постоянной основе.

Важно, однако, что коммеморация академика Киренского не наследует лаврентьевской, а предшествует ей. Леонид Васильевич умер в 1969 г., когда формы репрезентации советских ученых, помимо их государственных заслуг и признания дисциплинарного сообщества, по-видимому, еще складывались. Главная улица Академгородка была переименована в течение года после его смерти, но, пожалуй, главной особенностью ранней коммеморации Киренского являются его могила и памятник, расположенные недалеко от входа в Институт физики КНЦ СО РАН. У Академии наук и старейших университетов страны и в досоветское, и в советское время были свои некрополи на главных кладбищах городов, но могила научного лидера у рабочего места, у основанного человеком института – это редкий ход, обстоятельства которого еще только предстоит реконструировать. Помимо Красноярского Академгородка аналогичные могила и памятник основателю находятся в подмосковном Пущино, где на территории Института биофизики ПНЦ РАН в 1976 г. похоронен академик Г.Б. Франк. Родство дат и форм захоронений двух академиков едва ли случайно, возможно, за этим стоит какая-то неустоявшаяся памятная традиция.

Похожая ситуация с культом основателя сложилась в Томском Академгородке. В честь В.Е. Зуева, организатора и первого руководителя ТНЦ СО РАН, названа площадь на въезде в Академгородок, где сходятся основные его улицы и стоит памятник академику, а также основанный им Институт оптики атмосферы. В Институте также есть мемориальная комната Владимира Евсеевича, которая одновременно является архивом как самого института, так и значительной части всего Томского центра РАН. Так же, как и в Красноярске, заведующая этой комнатой и архивом сотрудница держит в своих руках ключи от большей части исторических источников и материальных воплощений культурной памяти Академгородка.

Тем не менее и помимо академгородковской памяти мощная интеллектуальная среда Томска обеспечила академику Зуеву, профессору ТГУ и выходцу из томского Физтеха, внимание со стороны как юбилейной историографии, так и профессиональных историков науки, занимающихся историей научных школ и организаций [21]. С другой стороны, та же самая насыщенная гуманитарная культура города создает ситуацию, в которой Академгородок и его основатель становятся одними из многих на фоне прочих научных героев городской и университетской истории [22, 23].

Наконец, в своих прижизненных мемуарных и исторических публикациях В.Е. Зуев обозначил значение поддержки академика М.А. Лаврентьева для создания ТНЦ СО РАН [24], чем связал Томск и с культом Лаврентьева. Тем самым уже после смерти Зуева его собственная коммеморация как академика-основателя тоже оказалась переплетена с лаврентьевской и взаимно усилена – в том числе и памятью вне Томска. Так сложные научные, гуманитарные и мемориальные поля Томска как города знаний обеспечивают и сложное функционирование памяти о его научных героях.

Совершенно иной подход демонстрирует Иркутский Академгородок. Возможно, из-за того, что Восточно-Сибирский филиал Академии наук здесь образовался еще в 1949 г., а конец 1950-х не знаменовался каким-то качественным переходом из-за перенаправления средств в Новосибирск, но в Иркутске так и не выработалась память о каком-то репрезентирующем весь региональный центр академическом лидере. Отчасти на эту роль может претендовать Л.А. Мелентьев, который энергично, но безуспешно отстаивал интересы иркутской академической науки перед Лаврентьевым и московским академическим начальством и в том числе за неуступчивость был всего через пять лет после назначения отправлен в отставку [25]. Из иркутских академических руководителей он единственный, чье имя помимо его исследовательского института носит еще и улица в Академгородке.

В целом историческая память ИНЦ, кажется, структурирована вокруг индивидуальных историй отдельных институтов и их руководителей, среди которых было немало выдающихся и харизматических лидеров – например, М.М. Одинцов из Института Земной коры, В.Б. Сочава из Института географии или Г.И. Галазий из Лимнологического института, – но которые не репрезентируют собой весь Академгородок. Наиболее ярко эта ситуация проявилась в 2018 г., когда к 55-летию Иркутского Академгородка на одной из площадей поселения был установлен монумент «Глобус мира», представляющий собой земной шар, стоящий на 11 колоннах, символизирующих 11 исследовательских институтов ИНЦ СО РАН.

Наконец, показательную роль в нашей истории играет культ А.Е. Ферсмана как академика-основателя Академгородка в Апатитах Мурманской области. Примечателен он тем, что академик Ферсман, ученик В.И. Вернадского, выдающийся российский и советский геолог, один из лидеров и организаторов АН СССР, умер в 1945 г., т.е. примерно за шесть лет до начала строительства города Апатиты и за десять до возведения Академгородка. При своей жизни Ферсман создал в 1930 г. в районе будущего города Хибинскую

исследовательскую горную станцию АН СССР «Тиетта». Уже после войны и возвращения из эвакуации из нее вырос Кольский научный центр.

Фокусом работы кольских ученых являются геология и геохимия региона с упором на прикладные исследования в помощь его промышленному освоению, поэтому почтение к комплиментарной во всех этих отношениях фигуре Ферсмана неудивительно. Удивительно, что коммеморация его как академика-основателя начинается не сразу после смерти ученого и даже не после строительства города и Академгородка, а только в 1967 г., когда Апатиты отметили номинальные сорок лет с момента основания крошечного рабочего поселка с таким именем. По решению местного Совета главная улица города, имевшая классическое для советских академгородков название Академическая улица, была переименована в улицу Ферсмана.

В том же году на этой улице в городском парке появляется Монумент первым строителям, заказанный организацией Апатитстрой. В 1980 г. тоже в центральной части города напротив здания Горного института КНЦ появляется и памятник А.Е. Ферсману – классический академический бюст. Разные ведомства, подчеркивая значение своих представителей, как будто символически размечали территорию города. Но если для строителей было достаточно общей репрезентации профессии, то для ученых эта репрезентация носила и носит персональный характер [26].

Интересно, что несмотря на то, что как научный организатор академик Ферсман состоялся во множестве мест и организаций, в наши дни память о нем воспроизводят в основном две институции – КНЦ РАН и носящий имя академика Минералогический музей РАН в Москве [27]. Неожиданно из этого ряда заинтересованных групп выпадает Уральское отделение РАН, для которого Ферсман с бóльшим основанием предстает в роли основателя, чем для Кольского центра за пределами «Тиетты». Так, в 1932 г. Президиум АН СССР создает в Свердловске Уральский филиал Академии во главе с А.Е. Ферсманом. Тем не менее современное значение его для уральцев, по-видимому, невелико – даже именная улица в Академическом районе Екатеринбурга появляется только в 1990-е гг. Похоже, что культурный капитал Ферсмана, который на практике представлял интересы Уральского филиала из Ленинграда и в Свердловске бывал редко [28], не очень востребован в ситуации мощной собственной уральской академической и отраслевой научной традиций.

Описанные способы коммеморации академиков- и директоров-основателей научных центров очень похожи на то, как в советский период воспроизводилась историческая память в организациях, не связанных напрямую с господствующим коммунистическим дискурсом. Речь идет о крупных промышленных предприятиях, зачастую игравших в своих поселениях градообразующую роль. По мере нормализации советского общества после Второй мировой войны и отказа от мер чрезвычайной идеологической мобилизации населения среди идеологов, руководителей и рядовых граждан постепенно распространяется представление о советском обществе как о пространстве сосуществования мириад трудовых коллективов промышленных и сельскохозяйственных предприятий, членов творческих союзов и венчающих этот социологический образ работников партийных и государственных органов власти. Автор уже несколько раз обращался к реконструкции позднесоветской идеи трудовых коллективов в промышленности [29], но в данном случае нам важнее механизмы их репрезентации.

Трудовой коллектив любого крупного завода представлял собой совокупность работников предприятия – от рядового рабочего до сотрудников администрации. Считалось, что трудовой коллектив – это первый представитель всего советского народа и на этом основании владеет предприятием (уже в перестройку эта идея нашла прямое отражение в Законе о социалистическом предприятии). Экономические и социальные успехи предприятия, в том числе подвиги рабочих в годы революции и Великой отечественной войны, – это успехи трудового коллектива. История трудовых коллективов таких гигантов всесоюзного значения, как Магнитогорской металлургический комбината, Ростсельмаш, Кировский завод в Ленинграде или Завод имени Лихачева в Москве, должна была воплощать на своем уровне основные тренды советской истории в целом.

Сама идея трудового коллектива – это абстрактный и довольно поздно окончательно сформулированный концепт (по моей оценке, начало-середина 1970-х гг.). Наиболее распространенным способом репрезентации трудового коллектива предприятия являлась фигура его директора с акцентом на либо директоре-основателе, либо на человеке, при котором предприятие пережило особенно мощную реконструкцию, привлекло тысячи новых рабочих, построило новые районы жилых районов или добилось выдающихся успехов в производстве. Действительно потенциально большая власть советских директоров, на практике уравновешенная системой «треугольника» [30], в этих репрезентациях приобретала патриархальные, отцовские черты, а едва ли не все события в жизни предприятий приписывали директорскому замыслу или воле.

Для рабочих такие образцовые директора представали «своими», патронами на местах, защитниками перед Москвой, патриотами малой и большой Родины. Эти образы и по сей день можно наблюдать в заводских музеях крупных предприятий, а выдающимся директорам зачастую посвящены юбилейные биографии или сборники воспоминаний, их именами названы окрестные улицы или площади. Академики-основатели для своих территориальных научно-технологических сообществ выступают аналогичными патронами и представителями перед высшими этажами государства и общества. Парадокс в том, что в данных случаях территориальные сообщества предстают не как некоторая территориальная уникальность, а как ведомственное сообщество, ведомство науки и технологий.

Заключение

В данном тексте я развожу несколько видов исторической памяти в науке и научных поселениях. Наиболее традиционной и, вероятно, естественной является

память о научных школах и поколениях их членов. Эта память основана на естественном личном и профессиональном общении учителей и учеников, их взаимной поддержке на разных этапах своей карьеры. Соответственно, коммуникативное и культурное воспроизводство памяти об основателях и прояснение позиций членов школы по отношению друг к другу – это еще и способ обеспечить внешнюю преемственность поколений. В случаях наиболее выдающихся основателей научных школ – наиболее ярко это проявляется в культе академика В.И. Вернадского – фигура основателя приобретает такие черты, что относительно легко смыкается с «большой» памятью и «большой» историей государства и становится ролевой моделью для репрезентации профессии в целом.

Таким образом, пользуясь термином Рингера, память о научных школах – это память о мандаринах, способ воспроизводства профессиональной университетской и академической корпораций. В подобных исторических нарративах акцент делается не на административных позициях членов корпорации, их положении в обществе или влиянии на политику, а на роли в разработке проблематики и отношении к другим узловым лидерам школы. Этот вид исторической памяти относительно легко соотносится с профессиональной работой историков науки, которые закономерно разделяют с прочим научным сообществом идею важности научных школ и преемственности поколений исследователей[8].

Альтернативным способом существования исторической памяти в российской науке является ведомственный. Наиболее ярко он проявляется в территориальных организациях РАН, которые до реформы 2014 г. были больше всего похожи на отдельные научные ведомства. Сибирские академгородки, равно как и Академгородок в Апатитах, имеют выраженную территориальную коллективную субъектность, которая в области исторической памяти выражается в культах академиков-основателей: М.А. Лаврентьева в Новосибирске, А.Е. Ферсмана в Апатитах, В.Е. Зуева в Томске, Л.В. Киренского в Красноярске. В отличие от предыдущего вида научных культов культурная память об этих ученых и организаторах науки фокусируется не на их открытиях или учениках, а на роли в организации поселения, управленческих стратегиях по сопряжению исследований и жизни людей, общем значении в жизни страны, т.е. на классических темах для биографий исторических личностей. Академик-основатель репрезентирует собой целое территориальное сообщество, а его образ и факты его биографии используются современными лидерами организаций академгородков и как риторическая стратегия для продвижения своих интересов.

Это происходит в том числе для защиты своего научно-технического сообщества от амбиций соседнего, как это происходит в наукограде Кольцово, где память об академике Сандахчиееве формируется по примеру и одновременно в пику мощнейшему нарративу об академике Лаврентьеве в Новосибирском Академгородке. Случай памяти об академике Ферсмане в Апатитах демонстрирует, что культ академика-основателя может складываться даже в отношении человека, который прямо в основании академгородка не участвовал, но конвенционально признаваем в качестве важного лидера сообщества.

Промежуточным вариантом между территориальными культами академиков-основателей и памятью о научных школах является историческая память об «атомных маршалах науки» Курчатовского института. Плеяда крупных научных и государственных деятелей во главе с академиком Курчатовым предстает одновременно и как разветвленная научная школа, и как основатели Курчатовского института и / или корпорации Росатом, значение которых уходит за пределы чистой науки.

Культы основателей и связанные с ними нарративы в отличие от историографии научных школ не являются явлением из мира одной лишь науки. Их прямые аналоги можно увидеть в советских и постсоветских репрезентациях трудовых коллективов крупных промышленных предприятий. Эта память, как правило, связана с фигурой или фигурами директоров, на период руководства которых выпадают важные в истории предприятия события. Таким образом, память о директорах функционирует и как память обо всех составляющих промышленной социальности.

Структурно (по способу оформления нарратива) и функционально (репрезентация коллектива) память об академиках-основателях в академгородках и наукоградах тяготеет к этому ведомственному способу репрезентации организаций и сообществ. Зуев, Киренский, Лаврентьев, Ферсман и другие научные лидеры выступают как представители стоящих за ними и под их началом людей, а для сегодняшних жителей научных поселений – как собственное историческое наследие. Таким образом, подобные культы выходят за пределы механизмов воспроизводства научных сообществ и научных иерархий и на общих основаниях работают как риторические стратегии при соревновании за символические и реальные капиталы, как их понимает Бурдье, в «большом» обществе.

Этот небольшой срез исторической памяти о крупных ученых и организаторах науки в нашей стране преследовал цель продемонстрировать многообразие форм и механизмов репрезентации научной истории. Можно сказать, что способы рассказывать историю ученых столь же разнообразны, сколь разнообразны современные формы науки. Наука существует в университетах, научно-исследовательских институтах РАН, прочих академиях, научных обществах, НИОКР-отделах корпораций, министерских организациях и пр. При этом в поле зрения как профессиональных историков, так и историков-любителей попадают в основном университеты и академические НИИ, у которых достаточно ресурсов, чтобы обеспечить воспроизводство своей истории. А, скажем, советская прикладная наука (входившие в состав отдельных промышленных ведомств НИИ, чьи сотрудники в сумме превышали половину всех советских научных сотрудников [31]), в массе своей не пережившая рыночных преобразований 1990–2000-х гг., как отмечает К.Д. Бугров, практически не нашла отражения ни в профессиональной историографии, ни в культурной памяти ученых. Получается, что,

хотя российские ученые де факто существуют как сообщество со всеми его классическими признаками, по Мертону, мы не всегда осознаем социальную сложность этого сообщества. Сознательно собирать и писать историю науки – один из шагов для консолидации интересов нашего сообщества и как историков, и как ученых.

Примечания

[1] Memory Studies. URL: https://journals.sagepub.com/home/mss (дата обращения: 25.04.2024).
[2] Авторское интервью с С.И. Григорьевым (Новосибирск, Кольцово, 2016)
[3] Атомные маршалы науки // НИЦ «Курчатовский институт». URL: http://nrcki.ru/catalog/populyarno-o-nauke/atomic (дата обращения: 25.04.2024).
[4] См., напр., статью на федеральном портале «История России», связанном с Военно-историческим обществом: Трофимов А. Лаврентий Берия. Главный атомный маршал СССР // История России : исторический портал. URL: https://histrf.ru/read/articles/lavrientii-bieriia-glavnyi-atomnyi-marshal-sssr (дата обращения: 25.04.2024).
[5] Курчатовский институт рассказал о значении советского атомного проекта // РИА «Новости». 2023. 28 сент. URL: https://ria.ru/20230928/atom-1899223169.html (дата обращения: 25.04.2024).
[6] См., напр.: «Треугольник Лаврентьева» станет основой концепции выставки Новосибирской области на ВДНХ // Правительство Новосибирской области. 2023. 3 авг. URL: https://www.nso.ru/news/60287 (дата обращения: 25.04.2024).
[7] Открыт памятник академику Сандахчиеву // Наукоград-Пресс : лента новостей наукограда Кольцово. 2014. 20 сент. URL: http://www.naukogradpress.ru/nauka/2014/09/20/otkryt-pamyatnik-akademiku-sandahchievu/ (дата обращения: 25.04.2024).
[8] Отличный пример того, как потребность университетского сообщества в коммеморации удачно сочетается с исследовательской программой историков, – томская школа историков науки и образования С.Ф. Фоминых.

Список источников

1. Erll A. Memory in Culture. Palgrave Macmillan, 2011. ix, 209 p.
2. Gerovitch S. Creating Memories: Myth, Identity, and Culture in the Russian Space Age // Remembering the Space Age / S.J. Dick (ed.). NASA, 2008. xi, 465 c.
3. Experimental Collaborations. Ethnography through Fieldwork Devices / T.S. Criado, E. Adolfo (eds.). Berghahn Books, 2018. 236 p. (EASA Series; vol. 34).
4. Орлова Г.А. Город институтов. Заметки о ядерной топологии // Социология власти. 2017. № 4. С. 68–103.
5. Пискунов М.О., Бугаев Р.С., Маклаков М.И. Бриколаж музейных нарративов Новосибирского Академгородка: как работают акторы коллективной памяти среднего уровня // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 74–83.
6. Бокарев Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980 годы. М. : Наука, 2007. 382 с.
7. Козлова Л.А. «Научная школа» в научной политике и социальном исследовании // Вестник Института социологии. 2014. № 3 (10). С. 46–65.
8. Попова И.П. Научные школы в представлениях ученых // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 32–43.
9. Мертон Р. Эффект Матфея в науке. II: Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. 1993. № 3. С. 256–276.
10. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: академическое сообщество в Германии, 1890–1933. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 645 с.
11. Дубинин Н.П. Вечное движение. М. : Полит. лит., 1973. 447 с.
12. Шалимов С.В. Проблемы социальной истории отечественной генетики в «позднесоветский» период (1970-е – первая половина 1980-х гг.): на материалах Новосибирского научного центра // Вопросы истории естествознания и техники. 2015. № 4. С. 665–697.
13. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. 2-е изд. М. : Акад. проект, 2014. 412 с.
14. Вернадский В.И.: pro et contra : антология литературы о В.И. Верандском за 100 лет (1898–1998). СПб. : Изд-во РХГИ, 2000. 831 с.
15. Вернадский В.И. Собрание сочинений : в 24 т. М. : Наука, 2013.
16. Oldfield J., Shaw D. V.I. Vernadsky and the noosphere concept: Russian understandings of society-nature interaction // Geoforum. 2006. Vol. 37, is. 1. P. 145–154.
17. Ибрагимова З.М., Притвиц Н.А. «Треугольник» Лаврентьева. М. : Сов. Россия, 1989. 336 с.
18. Таран И.В. Из истории Центрального сибирского ботанического сада СО РАН. Новосибирск : Гео, 2015. 164 с.
19. Чистяков Н.С., Смолин Р.П. Леонид Васильевич Киренский (1909–1969). М. : Наука, 1981. 169 с.
20. Леонид Васильевич Киренский / отв. ред. В.Ф. Шабанов. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009. 367 с.
21. Матвеев Д.М. История академических учреждений Сибирского отделения Академии наук СССР г. Томска: от Института оптики атмосферы до научного центра (1968–1991 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Томск, 2006. 202 с.
22. Фоминых С.Ф. и др. Профессора Томского университета. Томск : Изд-во Том ун-та, 2001. Т. 3: 1945. 530 с.
23. Фоминых С.Ф. Зуев Владимир Евсеевич // Энциклопедия Томской области. Томск : Изд-во Том ун-та, 2008. Т. 1. С. 244–245.
24. Зуев В.Е. История создания и развития академической науки в Томске. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1999. 80 с.
25. Куперштох Н.А. Кадры академической науки Сибири (середина 1950-х – 1960-е гг.). Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1999. 150 с.
26. Клюева В.П. Гений места и / или градообразующее предприятие: научный центр как точка сборки (на примере г. Апатиты) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4 (51). С. 249–256.
27. Павлова Т.М. Научные чтения имени академика А.Е. Ферсмана. История. Хронология // Новые данные о минералах. 2018. № 2 (52). С. 60–68.
28. Колосова Е.Н., Филатов В.В. К истории создания Уральского филиала АН СССР (1932–1939). Неюбилейные заметки // Уральский геологический журнал. 2007. № 4 (58). С. 1–123.
29. Пискунов М.О. Перестройка и производственная демократия в СССР: трудовой коллектив Выборгского целлюлозно-бумажного комбината в 1987–1989 годах // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 1 (40). С. 189–199.
30. Ульянова С.Б. Формирование «треугольника» на советских предприятиях в первой половине 1920-х гг. // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 169–184.
31. Аллахвердян А.Г. Динамика научных кадров в советской и российской науке: сравнительно-историческое исследование. М. : Когито-центр, 2014. 262 с.

References

1. Erll, A. (2011) *Memory in Culture*. Palgrave Macmillan.
2. Gerovitch, S. (2008) Creating Memories: Myth, Identity, and Culture in the Russian Space Age. In: Dick, S.J. (ed.). *Remembering the Space Age*. NASA.
3. Criado, T.S. & Adolfo, E. (eds) *Experimental Collaborations. Ethnography through Fieldwork Devices*. Berghahn Books.
4. Orlova, G.A. (2017) Gorod institutov. Zametki o yadernoy topologii [City of Institutes. Notes on Nuclear Topology]. *Sotsiologiya vlasti*. 4. pp. 68–103.

5. Piskunov, M.O., Bugaev, R.S. & Maklakov, M.I. (2022) Bricolage of Novosibirsk Akademgorodok Museum Narratives: How Collective Memory Actors Work at the Middle Level. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 74–83. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/79/9
6. Bokarev, Yu.P. (2007) *SSSR i stanovlenie postindustrial'nogo obshchestva na Zapade, 1970–1980 gody* [The USSR and the Formation of Post-Industrial Society in the West, 1970–1980]. Moscow: Nauka.
7. Kozlova, L.A. (2014) “Nauchnaya shkola” v nauchnoy politike i sotsial'nom issledovanii [“Scientific School” in science policy and social research]. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 3(10). pp. 46–65.
8. Popova, I.P. (2023) Nauchnye shkoly v predstavleniyakh uchenykh [Scientific schools as viewed by scientists]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 12. pp. 32–43.
9. Merton, R. (1993) Effekt Matfeya v nauke. II: Nakoplenie preimushchestv i simvolizm intellektual'noy sobstvennosti [The Matthew Effect in Science. II: Accumulation of Advantages and the Symbolism of Intellectual Property]. *THESIS*. 3. pp. 256–276.
10. Ringer, F. (2008) *Zakat nemetskikh mandarinov: akademicheskoe soobshchestvo v Germanii, 1890–1933* [The Decline of German Mandarins: The Academic Community in Germany, 1890–1933]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
11. Dubinin, N.P. (1973) *Vechnoe dvizhenie* [Eternal Movement]. Moscow: Politicheskaya literatura.
12. Shalimov, S.V. (2015) Problemy sotsial'noy istorii otechestvennoy genetiki v “pozdnesovetskiy” period (1970-e – pervaya polovina 1980-kh gg.): na materialakh Novosibirskogo nauchnogo tsentra [Problems of the social history of Russian genetics in the “late Soviet” period (1970s – first half of the 1980s): Based on materials from the Novosibirsk Scientific Center]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 4. pp. 665–697.
13. Vernadskiy, V.I. (2014) *Filosofskie mysli naturalista* [Philosophical Thoughts of a Naturalist]. 2nd ed. Moscow: Akad. Proekt.
14. Yanshin, A.L. (ed.) (2000) *Vernadskiy V.I.: pro et contra: antologiya literatury o V.I. Verandskom za 100 let (1898–1998)* [Vernadsky V.I.: pro et contra: an anthology of literature about V.I. Verandsky over 100 years (1898–1998)]. St. Petersburg: RKhGI.
15. Vernadskiy, V.I. (2013) *Sobranie sochineniy: v 24 t.* [Collected Works: in 24 vols]. Moscow: Nauka.
16. Oldfield, J. & Shaw, D. (2006) V.I. Vernadsky and the noosphere concept: Russian understandings of society-nature interaction. *Geoforum*. 37(1). pp. 145–154.
17. Ibragimova, Z.M. & Pritvits, N.A. (1989) *“Treugol'nik” Lavrent'eva* [The Lavrentiev's triangle]. Moscow: Sov. Rossiya.
18. Taran, I.V. (2015) *Iz istorii Tsentral'nogo sibirskogo botanicheskogo sada SO RAN* [From the history of the Central Siberian Botanical Garden of the SB RAS]. Novosibirsk: Geo.
19. Chistyakov, N.S. & Smolin, R.P. (1981) *Leonid Vasil'evich Kirenskiy (1909–1969)*. Moscow: Nauka.
20. Shabanov, V.F. (ed.) (2009) *Leonid Vasilievich Kirenskiy*. Novosibirsk: SB RAS.
21. Matveev, D.M. (2006) *Istoriya akademicheskikh uchrezhdeniy Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR g. Tomska: ot Instituta optiki atmosfery do nauchnogo tsentra (1968–1991 gg.)* [History of academic institutions of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences in Tomsk: From the Institute of Atmospheric Optics to the Scientific Center (1968–1991)]. History Cand. Diss. Tomsk.
22. Fominykh, S.F. et al. (2001) *Professora Tomskogo universiteta* [Professors of Tomsk University]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
23. Fominykh, S.F. (2008) Zuev Vladimir Evseevich. In: *Entsiklopediya Tomskoy oblasti* [Encyclopedia of the Tomsk Region]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 244–245.
24. Zuev, V.E. (1999) *Istoriya sozdaniya i razvitiya akademicheskoy nauki v Tomske* [History of the Creation and Development of Academic Science in Tomsk]. Novosibirsk: SB RAS.
25. Kupershtokh, N.A. (1999) *Kadry akademicheskoy nauki Sibiri (seredina 1950-kh – 1960-e gg.)* [Academic Science Cadres in Siberia (Mid-1950s – 1960s)]. Novosibirsk: SB RAS.
26. Klyueva, V.P. (2020) Geniy mesta i / ili gradoobrazuyushchee predpriyatie: nauchnyy tsentr kak tochka sborki (na primere g. Apatity) [Genius of the Place and/or City-Forming Enterprise: Scientific Center as an Assembly Point (a case of Apatity)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 4(51). pp. 249–256.
27. Pavlova, T.M. (2018) Nauchnye chteniya imeni akademika A.E. Fersmana. Istoriya. Khronologiya [Scientific Readings Named after Academician A.E. Fersman. History. Chronology]. *Novye dannye o mineralakh*. 2(52). pp. 60–68.
28. Kolosova, E.N. & Filatov, V.V. (2007) K istorii sozdaniya Ural'skogo filiala AN SSSR (1932–1939). Neyubileynye zametki [On the history of the creation of the Ural branch of the USSR Academy of Sciences (1932–1939). Non-anniversary notes]. *Ural'skiy geologicheskiy zhurnal.* 4(58). pp. 1–123.
29. Piskunov, M.O. (2018) Perestroyka i proizvodstvennaya demokratiya v SSSR: trudovoy kollektiv Vyborgskogo tsellyulozno-bumazhnogo kombinata v 1987–1989 godakh [Perestroika and industrial democracy in the USSR: The labor collective of the Vyborg Pulp and Paper Mill in 1987–1989]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 1(40). pp. 189–199.
30. Ulyanova, S.B. (2013) Formirovanie “treugol'nika” na sovetskikh predpriyatiyakh v pervoy polovine 1920-kh gg. [The formation of the “triangle” at Soviet enterprises in the first half of the 1920s]. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2. pp. 169–184.
31. Allakhverdyan, A.G. (2014) *Dinamika nauchnykh kadrov v sovetskoy i rossiyskoy nauke: sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [Dynamics of scientific personnel in Soviet and Russian science: A comparative historical study]. Moscow: Kogito-tsentr.

***Сведения об авторе*:**
Пискунов Михаил Олегович – кандидат исторических наук, доцент Антропошколы Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: m.o.piskunov@utmn.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Piskunov Mikhail O. – PhD in History, Associate Professor, Anthtoposchool, Institute for Social sciences and Humanities, University of Tyumen (Tyumen, Russia). E-mail: m.o.piskunov@utmn.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.04.2024; принята к публикации 12.09.2024

The article was submitted 30.04.2024; accepted for publication 12.09.2024

Научная статья
УДК 930
doi: 10.17223/19988613/91/19

Информационный потенциал и репрезентативность обзоров губерний и областей для изучения динамики развития городов Сибири на рубеже XIX–XX вв.

Мария Владимировна Рыгалова[1], Елена Александровна Брюханова[2], Наталья Петровна Иванова[3]

[1] Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
[1, 2, 3] Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
[1] mariya_rygalova@mail.ru
[2] elena@hist.asu.ru
[3] ivanovanp@gmail.com

Аннотация. Представлены комплексный анализ и оценка репрезентативности обзоров губерний и областей Сибири для изучения истории развития городов в период 1895–1914 гг. Сделан вывод о неравномерности и фрагментарности данных источника: по губернии в целом (о торговле), по городам в совокупности (о сети учебных заведений, населении), отдельно по каждому городу (о городских доходах и расходах, лечебных и благотворительных учреждениях, учреждениях культуры, промышленных предприятиях). Совокупность данных позволяет построить динамические ряды только по отдельным показателям и некоторым, как правило, крупным городам. Наибольшей репрезентативностью в изучении истории развития городов отличаются обзоры Амурской, Приморской, Якутской областей.
Ключевые слова: Сибирь, обзоры губерний, исторический источник, репрезентативность данных

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10020, https://rscf.ru/project/19-78-10020/

Для цитирования: Рыгалова М.В., Брюханова Е.А., Иванова Н.П. Информационный потенциал и репрезентативность обзоров губерний и областей для изучения динамики развития городов Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 161–170. doi: 10.17223/19988613/91/19

Original article

Information potential and representativeness of reviews of provinces and regions for studying the dynamics of development of Siberian cities at the turn of the 19th–20th centuries

Maria V. Rygalova[1], Elena A. Bryukhanova[2], Natalia P. Ivanova[3]

[1] Polzunov Altai State Technical University, Barnaul, Russian Federation
[1, 2, 3] Altai State University, Barnaul, Russian Federation
[1] mariya_rygalova@mail.ru
[2] elena@hist.asu.ru
[3] ivanovanp@gmail.com

Abstract. The article presents the results of a comprehensive analysis and representativeness of reviews of provinces and regions of Siberia during 1895-1914 with the aim of expanding the source base for the study of urban history during this period. The chronological framework was chosen in order to provide the possibility of comparing and supplementing information from the 1897 Census about the population of Siberian cities, as well as studying the process of urban modernization. Reviews of provinces as a source of historical information are accessible. They are digitized and presented on the website of the State Public Historical Library and on the websites of other electronic libraries. In addition, the information in the reviews is comprehensive. They include data on city revenues and expenditures; population size and class composition, religion; industry; handicraft production; medical, educational, charitable, cultural institutions; trade; city infrastructure. However, among historians there are controversial views on the information potential and reliability of the source. The first part of the article presents the points of view available in historiography on this issue. Among the problems and factors that influence the potential unreliability of provincial reviews are different data collection programs in different years and in different territories, primitive methods of processing them, incompleteness, unclear forms of tables, and constant changes in their structure. The advantages of reviews include the possibility of obtaining a chronological slice of data for a particular territory or industry, accessibility, structured data (statistical tables), extensive information base of sources from which reviews were compiled, volumes and degree of detail of the materials provided.

© М.В. Рыгалова, Е.А. Брюханова, Н.П. Иванова, 2024

Reviews of eight provinces and regions of Siberia for 1895-1914 are analyzed. Conclusions are drawn about the degree of their information content and representativeness. Namely, the information in the sources is presented unevenly: for the province as a whole (in the section on trade), for cities in total (about the population, educational institutions), separately for each city (city incomes and expenses, medical and charitable institutions, cultural institutions, industrial enterprises). Data on handicraft production and urban infrastructure were published in fragments. The most representative in the study of urban history are reviews of the Amur, Primorsky, and Yakut regions.
Keywords: Siberia, reviews of provinces, historical source, representativeness of data

Acknowledgements: The study was supported by grant No. 19-78-10020 from the Russian Science Foundation. Project No. 19-78-10020, https://rscf.ru/project/19-78-10020/

For citation: Rygalova, M.V., Bryukhanova, E.A., Ivanova, N.P. (2024) Information potential and representativeness of reviews of provinces and regions for studying the dynamics of development of Siberian cities at the turn of the 19th–20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 91. pp. 161–170. doi: 10.17223/19988613/91/19

История городов Сибири продолжает оставаться среди приоритетных направлений исследований, несмотря на обширную историографию в этой области. С одной стороны, это обусловлено как появлением новых, так и углублением традиционных объектов изучения, с другой, – возможным расширением круга источников, новым взглядом или комплексным анализом уже известных материалов. В таком контексте одним из интересных источников, периодически привлекаемых исследователями для изучения отдельных аспектов истории городов, являются обзоры губерний, содержащие разнообразную информацию по развитию губерний в целом и городов в частности: о городских доходах и расходах, численности населения с разделением по сословиям, вероисповеданию, развитии промышленности, ремесленного производства, лечебных, учебных, благотворительных, культурных учреждений, торговле, городской инфраструктуре и т.д. При этом в историографии сложились устойчивые, но разные точки зрения в оценке источниковедческого потенциала и достоверности данного вида источников. Поэтому изучение обзоров губерний и областей как источника данных для реконструкции динамики развития городов Сибири на рубеже XIX–XX вв. представляется, на наш взгляд, отдельной исследовательской задачей.

Цель исследования – оценка информационного потенциала и репрезентативности обзоров губерний и областей Сибири 1895–1914-х гг. для изучения динамики демографического и социально-экономического развития городов в контексте модернизационных процессов в регионе.

Хронологические рамки обусловлены несколькими причинами: во-первых, с 1897 г. обзоры, ранее являвшиеся приложениями к ежегодным Всеподданнейшим отчетам губернатора, стали самостоятельными официальными изданиями губернских правлений и статистических комитетов [1. С. 228–234]; во-вторых, такой временной период позволяет сопоставить данные обзоров с результатами Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.; в-третьих, с конца XIX в. в городах Сибири стали проявляться разные социально-экономические тенденции, определявшие интенсивность модернизационных процессов. Кроме традиционных критериев модернизации в городах, к которым относят рост численности населения и развитие промышленности, исследователи отмечали интенсификацию торговли, в том числе ярмарочной [2], повышение уровня грамотности и образования [3. С. 90–91; 4]. Вместе с ростом населения и экономическим развитием происходили изменения в социальной структуре населения, структуре занятости, образовательном ландшафте и инфраструктуре городского пространства. В обзорах губерний и областей публиковались данные текущей статистики по населению, развитию торговли, количеству государственных, общественных, ремесленных и промышленных учреждений. Таким образом, представляет интерес изучение потенциала обзоров губерний как источников данных для построения динамических рядов, отражающих последовательные изменения в демографическом, социальном и экономическом развитии городов Сибири конца XIX – начала XX в.

Как уже отмечалось, источниковедческая оценка материалов обзоров в целом носит дискуссионный характер, но при этом анализ обзоров губерний и областей Сибири как отдельная задача в историографии не представлена.

Большой вклад в исследование отчетов губернаторов и обзоров губерний внесли Б.Г. Литвак и И.Д. Ковальченко. Авторитетные специалисты в области источниковедения отмечают уникальность данного источника в силу периодичности его выхода, структурированности информации, степени подробности данных. При исследовании данных в совокупности источник дает в целом объективную картину развития той или иной территории. Вместе с тем ученые призывают критически относиться и к отчетам, и к обзорам. Кроме того, неоднородность данных и меняющаяся год от года форма представления затрудняют анализ сведений. Вместе с тем, как отмечают историки, неточности в источниках допускались повсеместно в связи с одинаковой методикой сбора и обработки данных [5].

Н.П. Дятлова выделяет недостатки отчетов, в частности неочевидные источники сведений для них, разные программы сбора данных, примитивные способы их обработки, неполнота, неясность форм таблиц, о чем встречаются замечания Министерства внутренних дел непосредственно в периоды составления губернаторских отчетов. Однако, несмотря на эти недостатки, исследователь называет отчеты и обзоры ценным источником, позволяющим изучать территорию в динамике, отмечая, что в некоторых случаях обзоры – един-

ственный источник некоторых сведений о территории [1. С. 241–243].

Подробный историографический и источниковедческий анализ отчетов губернаторов и обзоров к ним проводит А.С. Минаков, называя их одним из востребованных источников, чем, в свою очередь, обусловлена необходимость изучения опыта их использования в разное время. Так, А.С. Минаков рассматривает работы досоветского, советского, постсоветского периодов, в которых представлены критика и анализ отчетов и обзоров [6].

Среди крупных современных исследований стоит отметить работы А.И. Раздорского. Кроме исследований по отдельным губерниям (Вятской, Орловской и др.), им был составлен сводный каталог наличия обзоров по всем губерниям Российской империи [7]. Исследователь разделяет точку зрения историков о том, что статистика, представленная в них, не является полностью достоверной, нуждается в дополнительных проверках. Однако, по его мнению, обзоры позволяют получить хронологический срез данных как по отдельной территории, так и по отдельным областям социально-экономического развития [8. С. 217].

Многие исследователи, работающие с отчетами губернаторов и обзорами, уделяют внимание методике сбора, программе обследования губерний для сбора данных для отчета с целью определения степени их достоверности. Подробно рассматривает эти вопросы на примере Степного края В.А. Скопа. Он отмечает, что материалы для обзоров собирались через уездные и волостные органы МВД в виде официальных отчетов от других профильных ведомств, затем обрабатывались и представлялись в текстовой и табличных формах. Историк также подчеркивает большой информационный потенциал этих источников и объемы предоставленных материалов, которые, однако, необходимо подвергать критическому анализу [9].

А.С. Баринова, изучая отчеты губернаторов Костромской губернии, выделяет аналогичные недостатки источника, соглашаясь с Н.П. Дятловой и подчеркивая трудности, возникающие при сравнивании данных даже в пределах одной губернии за несколько лет. Вместе с тем источниковедческий анализ позволяет исследователю отметить «значительный информационный потенциал» [10. С. 50] источника, подробность сведений, особенно некоторых разделов (например, по промышленности), подробности о повседневной жизни губернии, другие ценные статистические сведения [10].

Как источник статистических сведений о социально-демографических характеристиках населения рассматривает обзоры губерний азиатских окраин Российской империи А.А. Еремин. Он отмечает неоднородность данных по годам (в каких-то источниках отсутствуют сведения по сословиям населения, в других – по вероисповеданию). Однако, опираясь на имеющиеся сведения, все же есть возможность воссоздать картину социально-демографического развития [11]. Сведения обзоров как источника, отражающего урбанизационные процессы Степного края и Туркестанского генерал-губернаторства на примере изменения структуры городского населения, его численности, сословной, национальной, религиозной структуры, анализируют И.Б. Бочкарева и А.А. Еремин. Несмотря на то, что за отдельные годы отсутствуют сами источники или от года в год имеются пробелы по каким-либо показателям, не позволяющие выстроить непрерывный динамический ряд, исследователи приходят к выводу, что на основе данных обзоров имеется возможность проследить динамику городского населения [12. С. 78]. Сложность в выстраивании динамических рядов в связи с фрагментарностью информации из-за неподанных сведений прослеживается и в других разделах обзоров, в частности по учебным заведениям губерний и городов [13]. Обзоры рассматриваются исследователями как информативный и ценный источник сведений о медико-санитарном состоянии, численности и профессиональной подготовке служащих в этом направлении [14].

Исследований с привлечением отчетов губернаторов и обзоров по Сибири было выявлено мало, и они, как правило, охватывают отдельные территории региона. При этом по некоторым направлениям истории Сибири обзоры рассматриваются историками в качестве основного источника данных. В частности, Т.А. Кискидосова, обращаясь к исследованию городского населения по данным обзоров Восточной Сибири, отмечает как преимущества, так и недостатки источника. В частности, она подчеркивает, что периодичность и устойчивый формуляр позволяют выявлять данные системно, комплексно. Однако исследователь указывает на неточность первичных статистических сведений, на основе которых составлялись отчеты губернатора и обзоры к ним, что иногда приводит к тому, что данные за отдельные годы нелогично разнятся [15. С. 50–51]. А.И. Архипова рассматривает обзоры как основной источник по изучению структуры и численности населения Якутской области. Кроме того, исследователь отмечает, что полнота данных и акценты в информации делались, исходя из личности губернаторов. Поскольку структура обзора была частично формализована, губернаторы имели возможность дать собственную неформальную характеристику дел в регионе в зависимости от личной заинтересованности в какой-то области развития [16. С. 161]. Е.Л. Пономарева, анализируя состояние отчетов по Иркутской губернии, отмечает, что достоверность данных зависит от важности сведений, а она, в свою очередь, определяется актуальной ситуацией на момент написания отчета [17]. М.Г. Рутц считает, что при «корректном использовании» губернаторские отчеты дают ценные сведения о населении, торговле, промышленности [18. С. 10]. С.Г. Злотникова рассматривает обзоры в качестве источника по истории благотворительной деятельности на территории Енисейской губернии. Исследователь отмечает, что некоторые публикуемые данные являются уникальными, а в силу ежегодной публикации и однородности информации – сопоставимыми в длительных хронологических рядах [19].

В последние несколько лет интерес к обзорам губерний и областей значительно возрос, сведения источника используются для изучения социально-экономических, общественно-политических характеристик терри-

тории, особенностей административного развития и других направлений [20. С. 238]. Однако наряду с достоинствами можно выделить и недостатки изданий. Так, часто исследователи отмечают разницу в подсчетах населения городов: в одних случаях подсчеты велись с пригородами, в других – без их учета [21. С. 308]. Иногда это обстоятельство приводило к искажению численности населения в динамических рядах или невозможности сопоставления развития городов разных временных периодов или разных губерний. Такие особенности, безусловно, стоит учитывать при работе с источником. Другой причиной искажения сведений обзоров является отдаленность территорий, вследствие чего сбор данных осуществлялся приблизительно и с запозданием, что характерно, например, для Приморской и Амурской областей [22. С. 9–11]. Еще одие недостаток, который отмечают исследователи, – искажение и неточности информации, на основе которой затем составлялись обзоры. Это связано с тем, что в отчетах губернаторов и обзорах публиковались не первичные, а переработанные сведения, предоставленные различными ведомствами – полицейским управлением, губернским правлением и пр. Разница в подсчетах, случайное или намеренное искажение информации при ее переработке приводили к неточности опубликованных в обзорах данных [23. С. 153]. Ряд исследователей указывают на необходимость критического анализа, уточнения и перепроверки данных источника [6; 20. С. 241–243; 24]. В частности, Н.П. Матханова, Н.Н. Родигина вслед за А.С. Минаковым и И.Д. Ковальченко считают отчеты губернаторов источником с латентным информационным потенциалом, поскольку их содержание шире, чем в формуляре, структура могла меняться, дополняться текстовыми сведениями [25. С. 47].

Анализ историографии позволил сделать вывод о потенциально высокой информативности обзоров губерний, однако источник требует источниковедческого анализа, индивидуального подхода и критического отношения к данным. В таком контексте задача комплексного изучения обзоров губерний и областей Сибири за 1895–1910-е гг., оценка репрезентативности их данных для реконструкции динамики развития городов и их отдельных аспектов представляется обоснованной и актуальной.

Стоит отметить, что исследование проводилось по электронным копиям обзоров губерний, что обеспечивало их доступность [26]. Цифровые коллекции обзоров представлены в свободном доступе на сайтах ряда библиотек, например Государственной публичной исторической библиотеки [27], Президентской библиотеки, Томской электронной библиотеки [28], Национальной электронной библиотеки [29]. Выявленные в электронных библиотеках обзоры по губерниям Сибири представлены в таблице.

Обзоры губерний Сибири, выявленные по коллекциям электронных библиотек за весь период издания

Губерния / область	Хронологические рамки выявленных обзоров	Хронологические рамки не выявленных обзоров
Амурская	1871–1915	1884
Енисейская	1870–1915	1872, 1873
Забайкальская	1884–1911	1894, 1899
Иркутская	1880–1914	1882, 1897
Тобольская	1869–1914	1872
Томская	1881–1912	1889,1890
Приморская	1875–1914	1877, 1878,1880–1884, 1886, 1888
Якутская	1884–1911	1892, 1893, 1899

Из таблицы видно, что хронологические рамки имеющихся обзоров по губерниям Сибири обширны. Имеются пропуски за некоторые годы, однако с точки зрения наличия источников можно отметить возможность их сопоставления. Наибольшие пробелы заметны по Приморской области. Однако физическое наличие источников еще не дает оснований сделать вывод о их репрезентативности в изучении истории городов. Для этого нужно обратиться непосредственно к содержанию обзоров. На материалах, отражающих социально-экономическое состояние городов, рассмотрим возможности использования статистических данных обзоров для выстраивания динамических рядов по городам Сибири.

Обзоры имеют схожую структуру и состоят из двух частей. Основная часть является текстовой, в ней с разной степенью подробности представлены сведения по основным направлениям развития губерний: административное деление, население, сельское хозяйство, промышленность, торговля, судебная, медицинская, образовательная части. Вторую часть обзоров составляют статистические сведения, структурированные в таблицы. Наибольший интерес для сравнительного статистического анализа представляет вторая часть, однако некоторые статистические данные можно обнаружить и по тексту в ходе повествования. В этой связи работать с источником необходимо комплексно, изучая не только табличные приложения, но и информацию, представленную в текстовой форме.

Одним из важных показателей модернизационных процессов являются изменения в численности и структуре населения городов. Обзоры рассматриваются исследователями как наиболее ценные источники таких данных. Тем не менее для ряда обзоров губерний и областей Сибири характерны отмечаемые исследователями неполнота и недостоверность публикуемых за разные годы сведений.

В обзоре Тобольской губернии за 1897 г. приводится распространенная для Сибири методика подсчета населения для официальных публикаций, применявшаяся как до, так и после проведения переписи 1897 г., с тем отличием, что после 1897 г. результаты переписи стали «контрольной точкой» отсчета. Наиболее полный алгоритм подсчета численности населения включал учет следующих составляющих: 1) естественный прирост (или убыль); 2) «прирост путем колонизаци-

онным или от прилива добровольных переселенцев»; 3) «прилив ссыльных» и последовавших за ними членов семей; 4) убыль населения «от возврата в Россию» или «передвижения далее в Сибирь» [30. С. 30–31]. Сведения о механическом движении населения предоставлялись полицейскими управлениями и не всегда были корректными. Довольно показательными стали примеры сопоставления предварительных результатов переписи 1897 г. с данными административного учета по численности населения губерний, уездов и городов, опубликованными в обзорах некоторых губерний за 1897–1898 гг. Как правило, результаты полицейских подсчетов показывали значительно большее количество населения. Так, численность населения г. Красноярска (Енисейской губернии) по административным данным оказалась примерно на 6 тыс. человек больше, чем по переписи 1897 г. [31. С. 17–18], численность городского населения Тобольской губернии в целом была завышена на 8%, или более 20 тыс. человек [30. С. 30]. Интересным исключением оказался г. Минусинск, в котором к моменту переписи 1897 г. оказалось населения почти в два раза больше (10,2 тыс. чел.), чем по полицейским подсчетам (5,6 тыс. чел.) [31. С. 17–18].

Такая методика в целом применялась и после переписи 1897 г. Но если данные естественного движения населения учитывались во всех губерниях (областях), то сведения механического движения зачастую не учитывались в подсчетах, что приводило к искажению данных в обзорах некоторых губерний вплоть до конца рассматриваемого периода. Так, в обзоре Якутской области за 1911 г. отмечалось, что «процессы вселения и выселения в область совершенно ускользают от регистрации, но они, безусловно, столь невелики, что не могут иметь значительного влияния на изменение численности населения» [32. С. 182]. Вместе с тем указывалось, что отсутствие подсчетов механического прироста с 1898 г. (после переписи населения 1897 г.) привело к чувствительной ошибке в данных о населении; далее отмечалось, что сведения полицейских управлений весьма сомнительны и неустойчивы, однако этот недостаток распространен по всей территории Российской империи. Показательной стала публикация в обзоре области за 1911 г. численности населения ниже, чем в прошлые годы, поскольку один из комитетов, подающих сведения для отчета губернатора, ежегодно завышал сведения на 1 000 человек [32. С. 184]. Проблемы учета механического движения населения указывались в обзорах Иркутской губернии за 1898 и 1899 гг. [33], в 1904 г. отдельно отмечалось, что передвижение населения по Сибирской и Забайкальской железным дорогам не учитывалось в общей численности населения губернии [34. С. 14]. В обзорах других губерний учет перемещения населения велся периодически: например, в обзоре Тобольской губернии за 1906 г. механический прирост не принимался во внимание при подсчете численности населения [35. С. 12], а в обзоре за 1912 г. в расчетах учитывалось и механическое движение населения, т.е. сведения можно рассматривать как более достоверные [36. С. 6–7]. Вместе с тем в ряде областей и губерний расчет переселенцев велся в целом по региону, без разделения на города и уезды (округа), что снижает ценность данных для истории городов. Так, в обзоре Амурской области за 1908 г. опубликована статистика по переселенцам за 10 лет [37. С. 24–25], в обзоре Приморской области за 1906 г. также приведены сведения о движении населения по области, но без отдельных данных по городам [38].

Следующим интересующим нас аспектом является состав городского населения. В обзорах он часто представлен несистемно, с различным уровнем детализации за разные годы. Например, обзоры Якутской губернии, Забайкальской области содержат сведения о населении отдельно по городам: по полу, национальному составу, вероисповеданию, сословному составу. В обзорах Приморской области публиковались не только сведения о сословном составе, в том числе отдельно по городам, но и данные о русских подданных, туземцах, представителях отдельных национальностей (корейцы, японцы, китайцы и пр.) [38]. Менее подробно сведения о населении представлены в обзорах Енисейской и Иркутской губерний. Например, по Енисейской губернии за рассматриваемый период информация о численности, сословном составе приводилась в целом по губернии, в том числе по общей численности городского населения, а статистика по отдельным городам отсутствует. В обзорах Амурской области информация о сословном составе населения по городам за 1897–1905 гг. отсутствует, но представлены данные по округам казачьего войска и крестьянским селениям. С 1905 по 1914 г. по области можно отследить динамику населения по сословиям. Таким образом, информация обзоров может рассматриваться как дополнительный источник сведений о составе населения в городах в связи с пробелами в данных за ряд лет.

Одним из показателей развития городов являются изменения в инфраструктуре. В обзорах губерний на постоянной основе публиковались данные о количестве лечебных учреждений в городах, численности медицинского персонала в них, о количестве благотворительных учреждений, учреждений культуры (музеев, театров, библиотек), что дает возможность составления динамических рядов по годам. В обзорах Амурской, Приморской областей, Тобольской губернии представлена информация о городской застройке: количестве жилых, казенных, религиозных строений. Материалы Амурской области позволяют составить динамические ряды за 1897–1914 гг., по остальным областям – с некоторыми интервалами (Тобольская губерния 1901, 1904–1905, 1911–1914 гг.; Приморская область 1900–1901, 1906–1914 гг.).

Сведения о сети учебных заведений, опубликованные в обзорах, позволяют проанализировать уровни вовлеченности населения в образовательный процесс, грамотности населения, а также профессиональной подготовки, сопоставить их с развитием других общественных процессов, в том числе в экономической сфере (промышленность, торговля). Однако обзоры губерний не дают такой информации для комплексного анализа динамики развития учебных заведений в городах Сибири, они представлены лишь по губерниям в целом. Исключением являются обзоры Якутской области.

В контексте изучения модернизационных процессов особый интерес представляют сведения об экономическом развитии городов, публиковавшиеся в обзорах губерний и областей Сибири. Так, систематически публиковались данные о городских доходах и расходах (исключением являются 1902–1903 гг. по Приморской области, а за 1904–1905 гг. данные по Приморской области не издавались в связи с военными действиями в ходе русско-японской войны).

Один из наиболее информативных разделов, периодически публиковавшихся в обзорах, посвящен промышленному развития и содержит подробные и унифицированные сведениями по следующим параметрам: отрасль производства, количество промышленных заведений (фабрик, заводов, ремесленных мастерских и т.д.), численность рабочих, объемы производства (оборот в руб.). При этом часто данные представлены по уездам и городам отдельно, но, к сожалению, не по всем губерниям. Например, в обзорах по Иркутской губернии сведения о промышленном развитии представлены только по г. Иркутску. Сведения о наличии и динамике промышленных предприятий в других городах Иркутской губернии были опубликованы в специальном издании «Города России» за 1904 и 1910 гг. [39, 40]. Тем не менее в одном из обзоров Иркутской губернии относительно сведений о фабриках и заводах указано, что это «более близкие к действительности сведения» [41. С. 34]. В обзорах Якутской губернии за 1896–1903 гг. также имеются пробелы в данных по промышленному развитию городов, когда приводятся общие сведения по губернии. В обзорах Забайкальской области за отдельные годы отсутствовала информация по некоторым городам, например, Баргузину или Троицкосавску. На рис. 1 отражена динамика количества промышленных заведений в городах Забайкальской области по материалам обзоров за 1897–1912 гг. Видно, что за 1899 г. сведения отсутствуют полностью по всем городам, за остальные годы их состав полный, что дает возможность воссоздать цельную картину развития промышленности в городах отдельной области.

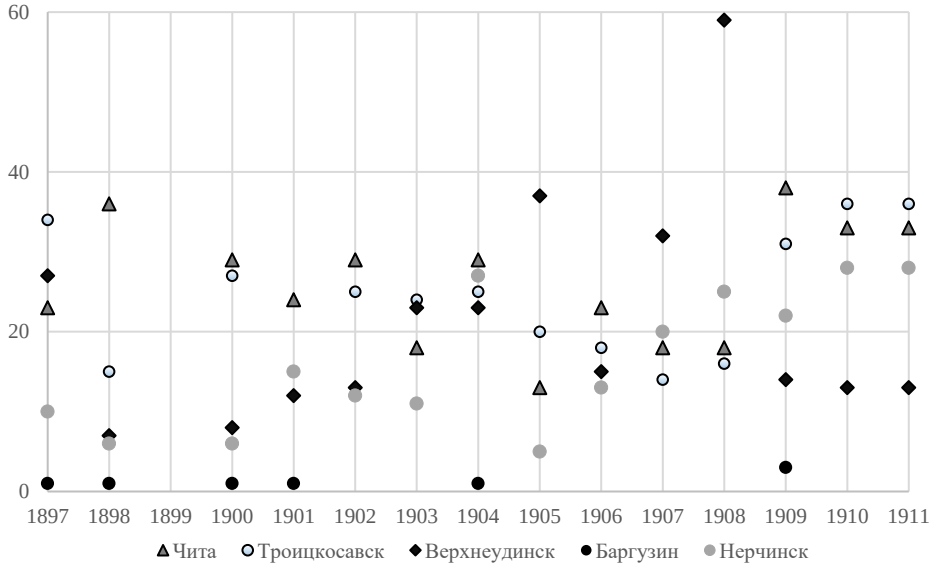

Рис. 1. Сведения о промышленных предприятиях в городах Забайкальской области по данным обзоров 1897-1914 гг. Источники: Обзор Забайкальской области за 1897 год. Чита, 1898. 243 с.; Обзор Забайкальской области за 1898 год. Чита, 1899. 68 с.; Обзор Забайкальской области за 1900 год. Чита, 1901. 167 с.; Обзор Забайкальской области за 1902 год. Чита, 1903. 205 с.; Обзор Забайкальской области за 1903 год. Чита, 1904. 219 с.; Обзор Забайкальской области за 1904 год. Чита, 1905. 193 с.; Обзор Забайкальской области за 1905 год. Чита, 1906. 174 с.; Обзор Забайкальской области за 1906 год. Чита, 1908. 179 с.; Обзор Забайкальской области за 1907 год. Чита, 1908. 183 с.; Обзор Забайкальской области за 1908 год. Чита, 1909. 162 с.; Обзор Забайкальской области за 1909 год. Чита, 1910. 211 с.; Обзор Забайкальской области за 1910 год. Чита, 1911. 170 с.; Обзор Забайкальской области за 1911 год. Чита, 1908. 183 с.

В целом информацию о промышленном развитии городов губерний и областей Сибири, представленную в обзорах, в большинстве случаев можно рассматривать как сопоставимую: данные можно сопоставить по годам, отраслям и городам. Кроме того, текстовая часть обзоров содержит описания и примеры развития промышленности в отдельных городах, информацию об их электрификации, установке паровых двигателей и пр.

Городская торговля в обзорах представлена выборочно и разрознено: по некоторым городам имеются данные о ярмарках (Верхнеудинск Забайкальской области), по другим – о выданных торговых свидетельствах (города Амурской области), по третьим – сумма торгового оборота (Томская губерния за 1908–1910 гг.) Наиболее систематические сведения представлены по городам Тобольской губернии (о количестве ярмарок), Якутской области (о выданных торговых свидетельствах, проводимых ярмарках и их оборотах) [30. С. 94–98]. Обзоры Иркутской губернии позволяют извлечь информацию о выдаче торговых свидетельств лишь по губернскому городу. Часто в описательной части обзоров упоминаются не все, а лишь наиболее крупные ярмарки, информация о выдаче торговых свидетельств представлена по губерниям в целом. Таким образом, весьма затруднительно составить погодичные динамические ряды, но в отдельных случаях можно составить интервальные. Например, по данным обзоров по Тобольской губернии можно сформировать динамический ряд по количеству ярмарок за 1897–1903 и 1906–1907 гг., что позволяет получить некоторый срез о ди-

намике развития ярмарочной сети в городах и губернии в целом. Кроме того, в обзорах некоторых губерний и областей публиковались сведения о внешней торговле. В частности, в обзорах Забайкальской области за все годы подробно представлены сведения по торговле с Китаем, что может служить отдельным направлением изучения [42. С. 59–60].

Таким образом, обзоры губерний Сибири обладают существенным информационным потенциалом, позволяют подойти к изучению городов комплексно, затрагивая различные направления их развития: бюджет, инфраструктуру, социальные учреждения, торговлю и промышленность. Однако информация разных разделов обзоров представлена неравнозначно и варьирует в зависимости от губернии и конкретного года. Можно отметить несколько причин такого положения дел. Например, разные программы сбора сведений приводили к неоднородности представления их в отчетах, как следствие, невозможности или сложности сравнения данных за длительные периоды времени. Это, в свою очередь, снижает информационную ценность обзоров как исторического источника, а в некоторых случаях затрудняет возможности выстраивания динамических рядов и проведения сопоставительных исследований.

Анализ сведений по городам позволяет сделать вывод, что наиболее полно представлена статистика по промышленному развитию. Причем эти данные позволяют проводить комплексный анализ отрасли по объемам промышленного производства, по отраслям, группам отраслей (перерабатывающая, пищевая, химическая и пр.), а также проследить динамику в масштабах города, групп городов: например, имелись ли отличия в динамике промышленного развития в малых, средних, крупных городах, оказывало ли это влияние на тенденции роста городов. Раздел о промышленности в обзорах представлен подробно и описательными статьями в основной части, и статистическими таблицами, что позволяет собрать как фактографический, так и статистический материал, провести хронологические и территориальные сравнения. Систематически публиковались данные и о городских бюджетах, социальной инфраструктуре (лечебных, благотворительных, культурных учреждениях). Менее системно представлены данные по учебным заведениям. Информация по торговому развитию городов представлена несистематизированно, даже в обзорах одной губернии в разные годы параметры изменяются (торговый оборот, количество ярмарок, информация по отдельным торговым заведениям, например питейным). Лишь за отдельные годы по ряду городов удается сопоставить информацию и представить интервальные динамические ряды. Вместе с тем, например, в обзорах Амурской области представлены фамилии купцов, владеющих торговыми домами, т.е. такие подробные сведения, которых нет в других источниках [43. С. 9–10].

Общая критика источника в части статистических данных о населении подтверждается и обзорами губерний Сибири. В некоторых из них имеется прямое указание на недостоверность сведений о численности населения: разные подсчеты, неидентичные методики сбора, недоучет механического прироста населения, учет / не учет в общей численности города населения пригородов [44. С. 63–64]. Собрать данные о структуре городского населения по обзорам также представляется трудной задачей. Например, они не представлены по городам Иркутской, Енисейской губерний, частично представлены по городам Амурской области, Томской губернии. В целом сведения обзоров позволяют сравнивать численный и сословный состав населения отдельных городов, выстраивать интервальные, а в некоторых случаях – погодичные динамические ряды.

Таким образом, обзоры губерний и областей Сибири как исторический источник обладают рядом преимуществ и информационной ценностью. Однако для того, чтобы рассматривать обзоры в качестве основного источника данных по истории городов Сибири, необходимы тщательный анализ и критика, сопоставление сведений, выявление информационного потенциала каждого конкретного источника и комплекса в целом. Несмотря на выявленные недостатки, обзоры порой содержат ценные сведения, которые трудно обнаружить в других источниках. Некоторые разделы с наиболее полной и структурированной информацией могут служить основными источниками статистических данных.

Список источников

1. Дятлова Н.П. Отчеты губернатора как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения : Материалы науч. конф. архивистов Ленинграда. Л. : Наука, 1964. С. 227–246.
2. Щеглова Т.К. Территориальное развитие торговой инфраструктуры Западной Сибири и Степного края в период капиталистической модернизации: традиции и новации в размещении ярмарок в начале XX века // Сибирь капиталистическая. URL: https://sibistorik.ru/project/modern/024.html (дата обращения: 22.02.2024).
3. Бронников А.А. Теория модернизации в постсоветской историографии Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 317. С. 90–93.
4. Побережников И.В. Акторы российской имперской модернизации: постановка проблемы // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. : XII Всерос. науч. конф., посвященная 90-летию Заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора Александра Васильевича Бакунина, Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г. : материалы : в 2 т. Екатеринбург : УрФУ, 2014. Т. 1. С. 31–41.
5. Ковальченко И.Д. Динамика уровня земледельческого производства в России первой половины XIX в. // История СССР. 1959. № 1. С. 53–86.
6. Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2016. № 2. С. 5–24.
7. Раздорский А.И. Обзоры губерний, областей и градоначальств Российской империи (приложения к всеподданнейшим отчетам губернаторов, начальников областей и градоначальников). 1870–1916 : сводный каталог. СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. 220 с.
8. Раздорский А.И. Обзоры Орловской губернии за 1879–1915 гг. // Пятые Денисьевские чтения : материалы межрег. науч.-практ. конф. по проблемам истории, теории и практики библиотеч. дела, библиотековедения, библиографоведения и книговедения. Орел : Александр Воробьев, 2008. С. 212–219.

9. Скопа В.А. Обзоры как инструмент для изучения региона: механизм формирования сведений (по материалам Степного края последней трети XIX-начала XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 5. С. 150–153.
10. Баринова А.С. Всеподданнейшие отчеты Костромского губернатора как исторический источник // Сапоговские штудии – 2019. Актуальные вопросы гуманитарного знания. Кострома : Костромской гос. ун-т, 2019. Вып. 4. С. 49–51.
11. Еремин А.А. Обзоры областей центральноазиатских окраин Российской империи как источник информации о населении конца XIX – начала XX в. (на примере Акмолинской области) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 90–103.
12. Бочкарева И.Б., Еремин А.А. Урбанизационные процессы в Степном крае и Туркестане (конец XIX – начало XX вв.) // Журнал фронтирных исследований. 2022. № 1. С. 74–93.
13. Рыгалова М.В. Обзоры областей Российской империи как источник по истории образования (на примере областей Степного края и Туркестана) // Известия Алтайского государственного университета. 2021. № 2. С. 66–70.
14. Власова А.И. Характеристика медико-санитарной службы Акмолинской области Степного края в 70-е гг. XIX в. – начале XX в. (по статистическим обзорам области за 1870–1915 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № 3. С. 25–30.
15. Кискидосова Т.А. Губернаторские годовые отчеты как источник по изучению городского населения Восточной Сибири в 1850–1880-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 50–53.
16. Архипова А.И. Якутская область в общеимперском пространстве (по материалам всеподданнейших отчетов губернаторов (конец XIX – начало XX вв.) // История и историки в контексте времени. 2011. № 8. С. 151–163.
17. Пономарева Е.Л. Всеподданнейшие отчеты генерал-губернаторов как источник по истории Восточной Сибири // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4/1. С. 112–115.
18. Рутц М.Г. Торгово-промышленное развитие и население городов Западной Сибири первой половины XIX века : автореф. дис. … канд. ист. наук, Барнаул, 2003. 24 с.
19. Злотникова С.Г. Информационная ценность статистических обзоров Енисейской губернии в историческом исследовании (1884–1915) // Документальное наследие и историческая наука : материалы Уральского историко-архивного форума, посвящ. 50-летию историко-архивной специальности в Уральском университете (Екатеринбург, 11–12 сентября 2020 г.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 590–595.
20. Гермизеева В.В. Годовые отчеты генерал-губернаторов и губернаторов конца XIX – начала XX вв.: еще раз к вопросу о достоверности источника // Новое прошлое. 2021. № 1. С. 236–245.
21. Ивонин А.Р. Западносибирский город последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. в системе региональных социально-экономических отношений : дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2000. 830 с.
22. Маджаров А.С., Пономарева Е.Л. Социальная история Сибири 50–80-х гг. XIX в. в материалах всеподданнейших отчетов генерал-губернаторов // Известия Иркутского государственного университета. 2015. Т. 14. С. 6–17.
23. Рыгалова М.В., Брюханова Е.А. Статистические источники по истории городов Сибири второй половины XIX – начала XX в.: источниковедческий анализ и критика данных // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 72. С. 152–159.
24. Зайцев М.В. Основные статистические источники для изучения развития российского города в XIX веке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 11–18.
25. Матханова Н.П., Родигина Н.Н. Всеподданнейшие отчеты как источник для изучения представлений сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX столетия о регионе // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 1. С. 45–51.
26. Рыгалова М.В. Влияние модернизационных преобразований на развитие системы образования Степного края и Туркестана в 1880–1910-е гг. // Журнал фронтирных исследований. 2022. № 1. С. 229–246.
27. Государственная публичная историческая библиотека. URL: http://www.shpl.ru/ (дата обращения: 17.02.2024).
28. Томская электронная библиотека. URL: https://www.elib.tomsk.ru/ (дата обращения: 17.02.2024).
29. Национальная электронная библиотека. URL: https://rusneb.ru (дата обращения: 17.02.2024).
30. Обзор Тобольской губернии за 1897 год : приложение к Всеподданнейшему отчету. Тобольск : Губ. стат. ком., 1897. 98 с.
31. Статистический обзор Енисейской губернии за 1898 год. Красноярск : Тип. Енисейского обл. правления, 1900. 92 с.
32. Обзор Якутской губернии за 1911 год : приложение к Всеподданнейшему докладу Якутского губернатора. Якутск : Тип. обл. правления, 1913. 204 с.
33. Обзор Иркутской губернии за 1899 год. Иркутск : Губернская тип., 1900. 80 с.
34. Обзор Иркутской губернии за 1904 год. Иркутск : Губернская тип., 1905. 79 с.
35. Обзор Тобольской губернии за 1906 год. Тобольск : Тип. губернского управления, 1907. 88 с.
36. Обзор Тобольской губернии за 1912 год. Тобольск : Тип. губернского управления, 1907. 132 с.
37. Обзор Амурской области за 1908 год. Благовещенск : Амурский обл. стат. ком., 1910. 92 с.
38. Обзор Приморской области за 1906 год : приложение к Всеподданнейшему отчету. Владивосток : Тип. Приморского обл. правления, 1907. 177 с.
39. Города России в 1904 году. СПб. : Типо-лит. Ныркина, 1906. 907 с.
40. Города России в 1910 году. СПб. : Типо-лит. Ныркина, 1914. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003981466/?ysclid=lsq6qpwsh9302951973 (дата обращения: 17.02.2024).
41. Обзор Иркутской губернии за 1914 год. Иркутск : Губернская тип., 1916. 122 с.
42. Обзор Забайкальской области за 1903 год. Чита : Тип. Забайкальского областного правления, 1904. 208 с.
43. Обзор Амурской области за 1889 год. Благовещенск : Амурский обл. стат. ком., 1890. 63 с.
44. Брюханова Е.А., Иванова Н.П. Численность городского населения Сибири 1897–1917 гг.: компаративный анализ статистических источников // Актуальные проблемы источниковедения : материалы VII Междунар. науч.-практ.й конф., Витебск, 27–29 апреля 2023 г. Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. Т. 2. С. 62–64.

References

1. Dyatlova, N.P. (1964) Otchety gubernatora kak istoricheskiy istochnik [Governor's reports as a historical source]. *Problemy arkhivovedeniya i istochnikovedeniya* [Problems of Archival Science and Source Study]. Proc. of the Conference. Leningrad: Nauka. pp. 227–246.
2. Shcheglova, T.K. (n.d.) *Territorial'noe razvitie torgovoy infrastruktury Zapadnoy Sibiri i Stepnogo kraya v period kapitalisticheskoy modernizatsii: traditsii i novatsii v razmeshchenii yarmarok v nachale XX veka* [Territorial development of the trade infrastructure of Western Siberia and the Steppe Region during the period of capitalist modernization: Traditions and innovations in the placement of fairs in the early 20th century]. [Online] Available from: https://sibistorik.ru/project/ modern/024.html (Accessed: 22nd February 2024).
3. Bronnikov, A.A. (2008) Teoriya modernizatsii v postsovetskoy istoriografii Sibiri [Theory of modernization in the post-Soviet historiography of Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 317. pp. 90–93.
4. Poberezhnikov, I.V. (2014) Aktory rossiyskoy imperskoy modernizatsii: postanovka problemy [Actors of Russian imperial modernization: Problem statement]. In: Rukosuev, E.Yu. (ed.) *Ural industrial'nyy. Bakuninskie chteniya. Industrial'naya modernizatsiya Urala v XVIII–XXI vv.* [Industrial Ural. The Bakunin Readings. Industrial modernization of the Urals in the 18th–21st centuries]. Vol. 1. Ekaterinburg: UrFU. pp. 31–41.
5. Kovalchenko, I.D. (1959) Dinamika urovnya zemledel'cheskogo proizvodstva v Rossii pervoy poloviny XIX v. [Dynamics of the level of agricultural production in Russia in the first half of the 19th century]. *Istoriya SSSR*. 1. pp. 53–86.

6. Minakov, A.S. (2016) Vsepoddanneyshie otchety gubernatorov Rossiyskoy imperii: sovremennye problemy istoriografii [Most humble reports of the governors of the Russian Empire: Modern problems of historiography]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region*. 2. pp. 5–24.
7. Razdorskiy, A.I. (2011) *Obzory guberniy, oblastey i gradonachal'stv Rossiyskoy imperii (prilozheniya k vsepoddanneyshim otchetam gubernatorov, nachal'nikov oblastey i gradonachal'nikov). 1870–1916: svodnyy katalog* [Reviews of the provinces, regions, and city administrations of the Russian Empire (appendices to the humblest reports of the governors, heads of regions, and city mayors). 1870–1916: a compiled catalog]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
8. Razdorskiy, A.I. (2008) Obzory Orlovskoy gubernii za 1879–1915 gg. [Reviews of the Oryol Province for 1879–1915]. *Pyatye Denis'evskie chteniya* [The Fifth Denisyev Readings]. Proc. of the Conference. Orel: Aleksandr Vorob'ev. pp. 212–219.
9. Skopa, V.A. (2018) Obzory kak instrument dlya izucheniya regiona: mekhanizm formirovaniya svedeniy (po materialam Stepnogo kraya posledney treti XIX – nachala XX v.) [Reviews as a Tool for Studying a Region: a Mechanism for Generating Information (Based on the Materials of the Steppe Region in the Last Third of the 19th – Early 20th Centuries)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5. pp. 150–153.
10. Barinova, A.S. (2019) Vsepoddanneyshie otchety Kostromskogo gubernatora kak istoricheskiy istochnik [The Most Humble Reports of the Kostroma Governor as a Historical Source]. *Sapogovskie shtudii – 2019. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniya*. 4. pp. 49–51.
11. Eremin, A.A. (2022) Obzory oblastey tsentral'noaziatskikh okrain Rossiyskoy imperii kak istochnik informatsii o naselenii kontsa XIX – nachala XX v. (na primere Akmolinskoy oblasti) [Reviews of the Regions of the Central Asian Outskirts of the Russian Empire as a Source of Information on the Population of the Late 19th – Early 20th Centuries (Using the Akmola Region as an Example)]. *Narody i religii Evrazii*. 27(1). pp. 90–103.
12. Bochkareva, I.B. & Eremin, A.A. (2022) Urbanizatsionnye protsessy v Stepnom krae i Turkestane (konets XIX – nachalo XX vv.) [Urbanization processes in the Steppe Region and Turkestan (late 19th – early 20th centuries)]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. 1. pp. 74–93.
13. Rygalova, M.V. (2021) Obzory oblastey Rossiyskoy imperii kak istochnik po istorii obrazovaniya (na primere oblastey Stepnogo kraya i Turkestana) [Reviews of the regions of the Russian Empire as a source on the history of education (a case study of the Steppe Region and Turkestan)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 66–70.
14. Vlasova, A.I. (2020) Kharakteristika mediko-sanitarnoy sluzhby Akmolinskoy oblasti Stepnogo kraya v 70-e gg. XIX v. – nachale XX v. (po statisticheskim obzoram oblasti za 1870–1915 gg.) [Characteristics of the medical and sanitary service of the Akmola region of the Steppe Krai in the 1870s – early 20th century (based on statistical reviews of the region for 1870–1915)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 25–30.
15. Kiskidosova, T.A. (2016) Governor's annual reports as a source for the research of the urban population of Eastern Siberia in the 1850s – 1880s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 412. pp. 50–53. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/412/8
16. Arkhipova, A.I. (2011) Yakutskaya oblast' v obshcheimperskom prostranstve (po materialam vsepoddanneyshikh otchetov gubernatorov (konets XIX – nachalo XX vv.) [The Yakutsk region in the pan-imperial space (based on the materials of the most humble reports of governors (late 19th – early 20th centuries)]. *Istoriya i istoriki v kontekste vremeni*. 8. pp. 151–163.
17. Ponomareva, E.L. (2008) Vsepoddanneyshie otchety general-gubernatorov kak istochnik po istorii Vostochnoy Sibiri [The most humble reports of governors-general as a source on the history of Eastern Siberia]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4/1. pp. 112–115.
18. Rutts, M.G. (2003) *Torgovo-promyshlennoe razvitie i naselenie gorodov Zapadnoy Sibiri pervoy poloviny XIX veka* [Trade and industrial development and the population of the cities of Western Siberia in the first half of the 19th century]. Abstract of History Cand. Diss. Barnaul.
19. Zlotnikova, S.G. (2020) Informatsionnaya tsennost' statisticheskikh obzorov Eniseyskoy gubernii v istoricheskom issledovanii (1884–1915) [Information value of statistical reviews of the Yenisei province in historical research (1884–1915)]. *Dokumental'noe nasledie i istoricheskaya nauka* [Documentary Heritage and Historical Science]. Proc. of the Conference. Ekaterinburg, September 11–12, 2020. Ekaterinburg: Ural Federal University. pp. 590–595.
20. Germizeeva, V.V. (2021) Godovye otchety general-gubernatorov i gubernatorov kontsa XIX – nachala XX vv.: eshche raz k voprosu o dostovernosti istochnika [Annual reports of governors-general and governors of the late 19th – early 20th centuries: Source reliability reviewed]. *Novoe proshloe*. 1. pp. 236–245.
21. Ivonin, A.R. (2000) *Zapadnosibirskiy gorod posledney chetverti XVIII – 60-kh gg. XIX v. v sisteme regional'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh otnosheniy* [West Siberian city of the last quarter of the 18th – 1860s in the system of regional socio-economic relations]. History Dr. Diss. Barnaul.
22. Madzharov, A.S. & Ponomareva, E.L. (2015) Sotsial'naya istoriya Sibiri 50–80-kh gg. XIX v. v materialakh vsepoddanneyshikh otchetov general-gubernatorov [Social history of Siberia in the 1850s–1880s in the materials of the humblest reports of the governors-general]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. 14. pp. 6–17.
23. Rygalova, M.V. & Bryukhanova, E.A. (2021) The statistical sources on the history of the Siberian cities at the second half of the XIX - XX centuries: historiographic analysis and criticism of data. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 72. pp. 152–159. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/72/22
24. Zaytsev, M.V. (2015) Osnovnye statisticheskie istochniki dlya izucheniya razvitiya rossiyskogo goroda v XIX veke [Main statistical sources for studying the development of the Russian city in the 19th century]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 15(3). pp. 11–18.
25. Matkhanova, N.P. & Rodigina, N.N. (2019) Vsepoddanneyshie otchety kak istochnik dlya izucheniya predstavleniy sibirskikh general-gubernatorov vtoroy poloviny XIX stoletiya o regione [The humblest reports as a source for studying the ideas of the Siberian governors-general of the second half of the 19th century about the region]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 26(1). pp. 45–51.
26. Rygalova, M.V. (2022) Vliyanie modernizatsionnykh preobrazovaniy na razvitie sistemy obrazovaniya Stepnogo kraya i Turkestana v 1880–1910-e gg. [The Impact of Modernization Transformations on the Development of the Education System of the Steppe Region and Turkestan in the 1880s–1910s]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. 1. pp. 229–246.
27. The State Public Historical Library. [Online] Available from: http://www.shpl.ru/ (Accessed: 17th February 2024).
28. The Tomsk Electronic Library. [Online] Available from: https://www.elib.tomsk.ru/ (Accessed: 17th February 2024).
29. The National Electronic Library. [Online] Available from: https://rusneb.ru (Accessed: 17th February 2024).
30. Russia. (1897) *Obzor Tobol'skoy gubernii za 1897 god: prilozhenie k Vsepoddanneyshemu otchetu* [Review of Tobolsk Province for 1897: Supplement to the Most Humble Report]. Tobolsk: Gub. stat. kom.
31. Russia. (1900a) *Statisticheskiy obzor Eniseyskoy gubernii za 1898 god* [Statistical Review of Yenisei Province for 1898]. Krasnoyarsk: Tip. Eniseyskogo obl. Pravleniya.
32. Russia. (1913) *Obzor Yakutskoy gubernii za 1911 god: prilozhenie k Vsepoddanneyshemu dokladu Yakutskogo gubernatora* [Review of Yakutsk Province for 1911: Supplement to the Most Humble Report of the Yakutsk Governor]. Yakutsk: Tip. obl. pravleniya.
33. Russia. (1900b) *Obzor Irkutskoy gubernii za 1899 god* [Review of Irkutsk Province for 1899]. Irkutsk: Gubernskaya tip.
34. Russia. (1905) *Obzor Irkutskoy gubernii za 1904 god* [Review of Irkutsk Province for 1904]. Irkutsk: Gubernskaya tip.
35. Russia. (1907a) *Obzor Tobol'skoy gubernii za 1906 god* [Review of Tobolsk Province for 1906]. Tobolsk: Tip. gubernskogo upravleniya.
36. Russia. (1907b) *Obzor Tobol'skoy gubernii za 1912 god* [Review of Tobolsk Province for 1912]. Tobolsk: Tip. gubernskogo upravleniya.
37. Russia. (1910) *Obzor Amurskoy oblasti za 1908 god* [Review of Amur Region for 1908]. Blagoveshchensk: Amur Regional Committee of Statistics.
38. Russia. (1907c) *Obzor Primorskoy oblasti za 1906 god: prilozhenie k Vsepoddanneyshemu otchetu* [Review of Primorsky Region for 1906: Supplement to the Most Humble Report]. Vladivostok: Tip. Primorskogo obl. pravleniya.
39. Russia. (1906) *Goroda Rossii v 1904 godu* [Cities of Russia in 1904]. St. Petersburg: Tipo-lit. Nyrkina.

40. Russia. (1914) *Goroda Rossii v 1910 godu* [Cities of Russia in 1910]. St. Petersburg: Tipo-lit. Nyrkina. [Online] Available from: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003981466/?ysclid=lsq6qpwsh 9302951973 (Accessed: 17th February 2024).
41. Russia. (1916) *Obzor Irkutskoy gubernii za 1914 god* [Review of Irkutsk Province for 1914]. Irkutsk: Gubernskaya tip.
42. Russia. (1904) *Obzor Zabaykal'skoy oblasti za 1903 god* [Review of Transbaikal Region for 1903]. Chita: Tip. Zabaykal'skogo oblastnogo pravleniya.
43. Russia. (1890) *Obzor Amurskoy oblasti za 1889 god* [Review of Amur Region for 1889]. Blagoveshchensk: Amur Regional Committee of Statistics.
44. Bryukhanova, E.A. & Ivanova, N.P. (2023) Chislennost' gorodskogo naseleniya Sibiri 1897–1917 gg.: komparativnyy analiz statisticheskikh istochnikov [The urban population of Siberia in 1897–1917: a comparative analysis of statistical sources]. *Aktual'nye problemy istochnikovedeniya* [Topical Problems of Source Studies]. Proc. of the Seventh International Conference. Vitebsk, April 27–29, 2023. Vol. 2. Vitebsk: VSU. pp. 62–64.

***Сведения об авторах*:**
Рыгалова Мария Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социологии Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова; научный сотрудник отдела сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: mariya_rygalova@mail.ru
Брюханова Елена Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: brelenochka@mail.ru
Иванова Наталья Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: ivanovanp@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Rygalova Maria V. – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Department of Philosophy and Sociology, Polzunov Altai State Technical University; Researcher at the Research and Development Support Department, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: mariya_rygalova@mail.ru
Elena A. Bryukhanova – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Department of Russian History, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: elena@hist.asu.ru.
Natalia P. Ivanova – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Department of Russian History, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: ivanovanp@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.03.2024; принята к публикации 12.09.2024

The article was submitted 06.03.2024; accepted for publication 12.09.2024

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Научная статья
УДК 9.93/94
doi: 10.17223/19988613/91/20

Религиозный синкретизм алтайских обрядов почитания лечебных источников (на примере Бугузунского аржана)

Людмила Ивановна Шерстова

Томский государственный университет, Томск, Россия, Sherstova58@mail.ru

Аннотация. Ставится проблема сохранения и развития этнической культуры в современном мире. На примере рассмотрения и анализа полевых материалов о почитании лечебных источников в Горном Алтае делается вывод об устойчивости этнической культуры алтайцев благодаря ее развитию путем синкретизации с другими верованиями и культами.
Ключевые слова: Горный Алтай, Бугузунский аржан, этническая культура, алтайцы, религиозный синкретизм

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

Для цитирования: Шерстова Л.И. Религиозный синкретизм алтайских обрядов почитания лечебных источников (на примере Бугузунского аржана) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 171–177. doi: 10.17223/19988613/91/20

Original article

Religious syncretism of Altai medicinal springs veneration rites (with the example of Buguzun Arzhan)

Liudmila I. Sherstova

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Sherstova58@mail.ru

Abstract. Special veneration of sacred springs - arzhans, the water of which is assumed to have healing powers is widespread and popular in modern culture of Altai people. In August 2018, together with the family of my old and good friends, I visited this Buguzun Arzhan, which is located in the Kosh-Agach district of the Altai Republic.

Field materials on rites of honoring the healing springs of the Altai Mountains (collected by the author over forty years from 1978 to 2018), it turned out that *fire*, *archyn*, *kyry*, and milk are still needed to carry out the rituals to offer refreshments to the Master of Altai - *Altaidyn eezi* and the Mistress of Arzhan - *Arzhan eezi*. The contact between the profane and sacred world becomes possible due to the ritual. The place of the ritual (san salary) is limited by altars - *tagyls* and *san* - two poles with a stretched rope, with ribbons tied on it - both *yalama* (pre-shamanic and shamanic tradition) and *kyira* (an element of Burkhanism).

The article describes the structure of conducting ritual complexes both at a sacred place and at the streams of a healing spring. One ritual can combine elements of pre-shamanic, shamanic, Burkhanist, Buddhist and even Christian features. Even and odd, *kyira* and *yalama*, fumigation and washing, whole objects and their fragments, words spoken out loud and spoken mentally, etc. exist on an equal basis.

It is concluded that the synthesis of pre-shamanic and Burkhanist ideas, which was part of the Altai worldview of western and central Altai people in the Soviet period, took on a general Altai character and became part of the modern ethnic culture of the majority of Altai people. Forming of a fairly unified modern Altai ritual erased the most significant differences in the ideas and religious actions of the population of different regions of the Altai Mountains. It was associated with the strengthening of the pan-Altai ethnic identity, reinforced by the creation of the Altai Republic.
Keywords: Mountain Altai, Buguzun Arzhan, ethnic culture, Altai peoples, religious syncretism

Acknowledgements: The study was carried out under the support of the Tomsk State University Development Program (Priority-2030).

For citation: Sherstova, L.I. (2024) Religious syncretism of Altai medicinal springs veneration rites (with the example of Buguzun Arzhan). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 91. pp. 171–177. doi: 10.17223/19988613/91/20

© Л.И. Шерстова, 2024

Серьезные социально-экономические и политические трансформации российского государства и общества на рубеже XX–XXI вв. ускорили этнокультурные процессы, придав им порой неожиданные очертания и проявления. Распад СССР, сопровождавшийся размыванием советской идентичности его народов и последующим отказом от нее, актуализировал поиск новых идентичностей, которыми в силу политической слабости бывших союзных республик и их автономий стали этнические маркеры. Однако уже в начале XXI в. усилились глобализационные процессы, несшие в своей основе отказ от национальной государственности, национальной экономики, национальной культуры и т.п., что в отечественной этнографической науке выразилось в отказе от ее достижений, в частности от теории этноса, и подмене этнологии – науки о народах, их культурной специфике, антропологией, т.е. наукой об общих, универсальных характеристиках, неких абстрактных, «унифицированных» общностях.

По своей сути глобализация, предложенная западной цивилизацией, была продолжением ее колониальной политики по отношению к другим цивилизациям, так как сопровождалась не просто унификацией культур, а их разрушением и насаждением своих ценностей. И чтобы это было сделать проще, шел процесс дискредитации неевропейских культур и национальных научных традиций. Однако еще в 1970-е гг. советские этнографы отмечали, что распространение советских культурных новаций, определенная унификация материальной культуры народов СССР приводили к тому, что этнокультурная специфика все больше сосредоточивалась в духовной сфере, укрепляя этническое самосознание этих народов, что столь ярко, а порой агрессивно проявилось при распаде единого государства стремлением к созданию моноэтничных постсоветских национальных государств. Конец XX в. прошел под знаменем «парада суверенитетов».

Исходя из этого, следовало ожидать, что достаточно агрессивная глобализация начала XXI в. должна была со временем вызвать прямо противоположные исторические тенденции, направленные на стремление сохранения народами своего этнокультурного разнообразия. И действительно, исторический маятник качнулся в сторону осознания значительной частью населения планеты своих культурных ценностей и стремления их сохранить.

Проблема соотношения универсального и особенного в развитии культур и цивилизаций предельно обострилась, и в общем это отражало ту философскую максиму, которая была известна с древности: действие равно противодействию. Чем мощнее глобализация унифицировала национальные признаки, тем мощнее становилась реакция на их сохранение, что в политическом плане выразилось в борьбе за государственный суверенитет.

Вот так довольно упрощенно выглядит исторический контекст, в рамках которого протекали этнокультурные процессы уже в Российском государстве. Понимание этого контекста важно еще и потому, что перед этнографами возникла уникальная ситуация, когда можно было наблюдать разрушение прежних (советских) культурных ценностей, актуализацию элементов достаточно деградированной традиционной культуры, видеть, как в новых постсоветских исторических условиях начался процесс их сплетения, взаимодействия, когда возникало множество вариантов семейной, календарной обрядности, новых культурных картин мира, как формировались новые идентичности, как некоторые из них распространялись и постепенно закреплялись, становясь общепринятыми данной общностью, и наоборот – как другие культурные модели, часто возникшие в результате конструирования, уходили вместе с их создателями.

Развитие в постсоветский период отражало базовую научную закономерность, сформулированную отечественной этнологией: этнос является создателем культуры, но культура формирует этнос. При этом новация может иметь различное происхождение – она может быть актуализацией полузабытого элемента традиционной культуры, культурным заимствованием либо результатом сознательного конструирования некоего нового культурного компонента. Решающим фактором ее закрепления в картине мира данного народа становится то, насколько она совместится с хотя и с разрушенной, но все же сохранившей отдельные черты традицией, т.е. с историческим опытом конкретного народа, насколько будет близка и понятна основной части общества. Действительно, при поддержке мощной дискредитации всего прошлого, под политическим прессингом народ может принять и конструкт, ничего общего не имеющий с исторической судьбой и культурным кодом данного народа, но после исчезновения внешних факторов существование таких конструктов недолговечно. Между новацией и традицией существует тонкая, но весьма прочная связь – развитие культуры любого народа идет путем адаптации и включения новаций в свой коллективный опыт; так формируется культура этноса, связанная с каким-то этапом его существования. Однако для превращения новации в традицию важно, чтобы она не просто закрепилась на какое-то время, а совместилась с привычными образами, представлениями, действиями, была воспринята последующими поколения. Именно тогда она становится традицией, т.е. частью этнической культуры [1. С. 174–178].

Этот небольшой теоретический экскурс важен, так как он создает понимание исторического контекста тех культурных трансформаций, которые на протяжении последних сорока лет прошли народы России и ее части – Сибири. В этой связи научно значимым представляется на примере развития современной культуры одного из сибирских народов – алтайцев – выявить механизмы возрождения традиций, проследить дальнейший процесс синкретизации дошаманских, шаманских и бурханистских представлений и обрядности, приведших к современному функционированию достаточно яркой и целостной алтайской этнической культуры, которая приобретает унифицированный характер и воспринимается большинством коренного населения как базовая основа этнокультурной идентичности, что, безусловно, не исключает некоторых своеобразных культурных особенностей в различных регионах Горного Алтая.

Одним из распространенных и актуализированных в современной культуре алтайцев феноменов является особое почитание священных источников – *аржанов,* вода в которых наделяется лечебной силой. Многие жители республики независимо от своей национальной принадлежности признают их целительную силу. Слава о некоторых из них, например о Бугузунском аржане, вышла за пределы региона. В августе 2018 г. вместе с семьей моих давних и хороших друзей я посетила этот аржан. Он находится в Кош-Агачском районе, вообще славящимся своими аржанами, на высоте 2 600 м, немного в стороне от грунтовой дороги, идущей из с. Кокоря в Туву. Это всхолмленная местность с широкими долинами, в основном покрытыми горностепной растительностью. Аржан несколькими потоками стекает в долину с пологого склона горы; таким образом, у ее подножия образуется целая сеть ручьев, как мелких, теряющихся в кустарниках, так и мощных потоков, заключенных в трубы для обливания. У подножия горы благодаря сельской администрации с. Кокоря построено несколько домиков для посетителей аржана. Учитывая, что на такой высоте даже летом достаточно прохладно, особенно ночью, в некоторых из их установлены печки-буржуйки. Интерьер таких домиков очень прост: печь, широкие нары, столик и несколько стульев. Но этого вполне достаточно, так как весь день посетители аржана проводят за пределами жилищ, осуществляя поклонения Хозяйке аржана и обходя многочисленные ручьи, каждый из которых облегчает конкретные болезни, беря из них воду. Они омываются ею либо в импровизированной купальне обливаются мощной ледяной струей аржана, веря в силу целебной воды [2].

Считается, что Хозяйкой Бугузунского аржана является молодая красивая женщина, которая живет в гроте или небольшой пещере на вершине горы, откуда стекают лечебные воды. Есть люди, которые поднимались, чтобы у ее жилища отблагодарить ее, но она относится к этому неодобрительно, заявляя, что уже и так отдала все людям в виде множества ручейков – аржанов, стекающих со склона, целительную силу которых люди получают у подножия горы. Иногда Хозяйка аржана может сама явиться посетителям, но это бывает крайне редко. Однако имеются сведения, что она может показаться человеку, трижды совершившему посещение источника. Он должен перед отъездом посетить ее жилище и поблагодарить хозяйку [3. С. 201].

Территория, где находится аржан и живет его Хозяйка, считается священной, – здесь нельзя шуметь, выражать какие-то отрицательные эмоции, бегать, пить спиртное, рвать растения и собирать камни. Ничего нельзя уносить отсюда, так как все, за чем приехали люди, они получают в виде лечения целебными водами, нельзя охотиться или рыбачить. Но такое же поведение предписывается и людям, посещающим священные горы, которые также имеют своих хозяев в образе как женщины, так и мужчины.

Такое почитание аржана свидетельствует о наложении двух важнейших культов: культа гор и культа воды, уходящих своими истоками в древнетюркское время. Таким образом, почитание Бугузунского аржана воплотило в себе синтез двух древнейших и наиболее устойчивых обрядовых действий традиционной культуры алтайцев – поклонения горам (*Таг-эзи*) и воде (*Jер-суу*).

Следует отметить, что посещению аржанов предшествует подготовительный период: необходимо запастить определенными аксессуарами, обязательными во время обряда поклонения, – это ветки *арчына* (один из видов можжевельника), а также ткань белого, синего или желтого цвета, не бывавшая в употреблении, которую уже во время обряда никогда не разрезают ножницами на ленты, ее можно только рвать, причем только вдоль куска ткани, но никогда – поперек, что имеет важное семантическое значение (отсюда одно из названий таких священных лент – *кыйра*). Для людей, по каким-то причинам приехавшим на Бузузунский аржан без *арчына*, в одном из домиков имелась достаточно большая его ветка, от которой можно было, совершив особый обряд, отломить несколько маленьких веточек [2].

Необходимо также перед поездкой запастись жертвенной пищей – угощением, прежде всего для Хозяина Алтая – *Алтайдын ээзи*. Важно отметить, что любое обращение к сакральным силам, любая просьба в картине мира алтайцев обязательно начинается с благопожелания (*алкыш*) ему. Такие же продукты преподносятся и Хозяйке аржана – *Аржан ээзи.* Это молоко – *сют*, твердый сыр – *курут*, мягкий сыр – *пыштак*, масло – *сарjу,* пресные лепешки – *терпек,* хлеб – *калаш*, чай [3. С. 199].

Не менее важным считается и то, что человек, приехавший на *аржан,* должен быть ритуально чистым; это означает, что если в его семье были умершие или он участвовал в похоронах, то он может посетить аржан только спустя год. Женщинам также ограничено право посещать аржан в определенные дни месяца. Кроме того, после посещения аржана необходимо было соблюдать определенные запреты: нельзя было в течение 4 или 6 дней никуда ездить, что-либо давать из дома и т.д. Система охранительных запретов алтайской повседневной культуре называлась *бай держать* [4]. Посещение любого аржана, совершение семейных, календарных праздников, начало какого-то дела, например строительства дома, в алтайской культуре обязательно соотносится с лунным календарем – это можно делать только на «новую луну». Это самое благоприятное время и для поездок. Посещение Бугузунского аржана рекомендуется проводить в июле-августе с 3-го по 15-й день лунного календаря.

При сравнении подготовки аксессуаров к обряду почитания *Аржан ээзи* в 2018 г. и полевых материалов 1970–1980-х гг. важно отметить, что их набор и смысловое содержание на протяжении почти сорока лет фактически не изменились. Однако тот синтез дошаманских и бурханистских представлений, который был частью алтайской картины мира советского периода преимущественно западного и центрального Алтая, принял общеалтайский характер и стал частью современной этнической культуры большинства алтайцев.

Большое распространение в бурханизме XX в. получила видоизмененная шаманская *ялама*. Этот термин

для обозначения жертвенной ленты известен всему тюрко-монгольскому миру, что подчеркивает его архаичность. Якутское название этого предмета – *салама*, тувинское – *чалама,* бурятское – *залама* [5. С. 186].

Яламу шаманисты вешали на ветви березки во время проведения *тайылганов*, т.е. кровавых жертвоприношений Небесному божеству – *Кудаю,* или подземному – *Эрлику*, ее привязывали к гривам посвященных божествам лошадей – *ызых*, оставляли на деревьях при переходе перевалов или переправе через реки. В связи с отказом от кровавых жертвоприношений в бурханизме *ялама* сохранила свое значение бескровной жертвы, но в западных и центральных районах Горного Алтая с начала XX в. она получила иное наименование – *кыйра.* Различие между *яламой и кыйрой* уже в 1980-е гг. помнили немногие, обычно считая их тождественными. Однако некоторые информаторы говорили, что *яламу и кыйру* нужно привязывать отдельно, так как «закон разный». Так, *кыйру* привязывали на молодую березу или кедр – это «светлые» деревья, и вешать ее можно только на восточной стороне дерева. На лиственнице или пихте этого делать было нельзя. Главное их отличие, кроме связи *яламы* с древними культами почитания природы евразийского региона, а *кыйры* – с бурханзмом, в том, что *ялама* – обязательно нечетное число жертвенных лент, чаще всего одна, тогда как *кыйра* обязательно привязывается в четном количестве, чаще две ленты. Таким образом, по своей сути *кыйра* – это отрицание нечетности, закрепленной в шаманизме, в котором три мира – Верхний, Нижний и Средний, 7 или 9 дочерей *Ульгеня* (одного из главных божеств алтайского пантеона и героического эпоса) и т.д. [4]. Показательно и сохранение нечетности в количестве дней, в течение которых посетители аржана могут проводить лечение – 3, 5, 7, 9 дней,

Таким образом, сменив название ленточки (*ялама – кыйра*), наполнив его антишаманским подтекстом, бурханисты сохранили этот вид посвятительной жертвы. Не изменилась и ее функциональная нагрузка. Будучи элементом дошаманских культов, вошедших в шаманство, связанным с поклонением силам природы, *ялама* под другим наименованием всплыла в бурханизме, став одним из важнейших его атрибутов. В современной культуре алтайцев эти принципиальные отличия, существовавшие еще в 1980-е гг., исчезли, что можно наблюдать на Бугузунском аржане, который к тому же находится на месте расселения теленгитов, которых бурханизм начала XX в. не затронул. Поэтому *яламу* и *кыйру* можно увидеть привязанными рядом – на одной ветке. Подобная картина наблюдается на всех священных местах Горного Алтая, – того взаимного исключения, которое наблюдалось еще сорок лет назад, кроме бурханистских центров, в которых *кыйра* как элемент бурханизма закрепилась, нет. Можно констатировать, что произошло окончательное слияние шаманской и бурханистской традиций, и эти аксессуары стали вариантами жертвенных приношений в культе природы.

То же произошло и с другой принадлежностью архаичных дошаманских культов – *арчыном,* одним из видов можжевельника. Употребление его в очистительных ритуалах известно у якутов, тувинцев, хакасов, туркменов, бурят, калмыков [6. С. 18]. *Арчыну* приписывали охранительные и очистительные свойства. В бурханизме *арчын* приобрел больший смысл и значение, чем в шаманстве. Отношение к нему отличалось особым почтением. Так, ломать его веточки позволялось только «чистым» девушкам, либо неженатым парням, либо *ярлыкчи* – служителям бурханистского культа. Обычно молодых людей привозил к зарослям *арчына* отец. Сам он оставался в стороне, а они ломали мелкие ветки. В течение года после похорон собирать *арчын* запрещалось. Перед тем как сорвать ветки, обязательно привязывали с восточной стороны куста *кыйру*. Нельзя было рвать *арчын* вечером или брать более двенадцати веток сразу.

Арчын являлся необходимым компонентом во всех без исключения бурханистских обрядах. Перед молением все очищалось его дымом, который в изобилии клался в огонь. Из записей миссионеров начала XX в. следует, что всякий раз после посещения ими аилов бурханистов последние окуривали места, где те сидели, что подчеркивало ритуальные свойства *арчына* как восстанавливавшего сакральную границу «свой–чужой». Это растение сделалось показателем принадлежности к бурханизму, приобретя новое качество – символа бурханизма [7. С. 210–211].

В современной этнической культуре алтайцев значимость *арчына* разделяется всеми. Ни один обряд, ни одно ритуальное действие, лечение, отдельные ситуации повседневной жизни не обходятся без окуривания присутствующих дымом горящего *арчына*. Можно констатировать, что его актуализация в обрядовой жизни алтайцев, произошедшая в начале XX в. и просуществовавшая на протяжении всего советского периода, сохранилась и стала важнейшим компонентом современной этнической культуры алтайцев.

Начало лечения невозможно начинать без совершения обряда поклонения *Алтайдын ээзи* и *Аржан ээзи*, которое можно делать только в первой половине дня. Мы же приехали уже вечером, поэтому, разместившись в свободном домике, совершили прогулку по долине. При этом до совершения обрядов даже просто напиться водой из источников было нельзя.

Наша ежедневная пища состояла из мучных продуктов (макароны, хлеб, печенье, *толкан*), сыра – *курута*, различных овощей и чая. Нельзя было употреблять мясные и жирные блюда. Но главное – все нужно было есть без соли. В какой-то степени ее недостаток компенсировался употреблением лука, но нужно отметить: на третий день потребность в ней фактически не ощущалась. Еще одно обстоятельство, которое было для меня новым, – обязательное ношение платка, весь период нахождения на аржане волосы должны быть закрыты. Во время посещения аржанов в 1970–1980-е гг. запретов на употребление соли не было, как и на непокрытую голову.

На следующее утро, довольно рано, не позавтракав, мы отправились на священное место – *Сан*, где должны были провести необходимые обряды (*сан салары*). Священное место находится на восточном очень пологом склоне горы и представляет собой комплекс нескольких каменных жертвенников четырехугольной

формы высотой около метра, сложенных из сланцевых плит. Алтайцы их называют *тагылы*. В 1920–1930-е гг. первый исследователь бурханизма А.Г. Данилин связывал это название с широко известным в тюркомонгольской среде словом *taxil* – «жертва» [7. С. 200]. Оно произошло от названия особого шаманского обряда жертвоприношения лошади и места, где оно совершалось – *тайылга* (*тайылган*). Обряд этот был отвергнут бурханизмом, но идея наличия алтаря для принесения жертвы осталась. Она выразилась в распространении *тагылов* как жертвенников, на которых зажигается огонь, происходит воскуривание *арчына*, размещаются подношения божествам и духам. Местные теленгиты называют эти жертвенники *уле* [3. С. 200].

Подойдя к *тагылам*, мы увидели, что на некоторых из них еще дымились остатки жертвенного огня, а в воздухе сохранялся аромат горящего *арчына*. Чуть выше жертвенников имеется еще один сакральный маркер – поставленные шесты, между которыми натянута веревка, к которой и привязывается *ялама* или *кыйра. Тагылы* и привязанные жертвенные ленты представляют собой священное место, очерчивая границу перехода из профанного пространства в сакральное.

Нужно заметить, что во время посещения аржанов люди ведут себя крайне деликатно: мы дождались и поднялись на склон только тогда, когда прежние посетители ушли. Точно такой же порядок соблюдался и при посещении отдельных источников: сначала подходила одна группа, как правило, родственников или друзей, и только после того, как она уходила, подходила следующая.

Любой обряд в алтайской традиции начинается с зажжения огня. Из мелких щепочек, привезенных с собой, был сделан «шалашик», и почти сразу загорелся огонь. Веткой дымящегося *арчына* старший мужчина нашей группы окурил каждого из нас, а затем, взяв пиалу с молоком, ложкой окропил огонь и сделал кропления на четыре стороны света. В огонь были положены кусочки хлеба, сыра. И только после этого граница между профанным и сакральным мирами была открыта, и мы могли вступить в «диалог» с обитателями последнего. К ним обратился старший мужчина. Своими словами он восхвалял Хозяина Алтая – *Алтайдын ээзи* – за его заботу и внимание, щедрость и помощь. Затем шли восхваление *Аржан ээзи*, восхищение целебной силой ее источника, благодарность за возможность лечиться, потом последовало обращение ко всем духам близлежащих гор и долины. После этого каждый из нас мысленно представился *Алтайдын ээзи, Аржан ээзи,* назвав свое имя, поблагодарил их за заботу о нас, людях, а затем поведал *Аржан ээзи* о своих проблемах. После этого короткого «общения» мы четыре раза по солнцу обошли *тагыл*. Все это время на нем горел огонь, запекались кусочки продуктов, принесенные как угощение, и дымился *арчын.*

Мы спустились к подножию горы и могли наконец приступить к лечению. Вода каждого из ручьев аржана связана с лечением какой-то определенной болезни. Чтобы посетители не ошиблись, рядом с каждым ручьем есть специальный щит, на котором размещена информация о химических свойствах воды и о том, какие болезни она лечит, например глазные болезни, проблемы с сердцем, желудочные боли и т.д.

Подойдя к источнику, также нужно было принести небольшую жертву; так как Хозяйка – молодая женщина, то она любит украшения. Поэтому все близрастущие кусты были увешаны *яламой* и *кыйрой*, а на дне ручейков виднелись женские украшения. Их особенностью было то, что, как правило, это были не целые предметы, а их части – не браслет, а его звено, не бусы, а отдельные бусинки, пуговицы, фрагменты гребня и т.д. Эти части некогда целого были наглядным выражением мифологического сознания, в котором вопреки рациональному часть равна целому. Поэтому отдельные бусинки мыслились как целые бусы, звено браслета – как целый браслет и т.д.

Подойдя к источнику, прежде чем набрать воду в стакан, необходимо было мысленно обратиться к *Аржан ээзи* за помощью в лечении, ополоснуть руки и лицо водой, и только потом зачерпнуть воду. Ее пьют и омывают больные места. Как правило, при этом люди не разговаривают, они погружены в себя. Так всю первую половину дня группы посетителей медленно передвигаются от одного ручейка источника к другому. Считается, что во второй половине дня вода уже немного теряет силу. Нужна ночь, чтобы ее целебные свойства восстановились.

Кроме употребления целебной воды возможны и омовения. Для этого построена специальная купальня, к которой подведена труба, по которой несется мощный, очень холодный водяной поток. Эта процедура проходит очень быстро, так как устоять долго под столь сильным и ледяным напором воды невозможно. Кажется, сердце останавливается, однако через мгновение холод не ощущается, а человека охватывает волна жара. После принятие такой процедуры желательно часа полтора подремать.

Первые письменные упоминания об омовениях в целебных ключах были зафиксированы в первой половине XX в. и связаны с распространением бурханизма, что было реминисценцией джунгарского буддийского наследия. Как отмечал А.Г. Данилин, омовение было основным моментом моления *Мани-яику*. Обряд заключался в следующем: «…перед началом моления приносили воду из ключей и кипятили с вереском (*арчыном. – Л.Ш.*). Зажигали вереск, и каждый окуривал себя им... *ярлыкчи* окроплял и мыл лица по очереди собравшимся». Среди последователей «белой веры» стало широко практиковаться омовение в теплых ключах. Появляется особая молитва, связанная с этим ритуалом: «Целебной водой да будет народ омываться, омыт, священной синей водой народ омывается…» [7. С. 216].

Однако вопрос о появлении в алтайской народной культуре обрядов, связанных с омовением, нуждается в дальнейшем изучении. Безусловно, они формировались стихийно, учитывая богатую целебными источниками природу Горного Алтая. Позже они приобрели обрядовую форму под влиянием местных верований, а чуть позже восприняли элементы обрядности не только джунгарского, но и монгольского и тувинского буддизма. Неслучайно в этом регионе распространены очень смутные слухи о том, что якобы недалеко от

Бугузунского аржана раньше был ламаистских монастырь или кумирня. Омовение могло закрепиться и под влиянием христианской традиции, связанной с обрядом крещения. В любом случае происхождение обрядности, связанной с почитанием аржанов в Горном Алтае вообще и Бугузунского в частности, представляется достаточно сложной многослойной системой, в которой нашли отражения дошаманские, шаманские, бурханистские, буддийские (ламаистские) и, возможно, христианские представления и культы.

Как уже отмечалось, посещение Бугузунского аржана длится 3, 5, 7 или 9 дней в зависимости от желания посетителей. Перед отъездом нужно поблагодарить и совершить обряд прощания с *Аржан ээзи.* Вновь поднявшись утром на священное место, мы зажгли огонь и провели обряд его кормления и кропления молоком четырех сторон света. Старший из моих друзей вслух поблагодарил *Алтайдын ээзи и Аржан ээзи* за оказанную нам помощь, за хорошую погоду, которая стояла все дни нашего пребывания на аржане, за целебную силу воды. Затем каждый из нас мысленно обратился к этим божествам с личной благодарностью. Мы опять четыре раза по солнцу обошли *тагыл*, на котором еще горел огонь и тлели ветки *арчына*, немного постояли и направились к шестам с лентами. Там, оторвав от куска ткани по две жертвенные ленты *кыйра* и привязав их, еще раз мысленно выразили свою благодарность. Молча постояли. Дверь в сакральное пространство закрылась, и мы вновь вернулись в наш профанный мир [2].

Возвращаясь к началу статьи, следует отметить, что, несмотря на все потрясения XX – начала XXI в., которые пережила страна, на идеологические и политические изгибы, затронувшие миллионы судеб, этническая культура, как показало данное исследование, еще раз доказала, какая мощная сила, способность к возрождению и дальнейшему развитию в ней заложена. Ее гибкость, возможность к адаптации, образованию синкретичных, непротиворечивых религиозных систем, постепенно приобретающих унифицированный характер, направлены на сохранение этноса и этничности его членов. Успех подобных процессов базируется на особом, характерном для народов Сибири, Центральной и Восточной Азии восприятии мира и места человека в этом мире, в основе которого лежит идея мировой гармонии, которая в философской традиции Китая получила название Космического Дао. Человек не может нарушать существующий миропорядок, иначе это ведет к катастрофе – как социальной, так и природной. Из этого следует, что при наличии любых противоречий их следует снимать путем компромисса, в том числе и конфессионального. Поэтому в одном обряде могут сочетаться чет и нечет, *кыйра* и *ялама*, окуривание и омывание, целые предметы и их фрагменты, слова, сказанные вслух и произнесенные мысленно и т.д. Существование же этноса, его этноэволюционные изменения являются той основой, которая сохраняет, развивает и порождает новые культурные феномены. Что же касается меня, то я как этнограф расширила свой чувственный, интуитивный опыт познания.

Анализируя процесс синкретизации религиозных представлений и обрядности алтайцев, можно выделить три основных этапа. Первый связан с началом XX в., когда в результате как внутренних, так и внешних факторов в западной и центральной частях Горного Алтая в ходе этноконсолидационных процессов алтайкижи сформировался бурханизм как форма их этнической и конфессиональной идентичности. С религиоведческой точки зрения это была национальная религия, которой был присущ синкретизм наиболее древних дошаманских представлений и элементов джунгарского ламаизма при отрицании шаманских культов и с опорой на исторические предания, ставшие основой для идей монотеизма и мессианства. Он мог стать основой для развития единой картины мира для всех народов Горного Алтая, но этому помешали общая этносоциальная рыхлость алтайского общества, бескомпромиссная борьба между шаманизмом и бурханизмом, еще более усиливавшими его раскол, полицейский разгром первых молений в 1904 г. и суд над бурханистами в 1906 г. [7].

Взлет процесса формирования общеалтайской идентичности и, соответственно, единой этнической картины мира, пришедшийся на 1920-е гг., связанный с образованием Ойротской (с 1948 г. – Горно-Алтайской) автономной области был прерван политическими репрессиями конца 1920-х – 1930-х гг., распространением советской идентичности, а также атеистической политикой государства. Элементы традиционной культуры, признаваемые отечественной наукой как «пережитки прошлого», продолжали существовать весь советский период, но система представлений и обрядности потеряла свою целостность, она носила фрагментарный характер, ее структура оказалась сильно деградирована, наблюдались заметные отличия в разных регионах Горного Алтая. Тем не менее некоторые традиционные элементы приобретали современную форму, выражающуюся в творческой деятельности алтайской интеллигенции автономии.

Конец XX – начало XXI в. сопровождались снятием всех запретов, конструированием различных идентичностей с уклоном в сторону экзотики и эзотерики, что на некоторое время достаточно исказило базовые черты алтайской культуры. Однако этот период ознаменовался не только распадом СССР, но и становлением алтайской автономии как равноправного субъекта России, что, безусловно, повлияло на рационализацию общественного сознания, а сохранившиеся основы этнической традиции позволили народу и обществу отказаться от нехарактерных для них новаций. Одновременно продолжался естественный процесс формирования современной этнической картины мира через дальнейший синкретизм религиозных элементов различного генезиса, их систематизацию, унификацию. Современная этническая культура алтайцев выполняет две важнейшие функции – «внешнюю», которая дает возможность познакомиться с ней представителям других культур (праздники, фестивали, выставки и т.д.), и «внутреннюю», которая обеспечивает комфортное состояние этноса, решает его повседневные запросы и проблемы. В своей совокупности обе эти функции

обеспечивают позитивные уровни этнической, региональной (республиканской) и общегражданской (государственной) идентичности и укрепляют дальнейшее развитие этнической культуры народов Горного Алтая.

Список источников

1. Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М. : Наука, 1989. 247 с.
2. Полевые материалы автора. Кош-Агачский район. Республика Алтай. 2018 г. // Личный архив автора.
3. Этнографический словарь Республики Алтай / отв. ред. Н.В. Екеев, науч. ред. Э.В. Енчинов. Горно-Алтайск : НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2022. 462 с. URL: https://www.niialt.ru/attachments/article/558/001_060522-eetnograficheskiy_atla.pdf
4. Полевые материалы автора. С. Ело. Онгудайский район. Республика Алтай. 1979–1984 г. // Личный архив автора.
5. Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм. Новосибирск : Наука, 1987. 288 с.
6. Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М. : Наука, 1978. 125 с.
7. Шерстова Л.И. Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск : Том. гос. ун-та, 2010. 288 с.

References

1. Arutyunov, S.A. (1989) *Narody i kul'tury. Razvitie i vzaimodeystvie* [Peoples and Cultures. Development and Interaction]. Moscow: Nauka.
2. Sherstova, L.I. (2018) *Polevye materialy avtora. Kosh-Agachskiy rayon. Respublika Altay* [Author's field materials. The Kosh-Agach district. The Altai Republic]. The Author's Personal Archive.
3. Ekeev, N.V. & Enchinov, E.V. (eds) (2022) *Etnograficheskiy slovar' Respubliki Altay* [Ethnographic Dictionary of the Altai Republic]. Gorno-Altaysk: Research Institute of Altaistics. [Online] Available from: https://www.niialt.ru/attachments/article/558/001_060522-eetnograficheskiy_atla.pdf
4. Sherstova, L.I. (n.d.) *Polevye materialy avtora. S. Elo. Ongudayskiy rayon. Respublika Altay. 1979–1984 g.* [Author's field materials. S. Elo. Ongudai district. Altai Republic. 1979–1984]. The Author's Personal Archive.
5. Mikhaylov, T.M. (1987) *Buryatskiy shamanism* [Buryat shamanism]. Novosibirsk: Nauka.
6. Manzhigeev, I.A. (1978) *Buryatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminy* [Buryat shamanistic and pre-shamanistic terms]. Moscow: Nauka.
7. Sherstova, L.I. (2010) *Burkhanizm: istoki etnosa i religii* [Burkhanism: The origins of ethnicity and religion]. Tomsk: Tomsk State University.

***Сведения об авторе*:**
Шерстова Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Sherstova58@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Sherstova Lyudmila I. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Sherstova58@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.06.2024; принята к публикации 12.09.2024

The article was submitted 11.06.2024; accepted for publication 12.09.2024

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

PROBLEMS OF THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Научная статья
УДК 93(591)
doi: 10.17223/19988613/91/21

Из истории поездок советских ученых для чтения лекций во Францию в 1920-е гг.

Роман Алексеевич Фандо

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Москва, Россия, fando@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются поездки отечественных ученых во Францию в 1920-е гг. для чтения лекций о достижениях советской науки. Практически потерянные после 1917 г. российско-французские научные контакты были восстановлены в 1924 г., после признания Францией нового Советского государства. Лекции за рубежом стали достаточно распространенной формой научного сотрудничества, которая позволяла за короткое время представлять новые научные результаты широкому ученому сообществу. Тематика лекций и кандидатуры приглашаемых профессоров заранее согласовывались в Наркомпросе РСФСР, после чего принималось решение о командировании за рубеж того или иного ученого. Приведенные архивные источники в значительной степени восполняют пробелы в истории международного научного сотрудничества и дают представление о роли зарубежных командировок ученых в развитии отдельных научных направлений.
Ключевые слова: СССР, Франция, Наркомат просвещения РСФСР, международное сотрудничество, лекции

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00564).

Для цитирования: Фандо Р.А. Из истории поездок советских ученых для чтения лекций во Францию в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 178–184. doi: 10.17223/19988613/91/21

Original article

From the history of Soviet scientists trips to give lectures to France in the 1920s

Roman A. Fando

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, fando@mail.ru

Abstract. The article deals with the trips of Soviet scientists to France in the 1920s to give lectures on the achievements of Soviet science. Almost lost after 1917, Russian-French scientific contacts were restored in 1924 after France recognised the new Soviet state. Lectures abroad became a fairly common form of scientific co-operation, which allowed to present new scientific results to a wide scientific community in a short time. The topics of lectures and candidates for visiting professors were agreed upon in advance by the RSFSR People's Commissariat of Education, after which a decision was made to send a particular scientist abroad. These archival sources largely fill in the gaps in the history of international scientific co-operation and give an idea of the role of foreign secondments of scientists in the development of certain scientific areas. On the one hand, the Soviet leadership financed scientists' trips to the leading scientific and educational centres in France. On the other hand, the Bolsheviks sought in every possible way to suppress academic freedom and created bureaucratic obstacles to the development of this form of international co-operation. The leadership took a very careful approach to the selection of candidates for lectures. Despite the fact that the French scientific community initiated the invitation of scientists whose research was at the forefront of world science, the Soviet authorities made attempts to send to France a new generation of researchers, already brought up in a new ideology and oriented towards the propaganda of communist ideas. Some propagandists reproached the former Imperial Academy of Sciences for the fact that such honoured scientists as K.A. Timiryazev, D.I. Mendeleev, I.I. Mechnikov, I.M. Sechenov did not become its full members. Young scientists brought up in the Soviet ideology when they were sent abroad tried to show that the USSR had advanced very far in the development of science, as all conditions for the work of researchers were created there. The Soviet state not only wanted to tell the world that science existed in the country and was getting significant results, but also that it was sufficiently financed. During public speeches, many science organisers demonstrated that the best

© Р.А. Фандо, 2024

palaces in Leningrad and Moscow had been given to scientific institutions in the USSR, new grandiose buildings were being built for institutes and universities, and rather high salaries were being paid for the development of science.
Keywords: USSR, France, RSFSR People's Commissariat of Education, international co-operation, lectures

Acknowledgements: This article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (project № 22-18-00564).

For citation: Fando, R.A. (2024) From the history of Soviet scientists trips to give lectures to France in the 1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 91. pp. 178–184. doi: 10.17223/19988613/91/21

Вопросами изучения советско-французских научных связей 1920-х гг. занимались отечественные [1–5] и зарубежные исследователи [6–11]. В историографии были рассмотрены различные формы такого сотрудничества. Как отмечали некоторые авторы, эти формы мало изменились по сравнению с дореволюционными – все те же научные командировки, переписка, обмен литературой, совместные выставки, конгрессы, съезды [12, 13].

В начале XX в. командировки с научной целью в ведущие университеты и исследовательские центры Франции стали достаточно распространенным явлением в жизни русских ученых. После революционного переворота ситуация с поездками в зарубежные страны изменилась кардинально. В голодной и разоренной стране отсутствовали средства на многие жизненно важные направления научной работы, тем более на организацию длительных поездок за рубеж. Кроме того, Франция не признавала де-юре Советское государство и пыталась получить от новой власти возмещение долгов, взятых царским правительством.

В 1924 г. премьер-министром Франции стал Эдуард-Мари Эррио (Édouard Marie Herriot). Одновременно с постом премьер-министра он занял должность министра иностранных дел Франции. Эррио был доброжелательно настроен к СССР и всячески способствовал его сближению с Францией. Первое свое путешествие в Россию он совершил в 1922 г., познакомился с Л.Б. Каменевым, Л.Д. Троцким, Г.В. Чичериным. С этого момента Эррио начал обсуждать с руководителями советской страны вопрос о сближении двух держав. 28 октября 1924 г. Эррио обратился к председателю Совнаркома и народному комиссару иностранных дел СССР с нотой, в которой содержалось юридическое признание Советского правительства. В тот же день из Москвы был отправлен ответ, в котором сообщалось о выгоде будущих прочных экономических отношений для обеих стран.

Еще до юридического признания Францией Советского Союза Советом Народных Комиссаров РСФСР 21 августа 1924 г. было утверждено Положение о Комиссии по научным заграничным командировкам. Данная Комиссия состояла при Народном комиссариате по просвещению РСФСР. В ее состав входили семь членов: 3 – от Наркомпроса (замнаркома просвещения, зав. Главнаукой или его заместитель, зав. Главпрофобром или его заместитель), 1 – от Наркомздрава, 1 – от ВСНХ, 1 – от Наркомзема, 1 – от Наркомфина. Председателем Комиссии являлся заместитель наркома просвещения. Комиссия рассматривала все научные заграничные командировки в наркоматах независимо от порядка их финансирования, согласовывала и регулировала их. Комиссия также устанавливала размеры командировочных сумм, подлежащих выдаче на каждую научную заграничную командировку, подлежащую ее рассмотрению [14].

После установления дипломатических отношений между СССР и Францией в 1924 г. были созданы условия для научного сближения двух государств. Т.П. Миронова отмечает, что и с 1920 по 1924 г. советско-французские научные контакты имели место, но они носили скорее эпизодический, нежели регулярный характер [15]. Начиная с 1924 г. наметилась устойчивая тенденция к деловым поездкам советских и французских ученых. Кроме того, что ученые выезжали за рубеж для работы в лабораториях, библиотеках и архивах, они также являлись своего рода популяризаторами достижений советской науки, демонстрировали большой ее потенциал, предлагали возможные темы для совместных исследований. Одной из форм такого продвижения отечественных разработок на мировой научной арене было чтение циклов лекций для разного рода слушателей – ученых, организаторов науки, студентов, журналистов.

С середины 1920-х гг. лекции выдающихся советских ученых приобрели небывалую популярность среди французской интеллигенции. Слушателей покоряло еще и то, что многие лекторы свободно говорили на французском языке. Зачастую инициатором зарубежных поездок советских ученых выступало созданное в 1925 г. Всесоюзное общество для культурной связи с заграницей (ВОКС). В связи с тем, что наибольшую популярность мероприятия ВОКС имели у научных работников, было решено организовать при Обществе специальный сектор науки и техники. Сектор объединял секции: педагогическую, медицинскую, сельскохозяйственную, правовую, химическую, туризма, этнографическую и комиссию по высшей школе [16].

В 1925 г. во Франции был создан Комитет научного сотрудничества с СССР. Среди его основателей и активных деятелей были известные ученые, писатели, актеры и режиссеры, поддерживающие большевистский режим: Поль Ланжевен (Paul Langevin), Мария Склодовская-Кюри (Maria Skłodowska-Curie), Анри Барбюс (Henri Barbusse), Роже Мартен дю Гар (Roger Martin du Gard), Андре Мазон (André Mazon), Фирмен Жемье (Firmin Gémier), Виктор Маргерит (Victor Margueritte). В 1926 г. по инициативе С. Леви и П. Ланжевена организуется еще один Французский комитет по научным связям с Россией, о чем сообщал в своей статье славист Поль Буайе [17]. В 1927 г. было основано Общество культурного сближения с СССР. Финансовую помощь обществу предоставило Министер-

ство образования Франции. Со временем стали появляться новые общества дружбы (Новая Россия, Страсбургское общество культурного сближения), которые вовлекали в свою деятельность все новых членов.

Французы старались принимать деятелей науки из СССР на высоком уровне. Особенно это было заметно в ходе визитов руководителей советской науки. Так, во время приезда в 1926 г. в Париж президента АН СССР А.П. Карпинского для установления деловых контактов с представителями французской науки и чтения лекций о достижениях советских ученых за период 1918–1925 гг. советский полпред во Франции Х.Г. Раковский пригласил главу советской академии на званый ужин. В здании полпредства в числе гостей были французские академики и академики из русской эмиграции, работавшие во Франции. На приеме присутствовали министр просвещения Э. Эррио и военный министр П. Пенлеве [18]. Французский комитет научного сближения с СССР в этом же 1926 г. организовал встречи парижских ученых с советскими академиками: орнитологом П.П. Сушкиным, физиком П.П. Лазаревым.

Непременный секретарь АН С.Ф. Ольденбург всячески ратовал за обмен учеными в качестве лекторов. Особенно он продвигал своих коллег – ученых-востоковедов. В 1926 г. публичные лекции в Национальной школе живых восточных языков прочитал Н.Ф. Яковлев, крупный советский филолог-востоковед, занимавшийся языками Северного Кавказа и Дагестана [15]. Также благодаря С.Ф. Ольденбургу во Францию для чтения лекций были направлены ленинградский профессор В.М. Алексеев (синолог) и академик Ф.И. Щербатский (индолог, тибетолог).

Сам С.Ф. Ольденбург неоднократно выезжал во Францию читать лекции как для академического сообщества, так и для широкой общественности. В письме Полпреда СССР во Франции В.С. Довгалевского от 11 октября 1928 г. на имя руководителя Отдела научных учреждений СНК СССР Н.П. Горбунова сообщалось, что Комитет научного сотрудничества с СССР (профессора П. Ланжевен и А. Мазон) обратился к трем советским ученым – академику С.Ф. Ольденбургу, профессору Н.К. Кольцову из I МГУ и профессору С.Н. Бернштейну из Харьковского университета – с предложением прочесть по две лекции в Париже перед французскими учеными о результатах их последних работ. Н.К. Кольцова и С.Ф. Ольденбурга приглашали приехать осенью или зимой, а С.Н. Бернштейна – весной. Расходы на поездку Французский комитет брал полностью на себя [19. Л. 1]. Экземпляры письма В.С. Довгалевского были направлены в Наркомпрос РСФСР А.В. Луначарскому, Наркомпрос УССР Н.А. Скрыпнику, ВОКС О.Д. Каменевой, НИД Е.В. Рубинину.

Командировку Н.К. Кольцова поддержали, он благополучно съездил в Париж и прочитал там лекции об открытиях советских ученых в области экспериментальной биологии. Также не было никаких сложностей с отправкой во Францию С.Ф. Ольденбурга. Однако с согласованием поездки математика С.Н. Бернштейна оказалось не так все просто. Наркомпрос УССР дал согласие на поездку С.Н. Бернштейна, которая была запланирована на май 1929 г. Тем не менее в Москве несколько месяцев этот вопрос оставался нерешенным. 18 апреля 1929 г. С.Н. Бернштейн телеграфировал Е.П. Воронову в Управление делами Совнаркома просьбу срочно поддержать в соответствующих инстанциях научную заграничную командировку [19. Л. 4]. На следующий день Е.П. Воронов отправил телеграмму в Харьков, где сообщил, что причина задержки выясняется [19. Л. 5], а также обратился в Комиссию по загранкомандировкам к А.И. Угарову с просьбой поставить в повестку ближайшего заседания Комиссии вопрос о разрешении выезда академику С.Н. Бернштейну в Париж. Письмо с пометкой «срочно» Е.П. Воронов отправил 19 апреля 1929 г., а 24 апреля на письме появилась резолюция – «разрешить условно» [19. Л. 6]. 24 апреля 1929 г. Е.П. Воронов отправил молнию в Харьков заведующему Укрнаукой Ю.И. Озерскому: «Телеграфируйте молнией Скрыпнику копии нам Ваше отношение поездке Бернштейна в Париж» [19. Л. 8]. Ю.И. Озерский в тот же день отвечал молнией: «Поездка Бернштейна согласована возражений нет Озерский» [19. Л. 7]. На молнии Е.П. Воронов поставил резолюцию: «1. Телеграфировать Бернштейну – командировка разрешена. Воронов. 2. Просить Угарова телеграфом сообщить Харьков о выдаче паспорта. 3. Верскому – Командировка Бернштейна разрешена» [19. Л. 7]. Таким образом, решение о поездке С.Н. Бернштейна в Париж было принято за несколько дней до командировки. Причиной тому стало затянувшееся согласование разрешения в разных инстанциях – республиканских и союзных.

В первую очередь для чтения лекций приглашались маститые ученые, которые не только шли в арьергарде науки, но и обладали лекторскими талантами – могли держать аудиторию, были эмоциональны и артистичны, продумывали содержание и логику излагаемого материала, речь их была интересна, доступна, содержала множество примеров. Как правило, предпочтение отдавалось научным лидерам, главам крупных научных школ, руководителям исследовательских институтов, научных обществ или вузов. В 1926 г. председатель Государственного географического общества (до 1925 г. Русское географическое общество) Ю.М. Шокальский был командирован во Францию для чтения лекций в Парижской академии наук и Сорбонне о географических работах в СССР и собственных океанографических исследованиях [20].

В 1926 г. директор Института физиологии АН СССР И.П. Павлов прочитал лекцию о своих последних работах на объединенном заседании всех факультетов Парижского университета. На лекции академик поднял вопрос об установлении прочной связи с французскими учеными организациями, проявляющими большой интерес к работам русских физиологов [21]. В 1926 г. бальнеолог В.Ф. Подгурский во Французском гидрологическом обществе прочитал лекцию о Мацесте и лечении сердечных больных серными ваннами. Доклад вызвал большой интерес в медицинских кругах [22]. В.Ф. Подгурский был одним из пионеров в области лечения минеральной водой, даже после национализации созданного им санатория «Мацеста» продолжил

работать там врачом и выступал с публичными лекциями о пользе водо- и грязелечения. В 1927 г. Париж посетил лингвист, член-корреспондент АН СССР Л.В. Щерба, который кроме чтения цикла лекций для студентов изучал опыт составления словарей филологами Французской Академии надписей и изящной словесности. Проведенное им исследование системы фонетического звучания французского языка было опубликовано в виде учебного пособия «Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским» [23], которое выдержало семь изданий и до сих пор используется в практике обучения французскому языку. 19 января 1928 г. директор Физико-математического института АН СССР А.Ф. Иоффе на заседании Французского комитета научного сотрудничества с СССР выступил с лекцией о своих последних открытиях и достижениях института. 20 января 1928 г. в славянском кабинете Парижского университета состоялась лекция доцента Ленинградского государственного университета Б.В. Томашевского о начальном периоде поэтической деятельности А.С. Пушкина и его отношении к французской поэзии [24].

Большую популярность у французских интеллектуалов имели лекции советских специалистов по истории Французской буржуазной революции XVIII в. Истолкование революции 1789–1793 гг. как исключительного прогрессивного для судеб всего человечества явления стало частью официальной советской идеологии [25]. С большим пиететом относились в СССР к идеалам Великой Французской Буржуазной Революции (ВФБР), именно так у нас ее называли, находя французские отголоски в пролетарской революции XX в. Одним из выдающихся исследователей ВФБР в межвоенный период был Е.В. Тарле. Еще в молодости он стал сторонником либеральных идей, участвовал в революции 1905–1907 гг., был ранен во время разгона демонстрации 18 октября 1905 г. Читаемые им публичные лекции о революциях в Англии XVII в. и Франции XVIII в., о падении абсолютизма в Западной Европе были созвучны духу демократически настроенной молодежи [26].

Диапазон исследовательских интересов Тарле был чрезвычайно широк. В своих многолетних поисках во французских архивах, начавшихся задолго до октябрьских событий 1917 г., он не довольствовался документами по истории Французской буржуазной революции XVIII в. или Наполеоновской эпохи, его привлекали также свидетельства сложных перипетий европейской политики начала Нового времени. В 1921 г. он возобновил свои визиты во Францию. Изучение архивных материалов составляло одну из целей его поездок. В письмах к жене он сообщал, что его работа в Архиве идет широчайшим темпом, никогда она так успешно не шла, поэтому он ни о чем не может думать, кроме работы. Также Е.В. Тарле писал, что французские ученые очень милы и доброжелательны к нему. Все это в совокупности делает его пребывание на редкость удачным [27. Л. 24]. Приведем отрывки из некоторых писем ученого. «У меня все идет идеально. Работа двигается с громадным успехом. В архиве меня приняли прекрасно. Я нашел целые россыпи документов начала XIX в. о французской промышленности и торговле» [27. Л. 25]. «Читаю только по ночам, ибо днем по горло занят в архиве» [27. Л. 9]. «Здесь очень заинтересованы положением архивного дела в России и относятся с сочувствием к сохранению массы материалов в эти последние годы: они думали, что все архивы погибли и очень рады, что это не так» [27. Л. 93].

Е.В. Тарле удалось представить французскому историческому сообществу богатейший архивный материал, который до этого не был введен в научный оборот. Кроме чтения серии лекций он установил тесные контакты с местными архивистами. В 1924 г. Тарле подарил Национальному Архиву Франции свои работы и договорился о передаче путеводителей по французским архивам в СССР [27. Л. 134]. При посредничестве французского историка Камиля Блока (Camille Bloch) Тарле вел переговоры с Библиотекой Великой войны (Bibliothèque de la Grande guerre) об обмене ее изданиями с соответствующими материалами Центросоюза. Он отмечал, что это предложение очень выгодное для страны: у французов есть масса интересных изданий, которые российские историки могут получить даром или пости даром [27. Л. 3]. В письме от 17 ноября 1924 г. Тарле описал свой визит к К. Блоку в Библиотеку Великой войны, там был устроен обед в честь советского ученого. «Французы определенно хотят, чтобы я был звеном, которое свяжет французские ученые заведения (исторические) с русскими в Советской России. Они очень дружески теперь к России настроены» [27. Л. 89–90].

Е.В. Тарле для распространения выявленных новых фактов стал публиковать свои исследования во французских журналах. Главный редактор журнала Révolution Française историк Франсуа Олар (François Aulard) и главный редактор журнала Revue des études Napoléoniennes, специалист по эпохе Наполеона I Эдуард Дрио (Édouard Driault) заказали Тарле статьи, которые должны были быть написаны на французском архивном материале [27. Л. 9]. С подобной просьбой к Тарле обратился и Альбер Матьез (Albert Mathiez), главный редактор Annales Révolutionnaires. «Как страшно плодотворна эта поездка!» [27. Л. 8], – подытоживал Тарле. О Матьезе он писал: «Он блестящ и умен, характер неистовый, но интеллектуально очень силен. Я уже формально сотрудник его журнала. Работа моя попрежнему идет и быстро подвигается к концу. Не преувеличивая, за 3 месяца сделал то, что прежде делал за 6–7 месяцев» [27. Л. 145]. В 1926 г. Тарле завершил рукопись работы по истории Италии при Наполеоне I, которая получила высокую оценку Исторической комиссии (Commission des histhoriens) [28. Л. 11]. Работа была напечатана в 1928 г. без сокращений в издательстве Alcan (Presses Universitaires), издатель – Duault (Дюо) [29].

В журналах, где публиковался российский историк, стали появляться рецензии на его публикации. В 1924 г. в журнале Révolution Française (июнь-июль) появился похвальный отзыв о его работе «Печать при Наполеоне I» [27. Л. 68]. В Revue des études slaves вышла публикация Тарле о петроградском журнале «Анналы», издававшемся в 1922–1924 гг. под редакцией Ф.И. Успенского и Е.В. Тарле [27. Л. 132]. В письме, датиро-

ванным 31 октября 1924 г., Тарле сообщал, что по просьбе А. Матьеза собирается подготовить статью о Робеспьере для Annales Révolutionnaires [27. Л. 133]. «Он (Матьез) пишет, что мое сотрудничество – высокая честь для его журнала и украшение etc. Вообще комплименты от такого ругателя – вещь неожиданная, по общим отзывам сведущих лиц», – писал Е.В. Тарле жене [27. Л. 133].

Представители французской интеллигенции, в свою очередь, интересовались историей русских революций, видя в этих событиях отголоски ВФБР. Многие французские ученые рассматривали попытку построения социализма в СССР как своего рода социальный эксперимент и относились к нему с искренним сочувствием и интересом. И даже позже такие видные ученые, как супруги Ирен (Irène Joliot-Curie) и Фредерик Жолио-Кюри (Frédéric Joliot-Curie) и их ученица, активная участница Международного движения в защиту мира Эжени Коттон (Eugénie Cotton) рассматривали СССР как первую в мире страну, занятую построением социально справедливого государства. Поэтому так велико было движение навстречу друг другу русских и французских историков ВФБР и наполеоновской эпохи, некоторых русистов, идеологов социализма и марксизма. В нем участвовали также и ученые тех дисциплин, где идеология была не столь важна, но на базе несомненных достижений каждого из партнеров можно было обменяться опытом, научной информацией, организовать совместную работу.

Инициировали поездки советских ученых не только представители обществ дружбы, Президиума АН СССР, но и государственные органы управления. В записке о пропагандистской деятельности Академии наук, подготовленной для И.В. Сталина и Л.М. Кагановича заведующим Отделом культуры и пропаганды (Культпроп) ЦК ВКП(б) А.И. Стецким и заведующим сектором научных учреждений Ф.А. Гороховым, сообщалось об отправке в Париж молодого физиолога, ученика И.П. Павлова, коммуниста П.К. Денисова [30]. Советские чиновники пытались продемонстрировать зарубежному миру новую генерацию советских ученых, освобожденных от старых предрассудков и стремящихся бескорыстно работать на благо социалистического государства. По возвращении из Франции Денисов стал руководить приматологическими исследованиями на Биостанции Физиологического института в Колтушах. За время работы на биостанции он провел эксперименты по изучению поведения обезьян, создал научно-популярный фильм «Анализаторная и синтетическая функция больших полушарий шимпанзе», который был продемонстрирован делегатам XV Международного конгресса физиологов (Ленинград–Москва, 1935 г.). В 1937 г. по ложному обвинению в участии контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации был арестован и расстрелян [31].

Большой проблемой новоиспеченных ученых, вышедших из рабоче-крестьянской среды, было слабое владение иностранными языками. В связи с этим уже в 1920-х гг. началась практика направления способных студентов на обучение во Францию. Так, в 1926–1927 учебном году в парижских высших школах обучалось 650 студентов из СССР [32]. Однако научная среда, сформировавшаяся во Франции из консервативных ученых и примкнувшим к ним русских эмигрантов, не всегда благожелательно относилась к молодым советским ученым. Заведующий кафедрой марксистско-ленинской философии Института красной профессуры И.К. Луппол в 1927 г. писал, что советскому ученому нередко приходится пробивать толстую стену предрассудков, пристрастной предвзятой мысли, узкого национализма и подчас просто невежества иностранных ученых в отношении пооктябрьской России. Он заявлял, что толще всего эта стена в современной на тот момент Франции. Конечно, по его мнению, имелись и здесь счастливые исключения, но в данном случае речь шла об общем тоне. Этот общий тон задавали, несомненно, правящие круги Франции, которым вторила бульварная, зачастую продажная пресса. «Советский ученый – это вообще non-sens для девяти десятых официальной Франции», – писал И.К. Луппол [33. С. 103].

Основные формы советско-французского научного сотрудничества мало чем отличались от дореволюционных аналогов. В изучаемый нами период была распространена практика научных командировок ученых для чтения популярных лекций. В царской России такие поездки предполагали большую свободу в составлении планов лекций и отборе их содержания. В советский период главной задачей подобных выступлений была популяризация достижений советской науки, хотя эти достижения являлись результатами длительных исследований, начатых еще до установления в России советской власти, что налагало обязательную цензуру на идеологическую составляющую предлагаемого для лекций материала.

С одной стороны, советское руководство субсидировало поездки ученых в ведущие научные и образовательные центры Франции. С другой стороны, большевики всячески стремились подавлять академическую свободу, создавали бюрократические препоны для развития данной формы международного сотрудничества. Руководство очень внимательно подходило к отбору кандидатов для чтения лекций. Несмотря на то, что французское научное сообщество и общества научного сближения инициировали приглашение ученых, чьи исследования находились на передовых рубежах мировой науки, советская власть предпринимала попытки командировать во Францию новое поколение исследователей, воспитанных уже в иной идеологии и ориентированных на пропаганду коммунистических идей.

Список источников

1. Груздинская В.С. Французская наука глазами советских ученых: из опыта заграничных командировок 1920–1930-х годов // Россия и современный мир. 2023. № 3 (120). С. 148–162.
2. Хаблова Е.С. По следам Андре-Жорж Одрикура (1911–1996): французского этноботаника, географа, агронома и лингвиста // Историко-биологические исследования. 2023. Т. 15, № 1. С. 42–68.

3. Маланичева И.А., Колотилова Н.Н. Виталий Шорин: удивительная судьба и яркий след в науке // Историко-биологические исследования. 2024. Т. 16, № 1. С. 158–154.
4. Миронова Т.П. Контакты советских и французских ученых-филологов в 1920–1929 гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2022. № 1 (94). С. 35–40.
5. Фандо Р.А. Советско-французские научные связи (1920–1930-е гг.). М. : Янус-К, 2023. 219 с.
6. Cœuré S., Mazuy R. Cousu de fil rouge. Voyages des intellectuels français en Union soviétique. 150 documents inédits des Archives russes. Paris : CNRS Édition, 2012. 460 p.
7. Dard O., Mattiato E., Poupault Ch., Sallee F. Voyager dans les États autoritaires et totalitaires de l'Europe de l'entre-deux-guerres. Confrontations aux régimes, perceptions des idéologies et comparaisons. Chambéry : Université Savoie Mont Blanc, 2017. 254 p
8. Dufaud G. Biologie, médecine et santé au miroir de leur internationalisation // Cahiers du Monde Russe. 2018. Vol. 59, is. 4. P. 684–686.
9. Fayet J.-F. VOKS. Le laboratoire helvétique. Histoire de la diplomatie culturelle soviétique durant l'entre-deux-guerres. Chêne-Bourg : Georg éditeur, 2014. 598 p.
10. Mazuy R. Croire plutôt que voir? Voyages en Russie soviétique (1919–1939). Paris : Odile Jacob, 2002. 370 p.
11. Murphy W.T. Soviet Espionage in France between the Wars // International Journal of the Intelligence and Counter Intelligence. 2022. Vol. 35, is. 1. P. 1–30.
12. Любина Г.И. Французские ученые о научном сотрудничестве с СССР (20–30-е годы XX в.) // Французский ежегодник, 1980. М. : Наука, 1982. С. 76–89.
13. Хаблова Е.С. Поездки советских растениеводов во Францию в период Interbellum // Историко-биологические исследования. 2023. Т. 15, № 4. С. 193–206.
14. Положение о Комиссии по научным заграничным командировкам (Утверждено Советом Народных Комиссаров РСФСР 21/VII 1924 г.) // Научный работник. 1925. Кн. 1. С. 215.
15. Миронова Т.П. Развитие советско-французских научных контактов с 1920 г. до дипломатического признания СССР Францией. Деп. в ИНИОН РАН № 55093 от 02.11.1999 г. 16 с.
16. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. ВОКС. М. : Изд. ВОКС, 1929. 32 с.
17. Boyer P. Les relations scientifiques entre la France et la Russie // Revue du Monde Scientifique. 1926. Avril, № 172. P. 199–200.
18. Хроника // Научный работник. 1926. № 9. С. 86.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 611.
20. Экспедиции и командировки // Научный работник. 1926. № 2. С. 101–104.
21. Связь с заграницей // Научный работник. 1926. № 2. С. 109–110.
22. Связь с заграницей // Научный работник. 1927. № 4. С. 109–111.
23. Щерба Л.В. Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским. Л. : Учпедгиз, 1937. 256 с.
24. Связь с заграницей // Научный работник. 1928. № 3. С. 99–101.
25. Tchudinov A. La Rèvolution française: de l'historiographie soviétique à l'historiographie russe, "changement de jalons" // Cahiers du Monde Russe. 2002. Vol. 43, is. 2-3. P. 449–462.
26. Цфасман А.Б. Историк и вождь: жизненные и творческие коллизии академика Е.В. Тарле в условиях сталинизма // Вестник Пермского университета. История. 2012. № 2 (19). С. 125–132.
27. Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 627. Оп. 4. Д. 146.
28. АРАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 148.
29. Tarle E. Le Blocus Continental et le Royaume d'Italie: la Situation Économique de l'Italie sous Napoléon Ier. Paris : Alcan, 1928. 378 p.
30. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 33. Д. 129. Л. 62–84.
31. П.К. Денисов // Приматология в России. URL: https://primatology.ru/ученые/и-п-павлов/п-к-денисов/
32. Заграничная хроника // Научный работник. 1927. № 2. С. 145–149.
33. Луппол И.К. Об особенностях работы советского ученого за границей // Научный работник. 1927. № 11. С. 99–108.

References

1. Gruzdinskaya, V.S. (2023) Frantsuzskaya nauka glazami sovetskikh uchenykh: iz opyta zagranichnykh komandirovok 1920–1930-kh godov [French Science through the Eyes of Soviet Scientists: From the Experience of Foreign Trips in the 1920s–1930s]. *Rossiya i sovremennyy mir*. 3(120). pp. 148–162.
2. Khablova, E.S. (2023) Po sledam Andre-Zhorzh Odrikura (1911–1996): frantsuzskogo etnobotanika, geografa, agronoma i lingvista [In the Footsteps of André-Georges Audricourt (1911–1996): French Ethnobotanist, Geographer, Agronomist, and Linguist]. *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*. 15(1). pp. 42–68.
3. Malanicheva, I.A. & Kolotilova, N.N. (2024) Vitaliy Shorin: udivitel'naya sud'ba i yarkiy sled v nauke [Vitaly Shorin: An Amazing Destiny and a Bright Mark in Science]. *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*. 16(1). pp. 158–154.
4. Mironova, T.P. (2022) Kontakty sovetskikh i frantsuzskikh uchenykh-filologov v 1920–1929 gg. [Contacts of Soviet and French Philologists in 1920–1929]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1(94). pp. 35–40.
5. Fando, R.A. (2023) *Sovetsko-frantsuzskie nauchnye svyazi (1920–1930-e gg.)* [Soviet-French Scientific Ties (1920s – 1930s)]. Moscow: Yanus-K.
6. Cœuré, S. & Mazuy, R. (2012) *Cousu de fil rouge. Voyages des intellectuels français en Union soviétique. 150 documents inédits des Archives russes*. Paris: CNRS Édition.
7. Dard, O., Mattiato, E., Poupault, Ch. & Sallee, F. (2017) *Voyager dans les États autoritaires et totalitaires de l'Europe de l'entre deux guerres. Confrontations aux régimes, perceptions des idéologies et comparaisons*. Chambéry: Université Savoie Mont Blanc.
8. Dufaud, G. (2018) Biologie, médecine et santé au miroir de leur internationalization. *Cahiers du Monde Russe*. 59(4). pp. 684–686.
9. Fayet, J.-F. (2014) *VOKS. Le laboratoire helvétique. Histoire de la diplomatie culturelle soviétique durant l'entre-deux-guerres*. Chêne-Bourg: Georg éditeur.
10. Mazuy, R. (2002) *Croire plutôt que voir? Voyages en Russie soviétique (1919–1939)*. Paris: Odile Jacob.
11. Murphy, W.T. (2022) Soviet Espionage in France between the Wars. *International Journal of the Intelligence and Counter Intelligence*. 35(1). pp. 1–30.
12. Lyubina, G.I. (1982) Frantsuzskie uchenye o nauchnom sotrudnichestve s SSSR (20–30-e gody XX v.) [French scientists on scientific cooperation with the USSR (1920s-30s)]. In: *Frantsuzskiy ezhegodnik, 1980* [French Yearbook, 1980]. Moscow: Nauka. pp. 76–89.
13. Khablova, E.S. (2023) Poezdki sovetskikh rastenievodov vo Frantsiyu v period Interbellum [Trips of Soviet plant growers to France during the Interbellum period]. *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*. 15(4). pp. 193–206.
14. The People's Commissars of the RSFSR. (1925) Polozhenie o Komissii po nauchnym zagranichnym komandirovkam (Utverzhdeno Sovetom Narodnykh Komissarov RSFSR 21/VII 1924 g.) [Regulation on the Commission on scientific trips abroad (Approved by the Council of People's Commissars of the RSFSR on 21/VII 1924)]. *Nauchnyy rabotnik*. 1. pp. 215.
15. Mironova, T.P. (1999) *Razvitie sovetsko-frantsuzskikh nauchnykh kontaktov s 1920 g. do diplomaticheskogo priznaniya SSSR Frantsiey* [Development of Soviet-French scientific contacts from 1920 to the diplomatic recognition of the USSR by France]. Dep. INION RAS No. 55093 of February 11, 1999.

16. VOKS. (1929) *All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries*. Moscow: VOKS.
17. Boyer, P. (1926) Les relations scientifiques entre la France et la Russie. *Revue du Monde Scientifique*. 172. pp. 199–200.
18. Anon. (1926) Khronika [Chronicle]. *Nauchnyy rabotnik*. 9. pp. 86.
19. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-3316. List 64. File 611.
20. Anon. (1926) Ekspeditsii i komandirovki [Expeditions and business trips]. *Nauchnyy rabotnik.* 2. pp. 101–104.
21. Anon. (1926) Svyaz' s zagranitsey [Communication with Abroad]. *Nauchnyy rabotnik*. 2. pp. 109–110.
22. Anon. (1927) Svyaz' s zagranitsey [Communication with Abroad]. *Nauchnyy rabotnik*. 4. pp. 109–111.
23. Shcherba, L.V. (1937) *Fonetika frantsuzskogo yazyka. Ocherk frantsuzskogo proiznosheniya v sravnenii s russkim* [Phonetics of the French Language. Essay on French Pronunciation in Comparison with Russian]. Leningrad: Uchpedgiz.
24. Anon. (1928) Svyaz' s zagranitsey [Communication with Abroad]. *Nauchnyy rabotnik*. 3. pp. 99–101.
25. Tchudinov, A. (2002) La Rèvolution française: de l'historiographie soviétique à l'historiographie russe, "changement de jalons". *Cahiers du Monde Russe*. 43(2-3). pp. 449–462.
26. Tsfasman, A.B. (2012) Istorik i vozhd': zhiznennye i tvorcheskie kollizii akademika E.V. Tarle v usloviyakh stalinizma [Historian and leader: The life and creative collisions of academician E.V. Tarle under Stalinism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 2(19). pp. 125–132.
27. The Archives of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 627. List 4. File 146.
28. The Archives of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 627. List 4. File 148.
29. Tarle, E. (1928) *Le Blocus Continental et le Royaume d'Italie: la Situation Économique de l'Italie sous Napoléon Ier*. Paris: Alcan.
30. The Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 3. List 33. File 129. pp. 62–84.
31. primatology.ru. (n.d.) *P.K. Denisov*. [Online] Available from: https://primatology.ru/uchenye/i-p-pavlov/p-k-denisov/
32. Anon. (1927) Zagranichnaya khronika [Foreign Chronicle]. *Nauchnyy rabotnik*. 2. pp. 145–149.
33. Luppol, I.K. (1927) Ob osobennostyakh raboty sovetskogo uchenogo za granitsey [On the Peculiarities of a Soviet Scientist's Work Abroad]. *Nauchnyy rabotnik*. 11. pp. 99–108.

***Сведения об авторе*:**
Фандо Роман Алексеевич – доктор исторических наук, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: fando@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Fando Roman A. – Doctor of Historical Sciences, Director of the S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: fando@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.06.2024; принята к публикации 12.09.2024

The article was submitted 17.06.2024; accepted for publication 12.09.2024

Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91
Tomsk State University Journal of History. 2024. № 91

Научная статья
УДК 001.83(47:44)(091)"1934/1935"
doi: 10.17223/19988613/91/22

Празднование Декады франко-советского научного сотрудничества 1934 г. в контексте установления и развития научных отношений между Францией и СССР в период «розового десятилетия»

Елизавета Сергеевна Хаблова

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Москва, Россия, samomamo@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются подготовка и проведение «Декады франко-советского научного сотрудничества». Отмечается, что СССР подготавливал пышные мероприятия, чтобы у французской делегации сложилось положительное впечатление об организации научной жизни в СССР, французские же ученые стремились представить результаты собственных исследований. Анализируются официальные комментарии СССР и Франции в периодических изданиях. Декада стала вершиной развития официального научного сотрудничества между странами, но его дальнейшему развитию помешали внешнеполитические и внутриполитические проблемы СССР.
Ключевые слова: международный научный обмен, французские ученые в СССР, советские ученые во Франции, «розовое десятилетие», советская научная пропаганда

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00564.

Для цитирования: Хаблова Е.С. Празднование Декады франко-советского научного сотрудничества 1934 г. в контексте установления и развития научных отношений между Францией и СССР в период «розового десятилетия» // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 185–191. doi: 10.17223/19988613/91/22

Original article

The Celebration of the Decade of Franco-Soviet Scientific Cooperation in 1934 in the Context of the Establishment and Development of Scientific Relations between France and the USSR during the “Pink Decade”

Elizaveta S. Khablova

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, samomamo@yandex.ru

Abstract. This article examines the preparation and realisation of the commemorative events of the «Decade of Soviet-French Scientific Cooperation» in 1934 in the context of the establishment and development of scientific relations between the two countries during the «Pink Decade» (1930–1937). The study is based on a historical-genetic method and a systematic approach that allows for a coherent analysis of the organisation and realisation of events, seeing scientific cooperation as a system of relations at different levels. The article describes the preparatory phase of the celebration, including the participation of various institutions such as All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries (VOKS), the Academy of Sciences of the Belarusian Union Socialist Republic (AS BSSR), the All-Union Academy of Agricultural Sciences named after V. I. Lenin (VASKHNIL), the People's Commissariat of Health of the Russian Soviet Federative Socialist Republic, the United Bureau of Foreign Sanitary Information (NKZdrav RSFSR (OBZSI)), the People's Commissariat of Education (NKPROS RSFSR), the Communist Academy (KomAcademy), the People's Commissariat of Foreign Affairs (NKID), and others. The study examines the process of careful selection of subjects and lecturers for the Soviet side's report and the French delegation's programme of events, academic sessions, excursions, and cultural recreation formats. It points out that the Soviet side tried to organise an important «week of scientific rapprochement» to give the French delegation a positive impression of the organisation of scientific life in the USSR, while for French scientists it was an opportunity to present their own research results. The article also analyses the official commentary on the Decade in periodicals of both countries, revealing a calmer reaction from the French side. Although France had little involvement in the decade, either financially or through the press, a Soviet delegation visited France in 1935, delivered a series of speeches, and was welcomed by the President of the Third Republic. However, while the decade was the high point in the development of official scientific cooperation between the USSR and France, its further expansion was hampered by foreign policy conditions associated with the growing threat of war in Europe

© Е.С. Хаблова, 2024

and Soviet interior politics, where after 1937 the task of developing international scientific relations no longer was inconsiderable.
Keywords: international scientific exchange, French scientists in the USSR, Soviet scientists in France, “Pink Decade”, Soviet scientific propaganda

Acknowledgements: The research was supported by grant No. 22-18-00564 of the Russian Science Foundation.

For citation: Khablova, E.S. (2024) The Celebration of the Decade of Franco-Soviet Scientific Cooperation in 1934 in the Context of the Establishment and Development of Scientific Relations between France and the USSR during the “Pink Decade”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 91. pp. 185–191. doi: 10.17223/19988613/91/22

Цель данной статьи состоит в исторической реконструкции хода подготовки и празднования Декады научного сотрудничества между СССР и Францией в 1934–1935 гг. Вводимые настоящей статьей в научный оборот архивные документы в значительной степени расширяют имеющиеся представления о франко-советских научных связях и важны для понимания истории интеллектуального сотрудничества и политики двух стран.

Проблема франко-советского научного сотрудничества 1930-х гг. разрабатывалась как в отечественной [1–3], так и в зарубежной историографии [4–6]. Исследователями были рассмотрены различные формы научного взаимодействия, выявлены его политические, экономические и социальные предпосылки, определен круг ученых, активно участвовавших в установлении научных контактов. Однако вопросы, касающиеся участия французских и советских ученых в праздновании Декады международного сотрудничества между странами, остались до настоящего момента практически не изученными. Историю визита французской делегации на данное мероприятие описала Р. Мазюи в одной из своих статей [7].

Более полно и объективно исследовать подготовку и празднование Декады научного сотрудничества между СССР и Францией помог анализ архивных документов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), находящихся в фондах Р-7668 «Комитет по заведыванию учеными и учебными учреждениями при Президиуме Верховного совета СССР» и Р-5284 «Всесоюзное общество культурных связей с заграницей». Также настоящее исследование опирается и на опубликованные источники, такие как материалы газет «Известия», «Правда», Le Temps. Методами исследования были выбраны историко-генетический метод и системный подход, позволяющий представить науку как систему, где разные уровни взаимодействия, такие как личные связи, институциональный обмен и межгосударственные связи, в контексте празднования Декады могут быть представлены как сообщающиеся элементы.

Существовавшие между советскими и французскими учеными контакты начались задолго до 1917 г., но после революционных трансформаций не имели шанса на дальнейшее развитие, так как Франция не признавала СССР государством де-юре до 28 октября 1924 г. С политическим признанием СССР официальные научные связи между государствами возобновились. Так, с 1925 г. до начала 1930-х гг. особенно плодотворным было сотрудничество в области естественных наук. На II Международном конгрессе почвоведов, проводившемся в Ленинграде в 1930 г., с приветственной речью выступил Альбер Демолон, выдающийся французский инженер-агроном. Он отметил, что Франция стремится к международному объединению в науке и выразил почтение и благодарность организационному комитету, который сделал все, чтобы пребывание французских ученых в Советском Союзе было приятным [8. С. 15]. Также следует отметить, что французскими учеными Сильвэном Леви и Полем Ланжевеном 24 ноября 1925 г. был основан Комитет по восстановлению научных связей с Россией. Задачами комитета стали обмен публикациями, помощь в организации поездок советских ученых во Францию и французских в СССР, проведение совместных научных работ и установление научного сотрудничества между учеными двух стран. В декабре 1934 г. Французский комитет по восстановлению научных связей с Россией постановил, что научный диалог между французскими и русскими учеными имеет богатую историю, поэтому нельзя допустить его исчезновения [7. P. 442]. Помимо работы Комитета, активно участвовала в процессе возрождения научных связей Международная ассоциация друзей Советского Союза, созданная Коминтерном, которая была вовлечена в процесс координации поездок в СССР, а также в подготовку конгрессов, недель сближения, конференций.

Одним из проявлений государственной поддержки международных научных контактов явилось празднование Декады научного сотрудничества между Францией и СССР в 1934 г. Однако почему именно в первой половине 1930-х гг., так называемое la décade rose[1], в СССР пытались продвигать французскую культуру и науку? Во-первых, СССР хотел улучшить свое положение на мировой арене. Во-вторых, среди западных стран Франция была наиболее близка к СССР не только из-за давних традиций сотрудничества, но и по политическим причинам. Действительно, поскольку отношения между Германией и СССР после прихода Гитлера к власти стали ухудшаться, для СССР необходимо было налаживать научные связи с другими европейскими странами. Лучшим кандидатом в это время стала Франция, и не только по причине уже существующих научных контактов между учеными СССР и Франции. Во-первых, сложившаяся ситуация в Европе толкала Францию к поиску новых союзников, во-вторых, с 1932 г. во Франции приходят к власти «левые», среди которых был особенно лояльный к Советскому Союзу Эдуард Эррио (Edouard Herriot)[2], а в Москве был назначен новый французский посол Шарль Альфанд (Charles Alphand), который также был настроен

возобновить научное и культурное сотрудничество между странами [7. P. 442].

По замыслу организаторов данного мероприятия, празднование Декады научного сотрудничества между СССР и Францией должно было быть официальным и представительным. Организация пребывания французских ученых в СССР осуществлялась с помощью Французского комитета, посольства и Службы сопровождения на набережной Орсэ с французской стороны, а с советской стороны почти все обязанности были возложены на Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС). Была создана особая комиссия из членов Академии наук СССР и руководителей ВОКС, однако в решении организационных вопросов также активно участвовали такие институции, как Академия наук Белорусской ССР, Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина, Народный комиссариат здравоохранения РСФСР, Объединенное бюро заграничной санитарной информации, Народный комиссариат просвещения РСФСР, Коммунистическая Академия, Народный комиссариат иностранных дел и др. [9. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 888. Л. 3]. Активно обсуждалась сама программа мероприятия: количество докладов и тем, презентуемых французской делегации. Изначально В.П. Волгин (от АН СССР) предлагал для презентации три основных направления: энергетика, геология, биология (сельское хозяйство): «Тов. Волгин говорит, что эти при дисциплины в совокупности дали бы возможность в ограниченном числе докладов выявить наши основные научные достижения в области сочетания теоретических работ с конкретным практическим строительством. В области общественных наук тов. Волгин намечает те проблемы из области истории и языкознания, которые связаны с национальным строительством Союза, с Ленинской национальной политикой, считая, что в этой области в СССР есть огромные научные достижения.» [9. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 888. Л. 4]. Однако с каждым заседанием комиссии по организации Франко-советской недели список проблем расширялся, и уже обсуждался вопрос, презентовать ли только научную сторону жизни или же нужно еще и организовать лекции по вопросам просвещения, драматического искусства и другим аспектам культурной жизни Советского Союза. Это было продиктовано желанием показать западным ученым в наиболее полной мере все достижения государства Советов, которые выходили далеко за рамки сугубо научной работы. В итоге решено было все же остановиться на раскрытии научного потенциала СССР, при этом пристальное внимание уделялось выбору не только тем для лекций, но и самих лекторов. Первоначально среди выступающих значились Н.И. Бухарин с докладами «Организация научной работы в СССР» и «Культурно-историческая переделка масс», Г.М. Кржижановский («Энергетика»), Н.И. Вавилов («Вопросы биологии и сельского хозяйства СССР»), И.М. Губкин («Геологические проблемы СССР»), В.А. Осинский («Вопросы планирования народного хозяйства и советской науки») [9. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 888. Л. 11]. Тем не менее этот список постоянно уточнялся и дополнялся. Так, 21 июня 1933 г. АН СССР рекомендовала включить в программу следующих лекторов: Л.Г. Шнирельмана, Л.Д. Ландау, Д.Н. Прянишникова, А.А. Борисяка, А.А. Рихтера, Г.А. Надсона, а также Л.А. Орбели и А.А. Ухтомского [9. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 888. Л. 15]. Обсуждался и список приглашенных французских ученых. Среди них особенно хотели видеть таких исследователей, как:

– по физике: Поль Ланжевен (Paul Langevin), Филипп лё Корбейе (Philippe le Corbeiller), Жан Кабанн (Jean Cabannes), Марсель Бриллуен (Marcel Brillouin);

– по математике и механике: Жак Адамар (Jacque Hadamard), Эли Картан (Elie Cartan), Арно Данжуа (Arnaud Denjoy), Морис Рене Фреше (Maurice René Fréchet), Поль Монтель (Paul Montel), Гастон Морис Жюлиа (Gaston Maurice Julia) и Андре Вейль (André Weil);

– по микробиологии: Александр Безредка, Эрнест Фурно (Ernest Fourneau), Михаил Вениаминович Вайнберг;

– по ботанике: Emile Roux (Эмиль Ру), Габриэль Бертран (Gabriel Bertrand), Анри Колен (Henri Colin), Габриль Арно (Gabriel Arnaud), Андре Гийермон (André Guillermond), Пьер Данжар (Pierre Dangeard), Рене Мэр (Réné Maire), Фернан Моро (Fernand Moreau), Жозиас Браун-Бланке (Josias Braun-Blanquet);

– по зоологии: Эммануэль Форе-Фремье (Emmanuel Fauré-Fremiet), Альбер Поликар (Albert Policard), Марсель Ляпик (Marcelle Lapicque) и Морис Коллари (Maurice Caullery) и др. [9. Ф. Р-5283. Оп. 8. Д. 236. Л. 14].

Различные институты также направляли пожелания с предложениями о включении определенных французских ученых в программу Декады. Так, Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина представила, например, свой список, в котором указывались 8 французских ученых-растениеводов и агрономов [9. Ф. Р-5283. Оп. 8. Д. 236. Л. 65]. Список гостей тщательно обсуждался, менялся и дополнялся, об ученых собирались биографические справки [9. Ф. Р-5283. Оп. 8. Д. 236. Л. 43–44].

Помимо лекций планировалось издать сборник, посвященный сотрудничеству Франции и СССР в различных научных областях [9. Ф. Р-5283. Оп. 8. Д. 236. Л. 66]. В предварительный план сборника входили: вводная статья авторства А.Я. Аросева, председателя правления ВОКС; во французскую часть сборника – статьи Жана Перрена (Jean Perrin), Франсуа Жакоба (François Jacob), Клаудиуса Рего (Claudius Regaud), Жака Адамара (Jacques Hadamard), Мориса Лемуана (Maurice Lemoigne), Фернана Селлерье (Fernand Cellérie), Франсиса Перрена (Francis Perrin) и др.; с советской стороны авторами были избраны Лякс берг[3], Андрей Дмитриевич Архангельский, Николай Михайлович Федоровский, Алексей Николаевич Бах, Дмитрий Николаевич Прянишников, Иван Вячеславович Якушкин, Алексей Капитонович Гастев, Сергей Алексеевич Лебедев, Николай Александрович Бернштейн, Иван Матвеевич Виноградов и др. Также в сборнике планировалось опубликовать обзор советской и иностранной прессы, высказывания ученых и общественных деятелей, научную хронику [9. Ф. Р-5283. Оп. 8. Д. 236. Л. 66].

По содержанию сборника статей Франко-советской декады, а также по выбранным темам и сохранившим-

ся стенограммам докладов французских ученых можно сделать вывод: французские ученые представляли результаты собственных научных разработок, советские же ученые, скорее, докладывали об успехах целой научной дисциплины или научной школы СССР. Поэтому данное мероприятие представлялось как диалог двух традиций организации научной деятельности: индивидуалистской, присущей французским ученым, и коллективной, советской. Однако в ходе празднования Декады научного сотрудничества отмечались общие черты между французской и советской наукой, которые должны были объединить общими целями научную работу двух государств. Так, в кратких тезисах о посещении французской делегацией Астрономического института им. П.К. Штернберга МГУ профессор В.Г. Фесенков отмечал, что принципы организации научной работы во Франции ближе Советскому Союзу, чем в Германии, поскольку Франция славится своими государственными научными учреждениями, в отличие от Германии, где вся работа производится частными компаниями, охраняющими свои изобретения патентами, в связи с чем он заключил: «Чрезвычайно желательна более тесная связь в работе французских и советских астрономов» [9. Ф. Р-5283. Оп. 8. Д. 236. Л. 42]. Похожие мотивы звучали и в приветствии Эрнесту Эсклангону (Ernest Esclangon): «Когда-то научные работники могли вести свою работу изолированно друг от друга, но эти далекие времена давно прошли. Громадное развитие науки, научная и философская важность поставленных вопросов, подчас их промышленная ценность заставляют научных работников искать сближения. Знаменитые имена корифеев французской науки нам близки и дороги; мы, русские астрономы, с неослабным интересом и пользой следим за успехами французской астрономии. В частности, по литературным данным мы знакомы с деятельностью главной из французский обсерваторий, Обсерватории Парижа, но в то же время мы прекрасно пониманием важность непосредственного общения, высоко ценим важность живого слова. Вот почему мы искренне приветствуем Вас, уважаемый коллега, здесь, в Москве, как крупного французского астронома, как члена Академии и руководителя главнейшей Обсерватории Франции; мы выражаем горячую надежду и твердую уверенность, что эта первая попытка непосредственного франко-советского научного сближения для нас, советских астрономов, даст ценные плоды, будет развиваться и во всяком случае не будет последней» [9. Ф. Р-5283. Оп. 8. Д. 236. Л. 45]. В связи с этим в планы празднования Декады научного сотрудничества входили следующие мероприятия: пропаганда отправки за границу научных работ для печати в иностранных изданиях, приглашение французских ученых к публикации своих трудов в советских журналах, увеличение числа командируемых во Францию советских молодых научных сотрудников, приглашение ряда французских ученых в СССР для чтения курсов лекций в советских университетах, направление с этой же целью советских ученых во Францию.

Что же касается финансирования, почти все расходы по организации мероприятия легли на советскую сторону, поскольку французское правительство выделило лишь по 2 тыс. франков каждому ученому на проезд от Парижа до границы и обратно [7. P. 445]. В СССР материальный вопрос был урегулирован государством. Событие такого масштаба стало довольно затратным для СССР. По ориентировочной смете Декада научного сотрудничества обошлась в 141 тыс. рублей, включая проезды по стране французских ученых и транспорт в городе (4 «Линкольна» по 10 часов в день на 15 дней), питание, услуги носильщиков, переводчиков, билеты в театры, кино и музеи, а также обеспечение личным транспортом, снабжение печатными материалами, организацию больших приемов [9. Ф. Р-5283. Оп. 8. Д. 234. Л. 5].

Сама программа французской недели, как ее называли на заседаниях ВОКС, должна была быть насыщенной: комиссия, ответственная за празднование Декады, старалась спланировать неделю так, чтобы успеть показать как можно больше советских научных достижений, а также организовать культурный отдых французской делегации. День был расписан по минутам. Так, французские ученые должны были прибыть в Москву 9 мая, их встречали на вокзале, а затем угощали завтраком в ВОКС. Вечером гости сопровождались в театр. 10 мая французских гостей ждали специализированные экскурсии: первая группа направлялась в Центральный аэрогидродинамический институт, вторая – в лаборатории Института прикладной минералогии и Института геологии и минералогии, третья – в Онкологический институт, Патологоанатомический институт и Хирургическую клинику, последняя группа направлялась в Центральный институт труда и музей при этом Институте. Потом гостей ждал завтрак во французском посольстве, а вечером – «гарден-парти» (светский прием в саду) у М.М. Литвинова. Вечером же проводились научные заседания [9. Ф. Р-5283. Оп. 8. Д. 236. Л. 69–72.]. Помимо официальных приемов и научных секций советская сторона показывала документальные фильмы, проводила экскурсии в трудовые коммуны, на заводы, в лаборатории, институты, музеи, школы, больницы; французская делегация также сопровождалась на различные выставки, а после устраивались чаепития. Данный план был рассчитан только на московскую часть недели, а мероприятия проводились еще и в Ленинграде и Харькове. Изначально, проведение Декады планировалось до 20 мая включительно [9. Ф. Р-5283. Оп. 8. Д. 236. Л. 62], в итоге же все мероприятия проходили в период с 9 по 22 мая.

Работа секций была плодотворной. По плану специальной комиссии заседания должны были проходить в формате диалога между французскими и советскими лекторами, чтобы создать почву для дискуссии между участниками. Так, примечательным событием была лекция-беседа профессора Фернана Селлерье (Fernand Cerellier), посвященная постройке Дворца техники в Москве. Профессор Селлерье был представлен профессором П.А. Юзбашевым, который подчеркнул, что приезд делегации французских ученых означает консолидацию научных связей между СССР и Францией, знания профессора Селлерье по архитектуре

особенно важны для осуществления такого важного проекта, который «должен быть центром внешкольного образования, и должен стать исследовательским центром, благодаря своим институтам и лабораториям, которые займутся исследованием истории техники, организационными вопросами, организации работы и технической индустрии и т.д.» [9. Ф. Р-5283. Оп. 8. Д. 236. Л. 9]. Заранее профессору Селлерье передали основные сведения о Дворце техники и обозначили примерный круг вопросов, которые особенно интересовали советскую сторону [9. Ф. Р-5283. Оп. 8. Д. 236. Л. 51–54]. В свете данной задачи профессор Селлерье предоставил свои рекомендации относительно архитектурного проектирования Дворца техники и ответил на вопросы аудитории, которые касались выставочных залов, документальных фильмов, оформления Дворца, высоты здания, освещения залов, лабораторий, рабочих кабинетов для инженеров многих других аспектов проектирования и строительства. В завершение было отмечено, что данная встреча положила начало серии научных консультаций при строительстве Дворца [9. Ф. Р-5283. Оп. 8. Д. 236. Л. 28].

С советской стороны освещение мероприятий в прессе было запланировано изначально. 9 мая 1934 г. вышел специальный номер газеты «Техника», посвященный советско-французскому научному сотрудничеству, где были отмечены успехи французской науки от Декарта до Марии Кюри [7. Р. 446]. Празднованию Декады научного сотрудничества была отведена первая полоса этого номера. 9 мая 1934 г. прибытие французских ученых освещалось в большой заметке в газете «Известия ЦИК СССР», где о французских ученых писали ученые Советского Союза, профессора и академики [10]. 9 мая газета «Правда» освещала прибытие французской делегации ученых в Москву; ниже она опубликовала беседу с А.Я. Аросевым под названием «Величайший фактор дальнейшего сотрудничества народов Франции и СССР». В этой статье Аросев поприветствовал французскую делегацию и отметил, что наука СССР будет обогащаться в результате контакта с научными силами Западной Европы и Америки, но и научная жизнь Запада будет также более плодотворно развиваться от этого сотрудничества. Он также выразил надежду, что «настоящий визит французских гостей не останется эпизодом, а будет первым шагом в установлении систематического сотрудничества в научной области; это сотрудничество само по себе явится величайшим фактором в деле взаимного понимания и дальнейшего сближения народов Франции и СССР» [11]. Также «Известия» освещали прибытие французских ученых в Ленинград 21 мая, отмечая, что их приветствовали президент Академии наук академик А.П. Карпинский, академики А.А. Борисяк и А.Ф. Иоффе [12]. ВОКС, в свою очередь, планировало публиковать тематические статьи в Медицинской газете, журналах «За рубежом», «Фронт науки и техники», «Социалистическая реконструкция и наука» (СОРЕНА), в специальных изданиях институтов и научных обществ. Все отчеты переписывались и затем публиковались на французском языке в ВОКС. Французские дипломаты с удовлетворением отмечали, что вклад французской науки в мировую научную историю восстанавливается [7. Р. 446–447].

С французской стороны празднование Декады активно освещалось в коммунистической прессе, из так называемой «буржуазной» периодики информировала о событии газета Le Temp» в двух статьях. Автор первой статьи, специальный корреспондент Пьер Берлан (Pierre Berland), с восхищением отзывался о прошедших мероприятиях и выразил благодарности как французской, так и советской стороне. Он отметил, что это была непростая задача для всех организаторов, и в завершение публикации отзывался так: «В своей прекрасной речи, которая произвела глубокое впечатление на всех присутствующих, г-н Крестинский охарактеризовал франко-советское сближение как важнейший шаг в укреплении мира. Посол в Берлине на протяжении многих лет, г-н Крестинский прекрасно знает немецкий язык. За последние несколько месяцев он приложил немало усилий для изучения нашего языка, которым теперь владеет свободно. Именно на французском языке он произнес свою речь и приветствовал от советского правительства наших ученых. Трогательно чествовали наших соотечественников их российские коллеги и студенты. Мы смогли присутствовать на лекциях господ Адамара и Рего, к которым, надо сказать, советские ученые отнеслись наилучшим образом. Их доклады были выслушаны внимательной и приветливой аудиторией, которая аплодировала им стоя. Так было положено блестящее начало франко-советскому научному сближению. Прошедшая декада заложила основы для будущего сотрудничества. Частые визиты наших ученых в СССР и советских ученых во Францию, регулярный обмен между Парижем и Москвой должны принести свои плоды» [13].

Франко-советская Декада научного сотрудничества стала вершиной в установлении и развитии официальных научных отношений между СССР и Францией. Это историческое событие без преувеличения является наиболее сильным фактором для развития научного сотрудничества как с политической, так и с научной точки зрения. Тем не менее актуальной остается оценка этого мероприятия с позиции укрепления научного взаимодействия между двумя государствами в период «розового десятилетия». Взгляд исследовательницы Рашель Мазюи предлагает другую перспективу, в которой данное событие предстает театральной постановкой советской власти, не получившей должной поддержки с французской стороны [7. Р. 447–448]. 20 мая 1934 г. на первой полосе «Известий ЦИК СССР» была опубликована следующая новость: «Специальный корреспондент “Тан” отмечает, что французские ученые были встречены советскими властями и учеными кругами с чрезвычайно дружественным вниманием. Эта декада является только первой: за ней, естественно, должно последовать посещение советскими учеными Франции. Таким образом установится наиболее плодотворное сотрудничество» [14]. Делегация советских ученых посетила Францию с ответным визитом в 1935 г. по официальному приглашению Парижского университета [15]; 26 ноября они были представлены президенту Французской Республики Альберу Лебрену.

Неделя франко-советского научного сближения во Франции проходила с 25 ноября по 2 декабря 1935 г. [16], в состав советской делегации вошли 10 ученых. Во Франции В.А. Осинский выступил по радио, О.Ю. Шмидт сделал доклад об арктических исследованиях, Г.А. Надсон поделился результатами своих последних работ в области биологии микроорганизмов, профессора А.Н. Фрумкин и С.И. Мицкевич сделали доклады по вопросам электрофизики и электрохимии, физиолог А.Д. Сперанский и хирург Н.Н. Бурденко сообщили о результатах своих работ, С.Н. Бернштейн и Б.И. Сегал выступили с докладами по проблемам математики. Выступления в Париже проводились при поддержке Комитета по восстановлению научных связей с СССР, а также ректора Парижского университета Себастьяна Шарлети [17]. Таким образом, празднование Декады франко-советского научного сближения не осталось без внимания французской стороны, которая также оказала теплый прием советским ученым [18]. Более подробное изучение данной поездки, а также официальных связей между СССР и Францией представляет горизонт для будущих исследований.

Рассмотрение же празднования Декады научного сотрудничества, проведенной в СССР, выявило способы, применяемые советской стороной для создания максимально благоприятного впечатления на французскую делегацию. Более того, для советской власти данное мероприятие было выгодно и с политической точки зрения, поскольку оно не только позволило укрепить научное сотрудничество с Францией, но и предстало одним из способов распространения советской пропаганды на французскую интеллектуальную элиту, которая не была равнодушной к науке Советского Союза, разделившись на две противоположные группы в вопросе симпатии к молодому социалистическому государству. В итоге СССР и его научная жизнь активно обсуждались за рубежом, что создало культурный прецедент в европейской ментальности, в котором Советский Союз представлялся как принципиально новая форма государственного, общественного, культурного и научного устройства, «другая Европа» [5. P. 112]. Открытый интерес Франции к науке СССР в период «розового десятилетия» сохранялся до конца 1937 г. и особо проявлялся в следующих формах: поездки французских интеллектуалов в Советский Союз (например, прибытие доктора Пьера Буржуа в СССР в 1937 г.), создание кафедр изучения русского языка, обмен литературой [4. P. 33–41]. Однако дальнейшее развитие официальных научных связей между государствами оказалось затруднено как по внешнеполитическим причинам – нарастающей в Европе угрозой войны, так и в связи с внутренней политикой СССР, где развитие международных научных отношений с 1937 г. не входило в первостепенные политические задачи. Так, несмотря на особые усилия, приложенные советской стороной для создания идеальной картины научной жизни в Советском Союзе, эти меры оказались временными и перестали быть актуальными к концу десятилетия.

Примечания

[1] Термин, предложенный писателем и журналистом Артуром Кестлером, описывающий период с 1930 по 1937 г., обозначающий активный интерес Запада к Советскому Союзу, его культуре и науке, спорту и т.д., связанный также и со стремлением СССР к пропаганде успехов в этих областях.

[2] Эдуард Эррио написал два произведения про Советский Союз и свои политические взгляды: в 1922 г. он опубликовал работу под названием «Новая Россия» (La Russie Nouvelle), в 1928 г. – работу «Почему я радикал-социалист» (Pouquoi je suis radical-socialiste), а в 1934 г. – сочинение «Восток» (Orient), которое было переведено и опубликовано в СССР в 1934 г.

[3] Вероятно, в написании фамилии была допущена ошибка, и имелся в виду Константин Андреевич Флаксбергер.

Список источников

1. Котова Г.Д. Франция и развитие культурных и научных связей с Советским Союзом (1924–1935) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. 263 с.
2. Любина Г.И. Основные направления сотрудничества советских и французских ученых в 20–30-е гг. XX в. (точные и естественные науки) // Вопросы истории естествознания и техники. 1985. № 3. С. 120–127.
3. Фандо Р.А. Советско-французские научные связи (1920–1930-е гг.). М. : Янус-К, 2023. 252 с.
4. Mazuy R. Croire plutôt que voir ? Voyages en Russie soviétique (1919–1939). Paris : O. Jacob, 2002. 370 p.
5. Wardhaugh J. Europe in the Mirror of Russia: How Interwar Travels to the Soviet Union Reshaped European Perceptions of Borders, Time and History // Contemporary European History. 2023. Vol. 32 (1). P. 97–113.
6. Sapiro G. L'internationalisation des champs intellectuels dans l'entre-deux-guerres : facteurs professionnels et politiques // L'espace intellectuel en Europe. De la formation des États-nations à la mondialisation XIXe–XXIe siècle. Paris : La Découverte, 2009, P. 111–146.
7. Mazuy R. La décade scientifique franco-soviétique de 1934 // Cahiers du Monde Russe. 2002. Vol. 43 (2-3). P. 441–448.
8. Косырева Е.В. Французы в научной жизни России XX в. в документальных публикациях Архива РАН // Французы в научной и интеллектуальной жизни СССР в XX веке. М. : ИВИ РАН, 2013. С. 12–17.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
10. Французские ученые в Москве // Известия. 1934. № 107. С. 3.
11. Величайший фактор дальнейшего сотрудничества народов Франции и СССР // Правда. 1934. № 126. С. 6.
12. Французские ученые в Академии наук // Известия. 1934. № 118. С. 1.
13. La décade scientifique française en URSS // Le Temps. 1934. № 26571. P. 2.
14. Французские ученые в СССР // Известия. 1934. № 116. С. 1.
15. Приглашение советских ученых во Францию // Известия. 1935. № 94. С. 2.
16. Пребывание советских ученых во Франции // Правда. 1935. № 326. С. 5.
17. Советские ученые в Париже // Известия. 1935. № 279. С. 4.
18. La visite de savants soviétiques en France // Le temps. 1935. № 27112. P. 2.

References

1. Kotova, G.D. (1979) *Frantsiya i razvitie kul'turnykh i nauchnykh svyazey s Sovetskim Soyuzom (1924–1935)* [France and the Development of Cultural and Scientific Ties with the Soviet Union (1924–1935)]. History Cand. Diss. Moscow.

2. Lyubina, G.I. (1985) Osnovnye napravleniya sotrudnichestva sovetskikh i frantsuzskikh uchenykh v 20–30-e gg. XX v. (tochnye i estestvennye nauki) [The main areas of cooperation between Soviet and French scientists in the 1920s – 1930s (exact and natural sciences)]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 3. pp. 120–127.
3. Fando, R.A. (2023) *Sovetsko-frantsuzskie nauchnye svyazi (1920–1930-e gg.)* [Soviet-French Scientific Ties (1920s – 1930s)]. Moscow: Yanus-K.
4. Mazuy, R. (2002) *Croire plutôt que voir? Voyages en Russie soviétique (1919–1939)*. Paris: O. Jacob.
5. Wardhaugh, J. (2023) Europe in the Mirror of Russia: How Interwar Travels to the Soviet Union Reshaped European Perceptions of Borders, Time and History. *Contemporary European History*. 32(1). pp. 97–113.
6. Sapiro, G. (2009) L'internationalisation des champs intellectuels dans l'entre-deux-guerres: facteurs professionnels et politiques. In: *L'espace intellectuel en Europe. De la formation des États-nations à la mondialisation XIXe–XXIe siècle*. Paris: La Découverte. pp. 111–146.
7. Mazuy, R. (2002) La décade scientifique franco-soviétique de 1934. *Cahiers du Monde Russe*. 43(2-3). pp. 441–448.
8. Kosyreva, E.V. (2013) Frantsuzy v nauchnoy zhizni Rossii XX v. v dokumental'nykh publikatsiyakh Arkhiva RAN [The French in the scientific life of Russia in the 20th century in documentary publications of the RAS Archives]. In: Chubaryana, A.O., Lishtenan, F.-D., Kere, S. & Okuneva, O.V. (eds) *Frantsuzy v nauchnoy i intellektual'noy zhizni SSSR v XX veke* [The French in the scientific and intellectual life of the USSR in the 20th century]. Moscow: RAS. pp. 12–17.
9. The State Archives of the Russian Federation (GARF).
10. *Izvestiya*. (1934a) Frantsuzskie uchenye v Moskve [French scientists in Moscow]. 107. p. 3.
11. *Pravda*. (1934) Velichayshiy faktor dal'neyshego sotrudnichestva narodov Frantsii i SSSR [The greatest factor in further cooperation between the peoples of France and the USSR]. 126. p. 6.
12. *Izvestiya*. (1934b) Frantsuzskie uchenye v Akademii nauk [French scientists at the Academy of Sciences]. 118. p. 1.
13. *Le Temps*. (1934) La décade scientifique française en URSS. 26571. p. 2.
14. *Izvestiya*. (1934c) Frantsuzskie uchenye v SSSR [French scientists in the USSR]. 116. p. 1.
15. *Izvestiya*. (1935a) Priglashenie sovetskikh uchenykh vo Frantsiyu [Invitation of Soviet scientists to France]. 94. p. 2.
16. *Pravda*. (1935) Prebyvanie sovetskikh uchenykh vo Frantsii [Soviet scientists in France]. 326. p. 5.
17. *Izvestiya*. (1935b) Sovetskie uchenye v Parizhe [Soviet scientists in Paris]. 279. p. 4.
18. *Le temps*. (1935) La visite de savants soviétiques en France. 27112. p. 2.

***Сведения об авторе*:**
Хаблова Елизавета Сергеевна – научный сотрудник отдела истории биологических и химических наук Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской Академии наук (Москва, Россия). E-mail: samomamo@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Khablova Elizaveta S. – Researcher of Department of History of Biological and Chemical Sciences at S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology at the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-Mail: samomamo@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.09.2023; принята к публикации 12.09.2024

The article was submitted 22.09.2023; accepted for publication 12.09.2024

Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91
Tomsk State University Journal of History. 2024. № 91

Научная статья
УДК 577:001.83(47+44)
doi: 10.17223/19988613/91/23

«Французские ученые были тронуты вниманием…»: из истории советско-французского сотрудничества в области молекулярной биологии и биохимии во второй половине 1970-х гг.

Сергей Викторович Шалимов

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Москва, Россия, sshal85@mail.ru

Аннотация. Анализируется развитие научных связей советских и французских молекулярных биологов и биохимиков во второй половине 1970-х гг. Исследуется советско-французское взаимодействие в контексте международной политической обстановки. В частности, проводится сравнение советско-французских и советско-американских научных связей. Используется большой объем впервые вводимых в научный оборот архивных документов, а также воспоминания участников сотрудничества. Трудности в развитии советско-французского сотрудничества были общими для всей советской науки и ее международных коммуникаций и обусловливались «холодной войной» и «железным занавесом».
Ключевые слова: международные научные связи, молекулярная биология, научно-техническое сотрудничество, Франция, А.А. Баев, М. Грюнберг-Манаго

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00564 «Советско-французские научные связи в области биологии (1930–1970-е гг.)».

Для цитирования: Шалимов С.В. «Французские ученые были тронуты вниманием…»: из истории советско-французского сотрудничества в области молекулярной биологии и биохимии во второй половине 1970-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 192–199. doi: 10.17223/19988613/91/23

Original article

“French scientists were impressed…”: Soviet-French scientific links in the field of molecular biology and biochemistry in the second half of the 1970s

Sergey V. Shalimov

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, sshal85@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the scientific links of Soviet and French molecular biologists and biochemists in the second half of the 1970s. This cooperation is associated with the names of the prominent Russian and French scientists. The pioneers of this cooperation were Academicians A.A. Baev, Yu.A. Ovchinnikov, A.S. Spirin, L.L. Kiselev, and other Soviet scientists, and Marianne Grunberg-Manago, François Gros, and Jean-Pierre Ebel, on the French side. Despite the fact that Russian / Soviet-French scientific links, including contacts in the field of biology, are to some extent represented in Russian and foreign literature, only the first steps have been taken in studying the effective interaction of molecular biologists and biochemists of the two countries. Soviet-French scientific cooperation manifested most vividly in the symposia devoted to “Physico-chemical origin of life”, the first of which was held in 1974. Until the mid-1990s, symposia were regularly held alternately in USSR/Russia and France. The author analyzes Soviet-French collaboration in the context of international political situation. Specifically, the research provides comparison between Soviet-French and Soviet-American scientific links. The paper is based on the wide range of new archival sources, first of all on the documents from the funds of the Main directorate of the foreign relations of the USSR Academy of Sciences, Institute of molecular biology and memoirs. The author studies the symposium in Tashkent (1977) and the results of the foreign trips of Soviet researchers. The paper concludes about achievements in the development of Soviet-French scientific links. Despite the deteriorating international situation, the symposia continued. Due to the trips to France Soviet scientists were familiarizing with the level of research abroad and were receiving valuable experience. At the same, time the author touches upon the difficulties that hindered international contacts. These problems were common for the Soviet science and were caused by the Cold War and the Iron Curtain.
Keywords: international scientific links, molecular biology, cooperation in science and technology, France, A.A. Bayev, M. Grunberg-Manago

© С.В. Шалимов, 2024

Acknowledgements: The research was carried out with support from the Russian Science Foundation (RSF) according to the research grant no. 22-18-00564 “The history of scientific cooperation in biology between Soviet Union and France in the 1930s–1970s”.

For citation: Shalimov, S.V. (2024) “French scientists were impressed…”: Soviet-French scientific links in the field of molecular biology and biochemistry in the second half of the 1970s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 91. pp. 192–199. doi: 10.17223/19988613/91/23

Советско-французские симпозиумы по проблеме «Физико-химические основы жизни» являлись одним из наиболее ярких примеров успешного научно-технического сотрудничества двух стран. Проводимые с 1974 г. до середины 1990-х гг. совместные симпозиумы были стержнем советско/российско-французских научных связей в области молекулярной биологии и биохимии и оставили значимый след в истории данной научной дисциплины.

Успешное советско-французское сотрудничество в сфере физико-химических основ жизни в какой-то степени нашло отражение в воспоминаниях и интервью ученых [1–4]. Вместе с тем данная тема недостаточно изучена в трудах профессиональных историков. Несмотря на наличие определенного количества работ по истории советско/российско-французских научных контактов [5–18], в исследовании взаимодействия молекулярных биологов и биохимиков двух стран сделаны лишь первые шаги (см., напр.: [19, 20]).

В настоящей статье мы рассмотрим совместный симпозиум в Ташкенте (1977) и ряд командировок советских ученых во Францию на основании документов из фонда Главного управления внешних связей АН СССР (ф. 579) и Института молекулярной биологии АН СССР (ныне – Институт молекулярной биологии им. В.А. Энгельгардта РАН) (ф. 1979) Архива Российской академии наук, а также воспоминаний известных отечественных биохимиков.

Говоря о хронологических рамках работы, необходимо отметить, что во второй половине 1970-х гг. наметилась тенденция к обострению «холодной войны» и усилению конфронтации между СССР и США, что оказало существенное влияние на советско-американские научные коммуникации. Тем не менее советско-французское сотрудничество серьезных изменений не претерпело. Обозначенные процессы также нашли отражение в предлагаемом исследовании применительно к биологическим наукам.

Согласно распоряжению Президиума АН СССР от 26 мая 1977 г. советско-французский симпозиум «Взаимодействие белков и нуклеиновых кислот» должен был пройти в Ташкенте с 5 по 9 сентября 1977 г. Предполагалось 100 участников, в том числе 25 французских ученых. В целях организации мероприятия создавался оргкомитет под председательством академика А.С. Садыкова[1]. Сопредседателем оргкомитета был назначен академик А.А. Баев[2]. Проведение симпозиума поручалось Институту молекулярной биологии АН СССР и Институту биохимии АН Узбекской ССР [21. Л. 60–61]. Представляет интерес отчет Управления внешних сношений (УВС) АН СССР по приему иностранных ученых в рамках данного симпозиума. В документе сообщалось, что с 4 по 15 сентября 1977 г. в Советском Союзе находилась делегация из 26 французских ученых, в числе которых были такие известные исследователи как М. Грюнберг-Манаго[3], Ж.-П. Эбель[4] и др. Авторы отчета приводят характерные свидетельства французских гостей как в отношении симпозиума, так и касательно советской науки и жизни в СССР в целом: «Во время бесед с французскими учеными и их женами они неизменно высказывали самые дружественные слова в адрес советских ученых, высоко оценивали достижения нашей науки и культуры, по их словам, воочию убедились, каких огромных успехов добилась наша страна во всех областях, особенно при решении национального вопроса, на примере Узбекистана. Не было ни одного провокационного вопроса» [21. Л. 94].

Далее в документе высоко оценивалась организационная работа, проведенная УВС АН УзбССР и Институтом биохимии АН УзбССР: «Высокий научный уровень докладов, устройство в первоклассной гостинице, образцовая организация передвижения делегатов, их питания в ресторане, быстрое удовлетворение всех пожеланий, если не сказать иногда капризов, наших гостей. Представители Академии наук Узбекской ССР успешно справились со сложной и ответственной задачей проведения международного симпозиума. Все это осуществлялось под непосредственным руководством академика А.С. Садыкова, президента Академии наук Узбекской ССР. Его присутствие в аэропорту в воскресенье в поздний час при отлете участников симпозиума в Москву вызвало всеобщее одобрение. Французские ученые были тронуты вниманием своих узбекских коллег» [21. Л. 94–95].

В свою очередь, в отчете А.А. Баева о советско-французском сотрудничестве по проблеме «Физико-химические основы жизни» за 1977 г. прошедший симпозиум характеризовался высоким научным уровнем. Французская сторона приветствовала участие большого числа молодых советских ученых, представивших ряд оригинальных исследований. Участники симпозиума единодушно одобрили расширение практики стендовых сообщений, способствовавшее установление более широких личных контактов. Также было признано целесообразным проведение «круглого стола» по одной из тем. Помимо высокой оценки научного уровня и организации симпозиума, французские коллеги выражали благодарность за возможность ознакомиться с историческими и архитектурными памятниками Узбекской ССР [21. Л. 103–104.].

Как вспоминал участник советско-французских симпозиумов академик А.А. Богданов[5], экскурсионная часть была важной составляющей. Все симпозиумы состояли из двух больших блоков: один – научно-туристический, второй – чисто научный. Например, в ходе симпозиу-

ма в Конкарно (1975), французские коллеги организовали для советских ученых настоящее путешествие с посещением знаменитого острова-крепости Мон-Сен-Мишель. То же самое было, когда французские гости приезжали в Советский Союз. В целом и в научной части симпозиумов, и в экскурсионной присутствовал ключевой элемент – общение. Симпозиумы были исключительно важны тем, что на них завязывались конкретные связи, которые открывали путь к продолжительной совместной работе и благодаря которым советские ученые ездили во Францию [4. С. 190–192, 194].

В упоминавшемся отчете А.А. Баева говорится о подобных командировках. В частности, в 1977 г. состоялась долгосрочная (6 месяцев) командировка старшего научного сотрудника Институт биохимии им. А.Н. Баха АН СССР Н.В. Белициной в Биохимическую лабораторию в Полезо. Работа проводилась совместно с Институтом белка АН СССР под руководством академика А.С. Спирина[6].

Также в документе сообщалось о запланированной на IV квартал 1977 г. 4-месячной командировке старшего научного сотрудника Института молекулярной биологии АН СССР О.О. Фаворовой[7] в Институт молекулярной и клеточной биологии в Страсбурге. Ее исследование должно было проводиться под руководством Л.Л. Киселева с советской стороны и Ж.-П. Эбеля с французской [21. Л. 104–105].

В фонде Института молекулярной биологии АН СССР имеется отчет О.О. Фаворовой о состоявшейся командировке. Она находилась во Франции с 23 января по 24 мая 1978 г. по приглашению и за счет французской стороны, получив специальную стипендию. Как писала О.О. Фаворова, она выполняла экспериментальную работу в лаборатории биохимии Института молекулярной и клеточной биологии в Страсбурге, а также посетила ряд ведущих лабораторий Франции в области молекулярной биологии.

Как подчеркивала автор отчета, возможность получения такой стипендии советским ученым явилась следствием тесных научных контактов между Советским Союзом и Францией в области молекулярной биологии, постоянно поддерживающихся благодаря ежегодным советско-французским симпозиумам.

За время командировки О.О. Фаворова ознакомилась с работой целого ряда научно-исследовательских учреждений в Париже: отдела биохимии Института физико-химической биологии, возглавлявшегося М. Грюнберг-Манаго; лаборатории биохимии развития Института молекулярной биологии под руководством Ф. Шапвиля; отдела молекулярной биологии Института Пастера, руководимого Ф. Гро. Кроме того, она посетила биохимические лаборатории Политехнической школы в Палезо, Университета Бордо II, Биохимический центр при Университете в Ницце. Эти визиты позволили изучить исследования в области белкового синтеза, которые проводились во Франции. По мнению автора отчета, данная область молекулярной биологии находилась в центре внимания широкого круга ученых.

Помимо этого, О.О. Фаворова имела возможность проанализировать «научный быт» и оценить уровень организации научной работы во Франции: «…хотелось бы отметить очень хорошую систему организации труда, позволяющую сравнительно небольшому числу работников быстро и четко обеспечивать проводимые эксперименты. Научный сотрудник полностью освобожден от таких неквалифицированных операций, как мытье лабораторной посуды (имеются специальные моечные машины) и приготовление растворов, выполняемое лаборантами в централизованном порядке, для целых групп и лабораторий. Это позволяет исследователю полностью сосредоточить усилия на планировании и проведении сложных научных экспериментов и резко увеличивает производительность его труда и эффективность научных исследований».

При этом в документе отмечаются финансовые проблемы французской науки: «Говоря об организационной стороне научных исследований в области молекулярной биологии во Франции, нельзя не отметить все более остро встающий вопрос о финансировании научных исследований, в первую очередь влияющий на трудоустройство молодых специалистов. В настоящее время единственной реальной возможностью для молодых специалистов является получение стипендии Европейской организации молекулярной биологии (ЕМБО) для работы в других европейских странах (ФРГ, Швейцария и др.)»[8] [23. Л. 2–6].

Яркой иллюстрацией атмосферы советско-французского сотрудничества является свидетельство О.О. Фаворовой об отношении французских партнеров: «Хочется с чувством глубокого удовлетворения отметить уважение, которое было оказано во Франции мне как советскому специалисту и живой интерес, проявленный французскими коллегами во время многочисленных встреч, бесед и семинаров к работе, проделанной мной во Франции, а также к исследованиям в области аминоацил-тРНК-синтетаз, проводившимся в ИМБ АН СССР. Дружеское гостеприимство, внимание и теплота, которые мне оказывали коллеги по работе, имели немаловажное значение для создания благоприятного морального климата, способствующего успешному выполнению совместной научной работы в сжатые сроки» [23. Л. 6].

Подобное доброжелательное отношение к советским ученым нашло отражение в ряде других отчетов сотрудников Института молекулярной биологии АН СССР. В частности, в марте 1978 г. старший научный сотрудник, доктор биологических наук О.И. Епифанова участвовала в работе 9-го совещания Европейской группы по изучению пролиферации клеток, проходившего в парижском пригороде Вильжюифе. В своем отчете о командировке она писала: «Во время пребывания во Франции отношение ко мне было неизменно внимательным и дружеским. Французские ученые интересуются советскими исследованиями в области пролиферации клеток. Контакты такого рода чрезвычайно полезны, и их следует продолжать и расширять» [23. Л. 34].

В свою очередь, в отчете заведующего лабораторией электронно-микроскопических исследований биополимеров и макромолекулярных структур клетки института, доктора биологических наук А.С. Тихоненко, находившейся во Франции с 19 июня по 19 июля 1978 г.,

сообщается: «…мне хочется отметить очень доброжелательное ко мне отношение во всех лабораториях, в которых я работала и которые мне удалось посетить. Мне была предоставлена возможность произвести ксерокопии прописей методик и многих интересующих меня научных статей из малодоступных для нас научных журналов и методических пособий, а также мне было подарено много оттисков статей. Кроме того, я имела возможность воспроизвести ряд особенно важных для наших исследователей методов самостоятельно».

Наряду с этим документ содержит ценные характеристики французских лабораторий электронной микроскопии и электронной оптики. Например, лабораторию в Тулузе автор отчета описывает так: «Лаборатория электронной оптики фактически является небольшим институтом, в состав которой входит 80 человек постоянного научно-технического персонала, из них всего 15 человек научных сотрудников. Помимо основного состава, около 30 научных сотрудников совмещают научную работу с преподаванием. Кроме того, в лаборатории, как правило, работают 15–16 ученых из разных стран, проводя различные исследования на уникальном оборудовании. <…> Лаборатория электронной оптики оснащена превосходным оборудованием и располагает двумя высоковольтными электронными микроскопами (3 млн вольтным и 1,5 млн вольтным), размещенными в специально построенных зданиях. <…> При лаборатории имеются прекрасно оборудованные мастерские (80 человек), где изготавливаются новые приборы и модифицируются старые, а также конструкторское бюро».

Высокой оценки удостоилась лаборатория электронной микроскопии Института раковых исследований в Париже: «Основной состав лаборатории включает всего 6 научных сотрудников и 4 старших лаборанта. Однако немногочисленный состав лаборатории компенсируется подвижностью формирования научных групп, объединенных общей задачей исследования, но владеющих различными методическими приемами. Кроме того, следует отметить очень высокий уровень лаборантов, которые владеют практически всеми достаточно сложными электронно-микроскопическими методиками, применяемыми в лаборатории (ультратомия, криотомия, электронная цитохимия). Как правило, в лаборатории всегда работает большое число иностранных ученых из разных стран. <…> Важно отметить, что в лаборатории большое внимание уделяется фотографическому процессу, и она оснащена современными фотоувеличителями, которые обеспечивают высокое качество микрофотографий. Микроскопы обслуживает один инженер. Все хозяйственные, финансовые дела и оформление статей в печать входят в обязанности секретаря…» [23. Л. 77–79].

В том же 1978 г. будущий академик и директор Института молекулярной биологии АН СССР, а в то время заведующий лабораторией, доктор химических наук А.Д. Мирзабеков[9] принял участие в Гордоновской конференции[10]. Отчет об этой поездке красноречиво говорит об отличии в отношении к отечественным ученым в США по сравнению с Францией.

Как сообщалось в документе, А.Д. Мирзабеков совместно с Г.П. Георгиевым[11] находились в США с 16 июля по 3 августа 1978 г. и, помимо участия в Гордоновской конференции, посетили университет в Сиэтле, Стэндфордский университет, Национальный институт здоровья, а также Гарвардский и Рокфеллеровский университеты. Отечественные ученые высоко оценили уровень науки в США: «В настоящее время американская молекулярная биология находится в периоде быстрого развития. Она вновь широко поддерживается фондами. Идет постоянное введение в строй новых площадей, в частности, большинство университетов оборудует генно-инженерные блоки. <…> Важной особенностью, которую следует перенять в СССР, является создание в некоторых центрах общеамериканской службы, обеспечивающей все лаборатории, что ведет к предотвращению дорогостоящего дублирования».

Особый интерес представляет раздел документа «Отношение к авторам отчета со стороны американских ученых». В частности, отмечалось: «Авторы отчета давно известны в широких кругах научной общественности. Персональное отношение к ним со стороны подавляющего большинства американских ученых не изменилось. В частности, нас практически не пытались вовлекать в провокационные разговоры о внутренних делах Советского Союза».

Вместе с тем в отчете перечислялся «ряд небольших инцидентов». Так, Г.П. Георигиев «не был допущен в лабораторию Ф. Ледера (Leder National Institute of Health), которую он посещал два года назад. Во время Гордоновской конференции Ледер охотно беседовал с нами на научные темы, рассказывал о своих работах, но в институте заявил, вероятно, под нажимом со стороны, что для граждан СССР его лаборатория закрыта. Ледер известен как один из сионистских лидеров среди американских ученых». Кроме того, в Стэндфордском университете некоторые исследователи не пришли на доклад А.Д. Мирзабекова «в знак протеста». Также Госдепартамент не рекомендовал Калифорнийскому технологическому институту давать согласие на прием советских ученых в лаборатории, занимающейся генной инженерией.

Несмотря на это, американские коллеги «по-прежнему охотно делились своими результатами, в том числе неопубликованными». При этом авторы отчета обращали внимание на новую тенденцию: «…в нескольких случаях они просили не сообщать об этом никому в США, объясняя это опасением конкуренции. Другое возможное объяснение – требование к американским ученым со стороны администрации не раскрывать результаты неопубликованных исследований советским ученым».

В документе делается неутешительный вывод о том, что ряд американских лабораторий «по-видимому, закрыт для ученых Советского Союза». Среди них назывались генно-инженерные центры Национального института здоровья, Калифорнийский технологический институт, некоторые лабораторий Стэндфордского университета. В то же время авторам отчета «удалось в принципе договориться о возможности посылки советских специалистов в ряд важных центров, где ши-

роко ведутся генно-инженерные исследования» [23. Л. 116–120].

Как известно, во второй половине 1970-х гг., после непродолжительного периода разрядки, происходит охлаждение в отношениях между СССР и США, особенно с приходом к власти Джимми Картера. Данные процессы оказали влияние и на развитие научно-технического сотрудничества между СССР и США. Если на заре детанта в рамках переговоров между лидерами двух стран были заключены соглашения об обменах и научной кооперации, то в последующий период научно-техническая политика США была направлена на сокращение сотрудничества с Советским Союзом[12].

В данном контексте советско-французские научные связи развивались гораздо более благоприятно. Плодотворное сотрудничество двух стран продолжалось даже в условиях резкого обострения международной обстановки в результате советского военного вмешательства в гражданскую войну в Афганистане в конце 1979 г., когда по инициативе США была предпринята попытка организовать экономическую блокаду СССР[13] [15. С. 314, 316].

Вместе с тем нельзя не отметить те сложности, которые существенно затрудняли советско-французское взаимодействие. Прежде всего, речь идет об общих проблемах, которые являлись неотъемлемой частью международных коммуникаций Академии наук СССР. Ряд обозначенных трудностей нашел отражение в имеющихся в нашем распоряжении документах.

Например, в отчете Института молекулярной биологии АН СССР за 1975 и 1971–1975 гг. сообщалось: «Если говорить об общих недостатках в организации международных научных связей, то ими по-прежнему остаются очень жесткая система планирования и длительные сроки оформления командировок, хотя здесь и наметились определенные положительные сдвиги» [26. Л. 18]. В свою очередь, в отчете института о сотрудничестве по проблеме «Физико-химические основы жизни» за 1977 г. говорилось: «…намеченное командирование 10 молодых французских ученых в СССР не осуществляется уже в течение двух лет. Французская делегация предполагает принять конкретные меры для исправления этого положения. С советской стороны также было высказано пожелание о расширении возможностей командирования во Францию молодых советских исследователей» [27. Л. 122].

О том, с какими перипетиями приходилось сталкиваться молодым советским ученым, ярко описала в своих воспоминаниях известный биохимик, академик О.И. Лаврик[14], которая около 10 лет не могла выехать во Францию, несмотря на приглашения французских коллег. Только благодаря помощи академиков Д.Г. Кнорре и Г.К. Скрябина ей удалось сначала съездить в ГДР (в качестве первой ступени необходимо было поработать в социалистической стране), и лишь потом состоялась поездка во Францию. К этому моменту О.И. Лаврик была уже доктором наук и лауреатом Государственной премии [3. С. 142–143].

Трудности с получением разрешения на выезд были одной из главных проблем осложнявших международное сотрудничество советских ученых. Особенно тяжело приходилось молодым исследователям. О необходимости посылать молодых научных сотрудников в длительные стажировки за рубеж многократно говорилось на самых разных уровнях[15]. Несмотря на это, ситуация практически не менялась до перестройки и конца советской эпохи[16].

Таким образом, во второй половине 1970-х гг. происходило дальнейшее развитие советско-французских научных связей в области молекулярной биологии и биохимии. Несмотря на ухудшение международной обстановки, продолжалась организация совместных симпозиумов. Красноречивым примером успешного взаимодействия стал симпозиум в Ташкенте, оставивший яркий след в воспоминания его участников. Выезды советских ученых во Францию позволяли ознакомиться с уровнем исследований за рубежом и перенять ценный опыт. В то же время существенные препятствия для развития советско-французских контактов и в целом для международных коммуникаций советских ученых создавал «железный занавес». Отечественные исследователи были ограничены в возможностях выезда за рубеж, и особенно это касалось молодых ученых. Тем менее рассмотренное сотрудничество как раз и позволяло пробить брешь на пути интеграции в международное научное сообщество.

Примечания

[1] Садыков Абид Садыкович (1913–1987) – советский химик-органик, академик АН СССР. Президент Академии наук Узбекской ССР (1966–1984).

[2] Баев Александр Александрович (1904–1994) – советский и российский биохимик, академик АН СССР / РАН и ВАСХНИЛ / РАСХН. Академик-секретарь Отделения биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений АН СССР (1971–1988). Президент Международного союза биохимии и молекулярной биологии (1976–1979).

[3] Марианна Грюнберг-Манаго (1921–2013) – французский биохимик. Член Французской академии наук (1982), президент Французской академии наук (1995–1996), президент Международного союза биохимии и молекулярной биологии (1985–1988), иностранный член АН СССР / РАН (1988), иностранный член Национальной академии наук США (1982).

[4] Жан-Пьер Эбель (1920–1992) – французский биохимик. В 1973–1991 гг. – директор Института молекулярной и клеточной биологии Центра национальных исследований Франции (CNRS). Член Французской академии наук (1979), иностранный член АН СССР / РАН (1982), президент Европейской федерации биохимических обществ (FEBS; 1975–1977).

[5] Богданов Алексей Алексеевич (р. 1935) – российский биохимик, академик РАН. Главный научный сотрудник Научно-исследовательского института физико-химической биологии им. А.Н. Белозерского МГУ.

[6] Спирин Александр Сергеевич (1931–2020) – советский и российский биохимик, академик РАН. Директор Института белка АН СССР / РАН (1967–2001), заведующий кафедрой молекулярной биологии биологического факультета МГУ (1972–2012). См. о нем подробнее: [2].

[7] Фаворова Ольга Олеговна – доктор биологических наук, профессор. Главный научный сотрудник и профессор Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова.

[8] Характерно, что о ситуации с финансированием французских научно-исследовательских учреждений говорилось и в отчете академика А.А. Баева по результатам поездки делегации отечественных биохимиков во Францию в 1973 г. Одним из приложений к данному документу был «Анализ финансового обеспечения французской биологии», в котором сообщалось: «При посещении институтов делегация не однажды слы-

шала жалобы на недостаток денег. Об этом говорила М. Грюнберг-Манаго по поводу Института физико-химической биологии, Ж.-П. Эбель – о своем Институте молекулярной и клеточной биологии в Страсбурге. И во всяком случае нигде не было речи о создании новых обширных программ, о приобретении новейших дорогостоящих приборов, т.е. о всем том, что можно считать признаком финансового процветания». Также в документе сообщается о серьезных финансовых сложностях Института Пастера, которые вынудили администрацию пойти на крайние меры. Были запрещены частные разговоры сотрудников по телефону, а руководство отказалось от служебных машин и шоферов. В течение полугода были уволены 135 человек достигших или достигавших предельного возраста, часть из которых обладала достаточной квалификацией. Приводятся характерные свидетельства социальных проблем французских ученых: «Возник нелегкий вопрос их трудового устройства. Пока существует намерение предоставить этим неудачникам работу в государственных научных и административных учреждениях. Но причастные организации не уверены в осуществлении этого плана, возникли какие-то малопонятные для нас трудности с компенсациями и пенсионным обеспечением» [22. Л. 67, 77]. Безусловно, поставленный в отчетах советских ученых вопрос о финансовом положении французской биологии нуждается в дальнейшем исследовании.

[9] Мирзабеков Андрей Дарьевич (1937–2003) – российский биохимик, академик РАН. Директор Института молекулярной биологии им. В.А. Энгельгардта (1984–2003).

[10] По воспоминаниям академика А.А. Богданова, Гордоновские конференции по нуклеиновым кислотам, проходившие в США, были очень удачными. Из отечественных ученых первым на них стал ездить А.С. Спирин (с 1963 г.). Особенностью этих конференций был отбор только тех участников, которые могли рассказать что-то очень интересное. При этом предлагаемый для выступления материал нельзя было публиковать до конференции. Как отмечает А.А. Богданов, «на конференциях всегда собирался сильный молодежный коллектив. Происходило замечательное общение. Распорядок конференций был следующий: утреннее заседание; потом свободный день, все играли в баскетбол, волейбол, занимались серфингом на местных озерах; вечернее заседание. После вечернего заседания до двух часов ночи шли научные разговоры. <...> При этом приглашалось небольшое количество иностранцев, очень избирательно. Например, могли пригласить пару человек из Германии. В то время немецкие ученые только разворачивали свои исследования в этой области, как, собственно, и мы. Долгие годы нашу страну представлял только А.С. Спирин» [4. С. 193].

[11] Георгиев Георгий Павлович (р. 1933) – российский биохимик и молекулярный биолог, академик РАН. Директор-организатор Института биологии гена РАН (1990–2006).

[12] Следует подчеркнуть, что резкий поворот в международных отношениях, произошедший в конце 1970-х гг., не смог полностью разрушить фундамент научных связей. Как указывал главный ученый секретарь Академии наук СССР академик Г.К. Скрябин, по данным на 1982 г., т.е. уже после введения «санкций» и ограничений на научные контакты, объем сотрудничества между АН СССР и научными организациями США почти не сократился [24. С. 140.]

[13] В то же время резкое обострение «холодной войны» и рост международной напряженности не могли не повлиять на научные связи двух стран. Характерные свидетельства приводит известный генетик, член-корреспондент РАН И.А. Захаров-Гезехус. Повествуя об эпизодах недружественного поведения своих зарубежных коллег, он вспоминает: «Первый случай произошел в 1980 г. Здесь надо отметить, что после периода классической генетики в конце 1970-х гг. появилось направление генной инженерии. Мы хотели в него включиться. Я тогда работал в области зарождавшейся генной инженерии дрожжей. Для исследований требовались материалы, в том числе плазмиды. В Советском Союзе тогда таких плазмид не было и делать их не умели. Поэтому я написал французскому генетику Анри Эсло (Henri Heslot). До этого мы с ним переписывались и к тому же встречались на одной или двух конференциях. В 1979 г. он опубликовал работу с использованием плазмиды. Я написал ему письмо: “Пришлите, пожалуйста, плазмиду”. Эсло мне ответил так: “Когда вы выведете войска из Афганистана, я Вам пришлю плазмиду”» [25. С. 104].

[14] Лаврик Ольга Ивановна (р. 1943) – российский биохимик, академик РАН. Заведующая лабораторией Института химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН.

[15] В частности, в знаменитом постановлении АН СССР от 25 декабря 1964 г. «О развитии в Академии наук СССР научно-исследовательских работ в области генетики» предписывалось: «…в двухмесячный срок представить 25–30 кандидатур молодых специалистов по генетике, молекулярной биологии, биохимии, биофизике и биоорганической химии для направления их в командировку за границу на длительный срок [28. Л. 55].

[16] Уникальный случай имел место в начале 1960-х гг., еще в эпоху «лысенковщины», когда известный генетик, профессор и заведующий кафедрой генетики и селекции ЛГУ М.Е. Лобашев сумел направить на стажировку в Великобританию своего ученика К.В. Квитко. Через несколько лет на стажировку отправились два других ученика М.Е. Лобашева – сначала В.Г. Смирнов, а позднее будущий академик С.Г. Инге-Вечтомов. См. об этом подробнее: [29. С. 240].

Список источников

1. Лев Львович Киселев. Наука как источник жизненного оптимизма / сост. Л.Ю. Фролова, К.Л. Киселева, Е.С. Левина, С.Е. Твардовская. М. : У Никитских ворот, 2010. 512 с.
2. Александр Сергеевич Спирин. Жизнь в науке / сост. А.А. Богданов и Е.О. Самойлова; под ред. А.А. Богданова. М. : Буки Веди, 2022. 448 с.
3. Шалимов С.В. Советско-французские научные связи в области молекулярной биологии и биохимии: интервью с академиком РАН О.И. Лаврик // Историко-биологические исследования. 2021. Т. 13, № 3. С. 136–149.
4. Шалимов С.В., Богданов А.А. Советско-французское научное сотрудничество в области молекулярной биологии и биохимии // Социология науки и технологий. 2023. Т. 14, № 1. С. 186–201.
5. Русско-французские научные связи / сост. А.Т. Григорьян и А.П. Юшкевич. Л. : Наука, 1968. 298 с.
6. Дубинин Ю.В., Келин В.Н. СССР–Франция. Опыт сотрудничества (шестидесятые–семидесятые годы). М. : Политиздат, 1979. 304 с.
7. Rey M.-P. La tentation du rapprochement: France et URSS à l'heure de la détente (1964–1974). Paris : Publications de la Sorbonne, 1991. 355 p.
8. Любина Г.И. Россия и Франция: история научного сотрудничества (вторая половина XIX – начало XX вв.). М. : Янус, 1996. 263 с.
9. Мазюи-Крокетт Р. Декада франко-советского научного сближения 1934 г. // Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVIII–XX вв.) // История науки и международные связи : сб. ст. / отв. ред. В.Я. Берелович. М. : ИНИОН РАН, 2002. С. 160–166.
10. Осипова Н.М. Документы по истории русско-французских научных связей в фондах Архива РАН // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв. / отв. ред. А.О. Чубарьян, Ф.-Д. Лиштенан; сост. О.В. Окунева. М. : ОЛМА Медия Групп, 2010. С. 55–62.
11. Слепкова Н.В., Тихонова Е.П., Смирнов А.В. Сотрудничество Зоологического института РАН с зоологами Франции // Санкт-Петербург–Франция : наука, культура, политика. СПб. : Европейский дом, 2010. С. 576–596.
12. Колоскова Е.Е. Россия и Франция: сотрудничество в области науки и культуры. 1930-е – 1990-е гг. // Исторический архив. 2011. № 1. С. 84–99.
13. Russian-French links in biology and medicine / eds. J.-G. Barbara, J.C. Dupont, E.I. Kolchinsky, M.V. Loskutova. SPb. : Nestor-Historia, 2012. 204 p.
14. «От Атлантики до Урала»: советско-французские отношения. 1956–1973 / науч. ред. и отв. сост. Г.Ж. Мулек. М. : МФД, 2015. 624 с.
15. Черкасов П.П. Отчеты советской делегации о XVII (1980) и XVIII (1981) сессиях советско-французской «малой» комиссии по научно-техническому и экономическому сотрудничеству // Россия и Франция. XVIII–XX века. М. : Весь Мир, 2017. Вып. 12. С. 314–324.
16. Fokin S. Russian zoologists on French soil. Guests – Roscoff Biological Station, hosts – Villefranche Zoological Station // The 9th International Conference of the European Society for the History of Science “Visual, Material and Sensory Cultures of Science” : Program & Book of Abstracts. Bologna, 2020. P. 41.

17. Никольский А.А. Дебют советской биоакустики на международной арене как результат неформального сотрудничества ученых // Историко-биологические исследования. 2023. Т. 15, № 1. С. 171–183.
18. Фандо Р.А. Советско-французские научные связи (1920–1930-е гг.). М. : Янус-К, 2023. 219 с.
19. Пьеррель Ж., Шалимов С.В. «В высшей степени успешно»: советско-французское и советско-германское сотрудничество в области молекулярной биологии в 1979 г. (по материалам симпозиумов в Порт-Кро и Мюнхене) // Вопросы истории естествознания и техники. 2022. Т. 43, № 2. С. 288–299.
20. Шалимов С.В. Становление советско-французского научного сотрудничества в области молекулярной биологии и биохимии в 1960-е гг. (по материалам Института молекулярной биологии им. В.А. Энгельгардта РАН) // Вопросы истории естествознания и техники. 2023. Т. 44, № 4. С. 663–681.
21. Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 579. Оп. 13. Д. 140.
22. АРАН. Ф. 579. Оп. 13. Д. 110.
23. АРАН. Ф. 1979. Оп. 1. Д. 369.
24. Водичев Е.Г. Формирование и развитие международных связей академической науки в Сибири. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1990. 224 с.
25. Шалимов С.В. Развитие международных связей отечественных генетиков в воспоминаниях члена-корреспондента РАН И.А. Захарова-Гезехуса // Историко-биологические исследования. 2020. Т. 12, № 1. С. 95–109.
26. АРАН. Ф. 1979. Оп. 1. Д. 280.
27. АРАН. Ф. 1979. Оп. 1. Д. 330.
28. АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 504.
29. Инге-Вечтомов С.Г. Ретроспектива генетики. СПб. : Изд-во Н-Л, 2015. 335 с.

References

1. Frolova, L.Yu., Kiseleva, K.L., Levina, E.S., Tvardovskaya, S.E. (eds) (2010) *Lev L'vovich Kiselev. Nauka kak istochnik zhiznennogo optimizma* [Lev Lvovich Kiselev. Science as a Source of Life Optimism]. Moscow: U Nikitskikh vorot.
2. Bogdanov, A.A. (ed.) (2022) *Aleksandr Sergeevich Spirin. Zhizn' v nauke* [Aleksandr Sergeevich Spirin. Life in Science]. Moscow: Buki Vedi.
3. Shalimov, S.V. (2021) Sovetsko-frantsuzskie nauchnye svyazi v oblasti molekulyarnoy biologii i biokhimii: interv'yu s akademikom RAN O.I. Lavrik [Soviet-French Scientific Ties in Molecular Biology and Biochemistry: Interview with Academician of the Russian Academy of Sciences O.I. Lavrik]. *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*. 13(3). pp. 136–149.
4. Shalimov, S.V. & Bogdanov, A.A. (2023) Sovetsko-frantsuzskoe nauchnoe sotrudnichestvo v oblasti molekulyarnoy biologii i biokhimii [Soviet-French scientific cooperation in the field of molecular biology and biochemistry]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy*. 14(1). pp. 186–201.
5. Grigoryan, A.T. & Yushkevich, A.P. (1968) *Russko-frantsuzskie nauchnye svyazi* [Russian-French Scientific Ties]. Leningrad: Nauka.
6. Dubinin, Yu.V. & Kelin, V.N. (1979) *SSSR–Frantsiya. Opyt sotrudnichestva (shestidesyatye–semidesyatye gody)* [USSR-France. Cooperation (1960s – 1970s)]. Moscow: Politizdat.
7. Rey, M.-P. (1991) *La tentation du rapprochement: France et URSS à l'heure de la détente (1964–1974)*. Paris: Publications de la Sorbonne.
8. Lyubina, G.I. (1996) *Rossiya i Frantsiya: istoriya nauchnogo sotrudnichestva (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Russia and France: History of Scientific Cooperation (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. Moscow: Yanus.
9. Mazuy-Croquette, R. (2002) Dekada franko-sovetskogo nauchnogo sblizheniya 1934 g. [A Decade of Franco-Soviet Scientific Rapprochement of 1934]. In: Berelovich, V. (ed.) *Otnosheniya mezhdu Rossiey i Frantsiey v evropeyskom kontek-ste (v XVIII–XX vv.). Istoriya nauki i mezhdunarodnye svyazi* [Relations between Russia and France in the European Context (in the 18th–20th Centuries). History of Science and International Relations]. Moscow: INION RAS. pp. 160–166.
10. Osipova, N.M. (2010) Dokumenty po istorii russko-frantsuzskikh nauchnykh svyazey v fondakh Arkhiva RAN [Documents on the History of Russian-French Scientific Relations in the Collections of the Russian Academy of Sciences Archives]. In: Chubaryan, A.O., Lishtenan, F.-D. & Okuneva, O.V. (eds) *Frantsuzy v nauchnoy i intellektual'noy zhizni Rossii XVIII–XX vv.* [The French in the Scientific and Intellectual Life of Russia in the 18th–20th Centuries]. Moscow: OLMA Mediya Grupp. pp. 55–62.
11. Slepkova, N.V., Tikhonova, E.P. & Smirnov, A.V. (2010) Sotrudnichestvo Zoologicheskogo instituta RAN s zoologami Frantsii [Cooperation of the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences with French zoologists]. In: *Sankt-Peterburg–Frantsiya: nauka, kul'tura, politika* [St. Petersburg–France: Science, Culture, Politics]. St. Petersburg: Evropeyskiy dom. pp. 576–596.
12. Koloskova, E.E. (2011) Rossiya i Frantsiya: sotrudnichestvo v oblasti nauki i kul'tury. 1930-e – 1990-e gg. [Russia and France: Cooperation in Science and Culture. 1930s–1990s]. *Istoricheskiy arkhiv*. 1. pp. 84–99.
13. Barbara, J.-G., Dupont, J.C., Kolchinsky, E.I. & Loskutova, M.V. (2012) *Russian-French Links in Biology and Medicine*. St. Petersburg: Nestor-Historia.
14. Mulek, G.Zh. (2015) *"Ot Atlantiki do Urala": sovetsko-frantsuzskie otnosheniya. 1956–1973* ["From the Atlantic to the Urals": Soviet-French Relations. 1956–1973]. Moscow: MFD.
15. Cherkasov, P.P. (2017) Otchety sovetskoy delegatsii o XVII (1980) i XVIII (1981) sessiyakh sovetsko-frantsuzskoy "maloy" komissii po nauchno-tekhnicheskomu i ekonomicheskomu sotrudnichestvu [Reports of the Soviet delegation on the 17th (1980) and 18th (1981) sessions of the Soviet-French "small" commission on scientific, technical and economic cooperation]. *Rossiya i Frantsiya. XVIII–XX veka*. 12. pp. 314–324.
16. Fokin, S. (2020) Russian zoologists on French soil. Guests – Roscoff Biological Station, hosts – Villefranche Zoological Station. *Visual, Material and Sensory Cultures of Science*. The 9th International Conference of the European Society for the History of Science. Program & Book of Abstracts. Bologna. p. 41.
17. Nikolskiy, A.A. (2023) Debyut sovetskoy bioakustiki na mezhdunarodnoy arene kak rezul'tat neformal'nogo sotrudnichestva uchenykh [The debut of Soviet bioacoustics in the international arena as a result of informal cooperation of scientists]. *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*. 15(1). pp. 171–183.
18. Fando, R.A. (2023) *Sovetsko-frantsuzskie nauchnye svyazi (1920–1930-e gg.)* [Soviet-French scientific ties (1920–1930s)]. Moscow: Yanus-K.
19. Pierrell, J. & Shalimov, S.V. (2022) "V vysshey stepeni uspeshno": sovetsko-frantsuzskoe i sovetsko-germanskoe sotrudnichestvo v oblasti molekulyarnoy biologii v 1979 g. (po materialam simpoziumov v Port-Kro i Myunkhene) ["Extremely successful": Soviet-French and Soviet-German cooperation in molecular biology in 1979 (based on materials from symposia in Port-Cros and Munich)]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 43(2). pp. 288–299.
20. Shalimov, S.V. (2023) Stanovlenie sovetsko-frantsuzskogo nauchnogo sotrudnichestva v oblasti molekulyarnoy biologii i biokhimii v 1960-e gg. (po materialam Instituta molekulyarnoy biologii im. V.A. Engel'gardta RAN) [Formation of Soviet-French scientific cooperation in molecular biology and biochemistry in the 1960s (based on materials from the Engelhardt Institute of Molecular Biology of the Russian Academy of Sciences)]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 44(4). pp. 663–681.
21. The Archives of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 579. List 13. File 140.
22. The Archives of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 579. List 13. File 110.
23. The Archives of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1979. List 1. File 369.

24. Vodichev, E.G. (1990) *Formirovanie i razvitie mezhdunarodnykh svyazey akademicheskoy nauki v Sibiri* [Formation and development of international relations of academic science in Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
25. Shalimov, S.V. (2020) Razvitie mezhdunarodnykh svyazey otechestvennykh genetikov v vospominaniyakh chlena-korrespondenta RAN I.A. Zakharova-Gezekhusa [Development of international relations of domestic geneticists in the memoirs of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences I.A. Zakharov-Gezekhus]. *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*. 12(1). pp. 95–109.
26. The Archives of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1979. List 1. File 280.
27. The Archives of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1979. List 1. File 330.
28. The Archives of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 6. File 504.
29. Inge-Vechtomov, S.G. (2015) *Retrospektiva genetiki* [Retrospective of Genetics]. St. Petersburg: Izd-vo N-L.

***Сведения об авторе*:**
Шалимов Сергей Викторович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российский академии наук (Москва, Россия). E-mail: sshal85@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Shalimov Sergey V. – PhD in History, leading researcher of the S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: sshal85@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.02.2023; принята к публикации 12.09.2024

The article was submitted 02.02.2023; accepted for publication 12.09.2024

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Научная статья
УДК 378::364.1
doi: 10.17223/19988613/91/24

Факторы эксклюзии в малых группах (на примере Большого университета г. Томска)

Валентина Ивановна Зиновьева[1], Максим Валерьевич Берсенев[2], Ольга Тимофеевна Лойко[3]

[1, 2] Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия
[3] Томский политехнический университет, Томск, Россия
[1] valentina.zinoviyeva@gmail.com
[2] m.bersenev@gmail.com
[3] olgaloyko@tpu.ru

Аннотация. Исследуются основные факторы, способные приводить к формированию социальной эксклюзии в студенческих группах. Анализ, основанный на данных исследования, проведенного среди студентов шести вузов г. Томска: ТУСУРа, ТГУ, ТПУ, СибГМУ, ТГАСУ и ТГПУ, – приводит к выводу, что в целом ситуация с эксклюзией в рамках Большого университета г. Томска является удовлетворительной. Однако отмечается, что среди студентов названных вузов распространено недоверие по отношению к другим социальным группам, а также высокий уровень тревожности значительной доли респондентов.
Ключевые слова: эксклюзия, факторы эксклюзии, групповые отношения

Благодарности: Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука», код научной темы FEWM-2023-0013.

Для цитирования: Зиновьева В.И., Берсенев М.В., Лойко О.Т. Факторы эксклюзии в малых группах (на примере Большого университета г. Томска) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 200–207. doi: 10.17223/19988613/91/24

Original article

Factors of Exclusion in Small Groups within the Framework of the Big University of Tomsk

Valentina I. Zinovieva[1], Maxim V. Bersenev[2], Olga T. Loyko[3]

[1, 2] Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation
[3] Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation
[1] valentina.zinoviyeva@gmail.com
[2] m.bersenev@gmail.com
[3] olgaloyko@tpu.ru

Abstract. This article is dedicated to the phenomenon of exclusion among small groups of students at the Big University of Tomsk. Researchers classify academic groups of students as small groups whose members are united by common social activities and are in direct personal contact. It is the basis for the emergence of emotional relationships, group norms, etc. This article studied, through a sociological survey, the factors of exclusion in the academic groups of the Big University of Tomsk. In addition, the authors attempted to identify the relationships among the factors underlying this phenomenon. This study was conducted on the basis of a survey elaborated by psychologist Masim Shulmin. The survey consisted of 61 questions with three possible answers: “never”, “sometimes”, and “always”. The authors grouped these questions into nine factors of exclusion: auto aggression, external aggression, group aggression, isolation, conformism, non-conformism, mistrust, low self-esteem, rejection, and restlessness. The authors then calculated the percentage of answers to each question for each factor. Option “sometimes” cannot tell us anything, so the authors looked at two other options: “never” and “always”. The research revealed the following conclusions. Respondents showed low rates of auto aggression, conformism, and nonconformism. The students demonstrate a high level of external aggression, but they are

© В.И. Зиновьева, М.В. Берсенев, О.Т. Лойко, 2024

not ready for active violence, only for verbal abuse. The most distressing factors revealed were low self-esteem, misturst of society, and high levels of restlessness. Although we can explain these results by the specialties of the students' age, they can be the basis of exclusion. Students with low self-esteem, as well as distrustful and restless students cannot integrate themselves into their academic groups, so the risk of exclusion is increasing. The authors believe that it is at these points that social risks can be hidden, which in the future, if not paid attention to, can lead to unpleasant excesses. However, in general, the situation at all universities is relatively favorable.
Keywords: exclusion, factors of exclusion, group relations

Acknowledgements: The work is funded within the framework of the basic part of the state task "Science" FEWM-2023-0013.

For citation: Zinovieva, V.I., Bersenev, M.V., Loyko, O.T. (2024) Factors of Exclusion in Small Groups within the Framework of the Big University of Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 91. pp. 200–207. doi: 10.17223/19988613/91/24

Социальная активность человека проявляется через выполнение им своих социальных ролей и участие в тех или иных общественных группах. В качестве таких групп на разных этапах выступают семья, творческие, спортивные, образовательные, производственные и тому подобные коллективы. Для формирования поведения человека важной является совокупность его связей. Одни группы усиливают его идентичность (семья), другие – нивелируют (школа), но компенсируют это приобретением навыков взаимодействия в тех системах, которые подготавливают к самостоятельной жизни, дают средства к существованию. К последним относятся все образовательные учреждения. В высшей школе приобретаются не только профессиональные знания, но и этика взаимодействия с людьми, компетенции вербальной коммуникации, поведенческие стереотипы.

Академические группы студентов исследователи относят к типу малых групп, члены которых объединены общей социальной деятельностью, находятся в непосредственном личном контакте, что является основой для возникновения эмоциональных отношений, групповых норм и т.п. Численность таких групп колеблется, но не превышает 20–30 человек, в среде которых, в свою очередь, могут создаваться новые малые группы. Во всех этих коллективах на основе сходства интересов формируются устойчивые и долговременные связи.

В целом проблемы малых групп можно отнести к числу недостаточно разработанных в отечественной литературе, они изучались преимущественно специалистами по социальной психологии, в том числе отечественными авторами. В советский период, в 80-е гг. XX в., появилась работа Л.И. Уманского и А.Н. Лутошкина «Студенческая группа и групповая психология», которая в настоящее время размещена в интернет-пространстве на страницах «Психологической газеты» [1] по инициативе профессора С.В. Сарычева для обсуждения. Статья не утратила актуальности и сегодня, в ней авторы утверждали, что группу надо рассматривать как целостную систему и как часть более широкой общности (курса, факультета и т.д.). Л.И. Уманский разработал концепцию групповой активности и параметрический подход к оценке групповой деятельности. Он утверждал, что студенческий возраст, период с 18 до 25 лет, характеризуется стабильной социализацией и формированием устойчивых свойств личности [1]. Оба автора обращали внимание на то, что в каждой группе «существуют своя система отношений, эталоны поведения, психологическая атмосфера», ставили задачу выявлять «особенности коллективного общения, внутригруппового взаимодействия» [1].

Интерес к этой проблематике возрастает в настоящее время в связи с активизацией системного подхода в рамках практики социальной работы в высшей школе. В частности, продолжается изучение межличностного взаимодействия, создания позитивной атмосферы, рисков эксклюзии (исключения, отторжения, отчуждения) в малых группах. В монографии А.В. Сидоренкова и И.И. Сидоренковой рассматриваются структура, значение и место этих групп в социально-экономических отношениях. Исследователи отметили актуальность вывода социального психолога Э. Мэйо о том, что группы вырабатывают собственную мораль, оказывают сильное влияние на новых членов и что в малых группах «неформальные отношения нельзя пускать на самотек, ими необходимо управлять» [2. С. 14]. Тема продолжает рассматриваться также другими авторами [3, 4].

В зарубежной социальной психологии этот подход подробно разрабатывался с 20–30 гг. XX в. К. Левиным, Ч. Гарвиным, Э. Шау, М Хартфордом. Так, К. Левин утверждал, что «субъективный», психологический мир индивида, его жизненное пространство подвергаются влиянию социальных фактов и социальных ожиданий, ребенок способен воспринимать и различать дружелюбие и недружелюбие другого человека раньше, чем различать те линии мимики лица, которые выражают эти отношения, что социальные явления, «идеологии» одних людей прямо влияют на поведение других, а само человеческое поведение – это или направленное действие, или эмоциональное выражение [5. С. 130–131].

Как известно, группа – это такая целостность, которая всегда больше, чем сумма ее частей. Один из исследователей, Э. Шау, отмечал, что люди, обладающие сходными взглядами, с большей вероятностью вызывают симпатию друг у друга, что приводит к большей групповой сплоченности, но тем не менее «группа будет более действенна, если ее члены обладают различными способностями и личными особенностями». [5. С. 48–49].

В свою очередь, Ч. Гарвин считал, что для понимания поведения человека важно изучение его связей в различных группах. Теория малых групп сложилась в социальной работе в 50–60 гг. XX в. Такая группа определялась исследователями как осознаваемая всеми входящими в нее как целостность, для которой ха-

рактерны общие цели, сходные интересы в отличие от общностей, где взаимодействие слабое. [6. С. 44]. Рассматривая малую группу, Гарвин выделял также особенности социального поведения, образцы межличностного настроения (эмоции), лидерство, статусные отношения. Соответственно, эти системы создавали механизмы разрешения вопросов интеграции, поддержания баланса действий, традиций, адаптации к окружающей среде, достижения целей. [6. С. 46]. Социально-эмоциональные действия при этом квалифицировались как позитивные, если они способствовали снижению напряженности и росту солидарности или как негативные, если имели противоположную направленность.

Малые группы, включая академические группы студентов, представляют собой открытые системы, они обмениваются информацией и ресурсами с окружающей средой, хотя и сформированы на основе организационных принципов. Групповая структура, по мнению С. Гарвина и Э. Шау, имеет несколько аспектов, включает предпочтения, симпатии, отторжения, коммуникацию (кто с кем вербально или невербально общается), ролевые статусы, созданные в группе, и то, как люди соответствуют им [6. С. 49]. Наряду с формальными есть также неформальные роли. Групповой процесс (этапы развития малых групп, в том числе учебных) происходит в зависимости от содержания деятельности группы и взаимодействия между ее членами. Некоторые аспекты этого процесса можно видеть в открытом поведении членов группы, тогда как другие являются скрытыми, и их можно обнаружить в ходе анонимных социологических опросов.

Не менее интересным в теории малых групп является вывод о влиянии окружающей среды на групповой климат. Внешняя среда может влиять на усвоение группой определенной системы культурных ценностей, приписывать высокий или низкий статус индивидуумам вследствие их членства в других группах, а физическое окружение может влиять на внутригрупповые условия и взаимодействия. «Система ценностей определенной группы может являться фактором систематического обесценивания и исключения из нее некоторых индивидов» [7. С. 19]. Критика или одобрение со стороны лидеров являются рычагами, способствующими или препятствующими открытости и развитию потенциала группы.

Одна из острых проблем в малых группах – «нанесение вреда» т.е. принуждение, давление со стороны большинства, эксклюзия (исключение) и пр., когда тех или иных членов вынцждают выражать эмоции, делиться личной информацией, что может приводить к стигматизации и необдуманным поступкам. Риски развития таких стрессовых ситуаций требуют внимания со стороны кураторов, административных структур. Для сохранения баланса интересов в академических группах студентов вузов требуются проведение экспертной оценки ситуации, нуждаемости в помощи, выявление совокупности проблем и определение плана действий с тем, чтобы не «пускать на самотек» развитие событий.

Цель данной статьи – изучить посредством социологического опроса факторы эксклюзии, «давления со стороны большинства» в академических группах Большого университета г. Томска, выявить взаимосвязи факторов этого феномена.

Группа в своем развитии (по М. Хартфорду) проходит следующие этапы:

1) догрупповой;

2) фаза формирования группы (оргвопросы);

3) этап интеграции, дезинтеграции, конфликтная реорганизация, фаза реорганизационного синтеза;

4) функционирование группы;

5) завершающая фаза.

Понятие догрупового этапа означает, что бóльшая часть того, что произойдет с группой, закладывается до ее формирования. Применительно к вузу все, кто формирует академическую группу, подбирают ее членов по приблизительным характеристикам, далее они объясняют цели, направления деятельности, содержание учебного процесса, порядок работы в вузе [6. С. 51]. После завершения организационного формирования, знакомств наступает период конфликтности. Этот период приходится на I, в основном на II и отчасти на III курсы обучения,

Для определения основных рисков, с которыми сталкиваются студенты томских вузов (Большого университета г. Томска) в процессе обучения, мы использовали опросник, составленный М.П. Шульминым. На основании анализа существующих в психологии исследований социальной эксклюзии он выявил признаки переживания людьми эксклюзии как исключения в социальных отношениях [7]. Гипотезой опроса выступил тезис о возможности частичной эксклюзии в малых группах Большого университета г. Томска в соответствии с периодом конфликтности на младших (I, II и частично III) курсах.

Опрос проводился в ноябре–декабре 2023 г. с помощью заполнения бумажных форм и гугл-форм. В опросе приняли участие 609 студентов шести вузов Томска: ТГУ, ТПУ, ТУСУРа, ТГПУ, ТГАСУ и СибГМУ. Из них 255 человек юноши, 354 девушки. 43 человека имеют возраст 17 лет, 267 человек – 18 лет, 69 человек – 19 лет, 98 человек – 20 лет, 70 человек – 21 год, остальные – 22 года и старше. Таким образом, большинство респондентов (из 609 студентов 379) обучаются как раз на I–III курсах, для которых характерен этап интеграции и конфликтности. Напряженность может быть вызвана типом лидера, который вызывает возражения, различием мнений о методах достижения целей или решения групповых задач. Происходят снижение групповой сплоченности, разделение группы на более малочисленные подгруппы до наступления реорганизации; могут приходить новые и уходить старые члены группы. После нескольких конфликтных фаз прилагаются усилия для решения проблем, а затем, обычно к IV курсу, наступает этап реорганизации, или синтеза (оптимальной степени сближения) противоположных взглядов. На последней фазе функционирование группы прекращается, но обычно и после завершения всего процесса долгие годы сохраняются контакты, поддерживаются взаимосвязи.

Для проведения анализа мы сгруппировали вопросы в более крупные группы, каждая из которых указы-

вает на определенный риск. Так, существуют вопросы, ответы на которые означают, что студент склонен к нанесению вреда себе (показатель аутоагрессии) и другим людям (внешняя агрессия), склонен к агрессивному исключению из своей группы непохожих (групповая агрессия), ощущает себя изолированным от окружающих (изоляция), а также склонен подчиняться всем мнениям группы (конформизм) либо пренебрегать мнением группы (нонконформизм), с опаской относится к людям (недоверие), чувствует себя отверженным (тревожность).

Часть рисков, которые указывают на наличие у респондента внешней агрессии, групповой агрессии, отверженности, тревожности, изоляции и недоверия, свидетельствуют о факторе прямой эксклюзии, которая проявляется им или в отношении него самого. Другая часть факторов – принадлежность к группе, аутоагрессия, низкая самооценка, конформизм, нонконформизм – в большей степени относятся к вопросу самоидентичности личности, следованию своим установкам и архетипу в структуре своего сознания.

Надо сказать, что существуют критерии для каждого показателя и каждого вопроса. Так, если основная часть людей показывает большинство ответов «иногда» по вопросам показателя «конформизм», это норма. Необходимо обращать внимание на излишне завышенный или заниженный уровень ответов «регулярно» или «никогда» по тому или другому показателю.

Список вопросов с привязкой к показателям представлен в табл. 1. Каждый из этих показателей, за который отвечают определенные вопросы анкеты, можно проанализировать как в целом, так и по отдельным вузам. Таким образом, мы будем различать, какие ответы в каждом блоке свидетельствуют о существовании факторов социальных рисков (табл. 2)

Таблица 1

Вопросы анкеты и показатели социальных рисков

Вопросы	Показатели
Мне бывает стыдно перед людьми	Аутоагрессия
Я курю	Аутоагрессия
Я употребляю алкоголь	Аутоагрессия
Я пытаюсь причинить себе вред	Аутоагрессия
Я увлекаюсь рискованными видами деятельности	Аутоагрессия
Своим поведением я наношу вред своему здоровью	Аутоагрессия
Меня посещают мысли о самоубийстве	Аутоагрессия
Люди могут вызывать у меня гнев	Внешняя агрессия
Я бываю агрессивным в своем поведении	Внешняя агрессия
Я стремлюсь отомстить окружающим	Внешняя агрессия
Я критикую бывших товарищей	Внешняя агрессия
Я пытаюсь сделать другим что-нибудь плохое	Внешняя агрессия
Я отвергаю людей, непохожих на моих товарищей	Групповая агрессия
Я с предубеждением отношусь к социальным группам, к которым не принадлежу	Групповая агрессия
Все члены моей группы имеют сходства друг с другом	Групповая агрессия
Я испытываю враждебность по отношению к другим социальным группам	Групповая агрессия
Я воспринимаю себя изолированным от людей	Изолированность
Я чувствую разрыв связей с другими людьми	Изолированность
Я чувствую, что не принадлежу ни одной из социальных групп	Изолированность
Я думаю, что другие люди отвергают меня	Изолированность
Мне кажется, что товарищи покинули меня	Изолированность
Я чувствую утрату поддержки со стороны людей	Изолированность
У меня есть потребность принадлежать к определенной социальной группе	Конформизм
У меня возникает желание, чтобы люди нуждались во мне	Конформизм
Я испытываю ревность в отношениях с людьми	Конформизм
Я стараюсь быть полезным для общества	Конформизм
Я пытаюсь понравиться людям	Конформизм
Я все делаю ради своей социальной группы	Конформизм
Я полностью согласен с мнением моей группы	Конформизм
Я стремлюсь вызвать к себе любовь со стороны людей	Конформизм
Я стремлюсь быть похожим на других людей	Конформизм
Я стремлюсь показать товарищам, что выполняю все нормы своей группы	Конформизм
Я разочаровываюсь в людях	Недоверие
Я не доверяю людям	Недоверие
Я не хочу искать новых отношений с людьми	Недоверие
Люди предвзято относятся ко мне	Недоверие
Я не хочу поддерживать других людей	Недоверие
Я не хочу общаться с теми, кто может меня отвергнуть	Недоверие
У меня нет желания работать над задачей совместно с другими людьми	Недоверия
Моя жизнь мало удовлетворяет меня	Низкая самооценка
Моя жизнь кажется мне малозначимой	Низкая самооценка
Я мало надеюсь на будущее	Низкая самооценка
Я чувствую себя неуспешным в отношениях с людьми	Низкая самооценка

Окончание табл. 1

Вопросы	Показатели
Удовлетворение моих потребностей мало зависит от меня	Низкая самооценка
Мне кажется, что передо мной стоят непреодолимые препятствия	Низкая самооценка
Я низко оцениваю свои способности	Низкая самооценка
Я воспринимаю себя ущербным человеком	Низкая самооценка
Я считаю, что мое здоровье хуже, чем у других	Низкая самооценка
Я веду себя вопреки нормам общества	Нонконформизм
Я хочу отдалиться от бывших товарищей	Нонконформизм
Я переживаю тревогу в отношениях с людьми	Отверженность
Я ожидаю, что люди отвернутся от меня	Отверженность
Меня посещает чувство грусти	Тревожность
Я нахожусь в подавленном состоянии	Тревожность
Я оцениваю свое психическое состояние как неблагополучное	Тревожность
У меня обостренная чувствительность к боли	Тревожность
Я не заглядываю далеко в будущее	Тревожность
Мне снятся ночные кошмары	Тревожность
Меня преследуют навязчивые мысли	Тревожность
Я не могу избавиться от определенных образов в моей голове	Тревожность
Я воспринимаю угрозу самостоятельному удовлетворению своих потребностей	Тревожность

Таблица 2

Показатели социальных рисков (сводная таблица по вузам, ответы в процентах)

Показатели	Вопросы	Никогда	Иногда	Регулярно
Аутоагрессия	Мне бывает стыдно перед людьми	16,7	73,7	9,5
	Я курю	58,9	20,9	20,2
	Я употребляю алкоголь	38,9	55,2	5,9
	Я пытаюсь причинить себе вред	85,4	12,8	11
	Я увлекаюсь рискованными видами деятельности	72,6	23,2	4,3
	Своим поведением я наношу вред своему здоровью	63,5	31,2	5,3
	Меня посещают мысли о самоубийстве	82,3	14,4	3,3
Внешняя агрессия	Люди могут вызывать у меня гнев	12,2	70,8	17,1
	Я бываю агрессивным в своем поведении	34,5	57,3	8,2
	Я стремлюсь отомстить окружающим	77,7	20,2	2,1
	Я критикую бывших товарищей	56,2	39,9	3,9
	Я пытаюсь сделать другим что-нибудь плохое	85,2	13,3	1,5
Групповая агрессия	Я отвергаю людей, непохожих на моих товарищей	72,4	25,1	2,5
	Я с предубеждением отношусь к социальным группам, к которым не принадлежу	56,2	38,8	5,1
	Все члены моей группы имеют сходства друг с другом	25,3	63,2	11,5
	Я испытываю враждебность по отношению к другим социальным группам	77,5	20,5	2
Изолированность	Я воспринимаю себя изолированным от людей	60,9	32,7	6,4
	Я чувствую разрыв связей с другими людьми	39,2	54,2	6,6
	Я чувствую, что не принадлежу ни одной из социальных групп	67	26,1	6,9
	Я думаю, что другие люди отвергают меня	60,6	35,1	4,3
	Мне кажется, что товарищи покинули меня	67,2	29,4	3,4
	Я чувствую утрату поддержки со стороны людей	57	36,3	6,7
Конформизм	У меня есть потребность принадлежать к определенной социальной группе	28,6	54	17,4
	У меня возникает желание, чтобы люди нуждались во мне	21,8	62,1	16,1
	Я испытываю ревность в отношениях с людьми	36,1	52,1	11,8
	Я стараюсь быть полезным для общества	7,6	46,3	46,1
	Я пытаюсь понравиться людям	18,7	51,1	30,2
	Я все делаю ради своей социальной группы	27,6	58,3	14,1
	Я полностью согласен с мнением моей группы	14,9	76	9
	Я стремлюсь вызвать к себе любовь со стороны людей	30,2	48,8	21
	Я стремлюсь быть похожим на других людей	50,7	43,3	5,9
	Я стремлюсь показать товарищам, что выполняю все нормы своей группы	36,3	48,8	14,9
Недоверие	Я разочаровываюсь в людях	11,8	72,9	15,3
	Я не доверяю людям	23,3	62,2	14,4
	Я не хочу искать новых отношений с людьми	46,5	43,8	9,7
	Люди предвзято относятся ко мне	55,5	40,6	3,9
	Я не хочу поддерживать других людей	57,1	39,4	3,4
	Я не хочу общаться с теми, кто может меня отвергнуть	30,7	46	23,3
	У меня нет желания работать над задачей совместно с другими людьми	46,1	48,6	5,3
Низкая самооценка	Моя жизнь мало удовлетворяет меня	49,6	39,9	10,5
	Моя жизнь кажется мне малозначимой	66,2	24,8	9
	Я мало надеюсь на будущее	60,1	31,9	8
	Я чувствую себя неуспешным в отношениях с людьми	55,7	36,3	8

Окончание табл. 2

Показатели	Вопросы	Никогда	Иногда	Регулярно
	Удовлетворение моих потребностей мало зависит от меня	63,2	32,7	4,1
	Мне кажется, что передо мной стоят непреодолимые препятствия	46	48,4	5,6
	Я низко оцениваю свои способности	39,7	47,5	12,8
	Я воспринимаю себя ущербным человеком	75,9	18,9	5,3
	Я считаю, что мое здоровье хуже, чем у других	59,1	32,5	8,4
Нонконформизм	Я веду себя вопреки нормам общества	61,4	32,5	6,1
	Я хочу отдалиться от бывших товарищей	45	45,3	9,7
Отверженность	Я переживаю тревогу в отношениях с людьми	31,2	56,2	12,6
	Я ожидаю, что люди отвернутся от меня	55,5	34,8	9,7
Тревожность	Меня посещает чувство грусти	10,5	67,2	22,3
	Я нахожусь в подавленном состоянии	28,9	58	13,1
	Я оцениваю свое психическое состояние как неблагополучное	57,6	30,4	12
	У меня обостренная чувствительность к боли	60,3	30	9,7
	Я не заглядываю далеко в будущее	39,2	48,8	12
	Мне снятся ночные кошмары	45,5	48,9	5,6
	Меня преследуют навязчивые мысли	39,9	44	16,1
	Я не могу избавиться от определенных образов в моей голове	48,6	39,7	11,7
	Я воспринимаю угрозу самостоятельному удовлетворению своих потребностей	74,1	23,8	2,1

По общим результатам (по всем вузам в целом) мы можем сделать следующие выводы.

Риск аутоагрессии (умышленного причинения себе вреда) в данной выборке можно оценить как умеренный. Вызывает беспокойство, что более 40% иногда или регулярно курят и более половины иногда употребляют алкоголь. Тем не менее другие ответы демонстрируют, что подавляющая часть респондентов не ведет саморазрушающий образ жизни: они не рискуют чрезмерно, не наносят вред своему здоровью (хотя около трети все же ответили «иногда»), редко или никогда не думают о самоубийстве. 3,3% думающих о самоубийстве регулярно вызывают тревогу, однако это индивидуальные случаи, с которыми надо работать кураторам в конкретных группах. Студенты вузов в основном не демонстрируют саморазрушающего поведения и в этом направлении; как нам кажется, не следует ждать очень много неприятных новостей.

Внешняя агрессия по отношению вообще ко всем людям прослеживается более ярко, мы оценили бы риск возникновения агрессивных действий как средний. Тем не менее, скорее, она будет проявляться в ссорах, а не в физических враждебных действиях (70,8% признались, что люди иногда могут вызывать у них гнев, однако только 57,3% указали, что могут быть агрессивными в поведении изредка). Тем не менее подчеркнем, что одна пятая часть отметила, что иногда стремится к мести, хотя другой вопрос из той же серии – «Я пытаюсь сделать другим что-нибудь плохое» – не набрал 15% из совокупности ответов «иногда» и «регулярно». Студенты могут быть склонны к ссорам, проявлению гнева на словах, чуть больше половины иногда готовы перейти к агрессивным действиям. Риски ссор и иногда драк в выборке выше, чем риск причинения вреда самому себе.

Групповая агрессия, направленная группы на людей, которые не являются ее частью, проявляется тоже, скорее, умеренно. 72,4% считают, что никогда не будут отвергать людей, непохожих на их товарищей. Более трети иногда относятся с предубеждением к другим социальным группам, но больше половины никогда так не делают. 63,2% заявили, что все члены их группы иногда имеют сходство друг с другом, но это, как нам кажется, результат нормальный и не свидетельствует о склонности к исключению из коллектива непохожих людей. Враждебность по отношению к другим социальным группам испытывают иногда только 20,5%, в то же время 77,5% такой враждебности не испытывает никогда. Если судить по всей совокупности ответов, риск эксклюзии у человека, попавшего в коллектив студентов томских вузов, ниже среднего. Даже если где-то и возникнет что-то, похожее на буллинг, онд будет иметь умеренный характер и скорее всего не будет иметь физических проявлений.

Показатели конформизма и нонконформизма тоже в целом соответствуют норме. Бóльшая часть ответов свидетельствует о том, что большинство студентов понимают, что как минимум иногда правила группы следует принимать, соглашаются с этим. В свою очередь, мы не видим данных, свидетельствующих, что студенты патологически зависят от мнения референтных групп, например всегда полностью согласны с общим мнением группы (9%) или стремятся показать это товарищам (14,9%). В целом риск подавления группой индивидуальности студентов невысок, в академических группах ощущается свобода проявления индивидуальности, но именно такая, которая не мешает свободе других. При этом показатели нонконформизма тоже не являются запредельными. Студенты ведут себя вопреки нормам общества только иногда в 32,5%, и всегда – в 6,1%. Мы полагаем, что для их возраста и рода занятий это совершенно нормальный результат, никак не угрожающий стабильности общества.

Вызывают тревогу показатели ощущения изолированности и отверженности респондентов от социальных групп. Студенты демонстрируют умеренную изоляцию от общества: они ощущают ее, по разным ответам, от 26,1% до 54,2% случаев. Всегда одинокими считают себя единицы, и это поле для работы кураторов и психологов отдельных вузов, мы же оценим общий показатель риска изоляции студентов как средний. То же самое можно сказать и о показателях отверженности.

К этим ответам примыкает группа ответов на показатель «недоверие к обществу». Подавляющее боль-

шинство респондентов иногда или всегда разочаровываются в людях, 62,2% иногда им не доверяют, около 40% в тех или иных вариациях отвечали, что не хотят поддерживать других людей, работать в команде, общаться и т.д. Мы полагаем, что эти результаты связаны. Ощущение изолированности и отверженности вызвано чувством недоверия к обществу и отдельным людям. Хотя на эти вопросы сравнительно немного ответов «регулярно», однако риск разобщенности коллективов из-за недоверия мы оценим как средний.

Студенты также демонстрируют довольно высокие показатели риска низкой самооценки и связанных с ней проблем. Хотя регулярно чувствуют свою малозначимость от 4 до 12%, иногда это испытывают уже от четверти до половины респондентов. У студентов есть проблемы заниженной самооценки. Однако все же риск таких проблем мы оценим как средний.

Наиболее серьезное внимание мы хотели бы обратить на показатель тревожности. Студенты время от времени находятся в подавленном состоянии (58%), считают, что у них не все в порядке с психикой (30,4%), боятся будущего, испытывают навязчивые мысли и т.д. В целом можно оценить состояние тревожности и депрессии респондентов как выше среднего. Здесь, вероятно, могут возникать и другие социальные риски, происходящие из этого состояния.

Таким образом, в целом по вузам студенты в меньшей степени склонны проявлять аутоагрессию и в большей – агрессию, направленную на внешний мир. Риски эксклюзии в целом по всем вузам можно считать умеренными, при правильной работе кураторов и преподавателей можно свести их почти к нулю. Пожалуй, не составляет практически никакой проблемы риск подавления личности студента другими членами его референтной группы. Больше озадачивает то, что студенты склонны не доверять другим людям, испытывают чувство изоляции, низкую самооценку и высокую тревожность. С одной стороны, это можно объяснить вынужденным маргинальным положением студенчества – это возраст неуверенности в будущей карьере, большой неопределенности в жизни. Кроме того, переход от школы к вузу вполне может способствовать падению самооценки в связи с новыми требованиями к учебе. Высокая тревожность может быть связана с предыдущими пунктами. Однако мы полагаем, что именно в этих точках могут скрываться социальные риски, которые в дальнейшем, если не обращать на них внимания, способны привести к неприятным эксцессам. Но в целом по всем вузам ситуация относительно благополучна.

Список источников

1. Уманский Л.И., Лутошкин А.Н. Студенческая группа и групповая психология // Психологическая газета. 2021. 29 окт. URL: https://psy.su/feed/9507/ (дата обращения: 03.04.2024).
2. Сидоренков А.В., Сидоренкова И.И. Эффективность малых групп в организации. Социально-психологические и организационно-деятельностные аспекты. Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2011. 256 с.
3. Домрачева С.А. Социально-психологические аспекты развития студенческой группы // Образовательные ресурсы и технологии. 2020. № 3 (31). С. 23–28.
4. Белянская Т.З. Социально-психологические характеристики студенческого возраста // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 3 (55). С. 337–344.
5. Левин К. Теория поля в социальных науках / пер. с нем. Е.А. Сурпиной. 3-е изд. М. : Акад. проект, 2019. 313 с.
6. Энциклопедия социальной работы : пер. с англ. : в 3 т. М. : Центр общечеловеческих ценностей, 1994. Т. 2. 441 с.
7. Шульмин М.П. Психологические факторы переживания личностью социальной эксклюзии // Сибирский психологический журнал. 2018. № 70. С. 17–33.

References

1. Umanskiy, L.I. & Lutoshkin, A.N. (2021) Studencheskaya gruppa i gruppovaya psikhologiya [The student group and group psychology]. *Psikhologicheskaya gazeta*. 29th October. [Online] Available from: https://psy.su/feed/9507/ (Accessed: 3rd April 2024).
2. Sidorenkov, A.V. & Sidorenkova, I.I. (2011) *Effektivnost' malykh grupp v organizatsii. Sotsial'no-psikhologicheskie i organizatsionno-deyatel'nostnye aspekty* [Efficiency of small groups in an organization. Social-psychological and organizational-activity aspects]. Rostov on Don: YuFU.
3. Domracheva, S.A. (2020) Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty razvitiya studencheskoy gruppy [Social and psychological aspects of the development of a student group]. *Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii*. 3(31). pp. 23–28.
4. Belyanskaya, T.Z. Sotsial'no-psikhologicheskie kharakteristiki studencheskogo vozrasta [Social and psychological characteristics of student age]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3(55). pp. 337–344.
5. Levin, K. (2019) *Teoriya polya v sotsial'nykh naukakh* [Field Theory in Social Sciences]. Translated from German by E.A. Surpina. 3rd ed. Moscow: Akad. Proekt.
6. Kunelskiy, L.E. & Matskovskiy, M.S. (eds) (1994) *Entsiklopediya sotsial'noy raboty* [Encyclopedia of Social Work]. Translated from English. Vol. 2. Moscow: Tsentr obshchechelovecheskikh tsennostey.
7. Shulmin, M.P. (2018) Psikhologicheskie faktory perezhivaniya lichnost'yu sotsial'noy eksklyuzii [Psychological factors of an individual's experience of social exclusion]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal*. 70. pp. 17–33.

***Сведения об авторах*:**

Зиновьева Валентина Ивановна – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: valentina.i.zinovyeva@tusur.ru

Берсенев Максим Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: m.bersenev@gmail.com

Лойко Ольга Тимофеевна – доктор философских наук, профессор школы общественных наук Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: olgaloyko@tpu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Zinoviyeva Valentina I. – Candidate of History, Professor of the Chair of History and Social Work of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: valentina.i.zinovyeva@tusur.ru
Bersenev Maxim V. – Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of History and Social Work of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: m.bersenev@gmail.com
Loyko Olga T. – Doctor of Philosophy, Professor School of Social Sciences, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olgaloyko@tpu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.04.2024; принята к публикации 12.09.2024

The article was submitted 04.04.2024; accepted for publication 12.09.2024

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2024 № 91

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 21.10.2024 г. Формат 60x84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 26,0. Усл. печ. л. 24,2. Тираж 50 экз. Заказ № 6043. Цена свободная.

Дата выхода в свет 28.10.2024 г.

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – Е.А. Михайлицина, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет
Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: **http://journals.tsu.ru/history**

Founder – Tomsk State University
Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:
TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Publisher:
Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru